Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Пространства коммуникации: язык, литература, медиа

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию Иркутского государственного университета
18–21 сентября 2018 г.

ИРКУТСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИГУ
2018

УДК 80(063)+070
ББК 81
П82

Печатается по решению ученого совета
факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ

Ответственный редактор
кандидат филологических наук *О. Л. Михалёва*

П82 **Пространства** коммуникации: язык, литература, медиа : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Иркут. гос. ун-та. 18–21 сент. 2018 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред. О. Л. Михалёва. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 579 с.
ISBN 978-5-9624-1640-3

В материалах отражены вопросы, связанные с проблемой диалога культур и интерпретацией культурных смыслов, вопросы семантики и прагматики языковых единиц, актуальные проблемы современного переводоведения и методики преподавания языков, историко-культурные аспекты развития и актуальные проблемы журналистики и массовой коммуникации, когнитивные аспекты семантики, представлен анализ языка как социокультурного феномена, рассматриваются вопросы, связанные с анализом коммуникативного взаимодействия.

Предназначено для лингвистов, литературоведов, переводчиков, журналистов, культурологов и других специалистов в разных областях гуманитарного знания.

УДК 80(063)+070
ББК 81

ISBN 978-5-9624-1640-3

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2018

Содержание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

Арская Ю. А., Мамедов А. А. Роль контекста в освоении русского вида инофонами в свете новых данных аспектологических экспериментов 8

Григорьева М. Б. Развитие потенциала памяти студентов вуза через изучение иностранного языка 15

Кузьминых К. Откуда мы? Что нас ждёт? Паратекст к роману Дэна Брауна «Происхождение» на уроках русского языка как иностранного 20

Малова Н. С. Оптимизация процесса обучения иностранному языку за счет выстраивания корреляций между психологическими особенностями обучаемых и форматом предлагаемых заданий в рамках смешанного обучения 27

Сологуб Г. Ю. Интерактивные методы обучения иностранному языку в профессиональном контексте в техническом вузе 34

Стрельчук Е. Н. Современные тенденции в методике преподавания русского языка как иностранного: от классики к инновациям 42

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Бессчастная А. М. Статус текста в документальном кино 50

Вебер Е. А., Ружникова М. Л. Критерии и процедура оценки качества письменного перевода на облачных САТ-платформах 57

Ведерникова Т. И., Щурик Н. В. Интерпретация как инструмент манипуляции в переводе в политическом дискурсе 65

Горшкова В. Е. Перевод в кино: научная реальность, или Десять лет спустя 74

Казьмерчак М. Переводческая редакция подлинника и вопросы антологизации и канонизации перевода (Болеслав Лесьмян и Евгений Вадимов) 81

Миронова Н. Н. Интерпретация новых переводов: семантические и семиотические комментарии 93

Писанова Т. В. Билингвизм и языковые контакты в Испании 98

Разумовская В. А. К истории изучения межсемиотического перевода: от Романа Якобсона до наших дней 106

Ситарски А. Переводческие решения в языковом изображении пейзажа (на материале поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» и ее русского перевода Святослава Свяцкого) 112
Хусаинова Г. Р., Ягафарова Г. Н. О переводе якутского эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на башкирский язык 119

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: КОНЦЕПТЫ, КАТЕГОРИИ, МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Амзаракова И. П. Горизонты бытия человека в зеркале детского фольклора и личного имени 126
Загидуллина М. В. Эмописьменность в контексте ментально-языковых трансформаций: что собой представляет синтаксис поликодовых высказываний? 138
Лац Т. А. Корреспондентная теория истины в семантике английского имени *truth* 146
Куртаева М. О., Сорокопуд Л. Н., Религиозная составляющая испанских пословиц 153
Топка Л. В. Человек категоричный: мизогинное речевое поведение 160

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бугланова Л. С. Поэзия – это особая манера воспринимать мир (сравнительная характеристика японских хокку и бурятских триад) 167
Семенова В. И. Вторичные значения пищевой лексики бурятского языка 173
Тагарова Т. Б. К лингвостилистической характеристике концептов *наран* «солнце» и *hара* «луна» в бурятском языке 177
Халхарова Л. Ц. Бурятская дневниковая проза периода войны 188
Шаракшинова Е. К. Первые шаги С. П. Балдаева в бурятскую литературу 195

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО, ПРИРОДНОГО И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бухарова Е. В., Чернобровкина Е. П. Интерпретация наследия как эффективная форма коммуникации 202
Вебер Е. А. Интерпретация исторического, культурного и природного наследия как инструмент речевого воздействия в условиях профессиональной коммуникации гида-экскурсовода 209
Куклина С. Л. Интерпретация исторического, природного и культурного наследия: возможности использования в образовательной деятельности в вузах 217

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖУРНАЛИСТИКИ И МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Абдулова И. Т., Булатова С. Н. Трансформация образа Байкальска в региональной прессе: до закрытия БЦБК и после 225

Белякова И. А., Галанцова М. С. Районные газеты Балаганского района: истоки, развитие, общая характеристика 233

Гимельштейн А. В., Демина И. Н. Место и роль экономических массовых коммуникаций в формировании интеллектуального потенциала общества 241

Ильина М. В. Эволюция нормативного дискурса советских СМИ (на примере иркутской газеты «Советская молодежь») 251

Колокольников И. А. Материалы музыкальной тематики в периодических изданиях ИГУ 1922–1923 гг. 258

Лисаускене М. В. Студент в пространстве социокультурных и медиакоммуникаций: поколенческий анализ 265

Лисицина Я. Ю. «…безотлагательно зайти в редакцию» (о работе художников в иркутских газетах, 1920–1930-е гг.) 272

Попель-Махницки В. Поляки на службе в Российской империи (На примере судьбы Бронислава Громбчевского) 279

Романцова Т. Д. Редакторская идентичность как стимул дискуссий о медиатексте в региональном поле массовой коммуникации.....287

Чередниченко И. Г. Трансформация СМИ и ускользающая действительность 293

Шинкарева А. П. Университет как субъект социально-коммуникативной политики в информационном поле иркутских газет XIX – начала XX в. 298

Шишпарёнок Е. В. Колонка омбудсмена английской газеты The Observer (The Guardian) С. Притчарда как опыт саморегулирования профессии 312

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Бушев А. Б. Традиция устного народного творчества и современный фольклор 318

Гола В. Сатира в социалистической мультипликации ГДР, Польской Народной Республики и СССР 328

Иванова В. Я. Человек и «его» время в первых рассказах Валентина Распутина 336

Кузьмищева Н. М. Проблема разграничения сознаний автора и героя (на примере анализа рассказа Ю. Олеши «Наташа») 344

Литвинцев В. Л. Трансформация сказочного образа Спящей Красавицы в литературных произведениях европейских авторов XIV–XIX вв. 352

Попова Т. П. Париж и Лондон в мемуарной трилогии П. Д. Боборыкина 358
Смирнов С. Р. Литературоведческий век ИРГОСУНа 365

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК К РЕЗУЛЬТАТАМ

Богданова Л. И. Слово и способ познания мира 372
Горбунова Л. И. Есть ли фасад у нефасадных объектов? 380
Дмитриева О. А., Катермина В. В., Соловьева Н. С. Концептуализация как источник возникновения неологизмов (на материале Твиттера) 387
Иванова Р. П. Когнитивное моделирование категории Human Sensations: перцептивные метафоры в современном английском языке (на материале произведения Р. Бредбери «Dandelion Wine») 394
Ивкина Е. Н. Концептуализация и категоризация в сфере временной референции 402
Толстова Д. А. Роль неличных форм глагола при конструировании языковой личности персонажа (на материале испанского языка) 409
Урванцев Г. В. Фигуры и фоны как компоненты городского пространства в художественном дискурсе 417
Цай Вэй. Исследование концептуальной метафоры на материале русского языка в рамках когнитивной лингвистики в Китае 423

МОДЕЛИ ОБЩЕНИЯ: КОММУНИКАЦИЯ, ДИАЛОГ, РЕЧЕВОЙ АКТ

Кузнецова Л. В. Прагматика принятия решения в институциональном дискурсе 430
Плотникова С. Н. Трансфер и создание знаний в коммуникативном сообществе 437
Селютин А. А. Влияние неформальных интернет-коммуникаций на современный образовательный процесс 444
Шарафутдинова О. И. Специфика представления модели действительности в федеральном и региональном медиатексте 451

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Агеева Г. А., Литвиненко В. В., Предельность и кванторы в предложениях семантически исчерпывающего предела 459
Лохов С. Н. *Пара джинсов – пара джинс*: о дистрибуции флексий родительного падежа слов *pluralia tantum* в школьной и научной грамматике 467
Лысцова Ю. А. Цветообозначение «серый» в постмодернистских текстах В. О. Пелевина 475
Морева Н. С. Французский причинный союз *car vs* русское *ведь* 480

Огородникова Е. А. Автоматизация извлечения гипонимических глагольных отношений из толкового словаря методом лексико-синтаксических шаблонов 487
Рачёва А. А. Дейктические средства выражения оценки в устном дискурсе 494
Ронина Е. А. Прецедентная лексико-синтаксическая структура в составе интернет-мемов 501

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ: ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Голышкина Л. А. Риторическое моделирование публичного диалога: стратегии и принципы текстообразования (на материале текстов интервью) 508
Медведева Е. А. Анализ предвыборного политического дискурса с использованием функциональной теории дискурса политической кампании 515
Минаева Л. В. Агональная стратегия в парламентских дебатах 523
Семёнова Т. И. Игры модусов в новостном дискурсе 531
Чекмез У. Э. Наложение как фактор, определяющий развитие дискурса 538

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЯЗЫКА: ОНТОЛОГИЯ, ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, МОДЕЛИРОВАНИЕ

Кокина К. В. Аксиометрия социально значимых смыслов в текстах валоризирующего дискурса 547
Попова Д. А. Ценностное измерение цифровой личности в жанре интернет-комментария 554
Серебренникова Е. Ф. Ценностное измерение языка: проекции на реализацию дискурса в коммуникации 561
Якоба И. А. Ценностные основания моделирования выступления Ш. де Голля «Воззвание к французам» 568

Актуальные вопросы методики преподавания языков

УДК 81’243

Ю. А. Арская, А. А. Мамедов

Роль контекста в освоении русского вида инофонами в свете новых данных аспектологических экспериментов

Аннотация. Обсуждается значение новых данных аспектологических исследований последних лет для методики преподавания русского языка как иностранного и практики составления лингводидактических тестов. Описываются основные подходы, существующие для объяснения этой категории; основное внимание уделяется работе с контекстом. В центре внимания анализ и обобщение результатов лингвистических экспериментов, проведенных аспектологами в последнее время и направленных на выявление предопределенности выбора говорящим видовой граммемы в контексте. В итоге формулируются методические рекомендации для преподавателей русского языка как иностранного и для составителей лингводидактических тестов.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика преподавания русского языка как иностранного, вид, лингвистический эксперимент, тест по русскому языку как иностранному.

U. A. Arskaya, A. A. Mamedov

The Role of Context in Acquisition of Russian Verb Aspect by Second Language Learners in View of Recent Aspectological Experiments Data

Abstract. The article discusses significance of new research data on Russian verb aspect for methods of teaching Russian as a foreign language and practice of language testing system TORFL's tasks composing. The main approaches to explaining this verb category are being described, the emphasis is made on working with context. Analysis and synthesis of the data of recent aspectologic experiments on contextual dependence of Russian aspect forms are the main focus of attention. In conclusion methodological recommendations for teachers of Russian as a foreign language and language tests authors are being proposed.

Keywords: Russian as a foreign language, methods of teaching Russian as a foreign language, verb aspect, linguistic experiment, language testing system TORFL.

При изучении славянских языков инофонами вид является одной из самых сложных для освоения грамматической категорией. Обучение русскому виду начинается на элементарном уровне, продолжается на базовом и пороговом, при этом задания на выбор видовой граммемы включены в тесты для всех сертификационных уровней теста по русскому языку как иностранному (ТРКИ).

Известный аспектолог Л. Янда отмечает: Russian aspect, which is not fully mastered even at age six by native speakers, is routinely listed as the single greatest obstacle facing second language learners of Russian [Janda, Reynolds, 2018, p. 4].

Важное место в обучении русскому языку как иностранному занимает формирование устойчивой ассоциации между видовой граммемой и типами контекстов, в которых она употребляется. Специфические лексические средства, сопровождающие формы обоих видов в контексте, имеют в лингвистической литературе различные наименования: «катализаторы граммемы» [Горбова, 2009], «семантические актуализаторы частного видового значения» [Поливанова, 2008], «видовые согласователи» [Поливанова, 2008, с. 77], «показатели вида», «видовые индикаторы» [Соболева, 2011, с. 176], «контекстуальные маркеры» [Там же, с. 174], «контекстуальные индикаторы» [Там же, с. 177].

Именно сформированность навыка опознавания нужного контекста проверяется тестовыми заданиями ТРКИ, при этом задания для первого и второго сертификационных уровней направлены на соотнесение обучающимся лексических средств (как правило, выполняющих функцию обстоятельств) с видовой формой в рамках одного высказывания; задания для третьего уровня проверяют знание синтаксического окружения видовой граммемы и устойчивых выражений, содержащих глагольные формы.

В лингвистической науке существует обширная литература, посвященная видовой паре, выявлению частных видовых значений и условиям реализации их в контексте, однако тот факт, что для инофонов русский вид остается самой сложной для освоения грамматической категорией, даже несмотря на длительное специальное изучение, говорит о том, что значительные массивы употреблений видовых форм носителями русского языка до сих пор не нашли адекватного описания.

Многие исследования аспектологов последних лет направлены на изучение того, насколько предопределен выбор говорящим видовой граммемы в контексте. Зачастую степень детерминированности такого выбора варьируется от предсказуемости до вариабельности выбора формы в конкретных контекстных условиях.

Так, Е. В. Горбова, Л. Янда и Р. Рейнольдс, В. С. Соболева с помощью экспериментов с участием носителей русского языка исследовали обусловленность выбора видовой граммемы контекстом.

Эксперимент Е. В. Горбовой, описанный в [Горбова, 2009] и [Горбова, 2011], заключался в выборе информантами в заданном контексте одной или нескольких приемлемых с точки зрения носителя русского языка видовых форм. На материале ответов 45 респондентов, каждому из которых было предъявлено 40 одинаковых контекстов, были получены следующие данные: выбор вида обусловлен контекстом в 46 % случаев, в то время как 54 % контекстов демонстрируют относительно равную возможность использования граммем [Горбова, 2011, с. 340]

Необходимо отметить, что выводы Е. В. Горбовой значительно расходятся с данными более раннего эксперимента А. К. Поливановой

[Поливанова 2008], при анализе результатов которого было сделано заключение о предсказуемости видовой граммемы в 90 % контекстов, а также с результатами недавнего эксперимента Л. Янды и Р. Рейнольдса, относящих 81 % контекстов к принудительно требующим глагол определенного вида. Количество контекстов, допускающих вариабельность видовой граммемы, полученное А. К. Поливановой, – 10 %, полученное Л. Яндой и Р. Рейнольдсом, – 17 %. Интересны данные эксперимента В. С. Соболевой, проведенного с тремя носителями русского языка, не имеющими высшего лингвистического образования: все три респондента при оценке правильности употребления 1629 видовых граммем, которые в заданных контекстах были заменены для исследовательских целей противоположными членами видовой пары, 4 % вида признали единственно правильными употреблениями, при этом в целом несовпадений оценок с исходной формой оказалось 26 % [Соболева, 2011].

Существенные количественные расхождения между данными разных исследователей могут быть обусловлены, на наш взгляд, различным с точки зрения стилистических характеристик языковым материалом эксперимента (русские переводы испанской художественной литературы у Е. В. Горбовой, лингвистические и биологические научные тексты у А. К. Поливановой и разностилевой материал Л. Янды и Р. Рейнольдса), различной формулировкой задания, предъявленного информантам (оценка правильности употребленной формы у А. К. Поливановой и В. С. Соболевой; множественный выбор и оценка допустимости у Е. В. Горбовой и у Л. Янды и Р. Рейнольдса), различным объемом материала (40 контекстов в эксперименте Е. В. Горбовой, 500 – у А. К. Поливановой, более 700 – у Л. Янды и Р. Рейнольдса, 1629 – у В. С. Соболевой), индивидуальными различиями носителей языка с позиции склонности к рефлексии о языковых фактах и стратегий этой рефлексии.

Сам факт выявления исследователями некоторого объема естественных контекстов, допускающих вариативность видовой формы и требующих типизации в рамках существующих методологических подходов, обращает на себя внимание в связи с методикой преподавания русского вида инофонам и методикой проведения лингводидактического тестирования на продвинутом уровне. Если носители русского языка во многих заданных контекстах, не содержащих видовых согласователей, с большой частотой выбирают обе возможные видовые граммемы или оценивают обе граммемы как приемлемые, то, очевидно, и инофон на уровне ТРКИ-4 должен обладать компетенцией опознавать контексты, разница содержания которых передается исключительно видовой граммемой. Интересно, что проанализированные нами типовые и тренировочные тесты на третий уровень владения русским языком как иностранным включают задания на семантизацию высказываний, со-

держащих обусловленное синтаксической конструкцией употребление вида, в контексте, однако заданий на семантизацию контрастных употреблений видовых форм нет ни в тестах уровня ТРКИ-3, ни в тестах ТРКИ-4:

Тебе здесь бояться нечего. Смело проходи и садись. [Типовые тесты ... , 1999];	А) *Ты здесь ничего не боишься.* Б) *Ты здесь ничего никогда не боялся.* В) *Здесь ты можешь ничего не бояться.* Г) *Тебе ли здесь не бояться.*
…Установите значение выделенных слов: *Сын просит мать не наказывать его за разбитую вазу: «Я только подошел к столу, а ваза возьми и упади».*	А) регулярно повторяющееся действие Б) намерение начать действие В) внезапное действие в прошлом Г) длительное действие

[Типовые тесты ... , 2000].

При этом авторы всех обсуждаемых экспериментов приводят примеры допустимых употреблений в таких контекстах:

(1) *В восемь лет мальчик сбежал/сбегал из дома* [Janda, Reynolds, 2018];

(2) *Он умел незаметно вытащить/вытаскивать деньги из кармана зеваки* [Там же];

(3) *Выжившую из ума старуху всерьез никто не принял / не принимал* [Там же];

(4) *Вытащил я его на берег, спрашиваю: «Жив еще?». А он ни звука. До самой зари я возился/провозился с Эстанислао: растирал, искусственное дыхание делал, чтобы он дышать начал, но он ни слова больше не произнес* [Горбова, 2009, с. 7];

(5) *Мы сочли крайне заманчивой перспективу посвятить себя биологическим исследованиям, используя при этом ту экспериментальную технику, которой нас обучали/обучили в студенческие годы* [Поливанова, 2008, с. 74];

(6) *Совершенно по-иному складывалась/сложилась судьба пиджинов в Меланезии* [Там же].

Согласно гипотезе Л. Янды и Р. Рейнольдса, в контекстах, допускающих вариативность видовой формы глагола, возможна интерпретация ее значения говорящим [Janda, Reynolds, 2018, p. 15]. Так, в примере (2) форма совершенного вида актуализирует смысл наличия у субъекта действия выдающейся способности, а форма несовершенного вида сообщает о повторяющемся характере действия. Как нам представляется, видовой контраст в примере (3) может сводиться к значению единичности/повторяемости действия, а в примере (5) форма несовершенного вида может актуализировать длительность действия или отражать неуверенность говорящего в наличии его результата.

Во время подготовки данной статьи приведенные выше примеры были обсуждены нами со слушателями программы повышения квалификации для преподавателей русского языка из-за рубежа Института

филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета «Школа русского языка и методики», носителями польского, чешского и венгерского языков, владеющими русским языком в пределах ТРКИ-3 и ТРКИ-4. При предъявлении контекстов (2), (3) и (5) опрашиваемые смогли сформулировать возможную разницу в смысле данных высказываний, передаваемую видовой формой. Вероятно, в тестах ТРКИ-4 задания на владение видом также могут заключаться в семантизации высказываний, допускающих видовую вариативность, или в опознавании контекстов, допускающих осмысленную интерпретацию при использовании обеих видовых граммем. В типовых тестах по русскому языку как иностранному задание для четвертого сертификационного уровня [Типовые тесты ... , 2000] заключается в выборе видовой граммемы в контекстах, как правило, лишенных видовых согласователей, в нарративном тексте: «Мать купила сливы. Ваня никогда не ел слив. Когда никого не было в комнате, Ваня съел одну сливу. За столом отец спросил: «А что, дети, не съел ли кто-нибудь из вас сливу?». Поскольку в качестве такого текста авторами выбран рассказ Л. Н. Толстого «Косточка», а нарративной временной формой является прошедшее время, то в подавляющем большинстве предложенных контекстов глаголы передают следующие друг за другом события, описываемые в прошедшем времени по-русски исключительно совершенным видом глагола. Представляется, что инофону для выполнения данного задания достаточно быть знакомым с любыми художественными произведениями по-русски и в действительности компетенцию владения видом, соответствующую компетенции носителя языка, оно не проверяет.

Кроме того, для преподавателей русского языка как иностранного могут быть интересны следующие выводы из наблюдений аспектологов.

1. Минимальные идентичные контексты, демонстрирующие видовые контрасты, в реальной коммуникации – большая редкость. Такие подвергшиеся для методических целей синтаксической редукции контексты широко используются для объяснения контрастных употреблений форм вида (как правило, в них противопоставляется актуально-длительное значение НСВ конкретно-фактическому значению СВ) при преподавания русского языка как иностранного на элементарном уровне: *Девочка <u>рисовала</u> дом. – Девочка <u>нарисовала</u> дом. Он <u>писал</u> письмо. – Он <u>написал</u> письмо. Она <u>убирала</u> комнату. – Она <u>убрала</u> комнату. Таня <u>собирала</u> вещи. – Таня <u>собрала</u> вещи. Анна <u>готовила</u> обед. – Анна <u>приготовила</u> обед* [Архипова, Губанова, 2010, с. 7].

Мы проверили наличие некоторых из данных предложений в Национальном корпусе русского языка. Выяснилось, что в НКРЯ имеется 1464 вхождения словосочетания *написать письмо*, при этом 105 из них находится перед точкой, а словосочетание *написал (-а, -и) письмо*

встречается 8 раз. Однако самостоятельных предложений из трех компонентов *SVO* встретилось с этим словосочетанием всего два:

1. *Она быстро отвернулась к стене, и он услышал ее глухой голос: — Я написала письмо. Вон оно, на столе!* (А. Е. Зарин. Казнь. (1902));

2. *Придя к себе, Нина полежала с полчаса, Дареджана вязала чулок. Нина написала письмо. Она несколько раз закрывала глаза, пока его писала* (Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)).

Словосочетание *писать письмо* встречается в НКРЯ 1584 раза, 248 вхождений из которых находятся перед точкой, при этом словосочетания *писал (-а, -и) письмо* перед точкой встретились 3 раза. Простое предложение из трех членов модели *SVO* со словосочетанием *писал (-а, -и) письмо* встретилось один раз, причем именно в актуально-длительном значении:

Он дошел до дверей ее будуара. Антонина Сергеевна писала письмо. «Вечные излияния в письмах, – подумал он (П. Д. Боборыкин. Поумнел (1890)).

Простых полных предложений со словосочетанием *писал (-а, -и) письма* нашлось три.

В одном из них глагол употреблен в актуально-длительном значении:

Калашников рассказывал Ленке свои сны. Многие писали письма. Гриценко лежал на раскладушке в черной фуфайке, кепке, когда-то белой, на плечах поверх фуфайки – синий грубо вязанный свитер, рукава узлом связаны на груди (Григорий Дементьев, Александр Ткачев. Мунозеро // Юность, 1972).

В одном – в общефактическом значении:

– Откуда же вам столько известно обо всех нас?

– Я писала письма. Мне отвечали (И. Меттер. Пятый угол (1967)).

В одном – в узуальном значении:

Нет, Илона не годилась в подружки, нужна была прожженная «старая перечница», оторва, сука, наконец. Таких зараза не берет. Или берет, но сие мало значит. Илона же писала письма. От руки. Любовалась тенью дыма на бумаге… Впрочем, повадки ее забылись, слились в памяти просто в одно досадное неумение жить (Дарья Симонова. Summary (1997)).

Таким образом, корпусные данные подтверждают наблюдение А. К. Поливановой: «Создается впечатление, что феномен контрастного употребления видов, составляющий эмпирический фундамент гипотезы о семантической мотивированности выбора, в действительности просто артефакт» [Поливанова, 2008, с. 74].

2. Лексические видовые согласователи с большой вероятностью предопределяют выбор видовой граммемы, но частота их присутствия в естественной речи пока не ясна. По данным Р. Рейнольдса, они встре-

чаются в 2 % корпусных контекстов; в материале эксперимента Г. Горбовой они встретились в 39 % предложений; в результате эксперимента Л. Янды и Р. Рейнольдса сформулирован вывод об избыточности видовой граммемы ввиду наличия в контексте согласователей или ограничений на форму противоположного вида в 81 % случаев. На феномен принудительности выбора видовой граммемы в большинстве контекстов, даже не содержащих, на первый взгляд, лексических видовых согласователей, обращала внимание уже А. К. Поливанова: «Наблюдения над видовым поведением словоформ в реальных предложениях естественной длины показывают, что видовая оппозиция морфологически маркируется в глагольной словоформе, однако распространяет свое семантическое действие далеко за ее пределы и часто даже за пределы одного предложения» [Поливанова, 2008, с. 75]. Для выяснения элементов контекста, обусловливающих выбор видовременной формы, А. К. Поливанова использует лексические замены, к которым может обращаться и преподаватель русского языка как иностранного, часто вынужденный объяснять студентам употребления с неочевидными контекстуальными маркерами. Так, при замене дополнения в следующем примере выясняется, что именно в нем кроется «эффект контекстного контроля» [Поливанова, 2008, с. 84]: *Студенты и коллеги засыпают меня просьбами указать какую-нибудь общую работу, которая помогла бы им в понимании физиологических исследований, связанных с их специальностью. *Студенты и коллеги засыпали меня просьбами указывать источники статистических данных.*

3. Согласно гипотезе Л. Янды и Р. Рейнольдса, освоение частных видовых значений носителями русского языка происходит в результате многократного восприятия контекстов, в которых присутствуют видовые согласователи, а, следовательно, видовая граммема является избыточной. Эксперимент Л. Янды и Р. Рейнольдса представляет собой самое масштабное (в нем принял участие 501 информант) исследование по оценке носителями русского языка приемлемости употребления 111 364 видовых форм в семи текстах (по 55 682 формы совершенного и несовершенного вида). В основном эта гипотеза отражает стратегию обучения русскому виду инофонов. Если предположение Л. Янды и Р. Рейнольдса справедливо, то при преподавании русского языка как иностранного следует еще большее внимание уделять контекстуальным маркерам.

Представляется, что обсуждаемые экспериментальные данные следует принимать во внимание при преподавании русского языка как иностранного, учитывая следующие ограничения: 1) использование преимущественно материала письменного литературного языка; 2) опора на языковую рефлексию носителей, а не наблюдение над процессом порождения естественных высказываний. Полагаем, что при речепорождении на русском языке говорящий, помимо вида, одновре-

менно должен принудительно выбрать еще целый ряд грамматических признаков глагола: время, число, лицо или род. Кроме того, в случае приставочных глаголов совершенного вида часто еще происходит и опциональный выбор приставки, который для изучающих русский язык как иностранный зачастую оказывается не меньшей проблемой: *Он допил стакан до дна. / Он выпил стакан до дна. Мы подошли к гостинице. / Мы вышли к гостинице. / Мы пришли к гостинице*.

Таким образом, выводы современных экспериментальных исследований вида о возможной модели освоения частных видовых значений с помощью лексических маркеров носителями языка имеют значение для обучения русскому языку как иностранному на элементарном и базовом уровнях; об обусловленности выбора видовой формы в более широком контексте – для обучения виду на пороговом и среднем уровне. Признание же вариативности видовых форм в определенных контекстах и возможности выбора формы в зависимости от коммуникативной установки говорящего может быть взято за основу при формулировке тестовых заданий для продвинутого уровня.

Литература

Архипова Л. В., Губанова Т. В. Изучаем виды глагола. Тамбов, 2010. 76 с.

Горбова Е. В. Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков) : дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2011. 573 с.

Горбова Е. В. От антонимии до синонимии СВ и НСВ русского глагола (на материале лингвистического эксперимента) // Материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. Общее языкознание. СПб., 2009. С. 24–32.

Поливанова А. К. Выбор видовых форм глагола в русском языке // Поливанова А. К. Общее и русское языкознание. Избр. раб. М., 2008. С. 68–88.

Соболева В. С. Преподавание глагольного вида в русском языке: проблемы и решения // Russian Language Journal. 2011. Vol. 61. P. 163–202.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень. Общее владение / Г. Н. Аверьянова [и др.]. М., 1999. 99 с.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень. Общее владение / Г. Н. Аверьянова [и др.]. М., 2000. 100 с.

Janda Laura A., Reynolds Robert J. Construal vs. Redundancy: Russian Aspect in Context. Under submission, 2018. 33 p.

УДК 37.025.06

М. В. Григорьева

Развитие потенциала памяти студентов вуза через изучение иностранного языка

Аннотация. Память считается основным условием успешного обучения иностранным языкам, которые в свою очередь являются эффективным способом ее развития. Говоря о памяти, мы выделяем ее разновидности: кратковременную – долговременную, произвольную/непроизвольную. Не только вид памяти, но и личная заинтересованность студента к процессу обучения является решающим фактором для успешного изучения иностранного языка.

Ключевые слова: краткосрочная память, долговременная память, произвольное и непроизвольное запоминание, мотивация, интерактивный метод в обучении.

M. V. Grigorjeva

Development of University Students' Memory Through Learning a Foreign Language

Abstract. Learning foreign languages is a perfect tool for improving students memory. Speaking of memory, we mention some types of it: permanent and short-time, voluntary and involuntary. The learner's attitude to the learning process is also really important to second-language acquisition.

Keywords: short-time memory, permanent memory, voluntary/involuntary memorization, second-language acquisition, interactive teaching methods, motivation.

Современный процесс глобализации – возникновения гибридной мировой культуры, смешения национальных традиций, усиления сотрудничества между нациями – привел к бурному росту межкультурных контактов во всех сферах нашей жизни: ситуации межкультурного общения, обучение по обмену, стажировки, международные конференции, совместные предприятия, туристические поездки и т. д. Таким образом, одним из условий успешной адаптации в социальном пространстве становится владение иностранными языками. В наше время знание иностранного языка дает огромные преимущества и во время путешествий, и в бизнес-карьере. Во всем мире стала формироваться потребность в знании нескольких иностранных языков, и чем больше человек знает иностранных языков, тем шире у него кругозор, тем увереннее он себя чувствует в современном обществе.

Невозможно представить грамотно построенный процесс обучения, создание новых обучающих и развивающих технологий и программ без учета закономерностей запоминания и забывания материала. Очень часто можно слышать жалобы от студентов как на конкретные трудности в изучении языка, так и на отсутствие способностей и свободного времени. Ричард Спаркс в своей статье [2006] Is There A "Disability" for Learning a Foreign Language? убедительно развеял миф о врожденных проблемах или способностях для изучения иностранных языков. А это значит, что возможности есть у каждого, отсутствует лишь желание и мотивация. Когда есть желание, есть тысячи возможностей!

На предмет разницы в развитии памяти у студентов языковых и неязыковых факультетов на базе Казанского федерального университета было проведено исследование, в котором 50 студентов прошли измерение уровня развития памяти по методике А. Р. Лурии. Эта методика используется для оценки состояния памяти испытуемых, их скорости утомляемости, внимания и активности запоминания информации. Методика позволяет исследовать процессы памяти, запоминания, сохранения и воспроизведения информации. Результаты данного исследования показали, что у студентов факультета иностранных языков самый высокий уровень развития памяти (100 %) и по рейтингу успеваемости их средний балл также оказался самым высоким [Терешечкина, 2014].

Данное исследование подтвердило, что изучение иностранного языка – один из лучших способов развития памяти, так как человеку приходится запоминать большой объем лексики, грамматических явлений, чтобы иметь возможность применить свои умения на практике. Поэтому память считается основным условием успешного обучения иностранным языкам, и очень важно развивать ее для дальнейшего самосовершенствования.

Но не стоит зря тратить время и усилия на развитие памяти для изучения иностранного языка, это происходит автоматически в процессе обучения. Память, как любой орган или функция организма, развивается и укрепляется в процессе тренировки, а при изучении иностранного языка основная нагрузка приходится именно на память, и тренирующий эффект определенно происходит. Если бы не было памяти, мы не могли бы понять ни одной фразы или предложения, так как, не успев дослушать или дочитать до конца любую информацию, мы забыли бы уже ее начало. Любая информация была бы бесполезной для нас, если бы память не сохраняла связи между определенными людьми, фактами и событиями.

Существует несколько причин, по которым человек не может запомнить информацию:

- недостаточная концентрация внимания;
- несоблюдение основных законов памяти;
- сложность самой информации для запоминания или ее плохая организация;
- слаборазвитая природная память.

В памяти также различают несколько процессов:

- запоминание;
- сохранение;
- воспроизведение.

Каждый из этих процессов осуществляется успешнее, если его активно включать в деятельность. Прочность, подвижность и оперативность памяти определяются тем, «какова степень участия соответствующего материала в дальнейшей деятельности субъекта, какова их значимость для достижения предстоящих целей» [Никитина, 2006].

Существует несколько классификаций памяти, но рассмотрим две из них:

1) по времени сохранения материала;

2) по анализатору, преобладающему в процессах запоминания, сохранения и воспроизведения материала.

Память может быть разной по длительности. Есть определенное количество образов, слов, информации, понятий, которые хранятся в памяти всю жизнь: наши имена, образы родственников и близких людей, родной язык. Это пример долговременной памяти, наряду с кото-

рой существует и кратковременная память: когда нужно что-то передать, сказать или сделать на данном этапе времени или вызубрить что-то к уроку или экзамену. Иногда кратковременная память может трансформироваться в долговременную. Вы вдруг вспоминаете чье-то лицо и имя, увиденное и услышанное когда-то давно, или неожиданно в памяти всплывают строки, выученные в далеком детстве.

Психолог Татьяна Никитина определяет память как «…сохранение информации о раздражителе, после того как его действие уже прекратилось» [2006]. В 2008 г. в Университете Киото было проведено исследование, которое показало, что если перед тем, как приступить к зубрежке, в течение 15–20 минут вспоминать и записывать свои грустные мысли и неприятные события, произошедшие за последнее время, эффективность запоминания резко возрастет. Дело в том, что все негативное мы запоминаем очень хорошо и прочно и всю информацию, которая поступит сразу после нерадостных воспоминаний, наш мозг по инерции воспринимает как «плохую», а значит, зафиксирует надолго и надежно.

Исследования Л. С. Выготского [2005] показывают, что человечество делится на три основных типа в зависимости от восприятия мира:

- визуальный (зрительный),
- аудиальный (слуховой),
- кинестетический (ощущения, вкус, запах, движение),

Достаточно редко встречается дигитальный тип, когда восприятие информации происходит через логическое осмысление, с помощью цифр, знаков, логических доводов.

Все эти термины означают особенности восприятия, переработки и запоминания информации людьми. Точное определение типа памяти может помочь увеличить объем и прочность запоминания информации, расширяя границы памяти. Планируя организацию учебного процесса изучения иностранных языков и выбирая методы и средства, преподаватель должен учитывать, что в процессе обучения студенты запоминают:

- 20 % услышанного;
- 40 % увиденного;
- 60 % увиденного + услышанного;
- 80 % увиденного + услышанного + сделанного самими.

Внедрение интерактивных форм обучения – одно из важнейших направлений оптимизации процесса подготовки студентов в современном вузе. Нельзя не отметить важность новизны как компонента методического содержания урока, она является одним из главных факторов, обеспечивающих интерес учащихся. И в данном случае необходима как новизна содержания учебных материалов, так и новизна формы уроков и видов выполняемых работ. Занятие перестает быть лекцией или инструктажем со стороны преподавателя. Использование такого метода предусматривает моделирование реальных жизненных и профессио-

нальных ситуаций, совместный поиск решения проблем. Будучи активно вовлеченными в процесс обучения, студенты легче понимают и запоминают материал. Учебный процесс, опирающийся на использование интерактивных методов обучения, организуется с учетом включенности в процесс познания всех студентов группы без исключения. Совместная деятельность означает, что каждый вносит свой индивидуальный вклад в совместную работу, идет обмен идеями, знаниями, способами деятельности. Интерактивные методы основаны на принципах взаимодействия и активности студентов с опорой на групповой опыт и обязательной обратной связью. Итак, память – это «система организации опыта, феноменологически описываемая процессами запоминания, сохранения, узнавания, забывания и воспроизведения. Данная система состоит из двух образований: средств запоминания, сохранения и воспроизведения и совокупности той информации, которой человек уже владеет» [Черемошкина, 2002] .

По характеру участия воли в процессах запоминания и воспроизведения материала память делится на непроизвольную и произвольную. В первом случае запоминание и воспроизведение происходит автоматически и без особых усилий со стороны человека, без постановки им перед собой специальной мнемической задачи (на запоминание, узнавание, сохранение или воспроизведение). Во втором случае такая задача обязательно присутствует, а сам процесс запоминания или воспроизведения требует волевых усилий.

Непроизвольное запоминание не обязательно является более слабым, чем произвольное, во многих случаях жизни оно превосходит последнее. Непроизвольно лучше запоминается также материал, с которым связана интересная и сложная умственная работа и который для человека имеет большое личное значение. В случае, когда запоминаемый материал осмысляется, преобразовывается, классифицируется, непроизвольно он запоминается лучше, чем произвольно.

Мы живем в эпоху вечных пробок, находясь в которых просто убиваем наше время. Достаточно просто скачать на телефон подкасты, включить радиостанции на изучаемом языке или просто установить словарь – это отличный способ погрузиться в языковую среду, особенно когда мы находимся в долгой дороге.

«Зависание» в телефоне и социальных сетях – основное времяпрепровождение студентов, но и это время можно провести с пользой. Достаточно просто изменить языковые настройки на мобильных устройствах на другой язык и получить самый простой способ выучить несколько новых слов на новом языке и расширить возможности своей памяти.

Anki – очень популярное приложение для компьютеров и смартфонов, которое помогает запоминать новые слова и фразы при помощи карточек. ***Duolingo*** – бесплатный инструмент для изучения иностран-

ных языков с онлайн-версией приложения, а также версией для *Android* и *iOS*. Эта программа обучает чтению и говорению на новом языке, позволяя видеть слова и фразы, прослушивать их и переводить. ***Memrise*** – это еще одно приложение с карточками, которое позволяет пользователям запоминать слова и фразы, используя при этом различные изображения и полезные инструменты. Кроме того, ***Memrise*** дает возможность пользователям состязаться друг с другом при прохождении уроков.

Ученые также доказали, что жаворонки и совы – это противоположные не только по биологическим ритмам люди, но и по продуктивности запоминания ими информации. Совам необходимо тренировать свою память с 8 до 12 вечера. Память жаворонка продуктивнее в период с 8 до 12 утра.

Кроме того, специалисты в области психологии и лингвистики вывели идеальную формулу для запоминания иностранных слов – 30 слов в день, 5 из которых составляют глаголы. Практически для каждого языка существует свой список частотных слов, т. е. наиболее употребляемых в речи. Доказано, что, овладев подобным запасом лексики и загрузив его в папку долговременной памяти, можно понимать 75 % любого незнакомого текста на иностранном языке. Список слов для английского языка можно найти по ссылке: http://4flaga.ru/dictionary.html.

Изучая иностранные языки, мы не только развиваем потенциальные возможности своей памяти, но и делаем для себя мир ярче, ближе и понятнее.

Литература

Выготский Л. С. Психология развития человека. М. : Смысл ; Эксмо, 2005.

Никитина Т. Б. Как развить суперпамять, или Запоминаем быстро и легко. М. : АСТ-Пресс Книга, 2006.

Терешечкина Э. А., Панфилова В. М. Развитие памяти у студентов при изучении иностранных языков // Междунар. журн. эксперим. образования. 2014. № 6. С. 102–1033.

Черемошкина Л. В. Психология памяти. М. : Академия, 2002. 368 с.

Sparks R. Is There a «Disability» for Learning a Foreign Language? // Journal of Learning Disabilities. 2006. Vol. 39, N 6. P. 544–557.

УДК 82-31

К. Кузьминых

Откуда мы? Что нас ждёт? Паратекст к роману Дэна Брауна «Происхождение» на уроках русского языка как иностранного

Аннотация. В первой части статьи рассматривается теория Женетта о паратексте, уделяется также внимание разным видам данного феномена. Цель статьи – выявить контекст, в котором могут быть использованы модель паратекста Женетта и семиотическая теория Пирса для обучения русскому языку как иностранному. В следующей части статьи, посвященной паратексту (буктрейлер и обложка) в романе Д. Брауна «Происхожде-

ние», автор развивает идею интеграции литературной, языковой и медиамоделей обучения таким способом, который стимулирует их высокоэффективный, связанный с восприятием и продуцированием анализ. Статья также демонстрирует сочетание теоретических концепций, способствующих интерпретации и успешному чтению.

Ключевые слова: паратекст, обложка, трейлер, буктрейлер, чтение, визуальная грамотность, семиотическая теория, изображение, символ, индекс, обучение литературе, обучение русскому языку, медиаобучение.

K. Kuzminyh

Where are We from? What Awaits us? The Paratext to the Novel «Origin» by Dan Brown at the Classroom of Russian as a Foreign Language

Abstract. The article starts with discussion of the Genette's theories of paratext and focuses on the different kinds of this phenomenon. The purpose is to investigate the context in which the Genette's paratext model and Peirce's semiotic theory can be used in Russian language lessons as a foreign language. In the next step, on paratexts – book trailer and cover – to the novel of D. Brown *Origin*, the article develops integrative literary, language and media teaching model in a way which stimulates a highly functional analytical, receptive and productive handling of language, literature and media. It also demonstrates the combination of theoretical concepts for interpretation and successful reading.

Keywords: paratext, cover, trailer, book trailer, reading, visual literacy, semiotic theory, icon, symbol, index, literary learning, Russian language learning, media learning.

Приёмы, предваряющие выход книг, и стратегии распространения новоизданий становятся в XXI в. все более изощрёнными. Издательства стремятся наиболее оригинальным образом представить художественное произведение общественности, тем самым активируя потребительские потребности и чтение.

Можно выделить как традиционные, так и инновационные разновидности средств, нацеленных на привлечение внимания к печатным новинкам. К первым относятся обложки, заглавие, комментарии, примечания, предисловие и послесловие, посвящение, ремарки, предваряющие повествование, тексты на оборотах, тематические рисунки и фотографии, рекламные высказывания известных личностей или признанных авторитетов (от англ. *blurb*), цитаты и т. д. Инновационные средства составляют буктрейлер (от англ. *booktrailer*), тизер (от англ. *teaser*), веб-страница и блог. Все перечисленные элементы, сопровождающие произведение, играют важную роль в управлении процессом чтения. Они непосредственно участвуют в формировании семантики текста, в конструкции нарратологического пространства и художественного мира произведения, вступая с его прочими уровнями в системные отношения. Они могут нести основную художественную нагрузку, а могут вступать с текстом в комплексные связи, мобилизуя новые, более глубокие способы смыслообразования. Женетт использует понятие *паратекст* для обозначения вербальных и невербальных компонентов, которые, не являясь частью основного текста, оказывают воздействие на его восприятие [Genette, 1992]. Литературовед выделяет как составляющие паратекста перитекст (элементы вокруг текста) и эпитекст (элементы вокруг книги), но так как эта систематизация не является консенсусной [Wirth, 2014], то в дальнейшем она детально

рассматриваться не будет. Паратекстуальность представляется в целом как дискурсивная категория с двойной природой: с одной стороны, паратекст выступает в роли отдельного, самостоятельного текста, с другой стороны, он создаёт с основным текстом единое дискурсивное целое. Дидактический потенциал этой амбивалентности будет продемонстрирован в разработанной модели. В этом и заключается её практическая значимость.

Буктрейлер как инновационный паратекст на уроках русского языка. Буктрейлер – это феномен XXI в. Изначально трейлер снимался к фильмам и был телевизионным форматом. Как рекламный видеоролик к фильму он появился впервые в 1920 г. [Klant, 2014; Hübel, 2011]. С распространением Интернета, развитием видеосервисов и социальных сетей трейлер завоевал информационное пространство. Изменилась и его структура: от анонса и рекламы медиального новоиздания с целью привлечь внимание и заинтересовать акцент сдвинулся в сторону визуальной эстетики, нарратологии и инсценировки. Смена парадигмы не запрещает более использовать ключевые сцены, кульминационные моменты и наиболее зрелищные фрагменты фильма, что в ранних вариантах строго регламентировалось. Трейлер и буктрейлер *per se* рассматриваются как шедевры [Spielmann, Klant, 2000]. В отличие от фильмтрейлера, буктрейлер представляет собой, как правило, видеокомпозицию, составленную из экранизированных эпизодов литературного произведения. Но можно выделить и другие виды. По способу визуального воплощения текста можно дифференцировать две (условные) разновидности буктрейлеров:

● анимационные буктрейлеры – короткометражный фильм, анимация или мультфильм, видеокомпозиция-постановка по мотивам романа или по сюжету книги, составленная из специально экранизированных эпизодов литературного произведения, срежиссированная игровая постановка, инсталляция с музыкальным сопровождением, рассказ автора о своей работе или подробное объяснение лектора преимуществ новоизданных книг [Glavinic, 2009];

● неанимационные буктрейлеры – набор слайдов с цитатами, с изображением книжных разворотов или слайды с иллюстрациями в формате видеопрезентации, с тематическими рисунками или фотографиями [Precht, 2007].

По содержанию видеоролики к книгам можно выделить следующие:

● авторские – фокус данного подвида трейлеров направлен на автора художественного произведения, который может быть либо хорошо известным, либо начинающим. Особенно в последнем случае трейлер является преимущественно саморекламой [Keidtel, 2012];

● повествовательные – демонстрируют эпический сюжет произведения [Eichhammer, 2008];

● атмосферные – передают основные настроения книги и ожидаемые читательские эмоции [Moers, 2017];

● концептуальные – транслируют ключевые идеи и общую смысловую направленность текста [Brown, 2017];

● документальные – преподносят основное содержание в форме репортажа иногда с элементами интервью, фактами и статистическими данными. Как правило, этот вид буктрейлеров используется для рекламы исторических романов и научно-популярных книг [Lenbet, 2013];

● лекция – текст читается автором книги или профессиональным оратором [Meinecke, 2016];

● гибридные типы.

Разнообразие буктрейлеров обусловливает применение различных видов и возможностей работы на уроках русского языка как иностранного. К функциям видеоролика как объекта-ссылки на художественное произведение, вступающего с основным текстом в комплексные связи, можно отнести:

● информационную – трейлер предопределяет выбор художественного произведения для чтения и заостряющую внимание на его определённые аспекты;

● подготовительную – трейлер используется как стратегия предтекстовой деятельности и нацелен как компонент медиальной композиции на актуализацию предшествующих знаний и опыта, понятий и словаря текста, а также на побуждение мотивации к чтению;

● сравнительную – элементами для сравнения выступают отрывки из буктрейлера и из художественного произведения;

● историческую – включает анализ буктрейлера с исторической перспективы;

● аналитическую – содержит анализ транстекстуальной коммуникации и взаимодействие паратекста и основного текта. Анализу могут быть подвергнуты как несколько трейлеров, так и их взаимосвязь с основным текстом с точки зрения когерентности, транс- и интертекстуальности и интермедиальности [Kuzminykh, 2018].

Все названные приёмы способствуют смыслообразованию и более глубокому проникновению в текст.

Если буктрейлер рассматривается как самостоятельный эстетический продукт, тогда диапазон дополняется следующими компонентами:

● аналитическим подходом – анализ буктрейлера как короткометражного фильма на микро- и макроуровнях (повествование, изобразительная структура, монтаж, звук, работа с актёрами);

● критическим осмыслением – размышление о выбранных для экранизации отрывков из художественного произведения. Сознательной оценке может быть подвергнута интерпретация материала и его инсценировка в буктрейлере. Рецензия прочитанного и увиденного вы-

ступает логичным дополнением и позволяет симбиоз методики письма и чтения [Kuzminykh, 2017];

● продуктивным подходом – поэтапное создание трейлера, выбор отрывков из художественного произведения [Holubek, 2018].

Не менее интересен и продуктивен анализ паратекстов к художественному произведению в разных культурных контекстах.

Буктрейлер к произведению Дэна Брауна «Происхождение» [Браун, 2018] продолжительностью в одну минуту можно отнести к гибридному типу: он транслирует общую смысловую направленность произведения (философско-религиозные размышления, научная фантастика), передаёт основные настроения книги (мистика, тайны, преследования, на каждом шагу подстерегающая опасность, заговор, магические ритуалы, разгадывание кодов, символов и великих загадок человечества) и антиципирует читательские эмоции. Помимо этого, в нём, как в авторском трейлере, актуализируются предшествующие знания о писателе и его творческой деятельности – интертекстуальность к уже вышедшим собственным произведениям. Буктрейлер к роману «Происхождение» интересен с точки зрения гипнотизирующего музыкального оформления, использованных иконических изображений [Pierce, 1958] и их динамичного монтажа. Он не раскрывает кульминационных моментов, интригуя реципиента, и не иллюстрирует происходящее в романе. Концепция буктрейлера осуществлена не как короткометражный фильм, а представляет собой набор слайдов с изображением городов, в которых происходит действие (неанимационный буктрейлер). С основным текстом трейлер связан вопросами: «Откуда мы?», «Что нас ждёт?» На метауровне трансцендирующим элементом является видеопрезентация. Именно видеопрезентация находится в центре повествования [Brown, 2017, 2017a; Браун, 2018], именно она оставляет неизгладимое впечатление, именно в ней намеревается гениальный учёный, компьютерный гуру и предсказатель перевернуть все современные научные представления о мире и основы представлений человечества о себе. Видеопрезентация/презентация является в настоящее время наиболее распространённой формой передачи знаний и информации, таким образом устанавливается связь с действительностью.

Буктрейлер к роману Брауна может рассматриваться на уроках как паратекст, мобилизуя новые, более глубокие способы конструкции смысла, и как самостоятельный текст, несущий смысловую нагрузку.

Обложка как традиционный паратекст в различных языковых и культурных контекстах. Для работы с обложками как с традиционным паратекстом в различных языковых и культурных контекстах можно использовать модель Пирса [Pierce, 1958]. Он выделяет три типа знаков. Действие иконических знаков основано на фактическом подобии сигнификата и сигнификанта. Так, на обложках английского ори-

гинала *Origin* [Brown, 2017], немецкого и русского переводов произведения [Brown, 2017a; Браун, 2018] иконическим знаком является Искупительный храм Святого Семейства в Барселоне (*Temple Expiatori de la Sagrada Família*). С помощью этого иконического знака создаётся иллюзия реальности и указывается место событий. Обладая низкой конвенциональностью, иконические знаки невозможны для абстрактных понятий, так как у них отсутствует материальная сторона. «Происхождение», например, является таким понятием, поэтому на обложках одноименного произведения Брауна [Brown, 2017, 2017a; Браун, 2018] реципиент конфронтирован с ассоциативными и индексальными знаками. Ассоциациями к данному понятию могут быть реликвии и первичные живые организмы. На уроках можно инициировать дискуссию на эту тему.

Действие индексальных знаков по модели Пирса [Pierce, 1958] основано на реальной смежности означающего и означаемого. Форма индексальных знаков не является для референта случайной, но она и не прямое повторение формы референта. На обложке произведения «Происхождение» в русском [Браун, 2018] и английском [Brown, 2017] вариантах узнавание интерпретатором части винтовой лестницы нацелено на реконструкцию тех элементов индексального знака, которые не вошли в визуализацию (лестница как часть здания, ведущая куда-либо, т. е. указывающая направление). Этот приём удачно сочетается с вопросами, поставленными в тексте на обороте «Откуда мы?», «Что нас ждёт?» [Браун, 2018]. Индексальность основана на подсознательном стремлении человека к завершению незавершённого так, изображение части циферблата на обложке немецкого перевода [Brown, 2017a] предполагает его завершение реципиентом (часы). Этот механизм работает более на уровне подсознания, нежели на рациональном уровне восприятия и интерпретации, и именно поэтому он очень эффективен.

Действие символа основано на условной, установленной связи сигнификата и сигнификанта. Символ в высшей степени конвенционален и базируется на абстрактных (визуальных/аудитивных) образах. Символические знаки часто носят метафоричный характер и замещают обозначаемый объект в дискурсе. Хотя символы являются более сложными для интерпретации, они обеспечивают устойчивые ассоциативные связи и создают уникальную систему метаязыка. Символ часто становится центром идентификации знака, обеспечивая ему уникальную форму, которую можно заполнять самым различным содержанием, так как он не ограничен конвенциональными семантическими связями формы с определённым референтом (винтовая лестница является не только частью здания, но и символизирует путь, континуум, происхождение и т. д.; циферблат – часы символизируют течение времени/жизни как (линейного) процесса).

Одна и та же знаковая форма в зависимости от культурного и социального контекста может входить в состав различных видов знаков. Отнесение визуального образа к одному из трёх видов знаков возможно только в контексте конкретного изображения, т. е. через интерпретацию смысла знака в совокупности с другими знаками сообщения: Храм Святого Семейства в Барселоне как иконический знак, связь с религией как индексальный знак, роль теологических концептов и происхождение человека и мира от Бога-человека как символический. Одновременно находясь на обложке, данные знаки управляют процессом восприятия, направляют его в определённое русло и позволяют активировать определённые знания и опыт, облегчающие процесс конструкции смысла.

Данный подход позволяет таким образом работать как с культурными аспектами, так и с аналитическими – обложка как текст, несущий основную смысловую нагрузку и дополнительную информацию. Эффективным является, помимо описанных приёмов, рассмотрение связи с основным текстом и с текстом на обороте – комплементарные и симметричные отношения, когерентность, акценты и фокус (в том числе в переводах), противоречия изображённого и влияние на восприятие, активизацию и актуализацию предшествующих знаний, а также эмоциональные ожидания. Дополнить можно представленные методы продуктивными приёмами. В результате не только выполняются требования учебных программ, но и осуществляется успешное медиальное обучение и обучение русскому языку и литературе.

Литература

Браун Д. Происхождение. М. : АСТ, 2018.

Brown D. Origin. London : Random House, 2017.

Brown D. Origin. Köln : Lübbe, 2017a.

Genette G. Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt a. M. : Campus, 1989.

Hübel A. Big, bigger, Cinema! Film- und Kinomarketing in Deutschland (1910–1933). Marburg : Schüren, 2011.

Klant M. Grundkurs Film 3: Die besten Kurzfilme. Braunschweig : Schroedel, 2014.

Klant M., *Spielmann R.* Grundkurs Film 1: Kino – Fernsehen – Videokunst. Brauschweig : Schroedel, 2009.

Kuzminykh K. Ins dunkle Herz der Nacht. Die filmische Gestaltung zweier Buchtrailer untersuchen // Praxis Deutsch. 2018. N 270. P. 30–34.

Kuzminykh K. Erzählen in integrativen Deutschunterricht // Glottodidactica – an international journal of applied lingiustics. 2011. N 44. P. 75–95.

Pierce C. Collected Papers. 1–8. Cambridge : Harvard University Press, 1958

Wirth U. Akustische Paratextualität, akustische Paramedialität // Das Hörbuch. Praktiken audioliteralen Schreibens und Verstehens. Paderborn : Fink, 2014. P. 215–229.

Электронные ресурсы

Eichhammer M. Solo für Anna. München : Piper, 2008. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7sPeQNIWYUQ (дата обращения: 30.06.2018).

Glavinic T. Das Leben der Wünsche. München: dtv, 2009. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mtP4LJjs7_8 (date of access: 30.06.2018).

Holubek R. Mediamanual, 2018. URL: https://www.mediamanual.at/best-practice/book-trailer/ (date of access: 30.06.2018).

Keidtel M. Geht doch! – Ein Holm-Roman. München: Goldmann Verlag, 2012. URL: http:// www.youtube.com/watch?v=nbkc_bLsLHA (date of access: 30.06.2018).

Lenbet A. Babyschlaf: Die Irrtümer und ihre Folgen. Berlin : Arendt Verlag, 2013. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QdbLDdCX7LI) (date of access: 30.06.2018).

Meinecke T. Selbst. Frankfurt a. M., 2016 URL: http://www.zehnseiten.de/de/buecher/detail/thomas-meinecke-selbst-596.html (date of access: 30.06.2018).

Moers W. Prinzessin Insomnia und der alptraumfarbene Nachtmar. München : Knaus, 2017. URL: https://www.randomhouse.de/Buch/Prinzessin-Insomnia-und-der-alptraumfarbene-Nachtmahr/Walter-Moers/Knaus/e529505.rhd#trailer (date of access: 30.06.2018).

Precht D. Wer bin ich und wenn ja, wie viele. München : Goldmann, 2007. URL: http://www.lesensielos.de/player.php?ltid=werbinich (date of access: 30.06.2018).

УДК 378

Н. С. Малова

Оптимизация процесса обучения иностранному языку за счет выстраивания корреляций между психологическими особенностями обучаемых и форматом предлагаемых заданий в рамках смешанного обучения

Аннотация. В связи с изменением социального заказа в области образования высшая школа вынуждена адаптироваться к новым условиям образовательной среды. В данной статье рассматриваются возможные пути повышения эффективности процесса изучения иностранного языка в рамках смешанного обучения. Под смешанным обучением понимается языковой курс, сочетающий традиционный подход – личное общение с соответствующим использованием информационных технологий.

Эффективность смешанного обучения обусловлена рядом факторов: гибкостью процесса, его открытостью, индивидуальным подходом к обучаемым, развитием самостоятельности, повышением мотивации. Выбор формы работы с изучаемым материалом производится в зависимости от психологических особенностей обучаемых, поставленных целей и задач, а также самого учебного материала. В статье рассматриваются эффективные формы работы, предназначенные для хорошего запоминания новой информации и направленные на повышение мотивации при обучении иностранному языку.

Ключевые слова: смешанное обучение, образовательная среда, открытость обучения, гибкость, визуальные средства, мотивация.

N. S. Malova

Optimization of Foreign Language Learning Thanks to Finding Correlations between Psychological Particularities of Learners and Tasks offered within Blended Learning

Abstract. Due to the changes in social order in the field of education, higher school has to adapt to new conditions of changed educational environment. The article considers possibilities to improve the efficiency of learning a foreign language within blended learning. Blended learning is a language course combining personal learning with the application of information technology. The efficiency of blended learning is caused by learning flexibility, its openness, individual approach to learners, development of learner's independence and motivation stimulation. The form of work at the material to be studied depends on psychological particularities of learners, goals and aims stated, as well as the content of the material to be studied. Some effective forms of work aimed at better remembering and mastering new information and stimulating motivation are considered.

Keywords: blended learning, educational environment, learning openness, flexibility, visual aids, motivation.

Мир вокруг нас стремительно меняется. Система образования не является исключением. Все эти трансформации приводят к изменению социального заказа на образование, что проявляется в первую очередь в использовании компетентностного подхода в подготовке бакалавров и магистров. Теперь востребованы не только грамотные, квалифицированные специалисты, но и люди, способные принимать креативные решения, умеющие быстро ориентироваться в сложных нестандартных ситуациях.

Высшая школа вынуждена адаптироваться к новым условиям образовательной среды, которая не только выдвигает требования к усвоению дисциплин, но и предполагает создание разнообразных учебных ситуаций и предоставление обучаемым возможности получить определенный опыт в соответствии с их способностями и потребностями. Очевидно, что образовательная среда может значительно повлиять на эффективность обучения. В идеале в образовательной среде должно соблюдаться равновесие между требованиями, предъявляемыми к обучению, и откликом обучаемых на эти требования, т. е. между потребностями и способностями обучаемых и тем, насколько процесс обучения адекватен для обучаемых.

Для оптимизации образовательного процесса в новых условиях нужно прежде всего выделить те критические аспекты среды, которые существенно снижают эффективность самого образовательного процесса. Другими словами, речь идет о том, насколько стратегии обучения соответствуют индивидуальным потребностям обучаемых, их способностям и особенностям. Именно поэтому реформы в образовании связаны с такими понятиями, как «личностный подход к обучению», «использование альтернативных источников информации», «междисциплинарный подход к обучению», «отказ от традиционных методов обучения, основанных на памяти и компиляции» и т. п.

В современной образовательной среде изменилась как роль обучаемого, так и роль преподавателя. Теперь в центре процесса обучения находится сам обучаемый. Согласно исследованию Л. Таусан [Tausan, 2015], наиболее проблемными являются следующие аспекты:

– арсенал дидактических видов деятельности, предназначенных для стимулирования мотивационных потребностей обучаемых в процессе обучения;

– коммуникация и взаимоотношения между обучаемым и преподавателем;

– оснащенность образовательного пространства соответствующими материалами и оборудованием.

Рамки данной статьи не позволяют подробно рассмотреть все проблемы, поэтому мы остановимся только на выстраивании корреляций между психологическими особенностями обучаемых и форматом пред-

лагаемых заданий как одной из возможностей оптимизации процесса обучения.

Следует отметить, что традиционное обучение, помимо того что формирует требуемые компетенции, также развивает умения общения, тем самым социализируя обучаемых. Обучение с помощью информационных технологий при широком использовании Интернета дисциплинирует и ускоряет процесс получения знаний. Соединение этих двух образовательных моделей и дает нам смешанное обучение, другими словами – *blendedlearning*, как называют такой вид обучения за рубежом.

Существует целый ряд определений смешанного обучения. Так, например, Е. А. Банадос [Banados, 2006] понимает под смешанным обучением сочетание технологий и традиционного обучения в классе на основе гибкого подхода к образовательному процессу, который учитывает преимущества тренировочных и контролирующих заданий в Сети, но также использует другие методы, способные улучшить результаты студентов и сэкономить затраты на обучение.

Е. Страке [Stracke, 2010] считает, что смешанное обучение представляет собой сочетание обучения в ходе личного общения (F2F) и программированного обучения (CAL) в едином образовательном пространстве.

В данной статье мы разделяем точку зрения Дж. Дудни, Н. Хокли, П. Шарма, Б. Баррета [Dudeney, Hockly, 2007; Sharma, Barrett, 2007], которые определяют смешанное обучение как языковой курс, сочетающий обучение в ходе личного общения с соответствующим использованием информационных технологий. При этом можно выделить следующие компоненты смешанного обучения:

1) непосредственное обучение при наличии личного контакта студентов и преподавателя в форме традиционных аудиторных занятий;

2) самостоятельная работа студентов, включающая в себя различные виды деятельности (поисковые задания в интернете, веб-квесты и т. д.) без помощи со стороны преподавателя;

3) совместное электронное обучение, состоящее в выполнении различных заданий в Сети, участии в вебинарах, онлайн-конференциях и т. д. [Bonk, Graham, 2005].

Заметим, что наиболее активно смешанное обучение развивается в США. Если в 2000 г. технология *blendedlearning* была доступна только для 45 тыс. американских школьников, то к 2019 г. в Соединённых Штатах планируется проводить в смешанном режиме 50 % всех школьных уроков. Существует ряд моделей смешанного обучения (Face-to-Face Driver, Online Driver, Flex model, Rotation model, Self-blend, Online Lab). В данной статье мы остановимся только на одной модели (Face-to-Face Driver), в которой электронные ресурсы используются для закрепления и углубления знаний и совершенствования требуемых компетенций.

Согласно оценкам консорциума «Слоун» [Allen, Seaman, Garrett, 2017], более 60 % американских студентов считают, что смешанное обучение эффективнее обычного. Это объясняется следующими факторами:

1) гибкостью образовательного процесса. Проявляется в том, что при смешанном обучении может быть задействовано любое количество учителей и учеников, при этом присутствие педагога в аудитории не является обязательным, он может вести видеоконференцию, мастер-класс и т. п., находясь в другом месте. Использовать электронные учебные материалы также можно в любое время и в любом месте;

2) открытостью обучения, подразумевающей отсутствие предвзятого отношения к обучаемому, если последний имеет дело с компьютером. Помимо этого, коммуникационные технологии позволяют студентам и педагогам постоянно поддерживать обратную связь, что, в свою очередь, способствует лучшему взаимопониманию;

3) индивидуальным подходом, предполагающим возможность определять объем учебного материала и темп его усвоения, исходя из личностных особенностей каждого обучаемого, давая возможность каждому обучаемому развиваться в том направлении, которое ему наиболее интересно;

4) развитием самостоятельности, поскольку у обучаемого есть возможности научиться эффективно распоряжаться своим временем и научиться планировать свою работу;

5) повышением мотивации. Обусловлено тем, что современные молодые люди любят различные гаджеты и сервисы, предпочитают интерактивные виды работы, осваивают новые программы, ведут дискуссии на форумах.

Таким образом, можно сказать, что смешанное обучение создает новую образовательную среду, которая позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого обучаемого, его интересы, тем самым предоставляя оптимальные условия для реализации индивидуального потенциала обучаемого. При этом задания можно варьировать по степени сложности, уровню развития коммуникативных умений, используемому способу запоминания и т. п.

Однако следует помнить и о том, что современные обучаемые принадлежат к поколению, которое М. Прински [Prensky, 2001] характеризует как *digitalnatives*, что означает, что они были рождены и росли в то время, когда информационные (цифровые) технологии стали частью их повседневной жизни. Несмотря на то что далеко не все ученые разделяют мнение М. Прински о наличии у молодых людей определенных психологических особенностей, проведенный нами опрос 150 студентов показывает, что зачастую они:

– лучше воспринимают визуальную информацию (73,1 %);

– не любят читать длинные печатные тексты (80,7 %);

– очень часто обмениваются СМС-сообщениями (93 %);

– очень часто пользуются гаджетами и различными приложениями (97,4 %).

Исследователь И. Р. Ватсон [Watson, 2013] приходит к выводу, что хотя молодежь широко пользуется цифровыми технологиями, у представителей разных национальностей, студентов разных университетов наблюдаются различные предпочтения относительно того, какое оборудование и какие программы использовать.

Образование также теперь невозможно представить без цифровых технологий, поэтому преподаватели просто обязаны применять весь арсенал имеющихся возможностей с учетом тех перспектив, которые открывает смешанное обучение. Интернет дает неограниченные ресурсы для создания уникального опыта в обучении. Задача преподавателя заключается в том, чтобы научиться тому, как, когда и в какой форме применять эти возможности, с тем чтобы сделать процесс обучения наиболее эффективным. Примером может служить привлечение материалов OpenSource на занятиях по иностранному языку.

TED Talks, лекции Гарвардского, Стэнфордского университетов, Массачусетского технологического института могут быть использованы на занятиях по иностранному языку не только для обучения аудированию, речи, ведения дискуссии, но и для углубления знаний по специальным предметам. В этом проявляется междисциплинарный подход при смешанном обучении.

Хотя, как мы уже отмечали, чтение не является любимым видом деятельности современного обучаемого, без него процесс обучения невозможен. Ситуация осложняется тем, что мы быстро забываем то, что прочитали или услышали. Согласно одному из исследований [Murre, Dros, 2015], большинство людей забудут 50 % новой информации через час, если с ней ничего не делать, через 24 часа забудется 70 %. А если эту информацию никак не использовать в течение одной недели, то будет забыто почти 90 %. Если мы хотим запомнить то, что прочитали или прослушали, можно воспользоваться одной из следующих стратегий.

1. Использование визуальных средств

Вы тем лучше запомните новую информацию, чем больше органов чувств будете использовать. Исследования [Kouyoumdjian, 2012] показывают, что визуальные средства особенно эффективны при запоминании. Так, было обнаружено, что обучаемые, которые прибегали к визуальным ассоциациям для запоминания ряда слов, значительно лучше запоминали эти слова, чем те, кто просто многократно повторял их. Также было установлено, что с помощью визуальных средств информация передается быстрее, они способствуют лучшему пониманию передаваемой информации. Поэтому при смешанном обучении важно

использовать видео, документальные фильмы, инфографику, фотографии, карты и схемы с целью оптимизации процесса обучения.

2. Использование наглядных показов

Наглядные показы помогают увидеть, как все устроено или работает, визуализировать понятия. Можно также в этих целях использовать фрагменты документальных фильмов, демонстрационное видео и т. д.

3. Групповые обсуждения

Групповые обсуждения усиливают вовлеченность обучаемых в совместную работу, что приводит к сохранению информации в долговременной памяти. Также они заставляют обучаемых активно обрабатывать новую информацию. Во время обсуждений обучаемые не только лучше усваивают новую информацию, но и получают новое видение проблемы, устраняют возможное недопонимание. Такие обсуждения можно проводить в различных форматах (обсуждение в парах, групповое обсуждение в аудитории, на онлайн-форуме, на видеоконференции).

4. Практическое применение полученных знаний

Практическое использование приобретенных знаний создает новые нейронные связи в головном мозге. При каждом новом обращении к полученным знаниям эти связи укрепляются, что способствует сохранению информации в долгосрочной памяти. На занятиях по иностранному языку такой практический прием возможен при чтении книг, просмотре видеоматериалов, прослушивании записей.

5. Изыскание возможности для взаимообучения

Лучший путь выучить что-либо – это объяснить другому. Когда обучаемые готовятся объяснять материал другим, они не только лучше отбирают и структурируют информацию, но и более точно ее запоминают. Такой прием можно использовать, с тем чтобы помочь кому-либо из обучаемых с домашним заданием.

6. Связь нового материала с имеющимися знаниями

Это особенно часто можно наблюдать при обучении аудированию. Когда обучаемым даются ключевые слова или задается ситуация до прослушивания текста или диалога, они намного лучше понимают услышанное, поскольку наличие предварительных знаний позволяет лучше усваивать новую информацию.

7. Предоставление обучаемым возможности вспомнить новую информацию

Для этого просто не следует просить их немедленно ответить на вопрос. Нужно дать им время достать из памяти нужную информацию, т. е. задействовать ту нейронную связь в мозге, которая была ранее установлена при первичной обработке новой информации. Чем чаще задействуется эта связь, тем прочнее она будет, тем лучше все запомнится.

8. Чтение обучаемыми новой информации вслух

При чтении вслух работает еще и слуховая память, поэтому следует советовать обучаемым дома читать слова, текст и т. д. вслух, а не про себя.

9. Стимулирование обучаемых писать ручкой, а не печатать то, что они хотят запомнить лучше

При письме работает еще и моторная память, требуется больше усилий, больше времени, чем при печатании, что заставляет мозг полностью быть вовлеченным в работу с новой информацией, что в конечном итоге способствует лучшему ее запоминанию.

10. Предоставление обучаемым возможности принять свои ошибки

Наблюдения показывают, что те обучаемые, которые ошиблись при ответе на вопросы, лучше и дольше помнят правильную информацию. Когнитивные психологи обнаружили, что наше отношение к ошибкам предопределяет то, насколько много мы извлечем из них. Те, кто считает, что сообразительность, умственные способности можно улучшить, учась и практикуясь, вероятнее всего, будут обращать внимание на свои ошибки и пытаться выяснить, где они были допущены. Те же, кто полагает, что сообразительность и ум – фиксированные свойства каждого индивидуума, вряд ли чему-то научатся на своих ошибках.

Еще один аспект, характеризующий современных студентов, – низкая мотивация в отношении общеобразовательных предметов, к которым относится иностранный язык. Студентам не хочется тратить усилия на овладение такими предметами. Следует отметить, что мотивация далеко не всегда обусловлена внешними факторами типа социального статуса или оценки. Как и альтруизм, она не предполагает никакого вознаграждения, ее трудно подкреплять. Считают, что мотивация повышается, если от работы человек получает удовольствие. Ранее все было проще: действовал принцип кнута и пряника. Сейчас все больше психологов считает, что этот принцип не работает в XXI в. Проблема заключается в том, чтобы найти способы вовлечь незаинтересованных студентов в работу. Нам представляется, что возможным решением может быть такая форма проведения работы над изучаемым материалом, которая бы позволила обучаемым почувствовать себя способными выполнить ее, почувствовать удовлетворение от проделанного. К сожалению, многие обучаемые заранее убеждены, что не смогут справиться с заданием, поскольку не обладают нужными способностями. Разрушить такой стереотип очень трудно. Обучаемые должны верить в то, что у них все получится, что они смогут успешно выполнить задания. Нами была разработана серия занятий, направленных на повышение самооценки. В рамках смешанного обучения разработка такой серии занятий не представляет больших трудностей, поскольку информационные технологии дают возможность не только подобрать необходимый, интересный по своему содержанию материал, но и выбрать наиболее эффективную форму проведения работы.

Итак, смешанное обучение позволяет образованию быть гибким, сохраняя при этом традиционно высокое качество. Современные ин-

формационные (цифровые) технологии повышают эффективность занятий, раздвигают границы аудитории. Обучаемый теперь в состоянии не только самостоятельно восполнить пробелы в своих знаниях, но и постоянно поддерживать и даже совершенствовать уровень владения учебным материалом, овладеть требуемыми компетенциями.

Литература

Allen E., Seaman J., Garrett R. Blending In: The Extent and Promise of Blended Education in the United States. The Sloan Consortium, 2017. P. 35.

Banados E. A blended-learning pedagogical model for teaching and learning EFL successfully through an online interactive multimedia environment // CALICO Journal. 2006. N 23 (3). P. 533–550.

Bonk C. J., Graham C. R. Handbook of blended learning: Global Perspectives, local designs. San Francisco, CA : Pfeiffer Publishing, 2005. P. 32.

Dudeney G., Hockly N. How to... Teach English with Technology. Harlow : Pearson Education Limited, 2007. P. 134.

Garrison R. D., Kanuka H. Blendedlearning: Uncovering its transformative potential in higher education // Internet and Higher Education. 2004. Vol. 7. P. 95–105.

Kouyoumdjian H. Learning through Visuals // Psychology Today. 2012. July 20. URL: https://www.psychologytoday.com/intl/blog/get-psyched/ 201207/learning-through-visuals.

Murre J. M. J., Dros J. Replication and Analysis of Ebbinghaus Forgetting Curve // PLoS One. 2015. Vol. 10, N 7.

Prensky M. Digital natives, digital immigrants: do they really think differently? // On the Horizon. 2001. Vol. 9, N 6. P. 1–6.

Sharma P., Barrett B. Blended Learning. Oxford : Macmillan, 2007. P. 160.

Stracke E. A road to understanding: A qualitative study into why learners drop out of a blended language learning (BLL) environment // ReCALL. 2010. N 19 (1). P. 57–78.

Tausan L. Optimization of educational environment for students // Journal Plus Education. 2015. Vol. 12, N 1. P. 17–24.

Watson I. R. Digital Natives or Digital Tribes // Universal Journal of Educational Research. 2013. Vol. 1, N 2. P. 104–112.

УДК 378.147.091.3:811

Г. Ю. Сологуб

Интерактивные методы обучения иностранному языку в профессиональном контексте в техническом вузе

Аннотация. Рассматривается использование современных профессиональных технологий, ориентированных на действие в обучении иностранному языку. Дается характеристика интерактивных методов обучения иностранным языкам в вузе, таких как кейс-метод, игровые технологии, проектные технологии, дидактическая задача; раскрываются преимущества этих методов, описывается опыт практического применения дидактических задач.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения, межкультурная коммуникация, инновация, ориентированность, самостоятельная деятельность, развитие личности, профессиональная коммуникация.

G. Yu. Sologub

Interactive Methods of Teaching Foreign Languages in Professional Context in Higher Technical Educational Institution

Abstract. The paper is devoted to the use of modern professional action- oriented technologies in teaching foreign languages. The author provides detailed characteristics of interactive methods of teaching foreign languages, such as case-method, role-play, project method and didactic tasks; shares experience in practical application of didactic tasks and points out to the advantages of this technology.

Keywords: interactive methods of teaching, cross-cultural communication, innovation, orientation, personal activity, personality development, professional communication.

Реформа в сфере образования ориентирует преподавателя на повышение качества учебно-воспитательного процесса и эффективности в изучении различных предметов, в особенности это касается преподавания иностранных языков. Процессы обновления в сфере обучения иностранным языкам создают условия, в которых педагогам предоставлены право и возможность самостоятельного выбора методов и приемов обучения [Конышева, 2007]. В центре современной системы образования – профессиональное развитие личности обучаемого. Речь идет о подготовке профессионала – социально и профессионально компетентного работника с хорошо выраженными профессионально важными качествами и компетенцией, отличающейся индивидуальным стилем деятельности [Райер, Лопанова, Рабочих, 2008]. Учитывая необычайно возросшие требования к подготовке современного специалиста, преподаватель сегодня ориентируется на создание таких условий образовательного процесса, которые бы способствовали развитию у студентов умения самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в быстро растущем потоке всевозможной информации [Эрганова, 2004].

Приоритетными направлениями в обучении иностранным языкам являются коммуникативность, интерактивность, аутентичность, изучение языка в культурном контексте, которые развивают межкультурную компетенцию. Конечной целью обучения иностранным языкам ставится свободное ориентирование в иноязычной среде, и этому в большой степени способствуют новые мультимедийные инновации, которые определяются как информационные технологии обучения, интегрирующие аудиовизуальную информацию любых форм (текст, графика, анимация, видео и др.), реализующие интерактивный диалог пользователя с системой и разнообразие форм самостоятельной деятельности по обработке информации.

В процессе обучения иностранному языку применяются разнообразные цифровые образовательные ресурсы, такие как презентации в Power Point, онлайн-тесты, обучающие программы, электронные учебники, учебные интернет-ресурсы, которые мотивируют и нацеливают учащихся на успешные результаты. Преимущества применения информационных технологий по сравнению с традиционными методами выражаются в сочетании аудио- и видеонаглядности, возможности использования интерактивной доски, обеспечении эффективности восприятия и запоминания учебного материала, экономии учебного времени. Программы Microsoft Power Point, Microsoft Office, Microsoft Publisher и другие прикладные программы позволяют создавать качественные учебные материалы для реализации конкретных учебных задач

наряду с обучающими отечественными и аутентичными компьютерными программами и электронными учебными пособиями.

Эффективность использования того или иного средства обучения достигается при определенном его «сочетании с содержанием и методами обучения» [Пидкасистый, 1998, с. 262].

Что касается выбора методов обучения иностранному языку как средству межкультурного общения, хотелось бы рассмотреть интерактивные методы обучения иностранному языку в межкультурном и профессиональном контексте, поскольку современный образовательный процесс в вузе характеризуется широким использованием подобного рода методов обучения. Проведение аудиторных занятий в интерактивной форме прописано в принятых ФГОС ВПО третьего поколения [Федеральные ГОС ВПО …, п. 7.3]. Интерактивное обучение представляет собой «способ познания, осуществляемый в формах совместной деятельности обучающихся» [Панина, Вавилова, 2006, с. 8]. Отличительной особенностью интерактивного обучения является взаимодействие обучающихся как с обучающим, так и друг с другом, а учебная среда может расцениваться как область осваиваемого опыта. Обучение иностранным языкам с применением интерактивных методов в контексте межкультурной коммуникации, на наш взгляд, наиболее оправданно, поскольку такое обучение нацелено на одновременное решение нескольких задач: коммуникативно-познавательной, обучающей навыкам общения; конкретно-познавательной, рассматривающей конкретную учебную ситуацию; социально ориентированной, формирующей и развивающей адекватную социализацию человека вне рамок учебной ситуации [Панина, Вавилова, 2006].

В контексте профессионализации иностранный язык рассматривается как средство международной профессиональной коммуникации, а речь – способ этой коммуникации. Но овладение средствами общения возможно только через общение, т. е. в условиях создания коммуникативных проблемных учебных ситуаций. С этой точки зрения к наиболее эффективным образовательным технологиям относятся:

– проблемно-поисковые технологии, когда перед студентами ставится задача, которая предполагает активное освоение и использование изучаемого языка;

– игровые технологии в форме разыгрывания ролевых ситуаций, деловых игр;

– кейс-анализ, когда часто берется реальная ситуация из сферы бизнеса, дающая основу для дискуссии на иностранном языке;

– проектные технологии, когда студенты индивидуально или коллективно выполняют творческие проекты с функциональным использованием изучаемого языка.

Использование в практике преподавания иностранных языков игровых методов обучения (*role-play*), несомненно, будет способствовать развитию навыков и умений межкультурной коммуникации путем создания в учебном процессе конкретных ситуаций межкультурного общения. Так, разыгрывая ситуацию деловых переговоров с английскими партнерами, студенты знакомятся со стереотипами речевого поведения англичан. Несмотря на стереотипное восприятие англичан русскими как людей сдержанных, педантичных, чопорных, обладающих специфичным чувством юмора (так называемый английский юмор), юмор является одним из наиболее эффективных средств в запасе британского менеджера. Знание английских шуток и анекдотов, понимание уместности употребления той или иной шутки или анекдота помогут в будущем завоевать доверие британских партнеров. Например, знание такой английской особенности в принятии деловых решений (*decision-making*), как неопределенность, применяемой британцами в случае желания ввести партнера по переговорам в заблуждение или отложить принятие решения по сделке на неопределенный срок, поможет русским партнерам, во-первых, с пониманием к ней отнестись; во-вторых, проявить со своей стороны сдержанность и должное упорство. Правила вежливости, принятые в международном деловом (и не только) мире, диктуют определенные формы речевого поведения при проведении деловых переговоров или публичных выступлений; знание студентами формул речевого этикета, лексических единиц, умение стилистически правильно определять эмоциональность высказываний, а также различия в межкультурном общении, выявлять причину их возникновения и умение устранять подобного рода различия будут способствовать в будущем успешному профессионально ориентированному общению на иностранном языке.

Еще одним эффективным методом обучения иностранному языку в контексте межкультурной и профессиональной коммуникации является использование в практике преподавания иностранных языков метода коллективного анализа ситуаций (кейс-метод). В отличие от проблемного метода, кейс-метод ориентируется не только на формулировку, но и на решение проблемы. Поскольку основу кейсов составляют примеры из реальной жизни, они являются замечательным материалом, позволяющим совместить знания студентов о культурных, коммуникативных особенностях стран изучаемого языка с практическим опытом применения полученных знаний.

Метод проектов представляется нам одним из наиболее эффективных методов активного обучения, так как он имеет ряд существенных положительных сторон. Прежде всего, проектная работа делает процесс обучения многосторонним, а именно каждый студент имеет возмож-

ность проявить себя как самостоятельный и полноправный участник учебного процесса.

Кроме того, работа над проектом является процессом творческим. Студенты самостоятельно или под контролем преподавателя осуществляют поиск и отбор необходимой, интересующей их информации. Метод проектов хорош тем, что он предполагает совместное целеполагание студентов и педагога, предоставляет студентам право выбора, развивает мышление и рефлексию. Студенты становятся активными участниками, а педагог направляет их деятельность и помогает им. К тому же от студентов требуется умение сосредоточить свое внимание не столько на языковой форме высказывания, сколько на его содержании.

Помимо всех вышеперечисленных преимуществ, проектная работа дает студентам возможность проявить собственную фантазию, креативность, активность и самостоятельность, вне зависимости от их уровня владения языком. Метод проектов также учит отбору и анализу информации.

Таким образом, с полной уверенностью можно отметить, что проектная деятельность создает условия, в которых процесс обучения иностранному языку приближается к процессу естественного овладения языком в аутентичном языковом контексте.

Е. С. Полат [1988] считает, что в основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания и ориентироваться в информационном пространстве, а также развитие критического мышления.

Для будущего специалиста знание иностранных языков в сочетании с проектной деятельностью оказывается основополагающими. Еще на младших курсах студенты учатся развивать ключевые умения и компетенции, связанные с их будущей профессией.

Исходя из того что к современным специалистам предъявляются высокие требования, перед студентами ставятся новые коммуникативные задачи, которые решаются с точки зрения иностранного языка. Эти задачи заключаются в развитии коммуникативной иноязычной компетенции, расширении кругозора, развитии критического мышления, умений осуществлять поиск, пользуясь мировыми информационными ресурсами, и в активном участии в образовательном процессе, включающем разнообразные современные методы обучения.

Хотелось бы поделиться опытом применения технологии профессионального обучения, ориентированной на действие, в частности методики дидактических задач. Данная методика предусматривает шесть основных фаз занятия: информация, планирование, принятие решения, выполнение, контроль и оценка. Ориентированность же на действие предполагает самостоятельное добывание учащимися необходимых знаний в процессе решения определенной профессиональной ситуации,

действительной или мнимой, с обязательным выполнением всех фаз действия. Основная суть ее заключается в следующем: ориентировать студента на активную самостоятельную деятельность, используя различные источники информации, например Интернет. Его ресурсы богаты аудиовизуальной информацией, которую можно отбирать в соответствии с изучаемой темой; в Сети можно найти истории, новостные ролики, подкасты, способные вызвать у студентов живой интерес, желание прослушать, прочитать и понять написанное. Интернет-технологии играют позитивную роль в формировании иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, так как эффективное изучение иностранного языка строится на работе с аутентичными аудио-, видео- и печатными материалами. Актуальность выбранной информации способствует развитию мотивации, повышает качество обучения аудированию и чтению на иностранном языке. Интересные по тематике и содержанию подкасты полезны и для развития навыков устной речи, так как вызывают желание обменяться мнениями, выразить собственную точку зрения. В ходе дискуссии отрабатываются навыки монологической и диалогической речи, прививается умение спонтанно формулировать свои мысли на иностранном языке.

Ядром обучения в методике дидактических задач является понимание поставленного профессионального задания, добывание информации и планирование работы, выполнение деятельности, ее контроль и оценка. Действие начинается с информационной фазы, во время которой будущий специалист получает профессиональное задание, затем планируется ход действий и выбирается одна из возможных альтернатив действия. Наконец, выполняется запланированное действие. Результат проверяется, и весь цикл действия рефлексируется. На обобщающем занятии, например по темам «Классификация станций», «Современные системы управления движением поездов» или «Фирменные поезда» на 2-м курсе специализации «Эксплуатация железных дорог», перед студентами ставится, помимо языковых задач, главная цель: представить свои знания в форме презентации. Содержание занятия имеет практическую направленность и ориентировано на усвоение изученного материала, необходимого для выполнения деятельности. Предварительно студенты поделены на три группы в соответствии с основными направлениями по теме занятия. Сам учебный материал по теме подается в виде проблемной ситуации, постановка которой формулируется на информационном листе.

Проблемная задача представляет своего рода обращение к студенту: «Вам, будущим специалистам в области эксплуатации железных дорог, наверняка предстоит работа по обмену опытом за рубежом. Попробуйте свои силы сейчас... Итак, Вы приглашены на международную конференцию, посвященную вопросам использования современных

систем управления движением поездов или фирменных поездов России. Для поездки на конференцию Вам необходимо подготовить презентации по следующим направлениям: «Работа грузовой или пассажирской станции», «Современные системы управления железнодорожным транспортом», «Фирменные поезда России». Для создания презентации Вам потребуются знание английского языка, умение использовать современные компьютерные технологии, а также навыки публичного выступления». Далее студентам предлагается ознакомиться с листом планирования дальнейшей работы: составить план по содержанию презентации выбранного направления, провести отбор необходимого лексического материала и оформить слайды. Подготовить выступление для защиты презентации. На этапе планирования каждый студент составляет план будущей презентации индивидуально, используя информационные листы. На этапе принятия решения проходит обсуждение в группе и производится выбор оптимального варианта плана. Заслушав варианты от каждой группы, преподаватель показывает свою модель плана, затем студенты сравнивают и принимают окончательное решение. Наконец, группы начинают осуществлять задуманное – готовить презентацию на компьютере. В процессе работы между студентами происходит распределение ролей: одни – ответственные за художественное оформление слайдов, другие заняты поиском или отбором главной текстовой информации, третьи готовят речь к защите по своей теме. На этапе контроля студенты прослушивают отдельно каждую группу и оценивают работу товарищей, ориентируясь на критерии оценки презентации.

При самооценке студентам предлагается оценить свои знания лексического материала с использованием кроссвордов, умение работать с текстом, умение выполнять презентацию, а также необходимые профессиональные умения, такие как принятие решения и оценка своей работы. Предлагаемый проект предусматривает достижение воспитательных и развивающих целей: выработку умений *работать* в команде, эффективно взаимодействовать друг с другом, понимая личную ответственность каждого члена группы за свои успехи и успехи партнеров по общению; развитие умений самостоятельной организации учебной деятельности (постановки целей, планирования, определения оптимального соотношения цели и средств и др.); формирование навыков контроля и оценки своей деятельности, оценивание своих учебных достижений.

Конечно же, такого типа занятие требует огромной предварительной подготовки как преподавателя, так и студентов. Педагог проводит отбор текстового материала (информационные листы), разрабатывает критерии оценки знаний и умений, критерии оценки презентации, оформляет собственные слайды с этапами занятия, моделью плана, вопросами.

Отметим достоинства занятия, построенного на технологии дидактической задачи. Во-первых, на занятии используются различные формы учебно-познавательной деятельности: фронтальная работа (при повторении лексического материала), парная работа (диалоги), индивидуальная (при составлении плана по содержанию презентации, при самооценке), групповая (при выборе оптимального решения, при оформлении слайдов). Для представления своей презентации студент использует интерактивную доску. Интерактивная доска выполняет функции активного экрана, на которой можно демонстрировать текстовые документы, рисунки, фильмы и т. д. Работа с интерактивными досками предусматривает творческое использование материала. Разработка и использование заданий, созданных с помощью программного обеспечения интерактивной доски, позволяет преподавателю и студенту использовать на уроке различные стили обучения, способствует созданию содержательных и наглядных уроков, развивает мотивацию учащихся, предоставляет им больше возможностей для участия в коллективной работе, развития личных и социальных навыков.

Выбор данных форм деятельности направлен на проявление личности: развитие у студентов стремления достичь результата путем собственных усилий, передача студентам функций самоконтроля, обнаружение ими собственных ошибок; самостоятельность речи и суждений. Во-вторых, занятие такого типа ориентировано на студентов, на развитие самостоятельности, с учетом их интересов и будущей профессии. При этом формируется личная позиция каждого студента, мотивация к учению. Педагог выступает в роли консультанта, помощника, организатора. К недостаткам можно отнести необъективность самооценки, а также тот факт, что студент, слабо знающий лексику, не активно проявит себя в речевой деятельности.

Тем не менее одаренные студенты продолжают совершенствовать знания и владение иностранным языком, обучаясь на отделении «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», организованном на нашей кафедре 20 лет назад. Как русские, так и иностранные студенты из Китая, Кореи и других стран успешно защищают выпускные квалификационные работы на иностранных языках и работают в дальнейшем переводчиками на фирмах.

Таким образом, для реализации новых образовательных программ педагогам необходимо смело внедрять современные интерактивные методы активного обучения, которые будут способствовать профессиональному развитию будущего специалиста. Постоянно развивающаяся система информационного обеспечения в сочетании с техническим сопровождением обеспечит качество образовательного процесса.

Литература

Конышева А. В. Английский язык. Современные методы обучения. Минск : Тетра Системс, 2007.

Панина Т. С., Вавилова Л. Н. Современные способы активизации обучения : учеб. пособие / под ред. Т. С. Паниной. М. : Академия, 2006.

Пидкасистый П. И. Педагогика : учеб. пособие. М. : Пед. о-во России, 1998. 448 с.

Полат Е. С. Дистанционное обучение : учеб. пособие. М. : ВЛАДОС, 1998. 192 с.

Райер Г., Лопанова Е., Рабочих Т. Технологии профессионального обучения, ориентированные на действие : учеб.-метод. пособие. Омск : Омскбланкиздат, 2008.

Эрганова Н. Е. Методика профессионального обучения. Екатеринбург, 2004.

Федеральные ГОС ВПО третьего поколения [Электронный ресурс] // Департамент метод. обеспечения С.-Петерб. ГПУ. URL: http://uap.spbstu.ru/fgos.

УДК 81’243

Е. Н. Стрельчук

Современные тенденции в методике преподавания русского языка как иностранного: от классики к инновациям

Аннотация. Рассматриваются современные тенденции, актуальные в методике преподавания РКИ. Акцентируется внимание на анализе диссертационных исследований и монографий, а также учебников и пособий, выполненных в русле современных направлений. С учетом педагогического опыта работы автора в данной области делаются выводы о взаимосвязи новых направлений РКИ с международным статусом русского языка, его развитием в глобальном интерактивном, мультимедийном пространстве. Особое внимание уделяется таким направлениям, как этнометодика, профессиональное общение, которые продолжают традиции классической методики РКИ. Вместе с тем актуальность приобретают современные компьютерные технологии, прикладная лингвокультурология, культура речи, которые являются инновационными направлениями в исследуемой области.

Ключевые слова: методика преподавания русского языка как иностранного, современные тенденции, классическая методика, инновации.

E. N. Strelchuk

Modern Tendencies in Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language: from the Classics to Innovation

Abstract. This article discusses the current trends, current in the methodology of teaching Russian as a foreign language. Focuses on the analysis of dissertations and monographs and textbooks, performed in line with modern trends. Taking into account the author's pedagogical experience in this area, conclusions are drawn on the relationship between new directions of Russian as a foreign language with the international status of the Russian language, its development in a global interactive, multimedia space. Special attention is paid to such areas as ethnomedica, professional communication that continue the traditions of the classical methods of Russian as a foreign language. However, the importance of modern computer technology, applied cultural linguistics, culture of speech, which are the innovative directions in the study area.

Keywords: methods of teaching Russian as a foreign language, modern trends, classic technique, innovation.

История методики преподавания русского языка как иностранного насчитывает не одну сотню лет. За столь длительный период многое в ней кардинально изменилось: подходы, технологии, учебные материалы.

В настоящее время методика преподавания РКИ располагает арсеналом лингводидактических исследований в различных направлениях,

множеством учебных пособий и учебников, вновь созданными словарями, помогающими ориентироваться в потоке информационного пространства интересующей нас области.

В предлагаемой статье мы попытаемся представить обзор основных тенденций в методике преподавания РКИ за последние пять лет. С этой целью были проанализированы диссертационные исследования, монографии, научно-методические статьи в известных журналах, учебные пособия и различные дидактические материалы. Изучение научной и учебной литературы позволило выявить основные направления, которые в настоящее время являются актуальными в методике преподавания русского языка иностранцам. Среди них:

– этноориентированная методика;

– профессиональное общение;

– современные компьютерные технологии;

– прикладная лингвокультурология;

– культура русской речи.

Сразу отметим, что все перечисленные направления соотносятся с использованием современных учебников и пособий на занятиях по русскому языку как иностранному, поэтому их взаимосвязь прослеживается на протяжении всей статьи: представлен анализ современных учебников и пособий в соответствии с конкретным направлением.

Однако, прежде чем приступить к характеристике основных тенденций, следует сказать, что перечисленные направления, по нашему мнению, обусловлены рядом причин, среди которых:

– повышение международного интереса к русскому языку и русской культуре;

– расширение сотрудничества между странами в области политики, экономики, культуры и образования;

– изменения в федеральных государственных стандартах высшего образования;

– привлечение современных западных технологий в образовательный процесс.

Все перечисленные причины так или иначе влияют на развитие современной методики преподавания РКИ.

Обратимся сначала к направлению «этнометодика». Введенное в научно-методический обиход Т. М. Балыхиной, оно продолжает традиции обучения иностранцев русскому языку с учетом национально ориентированного подхода. В этой связи хотелось бы отметить первые разработки В. Н. Вагнер и других ученых, активно работавших в обозначенном направлении еще несколько десятилетий назад [Вагнер, 2001].

В настоящее время расширяется диапазон исследований в русле этнометодики. Диссертационные исследования Мекратанакулпат Натчиван «Национально ориентированный подход к организации самосто-

ятельной работы тайских учащихся по овладению русским произношением (с использованием мобильного приложения)» [Мекратанакулпат, 2018], Дао Нгуен Тгуй «Национально ориентированная система заданий по обучению РКИ студентов-филологов в университетах Вьетнама: говорение, продвинутый этап» [Дао, 2015], Беженарь О. А. «Этноориентированная модель обучения русскому языку италоязычных учащихся вне языковой среды» [Беженарь, 2017] и многих других посвящены этой проблеме.

Как и раньше, не только вне языковой среды, но и в ее условиях (имеются в виду вузы России), приоритет отдается моногруппам, с которыми преподавателю работать намного комфортнее. Во-первых, не надо учитывать разные этнокультурные особенности учащихся. Во-вторых, можно подобрать национально ориентированный учебник или пособие.

Сегодня количество учебников для иностранцев достаточно велико. Издательства «Наука-Флинта», «Русский язык. Курсы», «Златоуст» и некоторые другие выпускают много разнообразной литературы, в том числе и с учетом обучаемого контингента. Однако следует констатировать, что не всегда можно найти необходимые учебные пособия. Зачастую контингент обучаемых меняется, и национально ориентированных учебников для них нет. Так, к примеру, за последние два года увеличился поток выходцев из Ирана. Преподаватели отмечают особые трудности при работе с данным контингентом и отсутствие учебных пособий для него.

Приезд в Россию для большинства иностранных студентов обусловлен получением высшего профессионального образования. Иранцы, например, хотят освоить профессию врача, в частности стоматолога. Поэтому профессиональное общение студентов по-прежнему является одним из актуальных направлений. Если раньше множество разработок в этой области было посвящено гуманитарным специальностям, то в последнее время акцент сделан на технических и медицинских специальностях. В. Б. Куриленко в своем исследовании «Методология и методика непрерывного профессионально-коммуникативного образования иностранных медиков» на основе образовательных парадигм (компетентностной, акмеологической, открытого образования) рассматривает процесс формирования и развития языковой личности иностранного студента медицинского вуза в условиях современной языковой среды [Куриленко, 2017]. И. А. Пугачев в диссертационной работе «Интегративная модель профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных бакалавров технического и естественно-научного профилей» предлагает профессионально-комплексную систему моделирования подготовки иностранных бакалавров технического и естественно-научного профилей [Пугачев, 2016].

Соответственно, разработанные исследования имеют богатую учебно-методическую базу, оснащенную учебными пособиями по язы-

ку специальности учащихся. Например, [Русский язык как иностранный…, 2017], [Говорим о медицине…, 2018] и др.

Почти все учебные пособия по профессиональному общению ориентированы на развитие коммуникативной компетенции, которая рассматривается в качестве базовой в свете ФГОС ВО. «При детальном рассмотрении общие и профессиональные компетенции, представленные в государственных стандартах ВПО третьего поколения (технические, естественно-научные и экономические профили), соответствуют основным компетенциям в Требованиях по РКИ» [Стрельчук, 2016, с. 42]. Так, автор учебного пособия «Будущему учителю» М. В. Абрамова пишет, что «текст является носителем содержания образования, в нем представлены ключевые темы осваиваемой специальности, чем и определяется ведущая роль текста в формировании коммуникативной компетенции студентов-инофонов в учебно-профессиональной сфере [Абрамова, 2016, с. 11]. Таким образом, заложенная в основу методики преподавания РКИ коммуникативная компетенция в современных образовательных условиях является одной из наиболее значимых компетенцией в ФГОС ВО.

Говоря о современных учебных пособиях, нельзя не отметить их многоаспектность и разнообразие. Однако при кажущемся большом ассортименте учебной литературы зачастую не удается выбрать пособие, отвечающее современным потребностям обучаемых. До сих пор очень мало пособий по профессиональному общению для учащихся продвинутого этапа обучения. В основном превалируют учебники для начального этапа, причем построенные на основе сознательно-практического метода.

За коммуникативный метод обучения, как правило, выступают зарубежные преподаватели. В этой связи хотелось бы отметить, что много интересных разработок подготовлено именно иностранными коллегами. Однако эти разработки остаются малоизвестными для российских преподавателей. Так, нам удалось познакомиться с учебниками, которые используются на практике в частных школах Российской Федерации на индивидуальных занятиях. Например, Dolgova Irina A., Martin Cynthia L. «Welcome Back! (Russian Stage Two, Textbook)» [Dolgova, 2010]; Magnati Dario, Legittimo Francesca «Давайте! Comunicare in Russo» [Magnati, 2017].

Констатируем тот факт, что проблемы, связанные с использованием учебников на занятиях по русскому языку как иностранному, всегда были в центре внимания методистов. Так, в частности, в 2017 г. в Словакии состоялся форум русистов «Братиславские встречи под Татрами 2017», во время которого рассматривалась тема «Учебник как перекресток культур». Какой учебник выбрать: универсальный или национальный? Этот вопрос обсуждался русистами из разных стран мира. Специ-

алисты отмечали, что выбор учебника зависит от многих факторов, в том числе и от «современного вектора движения: новая дидактика – новый учебник – новый учитель» [Буйняк, 2018, с. 130].

Не остались в стороне и современные дидактические материалы, оснащенные дисками, что свидетельствует об интенсивном развитии компьютерных технологий и их активном внедрении в область РКИ. Многие учебные пособия в качестве приложения имеют интересные разработки, записанные на электронные носители. Например, [Шестак, 2017].

Сегодня в большинстве университетов работают платформы, которые обеспечивают изучение материала по русскому языку как иностранному в дистанционной форме. Так, в Институте русского языка им. Пушкина функционирует портал «Образование на русском», который представляет собой проект реализации Программы продвижения русского языка и образования на русском языке за рубежом (инициатором выступили Совет по русскому языку при Правительстве РФ и Министерство образования и науки РФ). Эти возможности позволяют обучать русскому языку иностранных учащихся за пределами Российской Федерации, приобщать к русской культуре посредством погружения в языковую среду.

В Российском университете дружбы народов создано немало курсов повышения квалификации преподавателей по РКИ в дистанционной форме, которая пользуется все большей популярностью в мировом образовательном пространстве [Российский университет дружбы народов].

Изменились и подходы к проведению занятий, семинаров, конференций по русскому языку как иностранному. В связи с компьютеризацией учебного процесса востребованными становятся чат-занятия, веб-занятия, веб-форумы, телеконференции, которые проводятся с помощью средств телекоммуникаций и других возможностей интернета.

Однако дистанционное образование имеет как преимущества, так и недостатки.

Среди плюсов дистанционного образования следует отметить:

1) снижение затрат на проведение обучения;

2) отдаленность от основного места обучения;

3) разное количество человек в группе;

4) повышенное качество обучения за счет применения современных средств, объёмных электронных библиотек и т. д.

Из недостатков выделим:

1) отсутствие очного общения между обучающимися и преподавателем;

2) необходимость наличия целого ряда индивидуально-психологических условий;

3) необходимость постоянного доступа к источникам информации;

4) недостаток практических занятий;

5) отсутствие постоянного контроля над обучающимися.

Век компьютерных технологий напрямую связан с появлением новых терминов, которые, как правило, заимствуются из английского языка и проникают в пространство РКИ. Распространенным стало понятие «портфолио». В диссертационном исследовании Е. Н. Тарасовой разработано портфолио преподавателя РКИ, включающее методические рекомендации по его составлению [Тарасова, 2017]. Появилось множество лингводидактических технологий с новыми названиями, в частности дебатокоммуникация, лингвистический брифинг, кейс-технологии, эдутеймент, телетестинг, веб-квест и мн. др. В «Новом словаре методических терминов и понятий» А. Н. Щукина и Э. Г. Азимова большинство из них не отражено, поскольку проникновение иноязычных слов в методику преподавания РКИ происходит сравнительно быстро [Азимов, 2010]. Это свидетельствует о том, что классическая методика преподавания РКИ постепенно уступает место инновациям, без которых современный образовательный процесс уже немыслим. Почти все диссертационные исследования выполняются на стыке сразу нескольких направлений, одним из которых является инновационный: например, «Моделирование лингвопрофессионального мультимедиа курса для дистанционного обучения иностранных абитуриентов-филологов» [Жиндаева, 2015]; «Обучение русскому языку как иностранному на курсах вне языковой среды с использованием лингвотеатральных приемов» [Цотова, 2018]; «Информатизация обучения русскому языку иностранных студентов-медиков как основа для их подготовки к клинической практике в лечебных учреждениях [Итинсон, 2017].

Методика преподавания РКИ расширяет свои горизонты. Так, сравнительно новым направлением следует назвать прикладную лингвокультурологию. Выросшая из основ лингвострановедения, она все активнее завоевывает пространство РКИ. Не имея четкого определения и четкой методологии, прикладная лингвокультурология направлена на решение важных задач, среди которых «развитие иноязычной личности, способной к межкультурной коммуникации» [Стрельчук, 2016, с. 174]. «Именно в аспекте прикладной лингвокультурологии, триадой которой является «язык – культура – личность», можно эффективно способствовать формированию языковой личности иностранного студента», – пишет В. В. Воробьев [2013, с. 375]. Источниками прикладной лингвокульутрологии выступают прежде всего тексты. Так, исследование В. А. Сенцовой «Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень)» вносит определенный вклад в развитие прикладной лингвокультурологии, поскольку рассматриваемые поликодовые тексты способствуют формированию концептуальной картины мира иностранных студентов посредством лингвокультурных единиц, о которых говорится в диссертации [Сенцова, 2018]. Следует добавить, что в журнале

«Русский язык за рубежом» уже в течение нескольких лет существует рубрика «Прикладная лингвокультурология», в который публикуются разработки уроков по рассматриваемой проблематике.

Среди актуальных направлений в области РКИ можно отметить также обучение иностранных учащихся культуре русской речи. В своем диссертационном исследовании Е. Н. Стрельчук пишет, что «речь иностранного учащегося должна быть не только правильной с точки зрения соблюдения норм современного русского языка (о чем свидетельствуют многочисленные исследования в этой области), но и соответствовать другим коммуникативным качествам. Например, логичности, уместности, точности, выразительности и т. д., которые являются важными составляющими речевой культуры» [Стрельчук, 2016, с. 8]. Не случайно курс «Русский язык и культура речи» в настоящее время читается иностранным учащимся, обучающимся в вузах Российской Федерации. Пособия, изданные разными издательствами, направлены на формирование речевой культуры инофонов, например, «Русский язык и культура речи в иностранной аудитории: теория и практика» [Стрельчук, 2011]. При этом следует добавить, что вопросы речевой культуры иностранцев стали рассматриваться более детализированно, чем это было раньше. Так, в своем диссертационном исследовании «Жаргонная лексика в современном русском молодежном дискурсе и возможности ее представления в словаре для изучающих русский язык как иностранный: на материале жаргонизмов, функционирующих в речи воронежской молодежи» Ж. И. Руденя предлагает создать словарик жаргонизмов для иностранцев [Руденя, 2017].

Таким образом, современная методика преподавания РКИ постоянно обогащается новыми исследованиями и учебными материалами. Одно не существует без другого и находится в тесной взаимосвязи. В настоящей статье мы представили анализ сравнительно небольшой части тех разработок, которые сделаны за последние пять лет в области РКИ. Полагаем, что, находя реализацию в современном образовательном пространстве, новые тенденции будут координировать с классикой, без которой немыслимо обучение иностранцев русскому языку.

Литература

Абрамова М. В. Формирование коммуникативной компетенции иностранных студентов в учебно-профессиональной сфере на материале текстов по педагогике : дис. … канд. пед. наук. СПб., 2016. 291 с.

Азимов З. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. М. : ИКАР, 2010. 448 с.

Беженарь О. А. Этноориентированная модель обучения русскому языку италоязычных учащихся вне языковой среды : дис. … канд. пед. наук. М., 2017. 220 с.

Буйняк М. VII Международный Форум русистов «Братиславские встречи под Татрами» : реферат // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 1. С. 129–132. DOI: 10.22363/2313-2264-2018-16-1-129-132

Вагнер В. Н. Методика преподавания русского языка англоговорящим и франкоговорящим на основе межъязыкового сопоставительного анализа: Фонетика. Графика. Словообразование. Структура предложений, порядок слов. Части речи : учеб. пособие. М. : Владос, 2001. 384 с.

Воробьев В. В. Теоретическая и прикладная лингвокультурология: «два в одном» или расходящееся единство // XXVII Пушкинские чтения : сб. науч. тр. М., 2013. С. 374–378.

Говорим о медицине по-русски. Русский язык для иностранных студентов-медиков. II уровень владения русским языком в учебной и социально-профессиональной макросферах : учебник / Л. А. Титова, В. Б. Куриленко, М. А. Макарова, Т. А. Смолдырева. М. : Флинта : Наука, 2018. 392 с.

Дао Нгуен Тгуй. Национально ориентированная система заданий по обучению РКИ студентов-филологов в университетах Вьетнама: говорение, продвинутый этап : дис. … канд. пед. наук. М., 2015. 175 с.

Жиндаева А. Г. Моделирование лингвопрофессионального мультимедиа курса для дистанционного обучения иностранных абитуриентов-филологов : дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 267 с.

Итинсон К. С. Информатизация обучения русскому языку иностранных студентов-медиков как основа для их подготовки к клинической практике в лечебных учреждениях : дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2017. 230 с.

Куриленко В. Б. Методология и методика непрерывного профессионально-коммуникативного образования иностранных медиков : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2017. 523 с.

Мекратанакулпат Натчиван. Национально-ориентированный подход к организации самостоятельной работы тайских учащихся по овладению русским произношением (с использованием мобильного приложения) : дис. … канд. пед. наук. СПб., 2018. 182 с.

Пугачев И. А. Интегративная модель профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных бакалавров технического и естественнонаучного профилей : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2016.

Российский университет дружбы народов [Электронный ресурс] : сайт. URL: http://elearn.rudn.ru/].

Руденя Ж. И. Жаргонная лексика в современном русском молодежном дискурсе и возможности ее представления в словаре для изучающих русский язык как иностранный: на материале жаргонизмов, функционирующих в речи воронежской молодежи : дис. … филол. наук. Воронеж, 2017. 221 с.

Русский язык как иностранный. Культура речевого общения : учеб. пособие / И. А. Пугачев, М. Б. Будильцева, Н. С. Новикова, И. Ю. Варламова. М. : Юрайт, 2017. 231 с.

Сенцова В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике (I сертификационный уровень) : дис. … канд. пед. наук. СПб., 2018. 184 с.

Стрельчук Е. Н. Русский язык и культура речи в иностранной аудитории: теория и практика : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2011. 128 с.

Стрельчук Е. Н. Формирование русской речевой культуры иностранных бакалавров негуманитарных специальностей в вузах РФ : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2016. 357 с.

Тарасова Е. Н. Теоретические основы когнитивно-компетентностного обучения устной профессиональной коммуникации в педагогическом вузе : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2017. 320 с.

Цотова Д. Ю. Обучение русскому языку как иностранному на курсах вне языковой среды с использованием лингвотеатральных приемов : дис. … канд. пед. наук. М., 2018. 294 с.

Шестак О. В., Парецкая М. Э. Русская мозаика: учебник по русскому языку как иностранному. Средний этап (B1+). СПб. : Златоуст, 2017. 280 с.

Dolgova I. A., Martin Cynthia L. Welcome Back! (Russian Stage Two, Textbook). 3rd ed. Kendall Hunt Publishing Company, 2010. 652 p.

Magnati Dario, Legittimo Francesca. Comunicare in Russo. Milano : Corsi di lingua, 2017. 253 p.

Актуальные проблемы современного переводоведения

УДК 81’42

А. М. Бессчастная

Статус текста в документальном кино

Аннотация. Рассматриваются возможность корреляции документального кино с биографическим и портретным жанром, свойства жанров портрета и биографии, периоды истории биографического жанра в кино. Описываются характерные черты периодов развития жанра биографии и их отображение в современном документальном кино. Изучается роль текста на протяжении всех стадий создания фильма.

Ключевые слова: документальное кино, биография, портрет, кинодиалог, кинодискурс, поликодовый текст.

A. M. Besschastnaya

Text Status in Documentary Cinema

Abstract. The article considers the connection of documentaries with a biographic and portrait genre. The characteristic of the portrait and the biography genres, the history of a biographic genre at cinema are given. The main features of the development periods of biography genres and how they are displayed in modern documentary are described. The text role during all the stages of film is examined.

Keywords: documentaries, biography, portrait, film discourse, text, polycode text.

Документальное кино сегодня набирает все большую популярность, популярные телеканалы показывают документальное кино в прайм-тайм, их номинируют на престижные кинопремии и показывают на международных кинофестивалях. У телеэкранов документальное кино может сейчас собрать большее количество зрителей, чем художественные фильмы, потому что зрители предпочитают смотреть популярные художественные картины в кинотеатрах, которые, как правило, не показывают документальные фильмы, поэтому для многих зрителей телевидение является основным ресурсом просмотра документальных фильмов. Также в отличие от художественного кино, которое на телевидении показывают уже после его появления на большом экране и интернет-ресурсах, документальное кино изначально показывают по телевидению, и только потом оно появляется в Интернете. Таким образом, премьера документальных фильмов происходит на телевидении, и именно оно является их первоисточником, что также является причиной того, что премьерный показ документального фильма на телеканале собирает большое количество зрителей.

Первые работы по теории кино возникли в эпоху немого кино, и изначально в них подчёркивалось, что кино не отображает, а создает свою реальность [Балаш; Зигфрид]. В середине 1990-х гг. французский кинокритик и теоретик кино Андре Базен выступил против такого подхода, утверждая, что сущность фильма заключается в его способности воспроизводить реальность, передавая ее максимально точно и без искажения [Bazin]. В течение последующих лет появилось несколько значимых работ по теории кино, такие как: «Киноведение как наука» В. С. Соколова [Соколов], «Кино» Ж. Делёза [Делёз], «Теория кино. От Эйзенштейна до Тарковского» С. И. Фрейлиха [Фрейлих], «Воображаемое означающее» К. Метца [Метц], «Кино как визуальный код» М. Кувшиновой [Кувшинова], а также труды по переводу кинодиалога «Перевод в кино», «Кинодиалог, образ-смысл, перевод» В. Е. Горшковой [Горшкова, 2014]. Как правило, вышеперечисленные работы в большей степени затрагивают художественные фильмы. Документальное кино является совершенно новой сферой для изучения, которая в последнее время привлекает все больше внимания исследователей [Разлогов, 1984; Геращенко, 2003; Давыдова, 2005; Сычев, 2009; Коньков, 2016].

Документальное кино как жанр появилось в 1920-х гг., когда Джон Грирсон первым предложил назвать его творческой разработкой действительности (цит. по: [О жанре портрета и биографии]). До этого все съемки, отражающие знаковые события и повседневность, рассматривались как побочный результат использования кинокамеры. Сегодня существует несколько жанров неигрового кино, среди которых одним из самых популярных считается документальная биография.

Так, российский киновед Г. Прожико утверждает, что жанр документальной биографии существует в пространстве жанра современного или исторического портрета. Принцип портрета, т. е. выделения человека из общего потока людей в обществе, используется в документальном кино с 1930-х гг. [Границы искусства].

Говоря об истории развития документального кино в России, Г. Прожико утверждает, что в 1960-х гг. в документальном кино наступило время личностного портрета: «Авторов документальных фильмов личность человека прежде всего интересует как существование самостоятельного душевного пространства. Теперь человек интересен своими особенностями. Главным инструментом становится диалог, собеседование. Неверно утверждать, что глаза – зеркало души, потому что внутренний мир человека проецируется через исповедальность. В случае российского кино определенная динамика этого портрета пришлась на 1970-е гг… Документальные фильмы 1990-х гг. и нынешних лет сохраняют любопытство к людям. Изощренная художественная форма, структура портрета очень отличалась в 1960-е гг. выразительной пла-

стикой, интересными композиционными решениями. Сейчас же распространена традиционная схема длинного интервью, разрезанного на куски, с перебивками и иллюстративными вкраплениями… К сожалению, фильмы 1990-х, да и современные тоже, отмечены большим количеством подделок, когда на интересных, исторически важных людей культуры авторы смотрят «взглядом камердинера». Более того, именно частная жизнь со всеми перипетиями становится объектом наблюдения, в фильме появляется очень много домысленного. Фигура поэта или исторического деятеля уходит на второй план, а на первом плане некие мелодраматические и пошловатые откровения» [О жанре портрета …].

Как правило, документальные фильмы освещают какое-либо исторические событие или посвящены известной личности, поэтому нередко они основываются на биографиях знаменитых людей. В то же время документальное кино в определенной степени создает портрет своего героя, его конкретный образ и формирует соответствующее зрительское представление о нем. Соответственно, портрет и биографию объединяет общая сущность, заключающаяся в их способности существовать на грани разных форм творчества, соединяя в себя характеристики той или иной формы. Исходя из этого, можно выделить три основных свойства портрета и биографии:

1) способность быть на грани различных форм искусства и науки;

2) способность быть на грани жанра (единого и целого) и средства (элемента, части от целого);

3) способность быть на грани друг с другом. Несмотря на явную близость, у жанров портрета и биографии разные задачи. Жанр портрета, как правило, имеет выраженную тенденцию к поэтизации – созданию художественного образа. Жанр биографии больше тяготеет к документальности – созданию публицистического образа. Документальное кино, в свою очередь, сочетает аналитическое и художественное начало [О жанре портрета и биографии].

Документальное кино можно отнести к биографическому жанру, так как в его основу входят съемки подлинных лиц и событий. Документальные фильмы освещают определенные события, явления культуры, некоторые научные гипотезы, а также жизнь определенных обществ, что соответствует общему определению биографии как «жизнеописания человека» [Березань, 2013, с. 27–28].

Биографическое произведение может быть использовано в качестве материала, на основе которого снимаются документальные фильмы. В данном случае в фильме производится анализ биографии героя, и к биографическим данным добавляется ряд образов, представляющих его.

Как и жанр биографии, документальное кино опирается на совокупность фактов жизни героя фильма (подлинного лица) или освещаемого события.

Исследователи выделяют несколько периодов в истории развития жанра биографии:

1. Античный период. Героем биографии является публичная личность, играющая большую роль в обществе. Цель произведения – возбуждение морального энтузиазма, что имело ярко выраженный нормативно-педагогический характер.

2. Классический период. Герой биографии – неординарная, выдающаяся личность, чья жизнь выходит за рамки обыденной. В это время биография считается героической, назидательной, патриотической. Герой произведения не рассматривается авторами как живой человек, а отожествляется только с его деятельностью.

3. XVIII в. Английский писатель С. Джонсон начинает уделять особое внимание частной жизни героя, мелочам быта и жизни как средствам, помогающим охарактеризовать и воссоздать облик героя при написании биографического произведения, посвященного последнему. В это же время Дж. Босуэлл использует беседу в качестве основы биографического описания жизни Сэмюэля Джонсона, а также включает в биографические произведения личные письма, истории из жизни и разговоры. В означенный период в биографии особенно ценным считался настоящий, живой образ героя, его внутренний мир.

4. Новая биография. Особенностями жанра в этот период становятся его краткость, лаконичность, тщательный отбор фактов, ироничность, раскованность. Ее герой – не выдающаяся личность классической эпохи, а человек во всей его сути. Авторы стремятся показать многогранность его личности, создать общий исторический контекст, в который вписывается герой произведения. Новая биография считается одновременно модернистской, неоклассической, литературной, социально-исторической, документальной, психологической, художественной и выражает позицию ответственности автора перед своим героем. Особое внимание уделяется внутреннему развитию личности, его внешнему, а не героическому проявлению [Березань, 2013, с. 29–31].

В документальном кино мы можем отследить черты всех периодов развития биографического жанра. Существуют фильмы, снятые в духе классического периода биографии, посвященные выдающимся личностям, с целью мотивировать своего зрителя, например, фильм Первого канала «Майя. Великолепная» (реж. В. Спирин, 2015). Фильм о знаменитой балерине Майе Плисецкой, показывающий великую балерину не только с профессиональной точки зрения, но и как выдающуюся сильную личность. Есть фильмы, в которых герой показан в большей степени со своей профессиональной стороны. Например, фильм Оливера Стоуна «Путин» (2017), где освещается профессиональная сторона жизни президента России и показываются качества, проявляющиеся исключительно в его деятельности как главы государства. В то же вре-

мя вышеупомянутые документальные фильмы основываются на интервью героев, что является характерным для документального кино. Часто интервью, личные письма используются с целью отобразить внутренний мир героя, а не только показать его как героя своего времени. Сегодня большинство документальных фильмов снимается в духе новой биографии, так как данный жанр допускает множественность точек зрения, благодаря чему режиссер может выразить свое личное видение героя. Например, фильм «Кобейн. Чертов монтаж» (реж. Б. Морген, 2015), посвященный скандально известному музыканту Курту Кобейну. Режиссер фильма, используя личные архивы, интервью с близкими людьми, отслеживает его путь от начала музыкальной карьеры в городе Абердин, штат Вашингтон, до времени, когда он стал кумиром начала 90-х, и представляет как человека, который жил в постоянной борьбе с окружающим миром.

По мнению М. П. Березань, наличие альтернативы в биографическом жанре свидетельствует о его релятивизме, который допускает вариативность в той сфере, где раньше это считалось недопустимым. Интерес автора сместился с описания общеизвестных фактов биографии на освещение более спорных аспектов жизни героя, доходящее иногда до выстраивания своих собственных фантазийных версий [Березань, 2013, с. 29].

Документальное кино также отличается релятивизмом, что можно объяснить желанием режиссера придать свой смысл и по-своему интерпретировать те или иные факты. Это может указывать на развитие субъективизма в документальном жанре. Г. Прожико полагает, что документалистика никогда не была слепком реальности, она только отражает впечатление автора от реальности [О жанре портрета и биографии].

Современное документальное кино имеет ярко выраженный противоречивый, множественный характер, является культуроцентричным, герой интересен исключительно как носитель культуры. Проблемы, затрагиваемые в фильме, могут освещаться с разных сторон, большую роль при представлении героя играет критическое начало.

Показывая героя, режиссер рисует то, как он его видит, создавая определенный образ и тем самым влияя на своего зрителя и формируя определенное представление о герое. В данном случае мы можем говорить о кинодискурсе, а именно дискурсе документального кино. Напомним, что дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1990, с. 136–137].

Многие ученые, занимающиеся семиотикой, обращаются к кинодискурсу (Ю. М. Лотман, А. Хельман, У. Эко). Ю. М. Лотман приравнивает кино к дискурсу так же, как и поэмы и симфонии [Нелюбина, 2013, с. 71].

Говоря о дискурсе документального кино, киновед А. Семенюк указывает на определенную противоречивость последнего. Образ героя документального кино должен содержать множество подтекстовых уровней, так как в нем должно соединяться несколько типических черт. Необходимо показать не только образ конкретного человека, но и то, как в нем сходится множество других биографий. Накопив все богатство образного ряда, автор в конце фильма выходит на ряд обобщений [О жанре портрета и биографии].

Как было сказано выше, документальный фильм часто основывается на биографии. Исходя из этого, большую роль в нем играет собственно текст. Это позволяет исследователям определять документальное кино как поликодовый текст и выделять несколько этапов создания данного текста [Коньков, Маевская, 2016, с. 133–134].

- *1-й этап* предшествует непосредственному созданию фильма. Автор определяет тему фильма, его ритм и темп чередования кадров, сцен, персонажей. Данный этап также присутствует при создании традиционных литературных произведений на вербальной основе. В. И. Коньков и М. И. Маевская утверждают, что ритм и интонация прозаического текста играют большую роль при реализации автором идеи текста.
- *2-й этап* – создание синопсиса. Синопсис не представляет фильм как художественно-публицистический текст сам по себе. Он создается с целью рассказать о проекте будущего фильма, с помощью него определяют целесообразность реализации предложенного проекта. Соответственно, синопсис может быть определен как метатекст – текст о тексте будущего фильма. В синопсисе также закладывается степень поликодовости текста будущего фильма. Синопсис является вспомогательной коммуникативной средой, а переход от синопсиса к сценарию – переходом от одной среды коммуникации к другой. Данная смена среды коммуникации влечет за собой уменьшение или увеличение степени поликодовости текста.
- *3-й этап* – создание сценария. При сопоставлении текста сценария и звучащей речи в фильме можно заключить, что формально это один и тот же текст. Тем не менее семантический статус слова в сценарии значительно отличается от семантического статуса тех же слов в фильме. Сценарий обращен к участвующим в съемках фильма и прочитывается ими как руководство к работе над фильмом. Функционально такой текст приравнивается к метатексту – «текстовым элементам второго порядка, выполняющим служебные функции по отношению к некому первичному тексту» [Академик], однако он обращен не к третьим лицам, как синопсис, а непосредственно к людям, работающим над фильмом. В данном метатексте содержание фильма разрабатывается значительно глубже синопсиса и совершенно иначе. В то же время в

этом тексте создатели видят то, что впоследствии должны увидеть зрители фильма. Зрители услышат то же самое, текст уже будет лишен своей метафункции.

- *4-й этап* – документальный фильм как произведение. Фильм, который зрители переживают и осмысливают в процессе просмотра, имеет статус произведения. Если же фильм не вызывает эмоций и переживаний у зрителя, тогда он может иметь статус текста, который зрители просто смотрят, не переживая. Данное утверждение отражает идею М. Бахтина о том, что «лингвистика имеет дело с текстом, но не с произведением. То же, что она говорит о произведении, привносится контрабандным путем и из чисто лингвистического анализа не вытекает... Несколько упрощая дело: чисто лингвистические отношения (то есть предмет лингвистики) – это отношения знака к знаку и знакам в пределах системы языка или текста (то есть системные или линейные отношения между знаками). Отношения высказываний к реальной действительности, к реальному говорящему субъекту и к реальным другим высказываниям, отношения, впервые делающие высказывания истинными или ложными, прекрасными и т. п., никогда не могут стать предметом лингвистики...» (Бахтин, цит. по: [Коньков, Маевская, 2016, с. 133–134]).

Исходя из вышесказанного, мы можем прийти к выводу, что текст играет большую роль и при создании документального кино, так как многие документальные фильмы основаны на текстах биографий, писем, интервью. Непосредственно сам фильм представляет собой сложный поликодовый текст, а процесс его создания от идеи до просмотра зрителями является переходом к разным типам текста.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.

Балаш Б. Культура кино [Электронный ресурс]. URL: http://www.kodges.ru/kultura/kinoisskustv/323224-kultura-kino.html (дата обращения 10.06.18).

Березань М. П. Эволюция жанра биографии // Ист. поэтика жанра. 2013. № 5. С. 27–32.

Геращеко Л. Л. Конфликт в отечественном документальном кино 90-х гг.: исслед. по кино, теле и др. экран. искусствам : дис. … канд. исскуст-я. М., 2003. 233 с.

Горшкова В. Е. Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод. Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. 367 с.

Горшкова В. Е. Перевод в кино. Иркутск : ИГЛУ, 2006. 276 с.

Границы искусства [Электронный ресурс]. URL: https://theoryandpractice.ru/posts/10470-doc-biography (дата обращения 01.05.18).

Давыдова М. М. Просодия, семантика и прагматика текста в регистре документального кино. На материале англоязычных фильмов страноведческой тематики: иссл. по гер. яз. : дис. … канд. филол. наук. Самара, 2005. 208 с.

Делёз Ж. Кино [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze-cinema-ru.pdf (дата обращения 17.06.18).

Зигфрид К. Природа фильма. Реабилитация физической реальности [Электронный ресурс]. URL: http://www.philol. msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/krakauer (дата обращения 15.06.18).

Коньков В. И., Маевская М. И. Документальный фильм: история формирования поликодового текста // Век информации. 2016. № 2. С. 133–134.

Кувшинова М. Кино как визуальный код [Электронный ресурс]. URL: http://canevaccio.ru/file/1687632/ (дата обращения 10.06.18).

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt (дата обращения 01.05.18).

Мец К. Воображаемое означаемое. Психоанализ и кино [Электронный ресурс]. URL: http://www.klex.ru/jxe (дата обращения 15.06.18).

Нелюбина Ю. А. Кинодискурс как объект лингвистического изучения // Челяб. гуманитарий. 2013. № 3. С. 71–74.

О жанре портрета и биографии [Электронный ресурс]. URL: http://md-eksperiment.org/post/20160729-o-zhanre-portreta-i-biografii (дата обращения 01.05.18).

Разлогов К. Строение фильма. М. : Радуга, 1984. 279 с.

Соколов В. С. Киноведение как наука [Электронный ресурс]. URL: http://migliore-am.ru/dipsbenbore/ hudojestvennaya-literatura/ kinovedenie-kak-nauka-.html (дата обращения 18.06.18).

Сычев С. В. Эволюция теденций развития документального кино и телефильма: иссл. по журн. : дис. … канд. филол. наук. М., 2009. 345 с.

Эко У. Парадоксы интерпретации [Электронный ресурс]. URL: http://yanko.lib.ru/ books/cultur/usmanova-eco.htm (дата обращения 10.06.18).

Фрейлих С. И. Теория кино: от Эйзенштейна до Тарковского [Электронный ресурс]. URL: http://kinofication.ru/b/ Freilih_Teorija_kino_ot_Eis_do_Tark.pdf (дата обращения 18.06.18).

Bazin A. What is the cinema? [Электронный ресурс]. URL: https://fadingtheaesthetic.files.wordpress.com/2013/03/bazin-andre-what-is-cinema-volume-2-kg.pdf (дата обращения 10.06.18).

УДК 802/809-085

Е. А. Вебер
М. Л. Ружникова

Критерии и процедура оценки качества письменного перевода на облачных САТ-платформах

Аннотация. Обсуждается проблема оценки качества перевода в свете ключевых положений современного переводоведения через обращение к ключевым понятиям «адекватность», «эквивалентность», «переводимость», «непереводимость», подчеркивается значимость учета требований заказчика при оценке качества перевода, представляется технический инструментарий современных переводческих платформ и технические возможности оценки качества перевода. Интерес вызывает классификация критериев оценки качества, принятых за основу на двух западных облачных переводческих САТ-платформах SmartCAT и Memsource. Подчеркивается важность ознакомления профессиональных переводчиков с процедурой оценки качества перевода, с обращением к опыту не только отечественного переводоведения, но и ведущих западных разработчиков переводческого IT-инструментария.

Ключевые слова: оценка качества перевода, САТ-платформы, адекватность, эквивалентность.

E. A. Veber, M. L. Ruzhnikova

Criteria and Procedure for Assessing the Quality of Translation on CAT Cloud Platforms

Abstract. The article addresses the issues of translation quality assessment in the light of key notions of modern translation studies such as “adequacy”, “equivalence”, “translatability” and “untranslatability”. The importance of taking into account requester’s demands to quality evaluation is emphasized, LQA tools of

modern cloud-based CAT-platforms is introduced. The article describes classification of translation evaluation criteria adopted by two CAT-platforms: SmartCAT and Memsource. The authors emphasize the importance of training future professional translators to perform translation evaluation procedures based not only on Russian academic school criteria, but the ones introduced by western designers of CAT-platforms.
Keywords: translation quality assessment, CAT-planforms, adequacy, equivalence.

Качество перевода остается одной из наиболее обсуждаемых тем в переводоведении, поэтому вопросу оценки качества перевода уделяется огромное внимание в среде как зарубежных, так и отечественных переводоведов [Комиссаров, 1976, Гарбовский, 2004; Климзо, 2004; Масловский, 2005; Сдобников, Петрова, 2007; Шумакова, 2009; Мошкович, 2013 и др.].

Такое внимание к процедуре оценки вызвано тем, что, по общему мнению, процесс оценки качества перевода – одна их наиболее сложных и необходимых составляющих переводческого процесса. Сложность оценки качества обусловлена многими факторами: во-первых, невозможностью применять один и тот же набор критериев для всех типов текстов; во-вторых, субъективностью в силу этого процесса оценки, осуществляемой человеком. Весьма обнадеживает стремление современных технологических лидеров в области программного обеспечения для переводчиков и переводческих бюро направить этот процесс в более автоматизированное русло. Одним из продуктивных решений, позволяющих преодолеть описанные недостатки существовавших ранее подходов к оценке качества, к которому мы обратимся в этой статье, является создание инструментария в рамках САТ-платформы, используемого человеком.

К числу центральных понятий в современном переводоведении, применимых к общей характеристике результатов переводческого процесса, относятся понятия «адекватность» и «эквивалентность». Под эквивалентным переводом В. Н. Комиссаров понимал «перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности», тогда как адекватный перевод – это перевод, который оправдывает ожидания и надежды участников межязыковой коммуникации или лиц, осуществляющих оценку качества перевода, который соответствует прагматической задаче текста оригинала [Комиссаров, 2000, с. 152]. Тем не менее, по мнению В. Н. Комиссарова, общей характеристики перевода для оценки качества перевода недостаточно, и для определенной сферы профессиональной деятельности зачастую «требуется более конкретное указание на недостатки и достоинства перевода» [Там же, с. 153]. В свете последних достижений современной науки о переводе понятие «эквивалентность» соотнесена с позитивистским тождеством, понятие «адекватность» – с феноменологическим, движение к тождеству оригинала и перевода не может достигать абсолютного результата, в силу чего остающиеся различия между содержанием оригинала и пе-

ревода могут и должны осознаваться переводчиком. Осознание различий или «когнитивного зазора» обусловливает появление когнитивного диссонанса переводчика, приводящего к «регулярной переоценке прежних результатов перевода» и являющегося причиной выполнения повторных переводов отдельных произведений [Воскобойник, 2004, с. 20].

В технической сфере оценка результатов зачастую выполняется по заранее заданным жестким критериям, варьирующимся от тематической области, корпоративных требований и традиций, что значительно упрощает процедуру оценки, особенно внутри одного профессионального сообщества. Оценка качества в таких условиях часто выступает инструментом в обеспечении профессионального роста молодых и недостаточно опытных начинающих переводчиков, которые учатся на ошибках, пополняют терминологический багаж, оттачивают стиль.

В силу творческой природы процесса перевода буква текста оригинала не может торжествовать над его художественной ценностью. Мастером художественного перевода, по всеобщему признанию, становится тот, кто обеспечивает эстетическую и идейную близость к подлиннику, в силу этого однозначных критериев качества художественного перевода быть не может. Как отмечает В. С. Модестов, главным для данного вида перевода является максимально полное и всестороннее воспроизведение литературного оригинала. Необходимым условием такого процесса является полноценность перевода как художественного произведения [Модестов, 2006].

Существующий традиционный подход к относительности оценочных критериев перевода в академической литературе отчасти обусловлен существованием и активным обсуждением апории переводимости/непереводимости. Как утверждал В. Н. Комиссаров, «…любой оригинал одновременно может считаться в смысле отсутствия абсолютного тождества с переводом и должен быть признан переводимым в смысле создания полноценной функциональной замены его на другом языке и передачи любой части содержания оригинала, которую переводчик считает важной для данного акта межъязыкового общения, и возможности компенсации без потерь» [Комиссаров, 1976, с. 9].

Как свидетельствуют современные исследования [Шевчук, 2010; Чужакин, Палажченко, 1999; Латышев, Семенов, 2003 и др.], разрешение проблемы зачастую переносится из лингвистической и лингвокультурологической сферы в области чисто практические, позволяющие «разрешать ее социально-договорным путем» [Воскобойник, 2004, с. 6].

Сложно не согласиться с тем фактом, что критерии качества перевода должны быть также связаны и с ожиданиями, требованиями к качеству переводческого продукта его заказчика. В зависимости от области специализации, сферы деятельности в качестве критерия оценки

выбираются те или иные релевантные характеристики переводного текста, компетенции, стратегии переводческих решений.

Кроме того, качество является инструментом конкурентной борьбы, менеджмента, рыночным инструментом, определяющим успешность профессиональной деятельности переводчика. В силу этого качество перевода становится важным критерием оценки эффективности подготовки специалистов в области высшего образования.

В сфере подготовки профессиональных переводчиков в академических условиях процесс поиска критериев для оценки качества выглядит более результативным. Так, весьма распространена система «балльности», согласно которой за допущенные ошибки назначаются штрафные баллы, снижающие общую оценку. Следует отметить, что та или иная оценка в силу своей природы может иметь разный «вес».

Опираясь на подход, предлагаемый В. Н. Комиссаровым [1990], выделяют ошибки, грубо искажающие содержание оригинала, приводящие к указанию на иную ситуацию, изменению цели коммуникации, дезинформации рецептора перевода, каждая из которых может стать причиной снижения оценки на один балл. Ошибки, не искажающие смысл перевода полностью, однако приводящие к его изменению (такие как неточная передача отдельных слов или деталей оригинала), могут вызвать снижение общей оценки перевода на полбалла в каждом случае допущения. Ошибки, не нарушающие общего смысла, но изменяющие стилистические особенности оригинала, ошибки, свидетельствующие о недостаточном владении переводчиком языком перевода, снижают общую оценку на 0,25 балла, но при большом количестве таких ошибок в тексте перевода могут существенно снизить итоговую оценку за выполненный перевод.

Технический прогресс способствует развитию новых навыков и компетенций переводчика, в частности, САТ-программы вносят существенные коррективы в процесс перевода. Возможности компьютерной техники, укрепление связей с транснациональными корпорациями, ориентированность товаров на широкий круг потребителей из разных стран стимулируют появление сопроводительной документации и программного обеспечения, которые необходимо перевести на иностранные языки и адаптировать, регулярно совершенствовать и локализовать [Шевчук, 2010]. В конце прошлого века резко повысился спрос на локализацию программного обеспечения, интернет-сайтов, документов, предназначенных для размещения на различных порталах в Сети. Новые возможности Интернета позволяют предприятиям вести активную деятельность на международном рынке, расширять пользовательскую аудиторию. В то же время новые информационные технологии не только приносят компаниям прибыль, но и требуют значительных регулярных капиталовложений, обусловленных необходимостью их техниче-

ской поддержки и обновления [Семенов, 2008, с. 14]. Уже сейчас использование САТ-программ является неотъемлемой частью профессиональной деятельности переводчика и важнейшим инструментарием бюро переводов.

Будучи заинтересованными в сохранении клиентской базы, получении новых крупных заказов, сохранении своей рыночной ниши и поддержании высокого статуса в конкурентной среде с выгодным для клиента сохранением конкурентоспособного соотношения цены и качества выполняемых переводов, такие крупные корпоративные пользователи, как бюро переводов, заинтересованы в наличии на платформе соответствующего инструментария, позволяющего отслеживать качество переводов. От эффективного применения данного инструментария зависит успешность предприятия. В силу этого в структуре переводческого процесса важная роль отводится менеджеру, редактору перевода, осуществляющему контролирующую функцию. Инструментарий оценки качества переводов активно применяется при оценке качества работы фрилансеров, получающих приглашение к сотрудничеству. Такой инструментарий позволяет наиболее точно выбрать подходящего для проекта переводчика, оперируя категориями «скорость выполнения перевода» / «качество» / «временные затраты на редактирование» и определяя их соотношение.

Кроме этого, использование инструментария САТ-платформ, в том числе и инструментария для оценки качества и редактирования, обеспечивает единообразие перевода, что особенно ценно в случае работы целой команды переводчиков над одним большим проектом в удаленном режиме.

Обратимся к тому, какой инструментарий переводческие платформы, обеспечивающие САТ, способны предоставить для оценки качества переводов.

В платформу SmartCAT встроен модуль контроля качества перевода, обладающий целым рядом опций, большинство из которых переводчик может, исходя из своих текущих задач, отключить или включить.

Система легко находит всевозможные ошибки, связанные с орфографией, пунктуацией, терминологией, данными памяти переводов и форматированием, однако оставляет принятие решения за переводчиком, предлагая в контекстном меню варианты исправления ошибки.

Таким образом, система всего лишь информирует о возможной ошибке, не беря на себя смелость решать за пользователя, нужно ли что-либо исправлять или нет. Это представляется большим плюсом, поскольку позволяет существенно сэкономить время, так как опыт работы в других системах показывает, что «переубедить» машину в том, что автоматическое исправление не требуется, бывает крайне непросто.

Если в переводе сегмента обнаружены ошибки, рядом с ними появится желтый значок. Чтобы увидеть список ошибок, переводчику необходимо всего лишь щелкнуть по данному значку.

Однако встречаются и критические ошибки, которые ни при каких обстоятельствах не позволяют подтвердить сегмент перевода, пока ошибка не будет устранена.

При попытке подтвердить сегмент, содержащий критическую ошибку, появится предупреждающее сообщение.

По умолчанию критическими являются ошибки, связанные с тегами. Под тегами в данном случае понимается код, сохраняющий информацию о форматировании исходного текста, что позволяет переводчику не тратить на это время и силы, а предоставить все делать машине.

В зависимости от особенностей проекта присвоить статус критических ошибок можно самостоятельно в настройках контроля качества, например, несоответствие терминов глоссарию, так как во многих узкоспециальных отраслях давно устоялись вполне определенные эквиваленты, и случайное словарное соответствие с пометкой, например, «технический термин» или «медицинский термин» таковым может и не являться. В глоссарий же могут быть внесены обговоренные и утвержденные заказчиком соответствия либо соответствия, установленные переводчиком в ходе изучения всевозможных авторитетных источников.

Остановимся подробнее на настройке контроля качества. Как уже отмечалось ранее, в число критических ошибок можно самостоятельно включить несоответствие термину глоссария, использование запрещенного термина, использование неправильного регистра, расхождения с уже подтвержденной памятью перевода, несовпадения даты и чисел в исходном и переводящем текстах, отсутствие одного из парных знаков пунктуации, лишние или, наоборот, отсутствующие пробелы, расхождения между оригиналом и переводом в отношении знаков пунктуации, опечатки, повторы слов, слова, содержащие элементы кириллицы и латиницы, полное совпадение оригинала и перевода, перевод длиннее или короче оригинала на (по умолчанию) 40 % и т. д.

Как уже отмечалось выше, по умолчанию система только указывает на ошибки, однако это тоже можно изменить, проставив галочки напротив опций «Игнорировать ошибки» или же, наоборот, «Требовать исправления ошибок». Если выбрана последняя опция, уже невозможно подтвердить сегмент перевода, не исправив ошибку.

Одна из первых попыток систематизировать процесс оценки качества переводов в связи с переходом к новым техническим стандартам была предпринята в 1995 г. Ассоциация LISA ввела понятие индекса качества перевода (Translation Quality Index, TQI), показатель которого определяется как некий порог, определяемый заказчиком. Согласно подходу с применением TQI, качество перевода определяется в процен-

тах на основе некоего количества «баллов ошибок». Количество баллов, вычитаемых за ошибку, зависит от типа ошибки, который определяется клиентом. Если в техническом переводе важны стандартность и последовательность употребления терминологии, то для такого типа текстов терминологическим ошибкам придавался больший «вес».

Создатели европейской (чешской) платформы Memsource, одного из лидеров на рынке переводческих IT-технологий, остановили свой выбор на типологии, разработанной переводческим сообществом TAUS, международной организации, которая с 2004 г. профессионально занимается вопросами автоматизации переводческих процессов, машинного перевода и инноваций в области лингвистических технологий и услуг (https://www.taus.net). В 2011 г. специалисты TAUS провели опрос среди членов своего профессионального сообщества и разработали детальную и четкую модель оценки качества переводов, исходя из целой системы критериев. Предпосылкой разработки такой системы стало то, что профессиональное сообщество на тот момент не удовлетворяло ни качество переводов, ни подход к его оценке. Широкая диверсификация видов переводов и тематических областей, а также активное внедрение переводческих технологий в целом отрицательно сказались на качестве перевода, что потребовало пересмотра существовавшей системы оценки качества. Новый инструментарий Quality Dashboard и разработки TAUS были призваны упорядочить и систематизировать подход к оценке качества перевода, обеспечить его гибкость, с одной стороны, а также постоянство и универсальность – с другой. Согласно подходу TAUS, представленному в Multidimensional Quality Metrics Framework (MQM), «качественный перевод демонстрирует необходимую точность и обеспечивает легкость восприятия текста реципиентом, соответствует цели и всем оговоренным особенностям перевода, которые призваны обеспечить нужды конечного потребителя» (Quality Dashboard White Paper June 2017). Как становится понятным из формулировки, качество перевода – величина, определяемая в тесном контакте заказчика и потребителя, исходя из потребностей конечного пользователя текста перевода. Такой подход противопоставлен подходу к оценке качества, исходя из чисто лингвистических критериев, но который, по замечанию авторов подхода, не в состоянии точно учитывать интересы и требования конечных заказчиков перевода.

В формате платформы Memsource эти наработки приняли форму инструментария LQA (Language Quality Assessment).

В руководстве разработчиков инструментария оценки TAUS отмечается, что процесс оценки условно делится на несколько этапов: перечисление критериев для оценки, согласование критериев с заказчиком, выбор подходящих для типа текста / специфики переводческого проекта критериев оценки, ознакомление (обучение) редактора (менеджера)

перевода (специалиста, уполномоченного осуществлять оценку качества перевода) с критериями, собственно оценка, подготовка отчета.

В рекомендациях отмечается, что количество групп критериев не должно превышать 4. На выбор редактора в платформе Memsource имеется 8 категорий ошибок: Accuracy (точность передачи содержания оригинала в переводе), Fluency (передача формы или содержания оригинала без учета ситуации перевода, что не обеспечивает должной идиоматичности текста перевода), Terminology (терминологические ошибки), Style (стилистические ошибки), Design (ошибки, связанные с оформлением текста, включая превышение максимально допустимого увеличения объема текста при переводе с одного языка на другой, формат передачи мер веса, длины и т. д., кодировки, теги и т. д.), Locale convention (нарушения конвенциональной нормы перевода, специфических местных правил оформления), Verity (правдивость, истинность утверждения, непротиворечивость описываемому в тексте перевода) и Other (прочее).

В каждой категории приводится перечень видов ошибок. Так, например, к категории Accuracy (точность передачи смысла) относятся ошибки Addition (текст перевода содержит информацию, не содержащуюся в оригинале), Omission (в тексте перевода отсутствует часть содержания оригинала), Mistranslation (текст перевода неточно передает содержание оригинала), Over-translation (в тексте перевода содержание представлено более детально, чем подразумевает оригинал), Under-translation (в тексте перевода содержание представлено менее детально, чем подразумевает оригинал), Untranslated text (часть содержания оригинала оставлена непереведенной), Improper exact TM match (перевод выполнен с учетом рекомендованной (назначенной) базы памяти переводов (TM), но для данного сегмента текста по сути представляет собой некорректный перевод). Такая высокая степень детализации в выделении видов ошибок позволяет подобрать наиболее точный набор критериев для оценки качества перевода, исходя из интересов заказчика, специфики переводческого продукта, различных корпоративных конвенций.

Существующая тенденция к достижению единообразия в оценке качества, стандартизация процедур оценки, определение единой терминологической базы, используемой при процедуре оценки качества переводов, несомненно, должны способствовать достижению лучшего взаимопонимания между заказчиками из разных стран, конечными реципиентами, крупными международными корпорациями – заказчиками и исполнителями переводов. На наш взгляд, в процессе обучения критически важно знакомить будущих переводчиков не только с подходами к оценке качества переводов, принятыми отечественной школой перевода, но и подходами тех важных игроков на переводческом рынке, которые задают новые тенденции и обусловливают специфичность развития переводческой индустрии в определенный период времени.

Литература

Воскобойник Г. Д. Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестн. МГЛУ. 2004. Вып. 499.

Гарбовский Н. К. Теория перевода : учебник. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Климзо Б. Ремесло технического переводчика. М. : УРСС, 2003. 256 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высш. шк., 1990. 253 с.

Комиссаров В. Н. Теория перевода на современном этапе (По материалам Всесоюзной научной конференции) // Тетради переводчика. Вып. 13. М. : Междунар. отношения, 1976. С. 8–15.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : курс лекций. М. : ЭТС, 2000. 192 с.

Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания : учеб. пособие. М. : Академия, 2003. 190 с.

Масловский Е. К. Оценка качества научно-технического перевода: современное состояние и текущие задачи [Электронный ресурс]. 2005. http://lingvoda.ru/transforum/ articles/technical_trans.asp (дата обращения 21.05.2018).

Модестов В. С. Художественный перевод: история, теория, практика. М. : Изд-во Лит. ин-та им. А. М. Горького, 2006. 463 с.

Мошкович В. В. Оценка качества перевода и использование адекватности и эквивалентности как критериев оценки качества перевода // Вестн. ЧГПУ. 2013. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-perevoda-i-ispolzovanie-adekvatnosti-i-ekvivalentnosti-kak-kriteriev-otsenki-kachestva-perevoda (дата обращения: 25.06.2018).

Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода. М. : АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.

Семенов А. Л. Современные информационные технологии и перевод: учеб. пособие для студ. перевод. фак. вузов. М. : Академия, 2008. 224 с.

Чужакин А., Палажченко П. Мир перевода, или Вечный поиск взаимопонимания. М. : Р. Валент, 1999. 192 с.

Шевчук В. Н. Электронные ресурсы переводчика : справ. материалы для начинающего переводчика. М. : Либрайт, 2010. 131 с.

Шумакова Е. А. Опыт оценки качества перевода // Перевод в эпоху постмодерна : сб. науч. ст. Иркутск : ИГЛУ, 2009. С. 93–107.

УДК 81-1.1:159.9

Т. И. Ведерникова
Н. В. Щурик

Интерпретация как инструмент манипуляции в переводе в политическом дискурсе

Аннотация. Статья посвящена исследованию манипуляции в переводе. Проблема манипуляции общественным мнением является предметом серьезного изучения лингвистов, философов, политологов и многих других представителей гуманитарного знания, но в переводоведении не сложилось консолидированной позиции относительно данного явления. Несмотря на то что переводчик должен быть беспристрастным зеркалом, транслирующим без искажений и передачи собственной оценки, в различные исторические периоды конвенциональная норма перевода нередко определялась господствующей идеологией, тем более очевидным это становится сейчас. Манипуляция в переводе может затрагивать поверхностную и глубинную структуру текста. В процессе манипуляции меняется прагматический потенциал исходного текста, появляются новые смыслы, расставляются необходимые акценты.

Ключевые слова: манипуляция, перевод, номинализации, импликатуры, идеология, идеологические доминанты.

T. I. Vedernikova, N. V. Shchurik

Interpretation as an Instrument of Manipulation in Political Discourse Translation

Abstract: The paper deals with the exploring the relationship between ideology and translation as well as the impact of translator's personal beliefs and values. The question of manipulation is in focus of linguists, philosophers, political scientists but it has not been sufficiently studied in translatology. It is obvious that a translator or interpreter should be impartial and unbiased to render a complete and accurate interpretation/translation without altering, omitting, or adding anything to what is stated or written. Nevertheless, conventional norm has been always determined by the dominant ideology of the society. Manipulation in translation can change deep and surface structures of the text as well as its pragmatics. It results in new interpretation and understanding of a source text.

Keywords: manipulation, translation, nominalization, ideology, the unconscious, ideological dominants.

Проблема манипуляции в переводе получила широкое освещение в работах манипулятивной школы. Как считают представители данной школы, перевод всегда подразумевает ту или иную степень манипуляции – переводчик манипулирует исходным текстом с целью оказания воздействия на адресата [Toury, 1980; EvenZohar, 1978; Hermans, 1985; Lefevere, 1992; Dukate, 2007; Vehmas-Lehto, 2008]. Термин «манипуляция» в данном случае используется в значении «сложный прием, сложное действие над чем-либо» и не носит негативной оценки.

Вопреки традиционному пониманию переводчика как механического инструмента перевода, транслятора, перевыражающего устный или письменный текст, созданный на одном языке, в текст на другом языке, исследователи манипулятивной школы перевода считают, что переводчик как дискурсивная личность оказывает определенное прагматическое воздействие на адресата. Подобное воздействие может оказываться на читателя «исходя из культурных, идеологических, лингвистических и литературных различий» [Dukate, 2007] и может носить как сознательный, так и бессознательный характер. По мнению А. Краминой, манипуляция, происходящая по идеологическим, экономическим и культурным соображениям, является сознательной [Kramina, 2004].

Как бы переводчик ни стремился к объективности, нельзя сбрасывать со счетов личностное отношение переводчика к проблеме, продиктованное определенными ценностными ориентирами идеологической матрицы.

Среди функций политической идеологии исследователи выделяют: «овладение общественным сознанием; внедрение в него собственных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего; создание позитивного образа в глазах общественного мнения предлагаемых ею целей и задач политического развития» [Пугачев, Соловьев, 2010].

В работах ученых, посвященных изучению дискурсивной реализации идеологии [Баранов, 2001; Ван Дейк, 2000; Гаврилова, 2010; Ильин, 1997; Купина, 1995; Паршин, 2002; Эко, 2002; Fairclough, 1992; Fowler, 1991 и др.], отмечается, что идеологические убеждения репрезентированы только в текстах, внетекстового существования идеологии быть не может. Так, У. Эко подчеркивает, что любая идеология существует, только пока она находит свое выражение в массмедийном дис-

курсе. Без речевого воплощения идеологии нет. Он приводит в пример исчезновение идеологии фашизма в Италии с исчезновением фашистского дискурса со страниц прессы и появление вместо него дискурса демократической Италии.

У. Эко подчеркивает, что любая идеология основывается как на понятийных, рациональных составляющих («мировоззрение, сумма культурных привычек»), так и на чувственных, иррациональных, подсознательных («мирочувствование, туманность тёмных инстинктов, полуосознанные импульсы») [Эко, 2002, с. 80].

Несомненно, идеологические ценностные ориентиры, доминирующие в обществе, влияют на выбор переводчиком лексических единиц и грамматических структур, что в конечном итоге приводит к появлению новых смыслов, иногда отсутствующих в оригинале. И это помимо объективных смысловых сдвигов, которых сложно избежать ввиду различного грамматического строя языков. Чаще всего процесс манипуляции, затрагивающий имплицитный смысл, связан с появлением либо в оригинале, либо в тексте перевода номинализаций, эвфемизмов, политкорректной лексики и метафор. Большинство этих явлений активно изучается лингвистами, однако номинализации незаслуженно остались в тени. Они широко используются в современной коммуникации, но именно в переводе явление номинализации, так называемое опредмечивание действий и процессов, может изменять прагматику текста.

Современный английский язык меняется на глазах, отказываясь от глаголов в пользу существительных и номинализированных конструкций, англоязычный мир постоянно играет и жонглирует языком. Желание не называть вещи своими именами, множественная интерпретанта номинализаций и симулякров – прекрасная возможность избежать однозначных высказываний. Например, *What is the ask*? [3]. Мы привыкли, что *to ask* является глаголом, но в этом случае он переходит в разряд существительных. Более того, перевести эту фразу без соответствующего контекста в принципе невозможно.

Иначе ту же мысль можно было бы выразить более привычными для нашего восприятия способами. Например, *What are they asking*? Перевести это можно как «Что они требуют?». Однако стоит заметить, что при использовании номинализации в вопросе *What is the ask*? акцент идёт на само действие (на то, что есть какое-то задание, просьба или требование, которое нужно исполнить), а не на лицо, выполняющее действие. При использовании номинализации в данном случае мы наблюдаем обезличивание действия; это значит, что для реципиента в первую очередь будет важен тот факт, что есть какое-то действие, а не то, что за это действие кто-то ответственен. При переводе через глагол «требовать» это не сохраняется, а следовательно, задача переводчика решена не лучшим образом, ведь многозначность интенции автора не соблюдена.

Еще один способ выражения *What is the ask*? не номинализацией – формулировка *What are we being asked to do*? Можно перевести так – «Что от нас требуют, чтобы мы сделали?». При таком выборе перевода смысл фразы также передаётся, и прагматический аспект перевода фразы сохраняется – есть требование, его нужно выполнить.

При такой формулировке есть акцент на том, что нам предъявляется требование кем-то, скорее всего, более высшим (по социальному статусу, например). При такой формулировке более очевиден смысл «Нам требуется исполнять указания/требования кого-либо»; появляется ощущение неравенства (например, социального неравенства между властью и народом или неравенства сил и влияния разных государств).

Выбирая такой путь, переводчик невольно вмешивается в коммуникативный процесс между автором сообщения и его реципиентом, так как он/она выбирает лишь один вариант перевода. Множественная интерпретанта исчезает. Наиболее подходящей тактикой перевода будет перевод с помощью безличного предложения, что позволило бы сохранить многозначность фразы.

«Существование номинализаций в ряду разноструктурных единиц номинации отражает удивительную способность человека членить одну и ту же ситуацию, как и любой опыт концептуализации любых видов восприятия мира, по-разному… Описываемый референт остается, собственно, одним и тем же, но ракурс его рассмотрения изменен» [Кубрякова, 2004, с. 400]. Именно поэтому политики так любят использовать номинализации в своих выступлениях. Использование этих конструкций помогает сместить фокус от агенса, производящего какое-либо действие. Эта идея находит свое подтверждение в работах Фэрклоу [Fairclough, 1992] и активно развивается благодаря исследованиям Фоулера [Fowler, 1991], который убежден, что номинализации способны скрыть информацию об участниках события, времени и даже изменить модальность высказывания. Более того, конкретные явления становятся абстрактными, что, безусловно, требует уточнения и дополнительного толкования. Многие переводчики стараются переводить номинализации номинализациями, чтобы избежать дополнительных проблем с истолкованием смысла, но бывает, что переводчик намеренно заменяет глагол номинализацией, позволяя рецептору самому сделать выбор относительно смысла того или иного явления. Появляются дополнительные имплицитные смыслы, которые могут изменить прагматический потенциал оригинала.

Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в переводе речи В. В. Путина на конференции в Мюнхене.

- «Ну хорошо, если кто-то хочет делать это совсем без России».
- OK, if someone wants to do it without any *involvement* of Russia… [2].

В толковом словаре Webster (2018) involvement объясняется как the act or an instance of involving someone or something. Крайне абстрактное толкование, которое вынуждает обратиться к первоисточнику, глаголу involve.

1) to engage as a participant workers involved in building a house;
2) a: to oblige to take part right of Congress to involve the nation in war, b: to occupy (someone, such as oneself) absorbingly; especially: to commit (someone) emotionally was involved with a married man.

В данном случае нормативные требования к переводу соблюдены, но у читателя могут возникнуть определенные ассоциации с этим словом. В данном переводе на английский язык можно увидеть новые смыслы, незначительные акценты, которых не было в оригинале.

Тем более интересен тот факт, что в англо-русском словаре *involvement* имеет практически полярное истолкование: «зависимость», «запутанность», «ангажированность» с одной стороны и «нейтральное участие» – с другой [Мультитран]. Это свидетельствует о том, что абстрактные номинализации при переводе с английского чаще всего конкретизируются, в результате чего пропадает множественная интерпретанта.

Таким образом, появление номинализации в английском тексте позволит рецептору создать свой собственный смысл, исходя из своего герменевтического опыта [Гадамер, 1988]. Именно «предварительное понимание», сформированное идеологией, и будет определять интерпретацию того или иного предложения, поскольку «в процессе интерпретации мы создаем интерпретативные формы жизни вещи. Понимание вещи дается бесчисленными способами интерпретации» [Лосев, 2008, с. 226–227]. Интерпретатору необходимо сделать выбор в пользу одной интерпретанты, и выбор этот будет обусловлен личностным отношением рецептора к проблеме.

«Но дело не только в том, что администрация США *не смогла удержать* грузинское руководство от этой преступной акции – американская сторона фактически вооружила и обучила грузинскую армию».

But it is not just a matter of the U.S. administration being unable to restrain the Georgian leadership from this criminal action; the U.S. side had in effect armed and trained the Georgian army [2].

Перевод с помощью причастия полностью меняет модальность исходной фразы, появляется новый смысл и, как следствие, сомнение в причастности США. Перевод с помощью номинализации being unable очень сильно меняет исходную прагматику текста. Изменение модальности и абстрактный характер номинализации потребуют очередной интерпретации от рецептора. Индивидуальная интерпретация, базирующаяся на предварительном понимании, навязанном господствующей идеологией, приведет к искажению изначального смысла, поскольку «подразумеваемые оценки являются не индивидуальными эмоциями, а социально закономерными, необходимыми актами. Индивидуальные

же эмоции только как обертоны могут сопровождать основной тон социальной оценки: «я» может реализовать себя в слове, только опираясь на «мы» [Бахтин, 2000, с. 79–80]. Более того, «интерпретация всегда предполагает проблемную ситуацию. Мы начинаем интерпретировать, когда появляется какая-то неясность, неопределенность, противоречивость. Интерпретация нацелена на языковое формулирование, на перевод одного осмысленного утверждения в другое» [Шустерман, 2008, с. 155]. В этом и состоит основное предназначение номинализаций, обеспечение почвы для интерпретации.

- «Я думаю, что не об этом надо думать, и не надо никого пугать. *Не страшно совсем».*
- *We* are not afraid, not at all [2].

В данном примере можно наблюдать зеркальную ситуацию, В. В. Путин пытается очень абстрактно описать свое отношение, но переводчик вводит местоимение *мы*. Появляется дополнительный смысл, бравада, которой не было в оригинале. Если сделать обратный перевод, то получится «Мы совсем не боимся». Эта фраза звучит как вызов, в отличие от «не страшно совсем». Безусловно, эксплицитный смысл примерно одинаковый, но имплицитный несколько изменен.

Однако далеко не все лингвисты видят в номинализациях манипулятивный потенциал. В 2015 г. в «Мостах» вышла статья «На идеологическом фронте без перемен». Д. И. Ермолович и П. Р. Палажченко анализируют и разбирают резолюцию ООН, которая появилась после крушения самолёта Boeing 777 авиакомпании Malaysia Airlines, выполнявшего плановый рейс из Амстердама в Куала-Лумпур, 17 июля 2014 г. на востоке Донецкой области Украины. Авторы, к сожалению, не видят разницы между *shooting down* и *downing of the aircraft*. Авторы сомневаются в том, что это была победа русских дипломатов, которые смогли настоять на том, чтобы конкретное *shooting down* заменили на *downing of the aircraft*.

- *The Security Council, Deploring the downing of a civilian aircraft on an international flight, Malaysia Airlines flight MH17, on 17 July in Donetsk Oblast, Ukraine, with the loss of all 298 passengers and crew on board* [5].

Во многих резолюциях уже использовалась структура *shooting down*. Например, *Shooting down of two civil aircraft on 24 February 1996* [6]. Или "*Ultimately, the members of the Security Council expressed regret for the loss of life and stressed the need to resolve the Iran-Iraq War. ... The Council "deeply deplored the tragic incident", but did not condemn the U.S. since the shoot-down was the result of errors"* [4].

Это, по сути, прецедентный феномен, который ассоциируется с агрессией и насилием. Другое дело *downing of the aircraft*, это не устойчивое словосочетание, не термин. Это пример классической номинализации, которую можно трактовать по-разному. В целом исследователи

не отрицают, что эта фраза может быть истолкована каждый раз по-новому, но они не видят манипулятивного потенциала этой номинализированной конструкции. В рамках дипломатического дискурса – это, безусловно, достижение, поскольку многие выступления наших политиков на Западе любят переводить с помощью номинализаций. Затем вырывать из контекста, и вуаля – вот вам и новые смыслы, и «правильная интерпретация».

Таким образом, важно помнить, что «понимание и отношения между людьми и странами не изначально, не первично, не дается само собой, но представляет собой результат работы – перевода, интерпретации» [Автономова, 2006, с. 92].

Рассмотрим особенности реализации идеологии в переводе, связанные с импликатурами. Данное понятие (*implicature*) восходит к трудам Г. П. Грайса. В своей работе «Логика и речевое общение» он отмечал, что из одного и того же высказывания может быть выведено несколько импликатур. Выведение импликатур зависит как от объективных факторов (наличие определенных фоновых знаний), так и субъективных (способность реципиентов высказывания вывести импликатуру). Импликатуры высказывания могут классифицироваться в соответствии с разными принципами: по виду передаваемой информации, по способу возникновения, по их роли в структуре глобального смысла высказывания, по их связям с другими частями смысла высказывания [Грайс, 1985, с. 220].

В. Н. Комиссаров отмечает, что «оптимальным решением задачи было бы точное воспроизведение в переводе языкового содержания оригинала, с тем, чтобы рецепторы перевода могли бы на его основе самостоятельно вывести конкретно-контекстуальный и имплицитный смысл» [Комиссаров, 2002, с. 55]. При этом возникают определенные трудности как языкового, так и неязыкового характера.

В Послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. В. В. Путин говорил о прошлых и настоящих тенденциях в мировой политике, и о взрастающем авторитете России, подкрепленном военной мощью [1]. Цитата из его выступления: *Несмотря на все проблемы, с которыми мы сталкивались в экономике, в финансах, в оборонной промышленности, в армии, всё-таки Россия оставалась и остаётся крупнейшей ядерной державой. Нет, с нами никто по существу не хотел разговаривать, нас никто не слушал.* ***Послушайте сейчас***.

На поверхностном уровне последняя фраза российского лидера является императивом – вежливым приглашением к действию. На глубинном уровне она представляет собой импликатуру: говоря так, президент дает понять, что «мы сильны, мы обладаем достаточными ресурсами, и вы не можете нас игнорировать; вам придется с нами считаться».

Рассмотрим данное высказывание с точки зрения коммуникативных категорий Грайса: «количества», «качества», «отношения» и «способа».

Используя импликатуру, адресант не сомневается, что его адресат хорошо осведомлен о текущих экономических и политических успехах России, что дает нам право голоса на международной арене. Он уверен в истинности своих слов и считает такое высказывание вполне релевантным в контексте своего выступления. При этом он максимально краток и избегает излишнего многословия. Иллокуция высказывания состоит в информировании адресата о готовности России решать важные мировые вопросы.

Рассмотрим переводы данного высказывания в американских СМИ:

- *He said that the U.S. has ignored Russian complaints. "No one has listened to us," he said.* ***"You listen to us now"*** [8].
- *No one listened to us, Putin said.* ***«Listen to us now"*** [7].

В первом варианте налицо использование в переводе императива с местоимением *you*, что свидетельствует об эмоциональной нагруженности высказывания. Также для англоязычного реципиента оно приобретает оттенок угрозы. Второй вариант перевода демонстрирует меньшую эмоциональность, при этом сохраняя императив.

Применительно к переводческому аспекту максимы Грайса содержат прямые требования к осуществлению перевода, которые необходимо соблюдать переводчику для сохранения исходной иллокутивной силы сообщения и прагматического потенциала высказывания. Не вызывает сомнения соблюдение переводчиком постулатов «отношения», «способа» и «количества»: он остается в рамках темы выступления, сохраняет лаконичность оригинала и выражает свои мысли ясно и четко. Но перевод, по сути, не является эквивалентным. Используя аналогичную форму императива, переводчик нарушает максиму качества, поскольку иллокутивная цель высказывания становится уже не информированием, а прямой угрозой. Используя ту же грамматическую форму, что и в оригинале, он наполняет ее иным содержанием. «Главное условие манипуляции – нарушение связи между означающим и означаемым, нарушение постулатов Глобального принципа Кооперации» [Владимирцева, 2008, с. 70].

Не вызывает сомнения влияние идеологии на выбор переводчика. Его можно объяснить нынешней политикой Штатов, в которой Россия представляется врагом США.

Итак, под воздействием идеологических установок, доминирующих в обществе, переводчик осуществляет манипуляции на поверхностном и глубинном уровне высказываний. Инструментом манипуляции здесь является интерпретация. В результате меняется прагматический потенциал исходного текста, появляются новые смыслы, расставляются необходимые акценты.

Литература

Автономова Н. С. О философском переводе // Вопр. философии. 2006. № 2. С. 89–101.

Бахтин М. М. Фрейдизм. Формальный метод в методологии. Марксизм и философия языка. Статьи. М. : Лабиринт, 2000. 640 с.

Бодрийяр Ж. Америка. СПб. : Владимир Даль, 2000. 205 с.

Владимирцева Н. В. Нарушение максимы отношения как лингвистическая технология манипуляций в дискурсе «черного» PR (на материале английского языка) : дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2008. 170 с.

Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.

Ермолович Д. И., Палажченко П. Р. На идеологическом фронте без перемен // Мосты. Журнал переводчиков. 2015. № 1(45). С. 21–29.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие. М. : ЭТС, 2002. 420 с.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 560 с.

Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008. 576 с.

Мультитран. URL: https://www.multitran.ru/ (дата обращения: 12.06.2018).

Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию // Библиотека Гумер – гуманитарные науки. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Pugach/24.php (дата обращения: 12.12.2016).

Словари и энциклопедии на академике: манипуляция. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/41435/МАНИПУЛЯЦИЯ (дата обращения: 05.12.2016).

Шустерман Р. Ниже уровня интерпретации // Вопр. философии. 2008. № 7. С. 141–158.

Эко У. Пять эссе на темы этики. Симпозиум. СПб., 2002. 157 с.

Dukate A. Manipulation as a Specific Phenomenon in Translation and Interpreting. URL: http://www3.acadlib.lv/greydoc/Dukates_disertacija/Dukate_ang.doc (date of access February 01.2017).

Even-Zohar I. The Position of Translated Literature Within the Literary Polysystem. Poetics Today // International Journal for Theory and Analysis of Literature and Communication. 1990. Vol. 11, num. 1.

Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge : Polity Press, 1992.

Fowler R. () Language in the News. London : Routledge, 1991.

Hermans T. Translation in Systems. Descriptive and System-oriented Approaches. London : Routledge, 2014.

Kramina A. Translation as Manipulation: Causes and Consequences, Opinions and Attitudes // Studies About Languages. 2004. N 6. P. 37–40. URL: https://www.kalbos.lt/zurnalai/06_numeris/06.pdf (date of access: 01.02.2017).

Lefevere A. Translation, Rewriting and the Manipulation of Literary Fame. London : Routledge, 1992.

Mirriam-Webster dictionary. URL: www.merriam-webster.com (дата обращения: 20.02.2016).

Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. John Benjamins Publishing Company, 1995.

Vehmas-Lehto I. Translation Studies: In search for vigour and relevance. URL : https://helda.helsinki.fi//bitstream/handle/10138/33785/Translation_Studies_AFinLa.pdf?sequence=2 (date of access 1 May 2018).

Список источников примеров

1. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 01.05.2018).

2. CNN. URL: http: // www.cnn.com/WORLD/euro /08/29/putin.transcript/ (дата обращения: 19.05.2018).

3. New York Times. URL: http://opinionator.blogs.nytimes.com/2013/04/05/the-dark-side-of-verbs-as-nouns (дата обращения: 11.06.18).

4. United Nations Security Council Resolutions. URL: http://unscr.com/en/resolutions/doc/1067 (дата обращения: 19.05.2018).

5. United Nations. URL: http://www.un.org/press/en/2014/sc11483.doc.htm (дата обращения: 19.05.2018).

6. United Nations. URL: https://www.un.org/press/en/2015/sc11775.doc.htm (дата обращения: 19.05.2018).

7. US shrugs at Vladimir Putin's boast of nuclear-powered cruise missile with unlimited range. URL: http://abcnews.go.com/International/russian-president-vladimir-putin-unveils-nuclear-weapons-listen/story?id=53435150 (дата обращения: 02.03.2018).

8. Vladimir Putin boasts about Russia′s new nuclear weapons. URL: http://time.com/5180690/putin-russia-nuclear-weapons/?xid=homepage (дата обращения: 02.03.2018).

УДК 811.111

В. Е. Горшкова

Перевод в кино: научная реальность, или Десять лет спустя

Аннотация. Проблемы перевода в кино все больше занимают умы современных ученых самых разных отраслей знания. Подтверждением сказанному служит проведенный автором статьи скрупулезный анализ только одного интернет-ресурса, а именно полнотекстовых статей в формате PDF, опубликованных в национальной библиографической базе данных научного цитирования РИНЦ на e-library.ru, общее число которых составляет более 80 наименований. Содержание последних, во-первых, показывает смещение интереса с собственно киноперевода, касающегося главным образом перевода кинодиалога художественных фильмов, к аудиовизуальному переводу в широком смысле этого слова, включающему перевод рекламных роликов, телевизионных новостных выпусков, перевод-локализацию компьютерных игр и программ и т. д., что свидетельствует о его важности и актуальности в контексте сегодняшнего дня, характеризующегося беспрецедентным развитием новых технологий. Во-вторых, позволяет говорить о формирующейся научной реальности состояния аудиовизуального перевода, требующего теоретического осмысления проводимых исследований, дискуссионности и определенной противоречивости выдвигаемых точек зрения. Подобный анализ автор полагает правомерным и правомочным, учитывая практически двадцатилетний опыт теоретических изысканий в данной области, основные положения которых закреплены в монографиях «Перевод в кино» (2006/2008 гг.), «Кинодиалог. Образ-смысл. Перевод» (2014 г.), «Перевод: ремесло, искусство, наука» (2017 г.). Отмечается достаточно поверхностный взгляд отдельных авторов на проблемы киноперевода, нередко приводящий к абсолютно неверной трактовке базовых положений, демонстрирующий недопонимание самой концепции процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога, суть которого, по определению, заключается в необходимой опоре на аудиовизуальный ряд фильма как целого и в невозможности осуществления в отрыве от него. Автор последовательно анализирует ряд наиболее дискуссионных работ, относящихся к теме исследования, выявляет отдельные моменты последних, вызывающие несогласие или требующие уточнения, приводит аргументы в подтверждение своих выводов, что отражает картину научной реальности аудиовизуального перевода второго десятилетия XXI в.

Ключевые слова: перевод в кино, аудиовизуальный перевод, научная реальность.

V. E. Gorshkova

Film Translation: Scientific Reality, or Ten Years After

Abstract. Modern scholars from all walks of science are paying an increasing attention to issues of "film translation". This is confirmed by a rigorous analysis of the only one web resource, namely, of more than 80 full-text articles in PDF from the Russian Science Citation Index bibliographic database hosted at e-library.ru that was carried out by the author of the paper. The content of these publications, firstly, shows that the focus of attention is being shifted from film translation per se as dealing mainly with translation of feature film dialogue to audio-visual translation (AVT) in the broad sense of the word which includes translation of commercials, TV newscasts, localization of computer games and software, etc. which proves it plays an important, relevant role in the present day situation characterized by an unprecedented development of new technologies. Secondly, it lets us say that a formation of the scientific reality of AVT state that requires performed research to be theoretically comprehended and suggested points of view to be disputable and controversial to some extent is underway. In our opinion, such an analysis is rightful and due taking into consideration almost 20 years of theoretical inquiry in the field the main results of which are presented in the monographs "Film Translation" (2006/2008), "Film Dialog. Image-Sense. Translation" (2014), "Translation: Craft, Art, and Science" (2017). Certain authors approach the problem of film translation in a superficial manner which often results in a completely wrong interpretation of basic notions and demonstrates an imperfect understanding of the process-oriented approach to film dialogue translation the crux of which, by definition, is that it is necessarily rested on the audio-visual sequence of a film as a whole and is unfeasible if carried out in isolation from the latter. The author consistently analyzes a number of the most disputable publications relevant to the topic of research, points to certain aspects causing disagreement or requiring clarification, gives reasons in support of her opinion what allows her to draw a picture of the scientific reality of AVT of the second decade of the XXI century.

Keywords: film translation, audiovisual translation, scientific reality.

В предисловии к французскому изданию «Капитала» великий немецкий философ, экономист, социолог, одобряя в целом идею издания своего труда во Франции, предупреждал: *В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам* [Предисловие и послесловие …].

Вещие слова, вещее предостережение, совершенно не утратившее своей актуальности в наши дни в условиях беспрецедентного развития новых технологий, в значительной степени способствующих распространению и обмену информацией, в том числе научной. Скорость эта, приводящая к упрощению доступа к научному знанию, создает у некоторых исследователей иллюзию возможности получения быстрого результата с минимумом затрат, как материальных, так и интеллектуальных. И, к сожалению, не минует чаша сия не только начинающих исследователей. Но об этом ниже.

Заявленное в названии нашей статьи понятие «научная реальность» не случайно, хотя и понимается в несколько более упрощенном виде, чем общепринятое философское понятие, суть которого определяется в соотношении с «научной картиной мира», выступающей как «специфическая форма систематизации научного знания, задающая видение предметного мира науки соответственно определенному этапу ее функционирования и развития» [Степин, 2000, с. 192]. Другими словами, «научная картина мира – это учение об определенной области реальности. <…> это онтология научной реальности» [Трофимова, 2010, с. 123]. Соответственно, «если научная картина мира отмечает

существенные характеристики изучаемого аспекта мира, то научная реальность – это та часть мира, которая обладает этими характеристиками» [Там же, с. 125]. И хотя анализируемое понятие традиционно приписывается скорее наукам точным, техническим и естественно-научным, полагаем возможным распространить его и на науки гуманитарные, к каковым относим лингвистику и переводоведение.

Как известно, научная реальность обретает определенность в рамках конкретной научной теории [Будко, 2005]. Разумеется, никакая научная теория не может оставаться самодостаточной, любая теория находится в постоянном развитии, открывая новые горизонты освещения отдельных своих аспектов, что и составляет ее значимость для науки, но это не означает, что сущностная характеристика этой теории с необходимостью зачеркивается или полностью опровергается последующими изысканиями. Отталкиваясь от базовых понятий означенной теории, исследователи выходят на новые уровни анализа в приложении к другим объектам или отдельным их аспектам, углубляя и расширяя представление о предмете исследования, каковым в нашем случае является «перевод в кино».

Появление настоящих размышлений не случайно. Поводом для их написания послужила неоднозначность трактовки ряда положений нашего процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога в трудах современных исследователей, требующая настоятельного уточнения и разъяснения. Материалом для анализа послужили полнотекстовые статьи в формате PDF, опубликованные в национальной библиографической базе данных научного цитирования РИНЦ на e-library.ru, общее число которых составляет более 80 наименований. Мы не будем останавливаться на публикациях, имеющих откровенно преходящий характер, выполненных студентами и магистрантами. Понятно, что они обусловлены необходимостью подготовки выпускных квалификационных работ и за редким исключением не будут иметь продолжения. Остановимся на материалах, которые носят более систематический характер.

Как хронология, так и сами названия публикаций уже свидетельствуют о стремлении исследователей обобщить накопленный теоретический опыт в анализируемой области исследований. Сравните: *Киноперевод как объект исследования лингвистики, социологии, межкультурной коммуникации и теории перевода* [Афанаскина, 2017], *Аудиовизуальный перевод как часть переводоведения* [Бакулев, 2014], *Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий* [Гамбье, 2016], *Film Translation: to Be or not to Be* [Gorshkova, 2014], *Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода* [Козуляев, 2013], *Теория и практика аудиовизуального перевода: отечествен-*

ный и зарубежный опыт [Малёнова, 2017], *Аудиовизуальный перевод в условиях новой технологической реальности* [Корнаухова, 2016]. Список можно продолжить.

Особое место в ряду публикаций в перечне РИНЦ занимает статья известного специалиста в области аудиовизуального перевода (АВП) И. Гамбье (Yves Gambier), без ссылок на труды которого обходится редкое сочинение на данную тему [Гамбье, 2016]. Исследователь не только прослеживает эволюцию термина, начиная с 1950-х гг. (киноперевод, языковой трансферт, экранный перевод, мультимедийный перевод), но и выявляет 14 семиотических кодов, которые в той или иной степени влияют на порождение смысла. Весьма значимыми представляются и выводимые И. Гамбье категории АВП, подразделяемые на внутриязыковой и межъязыковой перевод. Как полагает исследователь, «цифровые технологии меняют облик аудиовизуальной индустрии» [Гамбье, 2016, с. 67] и способствуют появлению новых приемов, таких как тифлокомментирование (аудиодескрипция), супратитры, субтитры для прямого эфира и аудиосубтитры.

Вернемся к перечню проанализированных нами работ. Знакомство с содержанием ряда статей вызывает двойственное чувство. Прежде всего, настораживает отсутствие корреляции между широтой охвата заявленной темы и реальным ее воплощением. Так, в статье Н. Ю. Афанаскиной на восьми страницах умещаются история кинематографа и киноперевода, классификация видов киноперевода, сопоставление объемов терминов «киноперевод / аудиовизуальный перевод» (причем весьма сомнительное и неубедительное!), а также обоснование необходимости введения в программу обучения переводчиков курса теории и методики киноперевода [Афанаскина, 2017]. Автор достаточно произвольно оперирует терминологией и именами исследователей в области последнего. Чего стоит, например, следующий пассаж, приводимый нами без купюр: «<…> основы киноперевода заложены в трудах Ю. Найды, прежде всего в работах по динамической эквивалентности. В разработку теории киноперевода неоценимый вклад внесли К. Райс и Г. ***В***ермеер***А*** (выделено нами. – *В. Г.*), разработавшие теорию скопоса, в соответствии с которой «эквивалентность» – это особый случай «адекватности». Скопос-теория концентрируется прежде всего на цели перевода, которая определяет способы достижения адекватности» [Там же, с. 60]. Как говорится, no comments. Мало того, что попытка обоснования АВП в терминах динамической эквивалентности принадлежит не Ю. Найде, а А. В. Козуляеву [Козуляев, 2015], так еще и имена ведущих западных лингвистов прописаны с нарушением их орфографии и гендерной принадлежности. Речь идет не только о Г. Фермеере или М. С. Снетковой (С***И***нетковой, по Н. Ю. Афанаски-

ной!), но и об известной специалистке в области АВП Пилар Ореро (Испания) [Там же, с. 61].

Как видим, цитируемая работа являет собой образец полной неосведомленности автора в отношении проводимых исследований. Сравните следующий фрагмент: «<…> ряд работ посвящен особенностям перевода названий фильмов, которым отводится ведущая *роль образа-смысла*, например, в исследованиях В. Е. Горшковой» [Там же, с. 62] (выделено нами. – *В. Г.*). С одной стороны, импонирует, что автор статьи пользуется выведенным нами термином «образ-смысл», с другой – само терминоупотребление показывает, что Н. Ю. Афанаскина совершенно не понимает его сути. Наряду с этим с сожалением приходится констатировать сведение наших изысканий к переводу названий фильмов и их ключевой «роли как образа-смысла». Последнее словосочетание вообще не имеет ничего общего с обозначаемым им понятием.

Заметим в этой связи тенденцию цитирования отдельных статей, лишь фрагментарно отражающих общее направление изысканий исследователей, и представление последних как ключевых в их научном творчестве (см. выше).

Острие полемики на страницах анализируемых публикаций приходится главным образом на объект перевода в кино, под которым мы понимаем кинодиалог или СЛОВО в кино. По-видимому, использование двух этих терминов дает повод подспудно причислять нас к «лингво- и текстоцентристам». Сравните: «Поскольку мнение о том, что “переводчик переводит текст” весьма укоренилось в переводческой среде <…>, многие переводоведы занимают лингвоцентрическую/текстоцентрическую позицию…» [Козуляев, 2015, с. 5]. Если говорить о наших исследованиях, мы говорим о текстоцентрическом подходе к переводу кинодиалога с учетом того, что, во-первых, кинодиалог рассматривается нами как единица перевода, входящая как составляющий элемент в кинотекст как целое; во-вторых, будучи частью дискурса фильма, кинодиалог «в гораздо большей степени обусловлен аудио- и видеорядом, чем традиционный письменный текст» [Горшкова, 2006, с. 168]. Соответственно, еще в первой нашей монографии наметился переход от текста кинодиалога в рамках фильма как макроединицы перевода к дискурсивному подходу к последнему.

В этой связи полагаем важным привести полностью довольно пространную трактовку наших исследований Е. Д. Малёновой: «**текстоцентрический** подход к переводу вообще, в рамках которого перевод анализируется исключительно с позиций лингвистики, оставил свой отпечаток на результатах большого количества исследований (*выделено автором*). Одной из первых проблемы аудиовизуального перевода начала изучать В. Е. Горшкова, рассматривающая аудиовизуальный перевод с позиции его лингвистических, семиотических и лингвокуль-

турных особенностей. В своей работе, посвященной изучению перевода кинодиалога, исследователь приводит унифицированную модель перевода, в которой кинодиалог рассматривается как совокупность следующих составляющих: говорящего, смысла, канала передачи и рецептора оригинала. Соответственно, пройдя через переводчика, кинодиалог трансформируется сообразно вышеуказанным составляющим и специфике лингвокультуры рецепторов языка перевода» [Малёнова, 2017, с. 34]. И далее: «В данном случае автор не учитывает особенности технических ограничений, сопряженных с различными видами перевода (дубляж, субтитрирование, перевод «голосом за кадром», аудиодескрипция и т. п.), а также примат видеоряда над текстом, произносимым с экрана. Фактически происходит разделение всей ткани аудиовизуального произведения на два отдельных слоя: кинотекст как сложное поликодовое и многоуровневое семантическое единство и кинодиалог как вербальная составляющая фильма» [Там же, с. 34–35].

При всем признании нашей «пионерской» роли в области теоретического обоснования АВП подобная трактовка модели перевода кинодиалога вызывает по меньшей мере недоумение. Во-первых, как можно говорить о «разделении ткани аудиовизуального произведения», если кинодиалог неукоснительно понимается нами как «вербальный компонент гетерогенной семиотической системы – фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается его аудиовизуальным рядом в общем дискурсе фильма» во всех публикациях, касающихся этой темы, начиная с 2006 г. [Горшкова, 2006, с. 146]. Соответственно, хотя речь о доминирующей роли видеоряда действительно не идет (об этом в отдельных случаях можно и поспорить!), вполне эксплицитно прописывается смысловая незавершенность вербального компонента в отрыве от последнего.

Далее. Остается только гадать, как автору анализируемой статьи удалось «не заметить» центральную часть схемы (рисунок), раскрывающую роль аудиовизуального переводчика, с необходимостью ориентирующегося на упомянутые выше «технические ограничения», налагаемые видами перевода. Не случайно наш подход носит название «процессоориентированного» как ориентированный на конкретный вид/технику перевода в кино, а именно дублирование, перевод субтитрами, перевод «голосом за кадром» и перевод-описание для незрячих зрителей (дубляж, субтитрирование, аудиодескрипция в терминах Е. Д. Малёновой), что подчеркнуто даже в аннотации к статье, на которую опирается цитируемый автор [Горшкова, 2007, с. 133]!

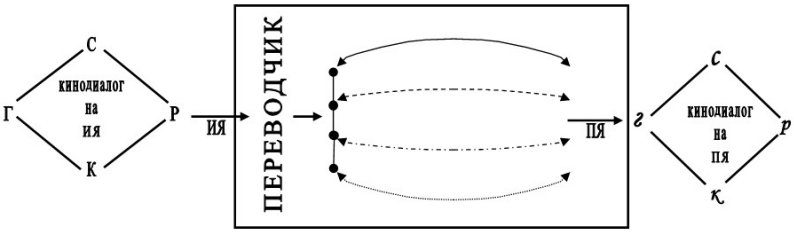

Рис.1. Роль переводчика при переводе кинодиалога

Условные обозначения:
—— *дублирование*
- - - *перевод с субтитрами*
-·-·- *перевод «голосом за кадром»*
..... *перевод-описание для незрячих зрителей*

Полагаем, что подобные «недочеты» не могут рассматриваться как незначащие, поскольку они вносят путаницу в научную реальность и, как следствие, в научную картину мира в области аудиовизуального перевода, что не способствует адекватному теоретическому обоснованию последнего как нового, формирующегося вида перевода.

Литература

Афанаскина Н. Ю. Киноперевод как объект исследования лингвистики, социологии, межкультурной коммуникации и теории перевода // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. 2017. № 4. С. 58–66.

Бакулев Г. П. Аудиовизуальный перевод как часть переводоведения // Коммуникация в современном поликультурном мире: диалог культур : сб. науч.-практ. тр. / отв. ред. Т. А. Барановская. М. : Pearson, 2014. С. 287–294.

Будко В. В. Философия науки. Харьков : Консум, 2005. 268 с.

Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. № 4. С. 56–74.

Горшкова В. Е. Перевод в кино : монография. Иркутск : ИГЛУ, 2006. 277 с.

Горшкова В. Е. Перевод в кино: дублирование vs субтитры (на материале фильма Люка Бессона «Ангел. А», Франция, 2005 г) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, вып. 1. С. 133–140.

Козуляев А. В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода // XVII Царскосельские чтения : материалы Междунар. науч. конф. (23–24 апр. 2013 г.) / под общ. ред. В. Н. Скворцова. 2013. Т. 1. С. 374–381.

Козуляев А. В. Обучение динамически эквивалентному переводу аудиовизуальных произведений: опыт разработки и освоения инновационных методик в рамках школы аудиовизуального перевода // Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. Сер. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 3. С. 3–24.

Корнаухова Н. Г. Аудиовизуальный перевод в условиях новой технологической реальности // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2016. № 1. С. 109–116.

Малёнова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникатив. исслед. 2017. № 2 (12). С. 32–46.

Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

Трофимова Ю. А. Проблема соотнесения понятий «научная картина мира» и «научная реальность» // Вестн. Челяб. ун-та. Сер. Философия. Социология. Культурология. 2010. № 16 (197), вып. 17. С. 122–125.

Gorshkova V. E. Film Translation: to Be or not to Be // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. 2(7). P. 230–237.

Предисловие и послесловие к французскому изданию [Электронный ресурс]. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1867/capital_vol1/03.htm.

УДК 821.16

М. Казьмерчак

Переводческая редакция подлинника и вопросы антологизации и канонизации перевода (Болеслав Лесьмян и Евгений Вадимов)

Аннотация. Предметом исследования является самый ранний вариант перевода баллады Болеслава Лесьмана «Dziewczyna» на русский язык. Автор уделяет основное внимание выделению главных отличий между текстом на польском языке и переводом Евгения Вадимова, а также способам контекстуализации. В статье рассматриваются следующие вопросы: стиль, нарративная стратегия, философские (эпистемологические и онтологические) проблемы, которые затрагиваются в произведении, представленный мир и мировоззрение. Результаты проведенного анализа позволяют сделать предположения о том, является ли текст Е. Вадимова точным переводом и был ли он создан именно с этой целью. В статье затронут вопрос о создании антологии подобного рода текстов.

Ключевые слова: перевод поэзии, Болеслав Лесьман, Евгений Вадимов, переиздание, история перевода.

M. Kaźmierczak

Translation of the Original and the Issues of Anthologization and Canonization of the Translation (Bolesław Leśmian and Yevgeny Vadimov)

Abstract. The subject of the paper is the earliest Russian translation of Bolesław Leśmian's ballad "Dziewczyna". The discussion focuses on tracing the main divergences between the Polish source text and Yevgeny Vadimov's rendition and on contextualizing them. The aspects surveyed include: style, narrative strategy, philosophical (epistemological and ontological) questions posed by the poem, the presented world and worldview. The results of the analysis lead to probing whether the target text is a translation in the strict sense and whether it has been written with such a function in view. The issue of anthologizing and presenting such texts nowadays is brought up.

Keywords: poetry translation, Bolesław Leśmian, Yevgeny Vadimov, republication, history of translation.

Цель статьи – рассмотреть некоторые вопросы рецепции Болеслава Лесьмяна (1877–1937), польского поэта эпохи модернизма, в русскоязычной среде, на примере одного произведения. Существует довольно много переводов стихотворений Лесьмяна, они несколько раз выходили отдельными сборниками, об интересе к нему свидетельствует русскоязычный Интернет [см. Bednarczyk, 2018, в печати]. Тем не менее с точки зрения рецепции зарубежной поэзии он остается, вероятно, вне русского канона, а переводы мало изучены, чем обосновывается актуальность данной работы.

Как предмет анализа выбрана баллада *Dziewczyna* (1933). Она принадлежит к самым красивым и интеллектуально веским стихотворениям Лесьмяна и неоднократно воссоздавалась на разных языках. На русский этот текст переводили Евгений Вадимов, Борис Слуцкий, Валерий Акопов, Наталья Астафьева, Геннадий Зельдович. При таком обилии материала в краткой статье приходится ограничиться или одним аспектом, прослеживаемым в разных вариантах (см.: [Kaźmierczak, 2017]), или рассмотрением одной версии. Мы хотим сконцентрироваться на раннем варианте баллады, выполненном в 1937 г. современником Лесьмяна, Евгением Вадимовым (1879–1944?, наст. имя – Юрий Ипполитович Лисовский). Первый повод такого решения – потребность исследовать достижения менее известных переводчиков, которая намечается как актуальная цель дисциплины (см., например, [Munday, 2014]). Второе основание – это факт, что именно текст Вадимова был, как единственный, включен Андреем Базилевским в самый объемный русский сборник произведений Лесьмяна [2006, с. 187–189], и хотелось бы интерпретировать этот канонизирующий жест в соотношении с анализом текста перевода.

В балладе *Dziewczyna* (текст по: [Leśmian, 2000, с. 349–351]) развертывается история двенадцати братьев, которые, услышав таинственный голос, решают разбить стену и освободить плачущую за ней Деву. Когда братья умирают, подвиг продолжают их тени, а затем одни уж молоты; однако успех последних открывает лишь пустоту. Поэт испытывает границы балладного жанра, делая его носителем философского содержания. В связи с интригующей и неоднозначной постановкой экзистенциальных и познавательных вопросов стихотворение все порождает расходящиеся интерпретации (см. изложение главных линий прочтения в [Izdebska, 2000]).

Вадимов напечатал свой вариант в маленьком сборнике собственных стихотворений [Вадимов, 1937, с. 12–13], изданном в Варшаве, где тогда проживал. Небольшой тираж, наряду с фактом, что автор пребывал в эмиграции и публиковал лишь в эмиграционных русскоязычных изданиях, позволяет предполагать, что интересующий нас текст оставался неизвестным широкой публике, пока его не перепечатал портал *Век перевода* в начале XXI в. (не позднее 2005 г.).

Несомненным достоинством варианта Вадимова является мастерство формы, которая не уступает изящности версификации и рифмовки подлинника (восьмистопный ямб с гиперкаталексой, 8+9, рифмы точные, но избегающие штампа). К тому же перевод написан красивым, богатым языком, в высоком стиле, соответствующем затрагиваемой проблематике. В большой степени действует в варианте Вадимова также принцип трихотомии. В силу ограниченности места мы, однако, намеренно сосредоточимся на отклонениях от подлинника и на их ос-

нове постараемся прийти к неким обобщениям, т. е. найти их доминанту [Чуковский, 1968, с. 24].

Первое расхождение намечается уже в названии текстов. Перевод озаглавлен не «Дева» или «Девушка» вслед за подлинником, а «Двенадцать братьев». Это единственный среди известных мне – не только русских – переводов, заглавие которого не связано с образом героини. Нельзя определить, опирался ли Вадимов на первое печатное издание баллады в журнале Wiadomości Literackie [Leśmian, 1933], что более правдоподобно, или на текст в сборнике *Napój cienisty*, который вышел в свет в 1936 г., т. е. на год опережает публикацию перевода. Тем не менее в обоих источниках стихотворение названо *Dziewczyna*. Если разницу нельзя объяснить текстологически, то следует считать ее интерпретационным решением. И на самом деле она находит подтверждение далее в тексте, перекликаясь с другими переводческими сдвигами.

Отречение от авторского «имени текста» имеет двоякие последствия. Во-первых, героиня баллады является одним из многих воплощений лесьмяновского мотива «несбывшейся девушки» (ср. эмблематические для него стихотворения *Pan Błyszczyński* и *Ballada bezludna* [Leśmian, 2000, p. 469–474, 226–227]). Поэтому в результате замены заглавия утрачивается ощущение автоцитаты и связь с авторским топосом. Добавим, что далее в тексте Вадимов, консеквентно применяя к этому персонажу одно лишь слово, всегда, вопреки поэтике оригинала, пишет его со строчной буквы: «дева». Заметим, что, по мнению Казимежа Выки, именно написание наименования Dziewczyna с прописной буквы позволяет автору выдвинуть на первый план аллегорическое – причем открытое для самых разнообразных интерпретаций – значение ее образа как олицетворения высших ценностей [Wyka, 1965, p. 253, 257]. Вадимов, очевидно, приписывает Д/деве меньшее значение.

С другой стороны, заглавие, содержащее числительное «двенадцать», акцентирует проблематику святых или магических чисел, которая в подлиннике наблюдается, но, несомненно, не как первопланная. Лесьмян вводит в текст героев, «двенадцать братьев», а потом при помощи порядкового числительного передает факт, что двенадцатый из братьев, теней или молотов обращается к одиннадцати остальным (Tak, waląc w mur, dwunasty brat [cień / młot] do jedenastu innych rzecze). Число «двенадцать» символизирует космический порядок, счастье, святость и завершенность [Kopaliński, 1991, p. 77–78]. Оно значимо и в *Священном писании*, и в мифологиях разных народов. Ему резко противостоит одиннадцать, символика которого отрицательна. Данное число обозначает излишек, избыток, нарушение границ и правил, диссонанс, хотя также перемену и обновление. Преобладают, однако, негативные ассоциации [Там же, с. 123]. Возможно, что именно ввиду этого Вадимов удаляет числительное «одиннадцать» из своего варианта: «Так,

руша кварц и веря в сны, двенадцать братьев повторяли» или «...двенадцать призраков / молотов сказали».

В общем, в переводе числительное «двенадцать» выступает не четыре, как в оригинале, а восемь раз. Вадимов вводит его как амплификацию или заменяет им прилагательное («все», «могучие»), например:

I **wszyscy** w jednym zmarli dniu, i noc wieczystą mieli jedną![1]
И все в один и тот же час **двенадцать братьев** смерть познали.

Potężne młoty legły w rząd na znak spełnionych godnie trudów.
Легли **двенадцать** молотков перед разрушенной стеною…

У Лесьмяна глубинная структура баллады опирается на тройное членение, выраженное как в тройной попытке, так и в трехкратном применении некоторых формул. Вадимов в большой степени соблюдает этот принцип и в плане выражения и, как мы еще убедимся, даже вводит элемент, который (видимо) компенсирует потери в этой области.

Делая акцент на значимые числа, Вадимов укрепляет также связи баллады с фольклором. Однако здесь нет последовательности, так как, с другой стороны, ослаблением этой связи является отказ от строфического членения на двустишия (хотя сохраняется смежная рифмовка).

Заметны разницы в плане выражения, однако не будем на них останавливаться. Отметим лишь, что наблюдается тушевание необыкновенности лесьмяновского языка. Вместо лексических и фразеологических неологизмов Вадимов вводит в свой текст устойчивые «поэтичные» сочетания. Язык данной версии – это каталог приемов, типичных для модернизма, что неадекватно по отношению к поэту, которого нельзя определить как представителя какого-либо литературного течения.

Явно различаются также стратегии повествования и развертывания фабулы. Это проявляется уже в строках, открывающих балладу. Сравним:

Dwunastu braci, wierząc w sny, zbadało mur od marzeń strony,
A poza murem płakał głos, dziewczęcy głos zaprzepaszczony.

Двенадцать братьев, веря в сны – и веря в призраки и тени, –
Остановились у стены, хранящей царство сновидений...

Лесьмян в первом дистихе называет сюжетный импульс – таинственный голос, но также сразу дает сигналы философского подтекста, который будет проходить красной нитью через произведение. Эпистемологический контекст набрасывается одним словом: стену, отделяющую их от голоса, братья **изучают**, причем «со стороны мечтаний». Отметим, что эта формулировка получила много расходящихся интерпретаций, которые попытался сплотить Михал Гловиньски:

«Формула *zbadać mur od marzeń strony* может обозначать, что двенадцать братьев, осматривая стену, делали то, что следовало из их меч-

[1] Все выделения жирным шрифтом – мои (*М. К.*).

таний (и тогда анализированная формула приближалась бы к метафоре), но она может обозначать – с равным правдоподобием – что-то совсем другое. *Marzeń strona* может быть материальной стороной, в смысле подобным тому, в каком говорится о стороне внутренней и внешней, левой и правой. В данном случае, кажется, двузначность заложена, тем более, что развитие балладных происшествий допускает оба смысла» [Głowiński, 1981, p. 99][1].

У Вадимова намек на познавательное стремление как тему баллады отсутствует. К тому же действие разыгрывается «у стены, хранящей царство сновидений», а такое решение не только устраняет заложенную в подлиннике двусмысленность, но даже уничтожает конструкцию произведения. Если заранее – а это ведь второй стих переводного варианта – выявлен факт, что за стеной скрывается не что иное, как «царство сновидений», то финальная катастрофа не поразит читателя. Само начало стихотворения сигнализирует реципиенту, что Дева окажется лишь очередным «призраком».

Как утверждает Иренеуш Опацки, в творчестве Лесьмяна ярко проявляется познавательное отношение к миру [Opacki, 1971, p. 293]. По нашему мнению, также в балладе *Dziewczyna* в центре внимания находится «сам познавательный процесс и его результат» [Там же, p. 287]. Такой активный интеллектуальный подход приписывается братьям, которые осматривают стену, но также на основе определенных предпосылок делают логические заключения: «I **zgadywali** kształty ust po tym, jak śpiew od żalu ginie...». Интеллектуальными способностями наделена также ночь, свидетель подвига, которая тщетно прикладывает усилия, чтобы разгадать суть метаморфоза героев: «I **nie wiedziała** ślepa noc, kto jest człowiekiem, a kto młotem?», «I nie wiedziała ślepa noc, kto tu jest cieniem, a kto młotem?» и «I nie wiedziała ślepa noc, czym bywa młot, gdy nie jest młotem?».

Однако у Вадимова стратегия отречения от элементов текста, связанных с эпистемологией, прослеживается и дальше в переводе. Симптоматично, что элемент рассуждения (угадывание формы губ по голосу) удаляется, но сохраняется эмотивный элемент, причем он дополняется иррациональной мотивировкой («I **pokochali** głosu dźwięk» – «И **веря в сон**, девичий стон двенадцать братьев **полюбили**»). Повторяемая строка о ночи подвергается сплошной редукции, несмотря на то что в результате теряется эффект трехкратного повторения трех элементов (переводчик воспроизводит параллелизм двух следующих стихов этого комплекса: три раза раздается призыв разбивать стену, и трижды звучит формула повествователя, которая вводит этот призыв, –

[1] Перевод всех цитат из польской критики – мой (М. К.). Гловиньски рассматривает первый стих баллады как пример «буквализирования» метафор (udosłownienie), одного из главных приемов поэтики Лесьмяна [1981, p. 97–99].

см. цитату выше). Как правило, не воспроизводятся лексемы, связанные с перцепцией и мышлением (*świat zadumał się*, *domysł*). Также добавленная переводчиком фраза «двенадцать братьев смерть познали» не служит компенсацией в этом отношении, так как в данном контексте активизируется второе значение глагола «познать», т. е. «испытать». В итоге Вадимов в своем переводе сохраняет лишь сюжетный аспект стремления к познанию.

В лесьмяновских стихотворениях нередко появляются слова и формулы, подходящие для философских трактатов [Opacki, 1971, p. 300]. В рассматриваемой балладе философскому дискурсу принадлежат понятия *czas*, *los*, *nicość* и *próżnia* («время», «судьба», «ничто», «вакуум»), однако и они устраняются в переводе. Появляется единственно «пустая тишь» как открывшееся за стеной «ничто» (*nic i nic*); при этом данный эпитет не выступает в последних двух строках как соответствие *próżni*, о чем ниже.

К тому же Вадимов устраняет интертекстуальные элементы, передающие предпосылки лесьмяновской онтологии (шире об этом см. [Kaźmierczak, 2017]). В этом плане значимым является пятый стих произведения: «Mówili o niej: „Łka, więc jest!” – I nic innego nie mówili». Фраза «Łka, więc jest» – это травести философского утверждения Рене Декарта Cogito, ergo sum. Самодостоверность сознания декартовского «Мыслю, следовательно, существую» (польск. *Myślę, więc jestem*) братья заменяют достоверностью домысла и желания и относят к Деве: рыдает – значит есть. Вадимов замещает конструкцию «предпосылка – итог» противопоставлением, полностью меняя смысл предложения: «Сказали: "Стонет – но живет! Живет за камнем наша дева!"». К тому же в этом варианте теряется лаконичность братьев, подчеркиваемая в подлиннике метатекстовым «I nic innego nie mówili» («И ничего больше не говорили»). У Вадимова наоборот: второе полустишие заполняет эмфатическое развертывание речи героев.

Редукция сходства суждения братьев с картезианской формулой имеет серьезные последствия для идейного содержания баллады. Во-первых, она тушует одну из главных характеристик философского мировоззрения Лесьмяна: то, что можно думать (добавим, или чувствовать) и не быть (см. [Sandauer, 1985, с. 60; см. выше о «несбывшейся девушке»). Во-вторых, в варианте Вадимова слова братьев не обладают характером философского утверждения, в связи с чем финальная катастрофа теряет свой эффект как разрушение определенной аксиомы. Это перекликается с решением ввести во вторую строку эпитет-намек «царство сновидений».

Второй философский намек содержит строка, описывающая самостоятельную работу молотов: «I same przez się biły w mur, huczały spiżem same w sobie». Здесь перекличка с одним из ключевых понятий

кантовской метафизики, *Ding an sich*, в польской переводческой традиции: «rzecz sama w sobie» (рус. «вещь в себе»). Вадимов дает здесь совсем иную формулировку: «И все двенадцать, ставши в ряд, забили дружно в ту же стену!..».

С другой стороны, переводчик активно меняет интертекстуальный и заодно идейный план произведения, вводя на место одной из удаленных строк о слепой ночи стих «Сильнее смерти ты, любовь, любовь с надеждою и верой!..». Он отсылает к известному библейскому стиху «ибо крепка, как смерть, любовь» из *Песни Песней* (Песн 8, 6) [Библия, 2002, с. 679]. При этом, ссылаясь на три богословские добродетели, Вадимов укрепляет (компенсирует) принцип трихотомии, но придает действию героев религиозную мотивировку. Этот сдвиг перекликается с формулировкой, введенной раньше, – предпринимая подвиг, братья обращаются к небу как будто с немой молитвой: «каждый к небу вскинул очи». Тем временем в подлиннике силой, мотивирующей героев к подвигу, было желание любви (см. психоаналитический взгляд в [Coates, 1986, p. 63–64]). В дальнейшем тушуется бунтарский характер восклицания перед лицом раскрывшейся пустоты. Подлинник отсылает к религиозному контексту, однако *per negationem*, оспаривая теодицею: «Takiż to świat! Niedobry świat! Czemuż innego nie ma świata?». В переводе Вадимова читаем: «Таков уж свет в удел нам дан – другого нет под солнцем света!». Как видно, еретический вопрос удален, а последующая фраза «не быть земле иною» укрепляет впечатление христианского смирения.

Это переводческое решение проблематично, так как несовместимо со взглядами автора оригинала и мировоззрением, которое можно реконструировать на основе содержания его стихотворений. Здесь невозможно изложить все, что в литературе сказано об отношении Лесьмяна к Абсолюту; ограничимся одним комментарием.

По мнению Яна Блоньского, поэт оспаривает концепцию Бога-особы, а описываемые им различные божества такие же несовершенные, как и сам человек [Błoński, 1971, p. 80–81]. Критик доказывает, что лесьмяновскую теологию нельзя примерять ни к еврейским, ни к католическим догматам, так как «традиционные религиозные понятия он использует для собственных лирико-мировоззренческих целей» [Там же, p. 81]. Дополним эти замечания примерами стихотворений, в которых Бог не хочет или не может помочь персонажам (*Urszula Kochanowska, Pan Błyszczyński*) или представлен таким же тленным и слабым, как человек (*Żołnierz*). В связи с этим и в силу философского

содержания самого текста баллады *Dziewczyna* амплификацию религиозного аспекта произведения следует считать необоснованной[1].

Подход к эсхатологии проявляется также в образах смерти в рассматриваемой паре текстов. В балладе *Dziewczyna* зарисовано несколько представлений кончины. Опасение за жизнь Девы мотивирует действия героев: надо разрушить стену, пока смерть не «покрыла Деву ржой» («nim śmierć Dziewczynę rdzą powlecze»), смерть братьев показана как физический распад, причем они умирают, ибо «отдали свои тела сну на растрату» («oddali ciała swe na strwon owemu snowi»), а тени – потому что не могут противостоять мраку («bo cień się mrokom nie opiera»). Это подтверждает тезис, выдвинутый Ельжбетой Сидорук в связи с образами существования и несуществования в поэзии Лесьмяна: «Множеству существований соответствует множество способов умирания в буквальном и переносном смысле. Исчезновение, распад, тление, перевоплощение, провал в бездну, уничтожение – это формы смерти, представляемой в процессуальном аспекте как “деяние”» [Sidoruk, 2000, c. 126].

Перейдем к вопросам воспроизведения образов смерти. В тексте Вадимова угроза смерти по отношению к Деве теряется. Вместо воззвания «O, prędzej, skruszmy zimny głaz, nim śmierć dziewczynę rdzą powlecze!» братья, тени и молоты повторяют призыв: «Разрушим царство злой стены, спасая деву от печали!» Лишь фраза «śpiew od żalu ginie» («пение гибнет от жали») находит эквивалент в более зловещей формулировке «А за стеною девы плач звучал, как стон **в глухой могиле**».

Сравним описание смерти братьев в оригинале и переводе:
Oddali ciała swe na strwon owemu snowi, co ich kusił! //
Łamią się piersi, trzeszczy kość, próchnieją dłonie, twarze bledną...

И ослабели их тела, **и стали детскими удары**...
Устали груди, взор погас, **умолкла песня звонкой стали**.

У Вадимова описание только частично опирается на физические симптомы угасания жизни, которые к тому же представлены гораздо менее натуралистично, чем в подлиннике. Зато вторые полустишия обеих строк, относящихся к данному моменту повествования, сконцентрированы на влиянии последствий умирания на эффективность рабо-

[1] В стихотворении наблюдается ряд выражений, отсылающих к религиозному контексту: «I przeżegnali cały świat», «noc wieczystą mieli jedną!» и повторяющееся восклицание повествователя «Boże mój!». Однако они не навязывают религиозного прочтения баллады. Первая из названных фраз отсылает не столько к обрядному, сколько к конвенциональному жесту (перекреститься). Цель второй состоит лишь во введении возвышенной тональности высказывания (вечная ночь). Последняя воспринимается почти как обыкновенное междометие (Боже!) и употребляется в речи даже такими пользователями языка, которые отрицают религиозное мировоззрение.

ты. Отметим, что последняя формулировка указывает на временное прекращение разбивания стены, хотя Лесьмян подчеркивает, что тени не выпустили молотов из рук: «nie wypuściły młotów z dłoni». Это в некоей степени нарушает смысл произведения, в центре внимания которого стоит последовательное, непрерывное стремление к цели [см. Wyka, 1965, p. 254].

Центральность данной тематики подчеркивается тем, что высказывания о смерти теней принимают афористическую форму[1]. Они составлены в пределах одного дистиха и, следовательно, даже зарифмованы:

Lecz cieniom zbrakło nagle sił, a **cień się mrokom nie opiera**!
I powymarły jeszcze raz, bo **nigdy dość się nie umiera...**

Добавим, что передача второго из афоризмов («смерти никогда не достаточно») тем важнее, что выражаемый им взгляд не является в творчестве поэта окказиональным (ср. стихотворение *Ubóstwo*: «Pochowani w mogile mrą wciąż za mogiłą!» [Leśmian, 2000, p. 459]; *Śmierć wtóra* [Там же, p. 529]). Вадимов не сохраняет ни гномичности, ни идейного содержания выделенных полустиший, опускает тезис о повторимости смерти, а ставя знак равенства между кончиной братьев и теней, подрывает ключевой для лесьмяновской эсхатологии тезис, что разные смерти предназначены разным существованиям[2]:

Но и теней бесплотный ряд не проломил гранитной груди –
И пал на землю тяжкий млат, **и тени умерли, как люди**...

Вадимов меняет также внутритекстовые реляции. Как отмечалось, в переводе братья (а затем тени и молоты) не общаются, а произносят хором общий «лозунг». Но прежде всего в русской версии наступает сплошное изменение повествовательной перспективы. Рассказчик, вопреки подлиннику, обращается непосредственно к персонажам. Это тем более заметно, что его риторический вопрос, а потом восклицание развертываются на протяжении трех строк:

Niczyich oczu ani ust! I niczyjego w kwiatach losu!
Bo to był głos i tylko – głos, i nic nie było oprócz głosu!

Ничьей души, ничьих очей – **где ж, братья-тени, ваша дева**?
Там был лишь голос!.. Был лишь стон за камнем, звавший **вас** влюбленно,
А вы, поверив в этот сон, сгубили жизни ради стона!

К тому же повествователь высказывается не от себя, а от имени какой-то общности, так как употребляет местоимение множественного

---

[1] На гномический характер некоторых лесьмяновских фраз указывает Э. Чаплеевич [Czaplejewicz, 1973, p. 17].

[2] В подлиннике формулировка, указывающая, что молоты истекали человечьим потом, связана с провалом попытки разузнать, «чем бывает молот, когда он не молот».

числа: «Таков уж свет в удел **нам** дан – другого нет под солнцем света!» С первого взгляда процитированная строка устанавливает связь между изображенным миром баллады и внетекстовой действительностью читателя. Но это впечатление обманчиво. Ввиду того что устраняется обращение к реципиенту текста, повествователь не может отождествляться с читателями. Его пространство – это та же действительность, в которой пребывают персонажи.

Однако самая глубокая трансформация осуществлена в концовке произведения. Сравним:

I była zgroza nagłych cisz! I była próżnia w całym niebie!
A ty z tej próżni czemu drwisz, kiedy ta próżnia nie drwi z ciebie?

И стройный ряд их замер там, под хмурым небом, где, как дети,
Мы только вечно верим снам, которых лживей нет на свете!..

Здесь снова высказывается не индивидуальный, а собирательный субъект. К тому же лирическое «ты» подвергается редукции. Но суть неадекватности по отношению к подлиннику в том, что драматичный вопрос заменен высказыванием в изъявительном наклонении. Итак, индивидуальное лирическое «я», характеризующееся познавательным подходом к действительности, заменяется собирательным субъектом, который довольствуется констатацией факта. В результате совершенно меняется смысл, а произведение перестает обладать философским характером. Необходимо оспорить также саму формулировку последней строки в переводе. Она выдвигает тезис, что сны и мечты обманчивы, но люди (или те, кто сможет идентифицироваться с энигматичным «мы») наивны «как дети» и вечно поддаются соблазну иллюзорной цели.

Перевод всегда является интерпретацией, но в данном случае интерпретация оказывается упрощением. Там, где подлинник ставит вопрос, переводной текст дает ответ. К тому же данное решение совершенно противоречит интенциям оригинала. Несмотря на то что неоднозначность баллады допускает множество расходящихся толкований, существуют две интерпретационные линии. Одна связывает концовку произведения с познавательным пессимизмом [напр.: Opacki, 1961, p. 76], другая с тезисом о ценности стремления [Izdebska, 2000, p. 42]. Так или иначе, финальное отрицание «издевательства над бездной» свидетельствует о том, что нельзя пренебрегать усилиями тех, кто следует «лживым» мечтам.

Вследствие трансформаций значимых компонентов произведения целевой текст проецирует другой образ мира и другое мировоззрение, чем текст исходный. При этом «ту доминанту отклонений от подлинника, при помощи которой переводчик навязывает читателю свое литературное *я*» [Чуковский, 1968, p. 24], можем определить следующим образом: Вадимов модифицирует ключевые компоненты представленного мира (ли-

рические «я» и «ты», отношение повествователя к персонажам), меняет концовку стихотворения и передвигает акцент на христианские ценности.

Сумма и вектор расхождений позволяют заключить, что имеем дело не с собственно переводом, а с переделкой, или *Nachdichtung*. И на самом деле, в сборнике Вадимова статус текста определен именно так, о чем заявляет стоящая под заголовком фраза: «На мотив Болеслава Лесьмяна» [Вадимов, 1937, с. 12]. Поэт открыто заявляет, что чужое стихотворение послужило ему материалом литературного экзерсиса, результат которого принадлежит его собственному творчеству. Очевидно также, что, перенимая лишь мотив или сюжет, автор вторичного текста не обязывается (или не чувствует себя в состоянии) воспроизводить уникальный стиль первоисточника. Об автономном характере текста Вадимова свидетельствует замена или приложение посвящения – Елене Николаевне фон Бадер (у Лесьмяна посвящение – Владиславу Ярошевичу – появляется только в книжном издании, в газетном отсутствует; оба имеют личный, не литературный характер). В случае перевода – это была бы непозволительная аннексация.

В этой связи встает вопрос о позиции данного текста в современной рецепции. Естественно, что, как единственный выполненный Вадимовым лесьмяновский вариант, его стоит учесть в сборнике или сборниках, цель которых – представить как можно более полный образ и польского поэта, и его рецепции в русской культуре. Однако его особенный статус в сборнике *Безлюдная баллада* удивляет: как упоминалось, это единственная помещенная в нем версия *Dziewczyny*. Как правило, стихотворения печатаются в нескольких вариантах, если такие оказались доступными. В случае рассматриваемой баллады в примечаниях приводятся лишь библиографические справки [Лесьмян, 2006, с. 752–753]. Как справедливо замечает Армин Пауль Франк по отношению к антологиям переводов, выбор набирает значение на фоне более объемного корпуса текстов, как соотношение части и целого [Frank, 1998, p. 14]. В данном случае составитель имел в распоряжении четыре иных версии; у каждой из них свои достижения и недостатки, тем не менее любая из них более приближается к макросмыслам оригинала, чем текст Вадимова. Конечно, на состав любого сборника влияют многие факторы (например, не всегда легко приобрести права на публикацию определенного текста: факт, что переводы Астафьевой вообще не представлены в книге Базилевского, вероятно, свидетельствует о такого рода проблемах). Оставались, однако, Слуцкий, Акопов и Зельдович, другие переводы которых находятся в сборнике. Нельзя предположить, что опытный переводчик и антологист не осознавал, что выбранный им текст менее всех остальных эквивалентен балладе Лесьмяна. Тем не менее действия редактора оставляют вадимовскую имитацию не только в главной части публикации. Правда, прочтение рядом с собственно

переводами, особенно несколькими, «разоблачало» бы версию Вадимова как травести даже для читателя, не владеющего польским. Поэтому решение составителя хотелось бы интерпретировать как попытку дать этой версии шанс. На «пустой сцене» давний, малоизвестный, а при этом обладающий определенными художественными качествами текст получает возможность «просиять» и привлечь внимание читателей.

Однако решения антологистов неизбежно сопрягаются с механизмами канонизации. Текст, выделенный среди других в самой полной публикации данного автора, будет восприниматься даже искушенным реципиентом как самая достоверная репрезентация определенного стихотворения. Если по умолчанию предлагается что-то другое, то, кажется, нарушается договор с читателем. Подчеркнем, что как на сайте *Век перевода* [Лесьмян], так и в составе *Безлюдной баллады*, заголовочный комплекс ограничивается заглавием (*Двенадцать братьев*). Вадимовское посвящение убирается, и это естественно, но устраняется также заметка «на мотив». Читатель не предупреждается о статусе текста, которым пользуется, а в электронной публикации нет также заглавия подлинника. Напомним утверждение Гидеона Тури, что переводом считается «предположительный перевод» (*assumed translation*) – то, что за перевод принимается читателями или же что предлагается в качестве перевода [Toury, 1995, p. 26, 31–39], даже если соотношение с исходным текстом такого названия не оправдывает.

Тем временем изучение и восстановление забытых переводов, адаптаций, переводов-реминисценций, свидетельств своей эпохи, ее языка или ее переводческих норм – актуальные задачи филологии и переводоведения. Их возвращение или новоприобретенная известность обогащают культуру. Однако получатель должен информироваться, с чем имеет дело и чего может от данного текста ожидать.

Литература

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Рос. библ. о-во, 2002.

Вадимов Е. «Русская культура» и другие избранные стихотворения. Варшава : Изд. Рус. благотворит. о-во в Польше, 1937.

Лесьмян Б. Безлюдная баллада, или Слова для песни без слов. Поэзия. Театр. Проза / под ред. А. Базилевского. М. : РИПОЛ классик – Вахазар – WSH w Pułtusku, 2006.

Лесьмян Б. Двенадцать братьев, перевод. Е. Вадимов // Век перевода. Русский поэтический перевод XX–XXI вв. / под ред. Е. Витковского. URL: http://www.vekperevoda.com/ 1855/vadimov.htm (дата обращения: 17.04.2018).

Чуковский К. И. Высокое искусство. М. : Сов. писатель, 1968.

Bednarczyk A. Twórczość Bolesława Leśmiana w rosyjskim Internecie // Czytanie Literatury. Łódzkie Studia Literaturoznawcze. 2018. N 7. В печати.

Błoński J. Bergson a program poetycki Leśmiana // Studia o Leśmianie // под. ред. M. Głowińskiego, J. Sławińskiego. Warszawa : PIW, 1971. P. 62–91.

Coates P. Identyczność i nieidentyczność w twórczości Bolesława Leśmiana. Studium o tautologii, paradoksie i lustrze. Warszawa : PIW, 1986.

Czaplejewicz E. Adresat w poezji Leśmiana. Wrocław : Ossolineum, 1973.

Frank A. P. Anthologies of translation // Routledge Encyklopedia of Translation Studies / ред. M. Baker, K. Malmkjær. London ; N. Y. : Routledge 1998. P. 13–16.

Głowiński M. Zaświat przedstawiony. Szkice o poezji Bolesława Leśmiana. Warszawa : PIW, 1981.

Izdebska A. O Dziewczynie // Poezje Bolesława Leśmiana. Interpretacje / ред. T. Cieślaka, B. Stelmaszczyk. Kraków : Universitas, 2000. P. 31–43.

Kaźmierczak M. Intertexts in a cross-section: Leśmian's ballad and its translations // PL.IT. Rassegna italiana di argomenti polacchi. 2017. N 8. P. 77–94.

Kopaliński W. Słownik symboli. Warszawa : Wiedza Powszechna, 1991.

Leśmian B. Dziewczyna // Wiadomości Literackie. 1933. N 52. P. 2.

Leśmian B. Poezje zebrane / A. Madyda. Toruń : Algo, 2000.

Munday J. Using primary sources to produce a microhistory of translation and translators. Theoretical and methodological concerns // The Translator. 2014. N 1. P. 64–80.

Opacki I. „Pośmiertna w głębi jezior maska" // Studia o Leśmianie / под. ред. M. Głowińskiego, J. Sławińskiego. Warszawa : PIW, 1971. P. 230–351.

Opacki I., Ewolucje balladowej opowieści. Zagadnienie narratora i narracji w balladzie lat 1822–1920. Lublin : Tow. Naukowe KUL, 1961.

Sandauer A. Pośmiertny tryumf Młodej Polski (Rzecz o Bolesławie Leśmianie) // Pisma zebrine. In 4 vol. Vol. 1. Warszawa : Czytelnik, 1985. P. 49–76.

Sidoruk E. Charakter i miejsce groteski w poezji Leśmiana // Twórczość Bolesława Leśmiana. Studia i szkice / ред. T. Cieślaka, B. Stelmaszczyk. Kraków : Universitas, 2000. P. 123–151.

Toury G. Descriptive Translation Studies and Beyond. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1995.

Wyka K. Czytam Leśmiana // Łowy na kryteria. Warszawa : Czytelnik, 1965. P. 234–281.

УДК 81-26:347.78.034

Н. Н. Миронова

Интерпретация новых переводов: семантические и семиотические комментарии

Аннотация. Новые литературные переводы подвержены семантическим и семиотическим изменениям, которые возникают по нескольким причинам, включая стратегии как автора, так и переводчиков. Стратегии новых переводов направлены на качественное улучшение передачи содержания произведения, учитывая синтаксическую структуру высказывания, нарратив, семантический объём лексики, просодию исходной лингвокультуры. Одним из параметров при этом рассматривается хронотоп произведения и ментальные коннотации лексики в исходном и целевом текстах. В статье приводятся случаи комментирования разных параметров литературного текста в новом переводе.

Ключевые слова: новые переводы, семантика, семиотика, нарратив, стратегии перевода, интерпретация переводов.

N. N. Mironova

Interpreting New Translations: Semantic and Semiotic Commments

Abstract. New literary translations are subject to semantic and semiotic modifications which arise for several reasons including the strategies of both the author and the translators. New translation strategies are targeted at quality improvement of rendering the content of the literary work, taking into account the syntactic structure of the utterance, the narrative, the semantic scope of vocabulary, the prosody of the source linguoculture. One of the parameters considered is the chronotopos of the literary work and mental connotations of words in the source and target texts. The article studies comments on different parameters of a literary text in the new translation.

Keywords: new translations, semantics, semiotics, narrative, translation strategies, interpretation of translations.

«Новый перевод» – это вербальный знак, символизирующий появление нового переводного литературного (прозаического или поэтического) произведения.

Новый перевод сопровождается, как правило, комментарием одной или нескольких сторон, участвующих в создании и появлении нового вторичного текста. Участниками обозначенного коммуникативного пространства выступают: автор(ы) литературного произведения, переводчики, критики, издатели, рекламодатели, журналисты. Дискурс литературного произведения воплощается в жанрах разных видов, с одной стороны, и ключевой семантике, с другой стороны.

Цель настоящей статьи состоит в сопоставительном изучении оригинального и переводного дискурсов, чтобы выявить их лингвокультурные и семиотические расхождения.

Новые переводы не исключают случаев, когда один и тот же переводчик *повторно* (здесь и далее курсив наш. – *Н. М.*) выполняет уже опубликованный перевод. Один из таких случаев упоминает исследователь творчества Владимира Набокова Н. Г. Мельников [2014].

Как правило, задача переводчика состоит *в улучшении* уже опубликованного перевода, соответственно, в исправлении неточностей и ошибок, которые проявились после знакомства читателей с произведениями писателей (поэтов) другой национальной культуры. (В скобках замечу, что ни в коем случае речь не идёт *об улучшении* литературного произведения, идея произведения, его литературный стиль, идиостиль – это прерогатива автора.)

Комментарий к переводу как жанр критики художественного перевода весьма распространён в профессиональном пространстве. Комментирование оригинального текста автором и/или переводчиками довольно распространено. Как особенно запоминающиеся комментарии отметим работы Б. Хлебникова [2008] о переводах прозы Г. Грасса; Н. Г. Мельникова [2014; и др.] о переводах произведений В. Набокова; А. В. Фёдорова о переводах художественной литературы [2002; др.]; А. Ницберга о его новом переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Nitzberg, 2012].

Первый перевод романа на немецкий язык вышел в ГДР в 1968 г., Томас Решке (Thomas Reschke) перевел роман «Эпохи железного реализма с элементами фантастики и психологии». В 1973 г. Т. Решке исправил свой первоначальный перевод 1968 г., так как вышло новое издание оригинала. Переводчик исправил некоторые ошибки и внёс значительные добавления в соответствии с оригиналом. Так, была исправлена ошибка в названия последней главы романа «Прощание и вечный приют» (Abschiedundewiger Hort вместо правильного варианта «Прощение и вечный приют» (Vergebungundewiger Hort)). При изложении повествования о Понтии Пилате переводчик выбрал *сакральный стиль*

изложения. Третий вариант перевода Т. Решке был опубликован в 1975 г. и пережил дальнейшие однотипные переиздания. В истории переводов М. А. Булгакова отметим, что в ГДР вышло 13-томное издание произведений М. А. Булгакова, в ФРГ печатались отдельные произведения писателя. После объединения Германии в 1989 г. вышла его новая биография, появились переводы прозы.

Новый перевод Александра Ницберга основан на понимании *идеи оригинала*. Это означает, что меняются переводческие стратегии. Переводчик основывается на том, что книга Булгакова отображает литературный модерн, это – поэтическое произведение, в котором использованы различные поэтические приемы, включая ритмику текста [Миронова, 2016, с. 323–325] .

Доклад А. Ницберга на франкфуртской книжной ярмарке назывался «Повышение словесной температуры в переводе «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова». «Словесная температура» была достигнута благодаря передаче когнитивно-дискурсивных особенностей оригинального произведения, включая все уровни языка. Рассмотрим стратегии переводчика, используемые им в новых переводах прозы М. А. Булгакова.

На фонетическом уровне происходят изменения в передаче ритмики текста, которой не было уделено внимание в более ранних переводах. «Фонетической оркестровкой» назвал А. Ницберг стратегию фонетического преобразования перевода [Nitzberg, 2012], что затрагивает ритмику текста, подбор гласных и согласных звуков, изменяющих звучание текста (эхо-фразы, аллитерация, монотонность, «светлые» и «тёмные звуки» и т. д.).

На уровне грамматики возможны изменения в передаче глагольных форм. В частности, при сопоставлении русского и немецкого языков выявлены разночтения семантики сослагательного наклонения (в немецком языке – конъюнктив). Немецкая грамматическая форма обладает более широкой семантикой, поэтому при переводе с русского языка упраздняются некоторые лексические маркеры, дополняющие грамматическое значение.

Грамматические неточности в переводах можно проиллюстрировать на материале других языков. Так, одной из ярких нелепых грамматических погрешностей в английских переводах В. Набокова приводят рассогласование действий в предложении. Например, в переводах Г. Барабтарло встречается фраза: «Хорошо, но только езжайте побыстрее, – сказал я, и, ныряя в автомобиль, у меня слетела шляпа» [Мельников, 2014, с. 140].

На уровне лексики происходят самые значительные изменения в переводе. Это связано со многими причинами. Язык перевода устаревает – это особенно очевидно, если со времени перевода проходит несколько десятилетий. При переводе меняется и название произведения, и име-

на героев, и другие семантические группы слов (топонимы, неологизмы и т. д.), и стилистический регистр диалогических высказываний.

Так, новый перевод произведения «Собачье сердце» (пер. Александра Ницберга), названный австрийской критикой *конгениальным,* вышел на немецком языке в 2013 г. Изменилось его название: Das hündische Herz вместо принятого ранее Das Hundesherz, имя прилагательное *hündisch* (собачий) противопоставляется прилагательному *menschlich* (человеческий). Сам переводчик объясняет этот выбор намеренным противопоставлением не человека и собаки, как это было в ранних переводах, а *человеческого и собачьего* [Nitzberg, 2013]. В переводе А. Ницберга впервые соблюдены идиостилистические особенности автора, а именно: литературный язык профессора Преображенского, политический жаргон представителей новой власти, примитивная речь Шарикова переданы в немецком тексте с соблюдением оригинальной стилистической окрашенности. В ранних переводах стилистические различия оригинала не соблюдались.

Ошибочность в передаче стилистического регистра встречается довольно часто. В частности, она может проявляться в замене просторечной или вульгарной лексики оригинального текста на стилистически нейтральную лексику в переводном тексте. Б. Хлебников, переводчик прозы известного немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе Гюнтера Грасса, часто сглаживает жаргон и просторечную лексику персонажей его произведений, например:

Wenn uns der Iwan doch noch *hopshnehmen* sollte, *biste dran*, Junge, mit deinem Kragenschmuck. So was, wie dich knallen die einfach ab, Genickschuss und fertig [Grass, 2008, p. 164].

В переводе Б. Хлебникова: «Если Иваны нас поймают, тебе – конец. Парней с такими цацками на воротнике расстреливают на месте. Пулю в затылок, и привет!» [Грасс, 2008, с. 188].

В переводе П. Ф. Иванова: «Если Иваны нас *сцапают, тебе хана*, такому как ты, с этими цацками на воротнике …» [Иванов, 2015, с. 16].

Сложность передачи скрытых смыслов литературного произведения в случае их недостаточного понимания переводчиком приводит к искажениям *модуса* дискурса. Особенно наглядно это явление наблюдается при устном воспроизведении переводного текста пьесы. В связи с этим сошлёмся на мнение немецкой критики, получившей распространение в 2010 г., когда в немецких театрах прошла пьеса А. П. Чехова «Вишнёвый сад» в новом переводе Т. Браша. В его переводе использована стратегия интерпретации русских реалий. Вследствие этого появились новые интонации: чеховские ньюансы и намёки были заменены на категоричные высказывания, произошла подмена модуса [Миронова, 2010].

При работе над новыми переводами встречается уникальный опыт взаимодействия автора и переводчиков. Большой интерес для сопоставительных семантических, когнитивных и семиотических исследова-

ний представляет фиксация этого опыта в современном литературоведении и практике литературного перевода. Фрагментарно этот опыт представлен в некоторых работах переводчиков. Б. Хлебников рассказал о встречах Г. Грасса с зарубежными переводчиками его новых произведений [Хлебников, 2008]. Для этих встреч используются разнообразные рабочие материалы: топографические, справочные, лексикографические. По результатам каждой встречи составляется протокол, включающий в себя все вопросы и ответы. В течение одного из таких семинаров, который длился 5 дней и был посвящён новому переводу романа «Жестяной барабан» (Die Blechtrommel), в протокол было включено более 1500 обсуждённых вопросов. Отклики переводчиков были опубликованы в [Der Butt spricht ... , 2002].

Комментарии ошибок и неточностей всякого рода касаются как системы двух языков, так и нормы и узуса высказывания. Менее изучены случаи неадекватной передачи авторского замысла, включая и те, которые отмечены намеренным искажением смысла по конъюнктурным соображениям. Сравнение вариантов перевода заполняют комментарии литературоведов, лингвистов и переводчиков, что способствует развитию критики литературного (художественного) перевода. Искажения во вторичных текстах привлекают внимание переводчиков новых поколений. Поиск в лабиринте вариантов наиболее подходящего аналога превращается в своего рода игру автора с переводчиком. Задача переводчика заключается в перекодировании ситуации, т. е. необходимости поиска аналогичной ситуации в ином национальном (ментальном) культурном сообществе. Множественность переводческих находок неизбежна. Она возникает из разнообразных форм и видов дискурсов – письменных и устных, закрепленных строгими формами стилевой и жанровой принадлежности и допускающих межжанровые изменения. Динамичность самого языка в его грамматике и семантике способствует изменению методики исследования оригинального текста. От вида стратегии переводчика меняется способ представления текста иной лингвокультуры, вплоть до его искажения.

Стремление переводчика к сохранению семиотических и семантических особенностей оригинала составляет, по нашему убеждению, то необходимое отношение к поиску стратегии перевода, которое не позволит исказить смысл идеи автора.

Литература

Мельников Н. Г. Владимир Набоков и взбесившиеся лошади просвещения // Иностр. лит. 2014. № 3.

Иванов П.Ф. Лингвокультурная динамика концептов в дискурсе Гюнтера Грасса : автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2015. 19 с.

Миронова Н. Н. О рецепции прозы Михаила Булгакова в межкультурном, межсемиотическом и межъязыковом пространстве XX–XXI вв. // Русский язык и культура в зеркале перевода : материалы VI Междунар. науч. конф. (Афины, 2016 г.). М., 2016. С. 321–328.

Миронова Н. Н. К истории художественной критики: «Der Kirschgarten» – «Вишнёвый сад» А. П. Чехова в Германии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22: Теория перевода. 2010. № 3. С. 55–61.

Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы. 5-е изд. СПб. : Филол. Фак. СПбГУ ; М. : Филология ТРИ, 2002. 416 с.

Хлебников Б. Феномен Грасса // Грасс Г. Луковица памяти / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Иностранка, 2008. С. 557–589.

Bulgakow M. Das hündische Herz. Neu übersetzt von Alexander Nitzberg. Berlin : Galiani Verlag, 2013. Nachwort von Alexander Nitzberg. 176 p.

Der Butt spricht viele Sprachen: Grass-Übersetzer erzählen. Hg. von H. Frielinghaus. Göttingen : Steidl, 2002. 192 p.

Nitzberg A. Ein Buch mit sieben Buckeln. Notizen des Übersetzers zu Michail Bulgakows «Meister und Margarita» // Michail Bulgakow. Meister und Margarita. Roman. Berlin : Galiani Verlag, 2012. 601 p.

УДК 811.134

Т. В. Писанова

Билингвизм и языковые контакты в Испании

Аннотация. Анализируется ситуация билингвизма и мультилингвизма в Испании, которая явилась результатом становления Иберийского полуострова в политико-социальном контексте. Кастильский язык завоевал доминирующее положение над другими языками начиная с XVI в. На протяжении нескольких веков региональные языки сосуществовали в ряде регионов наряду с кастильским языком в отношении диглоссии. Эти языки были стигматизированными языками сельского населения и низких социальных страт, за исключением каталанского языка. Длительное сосуществование в иерархических отношениях наложило отпечаток на языковое употребление, взаимоотношения говорящих и структуру контактирующих языков.

Ключевые слова: билингвизм, языковые контакты, многоязычие, официальный доминирующий язык, миноритарные языки, со-официальные языки, языковая разновидность, гибридизация, языковая идентичность.

T. V. Pisanova

Bilingualism and Language Contacts in Spain

Abstract. The author of the article analyzes the situation of bilingualism and multilingualism in Spain which was the result of history of the Iberian peninsula in the political and social context. Castilian language gained dominance over other languages, starting with the XVI century. For several centuries regional languages have coexisted in a number of regions along with Castilian language in relation to a diglossic situation. These languages have been stigmatized languages of the rural population and lower social strata with the exception of the Catalan language. Prolonged coexistence in hierarchical relationship influenced the language use, relationships and structure of contacting languages.

Keywords: bilingualism, language contacts, multilingualism, official dominant language, language minority, co-official languages, language variation, hybridization, language identity.

Многоязычие Испании корнями уходит в историю Иберийского полуострова. Наряду с единственным дороманским языком и языком басков (*euskera*) на полуострове были сформированы несколько разновидностей вульгарной латыни, которые в течение веков превратились в языки с более или менее развитыми письменными традициями. Среди них можно назвать галисийско-португальский, астурийско-леонский, кастильский, наварро-арагонский, окситанский и каталанский. Все эти

языки имеют базовые разновидности разной степени сложности. Кастильский язык в силу историко-политических и династических причин превратился в доминирующий язык Испании. Его доминирование выражалось в запрещении или игнорировании других романских и неромансских языков. В современной конституции страны 1978 г., интегрированной в традиции западной демократии, иерархическая организация языков на территории страны представлена следующим образом. Кастильский язык законодательно назначается официальным языком, при этом допускается общение на других языках, но они не называются. Подчеркивается, что другие языки могут быть назначены со-официальными в соответствующих автономных сообществах согласно принятым статутам [Todos los Estatutos …]. Совокупность всех языковых разновидностей на территории Испании объявляется культурным наследием и объектом подчеркнутого уважения и охранения [Constitucion Española].

Конституция 1978 г. обращена к проблеме языков по нескольким пунктам. Впервые в преамбуле текста конституции идет речь о характерной для государства многоязычной реальности [Vernet; Punset, 2007, p. 23]. С помощью новой конституции испанская нация впервые за свою длинную историю выражает желание «охранять все народы и языки Испании». Статья 3 содержит базовую конституционную установку языкового регулирования. На первый взгляд, статья делит языки на два типа в рамках существующего языкового множества в их целостном территориальном исчислении. С одной стороны, признается только один официальный язык на всей территории Испании – кастильский. С другой стороны, наряду с ним существуют со-официальные языки, т. е. каждое автономное сообщество может в соответствии со своими статутами сделать со-официальными один или два языка на своей собственной территории. В статье также говорится о различных языковых разновидностях, под которыми понимается совокупность языков, диалектов и вариантов: например, кастильский, каталанский, язык басков, а также кастильский в Андалузии, Каталонии, Валенсии и т. д., которые должны стать объектами охранения. Пункт 3.3 новой конституции 1978 г. внес в лингвистическую иерархию третью категорию языков под названием *modalidades linguisticas* (языковые варианты), которая в рамках шкалы находится ниже категории *lengua co-oficial* (со-официальный язык). Статья 3 Конституции не только признает и подчеркивает многоязычность, но и консолидирует языковую иерархическую модель без упоминания и оценки всех остальных языков, исключая кастильский. К трем вышеупомянутым категориям ст. 3 необходимо добавить четвертую категорию, к которой можно причислить языки, не имеющие никакого официального статуса, такие как арабский в автономном городе Сеута или кало, на котором говорит

часть цыганского населения в Испании. В соответствии с третьей статьей конституции различные группы миноритарных языков стремятся к усилению языковой политики для повышения своего статуса внутри лингвистической шкалы. Вместе с тем только автономное сообщество имеет право назначить язык со-официальным в соответствии с п. 2 ст. 3 испанской конституции. В таком автономном городе, как Мелилья, юридически может присутствовать только языковая разновидность (*modalidad linguistica*) наряду с официальным языком.

Новая конституция способствовала частичному разрешению языковых конфликтов на Иберийском полуострове, однако этот вопрос до сих пор не получил своего окончательного разрешения. Более того, одни конфликты затихают, а другие разгораются с новой силой. Катализатором новых конфликтов, как это ни парадоксально, стал федералистский дух языковой политики, воспламенивший дремавшие до недавнего времени языковые противоречия. Некоторые специалисты утверждают, что в настоящее время доминируют отношения сегрегации в отношениях между языками полуострова. В то же время дискуссии и размышления о сосуществовании и возможной социальной взаимной дополнительности языков находятся на низком уровне и не вписываются в современную конъюнктуру. Центробежные тенденции проявляются на различных уровнях языковой политики: уровне языков Испании – каталанского, баскского и галисийского, имеющих статус официальных языков в соответствующих автономных сообществах (*Comunidades Autonomas*), согласно существующим статутам (*Estatutos*).

Получившая широкое признание в Каталонии социолингвистическая теория проповедует идею имманентного и неизбежного конфликта, заложенного в языковых контактах, связывая ее со статусом двух официальных языков, который претерпел иерархические изменения в пользу региональных языков. Эта статусная реорганизация приобретает особую значимость, если иметь в виду упрочение юридического статуса региональных языков между 1978 г. и настоящим временем. В употреблении трех региональных официальных языков, а также в каталанском языке продолжают нарастать тенденции внутренней раздробленности (сектаризма).

Признанным фактом является то, что вслед за усилением региональных языков, получивших официальное признание, жители, говорящие на астурийском и арагонском языках, так называемых языковых вариантах Испании (*modalidades*), повысили собственную языковую и культурную самооценку. Признание родного языка для них имеет не только символическое, но и практическое значение, непосредственно трансформирующееся в социальные и экономические выгоды. Наряду с астурийским и арагонским языками как языковыми вариантами на территории испанского государства существуют некоторые автохтонные

языки, принижаемые со стороны законодательства: арабский и тамазигт (*Tamazight*) в испанских анклавах в Африке. Принято считать, что и в настоящее время говорящие на этих языках жители ощущают на себе дискриминационное отношение.

Специалисты настаивают на том, что существуют различные научные и политические причины накопления лингвистических разногласий в Испании. На научном уровне они сводятся к проблеме формулирования критериев консенсуса в определении языка и его демаркации по отношению к другим языкам. Эта проблема нередко стимулирует новые подходы, базирующиеся на таких аргументах и лингвистических критериях, которые имеют политическую мотивацию. С другой стороны, необходимо принимать во внимание эффекты сегрегации с их конфликтными последствиями и невозможностью поддерживать мирные контакты между непримиримыми языками, что неизбежно приводит к изолированию, разведению языков как единственному решению, рассчитанному на длительную перспективу. В преамбуле испанской конституции 1978 г. говорится о «народах Испании», и это понятие могло бы гармонизировать межкультурный диалог. Необходимо признать, что культурная и языковая идентичность жителей Испании всегда была в большой степени гибридной и динамичной, поэтому языковые контакты и взаимовлияние языков являются частью жизни этой страны.

Ситуация билингвизма или мультилингвизма в некоторых случаях в различных регионах Испании явилась результатом истории становления Иберийского полуострова в политико-социальном контексте. Кастильский язык завоевал определенную территорию и доминирующее положение над другими языками начиная с XVI в. На протяжении нескольких веков региональные языки сосуществовали в ряде регионов наряду с кастильским языком в отношении диглоссии. Эти языки были стигматизированными языками сельского населения и низких социальных страт, за исключением в некоторой мере каталанского языка. Длительное сосуществование в иерархических отношениях наложило отпечаток на языковое употребление, взаимоотношения говорящих и структуру контактирующих языков.

Известно, что в ситуации диглоссии говорящие на стигматизированном языке склонны интегрировать элементы доминирующего языка, в данном случае кастильского – как знак престижа. Речь идет не только о терминах, прежде всего лексических, отсутствующих в собственном языке, но также и о словах, подобные которым существуют в собственном языке. В случаях настойчивого давления со стороны говорящих на доминирующем кастильском языке и если языковой контакт был продолжительным по времени, влияние доминирующего языка проявляется и на других уровнях, в частности морфологическом и синтаксическом [Thomason, Kaufman, Terrence, 1988, p. 37–39]. Необходимо под-

черкнуть, что в двуязычных сообществах это влияние не является однонаправленным. Региональный язык, на который оказывает влияние доминирующий язык, проявляется в языке влияния (кастильском), особенно на фонетико-фонологическом уровне, а в случае длительного контакта и на других уровнях. Результатом этого двунаправленного процесса становится возникновение смешанных, или гибридных, вариантов, существующих в континууме между кастильским и региональными языками, которые либо близки к кастильскому, либо в большей степени приближаются к региональному языку. Этот континуум, как подчеркивает Ева Гугенбергер, делится на два блока, и в этом случае речь идет об «астурианизированном кастильском языке» (*castellano asturianizado*) или кастилианизированном астурийском языке (*asturiano castellanizado*), которые находятся между собственно кастильским и астурийским языками [Gugenberger, 2007, p. 21–45].

В двуязычных сообществах Испании присутствие двух языков в обыденной жизни и билингвальная практика для многих жителей превратились в рутину. Так, в Каталонии 47,1 % занятого населения признают использование кастильского и каталанского языков в коммуникативных интеракциях с коллегами по работе. В Галисии 37,2 % населения подтверждают употребление галисийского и кастильского языков как языков повседневного общения. Выбор одного или второго языка в зависимости от коммуникативной ситуации означает также, что говорящий использует два языка в одной и той же интеракции. Этот феномен существует под известным названием *code-switching*. Вышеупомянутый континуум включает целый набор языковых разновидностей на оси между кастильским языком и региональными языками, включая такие разновидности, в которых доминирует один язык, а второй присутствует в виде некоторых черт: фонетических, морфологических и др. В этом случае, даже когда говорящий использует один лингвистический код, он не говорит на нейтральном языке без регионального и социального маркирования. Региональные черты могут варьироваться в зависимости от различных факторов, таких как степень формальности коммуникативного события и др.

С одной стороны, кастильский язык Иберийского полуострова имеет свои особенности в каждом испанском регионе, обусловленные его присутствием в двуязычных сообществах и его контактами с региональными языками. С другой стороны, региональные языки демонстрируют характеристики, возникшие в условиях сосуществования с кастильским языком. Таким образом, даже если говорят на одном языке, то этот язык по существу является гибридной разновидностью, а второй язык обычно присутствует в дискурсах, на первый взгляд, кажущихся одноязычными. Например, в процессе общения на кастильском языке для участников деловых совещаний характерно употребле-

ние следующих выражений: *es a decir; tengo una comanda a hacer, me agradaria si tendria en cuenta; quitando de un nucleo; todo y que; podriamos aconseguirlo; a mas, a mas; por lo que hace a este tema; habria de estarse de acuerdo; tampoco no viene al caso* и др.

Существенным фактом является то, что некоторые черты региональных языков присутствуют в речи монолингвов, говорящих на кастильском языке. Так, в Галисии в речи на кастильском языке можно встретить уменьшительную форму – *iño*, свойственную галисийскому языку. Кроме того, зарегистрировано широкое употребление синтетических временных форм, таких как *hoy compre*, вместо *hoy he comprado* или *dijera* вместо *habia dicho*, что объясняется отсутствием сложных временных форм в галисийском языке. Несмотря на то что форма *hoy compre* также употребляется в других испаноязычных регионах, в Галисии она используется непосредственно под влиянием галисийского языка. В регионах, где доминирует каталанский язык, под его влиянием в кастильском языке распространено употребление определенного артикля перед именем собственным: *la Maria, el Jordi*. [Blas, Arroyo, 1999, p. 81]. Контакт кастильского и каталанского языков привел к тому, что в выборе лексических средств говорящими на кастильском языке предпочтение нередко отдается словам, близким по происхождению к каталанскому языку, например, вместо *almohada* говорят *cojin*, вместо *terco, obstinado* употребляют *tozudo* [Blas Arroyo, 2006, p. 80]. В данном случае феномен интерференции, широко понимаемый как неспособность говорящих различать два лингвистических кода, получает новое осмысление. Как показывают вышеприведенные примеры, в некоторых случаях говорящие не умеют различать языковые коды, а в других случаях не хотят их различать, сознательно порождая их гибридизацию.

История возникновения и развития языков на Иберийском полуострове свидетельствует о том, что все языки сформировались в процессе взаимного влияния разных лингвистических компонентов: латинских, кельтских, германских, арабских и других, а процессы языковой гибридизации способствовали формированию различных романских языков. Специалисты склонны утверждать, что существующий континуум романских языков был фрагментирован по большей части исходя из политических критериев. Языковые границы не являются естественными границами, они выстроены людьми. Кроме того, в Испании не существует абсолютной эквивалентности между политико-административными и языковыми границами. Следующие примеры иллюстрируют сформулированные выше утверждения. Так, языковая граница между галисийским и португальским языками – продукт политического раздела галисийско-португальской территории в XII в. Вплоть до сегодняшнего дня существуют так называемые сторонники реинтеграции, проповедующие идею единения двух языков. Языковые изменения, последовавшие

за политическим разделом, обусловили отдаление двух языков, однако и в настоящее время границы между двумя языками остаются размытыми. Существование переходной границы между языками предполагает присутствие южных диалектов Галисии и северных диалектов Португалии, как указывает Алонсо Самора Висенте в своем труде, посвященном испанской диалектологии [Zamora, Vicente, 1967, p. 330]. Здесь же он подчеркивает, что языки и говоры Мурсии, а также Эстремадуры, Риохи и Канарских островов являются переходными. Говоры Мурсии сочетают в себе, с одной стороны, валенсийско-каталанские и арагонские характеристики, а с другой стороны, черты кастильского языка Андалузии. Язык Эстремадуры имеет лионские корни. Кроме того, в Эстремадуре присутствуют пограничные языки, которые идентифицируются как португальские или галисийско-португальские диалекты [Carrasco Gonzalez, 1997; D'Andres, 2007, p. 130]. Между кастильским и астурийско-леонским существует несколько переходных зон. Этот леонско-кастильский язык может быть охарактеризован как кастильский, постепенно переходящий в астурийский.

Отсутствие соответствий между политическими и языковыми границами просматривается во многих автономных сообществах Испании. Так, территория распространения галисийского языка преодолевает границы Галисии, что приводит к тому, что на галисийском языке говорят за пределами Галисии – в ряде областей Астурии, Саморы и Леона. Галисийско-астурийский вариант языка, в народе называемый *a fala*, может быть идентифицирован как переходный диалект между галисийским и астурийским языками [D'Andres, 2007, p. 121]. На каталанском языке в его различных вариантах говорят в Каталонии, Валенсии, на Балеарских островах и в одной из областей Арагона. Некоторые черты каталанского языка также присутствуют в мурсийском языке, а черты леонского языка прослеживаются в провинциях Астурии, Сантандера, Леона, Саморы, Саламанки, Касереса и Бадахоса. В восточной части средневекового королевства Леон его языковая граница была сдвинута в пользу продвижения кастильского языка. Специалисты отмечают, что не только этот случай демонстрирует, что языковые границы были сдвинуты в результате расширения, уменьшения или территориального исчезновения ранее существовавших королевств на Иберийском полуострове. Леонский язык так и не приобрел статус независимого языка в силу того, что королевство Леон было завоевано королевством Кастилии. Королевство Мурсии также было подчинено короне Кастилии в XIII в. В настоящее время Статут автономии Мурсии не признает мурсийский язык как отдельный язык или даже как языковой вариант. Этот факт не способствует культивированию и уважению языкового разнообразия в этом регионе.

Вышеперечисленные и другие примеры, которые могут быть отнесены к этому ряду, показывают, что региональные языки Испании являются результатом сознательного формирования языковых систем, отличных от других языков, и зависят от непосредственного отношения к ним говорящих, а также от политического признания этих языков, при условии, что их существование связывается с определенными территориями. В случае общепризнанного установления норм и правил, в соответствии с которыми функционирует языковой конструкт, возникают дихотомические категории, такие как *собственный, аутентичный, истинный versus чужой, чужеземный, внешний*, и в данном случае принято говорить об ошибках, отклонениях и нарушении системы. При этом искусственно моделируется монолитность языка, ориентированная на перспективу того, что моноязыковая система признается первичной и нормальной, в то время как языковые контакты и смешение языков вторичны. В то же время языковая реальность свидетельствует о том, что все обстоит наоборот. Ряд лингвистов обращали внимание на этот факт, среди них Йоханн Бехерт, Вольфган Вильдхен, Юрген Эрфурт и другие, обосновавшие принципиально новую перспективу для региональных языков, точкой отсчета которой являются языковые контакты и промежуточное пространство между языками, плодотворное для лингвистического исследования.

Литература

Blas Arroyo. Lenguas en contacto. Consecuencias linguisticas del bilinguismo social en las comunidades de habla del este peninsular. Frankfurt am Main/ Madrid. Editorial : Iberoamericana, 1999. 207 p.

Blas Arroyo. Reflexiones en torno al concepto de convergencia linguistica y su aplicacion a las variedades del español en contacto con el catalan. Aspectos estructurales y sociolinguisticos // Quo vadis, Romania? 28. Publisher Universitat Wien. Institut fur Romanistic, 2006. P. 75–92.

Carrasco Gonzalez, Juan. Hablas y dialectos portugueses o galaico-portugueses en Extremadura (parte II y ultima: otras hablas fronterizas; conclusiones). Anuario de estudios filologicos XX. Editor : Universidad de Extremadura: Servicio de Publicaciones, 1997. P. 61–79.

Constitucion Española. URL: http:// www.constitucion.es.

Gugenberger Eva. Aculturacion e hibridid ad linguisticas en la migracion: Propuesta de un modelo teorico-analitico para la linguistica de la migracion, en: Revista Internacional de Linguistica Iberoamericana (RILI), Vol. 5, N 2 (10): Lengua y migracion, 2007. P. 21–45.

Ramon de Andres Diaz. Linguistic borders of the Western Peninsula // International Journal of Sociology of Language. S Clmago Journal Rank (SJR). 2007. P. 121–138.

Thomason, Sarah Grey Kaufman, Terrence. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics. Berkley ; Los Angeles ; London: University of California Press, 1988. 391 p.

Todos los Estatutos de Autonomia de España. URL: http:// www.leyesyderecho.com.

Vernet Jaume, Punset Ramon. Lenguas y Constitucion. Madrid : Referencia Iustel: 91707003, Coleccion Breviarios Juridicos, 2007. 344 p.

Zamora Vicente, Alonso. Dialectologia española (Segunda Edicion Muy Aumentada). Madrid : Published by Gredos Editorial S. A., 1967. 587 p.

УДК 81’25

В. А. Разумовская

К истории изучения межсемиотического перевода: от Романа Якобсона до наших дней

Аннотация. Статья посвящена обзору эволюции понятия межсемиотического перевода, предложенного Р. Якобсоном. Особое внимание уделяется базовым понятиям перевода и текста в широком смысле, а также проблематике семиотики перевода – интегративной дисциплины, возникшей в результате объединения методологии теории перевода и семиотики для исследования семиотических основ перевода. В статье представлено дальнейшее развитие семиотической типологии перевода с учетом сложной и многомерной природы перевода, а также вероятной комбинации информационных каналов в моно- и полисемиотических текстах. Межсемиотическое переводоведение как междисциплинарная область в рамках современных гуманитарных наук находится в начале своего становления, успешность которого может быть достигнута путем практического применения универсального научного принципа дополнительности.

Ключевые слова: переводческая трихотомия Якобсона**,** межсемиотический перевод, семиозис, семиотика перевода, переводимость.

V. A. Razumovskaya

To the History of the Study of Intersemiotic Translation: from Roman Jacobson to the Present Day

The article is devoted to a review of the evolution of the concept of intersemiotic translation proposed by R. Jakobson. Particular attention is paid to the basic concepts of translation and text in a broad sense, as well as to the problems of translation semiotics – an integrative discipline resulting from the unification of the methodology of translation theory and semiotics for the study of the semiotic bases of translation. The article presents the further development of the semiotic typology of translation, taking into account the complex and multidimensional nature of translation, as well as the probable combination of information channels in mono- and polysemiotic texts. Intersemiotics translation as an interdisciplinary area within the framework of modern humanities is at the beginning of its formation, the success of which can be achieved through the practical application of the universal scientific principle of complementarity.

Keywords: Jakobson’s translation trichotomy, intersemiotic translation, semiosis, translation semiotics, translatability.

В 1959 г. была опубликована статья Р. Якобсона On Linguistic Aspects of Translation, в которой впервые был применен семиотический подход к классификации видов перевода. Рассматривая перевод как преобразование высказывания при сохранении инвариантного смысла, автор предлагает следующую трихотомию типологии перевода: внутриязыковой (*intralingual*), межъязыковой (*interlingual*) и межсемиотический (*intersemiotic*) виды перевода [Jakobson, 1959]. Указанная трихотомия в дальнейшем получила статус аксиомы. В понимании Якобсона три выделенных вида перевода соответствуют трём вероятным направлениям интерпретации вербального знака и опираются на ключевые семиотические понятия интерпретанта и неограниченного семиозиса, описанные ранее основоположником семиотики Ч. Пирсом. Примечательно, что в статье имплицируется важная методологическая идея о том, что каждый перевод есть семиозис, но не каждый семиозис есть перевод, получившая в будущем плодотворное развитие.

Указанная выше статья, бесспорно, имела программное значение для изучения межсемиотического вида перевода. Р. Якобсон ввел в научный обиход понятие перевода, выходящего за пределы лингвистических систем в широкое и многомерное семиотическое пространство, определив данный вид перевода как интерпретацию вербальных знаков невербальными знаковыми системами. В ситуации межсемиотического перевода оригинальный и вторичный тексты, связанные обязательными отношениями эквивалентности, всегда имеют различную семиотическую природу, а понятие перевода получает метафорическое осмысление – используется в широком смысле. Отметим, что малоизученная и очевидно гетерогенная сущность межсемиотического вида перевода обусловила использование автором еще одного термина для обозначения введенного им в научный обиход понятия. Так, наряду с термином «межсемиотический перевод», эксплицирующим идею перехода (транспозиции) текста из одной знаковой системы в другую, Р. Якобсон также предлагает «алхимический» термин «трансмутация» (*transmutation*), делающий акцент на идею превращения одного объекта (текста) в другой. Таким образом, оба термина Якобсона комплементарно дополняют друг друга, соответствуя двум главным принципам межсемиотического перевода – переходу (транспозиции и, соответственно, «другой» семиотической локализации) и превращению (изменению семиотической природы).

В российском научном дискурсе (прежде всего, лингвистическом) определение межсемиотического перевода было впервые предложено в «Словаре лингвистических терминов». В научном издании использовался термин «интерсемиотический перевод» (транслитерированная версия термина Р. Якобсона *intersemiotic*) и давалось следующее толкование явления: «… передача данного содержания не средствами того же или другого естественного («словесного») языка, а средствами какой-либо несловесной семиотической системы, такой как хореография, музыка и т. п., с одной стороны, и информационно-логические языки – с другой» [Ахманова, 1966, с. 317].

Рассмотрение межсемиотического перевода, предполагающего широкое (метафорическое) понимание перевода, диктует необходимость использования понятия текста также в широком смысле данного семиотического явления. Обращаясь к понятию текста с позиций семиотики культуры, Ю. М. Лотман отмечает потенциальное семиотическое удвоение оригинала в результате перевода, противоречивую контроверзу различных семиотических миров в переводе [Лотман, 1992]. Понятие текста с точки зрения семиотики выходит за пределы естественного языка, поскольку семиотическим текстом является любая знаковая система, имеющая значение и связанность. В понимании Ю. М. Лотмана текст представляет собой замкнутое конечное образование, основ-

ными признаками которого является наличие специфической структуры и четких границ, а также способность к интерпретации. Вне зависимости от семиотической природы смысл каждого исходного текста может быть интерпретирован, что напрямую способствует генерированию информации и является основным механизмом семиосферы, запускающим процессы текстопорождения [Лотман, 2010].

В последней четверти XX в. появился ряд работ, авторы которых обратились к переводу в культурно-семиотической и социосемиотической перспективах (М. Халлидей, А. Лефевр, С. Басснет, Э. Честерман, Б. Хатим и Я. Мейсон и др.), став предвестниками изучения межсемиотического перевода в XXI в. Важнейшее значение для исследования данного вида перевода имело обращение к переводоведческим проблемам с позиций семиотики, а если быть более точным, то привлечение методологического аппарата теории перевода и семиотики к исследованиям в соответствии с общенаучным принципом дополнительности (по Н. Бору). Интегрирование теории перевода и семиотики способствовало появлению нового раздела переводоведения – семиотики перевода, ставшей ярким проявлением научной междисциплинарности в гуманитарном научном пространстве.

Семиотика перевода призвана выявить и описать направления и механизмы межсемиотического перевода и может быть определена как его методологическая основа. Рассуждая о важности семиотики для переводоведения, У. Стеккони отмечает, что у истоков семиотики перевода стояли Р. Якобсон, А. ван Кестерен, Г. Тури, Ж. Деледаль-Роде и Д. Горле. В дальнейшем важную роль в становлении новой дисциплины также сыграли исследования У. Эко, П. Торопа, С. Петрилли, С. Нергор и С. Коскьюэла [Stecconi, 2007, p. 16–17]. Еще раз подчеркнем, что к моменту появления семиотики перевода понятие межсемиотического перевода успело стать аксиомой. При этом необходимо отметить, что на протяжении нескольких десятилетий после введения в научный обиход Р. Якобсоном понятия межсемиотического перевода данный вид перевода преимущественно только декларировался, не являясь реальным объектом изучения (прежде всего, семиотики и переводоведения). В настоящее время ситуация с изучением межсемиотического перевода получила реальное развитие. Тем не менее в статье 2014 г. отмечается: «Пространство межсемиотического перевода попрежнему остаётся зоной, куда не слишком часто решается заходить наука о знаках. Речь идёт о возможности перевода между вербальными и невербальными языками культуры» [Бразговская, 2014а].

П. Тороп, один из создателей семиотики перевода, считает, что данная дисциплина находится в стадии становления [Torop, 2008, p. 253], что также полностью справедливо и для межсемиотического перевода, который может и должен быть рассмотрен с позиций семио-

тики перевода. Таким образом, плодотворная идея о существовании межсемиотического перевода напрямую способствовала появлению общего для семиотики и теории перевода раздела, обеспечивающего междисциплинарный (трансдисциплинарный у Д. Горле) подход к семиотическим и переводоведческим вопросам, – семиотики перевода. Обращаясь к вопросам перевода с позиций семиотики Ч. Пирса, философии языка Л. Витгенштейна, а также идей В. Беньямина о лингвистическом фрагментировании, Д. Горле отмечает, что указанные дисциплины имеют своими регулярными объектами использование, интерпретацию и манипуляцию сообщений или текстов, т. е. знаков [Gorlée, 1994, с. 10–11]. При этом Д. Горле пишет, что семиотика и теория перевода долго игнорировали существование друг друга в силу объективных онтологических различий. Для понимания природы межсемиотического перевода крайне важно, что семиотику и теорию перевода, прежде всего, объединяют понятия производства и интерпретации знаков. Именно на основе близости объектов перевода и семиотики Д. Горле вводит в научный обиход интегративное (метадисциплинарное) понятие семиоперевода – однонаправленного, ориентированного на будущее, кумулятивного и необратимого процесса, представляющего разрастающуюся сетку, а не одиночную прямую линию, проходящую от оригинала к тексту перевода [Gorlée, 2004, с. 103–104]. Исследователь приходит к выводу о том, что через калейдоскопический и эволюционный процесс неограниченного перевода (семиозиса) знаки развертывают свои смысловые потенциалы.

Процесс семиоперевода как эволюционно разрастающейся сетки может быть описан через понятие бифуркации – качественной перестройки и метаморфоз объектов при изменении параметров, от которых они зависят [Музыка, 2011]. Понятие бифуркации, описывающее раздвоение первичного объекта, и основанная на данном понятии теория бифуркации находят широкое применение в современном научном дискурсе: в математике, физике, химии, биологии и социологии. Универсализм понятия бифуркации для гуманитарных наук убедительно доказывается в известной книге Э. Ласло «Век бифуркации: постижение изменяющегося мира» [Laszlo, 1991]. Привлечение понятия бифуркации для описаний явлений и процессов семиотики и переводоведения в полной мере соответствует современной тенденции научной унификации [Разумовская, 2011].

В ситуации художественного перевода семиотика перевода тесно переплетается с семиотикой культуры, что нашло отражение в понятии тотального перевода у П. Торопа. Исследователь обращается к понятию тотального перевода в целях расширения круга проблем и явлений, входящих в предметное поле переводоведения, а также в целях поисков

понимающей методологии, позволяющей создать единую переводческую междисциплинарность [Тороп, 1995].

За несколько десятилетий, прошедших после публикации статьи Р. Якобсона, межсемиотический перевод получил новое типологическое осмысление. Если понятие межсемиотического перевода было введено для обозначения интерпретации вербальных знаков знаками невербальными, то в дальнейшем появились работы, описывающие данный вид перевода также и обратного направления. В научном дискурсе перевод невербальных знаков в вербальные определяется как экфрасис – словесная репрезентация произведений искусства в текстах литературы. В лингвистическом дискурсе экфрасис рассматривается как «жанр», «тип текста», «литературный приём» и, что особенно важно, как «кодовое преобразование, представляющее собой знаковый процесс» и «перевод с языка одной семиотической системы на язык другой». «При реализации внутренних и внешних процессов интерсемиотического перевода (автор исследования использует данный термин. – *В. Р.*) в ходе экфрастического освоения художественного произведения, имеющего целью адекватное представление художественного образа в иной системе кодов, большая роль принадлежит системе образных знаков, формирующей изначальную интерпретацию художественного образа с помощью системы кодов (театрального, живописного и поэтического), представляющих, в данном случае, опорное ментальное образование» [Третьяков, 2009, с. 6]. Случаи экфрасиса также описаны в исследованиях, посвященных вербализации музыки, где вербальные описания определяются как важный способ актуализации и понимания музыкального текста, как возможность заглянуть в его сущность. При этом отмечается, что вербализация музыки, как и любая вербализация, – это семиотическое переключение, исход которого носит вероятностный характер [Бразговская, 2014b], что также является аксиомой понятия перевода во всех его ипостасях. Другим ярким примером экфрасиса может служить вербализация языка танца (балета) [Ильина, Белинская, 2015].

Отмечая многомерность перевода в широком понимании данного семиотического понятия, Х. Готлиб описывает моно- и полисемиотические типы текстов, вовлеченных в процесс перевода [Gottlieb, 2007]. Наличие или отсутствие семиотической идентичности между текстами перевода позволяет исследователю выделить интрасемиотический (зонтичный термин для внутриязыкового и межъязыкового видов перевода у Р. Якобсона) или интерсемиотический виды перевода. На основе семиотических изменений информационных каналов в тексте перевода по сравнению с текстом оригинала выделяются следующие виды перевода: изосемиотический (идентичные информационные каналы); диасемиотический (различные информационные каналы); суперсемиоти-

ческий (увеличение количества информационных каналов) и гипосемиотический (сокращение количества информационных каналов). Учет степени свободы переводчика (агента перевода у Х. Готлиба) позволяет выделить инспирационный и традиционный типы перевода. Отсутствие или наличие вербального материала в текстах оригинала и перевода находит отражение в следующей типологии: вторичные тексты, которые сохраняют вербальность оригинала; вторичные тексты, которые добавляют невербальные элементы; вторичные тексты, которые добавляют вербальные элементы; вторичные тексты, которые остаются невербальными [Gottlieb, 2007, p. 35–37]. У Х. Готлиба межсемиотический вид перевода (автор использует термин Якобсона *intersemiotic*) предполагает наличие разных информационных каналов и имеет шесть подвидов. Инспирационный тип межсемиотического перевода представлен следующими подвидами: невербально-невербальным; вербально-(не только)вербальным; невербально-вербальным. Традиционный тип межсемиотического перевода имеет следующие подвиды: невербально-невербальный; невербально-вербальный; вербально-(не только)вербальный. Среди перечисленных подвидов наиболее изученным является вербально-(не только)вербальный инспирационный подвид, представленный адаптациями художественных текстов языком кино. В данном случае моносемиотический художественный текст трансформируется в полисемиотический кинотекст.

Обращаясь прежде всего к процессу перевода, семиотика перевода позволяет по-новому рассмотреть «вечную» проблему, стоящую перед теоретиками и практиками перевода – проблему переводимости. Семиотика перевода выводит вопросы переводимости за рамки исключительно лингвистической проблематики в широкое семиотическое пространство культуры, рассматривая текст как семиотическое единство, как культурный артефакт. Примечательно, что транспозиция художественного текста в «чужое» семиотическое пространство в ситуации межсемиотического перевода расширяет пределы переводимости текста, имеющего ограничения переводимости в лингвистической плоскости.

Межсемиотическое переводоведение как вероятная область в рамках современных гуманитарных наук находится в начале своего становления, успешность которого может быть достигнута путем практического применения универсального научного принципа дополнительности. Междисциплинарность данного раздела гуманитарных знаний прежде всего может быть обеспечена дальнейшим интегрированием семиотики и теории перевода, что продемонстрировало свою эффективность уже на этапе появления семиотики перевода.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Сов. энцикл., 1966.

Бразговская Е. Е. Семиотика за пределами аудитории. Статья пятая: вербализация музыки как семиотическое приключение // Филолог. 2014a. № 26. С. 8–9.

Бразговская Е. Е. Вербализация музыки как межсемиотический перевод // Критика и семиотика. 2014b. № 1. С. 30–47.

Ильина О. В., Белинская Н. Э. Межсемиотический перевод в балетной критике // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи : материалы III Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 21 апр. 2015 г.). Пермь, 2015. С. 64–68.

Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 129–132.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2010.

Музыка О. А. Бифуркации в природе и обществе: естественнонаучный и социосинергетический аспект // Соврем. наукоемкие технологии. № 1. 2011. С. 87–91.

Разумовская В. А. К вопросу унификации науки, искусства и перевода // Изв. С.-Петерб. ун-та экономики и финансов. 2011. № 3 (69). С. 32–37.

Торон П. Тотальный перевод. Тарту : Изд-во Тарт. ун-та, 1995.

Третьяков Е. Н. Экфрасис как матричная репрезентация образных знаков : автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2009. 19 с.

Gorlée D. Semiotics and the Problem of Translation. With Special Reference to the Semiotics of Charles S. Peirce. Amsterdam : Rodopi, 1994.

Gorlée D. On Translating Signs. Exploring Text and Semio-Translation. Amsterdam : Rodopi, 2004.

Gottlieb H. Multidimensional Translation: Semantics turned Semiotics // MuTra: Challenges of Multidimensional Translation: Conference Proceedings. Saarbrücken, 2–6 May 2005. Saarbrücken : Saarland University, 2007. P. 33–61.

Jakobson R. On Linguistic Aspects of Translation // On Translation (Ed. by R. A. Brower). Harvard Studies in Comparative Literature. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1959. P. 232–239.

Laszlo E. The Age of Bifurcation. The Key to Understanding the Changing World. N. Y. ; London : Gordon & Breach, 1991.

Stecconi U. Five Reasons Why Semiotics is Good for Translation Studies // Doubts and Directions in Translation Studies: Selected Contributions from the EST Congress, Lisbon 2004. Gambier, Yv.; Shlesinger, M.; Stolze, R. (eds.). Amsterdam : John Benjamins, 2007. P. 15–26.

Torop P. Translation and Semiotics // Sign Systems Studies. 36.2 (2). 2008. P. 253–257.

УДК 81’25

А. Ситарски

Переводческие решения в языковом изображении пейзажа (на материале поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» и ее русского перевода Святослава Свяцкого)

Аннотация. Представлен анализ русского перевода первой книги поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш», выполненного Святославом Свяцким, уделившим большое внимание языковому ландшафту текста. Исследование сосредоточено на выявлении и описании широкого репертуара русских языковых средств, позволяющих переводчику воссоздать оригинальный языковой пейзаж. Благодаря этому удается продемонстрировать языковую интуицию переводчика, который применяет и традиционные техники, позволяющие сохранить оригинальные эмоциональные коннотации, что, в свою очередь, даёт русскоязычному читателю возможность воспринимать перевод так же, как тем, кто читает оригинальный текст.

Ключевые слова: переводческое решение, эквивалентность, переводческая трансформация, эмоциональность, коннотация.

A. Sitarski

Translation Solutions in the Linguistic Image of the Landscape (on the Material of Adam Mickiewicz's Poem "Pan Tadeusz" and its Russian Translation by Światosław Świacki)

Abstract. In the article the author conducts an analysis of the Russian artistic translation by Światosław Świacki, focusing on the linguistic landscape of Book I of Adam Mickiewicz's "Pan Tadeusz". Having done this, the author concludes that the great translator – Światosław Świacki – used a wide array of resources of the Russian language in order to reconstruct the original linguistic landscape in his translation. By means of this, he demonstrated his linguistic intuition, while applying such translational techniques that do not distort the original emotional connotations. Ultimately, it makes it possible for the readers of the Russian translation to perceive it similarly to the readers of the original text.

Keywords: translational solution, equivalence, translational transformation, text emotionality, connotation.

В настоящее время исследования художественного текста не обходятся без указания на важность изучения его эмотивного аспекта, на что и обращают внимание В. И. Шаховский [Шаховский, 1990, с. 180–245] и Р. Левицкий (R. Lewicki) в главе «Названия реалий и их перевод» (Nazwy realiów i ich tłumaczenie) своей монографии [Lewicki, 2017, с. 248].

Данная статья касается анализа перевода избранной картины пейзажа на русский язык, выполненного Святославом Свяцким. Картина находится в тексте польской поэмы «Пан Тадеуш» Адама Мицкевича в апострофе книги первой «Хозяйство» и рассмотрена с целью выявления содержащихся в ней эмотивных смыслов и их переводческих эквивалентов, которые предложены Святославом Свяцким. Следует обратить внимание, что количество пейзажных картин в произведении «Пан Тадеуш» значительно. К ним относятся пейзажи литовских лесов, окрестностей реки Неман, рассвета, вечернего неба, восхода и заката солнца и картина грозы. Переводческие трансформации, как подчеркивает М. В. Плотникова, являются разновидностью переводческого решения и рассматриваются с целью выявления закономерности влияния того или иного переводческого приема на достижение большей или меньшей степени эквивалентности [Плотникова, 2015, с. 191].

Как было отмечено, языковой анализ переводческих решений картин природы в поэме «Пан Тадеуш» проведен на основании перевода Святослава Свяцкого − выдающегося современного русского поэта и известного переводчика польской художественной литературы, знатока поэзии Адама Мицкевича, автора пятого перевода на русский язык поэмы Адама Мицкевича, изданного в Санкт-Петербурге в 1998 г. Святослав Свяцкий в примечаниях к переводу «Пана Тадеуша» пишет, что существующие в России переводы этой поэмы не исчерпали и не могут исчерпать сложную проблему восприятия гениальной поэмы Адама Мицкевича в контексте современной русской поэтической культуры [Свяцкий, 1998, с. 351]. Святослав Свяцкий (1998) в послесловии к переводу поэмы «Пан Тадеуш» обращает внимание на то, что природа в произведении изображена необычайно широко: в разных состояниях, в

разных планах. Ее изображения не только красочны, но и рельефны. Явления природы становятся объемными и приобретают едва ли не кинематографическое свойство.

Эмоции, согласно В. И. Шаховскому, это психическое явление, отражающее, т. е. воспроизводящее, в сознании человека его эмоциональное отношение к миру, а эмотивы вербализуют эмоции. По объему эмоций в их семантике, по модусу их существования выделяют языковые, речевые. В. И. Шаховский подчеркивает, что отображение эмоций кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые формируют эмотивность слова. Эмоции хранятся в слове, они проникают в слова, закрепляются в них, «хранятся» в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью этих слов [Шаховский, 2008, с. 6].

Прежде чем перейти к ответу на поставленный в настоящей статье вопрос, следует обратить внимание на отличительные черты художественного произведения как объекта художественного перевода. К ним, несомненно, следует отнести его язык как источник образно-эмоционального воздействия на читателя, что достигается путем использования разнообразных языковых средств вплоть до ритмико-синтаксического построения фразы. М. Кшиштофяк замечает, что в исследованиях, посвящённых вопросу художественного перевода, наметились две тенденции. Одна из них обращает внимание на необходимость тесной связи переводческого сравнительного анализа с подлинником, вторая предпочитает сосредоточить внимание на восприятии результатов перевода в целевой культуре только с частичным обращением в оценке перевода к подлинному тексту [Krysztofiak, 1996, с. 14]. В. Н. Комиссаров рассматривает художественный перевод как вид переводческой деятельности, основная задача которого состоит в порождении на языке перевода речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на рецептора перевода, предопределении отклонения от максимально возможной смысловой точности с целью обеспечить художественность перевода [Комиссаров, 1990, с. 102]. Н. К. Рябцева вслед за П. Ньюмарком констатирует, что художественный перевод наиболее трудным занятием делает именно эстетический компонент художественного произведения и потому он составляет главный объект и предмет художественного перевода [Рябцева, 2013, с. 171]. Согласно Роману Левицкому (2017), эмотивная функция языка заключается в создании эмоционального отношения читателя к изображенной в переведенном художественном тексте действительности, а точнее отношения к другой стране и ее культуре. Переводчик стремится тогда добиться поставленной цели − эмоционального эффекта, вовлекающего читателя в изображаемое событие, и в результате формирует его отношение к изображенной в про-

изведении стране. Думается, что введение эмотивной функции является основанием для переводчика использовать в переводимом тексте эмотивные номинации. Таким образом, переводчик вызывает интерес читателя к другой стране, обращает его внимание на другую культуру. В. И. Шаховский (2008) замечает, что все языковые знаки никогда полностью не соответствуют реальным эмоциям (переживаниям), они являются их весьма приближенной копией. Исследователь, вслед за Ю. А. Сорокиным, считает, что языковые знаки воздействуют на читателя не прямо, а косвенно, не точно, а со смещением в ту или иную сторону нашего *Я,* что позволяет переживать их несколько отчужденно/дистанционно, но все-таки заинтересованно: игра на чужом поле – это так или иначе познавательно-катарсическая игра.

Как известно, метод перевода – это целенаправленная система взаимосвязей, взаимосвязанных приемов, которая учитывает вид перевода и существующие способы перевода. В связи с тем что любые два языка несоизмеримы по своей природе, то Святослав Свяцкий стремится в переводе поэмы «Пан Тадеуш», пропитавшись духом произведения Адама Мицкевича, прежде всего сохранить размер тринадцатислогового стиха поэмы «Пан Тадеуш», а также особенности его мелодики. Следует подчеркнуть, что сохранение различных составных элементов стихотворного произведения, т. е. стиля языка, образов, размеров и рифмы, игры слогов и звуков, полностью невозможно. Однако Святослав Свяцкий в своем переводе, учитывая ориентированность на русского читателя, сохранил национально-специфические элементы произведения, его мелодику и, самое главное, тождество оригинала и перевода, применяя определенные переводческие трансформации.

Адам Мицкевич в апострофе книги первой «Хозяйство» показывает красоту своей страны – Литвы, которая, как известно, в 1569 г. образовала федерацию Королевства Польского и Великого Княжества Литовского − Речь Посполитую обеих наций, ликвидированную в результате ее раздела в 1795 году между Россией, Пруссией и Австрией. Поэт очень любил свою родину и тосковал по ней, когда он был вынужден покинуть ее в 1824 г. Приведем оригинальный текст апострофы, с которой начинается книга первая поэмы «Пан Тадеуш», и ее русский перевод, выполненный Святославом Свяцким.

Польский оригинал:

Litwo! Ojczyzno moja! Ty jesteś jak zdrowie.
Ile cię trzeba cenić, ten tylko się dowie,
Kto Cie stracił. Dziś piękność twą w całej ozdobie
Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie.

Panno święta, co Jasnej bronisz Częstochowy
I w Ostrej świecisz Bramie! Ty, co gród zamkowy

Nowogródzki ochraniasz z jego wiernym ludem!
Jak mnie dziecko do zdrowia powróciłaś cudem
(Gdy od płaczącej matki pod Twoja opiekę
Ofiarowany, martwą podniosłem powiekę
I zaraz mogłem pieszo do Twych świątyń progu
Iść za wrócone życie podziękować Bogu),
Tak nas powrócisz cudem na ojczyzny łono.
Tymczasem przenoś moją duszę utęsknioną
Do tych pagórków leśnych, do tych łąk zielonych,
Szeroko nad błękitnym Niemnem rozciągnionych;
Do tych pól malowanych zbożem rozmaitem,
Wyzłacanych pszenicą, posrebrzanych żytem;
Gdzie bursztynowy świerzop, gryka jak śnieg biała,
Gdzie panieńskim rumieńcem dzięcielina pała,
A wszystko przepasane jakby wstęgą, miedzą
Zieloną, na niej z rzadka ciche grusze siedzą.
[Adam Mickiewicz, Pan Tadeusz, Kraków, 2017].

Перевод на русский язык:
Литва! Отечество! Целебных сил исток!
Кто потерял тебя, тот оценить лишь мог
Всю красоту твою. В чужой стране, в недоле
Я о тебе пою, и рвется грудь от боли.

О Матерь Божия, Твой в Ченстохове храм,
Над Острой Брамою Ты льешь сиянье нам
Ты Новогрудок мой спасаешь, по преданью.
(Я в детстве мертвым пал, но Ты своею дланью
Мне веки подняла, прислушалась к мольбе
Страдавшей матери. И в тот же час к Тебе,
Очнувшись я пришел, у храма на пороге
Стал с благодарностью и с мыслями о Боге).
Верни нам Родину, как жизнь вернула мне,
И чудом унеси к родимой стороне!
Холмы там пущами покрыты. Неман синий
Средь зелени лугов скитается в долине.
Поля привольны так и так земля щедра!
Пшеница − в золоте, рожь − в брызгах серебра,
Горчица, как янтарь, снегов белее греча,
Краснеет дятлина, как девушка при встрече.
Перепоясаны межами там поля,
В них груши тихо спят, листвою шевеля.
[Адам Мицкевич, Пан Тадеуш, Санкт-Петербург, 1998
Перевод: Святослав Свяцкий].

Текст апострофы, с которой начинается поэма «Пан Тадеуш», позволяет убедиться в том, что с первых строк своего произведения самыми важными для поэта являются его чувства к родной стране. Они находят свое выражение в различных словесных формах и синтаксических структурах, а их значимой единицей является описание пейзажа с различными его оттенками, определяющими эмоциональное состояние поэта по отношению к его родине. Сила и красота природы Литвы для Адама Мицкевича неизмеримы. Следует подчеркнуть, что язык перевода апострофы «Пана Тадеуша» почти полностью соответствует языку эмоциональных переживаний, ощущаемых читателем оригинального текста, а с точки зрения принятых Святославом Свяцким переводческих решений в русском переводе, они являются их приближенной копией. Подтверждением этой констатации могут быть употребленные Мицкевичем собственные имена с их эмоциональными характеристиками: Litwo! Ojczyzno moja!, ty jesteś jak zdrowie, piękność, w całej ozdobie.

В употребленных поэтом словосочетаниях и отдельных словах содержатся положительные эмоциональные коннотации. Литва ассоциируется поэтом со здоровьем, красотой, своей красой. В предлагаемом переводе на русский язык анализируемого фрагмента текста Святослав Свяцкий частично избегает формы первого лица Я – поэта, однако с целью сохранить смысловую эмоциональную коннотацию для определения Литвы вводит слово высокого стиля «Отечество», а также метафору: Литва – «исток целебных сил» и определительное словосочетание «красота твоя», завершая указанный фрагмент текста синтаксической структурой: «Я о тебе пою, и рвется грудь от боли», в польском языке: Widzę i opisuję, bo tęsknię po tobie. Поэтом используются в анализируемом фрагменте текста также другие собственные имена в поэтических языковых контекстах: Panno Swięta, jasnej Częstochowie, w Ostrej świecisz Bramie, gród zamkowy Nowogródzki, błękitnym Niemnem. Им соответствуют переводные эквиваленты: «О Матерь Божия», «твой в Ченстохове храм», «над Острой Брамою», «Новогрудок мой спасаешь», «Неман синий», которые также идентифицируют добавочные смысловые эмоциональные коннотации, оправданные их историей и сознанием обеих наций – поляков и литовцев. Собственные имена в поэме «Пан Тадеуш» перестают быть только идентификатором, они являются носителем дополнительных значащих элементов, направляющихся в сторону антропоцентризма.

Природа, изображенная Адамом Мицкевичем в апострофе книги первой, возрождает читателя. Автор с целью создать у читателя эмоциональное состояние чувства любви к родной стране использует атрибутивные словосочетания, компаративные структуры, номинации цветов. Приведем цитаты из оригинального текста и их русские переводные эквиваленты: pagórków leśnych (холмы там пущами покрыты), łąk

zielonych (средь зелени лугов), nad błękitnym Niemnem rozciągnionych (Неман синий скитается в долине), Pól malowanych zbożem rozmaitem (поля привольны так и так земля щедра!), wyzłacanych pszenicą (пшеница – в золоте), posrebrzanych żytem (рожь – в брызгах серебра), bursztynowy świerzob (горчица как янтарь), gryka jak śnieg biała (снегов белее греча), panieńskim rumieńcem dzięcielina pała (краснеет дятлина, как девушка при встрече), wszystko przepasane jakby wstęgą, miedzą zieloną (перепоясаны межами там поля), na niej z rzadka ciche grusze siedzą (в них груши тихо спят, листвою шевеля). Анализ перевода следующего фрагмента апострофы поэмы «Пан Тадеуш» позволяет заметить, что главным в процессе перевода поэмы Адама Мицкевича для Святослава Свяцкого является лексико-семантический и грамматический строй текста с целью сохранить авторский стиль автора поэмы, поэтому переводчик для сохранения эмотивного статуса поэмы «Пан Тадеуш» применяет трансформацию опущения, прагматических эквивалентов, модификации и добавления. Следует подчеркнуть творческий подход переводчика в процессе трансляции художественного языка подлинника. При передаче на русский язык семантического значения смысловых единиц Святославу Свяцкому удалось сохранить их коннотативную эмоциональность и внутреннюю мелодию текста.

Результаты проведенного анализа апострофы «Пана Тадеуша» Адама Мицкевича с точки зрения ее художественного перевода, предложенного Святославом Свяцким, позволяют отметить, что в процессе перевода эмоционально нагруженного текста переводчик использовал широкий репертуар средств русского языка для решения поставленной задачи, проявляя свое языковое чутье, выдерживая оригинальный стиль польской поэмы. Русский перевод апострофы «Пана Тадеуша» незначительно отличается от подлинника, не разрушает оригинальных эмотивных смыслов, сохраненных в подлинном тексте, которые могут повлиять на их эмоциональное восприятие русским читателем.

Литература

Комиссаров В. Н. Теория перевода. М. : Высш. шк., 1992.

Мицкевич А. Пан Тадеуш / пер. С. Свяцкого. СПб., 1998.

Плотникова М. В., Томилева А. И. О роли переводческого решения в достижении эквивалентности (на примере французских художественных текстов и их переводов на русский язык) // Пед. образование в России. 2015. № 10. С. 191–195.

Рябцева Н. К. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект. М. : Флинта, 2013.

Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис, 2008.

Krzysztofiak M. Przekład literacki we współczesnej translatoryce. Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1996.

Lewicki R. Zagadnienia lingwistyki przekładu. Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2017.

Mickiewicz A. Pan Tadeusz. Kraków : GREG, 2017.

УДК 81'255.2

Г. Р. Хусаинова
Г. Н. Ягафарова

О переводе якутского эпоса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на башкирский язык

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода эпического текста якутского олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на башкирский язык. Перевод с одного тюркского языка на другой через посредство русского языка делает процесс перевода эпического произведения достаточно трудным. Тем не менее имеющиеся ономастические материалы, мифологические составляющие и этнографические реалии позволяют как сохранить оригинальность текста, так и передать его содержание на другом языке без искажений. К основным переводческим проблемам относятся: перевод названия, перевод ономастических материалов, проблема перевода этнографического материала, безэквивалентной лексики, перевод общих мест, особенности передачи рифмы и стихотворного метра при переводе.

Ключевые слова: фольклор, якутский эпос олонхо, перевод эпического текста, башкирский язык.

G. R. Khusainova, G. N. Yagafarova

The Translation of the Yakut Epic Olonkho «Nyurgun Bootur Swift» into the Bashkir Language

Abstract. The article is devoted to the problem of translation of the Yakut epic olonkho “Nyurgun Bootur Swift” into the Bashkir language. Translation from one Turkic language to another through the Russian language makes the process of translating the epic work rather difficult. Nevertheless, onomastic materials, mythological materials and ethnographic realities, which are in the text, allow preserving the originality of the text, transfer its content in another language without distortion. The main problems that arise in front of the translator during the translation of the epic text, cover: translation of the title, translation of onomastic materials, the problem of translation of ethnographic material, equivalent vocabulary, translation of common places, features of rhyme transfer and verse meter in translation.

Keywords: folklore, Yakut epic olonkho, translation of epic text, Bashkir language.

Россия – многонациональная страна, в которой проживает более 180 народов и народностей со своим духовным наследием, значительную часть которого составляет фольклор. У каждого этноса он богат, уникален и представлен на языке народа, который его создал. Традиционные жанры фольклора присутствуют у всех народов, но терминология может отличаться. Так, эпос, например, у многих народов имеет национальные названия: *былина* (рус.), *дума* (укр.), *руна* (карел.), *олонхо* (якут.), *кубаир* (башк.) и т. д. «Содержание произведений фольклора – народная жизнь» [Кравцов, 2009, с. 14], она у каждого народа своя, особенная, интересная. Постичь ее глубинные смыслы и содержание можно, лишь приоткрыв завесу в этот уникальный духовной мир. Посредником в этом деле чаще всего оказывается перевод, осуществление которого дает возможность понять иную духовную культуру и мировоззрение.

На просторах нашего отечества языком межнационального общения признан русский язык, поэтому общепринятым и бесспорным является перевод устного народного творчества на него. Перевод тюркских фольклорных произведений начал проводиться еще в досоветское вре-

мя. Например, одним из ранних опытов стало издание книги Т. С. Беляева «Куз-Курпяч: башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809 года» в 1812 г. в Казанском университете. Достойна внимания «Башкирская русалка» В. И. Даля, представляющая собой наиболее полную интерпретацию башкирского сказания «Заятуляк и Хыухылу» [Даль, 1843].

Основные принципы издания переводов на русский язык фольклора народов СССР были сформулированы в доныне актуальных научных статьях, собранных в книге [Фольклор, 1977] Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, а первые принципы научного перевода эпических памятников были разработаны такими исследователями и переводчиками, как А. А. Петросян, А. С. Мирбадалева, Н. В. Кидайш-Покровская, И. В. Пухов.

В 1990 г. Сибирским отделением издательства «Наука» (Новосибирск) была основана серия «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Это фундаментальный гуманитарный междисциплинарный проект, представляющий собой новый тип публикации и исследования устного народного творчества. Основная цель «Памятников…» – научное издание избранных произведений, которые составляют вершинные достижения устнопоэтического творчества народов Сибирско-Дальневосточного региона (в том числе славянских переселенцев: русских, украинцев, белорусов). Из печати начали выходить двуязычные книги сказок, мифов и легенд, записанных на языках этих этносов и переведенных на русский, которые сыграли важнейшую роль в восприятии фольклорного произведения. К каждому тому этой серии имеется приложение в виде грампластинки (т. 1–19) или диска. Это единственная документальная публикация произведений фольклора более чем на 30 языках.

В рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпусная лингвистика» создается корпус фольклорных текстов малочисленных народов Сибири. Материал находит теоретическое обоснование в специальных исследованиях (см., например, [Казагачева, 2002; Лиморенко, 2007]).

В последние годы по инициативе якутских коллег запущен проект «Издание взаимопереводов эпосов народов мира». В рамках данного проекта работали киргизские, алтайские, башкирские фольклористы, в результате кропотливой работы монументальные эпические полотна тюркских народов увидели свет на других тюркских языках: «Манас» – на башкирском [Хусаинова, 2016], «Маадай Кара», «Урал-батыр» – на якутском, «Нюргун Боотур Стремительный» – на киргизском, алтайском языках. Данная работа успешно продолжается по сей день. В частности, в настоящей статье мы рассмотрим особенности перевода

якутского олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на башкирский язык, который был предпринят в Республике Башкортостан (РБ) в соответствии с поручением Правительства РБ в целях расширения взаимополезного культурного сотрудничества между двумя республиками – Республикой Башкортостан и Республикой Саха (Якутия), координации деятельности по сбору, сохранению, изучению и распространению эпического наследия тюркских народов; расширения всестороннего научного, культурно-просветительского сотрудничества между народами РФ; развития и укрепления переводческой деятельности как важной составляющей в современной геополитической ситуации и активации межэтнического, межнационального сотрудничества. Якутский героический эпос олонхо в 2005 г. признан ЮНЕСКО шедевром устного нематериального наследия человечества, эпос «Нюргун Боотур Стремительный» переведен на многие языки мира, например, на английский, французский, словацкий, эвенский, турецкий языки [Винокуров, 2008]. Ознакомление с ним башкирского читателя будет способствовать его приобщению к мировой культурной сокровищнице.

Несмотря на то что оба языка – и якутский, и башкирский – относятся к тюркским языкам, их фонетико-морфологический и лексический составы довольно далеки друг от друга: якутский язык входит в якутскую подгруппу уйгуро-огузской (по классификации Н. А. Баскакова) группы или относится к условно выделяемой «северо-восточной» группе, а башкирский язык – к кыпчакской группе тюркских языков. В связи с этим затрудняется непосредственный перевод с одного языка на другой, и именно поэтому в качестве оригинала был взят текст издания на русском языке «Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо» (Якутск, 1982). Данный вариант олонхо состоит из девяти песен, написан полностью стихотворным текстом (свыше 36 000 строк), он отличается сюжетной полнотой, в нем имеются мотивы, не встречающиеся в вариантах других олонхосутов.

Вместе с тем перевод с одного тюркского языка на другой через посредство русского языка делает процесс перевода эпического произведения не менее трудным. К основным переводческим проблемам относятся: перевод названия, перевод ономастических материалов, проблема перевода этнографического материала, безэквивалентной лексики, перевод общих мест, особенности передачи рифмы и стихотворного метра при переводе. Рассмотрим подробнее решение первых трех на материале олонхо (вопросы выявления и перевода общих мест, особенности передачи рифмы и стихотворного метра заслуживают отдельного специального исследования, здесь мы ограничимся только перечислением их в ряду других проблем, возникающих при переводе).

1. Перевод названия олонхо

Эпос именуется по-якутски «Дьурулуйар Ньургун Боотур», в русском языке – «Нюргун Боотур Стремительный». Название олонхо связано с именем главного героя эпоса – Нюргун-батыра, которое покомпонентно переводится на башкирский язык как *Нургөн батыр* (*нур* ‘луч’ + ‘*көн’* день) – так оно и представлено в эпическом тексте. Как ни странно, затруднения вызвала передача эпитета батыра – ‘стремительный’. В башкирском языке к слову *дьурулуйар* ‘стремительный’ не нашлось безусловных соответствий. К слову сказать, при переводах на другие тюркские языки также предпочтение отдавалось тому, чтобы оставить данное слово без изменения, уподобив фонетическое оформление слова из языка-источника артикуляции перенимающего языка. Так, при переводе данного произведения на турецкий язык М. Эрсёз применил слово *culuruyar,* которое отсутствует в современном турецком языке и в его диалектах (по крайней мере, оно не обнаруживается на сайте Турецкого лингвистического общества, где представлена большая часть лексической системы турецкого языка, см. [TDK]); название олонхо по-турецки звучит как *Culuruyar Nurgun Bootur* [Ersöz, 2010]. В башкирском языке, конечно, имеется слово *йылғыр,* созвучное с *дьурулуйар / culuruyar.* Однако в настоящее время носителями языка оно воспринимается в первую очередь в значении ‘быстрый в движениях (обычно о лошади)’, ‘ловкий’, ‘шустрый’, ‘проворный’, даже с несколько сниженной семантикой, что не в полной мере передает основные качества главного героя – стремительность, могущество и грозность. В связи с этим стали подбираться другие эпитеты. Рассматривались лексемы *етеҙ* ‘быстрый, проворный’*, йылдам* ‘быстрый, проворный, расторопный, ловкий’*, сос* ‘ловкий, проворный’ как синонимы к значению ‘стремительный’; также подбирались слова *көслө* ‘сильный’*, тәүәккәл* ‘решительный’*, ҡыйыу* ‘смелый’ как наиболее подходящие эпитеты эпического героя. Однако каждая из этих лексем имеет свой особенный дополнительный лексический смысл и лексическую сочетаемость, не позволяющие (или препятствующие) употребить ее в данном контексте без ущерба значению. К примеру, наиболее близкое по семантике к слову *стремительный* прилагательное *етеҙ* ‘быстрый’ чаще используется с понятиями *ветер* или *конь,* но оказывается не совсем удачным в сочетании со словом *батыр.* Очень подходящим по валентности выглядит слово *тәүәккәл* ‘решительный’, но данное арабское заимствование ввиду своеобразной артикуляции (сочетание звуков *ә* и *ү,* наличие парного глухого согласного *кк*) излишне усложняет эпический текст, переводит его на уровень литературного художественного текста. Эпитеты *көслө* ‘сильный’*, ҡыйыу* ‘смелый’ характеризуют героя несколько однобоко, поэтому тоже не были одобрены переводчиками. В результате было принято решение остановиться на названии «Баһадир Нургөн батыр»

(досл. ‘богатырь Нюргун-батыр’), так как слово *баһадир* передает значения богатырского телосложения, решительности, силы, смелости и ловкости, присущих богатырям.

2. Перевод ономастических материалов (антропонимы, мифонимы, топонимы)

Как отмечают якутские антропонимисты, на данный момент из разделов якутской ономастики наиболее полно изучены якутская топонимика и эпические имена [Николаев, 2018, с. 8]. Действительно, при прочтении олонхо без обращения к специальной ономастической литературе не обойтись, так как в тексте содержится очень много мифологических и эпических персонажей, топонимов, требующих соответствующего толкования. Видимо, поэтому первоначально тщательному исследованию подверглись эпические имена, были составлены списки фольклорных имен (известны «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского (1959), именник персонажей олонхо Н. В. Емельянова (1980).

В нашем переводе ономастический материал не был изменен, остался в первоначальном виде, каким он принят в якутском тексте, включая сохранение долгих гласных, характерных для якутского языка: *Арсан Дуолай* – родоначальник племени *абаасы*; *Айталыын* – шаманка-айыы; *Илбис* – дух кровожадности, войны и битв; *Сабыйа Баай Хотун* – родоначальница племени *айыы аймаҕа,* супруга Саха Саарын Тойона; *Сайдылыкы* – местность, страна первых людей Саха Саарын Тойон и Сабыйа Баай Хотун. Оригинальное звучание личных имен, мифологических персонажей и топонимов позволяет постоянно удерживать внимание слушателя/читателя в рамках эпической картины якутского сочинения, способствует более глубокому проникновению в текст и мифологическую природу произведения. В отдельных случаях, когда транслитерация с якутского на русский, с русского на башкирский язык позволяет сделать обратный перенос звучания слова на тюркскую основу, имена были подчинены фонетике башкирского языка, например: *Йөрүнг Аар Тойон – Юрюнг Аар Тойон.*

3. Проблема перевода этнографического материала, безэквивалентной лексики

Оригинальное звучание исконного текста также позволяют сохранить и передать без искажений на другом языке этнографические реалии и безэквивалентная лексика, перевод которых в эпическом тексте был бы просто неуместен. К примеру, поскольку в олонхо наиболее полно представлена якутская мифология (сказание повествует о происхождении мироздания и Земли), в нем имеется множество слов из мифологической лексики: *сата* ‘колдовская сила, воплощенная в особый черный камень’, *кырар* ‘камланье, шаманское действие’, *Кэй-Уорук* ‘мифический зверь, чудовище, *Эксэкю* ‘чудовищный орел, в

которого обращаются богатыри в олонхо', этнографической лексики: *кылыы* 'якутская национальная игра – прыжки на одной ноге вдоль двенадцати меток'. Вместе с тем этническую специфику текста передают и наименования бытовых этнографизмов: например, *хамыйах* 'черпак, деревянная ложка', *быта* 'корень некоторых растений, употребляющихся якутами в пищу', *хомус* 'губной музыкальный инструмент, род варгана' и др. В отличие от перевода на русский язык, в башкирском языке, естественно, находится больше эквивалентов якутским словам. К примеру, слова различной тематики, оставленные без перевода в русском языке, имеют полное соответствие в башкирском: *аймага – аймаҡ* 'племя', *алгыс – алғыш* 'благопожелание', *айах – аяҡ* 'большой кубок для кумыса', что значительно упрощает работу переводчиков и восприятие текста читателями.

Разновидностью проблемы перевода безэквивалентной лексики является перевод ономатопов, повышенная эмоциональность, экспрессивность и яркая выразительность которых способствуют их передаче в неизменном виде в фольклорных текстах [Ягафарова, 2011]. В олонхо ономатопы выполняют функцию интенсификации эмоционального воздействия. К ним относятся: магические восклицания (*аан арчы*), благопожелания (*Уруй-айхал, уруй-мичил* 'благословение и пожелание благополучия'), междометия, выражающие эмоции (*Абытай* 'восклицание, выражающее боль или опасение возможной боли, неприятности'), императивы (*Кэр-буу! Кэр-буу!* – «Вот, смотри-ка!»), различные звукоподражания (*Аай-аайбын! Ыый-ыыйбын!* 'звукоподражание плачу', *доом-эрэ-доом* 'звукоподражание ударам шамана колотушкой о бубен, произносится в шаманских заклинаниях', *«Анньаса! Анньаса!»* 'звукоподражание ржанью коня') и др. Сюда же можно отнести традиционные инициальные формулы жанров народного творчества, в частности, запевы песен, например: *Буйа-буйа-буйакам* 'запев в начале песни-монолога богатыря абаасы' и т. п.

В целом перевод на башкирский язык такого объемного тюркоязычного текста олонхо через посредство русского языка потребовал соблюдения ряда особенностей:

1) переводчики придерживались методики литературного перевода текста с опорой на принцип передачи оригинала строка в строку в целях сохранения достоверности подачи текста;

2) в процессе работы над текстом стало возможным применить ритмизацию перевода народного эпоса, что позволяет без ущерба поэтичности, эстетическому восприятию передать звучание и ритмы эпоса, максимально сохранив колорит подлинника;

3) при переводе использованы наиболее адекватные художественные приемы и методы передачи эстетического воздействия, продиктованные природой оригинального фольклорного текста, как то: подбор

соответствующего лексического материала во всем разнообразии его стилистических, словообразовательных возможностей (книжные, диалектные, устаревшие слова), причем основной упор делался на широкое использование общетюркской лексики, и лишь в ограниченном количестве – заимствованных лексем, в частности из арабского и персидского языков; применение выразительных возможностей синтаксиса (использование деепричастных, причастных форм, синтаксических конструкций и оборотов, свойственных фольклорному / эпическому тексту).

Издание в последующем якутского эпоса-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» на башкирском языке облегчит работу с текстом для башкироязычных исследователей, откроет новые перспективы для фольклорной компаративистики, т. е. будет иметь научное значение для дальнейших сравнительных исследований в сфере тюркского фольклора в качестве ознакомительного материала с богатейшим духовным наследием тюркских народов в контексте сюжетного, мотивационного, образного, мировоззренческого единства.

Литература

Винокуров В. В. Переводы якутского олонхо на различные языки мира // Эпическое наследие Евразии: Диалог культур и поколений. СПб., 2008. С. 84–90.

Даль В. И. Башкирская русалка // Москвитянин. 1843. № 1. С. 97–119.

Казагачева З. С. Аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск : Ин-т алтаистики им. С. С. Суразакова, 2002. 348 с.

Кравцов Н. И. Славянский фольклор : учеб. пособие. 2-е изд., доп. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. 352 с.

Лиморенко Ю. В. Проблемы перевода фольклорных текстов: на материале фольклора эвенков : дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 205 с.

Фольклор: Поэтическая система / отв. ред. А. И. Баландин, В. М. Гацак. М., 1977. 344 с.

Николаев Е. Р. Якутские личные имена (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Якутск, 2018. 28 с.

Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос олонхо / Воссоздал на основе народных сказаний П. Ойунский; перевод В. Державин; под общ. ред. С. В. Михалкова; послесловие С. В. Михалкова; статья и комментарий И. В. Пухова. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 2-е изд. 431 с.

Хусаинова Г. Р. О переводе киргизского народного эпоса «Манас» на башкирский язык // Актуальные проблемы диалектологии народов России : материалы XVI всерос. конф. Уфа, 2016. С. 223–225.

Ягафарова Г. Н. О некоторых средствах выражения экспрессивности в кубаире «Урал-батыр» // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира : материалы II междунар. науч.-практ. конф. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 241-244.

Ersöz Murat. Culuruyar Nurgun Bootur, Saha (Yakut) Türklerinin Kahramanlık Destanı, TÜRKSOY, Uluslararası Türk Kültürü Teşkilatı Yayınları, Ankara, 2010.

TDK – Türk Dili Kurumu. URL: http://www.tdk.gov.tr/index.php?option=com_content&view=article&id=645

Антропологическая лингвистика: концепты, категории, методология исследований

УДК 811.11+81`27+81`232

И. П. Амзаракова

Горизонты бытия человека в зеркале детского фольклора и личного имени

Аннотация. Представлено описание роли личного имени и детского фольклора как маркеров языкового и когнитивного развития личности ребенка дошкольного и младшего школьного возраста. Описание детского дискурса проводится с опорой на разработанную Ю. М. Малиновичем концепцию совокупного горизонта бытия человека и на понятие хронотопа как совокупности пространства-времени. Рассмотрено понятие горизонтов бытия человека, представлена периодизация психофизиологического развития ребёнка, показана модификация личного имени в сознании ребенка в зависимости от продвижения по возрастной шкале. Семиотическая функция жанров детского фольклора отражена в игровом, когнитивном и коммуникативном пространстве детского дискурса.

Личное имя не только маркирует социальное положение человека, оно служит в детском дискурсе инструментом самоидентификации, выполняет оценочную функцию, выражает отношение к окружающим, используется в жанрах детского фольклора. Детский фольклор не является застывшим сгустком культуры, он всякий раз возникает заново, создает фундамент для формирования социально-культурной компетенции.

Жанры фольклора в детском дискурсе четко маркируют возраст, распределяются по ступеням развития коммуникативной компетенции, от восприятия простых колыбельных и потешек, через считалки, дразнилки и поэзию нонсенса к докучной сказке, страшным историям и пародии. В детском фольклоре, как и в имени собственном, ребенок выражает свой внутренний мир, трансформирующийся по мере психофизиологического созревания (вертикальный горизонт, ось ординат), по мере изменяющихся социальных условий бытия (ось абсцисс) и перехода во все расширяющееся пространство социума.

Ключевые слова: детский фольклор, антропологическая лингвистика, имя собственное, ребенок, горизонты бытия человека, коммуникативная личность, немецкий язык.

I. P. Amzarakova

Horizons of a Person’s Being in the Mirror of Children's Folklore and Personal Names

Abstract. The article describes functions of personal names and children's folklore as markers of the language and cognitive development of the personality of preschool and primary school-aged children. The description of the children's discourse basically refers to the concept of the cumulative horizon of the person`s beingness developed by Yu. M. Malinovich as well as on the concept of a chronotope as a combination of space and time. The article considers the concept of “the horizon of a person`s being” and presents the periodization of the psychophysiological development of the children. The author shows modification of a personal name in the consciousness of the child in the aspect of the age scale dependence. The semiotic function of the children's folklore genres is shown in the game, cognitive and communicative fields of the children's discourse.

A personal name is not only a marker of a social status of a person; it also serves as a means of self-identification in the children's discourse. Moreover, it performs evaluation functions and expresses the attitude towards people around a child and it is used in the children's folklore genres. The children's folklore is not a stiffened clot of the culture, for every time it perpetuates to create the base for the formation of the sociocultural competence.

The folklore genres in the children's discourse show very accurately the dependence on the age of a child. All the genres are clustered according to the steps of the communicative competence development. Thus, the division starts from the perception of very common lullabies and nursery rhymes to come through numerous counting rhymes, teasers and poetry of nonsense to the tiresome fairy tales, terrifying stories and the parody. The children's folklore as well as proper names is a tool for a child to express the inner world. The latter is permanently changing in the process of the psychophysiological maturing of a child (the vertical horizon, ordinate axis) and in process of the changing social conditions of the life (abscissa axis) and transition to the expanding space of the community.

Keywords: children's folklore, anthropological linguistics, proper name, child, horizons of a persona`s being, communicative personality, German.

Введение. Настоящая работа представляет собой попытку применить положения Иркутской школы антропологической лингвистики, разработанные в трудах Ю. М. Малиновича, к описанию внутреннего мира ребенка, в частности, актуализации этого мира через фольклор и имя собственное.

Метафора горизонта оказалась весьма продуктивной в научном дискурсе. Ведь научный поиск как выражение познания представляет собой не что иное, как постоянное продвижение вперед, к той гипотетической линии, которая называется горизонтом и олицетворяет непостижимую истину. Мы можем до бесконечности расширять свои горизонты, но не достигать их. В этом смысле использование данного понятия Ю. М. Малиновичем [2002, с. 240; 2003, с. 21] в отношении бытия человека и познания этого бытия представляется не только удачным, но и символичным. При восхождении по вертикали, от рождения до естественного конца, обзор становится все шире, опыт глубже, понимание сути яснее. При перемещении из одного пространства в другое – узкий круг семьи, выход за ее пределы в сферу учебы и производства, подъем по служебной лестнице и пр. – зримая линия горизонта также меняется. Но целиком и полностью познать макрокосм внутреннего мира человека невозможно. Мы можем лишь бесконечно приближаться к нему.

Совокупный горизонт бытия человека объемен и многомерен. И если продвижение по вертикали есть время, отпущенное человеку для жизни, то на горизонтальной оси тип пространства, в котором оказывается человек, восходящий по возрастной шкале, формируют психофизиологические и когнитивные характеристики развития субъекта. По сути, совокупный горизонт бытия человека есть «закономерная связь пространственно-временных координат», или хронотоп в смысле М. Бахтина. Ю. М. Малинович пишет об этом: «Исчерпывающее понятие природы человека и его бытия возможно при условии “погружения” его в определенное историческое время, пространство и окружающий его не только мир природы, но и мир себе подобных…» [2006, с. 281].

Пространство игры и фольклора образуют ту часть семиосферы, в которой находится ребенок как развивающаяся коммуникативная личность, познающая мир и «врастающая» в культуру.

Мир ребенка и его горизонты. Изучение ребенка с позиций антропологической лингвистики как биопсихосоциального существа позволяет выявить особенности языковой реализации внутреннего мира, обычно скрытого от внешнего наблюдателя. По вертикальной оси совокупного горизонта, т. е. по оси ординат, расположим этапы возрастной периодизации. А. К. Маркова называет основные маркеры речевого развития ребенка: младенческий (до 1 года), когда происходит узнавание слогового контура слова; ранний (1–3 года), когда ребенок от первых слов через овладение грамматическими формами переходит к ситуативной диалогической речи; дошкольный период (3–7 лет) с расширением словаря и формированием бытовой контекстной речи. В младшем школьном возрасте (7–10 лет) происходит осознание языковой формы, овладение чтением и письмом, формируется понятие о литературной норме; в среднем школьном возрасте (10–15 лет) ребенок начинает осознавать необходимость выбора разных стилистических регистров (функциональных стилей) в зависимости от сферы применения языка, формируется его индивидуальный стиль [Маркова, 1974, с. 11–12].

Средний школьный период совпадает с так называемым переходным подростковым возрастом. Детская речь очерчена нами в границах от рождения до 12 лет [Амзаракова, 2005, с. 54]. Это не исключает, однако, выхода за границы двенадцатилетнего возраста в собственно подростковый период, поскольку мы исходим из подвижности и индивидуальности возрастных границ.

Для описания детского дискурса мы условно выделяем игровое, когнитивное и коммуникативное пространства, которые накладываются друг на друга и модифицируются в зависимости от временной координаты [Амзаракова, 2013, с. 8].

Доминирующим для раннего, дошкольного и младшего школьного возраста является игровое пространство. При этом подчеркнем, что хронотоп детского дискурса данных возрастных периодов маркируется языковыми средствами, «привязанными» к той или иной точке временной координаты. Для игрового пространства это могут быть названия игрушек и игр, детский фольклор, что было отчасти описано нами в упомянутой статье [Амзаракова, 2013]; когнитивное пространство маркируется вербализацией окружающего пространства, включая номинацию лиц (антропонимы для сферы «ты – я – они»). Коммуникативный аспект хронотопа вербализуется, в первую очередь, этикетными формулами, воспроизводством и производством текстов, отражается в использовании прецедентных феноменов [Там же].

Пространство личного имени. Имя личное пронизывает все три обозначенных нами пространства на оси абсцисс: когнитивное, коммуникативное и игровое.

Примечательно, что личные имена для ребенка дошкольного и младшего школьного возраста имеют конкретное значение и связаны с его ближайшим окружением – с родителями, родными, а также друзьями и одноклассниками. Поэтому имя может вызывать как положительные, так и отрицательные эмоции. Это подтверждает анкетный опрос немецких детей 9–10 лет, проведенный аспиранткой Хакасского госуниверситета Е. В. Евдокимовой в 2011 г., который показал, что имена собственные выступают типичной реакцией на слова-стимулы, обозначающие эмоции. Так, к слову с положительной коннотацией Freude немецкие дети называют имена конкретных людей: Lara, Fabienne, Theresa, Lea-Marie. Но и среди слов-реакций на номинацию отрицательной эмоции (слово-стимул Wut) также обнаруживается имя собственное – Peter.

Над личным именем ребенок начинает задумываться в дошкольном детстве. Но еще раньше, с началом овладения речью, он слышит свое имя, использует его, сначала называя себя в третьем лице и лишь постепенно отождествляя себя с этим именем. Эволюция имени в онтогенезе имеет свою специфику: от домашнего усеченного и/или ласкового имени к полному имени, к фамилии (а для русской культуры и отчеству), а затем к прозвищу.

Гипокористическое имя отражает эмоциональное отношение взрослого к ребенку и эксплицирует, таким образом, внутреннее состояние любви и симпатии, которое легко декодируется ребенком. Весьма тонко подметил это свойство гипокористического имени Ф. М. Достоевский в повести «Неточка Незванова», где девятилетняя героиня реагирует на форму обращения к ней матери: «…она назвала меня Неточкой, что значило, что в эту минуту она особенно любит меня. Это название она изобрела сама, любовно переделав мое имя, Анна, в уменьшительное Неточка, и когда она называла меня так, то значило, что ей хотелось приласкать меня» [Достоевский, 1973, с. 226].

Использование формы имени выполняет важную коммуникативно-прагматическую роль. Полное имя дочери в устах матери сигнализирует о плохом настроении: «Надежда, это ты пришла? (…) Надя вошла в комнату, пытаясь выглядеть спокойной и одновременно стараясь побыстрее определить настроение матери. Настроение, похоже, было – хуже некуда, не зря же мама назвала ее Надеждой, а не Наденькой, как обычно» [Маринина, 2006, с. 38–39]. Обращение же с ласкательным именем (Господи, Надюшечка, да он для тебя старик!) в корне меняет ситуацию: «Надюшечка. Значит, мама уже не сердится, наоборот, она готова к доверительному разговору» [Там же].

Концептуально значимые для немецкой культуры личные имена присутствуют в детском дискурсе как на уровне рецепции, так и на уровне употребления. Не в последнюю очередь они привносятся туда через мотивы и образы народной поэзии.

Поэзия пестования, предназначенная взрослыми для детей младенческого возраста, изобилует диминутивами, среди которых и имена личные: *Peterchen, Karlinle, Hänschen* и т. п. Они же переходят в считалки и рифмовки: *Ännchen, Gretel Pastetel u. a.*, выполняя различные функции в коммуникации ребенка и взрослого, в общении детей между собой.

Уменьшительно-ласкательное имя *(Petri, Hänschen, Gretchen, Mariechen)* имеет тенденцию закрепляться в языковом сознании как оппозиция к полному, «взрослому» имени и используется в этом значении в пословицах и поговорках, символически противопоставляя и связывая детский и взрослый мир: *Was Hänschen getan, klebt Hansen an. Was Hänschen nicht lernt, lernt Hans nimmermehr. Will Peter nicht, so will Paul.*

С возрастом уменьшительные, ласковые имена используются ребенком в дразнилках: *Lieschen, streck dein Füßchen. Trag´s in de Juddegass, sag es iss ein Butterfass.*

Дразнилка как фольклорный жанр отнологически привязана к имени собственному. Пожалуй, нет такого имени, к которому дети не придумали бы дразнилку: *Anna, Bibanna, hat Bobbestrumpf an, verrissene, beschissene, kan Fetze mehr daran! / Katrinche, Katrinche! Hast Kinderstrümpfe an! Verrissene, verschissene, mit Scheißflecken dran! / Ilse bilse, keiner will se / Karl der Große hat verschissene Hose!* Дразнилки сочиняются на основе случайной рифмы: *Karoline Apfelsine, Christian Würstelmann, Eva-Berta Affenwärter* [см. Das Sprachbastelbuch, 1992, p. 7] либо путем редупликации, как это имеет место в дискурсе детей раннего возраста: Ulli-Bulli, Renate-Spinate. Использование имени в дразнилках отражает этап социализации языка, проявляющейся во внимании к языковой форме, в расширении кругозора ребенка и интереса к эксперименту, к соединению несоединимого, что свидетельствует о развитии когниции. Функция дразнилки состоит не в том, чтобы оскорбить противника, а «посрамить противника словом», по выражению Ф. С. Капицы, Т. М. Колядич [2002, с. 101]. Таким образом, дразнилка маркирует как игровое, так и социально-коммуникативное пространство.

В дразнилках личное имя может и не присутствовать: достаточно наличия другого антропонима, референтом которого становится «посрамляемый словом» противник. Так, в дразнилках про ябеду, или про жадину, достаточно самого антропонима «ябеда» / Petze, «жадина» / Geizhals, Knauser, чтобы выразить презрение ребенка к носителям этих, самых осуждаемых в детстве, пороков. Например:

Petze, Petze ging in Laden,
wollte drei Pfund Zucker haben,
Zucker, Zucker gab es nicht,
Petze, Petze ärgert sich.
Ärgert sich die ganze Nacht,
hat vor Schreck ins Bett gemacht.

(Ср. рус. «ябеда-корябеда» или «жадина-говядина»: *Жадина-говядина, / соленый огурец, / по полу валяется, / никто его не ест.*)

В сознании ребенка раннего и дошкольного периода имя неотделимо от вещи. Об этом свидетельствуют известные наблюдения Ж. Пиаже, Р. Якобсона, А. А. Леонтьева. Выйдя из пространства родного дома в социальный мир школы, ребенок окончательно избавляется от номиналистического реализма. Он уже знает, что объекты и субъекты окружающего мира могут иметь разные номинации в зависимости от ситуации и контекста. Это касается и ситуативной модификации личного имени. Например:

Marieke wohnt bei Kees. Kees ist ihr Vater. <...> Marieke nennt ihn einfach *Kees*. Wenn sie wütend auf ihn ist, sagt sie auch seinen Nachnamen. *Kees van der Werft*. Kees nennt sie meistens *Marieke*. Aber manchmal sagt er auch *Rollmops* zu ihr [Leseecke, 1996, p. 76] (курсив наш. – *И. А.*).

Отметим интерес ребенка к звуковой стороне имени, стремление переосмыслить внутреннюю форму имени.

Для хронотопа младшего школьника характерны чувствительность к звуковой форме имени, стремление переосмыслить внутреннюю форму имени: Костя – худой, одни косточки; Лена – ленивая, Melanie – Melone и т. п. Ребенок ищет связь между личным именем и обозначенным субъектом, его характером. Отсюда «страдания» по поводу своего имени:

…Alles wegen meinem Namen. *Alfons* ist schon *schlimm* genug. Die in der Klasse finden Alfons *komisch* und nennen mich oft *Alfonsius*. *Zitterbacke* ist aber *noch viel schlimmer*. Wenn ich mich wenigstens mit C schreiben würde oder mit K, aber richtig *wie Zittern* und richtig *wie Backe*. Das *finden alle* ganz und gar *komisch*. <…> Am schlimmsten sind die Kinder in meiner Straße. Die rufen mir immer hinterher „*Zitterbacke – Hühnerk...*“ (das, was sie rufen, kann ich eigentlich gar nicht aussprechen). Aber weh tut’s, wenn man das hört [Holtz-Baumert, 1969, p. 10–11] (выделено нами. – *И. А.*).

Таким образом, в использовании личного имени и отношении к нему актуализируется языковое сознание ребенка, которое развивается по мере изменения хронотопа, восхождения по оси времени и врастания ребенка в пространство социума и культуры.

Другим параметром, которым можно измерить продвижение homo loquens по оси ординат, является детский фольклор.

Игровое пространство детского фольклора. С общепринятой точки зрения фольклор как культурологический феномен относится

скорее к этнографии, чем к лингвистике. Однако фольклор в игровом пространстве ребенка является неоценимым языковым источником знания о его внутреннем мире, дает представление об интересах и коммуникативных потребностях детей. Детский фольклор является источником фоновых знаний, интертекстуальности и прецедентности в современной языковой культуре. По мнению М. Осориной, фольклор приоткрывает завесу над «потаенным миром детства», над теми особенностями восприятия и переработки действительности, которые, как правило, скрыты от наблюдения взрослыми исследователями [Осорина, 1985, с. 28]. Э. Борнеман, посвятивший двенадцать лет сбору бытового городского фольклора австрийских детей, также отмечает чрезвычайную сложность наблюдений, так как дети, используя ряд фольклорных текстов, не предназначенных для непосвященных, избегают взрослых [Borneman, 17].

В европейских исследованиях слова «фольклор» в отношении детской литературы избегают. Чаще говорят о поэзии для детей (Kinderpoesie), поэзии нянь (Ammenpoesie, Nurcery Rhymes), о детских рифмовках и загадках (Kinderreimen, -rätseln) и т. п. В русской литературной традиции используют термин «детский фольклор», который, на наш взгляд, предпочтительнее, поскольку фольклор не ограничивается только поэзией.

К. В. Чистов говорит о филологической концепции фольклора как «совокупности структур, интегрированных словом, речью, вне зависимости от того, с какими несловесными элементами они связаны» [Чистов, 2005, с. 17]. Исследователь подчеркивает, что фольклор – это вербальная коммуникация, выполняющая свою коммуникативно-прагматическую функцию. Большинство жанров фольклора для детей представляют собой тексты, авторами которых являются взрослые. Это рифмовки, прибаутки, потешки, поэзия пестования и другие подобные им тексты, используемые взрослыми в коммуникации с детьми грудного и младенческого возраста. Они выполняют ярко выраженную фатическую функцию, служат для установления эмоционального контакта взрослого лица с ребенком и транслируют ребенку первые этико-эстетические и мифологические представления о мире. С другой стороны, дети заимствуют определенные тексты из общего, «взрослого», фольклора и приспосабливают их к своим потребностям и нуждам. Так, большинство загадок и многие нонсенс-тексты (небылицы) перекочевывают из устного народного творчества в повседневное общение детей.

Наиболее важной частью детского фольклора являются тексты, созданные самими детьми, которые передаются из уст в уста, из поколения в поколение, так называемый бытовой фольклор детей.

Исследователи отмечают тот удивительный факт, что дети из разных частей света и из самых различных языковых сообществ сочиняют

одинаковые или очень сходные образы и тексты. (Ср. [Капица, Колядич, 2002]). Мифологические образы проклятий, заколдованных принцев и принцесс, магические голоса и глаза повторяются в страшных историях («страшилках») русских и немецких детей. С поразительным сходством звучат отдельные считалки. Ср.: *нем*. Figgi faggi dominus, du bist hier und bist duss; Ene, mene, ping, pang, kling, klang, ose, dose, packe dich, eia, weia, weg; и *рус*. Ėni, bėni, riki, faki, turba, urba, sentjabrjaki, dėos, dėos, kosmodėos – bats.

К фольклорному пространству детей дошкольного и младшего школьного возраста относятся рифмовки, потешки, поддевки, дразнилки и пр., шутки и школьный фольклор [Там же, с. 34–38]. Все эти жанры обладают ярко выраженной коммуникативно-прагматической функцией, имеют в игровом пространстве детской субкультуры свое предназначение.

Наиболее коммуникативно нагруженной оказывается считалка, функция которой состоит в определении начала игры. Но одним только регулированием процесса игровой коммуникации роль считалки не ограничивается. Когнитивная ценность считалки состоит в знакомстве ребенка с числами, этическая и социальная функция заключается в справедливом распределении ролей в предстоящей игре, ритмико-мелодический характер считалки оказывает на ребенка эстетическое воздействие. Ср. примеры считалки с числами и без них:

Eins, zwei, drei, vier, fünf, sechs, sieben,
in der Schule wird geschrieben.
In der Schule wird gelacht,
wenn der Lehrer Faxen macht.

Ene mene miste, es rappelt in der Kiste,
ene mene mu, und drauß bist du.
Drauß bist du noch lange nicht,
sag mir erst wie alt du bist.

Коммуникативно важными элементами считалки являются ее кульминация и концовка, содержащие клише с предписывающей функцией: *du bist ab; (und) du bist weg; du bist dran (dron); (und) du bist frei; du bist am allerersten frei; du sollst sein; sonst musst du der Haschmann sein; du musst's sein; du musst raus; du musst weg; wer nicht will, der muss es sein; die muss raus; der bist du; du musst suchen* u.a.

Изучение структуры и семантики считалки позволяет бросить взгляд во внутренний мир ребенка, в его мироощущение и ценности, выявить те стороны его интересов, которые обычно скрыты от постороннего взгляда. Так, одной из потаенных областей внутреннего мира ребенка является сфера обсценного, «низкого». Тяга к вербализации этого сегмента мира присуща ребенку с малых лет, что обнаруживается и в жанрах детского бытового фольклора.

Учение З. Фрейда о бессознательном и трех фазах детского проявления либидо (оральная, анальная и генитальная) [Фрейд, 1991] дает нам возможность понять, почему в считалках, загадках, рифмовках и

дразнилках появляются соответствующие темы и мотивы. Так, в считалках и рифмовках детей 3–5 лет присутствует «фекальная» тема. Ср. в работе [Чистов, 2005, с. 33–83]: *Ene meine mopel, / wer frisst Popel? / Süß und saftig, / Einemarkundachtzig! / Einemarkundzehn / Und du kannst gehn!; Pepita Popo / Sitzt auf´m Klo. / Pepita Pipi / Macht kikireki. / Pepita Papa / Macht A-a. / Pepita Pupu / Raus bist du!* ; *Maler Maler Meister / Scheißt Koppheister / Übers Gitter, / Hat nen Splitter, / Weiß nicht wo: / Im Popo.*

Продвижение во времени по пространству когниции (начало младшего школьного возраста, 6–7 лет) заставляет детей искать ответ на вопрос, откуда берутся дети. Сексуальное развитие ребенка этого периода переживает, по Фрейду, период затишья, латентный период [Фрейд, 1990], но всё же отражается в считалках: *Elemele Mittche, / Wer mag Tittche? / Elemele mich, / Die mag ich! / Elemele mu – / Raus bist du!; Zitrone, Banane, / An der Ecke steht ein Mann, / Zitrone, Banane, / Er lockt die Mädchen an, / Zitrone, Banane, / Er nimmt sie mit nach Haus, / Zitrone, Banane, / Er zieht sie nackend aus, / Zitrone, Banane, / Er nimmt sie mit ins Bett, / Zitrone, Banane, / Er macht sie dick und fett. / Zitrone, Banane, / Und dann in einem Jahr, / Zitrone, Banane, / Da ist das Kindlein da*.

В раннем пубертатном периоде, в возрасте 9–11 лет, дети разрабатывают сексуальную и скатологическую тему иронически: *Auf alle Fälle / Scheißt der Hund keine Bälle. / Und scheißt er Bälle, / Sind´s Ausnahmefälle; Es waren zwei Königskinder, / Die hatten einander so lieb. / Sie konnten zusammen nicht kommen, / Es war kein Fährbetrieb*.

Пародия – это тот жанр детского фольклора, который маркирует возрастную границу между младшим школьным и ранним подростковым возрастом и демонстрирует освоение школьником текстовой культуры, свидетельствует о продвижении в когнитивном пространстве к мотивационному уровню языковой личности.

Ср., например, пародию в левой колонке с исходным текстом из правой колонки [Амзаракова, 2005, с. 214–215]:

1. Happy birthday to you,
Marmelade im Schuh,
Aprikose in der Hose,
happy birthday to you.

2. Frère Jacques, *halt die Klappe*,
dorméz vous, *dumme Kuh*,
sonnez le matines, *alte Waschmaschine*,
ding, dang, dong, *Knallbonbon*.

3. Leise rieselt *die Vier,*
auf das Zeugnispapier,
seht nur wie lieblich es schallt,
wenn Papas Ohrfeige knallt.

1A. Happy birthday to you,
Happy birthday to you,
Happy birthday, liebe(r) (Name),
happy birthday to you.

2A. Frère Jacques, Frère Jacques,
dorméz vous, dorméz vous,
sonnez le matines, sonnez le matines,
ding, dang, dong, ding, dang, dong.

3A. Leise rieselt der Schnee,
still und starr ruht der See;
hört nur, wie lieblich es schallt:
Freue dich, Christkind kommt bald.

Пародия служит ребенку инструментом социализации, ведь пародист, по словам известного немецкого литературоведа Клауса Додерера, «разрушает привычное клише, показывая подростку, что он может сам реальным способом справиться со своими проблемами» [Lexikon der Kinder- und Jugendliteratur, 1984, p. 445] (перевод наш. – *И. А.*). Из приведенных выше примеров видно, как в песне-поздравлении с днем рождения идиллический настрой разрушается абсурдными образами, как в нравоучительную песенку про братца Якова вплетается лексика с отрицательной оценкой, инвективы-антропонимы, и как рождественская песня превращается в грустную иронию по поводу плохих оценок за полугодие.

Отметим, что наблюдаемый в приведенных примерах макаронический стиль, т. е. «применение иноязычных заимствований с пародической или сатирической установкой» [Девкин, 2006, с. 76], является излюбленным приемом парадоксального оформления речи в школьном возрасте. Парадоксальность и абсурдность дискурса младшего подросткового возраста свидетельствуют о переходе в пространство прагматики и индивидуального стиля.

Пародия наблюдается в детском фольклоре разных языковых культур. Ср. пародию на стихотворение Н. Некрасова из поэмы «Крестьянские дети», возникшую в российской подростковой субкультуре:

Однажды в студеную зимнюю пору я шел к остановке. Был сильный мороз. Гляжу, поднимается медленно в гору автобус. Людей на работу он вез… Ср. в оригинале: *Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел. Был сильный мороз. Гляжу, поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз…* [Амзаракова, 2005, с. 215] и т. д.

Наблюдения за игрой младших школьников позволяют обнаружить в их речи множество готовых форм, «строительных кубиков» из фольклора, средств массовой информации и других областей общественной жизни, характеризующих коммуникативное пространство данного возрастного периода:

(beim Kartenspiel): Chr.: *Aua!* – G.: *schreit der Bauer.* – C.: *die Äpfel sind so sauer / die Birnen sind so süß...* – S.: *morgen gibt`s Gemüs»* [Там же, с. 218].

Фольклорные клише могут служить в качестве коммуникативных стратегий и тактик: уход от ответа: *Warum? – Darum!; Warum? – ...ist die Banane krumm?;* H: *Wo ist die Dreschmaschine denn?* – A: *Nirgendwo!*– T: *Auf deinem Popo!* [Teilkorpus Teresa, 1998, p. 160]; косвенное поучение в этикетной формуле *Wie bitte?*: *Was?* – Erwachsener: *Wasser?* (*Wasser oder Bier?*); критика: *Manchmal, einmal, irgendwann mal!* [Там же, p. 142].

Отметим, что стереотипы и клише играют большую роль в детской коммуникации в целом и в усвоении языка в частности. Присущая ребенку младшего школьного возраста лингвокреативность способствует

использованию стереотипов во все новых контекстах и новых вариациях, а ясные структуры и ритмико-методическая организация детских фольклорных текстов позволяет ребенку легко перейти к подражанию, к творческому применению готовых форм:

Meine Oma fährt im Hühnerstall Motorrad,
meine Oma ist «ne ganz moderne Frau, wau, wau.
Meine Oma hat «ne Glatze mit Geländer,
meine Oma ist «ne ganz moderne Frau, wau, wau.
Meine Oma hat ein Nachttopf mit Beleuchtung,
…usw. (*man darf lustig weiterdichten*)

Как и в других жанрах детского фольклора, мы видим здесь парадоксальное соединение образов: в стереотипные ситуации, связанные с бабушкой, включаются несовместимые с ними современные атрибуты (im Höhnerstall Motorrad fahren, Nachttopf mit Beleuchtung u.a.).

Особым жанром в игровом пространстве детей младшего школьного возраста является диалог-ловушка (“Falschdialog”/“Fangdialog”) или «заманка», представляющие собой хитроумный мнимый диалог, в котором партнеру навязывается пассивная роль: он должен повторять одно и то же слово или одну и ту же фразу, типа: *ich auch; wann? wie?* и т. п. Усыпив бдительность партнера, ведущий произносит фразу, которая в сочетании с навязанной ответной репликой приобретает обидный для пассивного игрока смысл:

Ich bin in den Wald gegangen. – Ich auch.
Ich nehme eine Axt mit. – Ich auch.
Ich hau eine Eiche ab. – Ich auch.
Ich mach einen Sautrog draus. – Ich auch.
Es fressen sieben Saue draus. – Ich auch.

Пример из разговора десятилетних девочек на школьном дворе во время перемены. Одна девочка рассматривает открытую ладонь подруги и «гадает». Вторая девочка должна спрашивать *wann?* (как?):

K: dieser Strich bedeutet Liebe, frag wann. (zeigt in ihre Handfläche)
R: wann?
K: in zehn Jahren, dieser Strich bedeutet Hochzeit.
R: wann? (lacht ein wenig dabei)
K: in zwanzig Jahren, dieser Strich bedeutet Schmerz.
R: wann?
K: jetzt. (gibt R eine leichte Ohrfeige) hahaha. (lacht laut)
R: ha // (lacht verlegen) hm// [Teilkorpus Regina, 1992, p. 41–42]

Пример из русского фольклора:

Говори за мной «как»: Пошла баба в кабак. – Как? – Напилась пьяная. – Как? – Пришла домой. – Как? – Мужик стал ее бить. – Как? – А вот так! (Следует удар в спину) [Капица, Колядич, 2002, с. 111].

Заключение. Таким образом, маркерами совокупного горизонта, или хронотопа, развивающейся личности могут выступать как личное имя, так и детский фольклор. Личное имя служит ребенку средством самоидентификации и самооценки, а также средством выражения эмоциональной оценки и отношения к окружающим.

Детский фольклор живет, дышит, всякий раз возникает заново, создает фундамент для формирования социально-культурной компетентной языковой личности. Жанры фольклора в детском дискурсе четко маркируют возраст, распределяются по ступеням развития коммуникативной компетенции от восприятия простых колыбельных и потешек, через считалки, дразнилки и поэзию нонсенса к докучной сказке, страшным историям и пародии.

В детском фольклоре, как и в имени собственном, ребенок выражает свой внутренний мир, меняющийся по мере психофизиологического созревания (вертикальный горизонт, ось ординат), по мере изменяющихся социальных условий бытия (ось абсцисс) и перехода во все расширяющееся пространство социума.

Литература

Амзаракова И. П. Пространство игры в горизонтах бытия ребенка // Иностр. яз. в высш. шк. 2013. Вып. 3 (26). С. 5–11.

Амзаракова И. П. Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста : дис. … д-ра филол. наук. М., 2005. 495 с.

Девкин В. Д. Макаронический стиль // Разноуровневые маргиналии в немецком и русском языке : сб. ст. / отв. ред. В. Д. Девкин. М., 2006. С. 76–105.

Достоевский Ф. М. Петербургские повести и рассказы / сост. Л. А. Плотникова. Л. : Лениздат, 1973. 784 с.

Капица Ф. С., Колядич Т. М. Русский детский фольклор. М. : Флинта ; Наука, 2002. 320 с.

Малинович Ю. М., Малинович М. В. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика. Концепты. Категории / под ред. и общ. науч. рук. Ю. М. Малиновича. М. ; Иркутск, 2003. С. 7–28.

Малинович Ю. М., Малинович М. В. Семиосфера культуры в антропологической лингвистике // Номинация. Предикация. Коммуникация : сб. ст. к юбилею проф. Л. М. Ковалевой / отв. ред. А. В. Кравченко. Иркутск, 2002. С. 228–253.

Малинович Ю. М. Тема игры на деньги взаправду и понарошку в рассказе В. Распутина «Уроки французского» // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2006. С. 278–289.

Маринина А. Б. Чувство льда: Роман. В 2 кн. Кн 1. М. : Эксмо, 2006. 320 с.

Маркова А. К. Психология усвоения языка как средства общения : автореф. дис. … д-ра психол. наук. М., 1974. 52 с.

Осорина М. Детский фольклор – зачем он нужен? // Знание – сила. 1985. Апрель. С. 28–31.

Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / отв. ред. И. Т. Фролов, М. Г. Ярошевский. М. : Наука, 1991. 456 с.

Фрейд З. Психология бессознательного: сб. произведений / сост., науч. ред. и вступ. ст. М. Г. Ярошевского. М. : Просвещение, 1990. 448 с.

Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция : сб. ст. М. : ОГИ, 2005. 272 с.

Borneman E. Unsere Kinder im Spiegel ihrer Lieder, Reime, Verse und Rätsel. Freiburg i. Br.; Olten: Walterverlag, 1973. 413 s.

Das Sprachbastelbuch / H. Domenego, E. A. Ekker, V. Ferra-Mikura u. a. Wien : Jugend und Volk Verlag, 1992. 135 p.

Holtz-Baumert G. Alfons Zitterbacke. Berlin : Kinderbuchverlag, 1969. 152 p.

Leseecke 2: Ein Lesebuch zum Stöbern und Finden für das 2. Schuljahr / W. Bütow, G. Schenk, B. Schütze. Berlin : Volk und Wissen Verlag GmbH, 1996. 176 p.

Lexikon der Kinder- und Jugendliteratur: Personen-, Länder- u. Sachart. zu Geschichte u. Gegenwart d. Kinder- u. Jugendliteratur; in 3 Bd. (A–Z) u. e. Erg.-u. Reg.-Bd. / hrsg. von Klaus Doderer. Weinheim ; Basel : Beltz, 1984. Erg.-u. Reg.-Bd. VIII, 705 p.

Teilkorpus Regina (10;7): Text-Band // Dortmunder Korpus der spontanen Kindersprache / hrsg. von Klaus R. Wagner. Essen : Die Blaue Eule. Bd. 3. 1992. XIV. 362 p.

Teilkorpus Teresa (9;7): Text-Band // Dortmunder Korpus der spontanen Kindersprache / hrsg. von Klaus R. Wagner. Essen : Die Blaue Eule. 1998. XVII. 226 p.

УДК 81-23:26

М. В. Загидуллина

Эмописьменность в контексте ментально-языковых трансформаций: что собой представляет синтаксис поликодовых высказываний?[1]

Аннотация. Исследуются теоретические аспекты такого феномена современной коммуникации, как эмописьменность, возникшего в результате лингвистической гибридизации, размывающей границы между устным и письменным, персональным и публичным. Рассмотрены факторы, влияющие на расцвет коммуникации эмоций: общее состояние культуры «эпохи досуга» (с точки зрения антропософии), коммуникационный техноландшафт в аспекте «новой материальности» и фасилитации новых форм общения, а также визуальный поворот (вездесущность визуализации), в результате обусловившие преобразование текстов традиционного фонетико-алфавитного письма в онлайн-гибридные формы. В предлагаемой статье современный письменный язык рассматривается на фоне давней исторической традиции, концептуализированной с точки зрения философии языка и коммуникации (Руссо, Маклюэн, Деррида, Ульмер, Стиглер). Анализ различных форм эмописьменности проводится на сопоставимом материале интернет-коммуникационных жанроидов, а именно на примерах комментариев и сообщений в конкретных интернет-сообществах (на примере Pikabu.ru). Для отбора материала используется принцип фолксономии (встроенных метрик поддержки того или иного сообщения). В центре анализа – сочетание изобразительного и вербального компонента в аспекте коммуникации эмоций. Задача исследования – установить закономерности эмописьменности в синтаксических категориях (организация отношений между различными элементами поликодового единства). Обсуждаются следующие гипотезы: количественно доминирующие пиктографические элементы эмописьменности выполняют фатические функции; фатическая коммуникация усиливается внутренней ценностью обмена эмоциями; визуализация эмоций с использованием изображений и эмотиконов имеет свои ограничения, ведущие к поиску новых средств выражения и созданию условий для эмоциональной креативности языка; упорядочение новых вариантов символов в эмописьменной культуре в целом согласуется с общими принципами синтаксических матриц фонетико-буквенного письма, однако порождает ряд новых явлений и эффектов (замена развернутых выражений сигнальными изображениями, тактика сигнальной передачи общего отношения к заявлению и адресату, разработка новой визуализированной эмопунктуации).

[1] *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект 16-18-02032.*

Ключевые слова: ментально-языковые трансформации, эмосинтаксис, эмописьменность, поликодовые тексты, креолизованные тексты, фатическая коммуникация, коммуникационные технологии.

M. V. Zagidullina

Emowriting: What a Syntax Matrix of Polycoded Text Is?

Abstract. This discussion provides a theoretical overview of emowriting and describes the characteristics of the linguistic hybridization blurring of boundaries between spoken and written, personal and public. It also considers the factors affecting the heyday of emowriting: the state of the "era of leisure" culture in anthroposophic approach, communication technolandscape in the "new materiality" aspect as affordances of new forms of emocommunication, and the visual turn (omnipresence of visuality) shaping general text transformation from the traditional phonetic-alphabetic writing into the online hybrid forms. In addition, modern written language is seen in the background of a long historical tradition, conceptualized from the standpoint of the philosophy of language and communication (Rousseau, McLuhan, Derrida, Ulmer, Stiegler). Polycoded (multimodal) texts analyses in their forms of emowriting are conducted on a comparable material of Internet communication genreoids (intergenres), namely comments and posts of members of the Internet community. The most successful posts and comments in terms of inclusion of visual elements in their composition, as well as transmission/intensification of certain emotions of the communicant are analyzed through the example of Pikabu.ru. The research task is to find the rules of emowriting in syntax categories (organization of relations between the different elements in the full statement). The following hypotheses are considered: quantitatively dominant pictographic elements of emowriting perform the phatic functions; phatic communication is enhanced by the intrinsic value of sharing emotions; visualization of emotions using pictographs and emoticons has its limitations, leading to the search of new means of expression and creating conditions for emowritten creativization of the language; ordering of the new variants of symbols in emowritten culture in general is broadly consistent with the common principles of syntactical matrices of phonetic-alphabetic writing, however, it produces a number of new phenomena and effects (substitution of deployed statements by signalling images, signal tactics of transfer of the general attitude to the statement and the addressee; development of a new visualized emopunctuation). Supported by RSF, 16-18-02032.

Keywords: emowriting, visualization, language shift, multimodal texts, phatic communication, technologies of communication.

Ментально-языковые трансформации – это крупные изменения в языке, основанные на когнитивных сдвигах, в свою очередь возникающих под воздействием быстро меняющейся коммуникативной среды. Изучение ментально-языковых трансформаций ведется как на уровне дискурсивного анализа [Антропова, 2016], [Панова, 2017], так и на коммуникативных практиках отдельных полей (например, политического [см.: Федоров, 2017], переводческого [см.: Краснопеева, 2017]). В зарубежных исследованиях само понятие «ментально-языковые трансформации» не употребляется, однако мы можем обнаружить множество исследований лингвистических и когнитивных сдвигов, связанных с различными условиями коммуникации. Конкретно для настоящего исследования особое значение имеют исследования взаимосвязи письма и технологий, с одной стороны, и изучение эмоций и письма – с другой. Рассматривая историю исследований в этих областях, мы можем констатировать, что работ, лежащих в области пересечения этих двух направлений в анализе медиакоммуникаций, нет. Поэтому предлагаемый в статье подход обладает научной новизной и открывает дискуссию в области перекрестного исследования коммуникации с точки зрения ее современного технологического оформления и возможностей эмоционального обмена.

Краткий обзор исследовательских тактик в области изучения эмоций должен быть предварен указанием на то, что в основном эту сторону коммуникации представляют работы по психологии; нас интересует здесь в первую очередь психолингвистика, изучающая вербализацию эмоций, а также другие лингвистические подходы к изучению эмотивной коммуникации. Начиная с первого издания книги Ч. Дарвина и П. Экмана «О выражении эмоций у человека и животных» [Дарвин, Экман, 2014] эмоции в коммуникативных практиках экспериментально изучались в самых разных аспектах (применительно к новорожденным, детям разных возрастов, отдельным социальным группам, в сочетании с жестами и т. п.). Однако эмоции в языковом выражении стали изучаться позднее. Классическая работа, ставящая вербализацию эмоций в центр внимания, – книга Шарля Балли о французской стилистике [Балли, 2001]; ряд серьезных работ был создан в рамках пражской лингвистической школы (см. обстоятельный обзор источников по проблеме: [Volek, 1987]). В зарубежной лингвистике и психолингвистике мы можем указать работы, где теоретизируется связь между языковым и экстравербальным выражением эмоций, рассматриваются особенности вербализации эмоций и отношения пишущего к сообщению (см., например: [Pecher, Zwaan, 2005], [Louwerse, 2011], [Bruin, Strijbos, Slors, 2014], [Tillman, Louwerse, 2018] и др.).

Отечественная лингвистика также вносит вклад в изучение эмотивной лексики и эмоциональной стороны коммуникации (см., например, [Шаховский, 2008]). Конкретно эмотивный синтаксис также в зоне внимания лингвистов. Например, О. А. Турбина предлагает рассматривать три основных варианта эмотивного синтаксиса (транспозицию, парцелляцию, обособление) и средства воплощения этих категорий (дислокация, инверсия, интеркаляция, реприза, редукция, компрессия, реконструкция [см.: Турбина, 2013]). Не задаваясь целью представить полный обзор исследований по теме, отметим, что основным предметом внимания лингвистов являлась работа с речью и языком в условиях «доинтернет-коммуникации» (и эмотивный синтаксис рассматривается именно применительно к устной речи). Между тем технологии коммуникации оказывают решительное воздействие на сами процессы информационно-эмоционального обмена.

Это поле исследований для наших наблюдений также чрезвычайно важно. Собственно письменность претерпевает значительные изменения в связи со сменой технологий ее существования. Этот тезис представлен в развернутой теории коммуникаций М. Маклюэна [2007], У. Онга [Ong, 1982] и лег в основу технологической концепции коммуникации Ф. Киттлера [Kittler,1999]. Важно, что изучение письменности в философском аспекте позволяет понять логику развития современных коммуникаций. Ж. Деррида в своем трактате «О грамматологии»

[Derrida, 2000], опираясь на эссе Руссо «О происхождении языков», предлагает концепцию письма как первичного кода коммуникации (взамен прежних представлений об эволюции языка от устных форм к письменным). Эта мысль конкретизирована Г. Ульмером [Ulmer, 1985; 2003], а также представлена Стиглером как концепт «грамматизации» (все в мире есть процессы и потоки, однако любое понимание этих процессов и потоков возможно только при членении их на «граммы», дискретные части; понимание самого принципа сочетания этих отдельных частиц и позволяет строить новые технологии, какими бы они ни были [Стиглер, 1998, 2009]). Во многом пересекаясь с концепцией Н. Хомского, эти идеи расширяют и дополняют его «органический» подход (речь идет не о «врожденной языковой способности», а о тотальном принципе грамматизации, включающем и человека, и технические объекты, и живую и неживую материю). Тогда, возвращаясь к задачам статьи, следует отметить возможность рассмотрения коммуникационных потоков в категориях синтаксиса, понимаемого как связь между «граммами», которыми могут выступать любые единицы информационного обмена. Кажущаяся очевидной, эта теория имеет серьезный прикладной потенциал (как, например, в работе Джастина Ходжсона, предлагающего варианты обучающих курсов «письма фильмами», где съемка видео предстает в категориях правил орфографии и синтаксиса [Hodgson, 2010]).

Кроме того, значение имеет сама эпоха коммуникации. Мы можем обратиться к концепту «эра досуга» (Г. Молитор [см.: Molitor, 2000; 2008]), помогающему осознать степень высвобождения времени для коммуникации в современной повседневной жизни. В связи с этим чрезвычайно активизируется и феномен фатической коммуникации (впервые описан и терминологически закреплен Б. Малиновским в 1923 г. [см.: Малиновский, 2005, с. 214]). Это способы поддержания связи на уровне эмпатии, проявления поддержки, сигнализирования о близости и готовности быть рядом, соучаствовать в действиях, прийти на помощь (все эти функции, по Малиновскому, есть создание «атмосферы взаимного расположения» [Там же] и не имеют отношения ни к мыслям, ни к состояниям). Остается отметить, что в условиях развития интернет-технологий меняется сам ландшафт коммуникации. Если в наблюдаемых Малиновским племенах коммуникация шла исключительно в ситуации присутствия, то в пространстве Интернета присутствие становится виртуальным (сохраняя важнейшие принципы интерперсонального взаимодействия). Очевидность этой позиции тоже нуждается в серьезном теоретизировании (попытка сделана У. Гумбрехтом в книге «Производство присутствия» [Gumbrecht, 2004/2006], конкретизирована им в недавней статье [Gumbrecht, 2017]), поскольку касается основных вызовов самому понятию «материальность».

Но для нас важно, что коммуникация, обеспечиваемая интернет-технологиями, обретает свою материальность в той самой «грамматизации», о которой говорит Б. Стинглер. Прежние попытки рассматривать эту коммуникацию как «устно-письменный гибрид» (см., например, [Лутовинова, 2008]) кажутся несколько нерелевантными, поскольку сейчас существует сам факт коммуникации с помощью не только речевых единиц, но и видео-, аудиофрагментов. При этом изображение может быть и фотографией, и рисунком, и фильмом, и гифкой, а звуковой фрагмент – речью, пением, музыкой, мычанием и вообще любым звуковым рядом. Поэтому «устно-письменные» сочетания здесь просто не могут описать коммуникативный обмен (они нацелены исключительно на алфавитно-фонетическое представление о языке и речи).

Именно поэтому, говоря об эмосинтаксисе, мы подчеркиваем значимость следующих компонентов: универсальной грамматизации коммуникационного потока в цифровой среде (слова, изображения, звуки по сути есть равноправные единицы мультимодальных или поликодовых единств; а развитие технологий облегчает пользователям применение самых разных элементов в построении своих сообщений); возможности фиксировать эмоции с помощью символов и сигналов, ранее невозможных в письменности в силу ее доинтернет-технического оснащения; особенностей развития письменной коммуникации во вненормативных (неинституциональных) условиях.

Пример наших наблюдений – один пост сайта Pikabu.ru, занимающего высокие позиции в русском интернет-сегменте «Развлечения». Являясь воплощением концепции «эра досуга», этот сайт объединяет миллионы пользователей. Так как сайт использует встроенные метрики, мы можем обратиться к тем постам пользователей, что оказались в центре внимания большого числа коммуникантов. Мы выбрали фолксономические показатели за одну неделю, установив тег «радость», и получили пост с поддержкой +495 голосов (рис. 1).

Это пример фатической коммуникации («сообщение ради сообщения»), представляющий собой совокупность трех типов «грамм»: текстовой фразы, построенной по правилам обычной речи («Радуйся жизни как Киану Ривз») с пропуском запятой; трех «тегов», выполняющих функции добавочного значения («Киану Ривз», «мотоц», «радость»); изображения, представляющего собой фотографию актера на мотоцикле. Эмосинтаксис, основанный на «нанизывании» элементов по принципу градации и многократном повторе сигнала «радость» (в заголовке, тегах, с помощью изображения радости), организован не с помощью специальных знаков пунктуации, но пространственно-фреймовым способом (специально отведенные места для заглавия, тегов, «тела» самого поста). При фасилитации «склейки» сообщения из разных элементов коммуникация на интернет-платформах начинает тяготеть к обмену

отвердевающими «грамматизированными» формами (например, на том же сайте Pikabu.ru действует сервис Pikapost.ru, позволяющий «собирать» лонгриды («длиннопосты»); сервис помогает понять условия формирования грамматизированного синтаксиса (рис. 2)).

Рис. 1. Пост «Радуйся жизни как Киану Ривз» пользователя Norator, 14.04.2018, 495 «плюсов» (лучший результат недели с тегом «радость»)

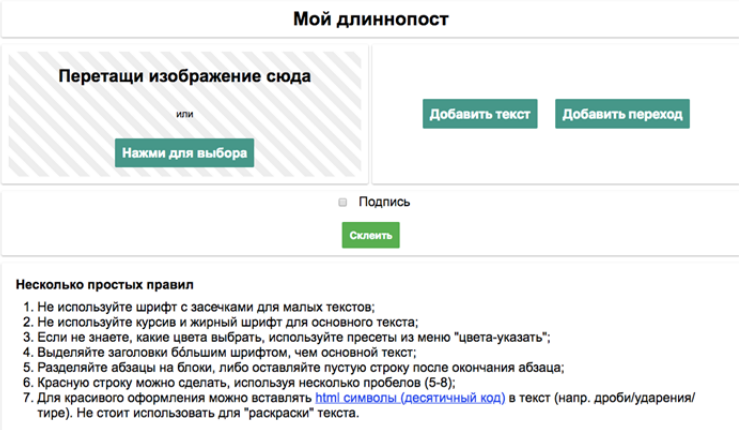

Рис. 2. Синтаксический конструктор [http://pikapost.ru/create.html]

Возможность «сборки» сообщения из разнородных элементов касается общих изменений самого понятия синтаксиса в письменности интернет-эпохи. Однако эмосинтаксис (как часть этих общих изменений) обладает рядом особенностей, самая яркая из которых восходит к «заре» интернет-общения, – эмотиконы (или «смайлики»). Интересна

двунаправленная история развития эмотиконов: с одной стороны, все более усложняющиеся изображения эмоций и состояний в виде иконок-сигналов (от простого кружочка с точками-глазками и улыбкой до настоящих портретов и фрагментов из фильмов), а с другой – возврат к «старым» знакам препинания для конструирования смайликов (упрощение). Эмоции «радость» и «грусть» (или, обобщая, «позитив» и «негатив») прочно вошли в интернациональную коммуникативную практику в виде «закрывающей» («позитив») и «открывающей» («негатив») скобок. Фактически перед нами сигнальная передача эмоций, сопровождающих сообщение, – одновременно и элемент фатики, и достижение главной задачи коммуникации – передачи отношения коммуниканта к сообщению.

Приведем примеры сигнального синтаксиса, «вписанного» в алфавитно-фонетическую коммуникацию (привычную письменную систему (рис. 3)).

Рис. 3. Пост «Во Франции у прогноза погоды плохие рейтинги» и лучшие комментарии к нему (17.04.2018)

Рассказ пользователя vestalochka представляет собой нарратив, призванный передать эмоцию удивления. Эмоция вводится простой вербализацией (констатацией) состояния в первом же предложении, поддерживается далее сигналом «o_O» (нарастающее удивление), а завершается «примиряющим» эмотиконом «улыбка». Обратим внимание на отсутствие точек (кроме первого предложения) в конце фраз, прописных букв в начале предложений (притом что города написаны с использованием прописных букв). Вместо этих синтаксических знаков-разделов «обычной письменности», очевидно, используется клавиша «Enter», начинающая новую строчку, а также в двух случаях из трех вместо сигнала конца предложения – эмотикон.

Отсутствие серьезных количественно-статистических исследований использования элементов эмосинтаксиса (как и эмописьменности в целом) в российской коммуникации затрудняет оценку места этого явления в современной коммуникации. Однако теоретический подход «грамматизации», представленный выше, позволяет рассматривать такие явления в большей мере не ситуативно (как, например, в исследованиях «изображение + текст», см. [Unsworth, 2006]), но системно – как возникновение все новых способов уточнения и одновременной классификации эмоций (отношения), сопровождающих коммуникативный обмен пользователей.

Перспектива исследования, по-видимому, заключается в своевременном фиксировании новых способов отклика на технологическое оснащение коммуникации в направлении отхода от алфавитно-фонетического способа фиксирования речи в сторону все более усложняющихся способов фиксирования эмоций с помощью знаков-сигналов, тяготеющих к бесконечному числу вариаций, понятных на уровне когнитивно-информационного обмена. Очевидно, что сама языковая материя истончается и перемещается на периферию национальных коммуникативных полей. И тогда тезис Г. Ульмера о переходе от собственно literacy (грамотности) к electracy («электронной грамотности» [см.: Ulmer, 2003]) становится все более актуальным.

Литература

Антропова В. В. Реализация эстетических концептов в дискурсе универсальной качественной прессы (на примере журнала «Русский репортер») // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 1 (18). С. 5–12.

Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стер. М. : Эдиториал УРСС, 2001. (1-е изд. на фр. яз. – 1909).

Гумбрехт Х.-У. Производство присутствия: чего не может передать значение / пер. с англ. С. Н. Зенкина. М. : Нов. лит. обозрение, 2006. (1-е изд. на англ. яз. – 2004).

Дарвин Ч., Экман П. О выражении эмоций у человека и животных. СПб. : Питер, 2014. (1-е изд. – 1872).

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. С. Автономовой. М. : Ad Marginem, 2000. (1-е изд. на фр. яз. – 1967).

Краснопеева Е. С. Теоретико-методологические основания исследования пользовательского перевода в новых медиа на примере платформы YouTube // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филол. науки. 2017. № 12 (408), вып. 110. С. 106–115.

Лутовинова О. В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 58–65.

Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Г. Николаева. М. : Гиперборея; Кучково поле, 2007. (1-е изд. на англ. яз. – 1964).

Малиновский Б. Проблема значения в примитивных языках // Epistemology & Philosophy of Science. 2005. Vol. 5, Is. 3. P. 199–233.

Панова Е. Ю. Воздействие эталонной языковой медиаличности на формирование коммуникативных компетенций обучающихся // Лингворитор. парадигма: теорет. и прикл. аспекты. 2017. № 22–2. С. 206–210.

Турбина О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2013. № 2. С. 4–9.

Федоров В. В. Проблемы и перспективы изучения нарративной коммуникации в электоральном медиадискурсе // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2017. № 11 (407). Филол. науки. Вып. 109. С. 61–66.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 2-е изд. испр. и доп. М. : URSS, 2008. (1-е изд. – 1987).

de Bruin L., Strijbos D., Slors M. Situating emotions: from embodied cognition to mindreading // Topoi. 2014. N 33, Is. 1. P. 173–184.

Gumbrecht H. U. Presence in language or presence achieved against language? // Revista Brasileira de Literatura Comparada. 2017. Vol. 8, N 8. C. 129–138.

Hodgson J. Reculturalizations: "Small screen" culture, pedagogy, & YouTube [Electronic resource] // Enculturation. 2010. N 8. URL: http://enculturation.net/reculturalizations (дата обращения: 18.04.2018).

Kittler F. A. Gramophone, film, typewriter. Stanford : Stanford University Press, 1999. (1-е изд. на нем. яз. – 1986).

Louwerse M. M. Embodied relations are encoded in language // Psychonomic Bulletin & Review. 2008. N 15. P. 838–844.

Louwerse M. M. Symbol interdependency in symbolic and embodied cognition // Topics in Cognitive Science (TopiCS). 2011. N 3. P. 273–302.

Molitor G. T. T. Here comes 2015: The onset of the leisure era // Vital speeches of the day. 2000. Vol. LXVI, N 20. P. 620–627.

Molitor G. T. T. Oncoming «leisure era»: how we are getting there (part I) // Journal of Futures Studies. 2008. N 12 (3). P. 109–120.

Ong W. J. Orality and Literacy: The Technologizing of the Word. N. Y. : Methuen & Co., LTD, 1982.

The grounding of cognition: The role of perception and action in memory, language, and thinking / D. Pecher, R. A. Zwaan (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2005.

Stiegler B. Technics and time. Part 1. The fault of Epimetheus. Stanford, CT : Stanford University Press, 1998.

Stiegler B. Technics and time. Part 2. Disorientation. Stanford, CT : Stanford University Press, 2009.

Tillman R., Louwerse M. Estimating emotions through language statistics and embodied cognition // Journal of Psycholinguistic Research. 2018. N 47, Is. 1. P. 159–167.

Ulmer G. L. Applied grammatology: Post(e)-pedagogy from Jacques Derrida to Joseph Beuys. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1985.

Ulmer G. L. Internet Invention: From Literacy to Electracy. N. Y. : Longman, 2003.

Unsworth L. Towards a metalanguage for multiliteracies education: Describing the meaningmaking resources of language-image interaction // English Teaching: Practice and Critique. May 2006. Vol. 5, N 1. P. 55–76.

Volek B. Emotive signs in language and semantic functioning of derived nouns in Russian. Vol. 24. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1987.

УДК 81-22

Т. А. Лац

Корреспондентная теория истины в семантике английского имени *TRUTH*

Аннотация. Предпринимается попытка рассмотреть лингвистический феномен TRUTH в английском языке с точки зрения корреспондентной теории истины. Доказывается, что однокоренные лексемы truth и true не являются семантическими дериватами, поскольку актуализируют различные концепты и выполняют в высказывании разные коммуникативные функции.

Ключевые слова: концепт, корреспондентная теория истины, истинностная оценка, категория положительной истинностной оценки, утверждение.

T. A. Lats

The Correspondence Theory of Truth in the Semantics of the English Word Truth

Abstract. This article is an attempt to consider the linguistic phenomenon of TRUTH from the point of correspondence theory of truth. It is proved in it that the one-root words truth and true are not semantic derivatives as they actualize separate concepts and carry out different communicative functions in an utterance.

Keywords: concept, the correspondence theory of truth, truth value, the category of positive truth value, statement.

По общепринятой традиции в лексикографической практике принято интерпретировать понятия, выражаемые в графической форме слова, преимущественно через какое-то одно или несколько лексических значений. Наиболее распространённые словарные толкования лексической единицы truth, такие как *correspondence to fact or reality, true quality, the state or quality of being true*, т. е. «соответствие реальности, факту, того, что истинно», раскрывают логико-предметную трактовку имени truth с точки зрения корреспондентной теории истины. Помимо вышеуказанных вариантов значений, в словарных статьях упоминаются также такие варианты, как *fidelity to a standard or law, accuracy, fact* – «соответствие стандарту или закону, точность, факт». Данную группу словарных значений имени truth, репрезентирующих корреспондентную теорию истины, объединяет один общий для них компонент значения – TRUE QUALITY, на основе которого в языке сформирована семантическая категория лексических единиц истинностной оценки.

Вслед за Л. М. Владимирской мы определяем категорию True Quality по аналогии с категорией «утверждение / отрицание» как диалектическое единство двух равных противочленов [Владимирская, 1999, с. 11]. В наиболее обобщённом виде категория True Quality представляет собой бинарную оппозицию двух основных истинностных значений: *true/false*, каждое из которых может быть эксплицитно или имплицитно присвоено говорящим своему или чужому высказыванию. Учитывая то, что основные категориальные значения *true / false* – это взаимообусловленные явления одного психологического уровня, а также одинаковой логики порождения, мы тем не менее не рассматриваем единицы с категориальным значением *false*, так как это входит в задачи отдельного лингвистического исследования.

Лексические средства выражения истинностной оценки формируют модус высказывания, то есть его прагматический аспект. По отношению к истинностной оценке, имплицитно выраженной грамматическими средствами в пропозитивной части высказывания, лексические единицы, выражающие категориальный смысл True Quality, являются, по выражению Н. Д. Арутюновой, средствами «вторичной истинностной оценки»: «Предикаты истинно и ложно имеют в качестве своего

субъекта пропозицию, в которой уже присутствует значение истинности. Они выражают, таким образом, вторичную оценку, которая не всегда совпадает с первичной» [Арутюнова, 1993, с. 67]. Речевой акт говорения истины-правды, таким образом, состоит из двух составляющих: акта произнесения истинных пропозиций и имплицитно или эксплицитно выраженного акта вынесения истинностной оценки.

Следует различать произнесение истины-правды, которое представляет собой неверифицируемую пропозицию – мнение, рассуждение или верифицируемую пропозицию – факт, от акта вынесения истинностной оценки. Очевидно, что говорение истины-правды (Truth Telling) представляет собой не столько оценку, сколько речевое действие, которое может быть подвергнуто оценке (истинностной, нравственной или одновременно истинностной и нравственной). Отсюда следует, что эксплицитное вынесение истинностной оценки факультативно.

В контексте Truth Telling не всегда можно встретить слово truth или другие слова, репрезентирующие собой этот концепт. С другой стороны, высказывания, в которых встречаются лексемы *truth/true*, не всегда являются признаками речеповеденческой ситуации Truth Telling. Акт говорения истины-правды, следовательно, отличается от акта вынесения истинностной оценки, так как это соответствует разным коммуникативным задачам. Эксплицитное выражение истинностной оценки тем не менее может сигнализировать морально-этический контекст речевого акта Truth Telling:

1) He said he stayed away because he was ill, but the truth of the matter is that he didn't want to see you [EL&C, p. 1420];

2) I don't doubt the truth of what you say [Ibid].

Категория True Quality отличается большим разнообразием лексических и синтаксических эксплицитных средств выражения. Эксплицитные средства выражения категориального значения true образуют функционально-семантическую категорию, имеющую полевую структуру, в которой могут быть выделены стабильное ядро и периферия. О. О. Новосельцева выделяет две основные группы лексических средств положительной истинностной оценки. В ядерную часть категории входят единицы, в которых значение истинностной оценки является ведущим, лежащим в основе номинации: *true, truth, correct, exact, exactly, right* [Новосельцева 1997]); *be true, be the truth, it is the case, it / that so, go for, it's a fact, tell the truth, stick to the facts, really, truly, honestly, be the gospel truth, home truths, undeniable, indisputable, truthful, accurate, valid* и др. [LA, 1996, p. 1449–450].

Периферийную часть данной категории образуют единицы, в которых значение true выступает как неосновной, латентный компонент значения слова, включающий пресуппозицию об истинности высказывания. Это группа фактивных глаголов: *know, make clear, acknowledge,*

admit, confess, concede, agree, mention, disclose, divulge, reveal, regret, remember, remind, criticize [Новосельцева]; *realize, occur to, become aware that, strike* и др. [LA, 1996, p. 1081]. К периферийным членам единиц положительной истинностной оценки относится также группа лексических средств, которые не выражают непосредственно значение true, а лишь усиливают его. Это прежде всего наречия группы *certainly*, модальные глаголы, аллокутивные средства выражения истинностной оценки [Новосельцева, 1997].

Слова истина и правда как в русском, так и в английском языках могут употребляться в логически разнонаправленных коммуникативно-прагматических контекстах. Например, в репликах сомнения, подтверждения, опровержения и оправдания, признания, согласия и апелляции к согласию, компромисса, удивления и некоторых других говорящие легко и естественно оперируют словом правда, постепенно отдаляя его от значения истинности [Арутюнова, 1992, с. 17].

Основной пресуппозицией выражения *to tell the truth* является значение «совершать нравственный поступок» (*to do a right thing*) в противоположность речевому акту говорения лжи *to tell the lie* (*to do wrong*). Поэтому, высказывания такого типа перформативны, призывают адресата к вере и активному действию. Например:

1) “I tell you the truth, you haven’t a horn lip for it: at least, not yet” [ES, 1998, p. 119];

2) “Yet because I tell you the truth, you do not believe me! Can any of you prove me guilty of sin? If I am telling the truth, why don’t you believe me?”;

3) He made more money on that one deal than your farther makes in five years. It’s true! You ask him [Beauman, 1990, p. 53];

4) It is true what I say, there is a beyond, in you, in me, which is further than love, beyond the scope, as stars are beyond the scope of vision, some of them’.

Как показывает фактический материал, лексические единицы истинностной оценки, помимо своих основных значений, представленных в словарных дефинициях, способны приобретать в тексте различные дополнительные смыслы, обусловленные разнообразными прагматическими факторами, в основе которых лежит интенциональность говорящего, его стремление оказать эмоциональное воздействие на адресата, такие как: «вера», «одобрение», «поощрение», «согласие», «подтверждение», «убеждение» и др. Сравните:

1) “He is right, sir, without correction,” returned Mr. Mell, in the midst of a dead silence; “what he had said is true” [Dickenson, 1992, p. 95];

2) “It’s true! I’d rather have my lungs rotted than my mind – and that’s what happens when someone loves. Their mind goes. Their thinking goes. Their self goes. I’ve seen it often enough” [Beauman, 1990, p. 544];

3) “I really am quite ashamed of my idleness; but in this horrid place one can find time for nothing” [Austen, 1993, p. 232];

4) ... Mrs. Hughes talked to me a great deal about the family.

“And what did she tell you of them?”

“Oh! a vast deal indeed; she hardly talked of anything else” [Austen, 1993, p. 66].

В контексте опровержения лексические единицы положительной истинностной оценки маркируют значения, противоположные вышеуказанным: неодобрение, несогласие, сомнение, опровержение, протест, удивление:

1) “You’ve drawn a very black picture of life in Paris on a moderate income. You know, it isn’t really like that. One can dress very nicely without going to Chanel. And all the interesting people don’t live in the neighbourhood of the Arc de Triomphe and the Avenue Foch. In fact few interesting people do, because interesting people generally don’t have a lot of money [Maugham, 2000, p. 74];

2) “I always feel doomed when the train is running into London. I feel such a despair, so hopeless, as if it were the end of the world”.

“Really!” said Gerald. “And does the end of the world frighten you?’;

3) “Really!” Minnie protested, laughing [ES, 1998, p. 69].

В конструкциях с противительным союзом but единицы положительной истинностной оценки приобретают значение «частичной истинности» сообщаемого:

1) “Are you sure she’s dull?” I said. “It's true she doesn’t say very much, but when she says anything it’s very much to the point” [ES, 1998; Maugham, 2000, p. 230];

2) “That singer’s beautiful.” “True, but she can’t sing” [EL&C, p. 141];

3) “It was true that she had been connected with pictures and that these were now in the doldrums, but it was not believed that she was in need of money. Her family, so it was said, was well-to-do, and had been notified [AS, 1998, p. 38–39].

Лексические единицы truly, really, actually, honestly, sincerely, in fact, in reality, indeed и другие во многих случаях маркируют значение «подлинность» в противовес мнимой или сознательно искажённой реальности [Токарева, 1998]. Например:

1) “Few ask that in these days. So you really find it difficult, Mrs. Rymer?” [ES, 1998, p. 266];

2) In fact I think he found her funny, but no one would have known, because his manners were perfect [Beauman, 1990, p. 50];

3) Really, said Ursula, ‘landladies are better than wives, nowadays. They certainly care a great deal more. It is much more beautiful and complete here now, if you were married’.

Практика функционирования данных лексических единиц в языке свидетельствует о многочисленных случаях их тривиального употребления в коммуникативных целях:

1) “All right. We won’t talk about it any more if it makes you cry” [ES, 1998, p. 6];

2) In fact, she dismissed the matter from her mind without a second thought... [Stove, 1960, p. 44];

3) I think, in truth, he was unsure, but he could see how eager I was... [Beauman, 1990, p. 76];

4) To tell the truth, I’ll be glad when the kids are back at school [LA, 1996, p. 144];

5) I’m not really in the mood for going out. To tell you the truth, I’d rather sit down in front of the TV [Там же].

Таким образом, приведённый выше анализ примеров показывает, что эксплицитное введение лексических единиц со значением truth/true не всегда сигнализирует о том, что в высказывании актуализируется концепт TRUTH.

Семантический аспект утверждения, выражаемый главным образом грамматическими языковыми средствами, охватывает область функционирования истинностных значений в преломлении к объективной реальной действительности. Истинностное значение приписывается прежде всего пропозитивной части утверждения – диктуму. Оно имплицитно заложено в семантику любого высказывания, представляющего собой суждение о действительности. В соответствии с одной из максим Грайса, суть которой заключается в том, чтобы говорящий был искренен, то есть говорил то, что он думает и знает [Грайс, 1985, с. 222], глубинная структура утвердительного высказывания принимает вид: It’s true that p... Высказывания, выражающие смысл типа *I am telling lies, *I am telling what is wrong, в лингвистике приобрели статус «иллокутивных самоубийц», так как аномальны с точки зрения коммуникации [Вендлер, 1985, с. 249]. Основным актуализатором концепта TRUE QUALITY является, таким образом, утвердительное высказывание. Семантика утверждения, однако, представляет собой далеко не однозначное явление.

В последние годы в лингвистике, помимо традиционно выделяемых функций утвердительного высказывания «отражение соответствующего положения дел как истинного» [Балли, 1955], «наличие или отсутствие объектов и признаков или связей между ними» [Гак, 1973], арсенал основных значений утвердительного высказывания пополнился такими, как: «существование», «присутствие/отсутствие», «наличие», «соответствие», «тождественность», «сходство» и др. [Шатуновский, 1985]. Кроме того, высказывания, в которых имплицитно присутствует истинностное значение, отличаются большим разнообразием и по сво-

им коммуникативным целям. По данному параметру утвердительные высказывания традиционно подразделяются на утверждения, суждения, сообщения, констатации и верификации фактов и др. Далеко не всегда, как это показано выше, в коммуникативном фокусе высказывания оказывается истинностное значение, что всегда имеет место при актуализации концепта TRUTH.

В данном исследовании в целях разграничения высказываний, в которых актуализируется концепт TRUE QUALITY, от высказываний с концептом TRUTH мы использовали методику, предложенную Т. Дж. Куней (Timothy J. Cooney). Рассуждая о различии между TRUTH и OPINION и об опасности их неразличения, он говорит о необходимости подвергать соответствующие пропозиции лингвистическому тесту: «Предположим, что в мои намерения не входит ввести вас в заблуждение, тогда, если я уверен, что то, что я говорю, верно, я должен употребить декларативную форму. Но если я не уверен, я должен выразить мою неуверенность, что чаще всего делают посредством включения слов “я думаю...” или “по моему мнению...”» [Куней, 1991, p. 35].

Протестируем подобным образом пропозиции, способные актуализировать концепт TRUTH. Если утвердительное высказывание содержит смысл TRUE QUALITY, но не актуализирует смысл TRUTH, эксплицитное введение предиката truth окажется неуместным. Сравните:

1) * “It’ s wrong to play with matches!” – “It’s truth”, но: “It’ s wrong to play with matches!” – “It’s true”; 2) *“The world is round! – “It’s truth”, но “The world is round” – “True”; 3) “Roger is the wrong person for the job!” – “It’s the truth!” / “True”.

Актуализация концепта TRUTH, таким образом, по сравнению с концептом TRUE QUALITY оказывается более узким, лингвоспецифичным и культурно обусловленным явлением языка.

Литература

Арутюнова Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 67–78.

Арутюнова Н. Д. Речеповеденческие акты и истинность // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина. М., 1992. С. 6–39.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во Иностр. лит., 1995. 416 с.

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. М., 1985. Вып. 16. С. 238–250.

Владимирская Л. М. Статус категории утверждения / отрицания в современном английском языке : автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 1999. 29 с.

Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973. С. 349–372.

Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 217–237.

Куней Т. Дж. (Cooney Timothy J.). The difference between truth and opinion: how the misuse of language can lead to disaster. Buffalo, N. Y. : Prometheus Books, 1991. 127 p.

Новосельцева О. О. Высказывания, выражающие оценку истинности чужого сообщения : дис. … канд. филол. наук. СПб., 1996. 150 с.

Токарева О. С. О двух типах реальности в конструкциях с английскими глаголами обмана // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию ИГЛУ (15–17 сент. 1998 г.). Иркутск, 1998. С. 178–180.

Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, грамматика). М. : Яз. рус. культуры, 1996. 400 с.

AS – American Story. Американский рассказ XX в. : сборник. М. : Менеджер, 1999. 299 с.

Austen J. Nothanger Abbey. Wordesworth Classics, 1993. 274 p.

Beauman S. Dark Angel. Bantam Books, 1990. 910 p.

Dickens Ch. David Copperfield. Wordsworth classics, 1992. 837 p.

EL & C – Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, 1993. 1632 p.

ES – English Story. Английский рассказ XX в. : сборник. М. : Менеджер, 1998. 320 с.

LA – Longman Language Activator. Longman Grou Lawrence – Lawrence D. H. Women in Love. Penguin Books, 1996. 542 p.

Maugham W. S. Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard. M. : Менеджер, 2000. 256 p.

Stowe H. Beecher. Uncle Tom's Cabin. Moscow : Foreign Languages Publishing House, 1960. 652 p.

УДК 811.134.2

М. О. Куртаева
Л. Н. Сорокопуд

Религиозная составляющая испанских пословиц

Аннотация. Интерес к теме исследования обусловлен проблемами, связанными с толкованием паремий, которые являются отражением картины мира испанского народа и отличаются своеобразным языковым оформлением. В статье рассматриваются пословицы, происхождение которых связано с католической религией, оказавшей огромное влияние на формирование духовности испанского народа. В пословицах отражены заповеди Божьи, осуждаются пороки. Паремии, представленные в статье, помогают лучше понять моральные и нравственные идеалы испанцев.

Ключевые слова: фольклор, духовное наследие, паремии, испанские пословицы, религиозная составляющая, духовные ценности, пороки, Бог.

M. O. Kurtaeva, L. N. Sorokopud

Religious Component of the Spanish Proverbs

Abstract. Proverbs are considered a cultural heritage, and Spanish proverbs reflect view of the world of Spanish people. This article aims at analysing the peculiar features of Spanish proverbs with religious component. Their origin is related to the Catholic religion that had a greater impact on the formation of the spiritual life of Spanish people. Proverbs reflect God's commandments and condemn vices. The semantic analysis provides reveal main images used in these proverbs. Proverbs dealt with in this article help understand better moral and ethical values of Spanish people.

Keywords: folklore, spiritual heritage, paremy, Spanish proverbs, religious component, spiritual values, vices, God.

Испанская культура сохранила огромное духовное наследие, накопленное в течение многих веков и нашедшее свое выражение в разнообразных формах устного народного творчества. К так называемым малым фольклорным формам относятся устойчивые фразеологические единицы, небольшие по объему произведения: пословицы, поговорки.

В лингвистической литературе пословица определяется как ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, краткое изречение, поучение, чаще всего в виде притчи, иносказания [ЛЭС, 1990, с. 389]. Пословица не сочиняется, а рождается сама, «это ходячий ум народа» [Даль, 1990]. В отличие от пословицы, поговорка не имеет назидательного смысла, не является законченным высказыванием, это образное выражение, метафора, служащая для украшения речи.

Ценность пословицы заключается в том, что в ней быстро и доходчиво утверждается истина, поэтому говорящему не требуется много слов, чтобы выразить свое отношение к событию. В пословице оптимально сочетаются форма и содержание. Пословицу можно найти практически для любой ситуации, это высказывания, проверенные временем [Мокиенко, 2010, с. 6]. У каждого народа формируется своя собственная языковая картина мира, отражающая специфику восприятия действительности, в связи с этим не всегда удается подобрать полный фразеологический эквивалент пословицы в другом языке [Тойметова, 2016]. Однако во многих языках можно найти синонимичные пословицы к некоторым жизненным ситуациям, что связано с тем, что народы имеют схожие моральные и нравственные идеалы [Воркачев, 1995; Мокиенко, 2010, с. 168].

Член Королевской академии испанского языка Гонсало Торренте Баллестер (Gonzalo Torrente Ballester) в предисловии к изданию Diccionario de refranes Луиса Хунседы [Junceda, 2006] указывал, что жизненный опыт не бывает одинаковым и в связи с тем, что каждый человек проходит свой собственный путь развития, отношение к одному и тому же событию или явлению у разных людей и народов могут быть совершенно противоположными. Являясь отражением народной мудрости определенного этноса, пословицы могут выражать как положительное, так и отрицательное отношение к одному и тому же событию или явлению.

В нашей статье мы рассмотрим пословицы, происхождение которых связано с духовным воспитанием испанского народа, формировавшимся под влиянием католической церкви. Религиозное воспитание содействовало проявлению и раскрытию лучших качеств души, заставляло жить по законам Божьим, соответствовать мировоззрению, в котором основное место занимало нравственное начало, самопожертвование, беззаветное служение Богу.

Хулиана Панисо Родригес утверждает, что в испанской культуре отношения человека с Богом играли огромную роль, поэтому в испанском языке так много паремий, в которых упоминаются Бог, имена святых, служители церкви, предметы культа и т. д. По ее мнению, эти пословицы и поговорки имеют не только внешнюю оболочку, но и душу,

которая их одухотворяет [Panizo, Rodríguez, 1989]. Подобные паремии можно рассматривать как краткие и меткие наставительные изречения, рожденные устным народным творчеством. Они имеют как прямое, так и переносное значение, адаптируясь к исторической эпохе, в которой используются в речи.

Всемогущество Бога породило изречение *Cuando Dios no quiere, los santos no pueden* (если Бог не хочет, святые не могут), которое означает, если не нашел благосклонность и расположение к себе или к своей проблеме у сильных мира сего, бесполезно обращаться за помощью к другим.

Бог является свидетелем всего, что происходит с человеком: *Dios no come ni bebe mas juzga lo que ve* (Бог не ест, не пьет, а оценивает то, что видит). Пословица предупреждает, чтобы человек не совершал поступки, за которые будет раскаиваться или сожалеть, и что за совершенные деяния нужно будет нести ответственность.

О том, что Бог может утешить и помочь, говорят паремии *Dios, que da la llaga, da la medicina* (Бог, который дает болезнь, дает и лекарство) и *A quien no tiene padre ni madre, Dios vale* (у кого нет ни отца, ни матери, Бог поможет).

Однако доброта и помощь Бога не может быть вечной: *Dios consiente, pero no para siempre* (Бог терпелив, но не навсегда). Бог помогает тому человеку, который сам прикладывает максимум усилий для достижения цели: *A quien se ayuda, Dios le ayuda.*

Испанские пословицы учат тому, чтобы человек не только рассчитывал на Бога, но и сам работал: *A Dios rogando y con el mazo dando* (Богу молись, да мотыгой работай). В русском языке существует эквивалент этой паремии: «На бога надейся, да сам не плошай». Таким образом, пословицы воспитывали ответственность, осознанное отношение к порученному делу, к работе.

Бог справедлив, указывает паремия *Dios castiga y no da voces* (Бог наказывает и не кричит), но, наказывая, Бог не дает столько испытаний человеку, которые ему не по силам: *A cada cual da Dios frío como anda vestido.* О том, что наказание Божье пропорционально вине, говорится в пословицах: *Dios aprieta, pero no ahoga* (Бог обходится сурово (сжимает), но не топит).

Плохому человеку желают, чтобы его снова создал Бог: *Dios te haga bueno, que será como hacerte nuevo*.

Одним из человеческих пороков является лень, которая всегда порицалась церковью. Утро считалось тем временем, когда Бог наделял человека своей благодатью, раннее вставание способствовало ниспосланию благополучия, достатка, здоровья, энергии, активности, сам Иисус Христос вставал рано, манну небесную собирали до восхода солнца, животные и птицы начинают свой день на рассвете. Так воз-

никла пословица *A quien madruga, Dios le ayuda*, аналогом которой в русском языке является «Кто рано встает, тому Бог подает».

Духовное воспитание отрицало такие качества характера, как гордыня, тщеславие, зазнайство, что также нашло свое отражение в пословицах, например: *Cuando un villano está en el mulo, ni conoce a Dios, ni al mundo* (когда простолюдин едет на муле, он никого не видит и не знает, и с Богом не знаком). Эта паремия используется в ситуациях, когда человек преувеличивает свои возможности, пренебрежительно относится к другим или, получив вдруг какое-то благо, забывает о своем происхождении, начинает проявлять высокомерие и надменность.

Испанский народ запечатлевал в мудрых изречениях свои наблюдения за жизнью животных (например, такой факт, что у коровы, которая любит бодаться, нет рогов), соотносил их с поведением человека и высмеивал непомерную гордость, желание злоупотребить своим положением, причинить вред другому. Об этом говорит пословица *A la vaca brava Dios la quita los cuernos*, имеющая аналог в русском языке «Бодливой корове Бог рог не дает».

В католицизме видное место занимает почитание святых, праведных и добродетельных личностей, нередко прошедших через муки, пострадавших во время гонений на христиан [Черняк, 2005, с. 233]. «При этом католическая церковь учит, что святым может воздаваться почитание, но никоим образом не поклонение, подобающее одному только Богу» [Религии народов современной ... , 2002, с. 191].

Культ святых в католической церкви выражается в днях памяти, в праздниках святых, особо чтимых церковью, в почитании их останков, изображений и т. д. Степень почитания святых у католиков разных стран неодинакова, каждый народ отдает предпочтение определенным святым, которые становятся покровителями стран, ремесел и городов, помощниками в делах каждого католика.

Некоторые испанские пословицы связаны с днями памяти святых, например: *A cada puerco le llega su San Martín,* дословный перевод которой: «Каждому кабану свой святой Мартин» (т. е. каждый кабан будет зарезан). День святого Мартина Турского отмечают в Испании 11 ноября после окончания сельскохозяйственных работ и сбора урожая, в это время в Испании перед Рождественским постом происходил забой скота. Суть пословицы заключается в том, что каждый получит в свое время по заслугам и поступкам, которые совершил. В испанском языке слово *puerco* имеет прямое значение *свинья (самец), кабан* и переносное значение *скотина, грубиян, прохвост, подлец*.

Пословица имплицитно напоминает о главных грехах: гордыне, алчности, зависти, гневе, похоти, чревоугодии, лени, которые не позволяют человеку попасть в рай. Святой Мартин известен не только как

чудотворец, заступник бедняков, но и как судья, карающий за несправедливые деяния [Католическая энциклопедия, 2007, с. 217].

О лицемерии говорится в пословице *Cara de beato y uñas de gato* (лицо святого, а когти кота), в церковной лексике слово *beato* применяется к человеку, причисленному к лику святых.

Многие паремии, в которых упоминаются дни памяти святых, народная память связала с явлениями погоды, метеорологическими условиями, народными приметами, передаваемыми из поколения в поколение. Одна из них *Por San Blas las cigüeñas verás y si no las vieres, año de nieves* (на святого Власия увидишь аистов, и не увидишь их, если год холодный). День святого Власа (Власия) в Испании отмечают 3 февраля, именно в начале февраля прилетают аисты, за исключением холодных зим. Таким образом, прилет аистов говорит о приходе тепла. У католиков святой Власий Севастийский относится к четырнадцати святым помощникам, известен тем, что исцелял людей и животных, считается, что он помогает от болезней горла.

Практический опыт крестьянской жизни отразился в пословице *El pollo de enero a San Juan es comedero,* которая говорит о том, что цыплята, рожденные в январе, будут готовы к забою в июне. В пословице речь идет о церковном празднике рождестве (рождение) Сан-Хуана-Баутисты (по русским святцам Иоанна Крестителя), который отмечается в Испании 24 июня. Практически все страны Европы отмечают этот день.

Многие пословицы соотносятся с событиями, произошедшими в жизни святых. О том, что люди непредусмотрительны, говорит пословица *Nadie se acuerda de santa Bárbara hasta que truena,* буквальный перевод которой: «пока гром не гремит, никто не вспоминает святую Варвару». Использование имени Варвары связано с трагическими событиями в жизни великомученицы. Варвара жила в городе Илиополе Финикийском в III в. Узнав о тайном крещении Варвары, её отец, который был язычником, очень рассердился и повел дочь на суд к правителю города Мартиану. Варвара подверглась жесточайшим истязаниям, но не отреклась от христианства, тогда по приказанию Мартиана отец обезглавил дочь острым мечом. Варвара вознеслась в рай, а ее мучители, Диоскур и Мартиан, были поражены молнией. Христианский мир отмечает День святой Варвары 4 декабря. Варвара является одной из почитаемых святых Римско-католической церкви, входит в число четырнадцати святых помощников в делах земных.

В испанской культуре эта пословица используется в ситуациях, когда человек, получив какое-то благо, забывает того, кто совершил это благодеяние. Другая трактовка пословицы напоминает о недальновидности людей, которые, полагаясь на случай, не делают ничего заранее, чтобы избежать неприятностей, и предпринимают какие-либо действия только в экстремальной ситуации. Вторая трактовка имеет аналог в

русском языке: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится», которая также говорит о беспечности людей, однако в русской культуре содержание пословицы связано не с житием святой Варвары, а с именем с бога-громовержца славянской мифологии Перуна, главного бога языческого пантеона.

Пословица *Después de ojo sacado no vale Santa Lucía* (в прямом переводе: «если потерял глаз, то святая Люсия не поможет») также основывается на трагических событиях в жизни девушки, принявшей мученическую смерть. Существует несколько легенд о жизни Люсии, по одной из версий девушке вырвали глаза, и она была обезглавлена, так как не отреклась от христианства. В Испании святая Люсия почитается как покровительница слепых, а пословица используется в ситуациях, когда бесполезно сожалеть о содеянном, так как после того, что уже совершилось, ничего нельзя изменить [Antequera]. В русской культуре есть несколько пословиц с идентичным иносказательным смыслом: «Потерявши голову, о волосах не плачут» [Большой толково-фразеологический …], «После драки кулаками не машут», «Кожу сняли, так не по шерсти тужить» и т. д., однако их происхождение не соотносится с миром религии.

Пословица *Aqui morirá Sansón y cuales (cuantos) con él son*, дословный перевод которой «здесь умрет Самсон и сколько с ним» (имеются в виду филистимляне), используется в ситуациях, когда человек имеет настолько сильное желание выполнить какую-либо задачу, что готов на любые жертвы для ее осуществления, т. е. жить или умереть, поставить на кон, положить на чашу весов свою жизнь. В данном случае ситуация, в которой человек осознанно подвергает свою жизнь опасности, в испанской картине мира рассматривается через призму жизнеописания библейского героя Самсона, прославившегося своей борьбой с филистимлянами, которые правили израильтянами. Пословица напоминает о последних днях Самсона, который был схвачен филистимлянами, ослеплен и брошен в темницу, после того как утратил свою неимоверную силу. Когда его мучители устроили праздник в храме и привели туда Самсона, сила стала к нему возвращаться. Самсон воззвал к Богу, чтобы тот укрепил его душу и тело, уперся в колонны храма и обрушил его на всех присутствующих, таким образом умертвил своей смертью больше филистимлян, чем при своей жизни.

Пословица *A quien Dios se la dé, San Pedro se la bendiga* (используется также вариант *A quien Dios se la diere, San Antón se la bendiga* [Etxabe, 2012]) в прямом переводе означает «кому Бог дает, того святой Петр благословляет», подходит для ситуаций, когда нужно показать смирение перед сложившимися обстоятельствами, какими бы они ни были, а также уважение к божественной воле. Святой Петр за особую преданность христианской вере и за заслуги в утверждении и распро-

странении Церкви Христовой занял влиятельное место среди Христовых апостолов. В католической церкви он считается первым Папой Римским. Проповеди Святого Петра были настолько сильны, что обращали в веру толпы людей, он исцелял больных и воскрешал мертвых. Святого Петра подвергли пыткам в Риме, и по приказанию Нерона он был распят на перевернутом кресте вниз головой, так как не считал себя достойным встретить смерть как Иисус Христос.

Святой Антоний Аббат также очень популярен в католических странах Западной Европы, известен как основоположник монашества и покровитель животных, который ушел жить в пустыню, чтобы полностью посвятить себя молитве. При жизни он был аббатом и отличался благочестием и любовью к животным. Будучи отшельником, лечил животных, которые приходили к его обители. Мы нашли в разных источниках около пятидесяти пословиц, в которых упоминается имя этого святого. В основном они связаны с народными приметами, которые приходятся на день 17 января, когда проходит праздник покровителя животных в Испании, например: *Por San Antón de enero, camina una hora más el trajinero* (со дня празднования святого Антония возчик перевозит товары еще один час). Имеется в виду, что световой день увеличился на один час.

Отношения народа со служителями церкви складывались иначе. Острые на язык испанцы высмеивали церковников, которые имели такие же пороки, как и простые смертные. Нередко в пословицах упоминается аббат, настоятель католического мужского монастыря, например: *Abad y el gorrión, dos malas aves son,* в прямом переводе «аббат и воробей – две плохие (дурные) птицы». Аббат соотносится с воробьем, который ассоциируется с маленькой, суетливой, вечно голодной, прожорливой птичкой. Эта пословица используется для порицания ненасытности, глупости.

В другой пословице *Abad canta donde yanta* (аббат поет там, где едят) аббат также предстает как человек жадный, ищущий личную выгоду. Алчность порицается в пословице *Abad avariento, por un bodigo pierde ciento* (аббат, который жадничает, за одну просвиру теряет сто), которая означает, что, подняв грош, человек теряет рубль [Bergua, 1984]. В русском языке существует пословица для подобной ситуации: «Не жалей алтына, отдашь полтину». В испанской пословице упоминается слово *un bodigo* – хлеб, который приносится в церковь в качестве подношения.

Богат и выразителен испанский язык, огромное количество пословиц создано народом для разнообразных житейских ситуаций. Как пласт языковой культуры, пословицы соответствуют образу жизни и мыслям большинства людей, отражают сложившиеся отношения испанского народа с религией, в которых авторитет Бога и примеры из жизни святых позволили создать моральные стандарты нации. Эти пословицы выдержали проверку временем, они украшают испанский язык и активно используются в речи, придавая ей особый колорит и экспрессивность.

Литература

Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_new/10019/снявши (дата обращения: 17.06.2018).

Воркачев С. И. Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремиологии // Филол. науки. 1995. № 3. С. 56–66.

Католическая энциклопедия. Т. 3. М–П. М. : Науч. кн. изд-во францисканцев, 2007. 1011 с. : ил.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с. : ил.

Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир рус. слова. 2010. № 3. С. 6–20.

Мокиенко В. М. Проблемы славянской паремиологии (лингвистические аспекты) // Славянская фразеология и паремиология в XX в. : сб. науч. ст. / под ред. Е. Е. Иванова, В. М. Мокиенко. Минск : Зсицер Колас, 2010. С. 167–188.

Религии народов современной России: Словарь / редкол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.), Ю. И. Аверьянов [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М. : Республика, 2002. 624 с.

Тойметова О. А. Способы перевода пословиц и поговорок с английского языка на русский // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 31–32.

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. В 4 т. Т. 3: П. М. : Рус. яз., 1990. 555 с.

Черняк И. Х. Католицизм // Религии мира : учеб. пособие / под ред. М. М. Шахнович. 3-е изд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. С. 225–243.

Antequera L. De Santa Lucía de Siracusa, patrona de los ciegos [Electronic resource]. URL: https://www.religionenlibertad.com/blog/32752/santa-lucia-siracusa-patrona-los-ciegos.html (date of access: 16.06.2018).

Bergua J. B. Refranero español. Colección de ocho mil refranes populares, ordenados, concordados y explicados por José Bergua. Madrid (España): Ed. Clásicos Bergua, 1984. 520 p.

Etxabe Díaz R. Diccionario de refranes comentado. Madrid (España): Ediciones de la Torre, 2012. 574 p.

Junceda L. Diccionario de refranes, dichos y proverbios. Madrid (España) : Ed. Espasa Calpe, 2006. 750 p.

Panizo Rodríguez J. Refranes alusivos a dios y a los santos // Revista de folklore. 1989. Núm. 105. P. 104–108.

УДК 81.27

Л. В. Топка

Человек категоричный: мизогинное речевое поведение

Аннотация. Категоричное речевое поведение как результат социально релевантного опыта людей представляет исследовательский интерес в рамках языковой репрезентации его гендерно обусловленного варианта – мизогинного поведения, ярко проявляющегося посредством категоричного высказывания в творчестве представителей направления рэп-музыки – образца современной массовой американской культуры. Будучи нарочито сексистским, мизогинное речевое поведение имеет откровенную сексуальную направленность, изобилует инвективной лексикой, описанием сцен насилия и других асоциальных феноменов. Мизогиния считается центральной частью сексистской идеологии, обусловливающей дискриминацию женщины в обществе с маскулинным доминированием, отображая причинную зависимость развития языка от существующих социальных явлений.

Ключевые слова: категоричность, мизогинное речевое поведение, гендер, категоричное высказывание.

L. V. Topka

A Man of Categoricity: Misogynist Speech Behavior

Abstract. The article is devoted to the study of categorical speech behavior, one of the gender-related variants of which is misogynist speech behavior. Misogyny is manifested in many different ways, from jokes to pornography, to violence, to the self-contempt women may be taught to feel toward their own bodies. This phenomenon is a central part of sexist prejudice and ideology and an important basis for the oppression of females in male-dominated societies. Misogynistic behavior as a result of socially relevant people's experience is clearly manifested by means of categorical statement in works of representatives of hip-hop musical trend (rap music) displaying an example of modern mass American culture.

Keywords: categoricity, misogyny, categorical speech behavior, gender, categorical statement.

Изучение человека через язык возможно благодаря тому, что личность является продуктом и культуры, и языка, отражая в нем свой внутренний мир: «Язык и культура в самых разнообразных формах своего проявления и функционального назначения являются сущностными атрибутами человека» [Малинович Ю. М., Малинович М. В., 2000, с. 227]. Исследование человека говорящего вообще и человека категоричного в частности базируется на антропоцентрическом подходе, где в центре внимания оказывается сам человек, а его язык понимается как естественная система, создаваемая им как носителем языка на основании исторического опыта, культуры и знаний (см. подробнее: [Малинович М. В., Малинович Ю. М., 2003]).

Феномен категоричности исследуется социологией, психологией и лингвистикой. Социология рассматривает его как высокую степень уверенности, отсутствие сомнений по поводу сказанного, несдержанность в оценке чего-либо, обусловленную высоким социальным статусом говорящего субъекта. В психологии данное явление трактуется, не в последнюю очередь, как уверенность индивида в собственной правоте, проистекающая из глубинной неуверенности в себе, демонстрирующая его ограниченность и низкий уровень культуры.

В лингвистике категоричность определяется как тактический приём, используемый участниками коммуникации для достижения определённой цели воздействия, влияющий на характер их взаимоотношений, создающий напряжённую атмосферу общения или острую конфликтную ситуацию. «Категоричное речевое поведение характерно для человека уверенного, обладающего внутренней силой, решимостью в совершении определённого действия и решительностью его выполнения. Признаки уверенности могут быть как внешние (те, что доступны адресату или наблюдателю): прямой фиксированный взгляд, уверенные, чёткие движения или их отсутствие, расслабленное тело, прямая спина, точное формулирование желаемого, громкий голос, очевидная способность постоять за себя, так и внутренние (доступные в ощущениях самому говорящему): способность и/или готовность принимать решение, отдавать распоряжение, приказывать или требовать» [Топка, 2013, с. 109].

Одним из гендерно обусловленных вариантов категоричного речевого поведения является мизогинное речевое поведение. Само явление мизогинии можно считать, по мнению ряда исследователей (лингвистов, социологов), центральной частью сексистской идеологии и основой для дискриминации женщины в обществе с маскулинным доминированием. Данный феномен манифестируется посредством шуток, порнографии, насилия, а также навязанного женщине обществом презрения по отношению к собственному телу (см., например, [Johnson, 2000]).

Категоричное речевое поведение как результат социально релевантного опыта людей представляет исследовательский интерес в рамках языковой репрезентации мизогинного поведения, ярко проявляющегося в творчестве представителей музыкального направления хип-хоп или рэп-музыки, представляющих собой образец современной массовой американской культуры.

Язык имеет тенденцию меняться в результате деления самого общества на различные социальные группы, обладающие собственной историей формирования, во многом определяющей их свойства. Общество как система социальных групп состоит из взаимосвязанных позиций, диктующих определенные права и обязанности согласно общественно одобренным образцам (ожиданиям, предписаниям), индивид как член конкретной социальной общности, в данном случае представитель направления рэп-музыки, ориентирует свое речевое поведение на обладателей других социальных позиций, противопоставляя себя им или всему социуму в целом.

Музыкальный жанр хип-хоп является одним из ярких доказательств существования мизогинии в современном американском обществе. Этот жанр появился в 70-е гг. прошлого века в США среди афроамериканцев и до сих пор не сдает своих позиций. Согласно отчету Nielsen Music, рэп-направление составляет более чем 25 % потребления всей музыки в США, что позволяет считать его самым популярным [Lynch].

Речевое поведение известных американских рэперов имеет откровенную сексуальную направленность и является нарочито сексистским; оно, как правило, изобилует инвективной лексикой, а также описанием сцен насилия и других асоциальных феноменов. Будучи одним из самых популярных музыкальных направлений современной американской культуры, оказывающим на нее сильное влияние, он усиливает ассоциацию популяризаторов рэпа с отрицательным контентом мизогинистической направленности, культивируемым в музыкальных треках.

Анализируя творческую деятельность музыканта-рэпера, следует принимать во внимание её индивидуально-психическую, а также коммуникативно-общественную формы, отражающие социальные реалии и являющиеся катализатором проявления его мизогинного речевого поведения. Психологи отмечают, что причина репрезентации ненависти к

женщине в творчестве музыканта может быть обусловлена определенной жизненной ситуацией, как, например, в случае с известным американским рэпером Маршаллом Брюсом Мэтерсом (Eminem), выросшим без отца в нищете, в бедном пригороде Детройта и имеющим непростые отношения с матерью. Конкретная социальная ситуация находит свое выражение в творчестве музыканта: *Slut, you think I won't choke no whore / Til the vocal cords don't work in her throat no more?* [Eminem].

Социальное бытие участников общения, по мнению таких учёных, психологов и лингвистов, как, например, Л. С. Выготский [1960] и П. Я. Гальперин [1959], определяет их «внутренние координаты», выражая закономерности процесса актуализации общественных отношений. Говоря о детерминирующей роли речевой ситуации и социальных факторов, которые характеризуют эту ситуацию, следует помнить о том, что связь между речевыми процессами и социальными факторами проявляется именно в реакциях на стимулы социальной среды. Представителям хип-хоп-направления приписывают роли безнравственных личностей, женоненавистников, людей, связанных с наркотиками и преступным миром. Сами музыканты, как правило, выходцы из бедных гетто, стремятся вырваться из устоявшихся общественных рамок посредством категоричного речевого поведения как в творчестве, так и в своей повседневной жизни.

Язык хип-хопа является откровенно мизогинным. По мнению ряда исследователей, в текстах рэп-музыки выявляются пять основных мизогинистических тем: уничижительное номинирование женщины; представление женщины сексуальным объектом; легитимизация насилия по отношению к женщине; выражение недоверия к женщине; восхваление проституции и сутенерства [Weitzer, Kubrin, 2009]. Данная тематика сама по себе не вызывает удивления, поскольку имеет глубокие исторические корни.

Истоки возникновения мизогинии следует искать как в религиозном сознании членов социума, где подчеркивается главенствующая роль мужчины со времен ветхозаветного Адама, познавшего искушение через жену свою Еву, сделавшей грешным весь женский род: *For Adam was formed first, then Eve. And Adam was not the one deceived; it was the woman who was deceived and became a sinner* [First Epistle to Timothy, p. 11–14], так и в философском мировоззрении, культивирующем маскулинное гендерное превосходство. По мнению древнегреческого поэта Гесиода, именно первая женщина – Пандора принесла зло и несчастье в этот мир, став прародительницей всего женского рода – «пагубной расы» и «источника боли»: *from her is a pernicious race; and tribes of women, a great source of hurt* [Rockefeller]. Единственные положительные черты женщины – это способность к деторождению и польза в домашнем хозяйстве, поэтому Гесиод советовал «заводить себе женщину», проводя аналогию между ней и полезным домашним животным.

Аристотель утверждал, что мужество мужчины лежит в командовании, а женщины – в подчинении; что материя жаждет формы так же, как женщина жаждет мужчину, а уродство – красоту; и что, по сути, женщина – это незавершенный мужчина, другими словами, «деформация»: *Aristotle says that the courage of a man lies in commanding, a woman's lies in obeying; that «matter yearns for form, as the female for the male and the ugly for the beautiful»; that a female is an incomplete male or «as it were, a deformity»* [Stanford Encyclopedia]. Философ подчеркивал, что мужчины и женщины имеют не только физиологические различия, но и психологические, поскольку женщины импульсивнее, у них отсутствует стыд и чувство собственного достоинства, их сложнее заставить действовать, что делает женщину совершенно неспособными к власти.

Женоненавистничество является одним из основных принципов, на котором зиждется как древняя, так и современная философская мысль. Сократ считал, что мужчина превосходит женщину в выполнении любых задач, настаивая на том, что продвижение гендерного равенства является одним из знаков морального краха демократии [Roberts, 1998], а немецкий философ XVIII в. Артур Шопенгауэр в своем эссе On Women напрямую номинировал женщину вторым полом (*Women are*) *the second sex*, уступающим мужчине во всех аспектах: *inferior in every respect to the first* [Schopenhauer].

Есть и другая ипостась женщины, когда женщина – это не что иное, как выражение и проекция мужской сексуальности, в которую он воплощает себя и свою собственную вину, как утверждал австрийский философ и психолог Отто Вейнингер: *Woman is nothing but man's expression and projection of his own sexuality. Every man creates himself a woman, in which he embodies himself and his own guilt*, рассматривая женщину лишь как часть мужчины, неискоренимую, низшую часть: *She is only a part of man, his other, ineradicable, his lower part* [Weininger, 1906, с. 51].

Неслучайно, что представление женщины сексуальным объектом является самой распространенной мизогинистической темой в рэп-музыке, согласно контент-анализу это подтверждается 67 % исследованных текстов рэп-треков [Weitzer, Kubrin, 2009].

Мизогинистический рэп часто изображает насилие над женщиной вплоть до физического уничтожения как ответ на ее несогласие с маскулинным гендерным превосходством: *If she thinks you're jokin', is she goin' get a quick chokin'?* – заявляет в своем треке March Nigga Step американский рэпер Тэриус Грэй (Juvenile) [Juvenile].

Насилие и жестокость по отношению к женщине в текстах хип-хопа обусловлены стремлением музыкантов доказать свою криминальную подлинность и желанием ассоциироваться с сообществом гангстеров – гипермаскулинных «плохих парней», репрезентируя, словами Т. М. Дридзе [1980, с. 17], процессы «кристаллизации типовых способов

общения при включении механизмов порождения речи в социальную ситуацию». Ситуация такого рода отображает причинную зависимость развития языка от существующих социальных явлений.

Референтная группа, на которую ориентируется музыкант-рэпер, создает пространство для стереотипных поведенческих актов, а психологическое соотнесение себя с социальной группой, с членами которой у него идентичные нормы и ценности, позволяет разделять представителей окружающего мира на «своих» и «чужих». Как заметил Э. Сепир [1993, с. 232], «чрезвычайная важность мельчайших языковых различий для символизации таких психологически реальных групп, противопоставленных политически и социологически официальным группам, инстинктивно чувствуется большинством людей: “Он говорит как мы” равнозначно утверждению “Он один из наших”».

Хип-хоп возник как эстетическая форма выражения нужд и чаяний представителей рабочего класса, выходцев из низов афроамериканской и пуэрториканской молодежи, людей, большей частью необразованных и тяготеющих к примитивной эстетике. В настоящее время это глобальная индустрия для людей разной классовой принадлежности.

Другая причина мизогинного речевого поведения в сфере рэп-музыки – коммерческий успех именно жестких треков: сами продюсеры и руководители студий для записи хип-хоп-музыки побуждают музыкантов создавать жестокие и оскорбительные тексты как коммерчески более успешные. Спрос рождает предложение.

Американские исследователи утверждают, что проявление мизогинии в хип-хоп-культуре является лишь одним из проявлений женоненавистничества в американской культуре в целом, предполагая, что музыканты лишь перенимают негативные гендерные стереотипы, которые всегда преобладали в американской культуре как следствие плохого воспитания и грубого обращения с женщинами [Adams, Fuller, 2006]. По мнению М. Э. Дайсона, профессора социологии, мизогиния является проверенной временем американской традицией, из которой хип-хоп извлекает стереотипную модель гендерного взаимодействия [Dyson, 2007, p. 22].

Необходимость рассматривать гендерные особенности речевого поведения индивида в совокупности с его принадлежностью к определенной социальной группе и не в меньшей степени с учетом меняющейся ситуации в обществе обусловлена сложностью данного явления. Явление мизогинии характерно для патриархальных культур, где маскулинное и фемининное речевое поведение строго регламентировано и отражает, а главное, сохраняет главенствующую роль мужчины в обществе, что является первоочередным фактором в объяснении причин существования мизогинии в контексте американского варианта английского языка.

Социальные, психологические и лингвистические факторы в своей совокупности позволяют проводить детальные исследования мизогин-

ного речевого поведения через анализ категоричного высказывания – одного из коммуникативно-прагматических вариантов, передающих уверенность говорящего субъекта в достоверности сообщаемого, его прямолинейность, а также грубость и несдержанность в выражении оценки.

Литература

Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М. : АПН РСФСР, 1960. С. 1–10, 364–484.

Гальперин П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т. 1 [Электронный ресурс] // Теория поэтапного формирования умственных действий. URL: https://docs.google.com/document/d/1OJXsX_ufBc7TwkIj_kz22bPv_7uldXOEFM96-0IpsMQ/edit?pli=1 (дата обращения: 20.03.2015).

Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М. : Высш. шк., 1980. 224 с.

Малинович М. В., Малинович Ю. М. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. М. ; Иркутск, 2003. С. 7–28.

Малинович Ю. М., Малинович М. В. Семиосфера культуры в антропологической лингвистике // Номинация. Предикация. Коммуникация : сб. ст. к юбилею проф. Л. М. Ковалевой. Иркутск, 2002. С. 227–253.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 656 с.

Топка Л. В. Категоричное речевое поведение: Универсальные и этноспецифические средства репрезентации // Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 дек. 2013 г.). Прага, 2013. С. 106–112.

Adams T. M., Fuller D. B. The Words Have Changed But the Ideology Remains the Same: Misogynistic Lyrics in Rap Music // Journal of Black Studies. 2006. Vol. 36, N 6. P. 955.

Dyson M. E. Know What I Mean?: Reflections on Hip-Hop. N. Y. : Basic Books, 2007. 171 p.

Eminem (Marshall Bruce Mathers III) Kill You Lyrics // Genius Lyrics [Electronic resource]. URL: https://genius.com/Eminem-kill-you-lyrics (date of access: 20.03.2018).

First Epistle to Timothy [Electronic resource] // The Bible. URL: https://www.biblestudytools.com/1-timothy/2.html (date of access: 10.12.2017).

Johnson A. G. The Blackwell Dictionary of Sociology: A User's Guide to Sociological Language. Wiley, 2000. 432 p.

Juvenile (Terius Gray). March Nigga Step Lyrics [Electronic resource] // Genius Lyrics. URL: https://genius.com/Jule-march-nigga-step-lyrics (date of access: 12.02.2018).

Lynch J. For the first time in history, hip-hop has surpassed rock to become the most popular music genre, according to Nielsen // Business insider [Electronic resource]. URL: http://www.businessinsider.com/hip-hop-passes-rock-most-popular-music-genre-nielsen-2018-1.

Roberts J. W. City of Sokrates: An Introduction to Classical Athens. Routledge, 1998. 274 p.

Rockefeller L. A. The creation of women as Zeus» revenge: an excerpt from Hesiod's "Theogony" [Electronic resource]. URL: https://peersofbeinan.wordpress.com/2017/06/27/the-creation-of-women-as-zeus-revenge-an-excerpt-from-hesiods-theogony/ (date of access: 17.02.2018).

Stanford Encyclopedia of Philosophy. Feminist History of Philosophy [Electronic resource]. URL: https://plato.stanford.edu/entries/feminism-femhist/#Mis (date of access: 14.01.2018).

Schopenhauer A. On Women [Electronic resource]. URL: http://www.newfoundations.com/WOMAN/Schopenhauer.html (date of access: 17.02.2018).

Weininger O. Sex and Character. Authorised translation from the sixth German edition. London: William Heinemann. N. Y. : G. P. Putnam's sons. 1906. 212 p.

Weitzer R., Kubrin Ch. Misogyny in Rap Music. A Content Analysis of Prevalence and Meanings. 2009 [Electronic resource]. URL: http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1097184X08327696 (date of access: 08.01.2018).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ: ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 82-1/29

Л. С. БУГЛАНОВА

ПОЭЗИЯ – ЭТО ОСОБАЯ МАНЕРА ВОСПРИНИМАТЬ МИР (СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯПОНСКИХ ХОККУ И БУРЯТСКИХ ТРИАД)

Аннотация. Представлена попытка продемонстрировать художественные достоинства бурятских народных триад путем сопоставления их с японскими хокку. Предлагается авторская версия прочтения трёхстиший.

Ключевые слова: краткие стихотворные формы, японские хокку, бурятские триады.

L. S. Buglanova

Poetry is a Special Manner to Perceive the World

Abstract.The article presents an attempt to demonstrate the artistic merits of the Buryat folk triads by comparing them with the Japanese haiku. The author's version of reading the Buryat terces is offered.

Keywords: short poetic forms, Japanese haiku, Buryat triads.

Высшая цель, которой служит искусство, – способствовать тому, чтобы люди глубже понимали жизнь и больше ее любили. Таковы японские хокку и бурятские народные триады в переводе Б. Дугарова, которые, несмотря на малый размер, могут помочь читателю понять мир, жизнь. Об этих произведениях пойдет речь в моей работе.

Актуальна эта тема по следующей причине: в нашей стране все больше внимания уделяется развитию национальной культуры, поэтому знание бурятской литературы особенно ценно, так как оно расширяет кругозор человека об искусстве, способствует воспитанию патриотизма, эстетического чувства.

Цель: опираясь на материал о хокку, показать художественные достоинства бурятских народных триад в переводе Б. Дугарова.

В соответствии с целью определены следующие задачи:

– изучение имеющихся работ по данной теме;

– создание своей версии прочтения этих трехстиший;

– формирование оценочной позиции при анализе стихотворений.

Круг рассматриваемых вопросов: краткие стихотворные формы – насущная потребность времени; притягательность японских хокку; анализ бурятских триад.

В работе используются методы творческого чтения, репродуктивные и исследовательские.

1. Краткие стихотворные формы – насущная потребность времени

Нет человека, которому не приносила бы радости великая сила искусства. Будь то музыка или литература, она не оставляет равнодушным никого. Словесное искусство начинается с устного народного творчества. В фольклоре концентрированно выражен характер народа, его пристрастия и идеалы, его видение мира. Из фольклора вышли японские хокку и бурятские триады, о которых пойдет речь в моей работе. Я рассмотрю хокку японских поэтов Босе, Исса и бурятские народные триады в переводе Баира Дугарова из книги «Алтаргана».

И те, и другие стихотворения – краткие трехстишия. Стихотворения очень малы, но вмещают в себя глубокий смысл. Искусство писать такие стихотворения требует от автора умения сказать многое в немногих словах. Все очень просто. Маленькая зарисовка, поэтическая изящная миниатюра. Например, хокку:

Из сердцевины пиона
Медленно выползает пчела…
О, с какой неохотой!

Несмотря на малый размер, трехстишие говорит о многом: как не хочется этой пчеле покидать гостеприимный пион! Это стихотворение было написано, когда поэт покидал дом своего друга, в котором встретили его очень тепло. А вот как звучит триада «Три синих»:

Ввысь распахнут небосвод – синий.
Вширь тайга в горах растет – синяя.
Вдаль текут потоки вод – синие.

Небосвод – как окно в прекрасную манящую синеву, не менее прекрасны леса и воды. И хокку, и эта триада – утверждение красоты в незаметном, обыденном.

Очевидно, краткие стихотворные формы – насущная потребность поэзии. Такие стихи можно сочинять быстро, под влиянием непосредственного чувства, мимолетного настроения, словно фотографируешь неуловимый момент жизни. Останавливая зафиксированное в словах мгновение, настроение, яркое озарение, хокку становятся вневременным явлением, стало быть, приобретают вечность. Характерная черта изящных японских хокку – представление не только прекрасных проявлений человеческих чувств и красочное описание природы, но и передача в поэтической миниатюре обыденной жизни простых крестьян во всех ее проявлениях. И хокку, и триады – миниатюрны по своим размерам, но это не умаляет того поэтического и философского смысла, который может придать им поэт.

2. Чем же притягательны японские хокку?

Хокку – это трехстишие, отличающееся лиричностью изложения. Задача поэта – показать лирическое волнение, полет воображения и детали картины, которые он создает словами. В хокку присутствует главная особенность – это недосказанность. Стихотворение может быть незаконченным, эмоции как бы остаются за рамками хокку, а у читателя появляется простор для фантазии. Он сам должен постичь сокровенный смысл трехстишия. Обратимся к стихотворению Исса:

Печальный мир!
Даже когда расцветают вишни…
Даже тогда…

Это стихотворение – как вздох сожаления о мире, который так печален, несмотря на расцветающие вишни. Японские поэты не должны были объяснять смыл своего хокку. Цель их – подтолкнуть читателя к мысли, к пониманию этого стихотворения:

Вот выплыла луна,
И самый мелкий кустик
На праздник приглашен.

Я думаю, главное здесь не то, что происходит в природе, хотя это и прекрасно, а то, что происходит в человеческом обществе. Напрашивается вывод о равноправии людей. В этих стихотворениях недосказанность, которая позволяет читателю домыслить дальнейшие события, поэтому читатель становится соавтором. Обратимся к другому печальному стихотворению. Свою тоску об умершем ребенке поэт Исса выразил в хокку:

Наша жизнь – росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь – и все же.

Роса – это метафора бренности жизни. Отец не может смириться с утратой близкого человека. А вот и другое стихотворение:

Рядом с цветущим вьюнком
Отдыхает в страду молотильщик.
Как он печален, наш мир! *(Басё)*

Здесь читатель, несмотря на красивые вьюнки, увидит печальную картину. В страду молотильщик без работы.

Таким образом, главное не то, что ты услышал, увидел, прочитал, а то, что сумел понять из стихотворения. Поэтому читатель – это соавтор.

Хокку – это не нарицательное изречение, не меткая острота, а поэтическая картина, оформленная в нескольких штрихах.

Проталинка в снегу.
А в ней светло-лиловый
Спаржи стебелек.

Это миниатюрное трехстишие можно понять так: ранняя весна, еще холодно, но цветок уже появился, несмотря ни на что. В борьбе за жизнь побеждает цветок. Это жизнеутверждающая картина. Хокку сродни живописи. Ко многим стихотворениям художниками сделаны иллюстрации, в свою очередь трехстишия писались на сюжеты картин, иногда становились надписью к ним.

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер… *(Басё)*

Ничего лишнего, все просто. При помощи нескольких умело выбранных деталей создана картина поздней осени. Природа будто замерла, поэт изобразил реальный пейзаж возле своей хижины и через него свое душевное состояние. Не об одиночестве ворона говорит он, а о своем собственном.

Как же построены хокку?

Хокку состоит из трех стихов, каждый из них очень короток. Чаще всего в стихотворении два значащих слова, не считая формальных элементов и восклицательных частиц. Все лишнее отсеивается, не остается ничего, что служит только для украшения. Средства поэтической речи (эпитеты, метафоры и т. д.) хокку избегает, если можно обойтись без них.

Рифма в хокку неважна, главное – звуковая и ритмическая организация трехстишия. Обычно в каждом стихотворении количество слогов – семнадцать: в первой строке – пять, во второй строчке – семь, в третьей – пять. Например:

Красная луна!
Кто владеет ею, дети?
Дайте мне ответ.

3. Анализ бурятских триад

Я рассмотрела характерные черты японских хокку, а теперь обратимся к бурятским народным триадам в переводе Баира Дугарова. В сборник «Алтаргана» включено шестьдесят шесть трехстиший, с любовью переведенных с бурятского языка на русский.

Как появились триады?

«Мир устроен так, что солнце сменяет луну, луна сменяет солнце, радость перемежается с печалью, встреча с расставанием, и это бесконечно. Небо противостоит земле, но одно без другого существовать не может, все взаимосвязано», – писал поэт, ученый, мыслитель современности Баир Сономович Дугаров. Наверное, чтобы объяснить феномен Вселенной, многообразие жизни и природных явлений, увязать это с собственным пониманием красоты и гармонии, понадобилась такая стихотворная форма, как триада (дословно «три вселенских»). Понятие «три вселенских» вмещает в себя многое: Вселенную, землю, людей и в то же время авторскую оценку всему увиденному.

Каковы особенности триад?

В отличие от японских хокку, в которых главное – недосказанность, в бурятских трехстишиях мысль имеет завершенность. Каждая триада – это небольшое философское размышление о построении мира, общества, о нравственных законах человечества. Обратимся к стихотворению «Три быстрых»:

Ноги скакуна, что мчится в отдалении, – быстрые.
Стрелы, в даль летящие одно мгновение, быстрые.
Человеческие мысли в озаренье – быстрые.

Здесь первые две строки – описание скакуна и стрелы. В сравнении с ними делается вывод о быстроте человеческой мысли. Автор передает свое восхищение увиденной картиной, возможностями человека.

Вселенские масштабы мы наблюдаем в стихотворении «Три удивительных»:

Небо держится без опор – удивительно,
Крышки нет над котлами озер – удивительно,
Беспределен вселенский простор – удивительно.

В этом стихотворении собственное, авторское понимание красоты, гармонии, изумление необъятными картинами мироздания. Это удивительно не только для автора, но и для всего человечества. Обратимся к стихотворению «Три драгоценности»:

Конь сокращает в быстром беге расстояния –
драгоценность,
Любовь двоих связует две земные дали –
драгоценность,
Свет солнца озаряет бездну мирозданья –
драгоценность.
Все в этом мире бесценно: и земное, и вселенское…

Что удивительно, в название каждой триады включено слово «три» (три быстрых, три далеких, три страдания, три мудрых и т. д.). Каждая строчка во многих стихотворениях заканчивается словом из названия. Например, стихотворение «Три острых»:

Зубы у растущего щенка – острые,
У марала летнего рога – острые,
В смертный час глаза у старика – острые.

Так же как и японские стихотворения, многие триады – это поэтические картины земного и вселенского. Обратимся к другим стихотворениям. Например, «Три сокровищницы»:

Байкал – сокровищница чистых вод.
Земля – сокровищница всех пород,
Сокровищница разума – народ…

И «Три зеленых»:

Трава, покрывшая равнину, – зеленая,
Сосны качаются вершины, – зеленая,

В воде стоячей тонет тина – зеленая…

Создавая трехстишия, автор использует такие средства выразительной речи, как эпитеты – синие, зеленая. Как будто обычны эти цвета предметов, но здесь они помогают создать образ земли как частичку мироздания. Метафоры «сокровищница разума», «драгоценность мироздания» и другие звучат как музыка, благодаря аллитерации «Ц» и «Н». Часто многие стихотворения начинаются с повтора одного и того же слова – анафоры.

Прочно, как закон, гостеприимство.

Прочно вещи схватывает клей.

Мир души в спокойствии прочней.

В отличие от японских хокку, где рифма часто отсутствует, в триадах она соблюдается. Часто рифма внутренняя. Например:

В степях дорога долгая,

В устах сказанье долгое.

В руках работа долгая.

Рифма перед последним словом перекрестная, она внутренняя. В трехстишиях могут рифмоваться строки и слова внутри строки, как в стихотворении «Три гордых»:

Гордость богача – высокомерна,

Гордость силача – глупа безмерно,

Гордость у мужей ученых – совершенна.

В этом стихотворении использование анафоры, аллитерации и звукописи создает звучание слов. Таким образом, переводы триад, сделанные Баиром Дугаровым, позволили нам показать художественные достоинства бурятских народных триад.

Заключение. И хокку, и триады – мудрость народная, потому что они вышли из устного народного творчества. Ничего так не может продлить жизнь стихотворения, как свежее чувство восприятия поколений. Перед явлением искусства всякий человек «иноземец». Отталкиваясь от этой мысли, я рассмотрела хокку и триады. Завершая свою работу над поэтическими произведениями, привожу следующие выводы:

– хокку и триады – утверждение красоты в незаметном, обыденном;

– бурятские народные триады так же ценны, как и японские хокку;

– трехстишия миниатюрны, но это не умаляет того поэтического и философского смысла, который может придать им поэт;

– то, что ценилось во времена японских хокку и бурятских триад, современно и сейчас.

Литература

Дугаров Б. С. Струна земли и неба. М. : Респ. тип., 2007. 360 с.

Алтаргана. Из бурятской народной поэзии / пер. с. бур. Б. Дугарова. Улан-Удэ, 1998. С. 76, 231.

Именохоева И. Н. Концепт «Вечное синее небо». Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2014. С. 10–11.

Басё Рансэцу. Кикаку. Хокку. Японские трехстишия. М. : Эксмо, 2018. 288 с.

УДК 809.423-3

В. И. Семенова

Вторичные значения пищевой лексики бурятского языка

Аннотация. В словарной системе каждого языка выражаются представления людей об окружающей действительности, в ней всегда отражаются особенности жизнедеятельности человека. Еда в жизни человека имеет огромное значение, без нее невозможно само существование людей. Еда и сами процессы, связанные с ее приготовлением, употреблением и т. п., занимают существенную часть человеческой коммуникации и напрямую переданы в языковой сфере.

Пищевая лексика бурятского языка обладает большим потенциалом для развития вторичных значений, дает возможности для возникновения эмоционально-оценочных значений на базе психологических ассоциаций.

Ключевые слова: пищевая лексика, переносные значения, перцептивные категории, эмоционально-оценочные значения.

V. I. Semenova

The Secondary Meaning of the Food Vocabulary of the Buryat Language

Abstract. The vocabulary system of each language expresses people's ideas about the surrounding reality, it always reflects the characteristics of human life. Food in a person's life is of great importance, without it the very existence of people is impossible. Food and the processes associated with its preparation, use, etc., occupy a significant part of human communication and are directly reflected in the language sphere.

Food and nutrition vocabulary of the Buryat language has a significant potential for the development of secondary values, provides opportunities for the emergence of emotional evaluation meanings on the basis of psychological associations.

Keywords: food and nutrition vocabulary, figurative meanings, perceptual categories, emotional evaluation meanings.

Словарная система каждого языка содержит представления людей об окружающей действительности, в ней всегда отражаются особенности жизнедеятельности человека. Еда в жизни человека имеет огромное значение, без нее невозможно само существование людей. Еда и сами процессы, связанные с ее приготовлением, употреблением и т. д., занимают важное место в человеческой коммуникации и напрямую отражены в языковой сфере.

Большая часть лексики, связанной с названиями продуктов питания, способами их гастрономической обработки, приемами употребления пищи, относится к исконным словам в любом языке. И, как правило, к одним из древнейших пластов национального лексикона.

Лексический фонд, называющий категориальные свойства пищи, является богатым источником семантической деривации, результаты которой обнаруживаются в различных тематических сферах, и обладает яркой культурной символикой. Поэтому вполне естественно, что пищевая лексика принимает активное участие в процессах категоризации и образной концептуализации явлений действительности. Пищевой код культуры признается одним из базовых в образном осмыслении. Языковые единицы, вербализующие пищевой код культуры, активно используются в современных дискурсивных практиках, присутствуют в

текстах различной функционально-стилистической отнесенности. При этом, как отмечают многие исследователи, продукты питания зачастую представляют социокультурные знаки: «…стереотипные представления носителей языка о еде, актуализируемые в разных типах «пищевого» дискурса, соотносятся с определенным набором антонимических противопоставлений, многие из которых сопровождаются оценочными и культурными коннотациями… Характеристики продуктов и блюд, актуализируемые в пищевом дискурсе, могут нести информацию прагматического характера, отражая стереотипные модели пищевого поведения членов данного социума, их привычки, пристрастия, оценки, предубеждения и т. п.» [Китайгородская, Розанова 2005, с. 582–583].

Лексика, представляющая различные признаки еды, открывает широкое поле для развития вторичных значений, дает возможности для возникновения эмоционально-оценочных значений на базе психологических ассоциаций. Надо отметить, что обозначения вкусовых свойств пищи во многих языках и культурах используются и для различных характеристик людей. В русском языке существует множество речевых метафор, которые носят вкусовой характер: *сладкая жизнь, медовый месяц, горькая правда*, *кислая мина, сахарные уста, сырая женщина и др.* См., например, работу К. В. Пьянковой, в которой указываются способы описания человека через «вкусовой» регистр» [2007, с. 3–23].

Работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона положили начало описанию ключевых метафорических моделей, представляющих процесс метафоризации и значимых для языковой картины мира европейской культуры. В исследованиях отечественных лингвистов описаны метафорические модели, участвующие в формировании множества проекций в различные сферы действительности русской языковой картины мира (А. К. Байбурин, Г. И. Кабакова, К. В. Пьянкова и мн. др.).

Бурятское языкознание пока не располагает большим количеством исследований в этой области. Пищевой рацион бурят описывается главным образом в этнографических исследованиях: продукты питания, кулинарные традиции, блюда праздничные, ритуальные и т. д. Но пищевая лексика бурятского языка также участвует в процессах категоризации и образной концептуализации явлений действительности. Главным инструментом этого процесса выступает метафора.

Большинство источников определяют метафору как скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее тем самым какую-нибудь важную черту второго. Метафора заставляет обратить внимание на сходство между двумя предметами, иногда совершенно неожиданное. Делая какое-то буквальное утверждение, метафора порождает или подразумевает определенный взгляд на предмет, а не выражает его открыто. Так метафора порождает дополнительные, вторичные значения слов. Но многозначность

слов не исчерпывается только явлением полисемии слова. Наряду с прямым «референтным» или «денотативным» значением слова существует еще и обширная сфера того, что называется ассоциативным значением.

Процессы метафоризации часто протекают в противоположных направлениях: от человека к природе, от природы к человеку, от неодушевленного к одушевленному и от живого к неживому.

Наиболее распространенным способом их лингвистического анализа является систематизация языковых средств репрезентации пищевой метафоры по принципу метафорического поля трехуровневой структуры. Исходное мотивирующее лексическое поле включает лексемы, называющие объекты и процессы гастрономической деятельности. Образное лексико-фразеологическое поле включает слова и выражения, метафорически мотивированные лексемами исходного поля. Референтное семантическое поле пищевой метафоры содержит концептуальные смыслы, соответствующие денотативной семантике образных слов и выражений лексико-фразеологического поля. Парадигматическая организация единиц образного лексико-фразеологического поля в категориально-образные парадигмы демонстрирует категориальные классы явлений окружающего мира, концептуализированные по образу и подобию явлений гастрономической сферы на основании устойчивых аналогий.

Лексические единицы, обозначающие свойства пищи, пересекаются с лексической группой, называющей перцептивные категории. Так, например, прилагательное вкусообозначения может передавать признаки, воспринимаемые другими органами чувств.

Перенос из сферы «вкус» в сферу «слух» мы наблюдаем в следующих примерах: *хурса эдеэн* ‘острая пища’ – *хурса абяан* ‘звонкий звук’, *хонгёо hайхан хурса дуутай* ‘звонкоголосый’.

Перенос из сферы «вкус» в сферу «зрение»: *хурса мяхан* ‘жирное (букв. острое) мясо’ – *хурса нюдэн* ‘зоркие глаза, острое зрение’, *хурса хараха* ‘зорко смотреть’; *хурса гэрэл* ‘резкий свет’; *хурса наран* ‘яркое солнце’.

Перенос из сферы «вкус» в сферу «обоняние»: *хурса зөөхэй* ‘жирная (букв. острая) сметана’ – *хурса үнэр* ‘резкий запах’.

Наблюдается перенос и в собственно психологическую область: *хурса харюу* ‘меткий ответ’, *хурса ухаатай хүн* ‘человек с острым умом, остроумный человек’.

Пищевая метафора очень часто проявляет способность образных средств языка с мотивирующей гастрономической семантикой выразить ценностное отношение к называемому объекту в определенной оценочной модальности (этической, эстетической, утилитарной и др.) по отношению к выработанным в обществе нормам и ценностям.

Аксиологическая функция пищевой метафоры может транслировать следующие виды оценок.

Этическую (базовые ценности «добро»/«зло», «хорошо»/«плохо», «приятно»/«неприятно» и т. п.): *гашуун* ‘горький; кислый’ – *гашуун зоболон* ‘горькое страдание’; *хурса* ‘острый, пряный’ – *хурса үгэ* ‘острое слово’; *халуун* ‘горячий’ – *халуун угтамжа* ‘горячая встреча’; *хүйтэн* ‘холодный’ – *хүйтэн хараса* ’холодный взгляд’; *нялуун* ‘пресный; приторный’ – *нялуун хоолой* ‘слащавый, приторный голос’; *забаан* ‘безвкусный, пресный, постный’ – *забаан үгэнүүд* ‘пустые, бессмысленные слова; пошлые, циничные’, *забаагаар хэлэхэ* ‘выражаться нехорошими словами’.

Интеллектуальную («ум»/«глупость»): *түүхэй* ‘сырой, недоваренный’ – *түүхэй* ‘невежда, недотепа, кретин’, *түүхэй нюдэн* ‘близорукий; глупый, бессмысленный взгляд’ (букв. сырой глаз); *хурса* ‘острый, пряный’ – *хурса ухаан* ‘проницательность; остроумие’, *угаа хурса удхатай үгүүлэл* ‘очень глубокомысленное выражение’; *хурса шүүмжэлэгшэ* ‘тонкий критик’.

Гедонистическую («удовольствие»/«дискомфорт»): *амтатай* ‘сладкий’ – *амтатай нойр* ‘сладкий сон’.

Валеологическую («здоровье»/«болезнь»): *шэнгэн* ‘жидкий’ – *шэнгэн хоолой* – ‘тонкий, слабый, болезненный голос’.

Эстетическую («красота»/«безобразие»): *түүхэй* ‘сырой, недоваренный’ – *түүхэй нюур* ‘невыразительное лицо’.

Параметрическую («мера»/«избыточность/недостаточность»): *түүхэй* ‘сырой, недоваренный’ – *түүхэй* ‘не достигший зрелости, не готовый; зеленый, неспелый, незрелый’, *түүхэй түсэб* ‘не до конца продуманный, не завершенный, сырой план’.

Лексика, связанная с различными ритуалами пищи, способами приготовления, употребления, ее воздействием на организм, также часто становится основой для возникновения эмоционально-оценочных значений на базе психологических ассоциаций: *эһэхэ* ‘забродить, подниматься (о тесте)’ – *эһэһэн асуудал* ‘назревший вопрос’, букв. ‘забродивший вопрос’; *садаха* ‘насытиться, наесться’ – *садхалан энеэдэн* ‘довольный смех, букв. ‘сытый смех’; *болоһон эдеэн* ‘сваренная, готовая к употреблению пища’ – *болоһон бэе* – ‘крепкое, налитое, сбитое тело’, букв. ‘сваренное тело’.

Особенно много значений обнаружилось у глагола *эдихэ* ‘есть, кушать, съедать, пожирать’: *сагаа эдихэ* ‘зря время терять’, букв. ‘время свое съедать’; *наһаа эдиһэн* ‘великовозрастный’, букв. ‘возраст свой съевший’, *нюдарга эдихэ* ‘тумака получить’, букв. ‘кулак съедать’; *мүнгэ эдихэ* ‘деньги присвоить’, букв. ‘деньги съедать’.

Большинство образных единиц с мотивирующей пищевой семантикой выражает пейоративную оценку физиологическим, интеллектуальным и нравственным качествам человека, а также неприятным запахам и звукам, некачественным вещам и произведениям, сложным жиз-

ненным ситуациям. Основаниями оценок являются различные качества пищевых объектов: вкус, пищевая ценность, консистенция, структура, цвет, функциональные и динамические свойства продукта; различные ситуации, связанные с приготовлением и поглощением пищи.

На сегодняшний день для бурятского языкознания актуальной является разработка методики аксиологического анализа образных средств языка, выражающих ценностное отношение говорящего к обозначаемому, на основе которой может быть описан фрагмент картины мира, транслируемый пищевой метафорой. При этом выявление аксиологического потенциала образных средств языка с мотивирующей гастрономической семантикой необходимо осуществлять путем анализа оценочных коннотаций, реализованных в речевом употреблении. Именно коммуникативная парадигма исследования позволяет добыть новые данные о природе как духовной, так и материальной культуры человека и их лингвистических коррелятив.

Литература

Байбурин А. К. Заметки о кулинарной символике: «пересол» // Studia Etnológica: Труды факультета этнологии. СПб., 2004. Вып. 2. С. 4–13.

Балдова А. В. Миромоделирующая и аксиологическая функции пищевой метафоры в русском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2016. 15 с.

Кабакова Г. И. О сладких поцелуях и горьких слезах: заметки по гастрономии тела // Тело в русской культуре : сб. ст. М., 2005. С. 66–77.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Продукты питания как социокультурные знаки // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М. : Яз. славян. культур, 2005. С. 577–599.

Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.

Пьянкова К. В. Социальные категории в зеркале «пищевой» лексики // Ономастика и диалектная лексика. Вып. 6. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 3–23.

УДК 81-22

Т. Б. Тагарова

К лингвостилистической характеристике концептов *НАРАН* «СОЛНЦЕ» и *НАРА* «ЛУНА» в бурятском языке

Аннотация. Посвящено рассмотрению бурятских тропов с участием космонимов как языковых единиц, отражающих элементы духовной культуры. Актуальность темы связана с малоизученностью стилистической стороны космонимов «луна» и «солнце» в бурятском языке, а также с развитием интереса к лингвокульутрологии. Цель – выявить специфику бытования данных космонимов в художественном стиле бурятского языка. Задачей является изучение фразеологизмов, сравнений, эпитетов, метафор, олицетворений с участием лексем *наран* «солнце» и *hара* «луна».

В языковых единицах сохраняются следы древнейших воззрений человека об окружающем мире. Образ солнца, положенный в основу фразеологической единицы, переосмысляется носителем бурятского языка как гарант незыблемости всего мира, т. е. восходящее каждый день светило даёт надежду на лучшее, придаёт оптимизм человеку. Компонент *наран* «солнце» ассоциируется с удачей, счастьем, радостью, что и составляет

фразеологическое значение. Образ *hapa* «луны» отличается высокой частотностью в художественном тексте, данная лексема продуктивна в построении различных тропов в контексте. Переводы контекстов показывают возможность достаточно адекватной передачи смысла ФЕ, тропов. На материале тропов выявлено своеобразие языковой картины мира бурят, связанной с олицетворением, метафоризацией рассматриваемых концептов.

Ключевые слова: бурятские фразеологизмы, концепты «солнце», «луна», лингвокультурологический аспект, тропы.

T. B. Tagarova

To the Linguistic Characteristic of the Concepts *Naran* 'Sun' and *Hapa* 'Moon' in the Buryat Language

The article is devoted to Buryat tropes involving cosmonims as language units, reflecting the elements of spiritual culture. The urgency of the topic associated with the poor knowledge of the stylistic side of kosmonims the moon and the sun in the Buryat language, as well as with the development of interest in linguoculturology. The purpose of this article is to identify the specific instances of these cosmonims in the artistic style of the Buryat language. The task is to study phraseological units, comparisons, epithets, metaphors, personifications with the participation of the lexemes “sun” and “moon”.

In language units, traces of the oldest views of man about the world around him are preserved. The image of the sun, which is the basis of the phraseological unit, is reinterpreted by the Buryat native speaker as a guarantor of the inviolability of the whole world, i.e. the light rising every day gives hope for the best, gives optimism to a person. Component Naran 'sun' is associated with luck, happiness, joy, which is the phraseological meaning. The image of hara 'moon' is characterized by high frequency in the literary text, this lexeme is productive in the construction of various paths in the context. The translation contexts indicate the possibility of adequate transmission of FU and tropes. On the material of the tropes the peculiarity of the language picture of the world of Buryats associated with the personification, metaphorization of the concepts under consideration is revealed.

Keywords: Buryat phraseological units, concepts “sun”, “moon”, linguistic and cultural aspect of the tropes.

Лингвокультурология – отрасль языкознания, изучающая отношения языка и культуры, особенно активно начала развиваться в России с 90-х гг. XX в. Многие бурятские лингвисты касались взаимоотношения языка и культуры. Так, Е. А. Бардамовой изданы две крупные монографии, посвящённые рассмотрению концептов «Время» и «Пространство» в языковой картине мира бурят (2011). Выходят в свет труды с анализом, описанием гендерных, цветовых, числовых, зоосемических и других концептов.

Фразеологические единицы (ФЕ), различные тропы монгольских языков, носители которых (кочевники), переживают время значимых изменений в своей жизни, вызывают особый интерес. Поэтому возрастает актуальность вопросов отражения в языке концептов, связанных с образом жизни, менталитетом монголов, в целом культурой и т. п.

Концепт трактуется как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении обще-

ственного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007, с. 34].

Интерес вызывает то, как космические объекты воспринимаются носителями бурятского языка, как отражаются в языке, преломляясь в сознании. То, как это передаётся бурятской фразеологией, различными тропами ещё не исследовалось. Для более выпуклого проявления специфики языковой картины мира носителей разносистемных языков нами предпринят перевод контекстов из художественных произведений, с приведением по возможности эквивалентных словосочетаний и слов. Материал для изучения почерпнут из Фразеологического словаря бурятского языка [2014] и Бурятского корпуса [Бурятский корпус].

Языковая или наивная картина мира демонстрирует мировидение человека, развивавшееся ещё в древние времена, когда не было научных знаний о строении мира, окружающей среды. Древний человек создавал свою концепцию окружающей действительности, исходя из своего понимания, обожествляя природу. Верование в «вечное синее небо» *хүнхэ мүнхэ тэнгэри* было возведено в ранг государственной религии при Чингисхане. Оно помогало выживать в гармонии с природой, неотъемлемой частью которой является человек. Монголы поклонялись солнцу и луне, считая солнце матерью луны (ср. выражение «мать-солнце» в «Сокровенном сказании»).

В шаманских призываниях после божеств неба и земли наряду со звёздами упоминаются «полная луна», «золотое солнце» и «полумесяц». В отличие от древнемонгольских представлений, позднее, солнце стало связываться с мужским, а луна с женским началами (ср. свадебный обряд, по которому жених садится на изображение солнца, невеста – на изображение луны).

По солнцу соизмеряли правильность или неправильность движения, если нужно идти куда-нибудь, то обязательно нужно двигаться *нара зүб* «посолонь», по часовой стрелке, что отражает и буддийский свод правил поведения. При этом концепт передаёт прямое значение солнца:

Зай, буусыетнай нара зүб тойроод ошохо болоолди даа! – гэхэ зуураа толгой дээрэнь сугалигтай номоор адислаба. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Ну, мы должны пойти по ходу солнца вокруг вашей усадьбы! – говоря так, благословил молитвенной книгой, приложив к голове и т. д.

Антонимичная ФЕ *нара буруу* «против хода солнца» может отражать элемент обряда, тогда здесь она употребляется без эмоционально-экспрессивной окраски:

Мантаг хүгшэнэйнгөө хүүрые нара буруу тойрожо гараад, гэдэргээшье харангүй хуушанһаа холодобо. М. Осодоев. Орхигдоһон худагай хажууда. – Обошли могилу бабушки Мантаг против хода солнца и удалились, не оглядываясь назад.

Солнце *наран* отождествлялось и отождествляется с самим жизненным круговоротом, что отражено в бурятской ФЕ *эрьехэ наран, ээлжээлхэ түрэ.* ≈ будет и на моей улице праздник (букв. возвращающееся солнце, очередная свадьба). Писатели активно используют данную ФЕ, вкладывая её в уста своих персонажей:

«*Энэ Балдантан һүйтэй һүбэлгэн хүбүүтэй болоол даа, барһад. Хэдышье болотор зобохоб даа, эрьехэ наран, ээжэлхэ түрэ гэжэ бии ха юм», – гэлдэхэ юм.* С. Цырендоржиев. Шобоодой. – «У семьи Балдана сообразительный, находчивый сын растёт. До каких пор они будут страдать, будет и на их улице праздник», – говорили.

В данной ФЕ компонент *наран* «солнце» показывает философское мировидение народа, заключающееся в понимании того, что в природе установлен незыблемый порядок, когда всё идёт своим чередом, солнце каждый день восходит, и жизнь продолжается. То есть солнце есть гарант жизни на земле.

Наивная картина мира свидетельствует, что солнце восходит – *наран мандадаг, т. е.* расцветает и идёт на закат – *наран жаргадаг* (букв. солнце блаженствует, т. е. радуется, идя на отдых). *Тиигэжэ тэрэнэй ехэ зай һэтэлжэ, үнөөхи намагтай нуураа тамаржа, эшээндээ ерэхэдэнь, наран жаргаха тээшээ боложо байгаа һэн.* Б. Ябжанов. Эхэ шоно. – И когда она (волчица) преодолев большие расстояния, переплыла то болотистое озеро, пришла к своей норе, солнце приближалось к закату.

При этом ФЕ *наран жаргаба* является нейтральной окраски, поскольку обозначает лишь часть времени суток – вечер.

Допущение фантастического явления наблюдается в ФЕ *наран хойноһоо гараха* «случиться чему-то невозможному» (букв. солнце на севере взойдёт):

Үгыхэн ааб даа, үнэн хэрэгээ иигэжэ хардуулбални наран хойноһоо эрьежэ гараха! Д. Эрдынеев. Ехэ уг. – Нет, если мое правдивое дело оклевещут, то солнце на севере взойдёт!

«*Хобдын хэрэмэй таанад мэтын ядуу дээрмэшэдтэ эзэлэгдээ һаань, Хүбсэгэл далай һабадаа бусалжа, оёортоо шэргэхэ, хүхэ тэнгэриһээ замаа алдажа, наран хойноһоо гараха!».* С. Норжимаев. Гурбан һогоон. – Если крепость Кобдо займут подобные вам слабосильные разбойники, море Хубсугул закипит в своём сосуде, до дна иссякнет, солнце потеряет путь в синем небе и взойдёт с севера!

В данном контексте экспрессия приведённой ФЕ усиливается ещё такими фантастическими предположениями, как закипание и высыхание моря (озера), переданными в первом главном предложении сложноподчинённого предложения. Образ солнца здесь олицетворяется, как живое существо, способное потерять направление.

В следующем контексте ФЕ переживает процесс повторной метафоризации, что можно считать авторским, окказиональным приёмом, поскольку в данном контексте *наран жаргаба* имеет значение наступления новой счастливой жизни (после революции):

Балар саг барагдажа, / Бата наран жаргаба бэшэ гү? Х. Намсараев. Баригдабал балар харанхы. – Тёмное время заканчивается, / Сильное солнце блаженствует, не так ли?

Образ солнца часто кладётся в основу ФЕ, возникшей на ассоциации с чем-то фантастическим, возможным в нереальном мире. Например, в бурятской ФЕ солнце может взойти внутри человека, когда он себя чувствует счастливым:

Үйһэн барюултай эсэгынгээ булад хутагые баримсаараа, досоомни наран гарахадал гэбэ. Б. Ябжанов. Эртын шүүдэр. – Как только я схватил стальной, с берестяной ручкой отцовский нож, внутри меня солнце взошло.

Нужно отметить универсальность образа солнца, наверное, для многих языковых картин мира, связывающих его с ощущением счастья, хорошего настроения, удачи и т. д., т. е. образ солнца, без сомнения, несёт только положительную оценочность.

Так, следующая многозначная ФЕ, связанная с этнографией, со временем получила новое значение. Рассмотрим их в переводе.

Хатарша морёороо гүйлгэжэ ябаа буряадай / Харгые отолон гаража шадабал, ши / Нэрыень хухалааш, / Нарыень буляагааш – Нара буляалдаанда илажа гарахалши! Н. Дамдинов. Үндэр хизаар. – Если сможешь перерезать дорогу бурята, скачущего на коне, ты уронишь его честь, отберёшь его солнце (удачу) – Выйдешь победителем в борьбе за удачу!

2. Выигрывать состязание. *Алтан медаль адхажа һалабалши даа, Виля. Грузденеэ «бэрхэшээлые» дабааш, нараяа буляагааш. В. Петонов. Арбан табадахи раунд.* – Получил-таки ты свою золотую медаль, Виля. Преодолел «трудности» Грузденя, солнце своё отобрал (т. е. удачу свою отвоевал. – *Т. Т.*).

Урагууднай угтамжа дээрэмнай тулажа ерээд, наана саана хоёрһоо нара буляалдажа эхилээд, нэгэ хурдан буурал моритой хүбүүн хии һалхин шэнгеэр хорёо дээгүүр тэмгэ тэмгэ харайлгажа гараад, нара буляажархибал. Тиимэ нара буляалдаан гээшэ жаргалай түлөө залуу үеын тэмсэл гэһэн удхатай юм. Х. Намсараев. Үүрэй толон. – Сваты наши вплотную подошли к месту приёма, начали с этой и с той стороны «солнце отбирать друг у друга», один юноша на быстром чалом коне вихрем перескочил через ограду, и «отобрал солнце». Это символ борьбы за счастье молодого поколения.

Одно из значений – пересекать дорогу перед кем-то идущим. Большое значение придаётся тому, кто и как пересекает дорогу в разных культурах. Вспомним, в русской культуре есть примета не очень

хорошая: если дорогу пересекает женщина с пустыми вёдрами, это к неудаче, или если «чёрный кот дорогу перейдёт» тоже плохо. Хотя у англичан, наоборот, если чёрный кот перед вами пробежит, – это к удаче. У бурят, как у и у всех монголов, нельзя перебегать дорогу перед старшими как по возрасту, так и по социальному положению, например, обязательно пропустить нужно вперёд представителей духовенства и т. д.

Антонимичная ФЕ *нара буляагдаха* имеет значение «проигрывать состязание» (букв. «солнце позволить отобрать»). *Финальна сохилдоон… Виля мүншье Груздень хоёр һэмнэй даа. Тиихэдэ Виля «нараа буляагдашоо» һэн.* В. Петонов. Арбан табадахи раунд.

Образ солнца как символ счастья, веселья также участвует в образовании ФЕ, характеризующей психологические состояние человека, радующегося жизни:

Хүршэнэрэйнгөө хүбүүень магтахадань… энхэрэг һайхан шарайгаар харахадань, эхын досоо нара ногоо татадаг һэн. Ж. Балданжабон. Сэнхир хаданууд. – Когда соседи хвалили сына, смотрели с нежностью, добротой, в душе матери сияло солнце, цвела зелень.

И, естественно, не видеть солнца означает жить тяжело, без радости:

…Бүрэнхы манан татаһаншье һаа, нарата үдэрэй ерэхэдэ арад зон юундэ зүрхэеэ баясуулнагүйб? Али нара хараха аргагүй наһаараа барлаг ябаһан хүнэй бүхэтэр болоһон дээрэһээ гү? Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Сумрачный туман рассеивается, и солнечный день наступает, почему же народ не радует своё сердце? Или это из-за того, что всю жизнь прожив батраком, стал горбатым и не видел солнца? (Соотв. рус. «света белого не видел.» – *Т. Т.*).

Антонимичная ФЕ со значением «увидеть свет» чаще используется в официально-деловом стиле или публицистике:

Тиимэһээ «Шэдитэ модон» гү, али монгол онтохонууд нара хаража, ном болон гараг лэ гэжэ зууршалан гуйха байнабди. В. Жапов. Буряад үнэн, 25.12.2008. – Поэтому, пользуясь случаем, обращаемся с просьбой об издании книги «Волшебное дерево», пусть монгольские сказки увидят свет. Данная ФЕ имеет нейтральный оттенок, попадая в контекст официально-делового стиля.

Так, можно отметить, что специфика жанра оказывает влияние на стилистическую окраску ФЕ. Ведь, как можно было заметить, ФЕ с компонентом *наран* «солнце» все являются экспрессивными.

Һара «луна», как известно, часто рассматривается в неотъемлемой связи с солнцем. Ещё в старописьменном памятнике монгольских народов упоминается луна в связи с мифологическим эпизодом оплодотворения женщины:

Һүни бүри сагаан шара хүн гэрэймнай үрхэ, тотогоор гэрэл туяа сасаруулһаар, нэбтэрэн орожо, минии хэбэлые эльбэхэдэнь, элшэнь

орожо шэнгэдэг һэн. Тэрэ хүн һара наранай туяарха үеэр шара нохой мэтэ шарбалзаһаар, гаража ошодог бэлэй (Монголой нюуса тобшо 1990. § 21) – Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. А уходит так: в час, когда солнце с луной сходится, процарапываясь, уходит, словно желтый пес (Сокровенное сказание монголов 1990 / пер. С. А. Козина).

Нейтрально значение данных лексем в контекстах, когда они просто упоминаются как объект изучения, как космические тела, например:

В прозе: *Мүнөө хүн һара, наран, космос тухай уншадаг болошоо ха юм. Бишье баһа хүниие һажаалданаб.* Ц.-Ж. Жимбиев. Талын харгынуд. –Нынче о солнце, луне, космосе стали читать. И я также этому следую.

В строках стихотворения Д. Улзытуева также солнце и луна фигурируют как космические объекты, т. е. в прямом значении: *Тэнгэри ходол улайха. / Һара наран хиртэжэ, / Һанаа сэдьхэл зобоохо.* – Небо постоянно краснеет. / Луна и солнце в затмении / Мучают душу мою. Д. Улзытуев. Аханартаа.

Относительно этих строк уместно заметить, что нотку грусти придаёт упоминание такого природного явления как затмение.

Часто *Һара* «луна» выступает как объект сравнения с лицом человека, используясь в прямом значении, как космическое тело, круглое по форме.

Сравнение, как известно, представляет собой форму познания окружающего мира путем сопоставления различных объектов. Они участвуют в образовании компонентов сравнительной конструкции. Сравнение зачастую несет в себе оценку человеком явления или объекта, и часто встречается в бурятской художественной литературе.

Мы следуем устоявшемуся определению сравнения в языкознании, которое заключается в следующем: это «Фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака общего с первым» [Ахманова, 2004, с. 450].

Сравнение лица человека с луной традиционно в бурятском языке: *Һара шэнги түхэреэхэн нюуртайнууд, хюһажархиһан хундан сагаан толгойтой хоёр хубараг үүдээр түрисэлдэн гүйлдэжэ ороод…* Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – С круглыми как луна лицами, обритыми белыми головами два хуварака (послушники) забежали, толкаясь в двери… Но *түхэреэхэн* «кругленький» имеет уменьшительно-ласкательный суффикс, что придаёт положительно-оценочную эмоционально-экспрессивную окраску контексту, таким образом, круглая форма луны также воспринимается как нечто положительное. А *Һара шэнги түхэреэхэн* является единым членом предложения – определением.

Сравнение *һара наран шэнги* «как луна и солнце», ослепительно красивая (обычно о женщине), функционируя в контексте в роли эпитета, приобретает эмоционально-экспрессивную окраску, например:

Энэ хүсэлни гэхэдэ... Һара наранһаа һайхан танай басагаар наһанайнгаа нүхэр хэжэ болохо гү? Д. Сультимов. Ябаһан хүн яһа зууха. – Моё желание таково… Можно сделать из вашей дочери, прекраснее луны и солнца, спутника своей жизни? (низко кланяется перед богачом). Отметим, что экспрессивность усиливается при образовании формы сравнительной степени: *Һара наранһаа һайхан* прекраснее луны и солнца.

Солнце вместе с луной – мерило достоинства человека: *Хүн нэрэеэ Һара, Наран шэнги дээрэ үргэжэ, хэсүү сагуудта нугарангүй, хэһэн ажалаараа хэтэ мүнхэдөө оршоёл…* Ц.-Д. Хамаев. Хүн. – Звание человека поднимем как луну и солнце высоко, не сгибаясь в тяжелые времена, войдем в вечность своим трудом.

Сравнение одновременно подчёркивает отличие: *Теэдшье юунэй гайхал бэ даа, нэгэ айлай үри хүүгэдшье үндэгэн шэнги адли бэшэ, ехэнхидээ һара нарандал илгаатай байдаг ха юм.* Ц.-Д. Хамаев. Найдал. – Чему удивляться-то, в одной семье-то дети не бывают одинаковыми как яйца, в большинстве своем отличаются как луна и солнце.

Сравнительные конструкции демонстрируют культурологическую специфику, включая в свой состав названия элементов материальной культуры бурят, например, в контексте луна сравнивается с большой свечой (перед божницей), которая медленно угасает: *Малаан һара ... һарьдагай оройдо бадарааһан мантан томо зула шэнгеэр аалихан бүхэбэ.* Д.-Д. Дугаров. Хара булган.

Һаяхан угаагдаһан хониной арһа дэлгээһэн шэнги ехэ сагаан һара тооно дээгүүр сайбайна. Ч. Цыдендамбаев. Банзарай хүбүүн Доржо. – Большая белая луна, словно разостлали только что выстиранную овечью шкуру, белеет над дымником юрты.

Встречаются оригинальные авторские сравнения: *Намарай сэлмэг тэнгэриин уудамда дэгдэһэн арбан табанай һара нюдэндэнь туйлай томо гуулин улхан мэтээр харагдана.* С. Цырендоржиев. Хуумаан Янгар. – В просторе осеннего ясного неба поднявшаяся полная луна как огромная латунная чаша.

Оттенок иронии придается описанию образа луны при не сочетаемом, казалось бы, сравнении с обыденным, приземлённым явлением, таким как надкушенная колбаска: *Ямар нэгэ хомхой амитанда хахадаараа хазуулшаһан халбаашхадал һара бултайжа, үнгэгүй сайбар гэрэлээ тала дайдаар адхаба.* С. Цырендоржиев. Эдир пионер. – Выглянула луна, словно наполовину откушенная каким-то жадным существом колбаска, пролила бесцветный, блеклый свет на все пространство и т. д.

Часто употребляемый приём в бурятском художественном стиле это ***олицетворение*** – одушевление неживых предметов. Высокой частотностью в нашем материале отличается олицетворение луны, которой приписываются способности, качества, эмоции человека, например, луна любопытствует, осторожно заглядывает, видит, смеётся, при-

крывая рот ладонью, вместе с ней и звёзды также смеются, радуются, тычут друг друга пальцами, прыгают:

Гэртээ хүрэжэ ерэхэдэнь, газаа харанхы болошоод байба. Сайгаа уугаад, баруун гэртээ орожо, дулааханаар тэбэрилдэн унтахадань, урда сонхоор залуухан һара һонирхонги һэмээхэнээр шагаажа, нэгэ һонин юумэ харажархиһандал, альгаараа амаа бүглэн энеэсэгээбэ. Хажуугаарнь обоорһон одо мүшэд һонирхуу дангинаяа һажаажа, «Оош даа, оо!» гэлдэн онигошолдобо, улам саашаа хүхижэ, бэе бэеэ хургаараа хадхалсан, эмнилсэн, хүхэ модон болотороо энеэлдэжэ байгаад, хүл хөөрсэг дэбхэрэлдэбэ, баярлаба. Б. Мунгонов, Баян зүрхэн – I. – На улице стемнело, когда они дошли до дома. Когда попив чаю, перейдя в западную часть дома, уснули в тепле в обнимку, в переднее окно заглянула с любопытством осторожно молоденькая луна и, словно увидела что-то интересное, засмеялась, закрывая рот ладонью. Звёзды, собравшиеся рядом, вслед за любопытной своей красавицей говоря «Оош даа, оо!», мигали, всё больше развеселяясь, пальцами друг в друга тыкали, перемигиваясь, хохотали до упаду, прыгали от возбуждения, радовались.

Заметим, что в русской сказочной литературе это обычно месяц, приравниваемый мужчине, юноше. В бурятском языке *һара* обозначает и месяц и луну. Луна и звёзды выражают доброжелательное отношение к людям, как видит автор.

У другого прозаика также живописна картина ночи с луной, демонстрирующая олицетворение, где луна сначала печальная, спокойная, затем улыбается: *Тугаар һаяхан хахадынь хиртэшоод, уйдхартай улаан шарайгаар хаража байһан һара мүнөө дээрээ зааханшье һүүдэргүй, түхэреэн тодо, мүнсэгэр сагаан шарайтай болоһон, хэдэн жэлэйшье хиртээгүй хэбэртэй, баруун зүгэй огторгойдо тэнигэр амгалан мэшээжэ байна*. Ц. Дон. Хиртэһэн һара. – Луна, круглая, ясная, сияюще белая, без малейшей тени, умиротворённо, мирно улыбалась на западе небосвода, как будто и не была в затмении несколько лет, и словно и не смотрела вот совсем недавно наполовину затемнённым, печальным красным ликом.

Тропы сополагаются в одном контексте, живописуя природные явления с разных сторон, например, распространенная сравнительная конструкция и олицетворение. Так, луна сердита: *Һаглагар хушын мүшэрнүүдэй забһараар шара шубуунай үрөөһэн нюдөөрөө шагааһандал, онгон шара һара ууртайгаар ёлойн гэтэнэ. Наран баруун тээхи аладай хадын саана хоргодоод, орондонь шэнын һарагархан һара бултайба*. Б. Санжин, Б. Дандарон. Заяанай зам. – Сквозь лохматые ветви сердито, косо уставилась желтая, как идол, луна, словно сова, смотрящая одним глазом. Солнце спряталось за дальними западными горами, вместо него выглянул новенький растопыренный месяц.

Луна испытывает печаль, жалость по отношению к герою, прикрывает лицо облаками: *…хайрлаһан улаан шарайгаар хойноһоонь үдэшэн хаража, һэмжэн эреэн үүлээр нюураа бүтүүлээд, уйдхартай болон гээгдэнэ*. Х. Намсараев. Үүрэй толон.

И солнце и луна приветливо улыбаются, глядя на людей: *Иигэжэ эдэ гурбанай хонон үнжэн хөөрэлдэжэ байхые огторгойдо мандажа байһан наран, харанхы һүниие гиигүүлһэн һара урихан миһэрээгээр харажал байгаа бэлэй.* Б.-Б. Намсараев. Хүрмэлдэһэн хуби заяанууд.

Луна может действовать: *Һара гараад, һарабшална нуур тээшэ. / Һайхан муухайгаа шэнжэлнэ гээшэ / ха, барһан*. Д. Улзытуев. Һуунаб Түгсүүлтын эрьедэ… – Луна смотрит как бы из-под козырька в сторону озера, изучает, хороша ли она или нет, бедняжка.

Луна готова охранять сон юноши: *Тэнгэри сэлмэг. Дүүрэн шаргал һара хада дээрэ яларна. Үглөөгүүр болотор мүнгэн сагаан туяагаа эльгээжэ, холын аянда мордоһон хүбүүнэй нойрые сахихаар бэлэн хэбэртэй*. В. Гармаев. Гаржаамын таабари.

Луна говорит, указывая путь: *Хадын оройгоор һара шагаан: / «Харгышни энэ» – гээд намда заана.* С. Ангабаев. Эбхэрэн долгилһон түрэлхэн Гааргадаа... и т. д.

Разнообразны определения, эпитеты луны. **Эпитет**, как известно, образное, художественное определение, прибавляемое к предмету для изобразительности… [Ожегов, 1973].

Например, частотны постоянные эпитеты *тэргэд* круглая, *малагар, малайһан* полноликая, *дүүрэн* полная, *яларһан* сверкающая и т. д.:

Арбан табанай дүүрэн малаан һара урда хадануудай хюрөөгэй шүдэд шэнги оройнуудай хоорондоһоо бултайжа, улаан шаргалаар толотобо. А. Жамбалдоржиев. Гэрэлтэй мүшэн. – Пятнадцатидневная, полная, полноликая луна выглянула из-за середины вершин гор, подобных зубьям пилы, и засияла красно-оранжевым. (Известно, что пятнадцать дней – это полный цикл роста и убыли луны по восточному календарю.)

Выявлены авторские эпитеты: *тохигор һара* угловатая луна (у В. Гармаева), *бугааг һара* браслет луна (у З. Гомбожабая), *ядагар эбэртэй* с кривыми рогами (Б. Мунгонов), *годигор заахан* кривая маленькая, *сэнхир хүхэ* лазорево-голубая, *сагаан сэнхир* бело-голубая (Ч. Цыдендамбаев), *хүсэд бэежээгүй, намарай залуу сэбэр* ещё не достигшая зрелости, осенняя молодая чистая (Ж. Тумунов), *годигор хүйтэн хадуур* кривой холодный серп (С. Доржиев) и т. д.

Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т. п., для характеризации или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении. В расширительном смысле термин «метафора»

применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении [Языкознание, 1998].

Проведение границ между разными тропами представляет собой известную трудность, так как имеет место переход одних тропов в разряд других.

Танай һаншагые һара сайлгаа. Танай һахалые наран шарлуулаа! Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан. – Ваши виски луна обелила. Ваши усы солнце жёлтым окрасило.

Һанаһан зориһон хэрэгээ бүтээн бусахадаш, / Һара наран мантай хамта зугаалхал. Х. Намсараев. Зүрхэнэй хоёр сэсэг. – Когда вернешься, совершив дело, достигнув цели, луна, солнце с нами будут беседовать.

Тэрэ эхэнэр нара ногоо татуулан энеэбхилээд <…> Ж. Балданжабон. Паровоз хуугайлна. – Та женщина смеялась, притягивая солнце, зелень… Метафора строится на основе того, что смех счастливого человека уподобляется солнечному свету, зелёной траве, что является признаком благополучия.

Поэт Цырен-Дулма Дондогой олицетворяет солнце, как божество, дарующее жизнь, одновременно развёртывается метафора. Стихотворение *Нарамни, дулаасуул!* Солнце моё, согрей! звучит как молитва. См. отрывок:

…Нарамни, хүлисэ: бишни тогтууригүйхэнби. / Нарамни, хүлисөөрэй эхэнэрэй аяг зан. / Нарагүйгөөр ямаршье түби дээрэ / Набшаһа, ногооншье амидардаг бэшэхэн. / Нарамни, Нарамни, Нарамни, мэдээрэй: / Намһаа буруу эрьебэлшни, үхэшэхэб!.. – Солнце мое, прости: я не постоянна. Солнце моё, прости женский нрав. Без солнца на всём свете не проживут ни листва, ни трава. Солнце мое, знай: отвернёшься от меня, я умру!..

Мэри Хамгушкеева создает метафорический контекст с образом одушевлённого солнца:

Наранай элшээр / нюураа угааба гээшэб. …/ Урдаһаам тэбэрин, / Уралыем таалабал – / Утаһан элшээрээ ургадаад абабал… – Солнца лучами лицо свое я умыла. В ответ, обнимая меня, целовало солнце губы мои – Нитями лучей своих поймало меня (пер. наш. – *Т. Т.*).

Таким образом, материал демонстрирует высокую продуктивность лексем *наран* «солнце» и *һара* «луна» в функции тропов, в составе ФЕ. Большое место занимают сравнение, олицетворение, эпитет, метафора, особенно ярко воплощающие национальную языковую картину мира. Рефреном звучит мысль о невозможности существования без солнца, а луна – спутник и в космическом смысле, и спутник, постоянно сопровождающий человека, испытывающий печаль, сочувствие по отношению к нему. Рассмотренные космонимы – значимые концепты в формировании языковой картины мира бурят с древних времён.

Литература

Бардамова Е. А. Пространство в языковой картине мира бурят / отв. ред. П. П. Дамбуева. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2011. 200 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : Изд-во АСТ : Восток – Запад, 2007. 314 с.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры, 1996. 285 с.

Словари

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : УРСС : Едиториал УРСС, 2004. С. 450.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Сов. энциклопедия, 1973.

Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск : ИГУ, 2014. 565 с.

Фразеологический словарь русского языка: в 2 т. / сост. А. И. Фёдоров. Новосибирск : Наука, 1995. Т. 1. 391 с.; Т. 2. 396 с.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Бол. рос. энцикл., 1998. 685 с.

Источники

Дондогой Ц-Д. Шамбалын сэсэгүүд. Улаан-Үдэ : «Буряад үнэн» хэблэлэй байшан, 2013. 266 н.

Монголой нюуса тобшо. Сокровенное сказание монголов / Ч.-Р. Намжиловай оршуулга ; пер. С. Козина. Улаан-Үдэ : Буряадай номой хэблэл, 1990. 318 с.

Улзытуев Д. Зохёолнуудай суглуулбари (III боти) // Собрание сочинений: в 3 т. / Дондог Улзытуев ; отв. ред. Л. С. Дампилова. Улан-Удэ : НоваПринт, 2016. 472 с.

Хамгушкеева М. hэбшээнэй шэбэнээн // Антология бурятской литературы. Т. 1. Поэзия – Буряад шүлэгэй далай / сост. А. Л. Ангархаев, Г. Ц.-Д. Буянтуева. Улан-Удэ : Респ. тип., 2013. С. 331.

Бурятский корпус [Электронный ресурс] // Лингвистические корпуса и сервисы. URL: http://web-corpora.net/.

http://www.socionic.ru/.

УДК 821.512.31

Л. Ц. Халхарова

Бурятская дневниковая проза периода войны

Аннотация. Посвящено изучению жанра военного дневника в творчестве бурятских писателей периода Великой Отечественной войны. Жанр дневника как исторический документ и как произведение литературы занимает особое место в документально-художественной литературе. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что жанр военного дневника в бурятской литературе недостаточно широко исследован. Целью исследования является выявление жанровых особенностей военных дневников, их документальной и автобиографической основы. Предмет исследования – восприятие войны авторами военных дневников. Объект исследования – бурятская военная проза. Материал исследования – военные дневники писателей-фронтовиков Ж. Тумунова и Ц. Номтоева. Фрагменты текстов на бурятском языке даются с переводом на русский язык. Материал, использованный в данной статье, даёт возможность расширить представления о дневниковой прозе, в частности жанре военного дневника.

Ключевые слова: бурятская литература, жанр, военный дневник, документальное начало.

L. Ts. Khalkharova

Military Diary Genre in Works of Buryat Writers during the WW II

Abstract. The article is devoted to the study of the military diary genre in works of Buryat writers during the Great Patriotic War. The genre of the diary as a historical document and as a work of literature occupies a special place in the documentary and fiction literature.

The fact that a military diary as a genre in the Buryat literature is studied not enough explains the relevance of the research. The objective of the study is to reveal the genre features of military diaries, their documentary and autobiographical basis. The subject of the study is the perception of war by the authors of military diaries. The object of the study is Buryat military prose. Military diaries of writers – front-line soldiers Zh. Tumunov and Ts. Nomtoyev are used as the material of the study. Fragments of the Buryat texts under analysis are presented with their translation into Russian. The material used in this article makes it possible to expand the notion of diary prose, in particular the genre of the military diary.

Keywords: buryat literature, genre, military diary, documentary beginning.

Великая Отечественная война вызвала к жизни новые жанровые формы и трансформировала традиционные: появились такие формы, как повесть в стихах, рассказ в стихах, фронтовой дневник, документальная повесть, лирический очерк и мн. др. В одних произведениях в центре – конкретный случай или подлинный герой со своей фамилией, в других – изображение подвига, в третьих – фронтовые будни с их бытом и прозой. Для стиля произведений военной поры было характерно освобождение от риторики ложной патетики, которая была присуща предвоенной литературе. В периоды исторических потрясений, как известно, резко увеличивается потребность общества в документалистике, которую отличает прежде всего правдивость и достоверность.

Те общие процессы и изменения, происходящие в целом в советской литературе тех лет, коснулись и бурятской военной прозы. В период Великой Отечественной войны на страницах газет и журналов печатались стихи, очерки, рассказы Ж. Тумунова, Ц. Номтоева, А. Жамбалона, Ж. Балданжабона, Д. Хилтухина, Б. Мунгонова, Б. Шойдокова и др., которые воевали на фронте и служили военными корреспондентами, командирами, политработниками.

Самостоятельную художественную ценность приобрели в эти годы писательские записи, дневники, заметки, зарисовки. По мнению исследователей, «военные дневники и творческие записки являются тематической разновидностью общего дневникового гипержанра. Отсутствие четкого, общепризнанного понятийного аппарата позволяет как исследователям, так и самим авторам достаточно широко трактовать его границы» [Колесникова, 2014].

Исследователь В. В. Федотова отмечает, что «одним из признаков, присущих дневниковой прозе, является ее активное взаимодействие с другими жанрами. Оно проявляется, прежде всего, в использовании дневника в качестве повествовательной формы. Обращенность дневника, в отличие от художественной прозы, более к жизни, чем к вымыслу и его предназначение в основном для себя или близких людей не мешает тому, что дневник, особенно писательский, часто заключает в себе

признаки разных поэтических и прозаических жанров. Дневниковые записи содержат зародыши интересных замыслов, новеллы, стихи, притчи. Кроме того, жанр дневника активно взаимодействует не только с художественной литературой, но и такими художественно-документальными жанрами, как мемуары, письмо и др.» [Федотова, 2010]. Что касается жанра военного дневника, то он обладает определенными, только ему присущими качествами: это летопись войны глазами его участника, его размышления, переживания, воспоминания.

В самом начале войны был принят запрет на ведение дневников. Однако он не касался военных корреспондентов. Этот факт отмечается в воспоминаниях поэта-фронтовика Давида Самойлова: «Вести дневник или записывать что-либо для памяти на войне не полагалось. Я не помню публикаций наших солдатских и офицерских дневников. Даже генеральских не помню. … Солдат практически и не мог вести постоянные записи. Это внушило бы подозрения, да и при очередной бесцеремонной проверке вещмешка старшина приказал бы изничтожить тетрадку или записную книжку, поскольку они не входили в список необходимого и достаточного солдатского скарба» [Самойлов, 1990].

На характер повествования в произведениях военной прозы Ж. Тумунова оказали большое влияние личные впечатления писателя о войне – в июле 1941 г. Ж. Тумунов был призван в армию, сначала служил военным корреспондентом армейской газеты 17-й армии на восточном фронте, затем с 1944 г. заместителем командира батальона 54-й дивизии 3-го Белорусского фронта. В октябре 1944 г. Ж. Тумунов прибыл на фронт, и с этого момента его творчество продолжалось в фронтовых условиях. «…Вместе с боевым снаряжением Ж. Тумунов взял с собой на фронт небольшие, удобные для ношения в кармане записные книжки в синеньких обложках. Они стали фронтовыми дневниками писателя» [Дугарнимаев, 1960].

Писатель был готов встретить смерть лицом к лицу и до последней минуты писать, писать правду о войне. Об это свидетельствует запись на обложке одной из его фронтовых тетрадей: «Все мои бумаги должны быть доставлены по адресу: 1) город Улан-Удэ, Шмидта, 30, кв. 15, Намсараевой Ханде или 2) город Улан-Удэ, Каландаришвили, 19, Бургосиздат, для передачи семье Тумунова, 15/1 1945 г.» [Тумунов, 2014, с. 349]. Таким образом, в случае его гибели, его дневники должны были быть сохранены.

В дневниковых записях Ж. Тумунова запечатлены события военного периода – эпохи исторического изменения жизни общества и всей страны. При этом под дневником писателя мы понимаем определенный тип текста, проявляющийся в наличии ежедневных записей (он так и назвал свой военный дневник «Үдэр бүриин тэмдэгүүд» (Ежедневные заметки)), где присутствует линейно-фрагментарный тип повествова-

ния, внешним маркером которого выступает датировка, фиксирующая периодичность записей: «1944 оной октябрь hарын 5» (5 октября 1944 г.), «1945 оной март hарын 1» (1 марта 1945 г.) и т. д. (здесь и далее перевод наш. – *Л. Х.*). Для повести характерна точность датировки событий, их географическая и топографическая привязка: «*1944 оной октябрь hарын 8. Минск – Белорусска ССр-эй ниислэл. Янко Купалын дуунууд эндээ бүхы дэлхэйдэ зэдэлдэг байгаа*» [Тумунов, 2014, с. 640]. (8 октября 1944 г. Минск – столица Белорусской ССР. Отсюда звучали на весь мир песни Янко Купалы.) «*1944 оной октябриин 11. Каунас. Хуушанай город. Саад ехэтэй*» (11 октября 1944 г. Каунас. Старый город. Много садов.) «Война изображена глазами очевидца, что, безусловно, задает определенный ракурс при ее описании: усиливается достоверность повествования, конкретнее передается эмоциональное ощущение человека, перенесшего эти события» [Халхарова, 2014].

Нужно отметить, что для повести Ж. Тумунова, несмотря на его документализм и публицистичность, характерно и глубокое лирическое начало, которое выражено в форме эмоционально-взволнованных высказываний. Обратим внимание на размышления автора-повествователя о его сыне Баторе, о судьбе которого он постоянно тревожится: *«Баатарhаа намда юуншье хайрагүй. Минии шуhанайм, минии бодолойм, минии ябадалайм бүтэн байгаа сагта хүбүүгээ би хүн болохоб. Хүн болгохоб. Хүн олон байдаг. Хүнэй эрхим хүн болгохоб»* [Тумунов, 2014, с. 640]. (У меня никого нет дороже моего сына Батора. Пока течет в моих жилах кровь, пока я в здравом уме, пока я жив, я воспитаю моего сына, сделаю человеком. Сделаю человеком. Люди разные бывают. Я воспитаю его лучшим из лучших.)

По верному наблюдению исследователя С. Г. Осоровой, «.. у Тумунова присутствует образ повествователя – непосредственного участника военных событий, лично пережитых, увиденных на фронтовых дорогах… Собственно авторский опыт, личное знание фронтовой жизни позволяют писателю художественно осмыслить и передать тяготы, лишения, трагедии войны» [Осорова, 1992].

В предисловии к документальной повести «В сторону заката солнца» (изначально повесть называлась «Офицерский дневник») Ж. Тумунов пишет о великой цели советского народа – освободить нашу землю от фашистов, гнать их на запад, в сторону заката солнца к долгожданной победе: «*Наранай орохо зүгые зорижо гэрээ мордооб. Наранай орохо зүгые шэглээд ябанаб. Олон үни үргэhэ нойргүй ябахадаашье, ойро зуурахана зали абажа амархадаашье, наранай орохо зүгые бодолоо гаргаагүйб – наранай орохо зүгтэ минии дайсан…*

…Наран ородог. Наран дахин гарахын тула ородог. Немецүүд дарагдаха. Дахин тэдэ тархяа үндылгэхэгүй, дахин гай тодхор ушаруулхагүй. Энээнэй түлөө бидэ нара орохо зүг тээшэ дабшанабди»

[Тумунов, 2014, с. 403]. (Я выехал из дому в сторону заката солнца. Проходишь ли многими ночами напролет без сна, или приляжешь на короткое время отдохнуть, вздремнуть – все смотришь в сторону заката солнца – там мой враг… Заходит солнце. Но снова восходит оно. Немцы будут разбиты. Они никогда больше не поднимут голову, не посмеют снова сеять зло. Ради этого мы наступаем на запад, в сторону заката солнца – там наша победа.)

Литературовед Ц.-А. Н. Дугарнимаев, исследователь творчества Ж. Тумунова, говоря о военном творчестве писателя, отмечал, что в дневнике, «нет смакования ужасов, крови и смерти, в нем отсутствует натуралистически-патологическое восприятие человека на войне, охваченного всепоглощающим страхом» [Дугарнимаев, 1960].

Только в 1969 г. посмертно были опубликованы дневники Ж. Тумунова. В целом произведения Ж. Тумунова о войне раскрывают военные будни, боевые дела солдат и офицеров без всякой идеализации и патетики, создавая своеобразную летопись войны. Военная проза Ж. Тумунова стала определенной ступенью в его творческой эволюции, которая в итоге способствовала созданию более сложного жанра – романа «Степь проснулась» (1949), ставшего первым бурятским романом в истории бурятской литературы.

Характерной чертой произведений другого бурятского писателя Ц. Номтоева, прошедшего свой путь по фронтовым дорогам вместе с действующими лицами своих произведений и их прототипами, является то, что его рассказы пронизаны не только духом патриотизма, служения Родине и воинской доблестью, но и человеческой теплотой героев по отношению к своим фронтовым друзьям. Основу жанровой системы произведений Ц. Номтоева военных лет составляют произведения с документальной и автобиографической основой.

Офицер Ц. Номтоев с боями прошел от волжских берегов до Кёнигсберга на западе, а затем еще до Мукдена на востоке. Служил в 321-й стрелковой дивизии (знаменитая сибирская дивизия), которая была сформирована в марте 1942 г. из призывников Бурят-Монгольской АССР и Читинской области. В дивизии было около четырех тысяч воинов бурятской национальности. В частях также было много политработников из Забайкалья, выпускников Иркутского военно-политического училища, в том числе. Ц. Номтоев, Б. Бурлов, Г. Цоктоев, М. Тарабаев, И. Литвинцев, Б. Цыренов и многие др.

В июле 1942 г., когда немцы, окружив и разгромив значительную часть советских войск в большой излучине Дона, рвались к Волге, бойцы 321-й дивизии форсировали Дон, выбили немцев из нескольких населенных пунктов и удерживали их до конца Сталинградской битвы. В числе первых воинов дивизии, представленных к награде, оказался Ц. Номтоев – он стал кавалером ордена Красной Звезды.

Воины дивизии проявили под Сталинградом чудеса храбрости, отваги и героизма. К марту 1943 г. 321-я дивизия освободила 92 населенных пункта, уничтожила более 20 тыс. солдат и огромное количество боевой техники противника. За стойкость и мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава в боях под Сталинградом дивизия была преобразована в 82-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

«Бои под Сталинградом» – так называется фронтовой дневник Ц. Номтоева, который был написан в полевых условиях военных действий, по горячим следам событий. Дневник «Бои под Сталинградом» запечатлевает действительность с детальной точностью и в большей степени имеет право называться историческим документом, представляя собой повествование от первого лица, от лица самого автора.

Повествование начинается с июня 1941 г., с самого начала войны, когда автор был мобилизован на фронт. Вот как описывает начало войны автор-повествователь: «*Дүшэн нэгэн оной зулгы һайхан зунай саг. Арад зон амгалан, ажал жаргалаараар ябажа байба… Гэртээ дүтэлжэ ябахадамнай, сээниг соогоо юумэ угаажа байһан Дашиханда Аюшиевна хэрэлсы дээрэ гараад, сагаан фартугтаа мүйлэтэй гараа аршаха зуураа: – Ерыт түргэн! Аягүй юумэн дуулдаал, – гээд, юрэ бусын мэгдэнги хоолойгоор хэлэбэ. Зосоом гансата бард гэжэ, зүрхэм сохилон, гэр бүлэ соом ямар муу юумэн болошобо гээшэб гэжэ һанаадхибаб. Гэртээ шарайшалан ороходом, Эхэ орондомнай фашистнарай дайгаар добтолон ороһон тухай мэдээсэл радио дамжуулан байба»* [Номтоев, 2014, с. 242]. (Начало лета 1941 года. Жизнь мерно текла своим чередом… Когда я подошел к дому, навстречу мне на крыльцо выбежала Дашиханда Аюшиевна и, судорожно вытирая свои намыленные руки в белый фартук, она стиралась в сенях, испуганно сообщила: «Быстрей заходите в дом! Плохие новости». От этих слов мне стало сразу не по себе, я подумал, что же могло случиться. Зайдя в дом, я услышал из сообщения по радио, что началась война.)

Автор-повествователь не только фиксирует события своей жизни, но и пишет о том, что происходило в жизни людей в те сложные годы начала войны. В дневник вошли и его поэтические произведения, связанные с началом войны: «*Уданшьегүй албанда татагдажа, сэрэгэй хубсаһа үмдэжэ, Эхэ орондоо тангаригаа үгэжэ, оронойнгоо зэбсэгтэ хүсэнүүдэй зэргэдэ жагсахадаа, иигэжэ бэшээ һэм: Алдартай зохидхон винтовко/Арбан хурганһаа табингүй,/ Арадайнгаа жаргал хамгаалха/ Агууехэ дайн эхилээл!*» [Номтоев, 2014, с. 243]. (Вскоре я был мобилизован, надел на себя воинское обмундирование, дал клятву Родине и встал в ряды ее защитников, тогда и родились эти строки: Славную винтовку из рук не выпуская/Счастье своего народа защищать пришла пора/ Великая война началась.)

В фронтовых обстоятельствах использование автобиографизма может оказаться просто исключительно единственным выходом, когда субъективное описание собственной жизни позволяет показывать сюжет как заведомо оправданный и заведомо связный.

По мнению исследователей, главные особенности жанра дневника – это прежде всего «установка на документальность; периодичность ведения и датированность записей, задающая членение дневникового текста на отрезки, равные подневной записи; обусловленная этим фрагментарность (текст состоит из тематически и композиционно-стилистически неоднородных элементов); перволичное повествование; установка на фиксацию происходящих событий в их естественной последовательности» [Колядина, 2006].

В книге Ц. Номтоева мы находим не только летопись событий и будней войны: «*1942 оной августын 26. Сталинград хотоо дайсаниие табихагүй гэһэн хатуу захиралтатай, дайсанда хаалта боложо, түрэл дайдадаа няалдан, хэбтэһээр байтарнай хорёод хоног үнгэрбэ*» [Номтоев, 2014, с. 252]. (26 августа 1942 г. Поступил приказ не допустить врага к Сталинграду, поэтому мы остались оборонять Сталинград, став преградой для немцев, прорывавшихся в город. Оборона длилась почти двадцать дней); «*1942 оной ноябриин 23. Сталинград абаха гэжэ обтоошод хүреэлэгдээд, бута сохигдожо хосорбо. Бэеэ тушааһан зүдэрүү дайсад, хүхэ ногоон хубсаһатан, зүүлжээ туулгана. Дорьбогүй нюдөөрөө газар гэтэнэд*» [Номтоев, 2014, с. 258]. (23 ноября 1942 г. Сталинград мы отстояли. Враг был разбит. Пленные немцы в темно-зеленых кителях, с потухшим взором, с поникшей головой устало бредут под конвоем куда-то на восток), но и авторские эмоциональные отступления: «*Сталинград, баяртай! Амгалан байдал соо амаран һэргээгдэхэш, Сталинград! Бидэ дайсаниие намнан холодоошье һаа, Сталинградаа ходо һанажа ябахабди… Баяртай! Баруулжаа!...*» (До свидания, Сталинград! Ты поднимешься из руин, будем тебя восстанавливать в мирной жизни. А сейчас нам надо спешить на запад, освобождать наши земли от врага. Мы будем помнить тебя, Сталинград… До свидания! На запад!). Встречаются лирически окрашенные воспоминания автора-повествователя о родной Еравне, ее удивительной природе: «*Элдин Яруунын Эгэтэ нютаг ямар тодоор һанагданаб! Яруунын нуурнууд толитон яларжа, алтан шара шэнэһэн тайгынгаа дунда миралтан долгилно… Түрэһэн нютагайм гол горход, хада уулануд, ой тайганууд, уужам таланууд – бүгэдөөрөө энэрхы һайхан даа. Энээниие гансал дайнай талмайда хурсаар мэдэрнэб*» [Номтоев, 2014, с. 255]. (В памяти моей отчий край – Эгита, раскинувшаяся в Еравне! Вижу озера, поблескивающие на солнце, вековые лиственницы в таежных дебрях Еравны моей… Реки, родники, горы, леса и тайга, бескрайние степи – это все родное, наше. Я только здесь, на войне понял, что значит тепло родной земли.)

Автобиографизм дневникового жанра подсказывает, что собственная жизнь может быть интересна читателю, если в ней изображены не только моменты личной жизни автора, но и те события, которые понятны многим людям.

Характер и содержание военных дневников определялись необходимостью сохранить для истории наблюдения очевидцев, взгляд на события их участников. Таковы «Офицерский дневник» Ж. Тумунова, «Бои под Сталинградом», «Раны сердца» Ц. Номтоева, «От родных степей на тропу войны», «Эшелоны идут на запад» Б. Мунгонова, «Воспоминания о войне» Б. Шойдокова и др., которые являются примером исторического свидетельства войны, где достоверность изображения, опора авторов на факты соединяются с острой публицистичностью и эмоциональностью.

Литература

Дугарнимаев Ц.-А. Н., Тумунов Ж. Критико-биографический очерк. Улан-Удэ, 1960. 154 с.

Колесникова Е. И. Военные дневники и записные книжки писателей: жанрово-повествовательные особенности // Учен. Зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. Обществ. и гуманит. науки. 2014. № 3 (140). С. 70–73.

Колядина А. М. Специфика дневниковой формы повествования в прозе М. Пришвина : автореф. дис. … канд. филол. наук. Самара, 2006. 20 с.

Номтоев Ц. Сталинград шадарай тулалдаанууд // Антология произведений писателей Бурятии о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Улан-Удэ : НоваПринт, 2014. 576 с.

Осорова С. Г. Психологизм в бурятской прозе. Новосибирск : Наука, 1992. 101 с.

Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 1. С. 68.

Тумунов Ж. Офицерэй дэбтэр // Антология произведений писателей Бурятии о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Улан-Удэ : НоваПринт, 2014. 576 с.

Федотова В. В. Поэтика дневниковой прозы И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 18 с.

Халхарова Л. Ц. Документально-биографическое начало в бурятской литературе

УДК 894.23(092)Балдаев

Е. К. Шаракшинова

Первые шаги С. П. Балдаева в бурятскую литературу

Аннотация. Посвящено первым пробам пера Сергея Петровича Балдаева в области бурятской драматургии. Проанализированы рукописные пьесы автора начала 20-х гг. XX в.

Ключевые слова: Сергей Петрович Балдаев, бурятская драматургия, рукописные пьесы, фольклорист, собиратель и исследователь бурятского фольклора.

E. K. Sharakshinova

The First Steps of S. P. Baldaev into Buryat Literature

Abstract. The article is devoted to the first samples of the pen of Sergei Petrovich Baldaev in the field of Buryat drama. The author's hand-written plays of the early 20-ies of XX century are analyzed.

Keywords: Sergey Baldaev, Buryat drama, handwritten plays, folklorist, collector and researcher of Buryat folklore.

С. П. Балдаев – известный бурятский фольклорист, собиратель и исследователь бурятского фольклора. Всю свою жизнь посвятил поискам и изучению устного народного творчества бурят. Без устали, самозабвенно он по крупицам собирал бесценные сокровища устной народной поэзии, изъездив вдоль и поперёк Иркутскую область, Бурятию, Читинскую область, не жалея собственного здоровья, времени, горя́ желанием записать всё ценное, что создано мудростью, поэтическим талантом народа. Им руководила не слепая страсть к собирательству, а сознание необходимости сохранить для потомков всё лучшее, что создано нашими предками.

Наряду с этим С. П. Балдаев был известен как драматург, с именем которого связаны первые шаги бурятской национальной драматургии.

С. П. Балдаев был одним из авторов первых бурятских пьес, участником их постановок. Он хорошо знал бурятскую учащуюся молодёжь, среди которой распространялись первые рукописные пьесы.

Любовь народа к меткому, острому слову, породившая бесчисленное количество афоризмов, пословиц, загадок привела к созданию в народе особого жанра новеллы-анекдота, в которой повествовательный элемент сокращён до минимума, а на первое место выдвинут диалог, основанный на каламбуре или на словесном состязании. Примером такой новеллы может служить «Аюла Аюхан хоёр», в 1910 г. обработанная в виде одноактной шуточной пьесы Абгайн Тургеном (С. П. Балдаевым) и неоднократно ставившаяся в Тункинской долине (РО БКНИИ, Инв. № 2676, ед. хр.7). Причём при переделке повествовательная часть этой новеллы, сообщающая сведения о героях, месте действия и прочее легко превращалась в ремарку, а основной текст почти не претерпел изменений.

Первые попытки создать национальные драматургические произведения возникли в среде бурятской молодёжи, которая обучалась в учебных заведениях города Иркутска, и относятся к 1905–1913 гг. Появление этих пьес означало формирование национальной бурятской художественной литературы. В Прибайкалье и Забайкалье стихийно создавались самодеятельные народно-театральные коллективы, ставившие спектакли по небольшим одноактным или двуактным пьесам так называемой «улусной рукописной драматургии».

Вдохновителями этих театральных кружков и спектаклей были видные просветители: в Прибайкалье – М. Н. Хангалов; в Забайкалье – Ц. Жамцарано, Б. Барадин. Первыми улусными драматургами стали учителя Д. А. Абашеев, И. В. Барлуков, И. Г. Салтыков, среди которых был и С. П. Балдаев, выступавший в то время под псевдонимом «Абгайн Тургэн».

В этих произведениях в доходчивой форме, в ярких и простых примерах раскрывались пагубность невежества, дикости, бескультурия, порочных страстей, раскрывалась польза знаний, просвещения, научной медицины.

Ученики духовной и учительской семинарии, губернской гимназии были объединены в «Союз учащейся молодёжи». Эта организация преследовала просветительские цели, старшие помогали младшим, организовывали репетиторства, чтобы помочь им в изучении русского и монгольского языков, издавали рукописные журналы «Үглөөни бүрүүр» («Сумерки»), «Товарищ», «Очин» («Искра»), в которых печатались пробы пера самих учащихся. Именно в среде учащейся молодёжи появляются первые ростки бурят-монгольской литературы. Начиная с 1908 г. были написаны и поставлены такие пьесы, как «Үхэл» («Смерть») Д. Абашеева, «Архиин зэмэ» («Виновато вино») И. Барлукова, «Хаарташан» («Картёжники») Ц. Базарона, «Хоёр можо» («Два мира») М. Салтыкова. В это время, по свидетельству С. П. Балдаева, была написана и сожжена во время полицейского налёта пьеса Абгайн Тургена (С. П. Балдаева) «Цырен малшан» («Пастух Цырен»).

Эти пьесы представляют первые шаги бурятской литературы после Октябрьской революции. Первая пьеса С. П. Балдаева «Цырен малшан», которой не суждено было появиться на свет, посвящена проблеме социального неравенства. При всей неопытности авторы стремились активно вмешиваться в жизнь своего народа, направляли остриё своих произведений против распространённых и губительных пороков: пьянства («Виновато вино» И. Барлукова), азартной картёжной игры («Картёжники» Ч. Базарона), различных предрассудков и суеверий («Два мира» М. Салтыкова), темноты и бесправия («Смерть» Д. Абашеева).

В художественном отношении эти пьесы были далеки от совершенства. Авторы стремились воспроизвести жизнь в формах самой жизни, тяготея к реалистичному изображению. Многие авторы наивно переносили на сцену явления жизни без каких-либо изменений, что приводило к излишнему этнографизму, изрядной форме натурализма, обилию религиозных и бытовых обрядов. Эти особенности были характерны для большинства пьес того периода. Отражение хорошо знакомого старого быта бурят было для начинающих авторов школой, в которой они овладевали арсеналом художественно изобразительных средств.

Следующим опытом С. П. Балдаева является пьеса «Эхэнэриин суудал» («Женская доля»), поставленная 8 марта 1925 г. на I съезде женщин-буряток, а опубликованная в 1933 г.

Действие происходит в доме богатого бурята-самодура Бартана. Старый пьяница, имеющий взрослую дочь, решил взять в дом молодую жену. На этой почве происходят постоянные столкновения между ним и первой его женой Хабхрай, которую он решил выгнать. Будучи женой богача, Хабхрай всю жизнь была фактически рабой своего мужа, несла на своих плечах всё его хозяйство, претерпела от него множество обид и оскорблений. О своей горькой доле она рассказывает дочери Будаахан. Автор показывает её в тот момент, когда она, возмущённая

последним решением Бартана, восстала против его деспотизма, заговорила о своих правах на имущество, которое создано её трудом, и решила вместе с дочерью уйти от мужа. Она находит поддержку со стороны стариков, родичей мужа, и, выдержав ряд столкновений, побоев, всё-таки уходит от Бартана.

Второй женский образ в пьесе – Болжамуур, дочь смирного и безответного бурята-бедняка Дамбы. Её разлучили с любимым человеком и насильно выдали замуж за Бартана, потому что отец её не решился противиться всесильному богачу, да и калым, внесённый Бартаном, был крайне нужен беднякам. Бедные влюблённые Баарай и Болжамуур покоряются своей участи, потому что дочь не должна выходить из-под воли своих родителей. Чтобы не расставаться с любимой, Баарай нанимается в батраки к Бартану, и они продолжают встречаться. Застигнутая Бартаном во время свидания с Бааараем, Балжамуур покидает мужа. Старый деспот и самодур остаётся один.

Из этого краткого пересказа основной линии пьесы можно понять, что в распоряжении автора имелся богатый материал, на котором можно было всесторонне показать положение бурятской женщины в старое время. В пьесе же эта, центральная, судя по заглавию, проблема получила довольно ограниченное решение. Главной причиной явилось то, что автор отдал дань своему увлечению, перегрузив произведение этнографическими деталями, афоризмами и поговорками. В какой степени это отрицательно сказалось на пьесе можно судить по следующему: основной персонаж, с которым связано решение темы женской доли, Хабхрай, неоднократно характеризуется устами других персонажей как исключительно трудолюбивая, славная, тихая женщина. Сама она говорит, что всю жизнь терпела страдания от произвола мужа и его родителей. Между тем в пьесе по ходу действия она выступает как исключительно сварливая женщина и «задериха», и «неспустиха» из тех, которые на слово отвечают десятком. Как только появляется муж, между ними начинается перепалка, напоминающая не обычную ссору, а скорее словесное состязание.

Например:

«Хабхарай. Архиин алмай, тамхиин талмай идеһэн, ууһан бохолдой! Урдаһаа нааша юу хэнэбши архи ухаһаа ондоо.

Бартаан. Хушуутай идемхэй хазамхай эмэ, һүни ули улиһаар, сохи сохиһоор шонодол адли, хаагал хаагалһаар шубуундал адли, ули улиһаар, гэгэ гэгэһээр үхэхэш. Үхэхэдэши тархииешни уруу газарта зоохоб. Уляаһан шороор дээрэһэшни шордохоб.

Хабхарай. Өөриингөө тархиие шордожо байгаарай. Мүльһэн шэнги халижа хайлажа барагдахаш, мөөр шэнги мухарижа барагдахаш, һарадал адли мэхэржэ, һальтиндал адли хиидэжэ барагдахаш» [Абагайн

Турген. «Эхэнэриин hуудал». Верхнеудинск, 1933, с. 39 (перевод приблизительный)].

Хабхарай. Пропойца несчастный, курильщик, пропастина. Что ты делал отродясь, кроме как водку хлестать.

Бартаан. Ты, ненасытная прожора, уродина. Сдохни, завывая в ночи, подобно волку голодному, каркая, подобно ворону чёрному. Когда сдохнешь, я тебя вниз головой закопаю, сверху осиновый кол вобью.

Хабхарай. В свою голову кол забивай. Словно лёд, на солнце растаешь, словно колесо катящееся рассыпишься, как ущербный месяц истончишься, как лёгкий ветер, пропадёшь без следа.

И получается, в конечном счёте, что Хабхарай очень ехидная, сварливая женщина, и не зря Бартаан её называет «хорон холтоhон», «ябшаа хушуун», т. е. «ядовито-желчная», «сварливая». Подобных «хараалов» (проклятие) в пьесе множество. Сами по себе они, так же как и «юрөөлы», богато представленные в пьесе, говорят о языковом богатстве произведения. Но употреблённые без необходимого чувства меры, они приводят к искажению образа и говорят о недостаточном ещё умении пользоваться этими языковыми богатствами. Вряд ли сварливая, ехидная, постоянно ругающаяся женщина может вызвать сочувствие зрителя (читателя), а ведь именно к этому стремился автор.

Пьеса «Женская доля» представляет значительный интерес в этнографическом отношении. Обряд сватовства, смотрин, картины шаманского камлания, выписанные подробно, со знанием дела, с различными присловьями и со всеми церемониями дают яркое представление о быте западных бурят. Но вместе с тем эти же красочные сами по себе картины слабо связаны с основным действием пьесы и по существу не нужны для изображения угнетённого положения бурятской женщины при царизме. И вместе с тем это одна из лучших пьес, созданных в 1920-е гг. драматургами Бурятии, характерная для уровня тогдашней бурятской драматургии. Можно согласиться с рецензией на эту пьесу, написанной в 1928 г. членом правления Московского отделения драматических писателей и композиторов Новокшоновым. Указывая на то, что достоинством пьесы является «хорошо сценически поданный быт бурят Забайкалья с бытовой стороны. Некоторые сценки, в особенности, происходящие в юрте, с показом обрядов шаманизма, дают представление об основательном знакомстве т. Балдаева с жизнью и бытом бурят. Автору удалось подать в своей пьесе все моменты жизни бурятского населения...» [Найдаков, Имихелова, 1987].

Изображение прошлого в пьесах этого периода соприкоснулось с историко-революционной темой, которая породила немало произведений различного уровня. В этом отношении интересна пьеса С. П. Балдаева «1905 год», посвящённая первой русской революции и поставленная в клубе Бурпедтехникума 7 октября 1925 г.

По свидетельству В. Ц. Найдакова «пьеса была большого размаха, изображающая пробуждение национального и политического сознания бурят в период первой русской революции 1905–1907 гг.». Действие происходит в одном из бурятских улусов и в Иркутске. Всего действующих лиц около 40, среди них простые буряты и русские, учащаяся молодёжь, преподаватели, революционеры, гимназисты, семинаристы, полицейские, нойоны. Основной конфликт пьесы – между представителями власти и народом.

Первое действие происходит в предреволюционные годы в семье бедного бурята Холчира Худонова. Старшего сына, Очира, тяжело больного лечат шаманы. Почти всё небольшое имущество Худоновых ушло на жертвы бурханам и заянам. Младший сын Хайдар батрачит на богача Бартана, теперь в батрачки идёт и дочь Хапхрай. Пришедшие за податями урядник, старшина, зайсан грубо издеваются над бедняками. Хайдара, вступившего в неприкрытое столкновение с ними, арестовывают, имущество Худоновых, включая самовар и корову, забирают в счёт недоимок.

Второе действие происходит в годы Гражданской войны. Старики Худоновы плохо понимают смысл происходящих событий. Дочь разъясняет им, что такое большевики и меньшевики. В ходе разговоров выясняется, что Хайдар в тюрьме подружился с большевиками. А вскоре появляется сам Хайдар с партизанами. Красные войска освободили их из тюрьмы, и теперь они идут на борьбу с врагом. Далее изображается борьба.

Мастерство автора в этой пьесе заметно возросло. Отдельные этнографические моменты здесь уже выступают не в качестве самостоятельных вставных картин, а подчинены единому замыслу пьесы. Так же как и сцены описи имущества Холчира урядником, они ярко показывают бедность семьи Худонова и причины этой бедности, служат социальным обоснованием протеста Хайдара. Большим достоинством пьесы является изображение совместной борьбы русских и бурят. Это, пожалуй, первое в бурятской литературе произведение, в котором чётко выражена характеристика по классовому признаку. С одной стороны, единый блок составляют русский урядник, колчаковцы, полицейские и бурятский дарга с десятниками; с другой стороны, верными товарищами в борьбе выступают Большак, Пронькин, другие русские партизаны и Хайдар, Архинчей, Хапхрай и др. Но главное достоинство пьесы «Торжество правды» состояло в том, что она, с гораздо большей полнотою, чем другие произведения, воплотила образ положительного героя.

Подобная ограниченность характерна и для других драматургов той поры. В пьесе Абгайн Тургена «Торжество правды» был намечен поворот к принципиально новому отражению действительности, и эта революционно-бытовая пьеса, изданная в 1927 г., явилась, на наш взгляд, крупным шагом в развитии реалистического метода. В ней уже

ясно выявились качества, присущие литературе социалистического реализма: новый герой, связавший свою жизнь с большевиками, носитель новой идеологии, активно борющийся за революционное преобразование действительности; революционный народ, выведенный в пьесе как реальная сила, способная изменить и перестроить мир; социалистический идеал в основе действий героя, в основе всего произведения.

Безотрадна и тяжела жизнь бедняка Холчира Худонова. Нет просвета, нет никакой надежды на лучшее. Со стенаньями и жалобами на судьбу принимают старики свою тяжкую долю. Но младшие дети Холчира – Хайдар и Хапхрай – не желают мириться с социальной несправедливостью. Это представители молодого поколения, чутко воспринимающие новые веяния жизни. Они ещё далеки от революционного сознания, но они далеки и от смирения и покорности. Предреволюционное время пробудило в них сознание собственного достоинства. И, совершая неслыханную дерзость, Хайдар вступает в резкое столкновение с урядником, старшиной и зайсаном. Пока это бунт одиночки, смелого, гордого человека, возмущённого произволом и насилием властей, но затем в тюрьме он сближается с большевиками и становится сознательным бойцом революции. После того, как части красных освободили заключённых из тюрьмы, Хайдар становится во главе партизанского отряда, состоящего из русских и бурят.

В пьесе много недостатков, и очень существенных: она большей частью разговорна, малодейственна, образы, в том числе и главные, лишены глубокой психологической характеристики, в речах положительных героев много декламации и т. д. Но при всем этом «Торжество правды» в буквальном смысле открыло нового героя, открыло новые возможности художественного изображения действительности. Этот опыт не прошёл бесследно. С этого времени появляются многочисленные драматические произведения, в которых социалистический идеал утверждается через освоение историко-революционной темы.

Литература

Найдаков В. Ц. Бурятская драматургия : ист.-лит. и крит. очерк / Акад. наук СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. компл. науч.-исслед. ин-т. Улан-Удэ : [б. и.], 1959. 201 с.

Найдаков В. Ц., Имихелова С. С. Бурятская советская драматургия. Новосибирск : Наука, 1987. 269 с.

РО БКНИИ. Инв. № 2676. Ед. хр. 7.

Интерпретация исторического, природного и культурного наследия как новое направление профессиональной коммуникации

УДК 80

Е. В. Бухарова
Е. П. Чернобровкина

Интерпретация наследия как эффективная форма коммуникации

Аннотация. Статья посвящена теме интерпретации природного и культурного наследия, тесно связанной с основами и принципами теории коммуникации. Рассматривается понятие интерпретации как образовательной деятельности, направленной на раскрытие смыслов природных и культурных объектов для посетителей национальных парков и музеев, чтобы достичь главной цели интерпретации – сформировать экологическую культуру. Авторы исходят из постулата, что залогом успешной интерпретации является знание и владение основами коммуникации, из которых складываются шесть ведущих принципов эффективной интерпретации природного и культурного наследия (по Ф. Тилдену). Делается вывод, что в сегодняшних условиях популярность приобретает новая парадигма общения, в основе которой «создание смысла», имеющее ключевое значение в интерпретационной деятельности.

Ключевые слова: интерпретация, теория коммуникации, принципы интерпретационной деятельности, интерпретатор, экскурсовод.

E. V. Bukharova, E. P. Chernobrovkina

Interpretation of Heritage is an Effective form of Communication

Abstract. The article is devoted to interpretation of cultural and natural heritage which is closely connected with the fundamentals and principles of the theory of communication. The authors consider interpretation as an educational activity aimed at disclosing meaning of cultural and natural landmarks for visitors of national parks and museums in order to implement the main objective of interpretation that is to form environmental culture. The authors ground their views on the theory of communication which leads to six basic principles of effective interpretation of cultural and natural heritage (based on F. Tilden). The authors conclude that a new communication paradigm comes to effect today which is called “meaning making” and which plays the leading role in the interpretive activity.

Keywords: interpretation, theory of communication, principles of interpretation, interpreter, guide.

Настоящее время можно охарактеризовать как эпоху коммуникации, пришедшей на смену эпохам техники и информации. Коммуникация становится ведущей деятельностью, посредством которой происходит обмен информацией, обогащение знанием, при этом функцией

коммуникации, согласно Ж. Деррида, является не столько передача знания или значения, сколько вступление в некоторые «отношения» с собеседником с целью привлечь и увлечь его [Mattelart, Mattelart, 1992]. Интерпретация культурного и природного наследия, которой посвящена данная статья, демонстрирует всю важность коммуникации как процесса, создающего отношения между собеседниками, тем самым делая такое общение успешным и эффективным.

Интерпретация – слово в русском языке, имеющее несколько значений в разных научных дисциплинах. В словаре С. И. Ожегова оно объясняется так: «Интерпретация – это толкование, объяснение, раскрытие смысла чего-нибудь» [Ожегов, Шведова, 2000]. Это наиболее близкое к пониманию термина в трактовке Ф. Тилдена: «Интерпретация – это образовательная деятельность, которая стремится раскрыть значения и обнаружить связи посредством использования подлинных объектов, опыта из первых рук и наглядных материалов, а не просто с помощью передачи фактической информации» [Knudson, Beck, Cable, 2003, p. 3]. Интерпретация превращает рекреационную деятельность из развлекательного, ни к чему не обязывающего времяпрепровождения к осмысленному использованию свободного времени. Иначе говоря, посетители национальных парков и музеев переходят из разряда пассивных слушателей в разряд активных деятелей, которые по принципу «Эврика!» понимают значение и значимость культурного и природного наследия своей страны.

В отсутствие интерпретационной деятельности мы можем потерять часть своего природного и/или культурного наследия. Природные памятники могут утратить свою значимость для людей как в физическом, так и в идейном аспектах. В качестве примера потери значимости природного объекта приведем гибель дерева, украшавшего Черепаху-камень на побережье оз. Байкал вблизи пос. Турка Республики Бурятия. Неизвестный срубил березу, выросшую на поверхности небольшого скального камня, имеющего форму черепахи. Очевидно, отсутствие определенных природоведческих знаний о родном крае, непонимание культурной значимости его природных объектов заставило человека совершить акт вандализма.

Интерпретация сохраняет ценность объектов, предотвращая подобные трагические события, так как формирует интерес общества к культуре и природе родного края и способствует пониманию значимости каждого такого объекта. Так, кампания, инициированная общественной организацией «БРО по Байкалу», по переносу Восточного трубопровода на участке вблизи Северного Байкала за Байкальский хребет, т. е. более чем на 40 км на север, за пределы водозаборной зоны, увенчалась успехом. Интерпретационная деятельность, осуществляемая музеями, национальными парками, общественными организа-

циями, позволяет сохранить ресурсы для простых людей, которые начинают видеть нематериальную ценность природных и культурных памятников, ощущая свою внутреннюю, личную заинтересованность в сохранности природных ресурсов.

Тем не менее для введения в интерпретацию наследия необходимо в первую очередь сформировать у обучающихся правильное представление об интерпретации наследия как о совокупности эффективных методов и приемов коммуникации в сфере просвещения и пропаганды сохранения природных и культурных объектов. Для этого на обучающих семинарах используются активные методы.

Интерпретация наследия, возникшая как обобщение эмпирического опыта талантливых гидов национальных парков, сегодня превратилась благодаря достижениям теории и психологии коммуникации в одну из успешных методик и даже в целое направление деятельности в области просвещения и пропаганды сохранения природного и культурного наследия и не только. Она играет важную роль в туризме как инструменте включения наследия в мировые информационные, экономические и политические потоки, а также стратегии социального развития регионов, о чем говорит Фрайбургская декларация.

Интерпретация, имея в основе научные знания, должна опираться на гуманитарное мышление, так как «интерпретационное знание» – это знание- переживание, знание-погружение, знание-опыт. Здесь «понять» означает не построить цепочки суждений и силлогизмов, а создать связи с интерпретируемым ресурсом через универсальные концепты, которые являются основными параметрами мира, общими свойствами восприятия человеком действительности, положением человека в жизненном пространстве, к которым относятся: противоположные друг другу чувства – любовь, ненависть, страх, восторг, горе и т. п.: базовые биологические состояния – рождение, смерть, голод, жажда; свойственный человеку интерес к неизведанному, таинственному, загадочному.

Хорошая интерпретация подразумевает хорошее знание языка, так как, согласно Гумбольдту, только язык побуждает через сообщение мысли к новым мыслям и служит призмой, сквозь которую человек воспринимает реальный мир и составляет мнение об окружающих предметах и явлениях. Таким образом, только используя языковое богатство и лингвистические особенности языка, можно создать успешную интерпретацию.

Интерпретаторы, иначе говоря, гиды-экскурсоводы, успешно используют принципы коммуникации при общении с посетителями, во время презентации в визит-центрах, в выставках, публикациях и прочих продуктах интерпретационной деятельности. Эти люди передают сообщения посетителям национальных парков и музеев, тем самым

стимулируя последних на проявление интереса к предмету сообщения для его дальнейшего изучения.

Реакция слушающего на выбор слов и тон сообщения интерпретатора, действия и отношение к предмету сообщения экскурсовода, настроение и даже внешний облик последнего – все определяет успешность обучения, которое осуществляется в рамках интерпретационной коммуникации. Негативное восприятие хотя бы одного из вышеперечисленных компонентов ставит под сомнение успешность и эффективность такого общения.

Процесс коммуникации может при этом быть однонаправленным или разнонаправленным [Knudson, Beck, Cable, 2003]. Однонаправленная коммуникация, как правило, доминирует в интерпретационной деятельности. Экскурсовод представляет посетителю информацию о природном объекте, используя разнообразные технологии, получая при этом минимальную обратную реакцию от аудитории. В редких случаях посетители могут задать небольшие вопросы интерпретатору.

Разнонаправленный подход предполагает больший масштаб взаимодействия между участниками коммуникации, которые обмениваются опытом, знаниями, ощущениями, открытиями. Интерпретатор является своего рода модератором подобного общения, нежели руководителем или экспертом. В ходе такой коммуникации участники многому научаются и выступают более активными собеседниками, что импонирует многим посетителям национальных парков и музеев.

Сам по себе природный объект вряд ли произведет незабываемое впечатление на неспециалиста, а информация, выраженная научным языком, не вызовет понимания личного значения ресурса для человека. Для этого необходимо использование технологий интерпретации, подчиняющихся принципам, в общем виде выраженных Ф. Тилденом и уточненных Л. Бэком и Т. Кейблом [Beck, Cable, 2011; Brochu, Merriman, 2008].

Рассмотрим принципы интерпретации в редакции Ф. Тилдена в поле прикладной лингвистики.

Первый принцип гласит: любая интерпретация будет бесполезной, если она не релевантна, т. е. не связана с интересом и опытом человека. В первую очередь необходимо соответствие «языка», на котором говорит интерпретатор и его публика, т. е. нужно учитывать социально-демографические особенности публики, однако при этом не вульгаризируя речь. Умение излагать простым языком сложные научные истины является обязательным условием хорошей интерпретации. Кроме того, необходимо использовать сравнения и аналогии, адресованные знаниям и опыту аудитории. Например, поясняя структуру лесного сообщества, для иллюстрации термина «ярусность» можно использовать сравнение с многоэтажным домом, термин «мозаичность» пояснять на примере игры в пазлы.

Второй принцип: интерпретация – это не только информация. Интерпретация – это открытие, основанное на информации. Для этого используются провокационные техники, которые будоражат аудиторию, вовлекают в процесс, заставляют задумываться и искать доказательства и объяснения. Вследствие этого создается благоприятная психологическая основа для корректирования и регулирования отношения к объекту интерпретации провоцируемого. В качестве примера: для понимания экосистемной роли болот можно предложить слушателям уничтожить болота, а затем оценить последствия этого. Задумываясь над тем, что исчезнет вместе с болотами (животные, растения, вода), участники интерпретации сами приходят к выводу об абсурдности такого решения и делают выводы о значении болот для устойчивости биосферы.

Третий принцип: интерпретация – это искусство. Любому искусству в определенной степени можно научить. Прежде всего интерпретация – это искусное владение языком. Успеха талантливых рассказчиков могут достигнуть и те, кто не имеет от природы таких данных, но много трудится и работает над собой и своими интерпретациями. Как говорил Ф. Тилден, «по-моему, хороший пояснительный текст появляется, за исключением случаев творческого озарения, в результате серьезного обдумывания в 90 % и писательского мастерства в 10 % случаев. А творческое озарение обычно является отражением этой серьезной работы» [Beck, Cable, 2011, p. 4].

Четвертый принцип: главная цель интерпретации – не давать инструкции, а пробудить чувства и расширить горизонты. Для достижения такой цели эффективно использование универсальных концептов, метафор и персонификации. Это способствует возникновению эмоциональной связи с интерпретируемым ресурсом, как, например, для пропаганды необходимости сохранения редкого реликтового растения Байкала – черепоплодника почтишерстистого: это растение как будто одето в шубку, защищающую его от излишнего испарения, оно растет на песчаных берегах Байкала; представьте себя летом на пляже под палящим солнцем, вызывающим жажду, и осенью, когда огромные волны осенних штормов набрасываются на берег, и холодной зимой, когда ветра выдувают укрывающий от мороза снег. Так живет черепоплодник – ровесник Байкала, приспособившийся за миллионы лет к таким суровым условиям прибрежной зоны. Он может исчезнуть за несколько лет, если эти условия изменятся.

Пятый принцип: интерпретация должна давать представление о целом, а не о его частях, взывать к человеку в целом. Используя этот принцип, интерпретатор способствует более глубокому пониманию ресурса и продвигается дальше на пути побуждения заботливого отношения к объекту наследия. Мы можем рассказать о таком природном объекте, как сосна сибирская: это дерево высотой до 45 м, имеющее в

пучке 5 длинных мягких хвоинок. Однако такое описание не произведет впечатления на слушателя, в противоположность тому, если мы укажем о значении сосны сибирской в жизни многих таежных животных, о полезных свойствах ее орешков для здоровья человека, о том, что кедровые леса «кормили» целые сибирские селения, а неурожай кедра в недавнем прошлом приводил к беде для лесных животных и людей.

Один из самых простых для понимания и один из самых сложных для воплощения принципов – шестой: интерпретация для детей не должна быть упрощенной копией презентации для взрослых, она должна быть основана на принципиально ином подходе. Сегодня любая образовательная деятельность строится с учетом возрастных особенностей. Каждому возрасту свойственен определенный ведущий вид деятельности и определенный круг познавательных умений и навыков. Учитывая эти особенности и понятийный аппарат ребенка, интерпретатор может заложить основы для дальнейшего формирования у него экологической культуры.

В 1960-е гг. Маршалл Маклюэн убедил многих, что тип и форма средства передачи информации важнее того значения (*meaning*) или содержания (*content*), которое оно передает, т. е. сама форма средства коммуникации меняет наше сознание, иначе говоря, использование определенного средства коммуникации во многих случаях имеет большее значение, чем содержание передаваемого сообщения [Mattelart, Mattelart, 1992]. Мы тем не менее считаем, что содержание и характеристики сообщения также важны, чтобы повлиять на поведение и отношение участников коммуникации, что приобретает особенное значение, когда речь идет о формировании экологического сознания и экологической культуры.

Даже если презентация строится на объективном знании об окружающей среде, интерпретационные сообщения содержат такие обязательные компоненты, как образцы поведения в природе и определенное отношение к природе, которые наиболее приемлемы для интерпретатора и/или пропагандируются интерпретатором. Если интерпретационные сообщения противоречат убеждениям посетителей, необходимо сформулировать их таким образом, чтобы эти сообщения довольно убедительно обращали посетителей к тем убеждениям, которые приемлемы интерпретатору как носителю экологической культуры.

К факторам сообщения также относят тип обращения (например, страх, расхождение ценностей), средство передачи коммуникации, а также контекст, в котором данное сообщение выполнено. Интерпретаторы активно используют эти факторы в своих программах. Если сообщение построено без учета его главных компонентов или на неверном их применении, интерпретационные сообщения будут приводить посетителей в замешательство, не достигая своей основной цели –

формировать экологическую культуру. Последователи теории коммуникации предлагают свести к минимуму непонимание, возникающее при трансляции сообщения, и достичь максимума при передаче идей, мыслей и способов действия.

В этой связи теоретики интерпретационной деятельности предлагают новую парадигму общения, главным элементом которой является «создание смысла» [Beck, Cable, 2011]. По сути, эта модель придает новое значение коммуникации, которая более не являет собой линейного «отправитель – получатель» процесса, а существует в виде негоциации между участниками общения. Таким образом, информация не столько создается, сколько передается от одних коммуникантов другим. Индивиды, получающие информацию, создают смысл, опираясь на свой прошлый опыт и имеющиеся знания. Учитывая, что посетители музеев и национальных парков активно создают смыслы, с которыми они посещают природные объекты, интерпретаторы обязаны знать, с какими знаниями, опытом, убеждениями те пришли для знакомства с природным и культурным наследием, чтобы интерпретация стала успешной.

В заключение необходимо сказать, что работа интерпретатора, ставящая целью трансляцию понятий и формирование нового видения, чтобы окружающая среда приносила радость общения, – непростая задача. Она требует определенной доли теоретизирования, практического применения и должного оценивания. В этом смысле теория коммуникации становится основополагающей в интерпретационной деятельности, которая ведет к пониманию, от понимания – к признанию ценности природного и/или культурного объекта, а от признания – к охране окружающей среды, осмысленной и принятой на личностном уровне.

Литература

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2000. 940 с.

Фрайбургская декларация по интерпретации культурного и природного наследия [Электронный ресурс]. URL: http://docplayer.ru/31044583-Evropeyskaya-associaciya-po-interpretacii-kulturnogo-i-prirodnogo-naslediya-frayburgskaya-deklaraciya-po-interpretacii-kulturnogo-i-prirodnogo-naslediya.html (дата обращения: 12.06.2018).

Beck L., Cable T. T. The Gifts of Interpretation: Fifteen guiding principles for interpreting nature and culture. Sagamore Publishing LLC, 2011. 205 p.

Brochu L., Merriman T. Personal Interpretation: Connecting your audience to heritage resources. Interp Press, 2008. 102 p.

Knudson D. M., Beck L., Cable T. T. Interpretation of Cultural and Natural Resources. Venture Publishing, Inc., 2003. 411 p.

Mattelart A., Mattelart M. Rethinking Media Theory: signposts and new directions. University of Minnesota Press, 1992. 219 p.

УДК 802/809-085

Е. А. Вебер

Интерпретация исторического, культурного и природного наследия как инструмент речевого воздействия в условиях профессиональной коммуникации гида-экскурсовода

Аннотация. Рассматриваются определения и ключевые положения активно разрабатываемого в Европе и США научного направления «интерпретация наследия». Интерпретация наследия представлена как удобная техника, обеспечивающая более легкое преодоление переводческих, культурных и межкультурных барьеров, она служит преобразованию туристического продукта, представляемого языковыми посредниками-гидами, в запоминающийся и ценный продукт «экономики впечатлений». В статье предпринята попытка рассмотрения использования универсальных концептов для обеспечения релевантности интерпретативного продукта с позиции положений когнитивистики, коммуникативной психологии.

Ключевые слова: интерпретация наследия, релевантность, универсальные концепты.

E. A. Veber

Heritage Interpretation as a Tool of Speech Impact for Professional Communication of Language Mediators

Abstract. This article introduces the definitions and key principles of heritage interpretation, new research area, actively developed in Europe and the USA. It is considered a useful tool for overcoming challenging translation, cultural and cross-cultural barriers and it serves as means of transforming touristic product delivered by language mediators (guides) into a memorable, valuable and powerful product of “experience economy”. The article attempts to view the use of universal concepts to achieve higher relevance of interpretive product from the perspective of cognitive theory, communicative psychology.

Keywords: heritage interpretation, relevance, universal concepts.

В области профессионального общения туризм ставит все новые задачи. Принятая и активно развивающаяся в европейских странах и США концепция «индустрии впечатлений» подразумевает, что истинной ценностью продукта, оправдывающей затраты на ее приобретение, является впечатление. Достижению столь амбициозных задач могут способствовать не только профессионализм, личностные качества участников, но и особые техники профессионального общения, например, ставшая популярной в 60–70-е гг. XX в. технология интерпретации наследия.

Термин «интерпретация наследия» достаточно сложен для восприятия. Главная сложность состоит в том, что у понятия «интерпретация» существует несколько значений. В широком смысле слова интерпретация – это истолкование, объяснение какой-либо реальной ситуации или идейной позиции, в узкотерминологическом смысле интерпретация – это устный перевод с одного языка на другой либо истолкование смысла художественного произведения в определенной культурно-исторической ситуации его прочтения.

До начала XX в. термины «интерпретатор (наследия)» и «интерпретация наследия» не были распространены, а специалистов, занимающихся подобной деятельностью называли «лекторами», «гидами-натуралистами». Постепенно новый термин распространился в сфере

историко-культурного и природного наследия, стали появляться такие профессии, как интерпретационный рейнджер, гид-интерпретатор, интерпретационный дизайнер, а термин «интерпретация» стал употребляться как синоним образовательного процесса.

Использование слова «интерпретация» в узком значении, как деятельности, направленной на создание впечатления, исполненного смысла, делающей возможным новое понимание объекта наследия через новый духовный и эмоциональный опыт, стало распространенной практикой в среде гидов, специалистов в области охраны окружающей среды, специалистов по музейному делу и туризму в Европе и США начиная с середины прошлого века.

Появление термина «интерпретация наследия» и профессии интерпретатора принято связывать с деятельностью и развитием национальных парков США на протяжении XX в. С ростом популярности национальных парков и образовательных, рекреационных программ на их территориях, а также с все большей их доступностью в связи с развитием сети дорог и автомобильного транспорта все большее количество посетителей устремились в национальные парки, стал расти спрос на специалистов, которые были бы в состоянии качественно представлять природное и культурное наследие этих территорий. Однако специальных сотрудников, профессионально занимающихся интерпретацией, на тот момент не существовало, были лишь отдельные прекрасные примеры гидов, умеющих на высоком уровне представлять новую информацию, осуществлять сопровождение, что обеспечивало незабываемые впечатления от знакомства с бытом населения, фольклором, ремеслами, искусством, творчеством, национальной кухней посещаемых мест.

Постепенно успех отдельных программ привлек интерес и убедил Службу национальных парков изучать, развивать и включать этот подход в свою деятельность. Так, с 1923 по 1927 г. данная инновация получала поддержку и финансирование Конгресса США, а также частных жертвователей и филантропов. Окончательно термин закрепился благодаря выходу в свет книги Ф. Тилдена «Интерпретируя наше наследие» (Interpreting our Heritage) [Tilden, 1991].

Согласно Сэму Хэму, интерпретация – это «просто подход к коммуникации (один из способов общения) <…> Экологическая интерпретация – это перевод информации с научного языка на язык, понятный обычным людям» [Ham, 2013, p. 6]. Одно из новейших научных определений интерпретации, предложенное Национальной ассоциацией интерпретации США, таково: «Интерпретация – это процесс целенаправленной коммуникации, который стимулирует эмоциональные и интеллектуальные связи между интересами аудитории и значениями, заложенными в ресурсе» [NAI].

О развитии нового направления и его полноценном научном статусе свидетельствует не только бесчисленное количество научных публикаций и книг, но и наличие специализированных научных журналов в области интерпретации (например, The Journal of Interpretation Research, Legacy), а также целого ряда правовых документов, регулирующих данную профессиональную сферу. Так, в 2011 г. Европейской организацией по интерпретации была принята Фрайбургская декларация, которая распространяется в Европе среди руководств парков, музеев, исторических мест и местных руководителей, связанных с туризмом и экономическим развитием [Freiburg Declaration on …].

Тот факт, что интерпретация наследия стала полноценной профессиональной сферой, подтверждает и рост частных консультантов и независимых исследователей в области интерпретации. Их деятельность, будучи широко востребованной учреждениями туристской инфраструктуры, сводится к проведению специфических маркетинговых исследований эффективности профессиональной коммуникации сотрудников. Проводя опросы, они пытаются определить цели посетителей туристических объектов и установить, являются ли интерпретативные программы достаточно эффективными. Такая деятельность способствует совершенствованию профессиональных навыков гидов, лекторов, улучшению качества экспозиции, совершенствованию подходов к работе с посетителями.

Интерпретация как образовательная дисциплина включена в образовательные программы ведущих учебных заведений США, включая университетский уровень. В настоящее время профессиональной подготовкой кадров в области интерпретации занимается целый ряд крупных национальных организаций, в частности Служба национальных парков США, Национальная ассоциация интерпретации США, организующих специальные образовательные программы в различных направлениях интерпретации (Hosting, planning, design, guiding) по всей территории страны. Однако благодаря грантовой поддержке международных организаций такие образовательные проекты активно развиваются и в Беларуси (В. Клицунова) [Клицунова 2015]. Список университетов США, предлагающих обучение в области интерпретации природного наследия, насчитывает более 130 [NAI].

Фрименом Тилденом, одним из основоположников подхода, были сформулированы принципы интерпретации. Несмотря на то что это произошло в 1950-х гг., они не потеряли своей актуальности и в настоящее время (о принципах интерпретации см. [Tilden, 1991]). Так, согласно Тильдену, интерпретация – «это искусство, включающее многие виды искусства, позволяющие уникально представить научную, историческую, архитектурную информацию <…> которому можно научиться», «это открытие, основанное на информации» и т. д. Эти принципы и по

сей день берутся в основу при разработке рекомендаций (см. принципы, предложенные Тедом Кейблом и Ларри Бэком [Cable, Beck, 2002]).

Наиболее продуктивными принципами, имеющими самое непосредственное отношение к процессу межкультурной профессиональной коммуникации в туризме, являются принципы, утверждающие, что «любая интерпретация будет бесполезной, если она не релевантна, т. е. не связана с интересом и опытом человека», и «интерпретация – это не только информация, но открытие, основанное на информации» [Tilden, 1991, p. 34]. Как отмечает Фриман Тилден, любой интерпретативный продукт должен быть не абстрактным набором фактов и определений, его релевантность для слушателя в процессе коммуникации обеспечивается тем, что он обращен к внутреннему миру человека, имеет отношение к его опыту и когнитивному багажу. Данный принцип распространяется не только на устную подачу информации, но и на письменную коммуникацию, например, при изготовлении вывесок, аншлагов, информационных стендов и т. д.

Очень важно помнить, что когнитивная информация как таковая не может представлять главную ценность экскурсионного продукта. Во-первых, посетитель зачастую приходит на интерпретативную встречу, предварительно ознакомившись с рядом источников информации, почитав книги, интернет-сайты, побеседовав с людьми, посещавшими это место ранее. Во-вторых, современные мобильные технологии позволяют найти или проверить любую нужную информацию за доли секунд, и именно это несколько изменяет задачу гида-экскурсовода. То, что донесет до посетителя гид-экскурсовод, должно стать дополнением к известному, и желательно должно быть подано таким способом, чтобы полученная ранее из других источников разрозненная информация была переосмыслена и сформировала более полное, совершенное, глубокое целостное видение объекта.

Как отмечалось выше, одной из ключевых интенций отправителя, определяющей пропозициональное содержание и способ его речевого оформления, является получение некоего впечатления, которое и будет определять ценность экскурсионного/туристического продукта. Достижение такого перлокутивного эффекта, сила этого впечатления и в целом оценка успешности профессионального общения в этом случае будет определяться, помимо некоторых прочих менее значимых факторов, в первую очередь тем, насколько передаваемая информация и способ ее подачи будут соответствовать информационному запросу (ожиданию) получателя сообщения (туриста).

Предназначение интерпретатора – раскрывать ценность объекта. Как отмечал М. М. Бахтин, «жить – значит занимать ценностную позицию в каждом моменте жизни, ценностно устанавливаться» [Бахтин, 1979, с. 163]. Причины для посещения того или иного заповедного ме-

ста, музея, выставки могут быть разными, тем не менее каждый посетитель должен и ожидает почерпнуть вдохновение от посещения этого места, получить запоминающееся, яркое впечатление от знакомства с объектом. Это случится лишь в том случае, если рассказ гида затронет тонкие струны души посетителя, позволит ему переосмыслить его опыт, взглянуть на свой внутренний мир, поразмышлять о чем-то, по-новому оценить происходящее. Посетитель не должен остаться в стороне, ознакомившись с объектом, он должен принять полученные знания, встроить их в систему своих ценностей, представлений о мире, и именно в этом случае он позитивно оценит преподнесенный продукт.

Понятие «релевантность» (от англ. *relevance* – актуальность, уместность) распространилось в коммуникативной лингвистике благодаря развитию теории релевантности, а также инференционной модели Г. П. Грайса [1985]. Согласно одной из максим Грайса «будь релевантным», коммуникация будет развиваться и быть оценена положительно, если понятие, событие или явление, вокруг которого она разворачивается, является для получателя действительно существенным. Понятия «релевантность» и «пертинентность» получили широкое распространение и в теориях информационного поиска, кибернетике и т. д., и в этих областях знаний под термином «релевантность» принято понимать «соответствие интента (поискового намерения), заложенного в запросе, выдаче в поисковой системе, полученной в результате этого запроса», а под «пертинентностью» (от лат. *pertineo* – касаться, относиться) – соответствие найденных информационно-поисковой системой результатов информационным потребностям пользователя. Оба этих понятия получают особую значимость для профессионального общения в свете кодовой модели коммуникации: отправитель сообщения (гид/экскурсовод/инспектор парка и т. д.) намеренно передает реципиенту / получателю информации (туристу/посетителю музея, выставки, информационного центра и т. д.) некую мысль, оформленную в соответствии с интенциями. Релевантная информация обладает двумя качествами: она значима для слушателя и обладает личностным смыслом [Ham, 2013].

Как же в условиях межкультурного общения создать продукт-представление, отвечающий таким требованиям – текст экскурсии, надпись к экспонату, рассказ и т. д.? Традиционно считается, что чем больше разных впечатляющих фактов, цифр и статистики представит гид, тем лучше. Однако это далеко не так. Информация сама по себе ценна, но она должна быть подана в нужной пропорции и нестандартными, доходчивыми, легкими для усвоения способами, именно тогда она окажет искомый эффект, позволит посетителю совершить для себя небольшое открытие. Во многом именно такому, релевантному, представлению объекта способствует личное общение гида-экскурсовода с посетителем, правильный выбор примеров, ограниченное, строго оправдан-

ное контекстом общения использование технических терминов, историй, сравнений, образов, позволяющих увидеть объект через призму человеческих ценностей, представление нового через призму известного.

Знание аудитории позволяет сделать достаточно точное предположение относительно имеющегося когнитивного багажа посетителей и осуществить выбор подходящей техники представления объекта в соответствии с этим. Чем больше информации об аудитории получит экскурсовод на подготовительном этапе подготовки к экскурсии, тем более точным будет выбор техники и тем более качественным получится предлагаемый аудитории интерпретативный продукт.

Тем не менее можно говорить и о наличии определенных лингвистических интерпретативных инструментов, позволяющих достигать большей релевантности продукта, и в этом случае их сознательное применение следует считать попыткой речевого воздействия на реципиента, поскольку благодаря этому происходит построение сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения и способствующих воздействию либо изменению интеллектуального, эмоционального состояния [Доронина, 2014].

Релевантность может также определяться исходя из эффективности обработки передаваемой информации, которая, в свою очередь, обеспечивается за счет осуществления большего количества операций за счет минимального ментального усилия. Исходя из этого, наукообразный текст экскурсии, изобилующий фактуальной когнитивной информацией, более сложен для восприятия и в условиях профессионального взаимодействия экскурсовода и посетителей не может считаться релевантным. Как отмечает Е. С. Кубрякова, мышление человека стоит перед необходимостью решать задачи чисто практического характера и базируется на дифференциации существенного и несущественного, прагматически релевантного и нерелевантного [Кубрякова, 2008, с. 15].

Одним из инструментов системы языка, позволяющим соблюсти принцип релевантности и интерпретации, является использование языковых единиц, способных расширять «пределы сочетаемости», приводящих к появлению ассоциативных значений [Фурс, 2012].

Французские учёные Деирдра Уилсон и Дан Спербер, авторы теории релевантности, разработанной на основе постулатов Г. П. Грайса, отмечают, что в качестве стимулов, способствующих формированию ассоциативных значений, могут выступать звуки, тактильные ощущения, т. е. невербальные средства выражения [Sperber, Wilson, 1995]. Действительно, впечатления экскурсанта будут сильнее, если во время экскурсии задействованы не только органы слуха и зрения (и не только способом, ограничивающим палитру переживаний – «смотри на меня и слушай меня»), но и другие органы чувств или другие более сложные

раздражители, кроме как голос экскурсовода. Не только дети, но и взрослые оценят по достоинству наполнение программы звуками природы, музыкой, возможность потрогать предметы, ощутить их форму, температуру, текстуру, вес, плотность и т. д., услышать их запах.

Сознательно включенные в текст сообщения вербальные стимулы, такие как эмоционально нагруженная лексика, жаргонизмы, риторические приемы, способны вызвать достаточно сильный эмоциональный отклик организма. К вербальным средствам выделения значимой информации можно отнести языковые средства выражения, например контрасты, аналогии, сравнения, метафоры и т. д.

Управлением национальных парков США обращение к универсальным концептам было названо одним из наиболее ценных способов повышения значимости интерпретации наследия. Одно из полных определений концепта представлено М. В. Пименовой: «Концепт – это некое представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами. Концептуальный признак объективируется в закрепленной и свободной формах сочетаний соответствующих языковых единиц – репрезентантов концепта. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры. Полное описание того или иного концепта, значимого для определенной культуры, возможно только при исследовании наиболее полного набора средств его выражения» [Пименова, 2011]. Подобный взгляд на концепт присутствует в работах А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева, Е. С. Кубряковой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и др. С точки зрения принадлежности определенным группам носителей принято различать универсальные, этнические, цивилизационные, групповые (гендерные, профессиональные и др.), индивидуальные. Под универсальными концептами, или культурными универсалиями, понимают такие, которые выходят за рамки одной этнокультуры и не имеют временных ограничений, это концепты известные и понятные любому человеку. К ним относятся противоположные друг другу чувства (любовь, ненависть, радость, горе, страх, восторг и т. д.), базовые биологические состояния (смерть, рождение, жизнь, голод, жажда и т. д.), свойственный человеку интерес к неизведанному, таинственному, космосу и т. д. [Ham, 2013]. Обращение к универсальным концептам, использование их в качестве отправной точки для развития сюжета и инструмента речевого воздействия или воздействия на сознание реципиента можно наблюдать во многих видах искусства, начиная с литературы и заканчивая кинематографом.

Целью такого вида речевого воздействия на когнитивном уровне, подразумевающем участие ментальных единиц, является модификация картины мира слушающего. Сознательное использование языковых средств репрезентации универсальных концептов при конструировании формальной оболочки текста позволяет обеспечить реализацию и вовлечение в речевое взаимодействие определенной совокупности эмоционально окрашенных смыслов и создать некую единую базу для дальнейшего усвоения новых знаний, вовлечения в процесс усвоения новой информации, привлечения и поддерживания внимания слушателя, приятия им коммуникативного посыла. Организация речевого воздействия с использованием универсальных концептов обеспечивает формирование общей «когнитивной платформы» [Доронина, 2014], сближающей картины мира говорящего (экскурсовода, представляющего историческое событие, персоналию, артефакт, культурную реалию и т. д.) и слушающего – посетителя, экскурсанта. Такое взаимодействие может способствовать активной трансформации картины мира слушающего.

Литература

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Худ. лит., 1979. 471 с.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1985. Вып. 16 : Лингвистическая прагматика. С. 217–237.

Доронина Е. Г. Общая когнитивная платформа как фактор воздейственности текста // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Лингвистика. 2014. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-kognitivnaya-platforma-kak-faktor-vozdeystvennosti-teksta (дата обращения: 06.04.2018).

Клицунова В. А. Интерпретация наследия в туризме. Новые подходы в эпоху экономики впечатлений. Минск : Экоперспектива, 2015. 219 с.

Кубрякова Е. С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Типы знаний и проблемы их классификации. М. ; Тамбов, 2008. С. 11–24.

Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманит. вектор. Сер. Педагогика, психология. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/kontseptualnye-issledovaniya-i-natsionalnaya-mentalnost (дата обращения: 29.04.2018).

Фурс Л. А. Принцип релевантности в конструировании смысла // Соц.-экон. явления и процессы. 2012. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-relevantnosti-v-konstruirovanii-smysla (дата обращения: 20.01.2018).

Beck L., Cable T. Interpretation for the 21st Century. Urbana : SagamorePublishing, 2002. 242 p.

Ham S. H. Interpretation – Making a Difference on Purpose. Fulcrum Publishing, Golden, 2013, 290 p.

Sperber D., Wilson D. Relevance: Communication and Cognition. 2nd ed. Oxford ; Cambridge, MA, 1995. 326 p.

Tilden F. Interpreting Our Heritage. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2007. 191 p.

NAI [Electronic recource]. URL: https://www.interpnet.com/NAI/interp/Career_Center/Colleges_ Universities_Offering_Interpretive_Curricula/nai/_resources/Colleges_And_ Universities_ Offering_Interpretive_Curricula.aspx?hkey=fba717e6-90e4-4587-899e-0d632267d899.

Freiburg Declaration on Heritage Interpretation [Electronic recource]. URL: http://www.interpret-europe.net/fileadmin/Documents/publications/Fbg-declaration-web.pdf.

УДК 378

С. Л. Куклина

Интерпретация исторического, природного и культурного наследия: возможности использования в образовательной деятельности в вузах

Аннотация. Работа посвящена возможностям использования достаточно нового для России интерпретационного подхода в образовательной деятельности в высших учебных заведениях. Рассмотрены некоторые интерпретационные принципы и техники с конкретными примерами из преподавательской практики автора для студентов естественно-научных направлений. Отмечается, что главная цель интерпретации сходна с образовательной – побудить аудиторию (студента) мыслить самостоятельно, находить личностный смысл, установить свои собственные связи между своим багажом знаний и новыми, познаваемыми данными. Внедрение интерпретационного подхода может быть эффективным инструментом в образовательной деятельности и являться одним из новых способов взаимодействия «преподаватель – студент».

Ключевые слова: интерпретация, высшее образование, новые подходы, коммуникация.

S. L. Kuklina

The Interpretation of Historical, Natural and Cultural Heritage: Opportunities for Using in Universities Educational Activities

Abstract. The paper is devoted to the use of heritage interpretation tools, new for Russia tools, in teaching in higher educational establishments. The author introduces several principles and techniques of heritage interpretation, illustrating them by examples from author's experience of work with Science students. It is noted that the objective of heritage interpretation is similar to the objective in education – to make the audience (student) think independently, to reveal personal meanings, to make connections between existing knowledge and new cognitive elements. Use of interpretation principles and methods could become effective tool in education and turn to be a new alternative communication media for a teacher and a student.

Keywords: heritage interpretation, higher education, new approaches, communication.

Традиционное обучение в высших учебных заведениях подразумевает, что преподаватель – это эксперт, а студент – пассивный слушатель (получатель знаний). Студент не вступает в активное взаимодействие с преподавателем, он получает уже «готовые» знания. Привычка получать «готовые» знания приводит к тому, что у студента не развиваются компетенции, направленные на умение самостоятельно получать новые знания или опыт, на умение формулировать проблемные задачи и затем искать пути их решения. Тем не менее эти компетенции входят в систему знаний, умений и способностей выпускника вуза. Еще одной серьезной проблемой для современного студента начальных курсов является недостаточно сформированные коммуникативные навыки [Кочелаева, 2014; Либина, 2017]. Поэтому в последнее время в преподавании используется все больше новых техник (методик), которые несут в себе новые способы взаимодействия «преподаватель – студент». Использование интерпретационного подхода может рассматриваться как один из новых способов обучения студентов в вузах.

Целью данной работы является ознакомление с некоторыми интерпретационными принципами, техниками и рассмотрение возможностей их использования в образовательной деятельности в вузах.

С 2011 г. автором было проведено большое количество (52) семинаров и тренингов по интерпретации среди гидов, экскурсоводов, сотрудников особо охраняемых природных территорий (ООПТ), учителей, преподавателей вузов, музейных работников, библиотекарей и др. И во всех случаях каждый участник «выносил» что-то полезное и новое для своего дальнейшего профессионального роста. Конечно, часть техник, используемых для интерпретации исторического, природного и культурного наследия, невозможно применить в учебном процессе, но существует достаточное количество других, которые можно внедрять в образовательный процесс в высших учебных заведениях. Эффективность интерпретационного подхода отмечается автором лично во время преподавания естественно-научных дисциплин на биолого-почвенном факультете ИГУ.

Существует множество разных трактовок термина «интерпретация», которые могут нести совсем разные смыслы. В данной работе под интерпретацией мы будем понимать процесс целенаправленной коммуникации, который стимулирует эмоциональные и интеллектуальные связи между аудиторией и объектом интерпретации, а также содействует в достижении его понимания [Интерпретация природного и культурного ... , 2017]. Использование термина «интерпретация» в близком значении стало распространяться с начала 1960-х гг. в США, Канаде, а затем и европейских странах среди гидов, экскурсоводов, музейных работников, работников зоопарков и т. д. В настоящее время идеи интерпретации исторического, природного и культурного наследия успешно применяются во многих странах мира и давно вышли за рамки только туристической сферы. На сегодняшний день интерпретация имеет свою идеологию и терминологию и включает в себя ряд техник (методик), принципов и иных составляющих, которые позволяют эффективно использовать их в разных сферах деятельности, в том числе как инструмент для образовательных целей в вузах.

Знакомство с интерпретационным подходом можно начать с объяснения, чем интерпретация отличается от информации. Одним из самых распространенных способов донесения информации до студента в вузах считается лекция, основная функция которой – информационная. Информация является необходимым компонентом обучения и представляет собой набор сведений, фактов, характеристик. В отличие от информации, интерпретация направлена на толкование сведений, фактов и характеристик, в соответствии с определенными условиями и задачами она вовлекает в процесс и, что очень важно, мотивирует сту-

дента на дальнейшее обучение, на поиск новой информации. Основные различия информации и интерпретации представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение информации и интерпретации

Информация	**Интерпретация**
Называет и объясняет	Выявляет и передает смысл
Классифицирует и систематизирует	Ищет взаимосвязи
Преподносит факты и информацию	Делает открытие на основе информации
Пассивна – описательна	Активна – вовлекает в процесс
«Объективна»	«Субъективна»
Не вызывает споров	Провоцирует
Информирует	Преобразовывает
Сосредоточена на преподавателе	Сосредоточена на аудитории

Интерпретация может быть хорошим дополнением к информации. Далее приведено несколько примеров использования интерпретационного подхода при обучении студентов естественно-научного направления.

Во время лекционных занятий преподаватель применяет в основном описательный метод, который оперирует названиями (наименованиями) и перечислением свойств, характеристик и т. д. Ключевые вопросы, используемые при этом методе: «Что это?», «Что мы видим перед собой?», «Какие у этого объекта характеристики?». Чуть реже применяется другой метод – разъясняющий, который опирается на понятия, разъясняет причинно-следственные связи. Основные вопросы при этом методе: «Как это работает?», «Что из этого следует?». Обычно этого достаточно для достижения образовательных целей. При интерпретационном подходе (в разъясняющем методе) появляется еще один важный вопрос: «Почему мне это нужно (важно) знать?». И если студент в процессе освоения новых знаний сможет для себя ответить на этот вопрос, то в этот момент он открывает для себя глубокий и сугубо индивидуальный смысл описываемого понятия, факта, объекта, который представляет собой момент интеллектуального и эмоционального откровения, восприятия, понимания или открытия.

В качестве примера можно привести одно из занятий по геологии у студентов биолого-почвенного факультета ИГУ. На лекции о землетрясениях можно говорить не только о том, что это такое, как они возникают, какой силы бывают и каковы их последствия. Занятие можно начать с вопроса к студентам: «Кто хоть раз ощущал проявление землетрясения на себе?», попросить рассказать кого-то о своих ощущениях. Задать следующие вопросы: «Важно ли людям, живущим в сейсмически активных зонах, знать больше о землетрясениях, чем жителям других территорий?», «Почему это важно?», «А что бы именно Вы хотели

узнать о землетрясениях?». На такое «вступление» в тему затрачивается около 10 минут, но затем, в ходе лекции студенты начинают сами задавать вопросы, которые их интересуют: «Как вести себя во время землетрясения?», «Можно ли заранее узнать об этом?» и др. Таким образом, мы вовлекаем их в активный процесс обучения, и они лучше усваивают материал.

Вышеописанный подход дополняет один из основных принципов интерпретации, который звучит так: «Любая интерпретация будет бесполезной, если она не релевантна, т. е. не связана с интересом и опытом человека» [Tilden, 2007].

Один из примеров, связанных с отсутствием или наличием опыта у студентов, касается раскрытия понятия «водосборный бассейн» в курсе «Экология». Это сложное понятие, которое звучит так: «Водосборный бассейн (также водосборная площадь, водосбор) – территория земной поверхности, с которой все поверхностные и грунтовые воды стекаются в данный водоём или водоток, включая различные его притоки» [Большая советская энциклопедия, 1971]. Во время и после лекции по этой теме студенты не задают дополнительных вопросов, выражая, таким образом, ее понимание. Но затем, в ходе курса, выявляется, что многие из студентов не только о водосборном бассейне, но и о том, как формируется и «бежит» река от истока до устья, имеют весьма смутное представление. К сожалению, многие из учащихся до этого не имели опыта поездок в естественные природные ландшафты или ранее не обращали внимания на многие закономерности развития рек, озер и т. д.

После таких наблюдений было разработано следующее практическое занятие: берется чистый лист бумаги формата А4 и хорошо сминается в комок. Затем бумага немного расправляется и создается рельефная модель участка земной поверхности. Студентам предлагается синей краской нарисовать реки и озера. При этом они вспоминают, где обычно берут начало реки, по каким элементам рельефа текут, куда они впадают, как и в каких местах образуются озера и более крупные реки. После чего красным маркером или карандашом отмечаются водораздельные поверхности (рис. 1). Когда модель водосборного бассейна готова, проверить правильность выводов студентов можно с помощью пульверизатора с водой, когда синяя краска, смешиваясь с водой, частично скатывается вниз, образуя «водоемы». В итоге такого занятия у студентов формируется определенный опыт и понимание основных закономерностей и составных элементов водосборного бассейна, одновременно складываются коммуникативные навыки (умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную речь).

Рис. 1. Студенты на практических занятиях по экологии

После освоения материала по водосборным бассейнам можно задать аудитории вопросы, расширяющие границы знаний: «Почему это важно знать каждому из нас?», «Как Вы относитесь к тому, построит Монголия ГЭС на реке Селенге или нет?», «Нужно ли беспокоиться о том, что на Малом море озера Байкал на турбазах слив сточных вод зачастую идет в озеро?». Затем вспомнить вместе со студентами, что вся вода из-под крана в г. Иркутске берется из р. Ангары, которая вытекает из оз. Байкала. А в оз. Байкал впадает 336 постоянных и большое количество временных водотоков с общей площади 571 000 км², и все, что происходит на этой огромной водосборной площади (включающей в себя территории в Монголии и Китае), может отразиться на качестве воды, которую мы пьем. Такой вывод вызывает у аудитории шок и понимание, что в природе все взаимосвязано и что порой у какого-то факта или события есть другой, возможно скрытый, смысл и это может оказаться важным лично для него. Именно эти личные связи останутся в памяти у студента после занятий, и в дальнейшем он переложит полученные знания на другой опыт.

Во время лекционных, семинарских или практических занятий возможно применение еще одного из принципов интерпретации, который звучит так: «Интерпретация – это не только информация. Интерпретация – это открытие, основанное на информации» [Tilden, 2007].

Часто ответ на вопрос «Почему мне это важно знать?» уже является для студента открытием. Кроме того, иногда важно подать информацию таким образом, чтобы студент мог сделать на основании этой информации самостоятельный вывод. Цепочка логических рассуждений, на основе которой было сделано открытие, самостоятельный вывод запоминаются гораздо лучше, чем просто набор информации («готовые» знания).

Для иллюстрации этого принципа возьмем еще один пример из практического занятия по курсу «Геология» о движении литосферных плит. Все студенты еще из школьной программы знают, что литосфера Земли состоит из континентальных и океанических плит, которые находятся в непрерывном движении относительно друг друга. В задачи практического занятия входит также выявить взаимосвязи между движением литосферных плит с рельефом Земли. После некоторой вводной информации студентам дается задание выяснить, как в рельефе проявляются сдвиг и раздвиг плит, почему одни горы высокие, а другие низкие или как может измениться рельеф Земли через несколько миллионов лет. Научиться «читать» рельеф и видеть в каждом его проявлении определенные геологические процессы – это открытия, которые студенты делают самостоятельно, они начинают понимать и искать связи, делать прогнозы.

Этот подход помогает формировать такие общекультурные компетенции, как: владение современной культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, которые пригодятся студенту как в будущей профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни. Мы рассмотрели лишь два принципа интерпретации, хотя их гораздо больше, и часть из них может успешно применяться в учебном процессе.

Для образовательных целей интересен один из интерпретационных подходов к обучению, который взят из психологии, это индивидуализация процесса обучения с учетом типов восприятия информации учащимися. В интерпретации важен не общий, а индивидуальный подход. Так как каждый студент отличается индивидуальными особенностями восприятия и от этого зависит освоение многих важных навыков, то строить образовательный процесс необходимо с учетом этих особенностей.

Напомним, что человек получает информацию через основные пять каналов: зрительный, слуховой, тактильный, вкусовой, обонятельный, но после восприятия информация перерабатывается в нашей голове с помощью одной преобладающей системы. Выделяют основные четыре типа сенсорных систем:

– визуальная, когда преобладающей является зрительная система обработки информации: форма, расположение, цвет;

– слуховая, где доминирующей является слуховая система обработки информации: звук, мелодия, ее тон, громкость, тембр, чистота;

– кинестетическая – преобладающей является чувственная информация: прикосновения, вкус, запах, ощущение текстур, температуры, движение;

– дигитальная, связанная с логическим построением внутреннего диалога: схемы, графики, факты, формулы.

Одна из этих систем чаще всего является пусковой, ведущей. Именно ведущая система запускает процесс мышления, становится толчком для других ментальных процессов: памяти, представления, воображения. По преобладанию одной из систем восприятия информации проводят деление людей на визуалов, аудиалов, кинестетиков и дигиталов [Пермякова, 2016].

При проведении занятий со студентами преподаватель чаще всего задействует аудиальный канал восприятия информации, чуть реже визуальный (презентации, фото, рисунки и др.) и дигитальный (схемы, формулы, даты, цифры). Сложнее всего с кинестетиками, так как стандартные методы обучения в вузах не всегда ориентированы на них. Для этого типа очень важны практические занятия, где можно что-то потрогать (минерал, горную породу, растение и т. д.), моторная разрядка (раздать материал, писать на доске, передвигаться во время практических занятий). Эффективность освоения материала студентами заметно повышается, если во время образовательного процесса используется материал с учетом всех типов восприятия.

Кроме вышеперечисленного, существуют техники, которые помогут сделать лекцию более увлекательной, к ним можно отнести следующие [Ham 2013]:

– преувеличение или уменьшение размеров («Если вы были бы очень маленькими, как дождевой червяк, и смогли бы попасть в почву, то что бы вы там увидели?»);

– изменение временных рамок («Если бы время ускорилось так, что за секунду проходило бы тысячи лет, то тогда мы бы смогли своими глазами увидеть дрейф континентов»);

– аналогии («Сравните Землю с луковицей, имеющей слоистое строение»);

– фокусировка внимания на отдельном представителе («Давайте подумаем, как вот эта конкретная галька могла попасть на этот пляж») и др.

В пределах данной статьи сложно оценить все возможности интерпретационного подхода, которые могут быть применимы в учебном процессе. Важно отметить, что цель образовательной деятельности сходна с главной целью интерпретации – побудить аудиторию мыслить самостоятельно, находить личностный смысл, установить собственные связи между своим багажом знаний и новыми, познаваемыми на месте данными. Поэтому разумное внедрение некоторых интерпретационных принципов, техник и методов может стать эффективным инструментом в образовательной деятельности и разнообразить способы взаимодействия «преподаватель – студент».

Литература

Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Сов. энцикл., 1971. Т. 5. 640 с.

Интерпретация природного и культурного наследия. Тренинг для гидов: рабочая тетрадь / сост.: Е. Вебер, А. Марьясова, Е. Павлюк, М. Сукнева. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 68 с.

Клицунова В. А. Интерпретация наследия в туризме. Новые подходы в эпоху экономики впечатлений. Минск : Экоперспектива, 2015. 219 с.

Кочелаева Е. Я. К вопросу о необходимости формирования социально-коммуникативной компетентности студентов ВУЗа // Симбир. науч. вестн. 2014. № 4. С. 64–66.

Либина М. Коммуникативный сбой в общении «студент – преподаватель» // Collegium Linguisticum–2017: тез. докл. ежегод. конф. студ. науч. о-ва. МГЛУ. 2017. С. 57.

Пермякова И. Визуал, аудиал, кинестет, дигитал. Как определить типы восприятия информации? [Электронный ресурс]. URL: http://razvitie-intellecta.ru (дата обращения: 12.06.2018)

Ham S. H. Interpretation: Making a Difference on Purpose. Golden, Colorado : Fulcrum publishing, 2013. 290 p.

Tilden F. Interpreting Our Heritage. Chapel Hill : The University of North Carolina press, 2007. 191 p.

Историко-культурные аспекты развития и актуальные проблемы журналистики и массовой коммуникации

УДК 07(571.53)(-21)

И. Т. Абдулова
С. Н. Булатова

Трансформация образа Байкальска в региональной прессе: до закрытия БЦБК и после

Аннотация. Байкальск – город Иркутской области на юге Байкала, возникший в связи со строительством Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (1967–2013) и долгие годы загрязнявший Байкал. В прессе Байкальск трактовался как типичный «моногород», полностью зависящий от работы градообразующего предприятия: комбинат обеспечивал город электроэнергией, теплом, водой. В двухтысячных годах комбинат дважды приостанавливали, в Байкальске отмечались вспышки социального протеста. Образ Байкальска в региональной прессе в это время был противоречив: от «умирающего города» до «клубнично-туристического рая». После закрытия комбината в 2013 г. региональная пресса представляет Байкальск как «неспокойный город». Сегодня Байкальск более чем когда-либо нуждается в новом, позитивном образе.

Ключевые слова: Байкальск, моногород, Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат (БЦБК), образ города, экологические проблемы, Байкальский клубничный фестиваль.

I. T. Abdulova, S. N. Bulatova

Baykalsk's identity in the local media before and after Baikal Pulp and Paper Mill (BPPM)

Abstract. Baykalsk is a town of Irkutsk Oblast, Russia, located at the south of Lake Baikal. It was founded with the opening of Baikal Pulp and Paper Mill (BPPM) which was a major source of pollution of Lake Baikal for a long time (1967–2013). The media used to interpret Baykalsk as a typical one-company town which relies on BPPM for jobs and public utilities. The Mill provided Baykalsk with electricity, district heating, and water. In the 2000s the work of BPPM was interrupted twice, and it caused the number of flashes of social protests in Baykalsk. The Baykalsk's identity was antinomic at this period – it was ranged from a depressed town to a strawberry-touristic paradise. After the closing of BPPM in 2013, the local media interprets Baykalsk as the troubled town. Now, more than ever before, Baykalsk needs a different positive identity.

Keywords: Baykalsk, one-company town, Baikal Pulp and Paper Mill (BPPM), town's identity, environmental issues, Baikal Strawberry Festival

«Проблема Байкальска» имеет солидный стаж на страницах региональной прессы. Сама формулировка – «проблема Байкальска» – тоже принадлежит СМИ: вынося на повестку дня ту или иную социальную ситуацию, массмедиа могут презентовать ее как проблему, как нечто, нуждающееся во внимании людей и действиях власти. В конце 80-х гг.

XX в. в Сибири возникло мощное экологическое движение, локальный вариант «гласности» и «перестройки». Несовместимость чистейшего озера и вредного лесохимического производства стала очевидна не только с экологической, но и с моральной точки зрения.

В 2000-е гг. в политическом и общественном дискурсе активно стал использоваться термин «моногорода» – для характеристики поселений (в основном, небольших городов), полностью зависящих от работы градообразующего предприятия. Байкальск трактовался в СМИ как «*наследие советской экономической модели*», как «*депрессивный моногород*». Резонансные решения относительно судьбы комбината и города и не менее резонансные публикации в прессе приходятся на 2007–2013 гг. В медийном пространстве региона образ Байкальска за последнее десятилетие имел различные проявления.

В основе исследования лежит дискурсивный анализ публикаций региональной прессы СМИ – всего более пятидесяти. В основном это публикации двух наиболее влиятельных печатных СМИ Иркутской области: официальная газета правительства региона «Областная» и мягко оппозиционная, но авторитетная в регионе «Восточно-Сибирская правда» («ВСП» и тематические приложения к ней). Печатные версии изданий не являются самыми многотиражными, однако каждое из них имеет активно посещаемые сайты и страницы в социальных медиа. Эти СМИ влияют на формирование общественного мнения в Иркутском регионе.

Социально-исторический портрет Байкальска. Байкальск, расположенный на южном берегу Байкала, стал городом в 1966 г., вместе с пуском БЦБК. Целлюлозно-бумажный комбинат (1967–2013) долгие десятилетия был основным источником загрязнения озера. В качестве причины строительства целлюлозного завода на Байкале декларировалась необходимость производить высококачественную целлюлозу для авиационного корда. Вскоре выяснилось, что корд из синтетических волокон дешевле и прочнее. Необходимость в БЦБК отпала. Однако комбинат продолжал работать. Сегодня непросто понять, для чего нужно было засорять чистейшее озеро планеты без крайней необходимости. Но в плановой экономике остановить запущенный механизм не представлялось возможным: все советское годы БЦБК выпускал дешевую оберточную бумагу и упаковочный картон [Скращук, Булатова, 2017, с. 12].

Тема строительства и работы БЦБК была одной из наиболее дискуссионных в СССР опрос о закрытии/перепрофилировании комбината регулярно обсуждался на разных уровнях, его остро поднял известный режиссер С. Герасимов в фильме «У Озера». Но БЦБК продолжал выпускать упаковочные материалы. Очистные сооружения на момент запуска комбината были готовы не полностью; в последующем они неоднократно модернизировались, но оборудование быстро устаревало. К середине 1980-х гг. стоки оказывали вредное влияние на акваторию и

дно южной части Байкала. Голоса в СМИ о необходимости закрытия вредного производства на Байкале раздавались все громче.

Проблему закрытия/перепрофилирования БЦБК всегда осложнял социальный фактор. Комбинат работал, город рос (в 2000 г. там проживало 17 тыс. чел.). Байкальск представлял «классический случай формирования города в соответствии с плановой экономикой: пространство города изначально было запланировано как единая с комбинатом система» [Город после комбината ... , 2012, с. 9]. Жители его были неплохо, по советским меркам, обеспечены жильем, социальной инфраструктурой, товарами. Байкальск считался благополучным местом, работать на БЦБК было престижно. Кроме формирования городского бюджета, комбинат обеспечивал город электроэнергией, теплом, горячей и холодной водой – всё социально-экономическое развитие Байкальска зависело от комбината. Даже дачные участки раздавались желающим от комбината. Горнолыжные трассы горы Соболиной были построены работниками БЦБК на субботниках. Зависимость от комбината создала и укрепила настроения патернализма, свойственные горожанам и ныне.

Зимний туризм был (и остается) ресурсом развития Байкальска: горнолыжный курорт «Гора Соболиная» всегда был популярен в регионе и во всей России. Однако исследователи отмечают, что жители Байкальска относятся к туризму как «сфере второразрядной по сравнению с «производством» – и с точки зрения общественной значимости, и по шкале престижности сфер занятости» [Там же, 2012, с. 21].

В 2000-е гг. комбинат выпускал сначала беленую целлюлозу невысокого качества, потом, на основе замкнутого водооборота, небеленую, которая была менее рентабельна. Поиском решения социальных проблем жителей Байкальска власти объясняли многолетние проволочки с закрытием экологически вредного производства [Скращук, Булатова, 2017, с. 14].

Байкальск до закрытия БЦБК: умирающий город или клубнично-туристический рай? Осенью 2008 г. БЦБК был приостановлен. Жители города остались без работы и денег, могли остаться и без тепла в домах – теплоснабжение города зависло от работы комбината. Приближалась зима. Региональная пресса сконцентрировались на образах «голодающего» и «замерзающего» города – на страницах газет рисовался «моноград обреченный». Вскоре Байкальск стал еще и «бастующим»: люди не получили расчет и устраивали пикеты перед городской администрацией. Однако пикеты были недостаточно убедительны, и в ход пошла «тяжелая артиллерия» – голодовки протеста и обещания перекрыть Транссиб.

В этом взаимодействии СМИ и протестующие получали взаимные «бонусы»: СМИ привлекали внимание властей, что давало людям шанс решить свою проблему, а броские заголовки обеспечивали тиражи га-

зет. Тему подержали и федеральные СМИ, и Байкальск стремительно превратился в очередную «горячую точку» на карте России. Когда нашлись деньги на погашение части долгов и уголь для котельной города и политическая составляющая ситуации стала менее острой, пресса сосредоточилась на обсуждении дальнейшей судьбы Байкальска. Территория, где расположен город, богата рекреационными и климатическими ресурсами, все это дает богатую пищу для построений относительно его будущего. Метафоры «клубничный рай» и «туристический рай» – это стратегии развития Байкальска, предлагаемые экспертами и транслируемые СМИ. В целом эксперты и политики сходились на том, что городу необходима новая идея, которая позволит преодолеть прежнюю, промышленную логику развития – *«Байкальск нужно заразить мечтой»* [Арбузова, 2009]. Оба этих образа – «умирающего города» и «райского места» существовали в прессе практически параллельно.

Лето 2009 г. принесло Клубничный фестиваль «Виктория», событие, реализующее так называемый клубничный бренд города. «Урожайность клубники в Байкальске высока благодаря особому микроклимату, который иногда называют «сибирскими субтропиками»: плюсовая среднегодовая температура, высокая влажность, самые снежные зимы на побережье Байкала. Прибыль от продажи клубники всегда была важной статьей дохода многих жителей Байкальска. Клубничный фестиваль в Байкальске стал ежегодным и проводится в период созревания ягоды в течение трех дней во второй половине июля. «Клубничный» бренд продвигало объединение представителей власти, бизнеса, некоммерческих организаций, активных садоводов [Булатова, Добосова, 2015, с. 30–31]. Фестиваль «Виктория» создавался для формирования новой идентичности города: «город-сад» вместо «города-завода», каким Байкальск строился и был десятилетия своей истории. С 2011 г. спрос на жилье у туристов в дни клубничного праздника стал сравним с зимним, «горнолыжным» периодом, в городе можно видеть большое количество автомобилей – всё это позволяет заключить, что на фестиваль приезжают туристы из других городов [Город после комбината ... , 2012, с. 77]. Однако событию, призванному стать для Байкальска имиджевым мероприятием, в период до закрытия комбината в 2013 г. посвящены лишь единичные публикации региональной прессы. Фестиваль не имел широкого медийного освещения, за пределы локального события выйти ему не удалось.

В 2010 г. комбинат возобновил работу. Пресса заняла позицию против решения правительства, даже лояльные официальные газеты высказывали тревогу о будущем города и Байкала. Байкальск рассматривается как место потенциальной экологической катастрофы, а тон статей о нем – сожалеющим и осуждающим. Такие сообщения легко вписываются в общий критический настрой по отношению к действиям

власти по любому, даже не связанному с Байкалом поводу. Медийное пространство региона наполняют публикации, названия которых красноречиво свидетельствуют об этом: «*Байкал – “разменная монета”»?* [Байкал – «разменная монета»?], «*Областное правительство сдает Байкал*» [Скальский, 2010]. Пресса отражает, и, одновременно, формирует общественные настроения. «*Умирающий город*», «*клубнично-туристический рай*», «*зона экологического бедствия*», «*место коррупционной сделки*» – таков противоречивый портрет Байкальска на страницах иркутских региональных газет в 2007–2010 гг.

В 2011 г. ситуация стала менее напряженной, но Байкальск по-прежнему привлекает внимание прессы: СМИ и общественность не готовы отказаться от многообещающего сюжета. Байкальск появляется в региональных новостях чаще, чем любой другой небольшой город области. Тлеющее противостояние «город – комбинат» время от времени подбрасывает информационные поводы: задолженности, взаимные претензии и угрозы. Образ города и происходящих в нем событий переместился из природоохранного спектра в юридическо-правовой. Законность назначения управляющих, переуступка долгов, сроки действия документов на пользование водным объектом – такие моменты формируют образ города до закрытия БЦБК. В целом публикации региональной прессы 2012–2013 гг. более обнадеживающие, в них речь чаще всего идет о закрытии БЦБК. В 2013 г. это событие произошло, комбинат был закрыт.

«Неспокойный Байкальск». Окончательное закрытие БЦБК в 2013 г. стало поводом для целой серии публикаций в прессе. Тон их был скорее настороженным, будущее Байкальска было неясным.

В «Восточно-Сибирской правде» и ее приложениях за период 2013–2018 гг. проблеме Байкальска было посвящено двадцать две статьи. БЦБК продолжал влиять на образ города. Тема БЦБК прослеживается как преодоление оставленных комбинатом проблем, как альтернатива, как прошлое. Однако возникли и два новых сюжета – проблема отопления Байкальска и Школа экологического предпринимательства (ШЭПР).

ТЭЦ, отапливающая город, планировалась и строилась на БЦБК и для БЦБК. После закрытия комбината ТЭЦ осталась без хозяина, оказалась изношенной, убыточной и одновременно слишком мощной для нужд города. Все это приводит к тому, что Байкальск живет угрозой отключения тепла. Денег в городском бюджете на энергоносители нет. Проблеме теплоснабжения посвящено семь публикаций с такими названиями, как «*Неспокойный Байкальск»* [Никульшеева, 2017] *«А в Байкальске снова газ»* [Щербаков, 2016], *«Газификация Байкальска отменяется*» [Постнова, 2015]. Повторение темы снова и снова создает тягостное впечатление – проблема выглядит совершенно нерешаемой, практически экзистенциальной. Создается впечатление, что в Байкаль-

ске всегда нет тепла и горячей воды. Подчеркивается социальная нестабильность в городе. Например, в статье «Неспокойный Байкальск», помимо отопления, речь идет о «*пикете*», «*тревоге*», «*критической ситуации*». Экономическая ситуация также выглядит непривлекательной: «*За последние семь лет в Байкальске обанкротилось пять управляющих компаний. При этом их учредителями и руководителями выступают одни и те же лица*» [Никульшеева, 2017].

Остается актуальным вопрос рекультивации и очистки прилегающей территории БЦБК. Ряд публикаций рассматривают проблему отходов БЦБК: накопители шлам-лигнина находятся на самом берегу Байкала. Проблема утилизации этих опасных отходов пока не решена, так что эти публикации тоже имеют негативный оттенок, как, например «*Разменные карты БЦБК*» [Павлова, 2017].

Позитивно окрашен лишь сюжет, с которым Байкальск время от времени появляется в региональной прессе, связанный со Школой экологического предпринимательства. Это обучающий проект для начинающих предпринимателей, направленный на развитие моногорода. Сессии ШЭПР проходят в Байкальске с 2012 г. дважды в год.

В целом в публикациях издательской группы «ВСП» Байкальск попрежнему выглядит непривлекательным местом – моногород без горячей воды и перспектив. Насколько Байкальск стал синонимом неблагополучия, видно из публикации, которая, по сути, посвящена проблемам города Усолье-Сибирское. Но называется она «*Проблема не меньше, чем в Байкальске*» [Шмелева, 2013]. Таким образом, «Байкальск» используется как имя нарицательное – аудитории понятно, что у Байкальска большие проблемы.

Общественно-политическая газета «Областная» за годы после закрытия комбината посвятила Байкальску более тридцати публикаций. При этом нельзя выделить какую-либо главную тему.

Присутствует положительный образ Байкальска как города, где проходят интересные мероприятия. Несколько публикаций рассказывают о Клубничном фестивале «Виктория», две из них выделяются особым позитивом: «*Жители города понемногу оправляются от шока, связанного с закрытием комбината, ищут работу, уходят в малый бизнес*» [Шагунова, 2014]; *«Фестиваль “Виктория-2017”» вошел в первую десятку популярных фестивалей лета России. Это очень почетно и приятно, что наше мероприятие заметили в масштабах всей страны*» [Виговская, 2017]. Две статьи посвящены международному культурному форуму «Байкал-Тотем» [Юдин, 2017; Юдин, 2018]; еще несколько публикаций освещают мероприятия на горе Соболиной и фестиваль скандинавской ходьбы.

Ситуация с отоплением также отражена на страницах «Областной», Байкальск всегда упоминается в связке с Вихоревкой в рамках

отчетов о подготовке к зиме. Впрочем, тон этих упоминаний скорее оптимистичный [Михайлов, 2017] – никаких «*замерзающих*» городов.

В аналитических материалах «Областной» Байкальск представлен моногородом, который успешно преодолевает свое «проблемное прошлое». Вот характерная цитата: «*У этого города особенная судьба. Он получил известность с самого момента рождения, но славу эту никак нельзя было назвать доброй. Негативный образ города десятилетиями формировал Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, загрязняющий уникальное озеро... Сегодня историю БЦБК можно назвать пережитком прошлого. Комбинат закрыт, и Байкальск начинает вписывать в свою биографию новую главу»* [Воронина, 2014]. Тон таких материалов сдержанно-оптимистичный.

На страницах газеты «Областная» Байкальск выглядит существенно лучше, чем на страницах «ВСП». Возможно, это следование принципу «или хорошо или ничего». Вряд ли «газета власти» заинтересована в подчеркивании недостатков.

* * *

Образ Байкальска в региональной прессе за последнее десятилетие претерпевал существенные изменения. До закрытия БЦБК в 2013 г. это был «моноград обреченный», главный загрязнитель Байкала и «горячая точка» на карте. Закрытие комбината мгновенно ситуацию не исправило. В публикациях основных региональных печатных СМИ после закрытия комбината Байкальск выглядит проблемным моногородом, «неспокойным Байкальском». Тень БЦБК как бы витает над ним. Существуют реальные проблемы с теплоснабжением, накопленными отходами БЦБК, безработицей. Байкальск остается «моногородом» с испорченной репутацией, неразвитостью социальной инфраструктуры, патерналистскими установками населения.

Логика работы СМИ такова, что для информповода подходит или негативная ситуация или же, напротив, ярко позитивная, интересная, необычная. Байкальск нуждается в новом, положительном имидже для того, чтобы удержать жителей, привлечь туристов и инвесторов. Нужна продуманная концепция конструирования образа, чтобы подчеркнуть сильные стороны и преимущества, а не недостатки. Для формирования позитивного образа города недостаточно отсутствия плохих новостей. Необходимы хорошие новости, а позитивной информации о Байкальске мало. На одном Клубничном фестивале весь год интерес поддерживать не получается. Спортивные события на «Горе Соболиной» носят сезонный характер. Школа экологического предпринимательства как событие узкоспециальное событие массового внимания не привлекает.

Для улучшения образа города можно порекомендовать организацию экологических, образовательных, культурных мероприятий, включать Байкальск в уже существующие известные проекты. Среди таких

акций можно назвать общероссийский «Час Земли», региональный «День Байкала», всемирный «День воды»... Ресурсы Байкальска – побережье Байкала, горнолыжный курорт, имеющаяся сфера услуг (пусть и недостаточно развитая) – позволяют проводить различные праздники, различные фестивали, форумы. При этом организация этих событий должна быть безупречной. Иначе Байкальск снова окажется освещенным в прессе с нежелательной точки зрения. Например, масштабные рок-фестивали, которые проводились в Байкальске в конце девяностых – начале двухтысячных были популярны. Но они вызвали отторжение местного населения из-за нарушений порядка и массового пьянства. Фестиваль «Байкал-Тотем», концерт которого прошел весной 2017 г. на площадке перед БЦБК, вызвал многочисленные нарекания своей организацией: по отзывам очевидцев, зрителей на нем было меньше, чем артистов. Грамотно используемый событийный маркетинг позволит Байкальску постепенно выстроить новый образ города, привлекательного для гостей и любимого жителями.

Литература

Арбузова Е. Байкальск нужно заразить мечтой // Конкурент. 2009. 24 дек.

Байкал – «разменная монета»? [Электронный ресурс] // Гринпис России. URL: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/2010/September/4375831/ (дата обращения: 05.06.2018).

Булатова С., Добосова Л. Брендинг территории: от *terra incognita* к *terra cognita* : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. 160 с.

Воронина Н. Байкальск, что хорошего? // Обл. газ. 2014 . 24 окт.

Виговская А. Виват, «Виктория»! // Обл. газ. 2017. 19 июня.

Лисовская Е. Виктор Григоров: «Бренд Байкала нельзя разделить на две части» // ВСП. 2018. 8 мая.

Город после комбината. Социально-экономические стратегии жителей города Байкальска : коллект. моногр. / И. Корюхина, Т. Тимофеева, Т. Гребенщикова, И. Абдулова, В. Куклина, М. Рожанский ; под общ. ред. М. Рожанского. Иркутск, 2012. 142 с.

Михайлов Ю. Сергей Меняйло: Забота о людях – обязанность власти // Обл. газ. 2017. 6 сент.

Никульшеева М. Неспокойный Байкальск // Сиб. энергетик. 2017. 11 авг.

Павлова А. Разменные карты БЦБК // ВСП. 2017. 19 сент.

Постнова Е. Газификация Байкальска отменяется // Сиб. энергетик. 2015. 23 янв.

Скальский А. Областное правительство сдает Байкал [Электронный ресурс]. URL: http://babr24.com/?ev=basest&IDE=84793 (дата обращения: 05.06.2018).

Скращук В., Булатова С. Байкальское движение: управление коммуникациями в ходе протеста против строительства нефтепровода по берегу Байкала весной 2006 г. : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 134 с.

Шагунова Л. Клубничный рай на берегу Байкала // Обл. газ. 2014. 28 июля.

Шмелева М. «Проблема не меньше, чем в Байкальске» // Конкурент. 2013. 23 дек.

Щербаков Е. А в Байкальске снова газ // Сиб. энергетик. 2016. 15 апр.

Юдин Ю. Культурный форум «Байкал-Тотем» пройдет в Иркутске и Байкальске // Обл. газ. 2017. 16 мая.

Юдин Ю. Начался новый этап конкурса детских рисунков «Байкал вокруг света» // Обл. газ. 2018. 13 марта.

УДК 070.23(1-37)(571.53)

И. А. Белякова
М. С. Галанцова

Районные газеты Балаганского района: истоки, развитие, общая характеристика

Аннотация. Посвящается истории и развитию районных газет Балаганского района Иркутской области: «Балаганская Нива», «Балаганские Вести», «Балаганская районная газета». Исследуется их тематическая и жанровая специфика.

Ключевые слова: Иркутская область, Балаганский район, периодическая печать, районные газеты, специфика газетных жанров.

I. A. Belyakova, M. S. Gahantsova

Regional Newspapers of the Balagan District: Origins, Development, General Characteristics

Abstract. The article is devoted to the history and development of the Balagansky regional newspaper (Irkutsk region). Thematic and genre specific peculiarities have been studied.

Keywords: Irkutsk region, Balagansk region, periodical press, regional newspapers, specific newspapers genres.

Районная газета возникла из уездной прессы, которая была рассчитана исключительно на сельскую аудиторию, поэтому в ее основе лежит своеобразный деревенский колорит и провинциальная обстоятельность. Именно как «…районная газета она действует с 1930 г., когда было принято постановление ЦК ВКП(б) “О реорганизации сети газет в связи с ликвидацией округов”, в котором предлагалось на основе ликвидируемых окружных изданий, а также колхозно-совхозных газет развернуть сеть “районок”» [Грабельников, 2007, с. 89].

Главным принципом районной печати, как и прочих изданий советского периода, была партийность. Основной задачей районной печати считалось идейно-политическое воспитание трудящихся. Каждая газета была органом партийного комитета. Но, несмотря на свою партийность, пропаганду социализма, местная пресса всегда была близка своему читателю и оказывалась самой читаемой в районе [Лебедев, 2008, с. 67].

Районная газета – это зеркало района, с первых же своих номеров рассказывающая о жизни населения района, труде, быте его жителей, дружбе районов. Газета – народная трибуна, – наряду с подготовленными журналистами материалами постоянно печатаются материалы читателей, в которых чувствуется повседневная жизнь района. Внимание районного издания сконцентрировано на тех аспектах жизни общества, которые не освещаются другими СМИ. Нигде, кроме местного издания невозможно найти информацию о том, что происходит в районной или поселенческой администрации, что нового в районе вообще, кто умер, кто женился и т. д. Незаменимость этого средства массовой

информации очевидна как для обычного сельского обывателя, так и для желающего узнать, что происходит в российских провинциях.

Районная пресса представляет собой сегодня малоизученный феномен российского информационного пространства. Основным параметром, определяющим качественные и количественные характеристики региональной печати, условия ее функционирования, является характер территориальной общности, на которой она распространяется. Успешность газеты непосредственно зависит от того, насколько она отвечает информационным запросам и интересам своей аудитории. Основной читательской аудиторией для районной газеты являются жители того региона, на территории которого она распространяется [Бобков, 2006; 2013].

1989 г. становится значимым для жителей Балаганска. В этом году п. Балаганск становится центром самостоятельного района. Район появился, а районной газетой по-прежнему оставалась «Ангарская правда». 13 июня 1990 г. выходит первый выпуск районной газеты под названием «Балаганская Нива». Эта газета была органом районных Советов народных депутатов. Газета станет незаменимым спутником жителей Балаганского района, сообщая им о значимых событиях, об интересных людях, о том, как менялся поселок Балаганск и как развивался район. Газета издавалась форматом А3 и тиражом 1782 экземпляра. Ответственным редактором был назначен Анатолий Константинович Петров.

«На создание типографии из бюджета было выделено 180 тысяч рублей – смехотворная сумма, ее хватило только на оплату ремонта помещения и перевозку брошенного кем-то, а нами подобранного оборудования, – вспоминает Нина Алексеевна Петрова. – Машины мы собрали и стали работать на стареньком оборудовании. Поэтому даже выпускаемые “боевые листки” давались с трудом. Чтобы жители получили очередной номер “Нивы”, нашим женщинам-полиграфистам приходилось корпеть в типографии порой до полуночи. И не получать при этом оплаты за свой труд!»[1].

Но, несмотря на все трудности, авторитет газеты рос с каждым годом. И подтверждение тому – увеличивающееся число подписчиков.

С октября 2001 г., после смерти Анатолия Петрова, редактором газеты стала Нина Алексеевна Петрова. Под ее руководством газета просуществовала еще год. И в 2002 г. в связи с отсутствием какого-либо финансирования со стороны администрации района, за долги газету пришлось закрыть.

Среди постоянных рубрик газеты «Балаганская Нива» можно выделить следующие: «В минуты отдыха», «Люди нашего района», «Официальный отдел», «Нам пишут», «Исповедь предпринимателя»,

[1] Из личного архива М. С. Галанцовой.

«Актуально», «Служба 02 сообщает», «Районная администрация сообщает», «Наши интервью», «Школа выживания», «Наши консультации», «Наболело», «Литературная страница», «Советы врача», «Окно сатиру Козьмы Протиры», «Пять дней у телеэкрана».

На первой полосе «Балаганской Нивы» традиционно публиковалась передовая статья, посвященная самым злободневным вопросам, которые больше всего волновали читателей на тот момент: посевные работы, уборка урожая, подготовка к зиме и т. д. Рубрика «Эхо минувшей недели», также расположенная на первой странице, представляет собой колонку с подборкой текстов об актуальных событиях.

Вторая полоса освещала партийную и комсомольскую жизнь. Это была обязательная тематическая страница, на которой размещались материалы по распоряжению райкома КПСС. Здесь можно было увидеть как различные партийные постановления, так и разножанровые журналистские тексты, касающиеся профсоюзной деятельности, активности молодежи и т. д.

На третьей полосе в рубрике «Люди нашего района» помещали публикации о людях, трудившихся на благо родного района.

Четвертую полосу занимала информация о самых значимых событиях, которые могли бы быть интересны обществу в целом. Здесь же печатались рассказы и стихи местных поэтов и писателей в рамках рубрик «Литературная страница» и «Поэтический клуб».

Шла активная работа редакции над письмами читателей. Для этого была создана рубрика «Нам пишут». В газету обращались с разными проблемами: критиковали ответственных лиц за бесхозяйственность, высказывали предложения в период предвыборной платформы районной партийной организации, просили вразумить нарушителей общественного порядка и т. д. На страницы газеты выносились злободневные вопросы, требующие конкретного ответа от авторитетных лиц.

В районной газете «Балаганская Нива» широко освещалась историческая тема: воспоминания ветеранов войны, рассказы краеведов, истории местных организаций, материалы под авторством музейных и библиотечных работников.

Материалы врачей Балаганской районной больницы, тесно сотрудничавших с местной газетой, в рубрике «Советы врача», свидетельствовали о повышенном интересе у читателей к теме здоровья и здравоохранения.

На страницах «Балаганской Нивы» широко отражалась культурная и спортивная жизнь района. Криминальные сообщения, а также примыкающие к ним тексты о пожарах и стихийных бедствиях публиковались в рубрике «Служба 02 сообщает» в виде небольших официальных сводок. Чаще освещались бытовые преступления, кражи и другие правонарушения, происходящие на территории Балаганского района.

Тематика районной газеты не имела особых ограничений. В газете можно было увидеть материалы на абсолютно разные темы, которые выбирались в соответствии с функциями и задачами газеты.

Исследуя историю этой районной газеты, нельзя не вспомнить о людях, которые многое сделали для того, чтобы газета продолжала освещать события района и развиваться в новых условиях.

Отцом-основателем «Балаганской Нивы» можно назвать Анатолия Константиновича Петрова. Всю трудовую деятельность Анатолий Константинович посвятил журналистике. После службы в рядах Советской Армии работал фотокорреспондентом в качугской районной газете «Ленская правда», затем вместе со своей семьей переехал в поселок Балахта Красноярского края, где работал заместителем редактора, а вскоре и редактором газеты «Сельская новь». В 1987 г. он вернулся на свою родину – в поселок Залари. Работал заместителем редактора газеты «Сельская новь». В 1990 г. пригласили возглавить балаганскую «районку», но возглавлять по факту было еще нечего, газета начиналась с нуля, со стола и двух стульев. Анатолий Константинович, как человек неравнодушный, принципиальный, с обостренным чувством справедливости всегда находился в оппозиции любой власти, считая, что у нее, власти, должен быть «противовес» в виде общественного мнения, выразителем которого призваны быть средства массовой информации.

А. К. Петрова отличали глубокая преданность своему делу, творческая энергия и работоспособность. Он был скромным, чутким и внимательным к людям. Пользовался заслуженным авторитетом и большим уважением всех, кого знал, с кем работал и общался. Его публикации отличались остротой, он умел подметить проблемы, которые долгие годы не решались, не стеснялся назвать имена виновных. За эти качества его ценили и уважали в районе.

Для А. К. Петрова «Балаганская Нива» стала родным детищем, которому он посвятил 10 лет жизни. Он был не только талантливым журналистом, но и общественным деятелем, политинформатором, лектором, депутатом районного Совета, членом бюро райкома партии и членом союза журналистов СССР. При нем издание часто выступало с критикой в адрес того или иного ведомства. В газете поднимались острые социальные проблемы, решения которых пытались найти журналисты. Например, в номере от 26 января 1996 г. опубликован материал под заголовком «И врозь и в обнимку копили “недоимку”», в котором критиковалось необдуманное использование местного бюджета.

А. К. Петров был опытным и мудрым наставником для многих журналистов. Анатолий Петров умер в сентябре 2001 г.

Коллеги вспоминают Анатолия Константиновича с теплотой, отмечая его отзывчивость и доброту. Анатолий Павлов, корреспондент и фотограф «Балаганской Нивы», рассказывает, что Петров всегда стре-

мился помочь своим коллегам: «Вопреки предупреждениям “сверху”, мог пригласить на работу “опального” газетчика и лично поручиться за этого человека, способного принести хорошее не только газете, но и району. От того “районка” только выигрывала, потому что была наполнена содержательными материалами, пользовалась уважением у подписчиков»[1].

Анатолий Николаевич Павлов, связав свою жизнь с журналистикой, посвятил ей 45 лет, большинство из которых он работал в балаганской районной газете фотографом и корреспондентом. В настоящее время Анатолий Николаевич все еще трудится на благо новой «районки» – газеты «Балаганская районная газета», продолжает фотографировать и писать дл.

Героями снимков и текстов Анатолия Николаевича всегда были люди, являющиеся для других примером в труде: «Как-то попытался подсчитать приблизительно, о скольких же людях сумел рассказать в районных газетах только в фотографиях, получилась заметная цифра. Это не считая заметок, зарисовок, репортажей»[2], – поделился Анатолий Николаевич в личной беседе.

Журналистская судьба Нины Алексеевны Петровой двенадцать лет была связана с «Балаганской Нивой». Она прошла все карьерные ступени: корректор, корреспондент отдела писем, заведующая отделом писем, ответственный секретарь (10 лет на этой должности), заместитель редактора и главный редактор. «Журналисту важно пройти все ступени, – считает Нина Петрова. – Главное, не прекращать писать». Ее многолетняя работа неоднократно отмечалась грамотами и дипломами.

В июле 2001 г. администрация Балаганского района учреждает новую районную газету «Балаганские вести». Учредитель – комитет по управлению муниципальным имуществом Балаганского района. Газета зарегистрирована Восточно-Сибирским региональным управлением по печати. Регистрационный № ПИ13-0223 от 14 августа 2001 г. Главным редактором был назначен Александр Александрович Смокотин. Газета выходила один раз в неделю, по четвергам. Формат газеты А3, тираж 1700 экземпляров. Печаталась в Саянской типографии.

Александр Смокотин принес интересные идеи и свежий взгляд в развитие этой газеты. Это позволило не только сохранить издание в условиях сложной экономической обстановки, но и вывести его на качественно новый уровень. Александр Александрович тонко чувствовал веяния современности и умело направлял возглавляемый им коллектив в нужное русло.

---

[1] Из личного архива М. С. Галанцовой.
[2] Из личного архива М. С. Галанцовой.

«Газета изначально задумывалась как информационный бюллетень, это затем она потихоньку стала преобразовываться в стандартную газету. Что касается содержания газеты, это решает в первую очередь коллектив, за исключением второй полосы, на ней печатаются по согласованию с районной администрацией официальные документы. Надо помнить о том, что те постановления, которые принимает районная Дума, не имеют юридической силы, пока не будут опубликованы в СМИ»[1], – сказал А. А. Смокотин в своем интервью.

Среди постоянных рубрик газеты можно выделить: «Поэтический район», «Информагенство “Сибирские новости”», «На страже закона», «Новости одной строкой», «Развлекательная страница», «Программа ТВ», «На страже закона», «Ты – мне, я – тебе!», «Письмо в редакцию», «Внимание конкурс», «День за днем», «На страже закона», «Окно ГИБДД», «Дела домашние», с июля 2006 г. добавлена рубрика «Тема на обсуждение».

Поздравления с праздниками занимали обычно первую полосу газеты «Балаганские вести». Читателей поздравляли как представители местной власти, так и редакция самой газеты. Можно встретить публикации, посвященные определенным событиям социальной и политической направленности. Например, 16 июня – День медицинского работника, и весь номер от 15 июня 2002 г. посвящен этому событию.

Материалы собственных корреспондентов газеты «Балаганские вести» – преимущественно информационно-аналитического характера. В основном – это происходящие в районе события: юбилеи, фестивали, конкурсы. В каждом номере газеты четверть полосы отводится под рубрики «Мы и наши налоги», «Окно ГИБДД» и т. п. Авторы таких материалов – представители тех организаций, от лица которых они выступают.

Читательские материалы более эмоциональны, объем их относительно других небольшой. Чаще всего выходят под рубрикой «Письмо в редакцию».

Существуют определенные особенности публикуемого материала в зависимости от времени публикации. Например, с приближением выборов повышается количество материалов, посвященных предвыборной агитации. С окончанием очередного учебного года средние образовательные школы района печатают отчеты и доклады о результатах своей деятельности. В летний период возрастает количество текстов на тему пожароопасности и мер по борьбе со стихийными бедствиями.

Характерной особенностью любой районной газеты, а «Балаганские вести» не исключение, – является публикация материалов о людях, проживающих в районе и о событиях, которые здесь происходят. Именно эти материалы наиболее интересны для читателей районной

[1] Из личного архива М. С. Галанцовой.

газеты. В номере от 26 октября 2002 г. в материале С. Садыкова «Дорога – это жизнь», речь идет о Н. С. Сапегине, посвятившему 25 лет своей жизни дорожному делу. Материал приурочен ко дню автомобильного транспорта и дорожного хозяйства, который празднуется 27 октября.

Широко освещается историческая тема. С номера от 21 июня 2003 г. начинаются публикации архивных фотографий и рассказов о поселке Балаганск «С берегов Ангары – на берега Братского моря», которые рассказывают жителям района о появлении Балаганска, его становлении и развитии. Цикл посвящен приближающемуся 355-летнему юбилею со дня основания Балаганского острога.

Бесплатная молодежная рубрика «Ты – мне, я – тебе» пользовалась большим спросом не только у молодежи, но и у тех читателей, которые не могли оплатить поздравления, а благодаря ей могли поздравить близких с семейным праздником.

Последняя страница – развлекательная: анекдоты, кроссворды и гороскопы.

Преобладающее большинство текстов «Балаганских вестей» написано в форме информационных жанров: новостной ряд широко представлен заметками, информационными корреспонденциями, интервью. Иногда появляются тексты, относящиеся к аналитическим жанрам. Так, в номере от 18 декабря 2004 г. всю первую полосу занимает расследование «Сфере бытового обслуживания – быть?». Очень редко журналисты обращаются к художественной публицистике: зарисовкам, очеркам и т. д.

Обзоры писем делаются ежемесячно. Обычно они занимают площадь до половины полосы под общей рубрикой «Письмо в редакцию». В рубрике «Строки из писем» корреспондент рассказывает о добрых делах и хороших людях поселка и района с приведенной цитатой из писем читателей. Можно встретить фоторепортажи в структуре «текст – снимок».

С 5 августа 2006 г. появляется новая районная газета «Балаганская районная газета», учредитель которой – администрация Балаганского района. Зарегистрирована Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационный номер ПИ № ФС13-0456 от 18 декабря 2006 г. Печатается газета в ООО «Типография» г. Саянска. Постановлением мэра на должность главного редактора газеты была назначена Марина Николаевна Непокрытых, которая проработала в этой должности по март 2017 г. С марта 2017 г. газету возглавляет О. В. Вилюга.

На сегодняшний день тираж газеты составляет 700 экземпляров формата А3 на четырех полосах, но когда объем важных материалов для публикации превышает стандартный объем газеты, добавляется

еще две–четыре полосы в виде вкладыша в газету. «Балаганская районная газета» имеет статус общественно-политической газеты. Выходит один раз в неделю – по четвергам.

Тематика газеты обширна и разнообразна. Журналисты стараются делать так, чтобы газета была востребованной и читаемой. Стандартный набор тем постоянно дополняется материалами, написанными на ранее не освещаемые темы.

Основная тема – деятельность местных властных структур. Почти в каждом номере на первой или второй странице – постановления районной администрации, новости Правительства Иркутской области. У рубрики нет постоянного названия.

Газета активно освещает ход предвыборной кампании различных уровней, проблемы сельского хозяйства и личных приусадебных участков.

Периодически в газете появляются материалы о пенсионном страховании, экологии, образовании, воспитании, религии, роста цен.

Тексты написаны в форме заметок, репортажей, интервью, корреспонденций, аналитических опросов, расследований, комментариев, зарисовок, житейских историй, объемных отчетов о бюджете, разного рода анкет или подборок ответов на различные вопросы читателей. Часто на страницах «районки» появляются материалы от специалистов той или иной области. В них даются различные советы. Например, в номере от 4 февраля 2016 г. размещен текст под заголовком «Специалисты ОГБУЗ “Балаганская РБ” информируют», который содержит советы как защититься от гриппа А (H1N1).

Много в «Балаганской районной газете» материалов, публикуемых от имени районной администрации и организаций поселка. Это объявления о различных конкурсах, информация о новых вакансиях, сообщения Пенсионного фонда РФ, анонс мероприятий, проводимых на территории района и др. Официальные сообщения, как правило, размещаются на первой и второй полосах.

Сообщения бытового характера – купля-продажа, обмен, работа, реклама магазинов и т. п., помещают на последней странице и на развороте под программой телепередач. Иногда можно увидеть сообщения-афиши о предстоящих концертах, выступлениях творческих коллективов поселка, гастролях певцов, цирковых представлениях и т. д. Так, в номере от 10 ноября 2016 г. размещена афиша автора-исполнителя песен Евгения Коновалова.

Нередко на страницах газеты появляются сообщения о больных людях, которым требуется финансовая помощь, информация о сиротах, которых можно принять в семью, официальные сообщения о соблюдении пожарной безопасности и предупреждения людей в период чрезвычайных ситуаций. Реклама в газете публикуется с иллюстрациями и без них.

Теоретики журналистики спорят, когда исчезнут газеты. На наш взгляд, районные газеты не уйдут в прошлое, как это им пророчили с появлением телевидения, а затем и Интернета. В настоящее время альтернативы районным газетам нет, поскольку ни одно издание не будет настолько близко к своей аудитории, зачастую именно «районка» выступает единственным источником информации о том, что нового происходит в районе, как развивается край, как живут знакомые и незнакомые люди, какие проходят выставки и т. д. Несомненно, районная газета не сможет охватить весь тематический диапазон и удовлетворить потребности каждого. В газете освещаются наиболее значимые события района, которые так или иначе касаются всех.

Процессы, протекающие в современной журналистике, взаимосвязаны с явлениями прошлого, что делает актуальным обращение к истокам газет и к их развитию. Районные газеты занимают особое место в системе журналистики, поэтому изучение их истории тесно связано с историей журналистики в целом.

Литература

Бобков А. К. История газеты – история страны : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 83 с.

Бобков А. К. Региональная печать Восточной Сибири : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2006. 104 с.

Грабельников А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы. М., 2007. 366 с.

Лебедев А. А. Районные газеты вчера, сегодня, завтра // Газеты малых городов: верстается первая полоса. Казань, 2008. С. 67.

Периодические издания

Балаганская Нива. Балаганск, 1990–2001.

Балаганские Вести. Балаганск, 2001–2009.

Балаганская районная газета. Балаганск, 2006–2018.

УДК 070.1

А. В. Гимельштейн
И. Н. Демина

Место и роль экономических массовых коммуникаций в формировании интеллектуального потенциала общества

Аннотация. Проблема интеллектуального потенциала занимает центральное место в исследованиях ученых социально-гуманитарного направления: философии, социологии, психологии и экономики. Теория журналистики должна вносить собственный вклад в рассмотрение способов формирования и обогащения интеллектуального потенциала личности и общества. Целью исследования является поиск взаимосвязей между массовой информационной деятельностью и интеллектуальным потенциалом, задачами – выделение отдельных видов коммуникационных практик в рамках экономических массовых коммуникаций и выявление взаимосвязей между ними и обогащением интеллектуального потенциала, констатация трендов развития медиасистемы, способствующих обогащению интеллектуального потенциала.

Возрастание интеллектуального потенциала связано с уровнем развития массовой коммуникации, в том числе по поводу экономических событий, интересов, сущности экономической науки и практики – экономической массовой коммуникации, включающей PR, рекламу и экономическую журналистику.

Реклама b2c способствует быстрому внедрению в повседневную жизнь инновационных товаров и услуг. Реклама b2b позволяет бизнесменам узнавать об инновациях в области промышленного производства, а значит, развивать, ускорять практическую экономическую деятельность. PR информирует участников экономической деятельности о положительном опыте инновационной деятельности экономических субъектов, способствуя развитию инновационной экономики. Реклама и PR ограничиваются практической деятельностью человека и общества.

Экономическая журналистика включает все аспекты информационной деятельности. Функция экономической журналистики – отражение реальности, накопление информации, распределение ее потоков и анализ происходящих событий. На духовно-практическом уровне экономическая журналистика выполняет функции управления, образования и воспитания. На духовно-теоретическом уровне экономическая журналистика способствует налаживанию коммуникаций по поводу экономических ценностей, выработку аксиологических постулатов, принципов взаимодействия между бизнесом и общественностью, бизнесом и властью, властью и общественностью.

С развитием «новых медиа» интеллектуальный потенциал личности и общества не только производится наукой и образованием, но «самопроизводится», воспроизводится в огромных масштабах, и средства массовой коммуникации играют в этом процессе важнейшую роль.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, коммуникация, экономическая массовая коммуникация, журналистика, медиа.

A. V. Gimelshtein, I. N. Demina

The Place and Role of Economy Mass Media in the Development of Intellectual Potential of Society

Abstract. The problem of the intellectual potential is central to research done by scientists specializing in social sciences and humanities: philosophy, sociology, psychology, and economics. The theory of journalism must make its own contribution to addressing the methods of building and enriching the intellectual potential of personality and society. The goal of this study is to explore synergies between mass information activity and the intellectual potential, with the purpose of identifying separate kinds of communication practices within the framework of economic mass communications and revealing linkages between them and enrichment of the intellectual potential, and pinpointing development trends of the media system promoting enrichment of the intellectual potential.

An increase in intellectual potential is associated with the level of development of mass communication, inter alia, with regards to economic developments, the interests, and the essence of economic science and practice: economic mass communication, including PR, advertising and economic journalism.

Advertising facilitates a rapid incorporation of innovation goods and services into everyday life. Advertising enables businessmen to learn about innovations in the realm of industrial production and, hence, to develop and accelerate their practical economic activity. PR informs participants of the economic activities about positive experience of innovation activity thereby contributing to a further development of the innovation economy. Advertising and PR are confined to the practical activity of man and society.

Economic journalism includes all aspects of information activity. The function of economic journalism is to reflect the reality, accumulate information, distribute its flows, and to analyze ongoing events. At the spiritual-practical level, economic journalism has the functions of management, education and upbringing. At the spiritual-theoretical level, economic journalism fosters the establishment of communications concerning economic values and the development of axiological postulates, principles of interaction between business and the public, business and authorities, and authorities and the public.

With advances in “new media”, not only is the intellectual potential of personality and society produced by science and education, but it also is “self-produced” and reproduced on a massive scale, and media of mass communication are of vital importance in this process.

Keywords: intellectual potential, intellectual potential, communication, economic mass communication, journalism, media.

Тема интеллектуального потенциала личности и общества давно заняла прочное место в научных трудах ученых социально-гуманитарного знания. Она привлекает внимание философов [Келле, 2001], социологов [Левашов, 2009], психологов [Крылов, 2005], экономистов [Нестеров, 2014]. Журналистика как массово-информационная деятельность, безусловно, вносит свой вклад в развитие и обогащение как интеллектуального потенциала личности, так и всего общества. При этом теория журналистики при рассмотрении интеллектуального потенциала должна отталкиваться от общеупотребительных терминов и дефиниций, разработанных другими общественными науками.

Одним из объектов изучения психологии является интеллект индивида, поэтому для нее интерес представляет интеллектуальный потенциал личности, причем «интеллект и интеллектуальный потенциал образуют единство, но не тождество. Интеллектуальный потенциал – это… связь потенций и тенденций, ресурсов и резервов субъекта с движущими силами интеллекта, с мотивационно-потребностной сферой и общими способностями человека и, наконец, с энергетическим обеспечением творческой продуктивности человека в процессе деятельности. …Формируется и накапливается он в ходе развития человека как индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности.

Интеллектуальный потенциал – это своеобразное “опережающее” отражение действительности, качественно новые элементы и запасы функций, необходимые для перехода системы интеллекта на новый уровень функционирования» [Крылов, 2005].

При поиске литературных источников по теме интеллектуального потенциала обнаруживается интересная закономерность: работы психологов (социальных психологов) носят междисциплинарный характер, например, в сборнике психологических статей в разделе, посвященном интеллектуальному потенциалу, включена работа явно междисциплинарная, результат исследований экономической психологии [Ушаков, 2012], в которой предложена психолого-экономическая модель, связывающая уровень способностей и возможности образования с экономической эффективностью.

Более общий подход к интеллектуальному потенциалу демонстрируют философы и социологи. Так, специалист по социально-философским проблемам естествознания и философским проблемам исследования человека Б. Г. Юдин пишет: «Понятие интеллектуального потенциала может употребляться применительно и к отельному индивиду, и к целым социальным группам или слоям, и к обществу в целом. При этом, однако, интеллектуальный потенциал социальной группы, социального слоя, общества в целом − это всегда не более чем производная от интеллектуального потенциала индивидов. Конечно, этот индивидуальный потенциал всегда формируется путем аккумуляции,

освоения того, что индивид получает от общества. Но существовать, проявляться и воспроизводиться вне и помимо отдельных индивидов интеллектуальный потенциал не может» [Юдин, 2010].

Социолог и политолог В. К. Левашов под интеллектуальным потенциалом общества понимает совокупность человеческих, материальных и финансовых ресурсов, которые задействованы в двух тесно связанных между собой ключевых областях духовной жизни общества – науке и образовании, и измеренная величина которых показывает созданную и накопленную в обществе способность к творческому созданию новых знаний, технологий, продуктов [Левашов, 2009].

Г. Ф. Кунгурцева включает в интеллектуальный потенциал общества наличный интеллектуальный потенциал личности и возможности его воспроизводства, начиная с создания условий для развития интеллекта, творческих способностей и заканчивая возможностью наиболее полной реализации во всех видах деятельности. При этом воспроизводить интеллектуальный потенциал в состоянии только общество как целостная социальная система во взаимодействии с его подсистемами управления, производства, идеологии, образования, науки, политики, культуры, мировоззрения. Развитие интеллектуального потенциала общества требует приобщения каждого нового поколения к современному уровню человеческого развития и проявляется, в частности, в форме межличностных взаимодействий, связей и отношений [Кунгурцева].

Экономисты рассматривают интеллектуальный потенциал как экономическую категорию через призму экономических результатов деятельности фирмы, организации и т. д., рассматривая интеллектуальный потенциал в тесной взаимосвязи с интеллектуальным капиталом. Отдельные авторы считают, что в экономике понятия потенциал, ресурсы и капитал расположены последовательно от общего к конкретному. Потенциал – это все виды существующих возможностей; ресурсы – средства, которые уже можно использовать; капитал – ресурсы, которые используются и приносят доход. Интеллектуальный потенциал общества – это все виды его интеллектуальных возможностей (внутренних и внешних), которые складываются из интеллектуальных потенциалов граждан, предприятий, организаций, отраслей, регионов и страны в целом и являются главным условием их эффективного инновационного развития. В результате взаимодействия всех этих элементов достигается эффект синергии при развитии страны и общества [Журавлев].

Другие признают, что интеллектуальная деятельность рассматривается экономистами по-разному, либо усматривают в ней интеллектуальный капитал, либо – интеллектуальный потенциал, причем в научной литературе и на практике термины «интеллектуальный потенциал» и «интеллектуальный капитал» недостаточно четко определены. В любом случае интеллектуальный потенциал нацелен главным образом на

будущее и определен информацией, знаниями и другими составляющими. Чем полнее фирма, компания пытается реализовать интеллектуальный потенциал сотрудников, тем выше ее экономические результаты [Нестеров, 2014].

Специалисты всех научных направлений, таким образом, говорят о важности интеллектуального потенциала для развития личности, организации, фирмы. Было бы ошибкой связывать возрастание интеллектуального потенциала исключительно с развитием науки и образования, хотя, разумеется, эти институты играют важнейшую роль. Межличностная коммуникация вносит собственный вклад в обогащение интеллектуального потенциала личности. Духовное, духовно-практическое и практическое освоение мира, без которого немыслимо обогащение интеллектуального потенциала личности и общества, невозможно также без массовой коммуникации. Именно поэтому к проблеме интеллектуального потенциала сегодня обращаются теоретики коммуникативистики, журналистики, массовой коммуникации. Очевидно, что журналистика как практическая деятельность выполняет функции информирования, образования, просвещения, популяризации инноваций, без чего невозможно обогащение интеллектуального потенциала человека, региона, общества. Медиасистема является своеобразной метасистемой. Подобно кровеносной системе биологического организма она буквально пронизывает все системы общества, напитывая информацией все сферы человеческой деятельности.

Любое исследование в сфере теории журналистики предполагает по умолчанию, что развитие медиасистемы автоматически приводит к обогащению интеллектуального потенциала. В свою очередь, задача обогащения интеллектуального потенциала требует развития медиасистемы города, региона, других общностей. Именно поэтому необходим мониторинг и более глубокие исследования существующих медиасистем, чем, в частности, занимается факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова [Свитич, Смирнова, Шкондин, 2017].

Одна из секций ежегодной международной научно-практической конференции в феврале 2018 г. на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова была посвящена роли журналистики в обогащении интеллектуального потенциала. Каждый из предложенных к обсуждению вопрос остро ставил перед журналистикой как практической деятельностью и наукой о журналистике актуальные проблемы в сфере интеллектуализации общества: журналистика в системе способов освоения мира: характер целостности, интегративные качества и свойства, общественный интеллект в массовом информационном процессе, интеллектуализация общества как информационный процесс, журналистика как фактор публичности социальной практики, роль журналисти-

ки как творческой деятельности в репрезентации публичности и конструировании будущего, роль журналистики как коммуникативной деятельности в освоении и преобразовании мира, роль журналиста в процессах создания, обновления и освоения интеллектуальных ресурсов общества, факторы интеллектуализации образовательного процесса в сфере журналистики

Трансформационные процессы, происходящие в средствах массовой информации, также невозможно не связывать с развитием человеческого потенциала, важнейшей составляющей которого выступает потенциал интеллектуальный [Демина, 2010].

В современной российской теории массовой информации уже прочное место занимают, кроме журналистики, такие информационные практики, как реклама и PR. Рассмотрение направлений обогащения интеллектуального потенциала посредством медиа невозможно, игнорируя эти феномены. Тема обогащения интеллектуального потенциала в результате массовой информационной деятельности очень широка и требует дальнейших исследований, осмысления и научной дискуссии.

Говоря об интеллектуальном потенциале общества и роли медиасистемы в его обогащении, нельзя обойти такую важную составляющую окружающей действительности, как экономическая жизнь социума.

Сегодня очевидно, что экономика, как наука, нуждается как в эволюционном развитии, так и, возможно, в появлении революционных идей, новой парадигмы, позволяющей объяснить и в дальнейшем спрогнозировать тренды развития как глобальной, так и страновой, и региональной экономики. Новая экономика рождается прямо у нас на глазах. Это экономика интеллектуальная, сетевая, информационная, общей теории которой еще не создано, но которая нуждается в накоплении и первоначальном осмыслении новых экономических явлений.

В то же время состояние современной экономической науки позволяет достаточно релевантно оценивать современное состояние экономической жизни общества и прогнозировать последствия тех или иных действий, предпринимаемых и в макроэкономике на разных уровнях государственной власти, и в микроэкономике – на уровне фирмы, и на уровне обычного человека. Все мы принимаем решения, от которых зависит наше материальное благополучие, а это – результат нашей информированности, образованности, степени доверия к экономической политике государства, экономическим действиям хозяйствующих субъектов и финансовых институтов и друг к другу.

Огромную роль в этих процессах играют медиа, в частности экономическая массовая коммуникация.

В коммуникационном процессе особое место занимают коммуникации по поводу экономических событий, интересов, самой сущности экономической науки и практики – то, что мы называем экономиче-

скими массовыми коммуникациями (ЭМК) [Демина, 2012]. В свою очередь, каждая из составляющих ЭМК (PR, реклама, экономическая журналистика), несомненно, представляет огромный интерес для медиаисследователей, особенно в России, где за последние годы все три компонента ЭМК развивались галопирующими темпами, методами проб и ошибок, внедрения зарубежных коммуникативных форм и методов, не всегда бесспорных.

Современный этап генезиса экономических коммуникаций носит конвергентный характер. Границы между журналистикой, PR и рекламой размываются в реальной жизни, и это привносит изменения и в теорию журналистики. То, что совсем недавно считалось неэтичным, «неправильным» с точки зрения нормативной теории журналистики, сегодня институционализируется, приобретает характер повседневной практики, изучается в университетах как «законные» коммуникативные технологии. Если в советские времена и в ранний послесоветский период манипулирование сознанием человека и происходило с помощью пропаганды, то в теории журналистики об этом либо стыдливо умалчивалось, либо оценивалось отрицательно, хотя на одном из этапов развития советской теории журналистики средства массовой информации (СМИ) именовались средствами массовой информации и пропаганды (СМИП).

Каждая из составляющих ЭМК обогащает интеллектуальный потенциал общества. В теории журналистики PR, реклама и журналистика считаются разными информационными феноменами, и это правильно, но в экономике все три составляющих экономической массовой коммуникации играют немалую роль.

Очевидно, что потребителями медиа выступают разные аудиторные группы, и поэтому последствия для экономической деятельности также разные. Реклама (b2c), прежде всего, предназначена для конечных потребителей. Казалось бы, трудно от нее ожидать роста интеллектуального капитала, однако с ее помощью происходит довольно быстрое внедрение в повседневную жизнь инновационных товаров и услуг. Именно с ее помощью мы узнаем о новейших потребительских товарах – электронной технике с новыми качествами, потребительских товарах, производители которых используют новые технологии и материалы, услугах банков, работающих в сети Интернет и т. д.

Реклама для бизнеса (b2b) позволяет бизнесменам узнавать об инновациях в области промышленного производства. Реклама – проводник новых идей на уровне простого обывателя, как потребителя инновационных товаров, пользователя, но без этих пользователей невозможно в рыночной экономике проводить новые исследования, вкладывать финансовые средства в инновации. Конечно, говорить о производстве новых смыслов, проведении новых идей посредством рекламы было бы не совсем правильно, однако она позволяет развивать, ускорять практическую экономическую деятельность.

PR позволяет информировать будущих инвесторов, потребителей и других участников экономической деятельности о положительном опыте инновационной деятельности отдельных фирм, корпораций, предпринимателей, способствуя, таким образом, развитию инновационной экономики.

Безусловно, эти две составляющих экономической массовой коммуникации представляют практическую деятельность человека и общества, и этим ограничиваются. Без них просто невозможно представить быстрое, если не стремительное внедрение в практику производства, обмена, распределения и потребления технологических инноваций.

Наиболее интересной в инновационной экономической деятельности является, безусловно, журналистика, журналистика экономическая. Она уже не ограничивается исключительно участием в практической деятельности. В полной мере она включает все аспекты информационной деятельности: и практический, и духовно-практический, и духовный.

К экономической проблематике в СМИ теоретики обращаются все чаще ввиду актуальности темы. Выходят и учебники авторских коллективов, в которых экономическая тема – одна из многих [Проблематика СМИ ... , 2008], учебные пособия, посвященные исключительно экономической тематике [Деловая журналистика, 2012], научные монографии [Иваницкий, 2010] и статьи [Демина, 2011; Иваницкий, 2007].

Экономическая журналистика представляет собой слепок экономической действительности, сиюминутную картину ситуации в экономике, но, конечно, не ограничивается только констатацией фактов. Она обязательно включает критическое осмысление действительности. В этом заключается аналитическая функция экономической журналистики. К примеру, сегодня актуализируется тема криптовалют, биткоинов, блокчейна. Пока теоретикам не ясно – что это такое – возможно, это явление – предвестник нового финансового уклада, а может – обычная пирамида в новой технологической реальности. Функция экономической журналистики – отражение реальности, накопление информации, распределение ее потоков и анализ происходящих событий. Это – тоже аспект практического осмысления действительности. Здесь медиа удовлетворяют потребности в основном рядовых потребителей, принимающих решения о собственном экономическом поведении, но и на более высоком уровне аналитические и информационные материалы будут полезны.

На уровне духовно-практического освоения экономической действительности – управления, образования, воспитания – экономическая журналистика также вносит значительный вклад в интеллектуальный потенциал общества. Сегодня даже высшее экономическое образование не гарантирует багажа экономических знаний на всю жизнь. Период полураспада знаний стремительно сокращается. В то же время отсутствие экономического образования вовсе не исключает участия человека в экономической жизни.

Функция образования, особенно в экономической сфере, становится все более востребованной. Интересно, что экономические, в том числе, финансовые знания сегодня настолько актуальны, что медиа обращается даже к маленьким потребителям. Пример – выпуск десяти новых серий мультфильма «Смешарики» для обучения детей финансовым инструментам. Функция образования здесь неразрывно связана с функцией воспитания.

Духовно-теоретический уровень осмысления экономической действительности предполагает рефлексию общества по поводу экономических ценностей, выработку аксиологических постулатов, принципов взаимодействия между бизнесом и общественностью, бизнесом и властью, властью и общественностью по поводу экономической политики, вопросов справедливости распределения богатства, социально-экономической ответственности бизнеса и власти перед общественностью, рядовыми гражданами. Медиа активно способствуют налаживанию коммуникаций между этими субъектами ЭМК. Эту задачу выполняют как журналистка, так и PR. Сейчас не идет речь об опасностях конвергенции этих составляющих экономической массовой коммуникации, о появлении и попытках научного обоснования так называемой PR-журналистики. Мы признаем весомую роль PR в экономической жизни общества.

Если говорить о конкретных трендах в медиа, можно выделить следующие:

1. Вполне определившееся сегментирование аудитории и выделение разных типов СМИ:

− для лиц, принимающих решения на разных уровнях государственного управления, руководителей фирм, корпораций, бизнеса – деловые СМИ, причем информация в них лишь частично экономическая;

− специальные издания для экономистов-профессионалов (журналы «Главный бухгалтер», «Маркетолог» и т. д.);

− научные экономические издания.

В других типах СМИ экономическая коммуникация представлена более или менее широко;

− общественно-политические СМИ, в которых экономическая проблематика занимает большое место;

− массовые СМИ, актуализирующие те или иные экономические события, выполняющие функции популяризации и пропаганды экономических знаний, выступающие в роли экспертов, а иногда – фильтров информации;

− другие медиа – например, нишевые (спортивные, детские и др.) СМИ, в которых показаны экономические аспекты действительности.

2. Новые способы коммуникации – в сети можно найти ответ на любой вопрос. Каждый участник коммуникационного процесса может

задать вопрос в Сети и получить ответы экспертов, он и сам чувствует себя экспертом. СМИ теперь – не единственный субъект коммуникации, который формирует повестку дня, а сами потребители, аудитория ищет ответы на конкретные вопросы. В этом случае профессионалами являются не столько журналисты, сколько эксперты, и сама аудитория посредством обратной связи – например, отзывы и комментарии о работе тех или иных фирм, финансовых учреждений, банков, отзывы и комментарии на статьи журналистов об экономических решениях государственных органов, ветвей власти (решения судов о правоте Сбербанка в отказе выдать деньги вкладчику или решении о возврате денег клиентов банков, снявших деньги со счетов за менее чем за месяц до отзыва у них лицензии). Таким образом, журналист перестает быть посредником между рядовыми участниками коммуникационного процесса.

Эти и другие факторы изменения медиасистемы позволяют говорить о том, что интеллектуальный потенциал личности и общества сегодня не только производится наукой и образованием, но «самопроизводится», воспроизводится в огромных масштабах, и средства массовой коммуникации играют в этом процессе главную роль.

Мир меняется стремительно. Скорость изменений такова, что очень сложно спрогнозировать, каким он будет через несколько лет. Меняется и медиасистема, тренд ее самоорганизации, видимо, преобладает над организацией, и это проявляется в частности, в экономических массовых коммуникациях, но это не значит, что роль журналиста, редактора, агрегатора новостей нивелируется. Наоборот, ответственность журналиста возрастает, от его деятельности зависит экономическое благополучие человека, страны и мира.

Литература

Деловая журналистика / А. В. Афанасьева [и др.] ; отв. ред. А. В Вырковский. М. : МедиаМир, 2012. 728 с.

Демина И. Н. Массовая экономическая коммуникация в условиях модернизации общества [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2012. Вып. 1. URL: http://www.mediascope.ru/node/976.0421200082\0026 (дата обращения: 19.04.2018).

Демина И. Н. Сущность экономической журналистики // Изв. Иркут. гос. экон. акад. 2011. № 1. С. 217–221.

Демина И. Н. Трансформация медиасистемы: человеческий потенциал // Иркут. гос. экон. акад. 2010. № 4. С. 182–185.

Демина И. Н. Экономическая коммуникация. Обоснование термина // Иркут. гос. экон. акад. 2012. № 1. С. 262–266.

Журавлев В. А. Интеллектуальный потенциал креативного общества: элементы и характеристика [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ intellektualnyy-potentsial-kreativnogo-obschestva-elementy-i-harakteristika (дата обращения: 15.04.2018).

Иваницкий В. Л. Модернизация журналистики: методологический этюд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010.

Иваницкий В. Л. Экономическая тема в экономических изданиях: проблемы становления // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2007. № 1. С. 16–28.

Келле В. Ж. Духовность и интеллектуальный потенциал // В диапазоне гуманитарного знания : сб. к 80-летию проф. М. С. Кагана. СПб. : С.-Петерб. филос. о-во, 2001.

(Мыслители ; вып. 4) [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/text/kelle-vzh/duhovnost-i-intelektualnyy-potencial (дата обращения: 10.04.2018).

Корнев В. В. Социодинамика интеллектуального потенциала общества : дис. … канд. филос. наук. Н. Новгород, 2002. 123 с.

Крылов А. А. Психология : учебник. 2-е изд. М. : Проспект; 2005 [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/book.php?book=69387 (дата обращения: 10.04.2018).

Кунгурцева Г. Ф. Интеллектуальный потенциал личности: опыт социологического анализа [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnyy-potentsial-lichnosti-opyt-sotsiologicheskogo-analiza (дата обращения: 04.04.2018).

Лапаев С. П., Есенбаева А. А. Сущность и классификационный состав интеллектуального потенциала страны и региона [Электронный ресурс]. URL: http://ifets.ieee.org/russian/depository/v13_i3/pdf/12r.pdf (дата обращения: 6.04.2018).

Левашов В. К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Психол. наука и образование. 2009. № 4. С. 41–49.

Нестеров А. А. Интеллектуальный потенциал и формы его реализации [Электронный ресурс] // Вестн. Самар. гос. техн. ун-та. Сер. Экон. науки. 2014. № 1(11). URL: http://vestnik.samgtu.ru/uploads/series/1/24/255/2014-1-11-0001.pdf (дата обращения: 10.04.2018).

Проблематика СМИ: Информационная повестка дня : учеб. пособие / под ред. М. В. Шкондина, Г. С. Вычуба, Т. И. Фроловой. М. : Аспект Пресс, 2008.

Свитич Л. Г., Смирнова О. В., Шкондин М. В. Медиасистема городов-миллионников: методологические предпосылки исследовании // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 3. С. 245–254.

Ушаков Д. В. Интеллектуальный потенциал нации и конкурентоспособность страны: психолого-экономическая модель // Психологические проблемы современного российского общества / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М. : Ин-т психологии РАН, 2012. С. 275–292.

Юдин Б. Г. Интеллектуальный потенциал личности [Электронный ресурс] // Центр гуман. технологий. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3523 (дата обращения: 10.04.2018).

УДК 07(571.53)(091)

М. В. Ильина

Эволюция нормативного дискурса советских СМИ (на примере иркутской газеты «Советская молодежь»)

Аннотация. Средства массовой информации Советского Союза претендовали на полноту описания советской действительности и одновременно стремились создать позитивную картину мира, отвечающую интересам государства. Они использовали нормативный дискурс для того, чтобы создавать определенную картину мира. Позитивные темы освещались как должное, а о негативных темах писали так, чтобы они не воспринимались как неотъемлемая часть советской социальной реальности.

Данная тема рассматривается на материалах иркутской газеты «Советская молодежь» в 1930–1980-е гг. XX в.

Ключевые слова: история журналистики, советская печать, «Советская молодежь», нормативный дискурс, моральные темы.

M. V. Ilina

The Evolution of the Normative Discourse in Soviet Mass Media (by Example of Irkutsk Newspaper “Sovetskaya Molodezh”)

Abstract. Mass Media of the Soviet Union pretended to a complete description of Soviet Social Reality and at the same time angled for an positive worldview in accordance with the interests of the Soviet State.

They used the normative discourse for creating specific worldview. The positive themes were covered as a matter of course but negative themes were covered in such a way as to they are not perceived as an integral part of Soviet Social Reality.

This topic is studied on materials of Irkutsk newspaper “Sovetskaya molodezh” in 1930–1980th years of the Twentieth Century.

Keywords: History of Journalism, soviet press, “Sovetskaja molodezh”, normative discourse, moral themes.

Термин «нормативный дискурс» принадлежит Т. ван Дейку, который определил его следующим образом: «Нормативные дискурсы – это социально сконструированное знание о том, каким образом семиотические ресурсы следует использовать в специфических социальных и культурных контекстах. Они принимают различные формы в разных контекстах: директивные официальные правила; экспертные рекомендации; ролевое моделирование… Они могут выражаться посредством различных текстов: инструкции; журнальные статьи, образовательные курсы; или неформальные беседы – и это только немногие возможности»[1] [Van Dijk, 2011, p. 123].

Т. ван Дейк пишет, что доступ к дискурсивным практикам коррелирует с властью и сам по себе является властью: «В то время, как с классической точки зрения власть определяется в терминах класса и контроля над материальными средствами производства, сегодня власть широко трактуется как контроль над сознанием масс, который предполагает контроль над публичным дискурсом во всех его семиотических измерениях» [ван Дейк, 2013, с. 32].

П. Бурдье также воспринимал создание и воспроизводство социальных (культурных) смыслов и символов, производящих социальные отношения, как прерогативу власти. С его точки зрения, идеология предоставляет индивиду возможность «неизбежной импровизации бытовых стратегий» vs «механической цепи обязательных поступков» [Бурдье, 2001, с. 219]. А нормативный дискурс не просто навязывается сверху, а проникает на уровень обыденного сознания.

Нормативный дискурс, посредством которого государство влияет на общество, существует во многих формах: законодательство, официальное искусство, различного рода агитация и пропаганда и, разумеется, средства массовой информации. СМИ играют важную роль в «оптимизации деятельности общества, осуществлении контакта в процессе формирования группового сознания, осуществления социального контроля, ибо СМК – плацдарм для актуализации этических и эстетических норм, источник социализации личности» [Чудова, 2011, с. 4].

В советской модели СМИ объективное информирование общественности не было единственной функцией журналистики. Общепринятым было определение В. И. Ленина, согласно которому газета явля-

[1] Перевод автора статьи.

ется коллективным агитатором и организатором. Газеты откликались на важнейшие политические события повседневности, описывали их в необходимом ключе и тем самым конструировали социальную реальность, объясняли читателям, как нужно оценивать эти события. «Советская журналистика не представляла общество во всем его разнообразии, а была рупором власти, частью контрольно-репрессивного аппарата. Ее высшей целью явилось создание цельного (тотального) информационно-мифологического пространства, своего рода информационного кокона для советского человека, и, в конечном счете, «формовка» нового человека – инфантильного энтузиаста-исполнителя воли партии» [Меринов, 2016, с. 19].

Дискурс советских средств массовой информации во многом был нормативным. «Нормативная теория постигает реальность в понятиях хорошего и плохого, должного и недолжного, подлинного и неподлинного, справедливого и несправедливого» [Поспелова, 2010, с. 39]. Одной из важнейших целей журналистики было создание позитивного представления об окружающей социальной среде у аудитории, что в литературоведении называли «лакировкой действительности».

В отличие от литературы, газеты были привязаны к реальным событиям, но подбор и интерпретация фактов позволяли создавать на основе реальности журналистскую картину мира, которая создавала для читателя представление о том, каков мир за пределами его личного опыта. Газеты писали о том, каким должен быть новый человек (и новое общество), и искали объяснения в тех случаях, когда реальность не совпадала с идеалом.

Средства и методы конструирования журналистской картины мира изменялись с течением времени, в зависимости от потребностей государства и запросов аудитории. Данная статья посвящена эволюции нормативного дискурса в советских СМИ на примере иркутской газеты «Советская молодежь». Сравниваются 1930-е, 1950-е, 1960-е, 1970-е и 1980-е гг.

Газета «Восточно-Сибирский комсомолец» (прежнее название «Советской молодежи») начала издаваться в 1930 г. К этому времени уже сложилась система советской печати и были определены ее цели и обязанности перед государством.

В сознание граждан, ради повышения их лояльности, внедрялись во многом мифологические представления о настоящем, прошлом и будущем государства. Существовало представление о будущем золотом веке (коммунизме), которое оправдывало все жертвы, которые гражданам приходилось нести в настоящем времени. Описываемое прошлое представляло собой «темное царство», возврата к которому не может быть.

Средства массовой информации производили и воспроизводили эту мифологическую картину мира, привлекая внимание к одним эле-

ментам действительности и игнорируя другие. «Мифологическая картина мира легко жертвует полнотой во имя целостности. Те компоненты, которые угрожают стройности мифологического конструкта, попросту игнорируются, кроме того, игнорируется та реальность, которая не вписывается в эту систему» [Советское как дискурсивный ... , с. 17–18].

Даже простые бытовые или технические вещи воспринимались как политические: «Как оппортунизм, левый загиб или правый уклон оценивались простои барж в речных затонах, низкие темпы заготовки дров и т. д. Под лозунгами борьбы с оппортунизмом велись подготовка к весеннему севу, заготовка кормов для скота» [Якимов, 2008, с. 33].

Тема вредителей, классовых врагов, пролетарской бдительности поднималась в материалах самой различной тематики. Политические инвективы встречаются в самых неожиданных контекстах, например, в очерке о женщине-инженере, напечатанном к 8 марта: «С чувством великого отвращения к подлым выродкам я прочла обвинительное заключение по делу право-троцкистского блока, – говорит Клавдия Гавриловна. – Нельзя без содрогания слышать о всех мерзостях этих негодяев»[1]. Подобные материалы производили и воспроизводили враждебный и дегуманизирующий дискурс в отношении «врагов народа».

Весь этот поток негативной информации о врагах народа и вредителях компенсировался позитивными сообщениями о героях производства и постоянном улучшении жизни. Такие материалы создавали определенную картину мира, убеждали население в том, что реально наблюдаемые негативные стороны жизни являются исключением, а не правилом. В 1930-е гг. в кино, литературе, периодической печати формировался образ нового советского человека, который был однозначно положительным. Для большей достоверности использовались биографии реальных личностей. «На страницах газет 1930-х гг. появляются мифологизированные образы героев, воспитанных новым, самым прогрессивным на земле общественным строем, – стахановцев, бусыгинцев, летчиков, полярников, строителей новых городов в Сибири и на Дальнем Востоке» [Демидова, 2012, с. 51].

Для того чтобы доказать, что коммунистические ценности глубоко проникли в коллективное бессознательное, СМИ использовали фольклор и псевдофольклор (частушки, былины, сказки). В газете печатались устные легенды о декабристах, Сталине и Ленине, Горьком[2]. В сказке «Три сына»[3] сказочные элементы (живая вода) сочетаются с современными (пограничники, визит к Сталину).

---

[1] Канский С. Инженер // Сов. молодежь. 1938. 8 марта.

[2] О Ленине и Сталине в Сибири. Стихи. Устный сказ. Частушки // Сов. молодежь. 1939. 14 июня; Ленин в творчестве народов СССР // Сов. молодежь. 1940. 21 янв.; Из сибирских легенд о Максиме Горьком // Вост.-Сиб. комсомолец. 1937. 24 марта.

[3] Три сына // Сов. молодежь. 1938. 12 окт.

Издание газеты было прекращено в августе 1941 г. из-за Великой Отечественной войны. «Советская молодежь» снова начала выходить в свет только в 1950 г. Принципиальной разницы в оформлении и контенте по сравнению с 1930-ми гг. не наблюдается. Так же важнейшими темами были сельское хозяйство и промышленность, а общим контекстом материалов было обоснование исключительности советского государства через сравнение его с дореволюционным прошлым и западными странами.

Важную роль в создании определенной картины мира играл концепт «счастье». Так, номер, посвященный очередным выборам (№ 61, 20.12.1950), содержит следующие заголовки: «Великое счастье», «Всенародный праздник», «Исторический день», «Этот день я не забуду никогда», «Радостный день», «За дальнейшее процветание нашей великой Родины», «За счастье жить в советской стране». А в другом материале про другие выборы говорится:

«В шесть часов утра с чувством огромной радости Лиля берет избирательный бюллетень и первая подходит к урне.

– Я счастлива, что в этот день голосую за кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР. Мой голос – за наше родное советское правительство, за любимого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина»[1].

Газета также определяла границы между должным и недолжным поведением в повседневной жизни. В письме «Правильно ли поступили комсомольцы?»[2] рассказывается, как ученик седьмого класса разбил стекло, его одноклассники промолчали, а комсомолку Люду, которая выдала виновника, обвинили в ябедничестве и объявили бойкот. Автор письма прямо просит оценки этой ситуации, и через две недели газета опубликовала два письма в ответ на историю. Авторы обоих писем утверждают, что Люда была права: «Ученики 7-го класса забыли о комсомольской чести, если они обвинили Люду в ябедничестве. Настоящий друг – это тот, который указывает на ошибки товарища, помогает ему исправить их»[3].

Позитивной информации на страницах советских газет было значительно больше, чем негативной. Но полное отсутствие негативных тем в СМИ уменьшило бы доверие к ним. В результате редакторам и журналистам приходилось объяснять, как преступления и другие аморальные действия возможны в советском обществе. И по этим примерам можно исследовать, какие существовали аргументы социодицеи,

---

[1] Молчанова М. Лилино счастье // Сов. молодежь. 1951. 21 февр.
[2] Правильно ли поступили комсомольцы? // Сов. молодежь. 1951. 21 сент.
[3] Сов. молодежь. 1951. 7 окт.

т. е. оправдания недостатков общества, которое позиционировалось как приближающееся к идеалу.

Вот пример объяснения реально существующего недостойного человеческого поведения, от которого не получается отмахнуться: «Пусть кособуровых и ему подобных единицы, но если они есть, о них нельзя не говорить, нельзя молчать. В нашем отношении к отвратительным пережиткам: грубости, хамству, хулиганству – к этим грязным пятнам прошлого, с которыми хотя и редко, но встречаешься в трамвае, и на улице, и в театре, и в вузе, и в школе, и дома, – не может быть терпимости»[1].

После XX съезда ЦК КПСС и разоблачения культа личности, которое было раскрыто для общества в августе 1956 г., газета «Советская молодежь» постепенно становится более живой и неформальной. Частично это связано с внутренними делами газеты (ответственным редактором стал Л. Л. Ермолинский), а в остальном – сыграла роль хрущевская оттепель.

Практически исчезает обличение политических преступлений, весь негатив сосредоточен на криминальных и моральных темах, которые зачастую смешиваются. В материалах на эти темы активно используются эмоциональные эпитеты: «Жалкие, они идут на все – только бы обмануть, проехать две-три остановки»[2]. Прямая оценка встречается довольно редко, например: «Не выйдет, Люба! В нашем обществе человек не может жить без цели, без труда»[3].

Еще одной особенностью советского правового дискурса является расширительное понимание ответственности за совершенное преступление. Практически ни один материал не обходится без объяснения, кто виноват в преступлении помимо собственно преступника. Круг обвиняемых широк: семья, учителя, коллеги, особенно часто – партийные и комсомольские органы:

«Присутствующие в зале волнуются. Как же это могло все получиться? Есть ли у преступников родители? Где они работают? Почему молчали их товарищи по работе?»[4].

«Водку мальчишке в магазине отпускает чья-то мама и у кассирши, продавшей билеты на фильмы «Дети до 16...» тоже есть сын»[5].

Иногда газета чересчур увлекалась в стремлении привести реальность к идеалу. В редакционной статье о браконьерстве на вопрос, зачем нужен браконьер, дается такой ответ: «Он существует только для

---

[1] Коробенков С. Когда замалчивают недостатки товарища // Сов. молодежь. 1954. 3 марта.
[2] Дуб В. Заячий ассортимент // Сов. молодежь. 1965. 7 сент.
[3] Добровольская Ж. Еще раз о Любе Уваровой // Сов. молодежь. 1966. 29 мая.
[4] Шеметов П. Приговор одобрен // Сов. молодежь. 1960. 4 янв.
[5] Хохлов Е. Двойка за воспитание // Сов. молодежь. 1967. 6 февр.

того, чтобы его по праву преследовал Закон. Других причин для существования браконьерства нет. И быть не может»[1].

Прогнозы о нравственном состоянии общества были исключительно благоприятными. Так, в новогоднем номере за 1960 г. был опубликован юмористический материал о Советском Союзе в 2000 г. В частности, там говорилось, что в этом году перевоспитают последнего тунеядца, а об остальных преступлениях и проступках забудут еще раньше.

В 70-е гг. авторы меньше сосредоточиваются на поведении людей и больше на их мыслях, внутренних импульсах, том, чего на первый взгляд не видно. В тексте «Разговор на скамейке» сначала говорится об условностях, которые затрудняют свободу общения, но дальше автор пишет: «Жизнь тороплива? Но и в спешке, выбежав на улицу, вы постараетесь не надевать на ноги разные ботинки... А ведь ошибки в отношениях с людьми куда важнее просчетов в одежде»[2]. «Современный хам, вскормленный на родительских хлебах, отвечающий понятию акселерации, ловок, удачлив, у него хорошие манеры и он даже не имеет врагов»[3].

В начале 1980-х гг. появляется определенное разочарование в официальном дискурсе, повышенное внимание к тем, кто ему не соответствует, пока еще ироническое: «Он уже три экзамена через ресторан сдал. С его-то хваткой учиться – плевое дело… Он обещал летом меня в северный стройотряд взять, тогда уж точно джинсы куплю (…) Ведь Саша – хороший парень, и без него друзьям в дискотеке скучно. Легкий, приятный во всех отношениях человек»[4].

Между текстами 60-х и 70–80-х гг. прослеживаются определенные различия. Намного меньше пишут о преступлениях – не то, чтобы их было значительно меньше, просто это не соответствовало описываемому настоящему «развитого социализма». Меньше отсылок к окружению и больше к внутренней потребности соблюдать нравственные нормы. Но главное отличие – это повышение интереса к внутреннему миру человека, к тому, чтобы люди не только действовали, но и думали правильно.

Газета играла важную роль в поддержании социальной нормы. Она оценивала человеческое поведение, показывала границу между приемлемым и неприемлемым. После некоторых материалов публиковались письма читателей, которые демонстрировали спектр нормативных суждений на заданную тему и тем самым еще четче обозначали социальную норму. Публикации на моральные темы выполняли несколько функций. Во-первых, они очерчивали границу между приемлемым и

---

[1] Для чего существуют браконьеры? // Сов. молодежь. 1967. 5 февр.
[2] Милюкова Т. Разговор на скамейке // Сов. молодежь. 1976. 22 апр.
[3] Ланкина Л. Добродушному читателю // Сов. молодежь. 1976. 6 июня.
[4] Широбоков И. Саша, приятный во всех отношениях // Сов. молодежь. 1980. 15 янв.

неприемлемым поведением, давали оценку действиям героев публикации. Во-вторых, они выполняли воспитательные функции – положительное и отрицательное подкрепление разных моделей поведения.

Литература

Бурдье П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.

ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентации доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 337 с.

Демидова Т. В. Образ идеального советского человека в печати СССР 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение // Вопр. теории и практики. 2012. № 4 (18). С. 50–52.

Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ в современно социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 25–39.

Меринов В. Ю. Псевдодемократическая лексика в советском тоталитарном (политическом) дискурсе // Соврем. дискурс-анализ. 2016. Вып. 1 (14). С. 12–19.

Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию исследования. М : Аванти плюс, 2003. 428 с.

Поспелова О. В. К вопросу о нормативном дискурсе в политических науках // Вестн. Сев. (Аркт.) федер. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки. 2010. № 6. С. 39–45.

Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого / под ред. О. Л. Михалевой. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. 249 с.

Черкунова Н. В. Формирование образа героя в 1930-е гг. в СССР как способ военизации сознания молодежи // Изв. ПГПУ им. В. Г. Белинского. Гуманит. науки. 2012. № 27. С. 1085–1088.

Чудова И. А. Нормативное воздействие СМИ: изучение радиодиалогов // Соврем. дискурс-анализ. 2011. Вып. 3. С. 4–24.

Якимов О. Д. Рабселькоровское движение в национальных регионах Восточной Сибири: генезис и трансформация // Вестн. СВФУ им. М. К. Аммосова. 2008. Вып. 3. Т. 5. С. 27–36.

van Dijk T. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. SAGE, 2011. 432 p.

УДК 070.421:78

И. А. Колокольников

Материалы музыкальной тематики в периодических изданиях ИГУ 1922–1923 гг.

Аннотация. Посвящено музыкальным публикациям в газетах «Университетский клич» и «Музыкальная пятница», выходивших в 1922–1923 гг. в Иркутском государственном университете. Проанализированы тематика и жанровые особенности данных публикаций.

Ключевые слова: Иркутский государственный университет, периодика, музыка, Б. М. Попов.

I. A. Kolokolnikov

Publications on Music in the Irkutsk State University Newspapers 1922–1923

This article is devoted to the musical publications in the newspapers, which were called “University appeal [Universitetsky Klich]” and “Musical Friday [Muzykalnaya pyatnitsa]”. These newspapers were issued in the Irkutsk state university. We analyze the subject and genre features of these publications.

Keywords: Irkutsk university, periodical press, music, B. M. Popov.

Открытие Иркутского государственного университета оказало мощное позитивное воздействие на различные сферы жизни иркутян. Сложно переоценить роль, которую он сыграл в развитии культурной жизни города. В частности, это касается музыкальной жизни. Дело в том, что с первых лет существования вуза в числе его преподавателей и студентов объединилось множество подлинных ценителей музыкального искусства.

Следует отметить, что еще в ноябре 1918 г. на историко-филологическом факультете стал работать крупный филолог-востоковед Г. Г. Генкель[1]. Он имел немалую известность и как писатель. Но вместе с тем это был тонкий знаток музыкального искусства, выступавший в местных концертах в качестве лектора-музыковеда [Харкеевич, 1970]. Среди преподавателей ИГУ, который в первые годы его существования принято было именовать Иргосуном, также обнаружилось немало людей, имеющих несомненные музыкальные наклонности. Необходимо выделить работников медицинского факультета, некоторые из них в совершенстве владели навыками игры на музыкальных инструментах и выступали в университетских концертах: А. Д. Сперанский и А. Д. Григорьев – как виолончелисты, И.-Г. А. Обергард и И. А. Промптов – как скрипачи. Большими ценителями музыкального искусства также были известный филолог, профессор М. К. Азадовский и пользовавшийся огромным авторитетом в городе медик, профессор Н. А. Синакевич. Наконец, на концертах начала 1920-х гг. регулярно выступала как пианистка студентка медицинского факультета М. П. Симонова[2], прошедшая серьезную школу фортепианной игры у Е. Г. Городецкой [Афанасьева, 2017] – авторитетнейшего иркутского педагога, выпускницы Санкт-Петербургской консерватории, где одним из ее педагогов был А. Г. Рубинштейн [Яковенко, 2004, с. 14].

Все это обусловило то, что в университетских изданиях 1920-х гг. уделяется немало внимания музыкальному искусству. Поэтому при восстановлении картины исторического развития музыкальной журналистики в Иркутске исключительно важно рассмотреть деятельность двух периодических изданий, выходивших в ИГУ в 1922–1923 гг., – газет «Университетский клич» и «Музыкальная пятница».

Для полноценного анализа данных изданий, следует уделить особое внимание человеку, во многом определившего их контент, – Борису Михайловичу Попову (1883–1941). Он получил юридическое образование в Санкт-Петербургском университете, однако обладал исключи-

---

[1] ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 51. Л. 5. [Сведения о педагогических штатах историко-филологического факультета ИГУ в 1918/19 учебном году].

[2] ГАИО. Ф. Р-2727. Оп. 1. Д. 103. Л. 1-4 [Программы вечеров, проходивших в ИГУ в 1922–1924 гг.].

тельными познаниями в области музыкального искусства. Его музыкальные материалы выходили не только во многих отечественных изданиях музыкального профиля, но даже в зарубежной печати.

Поселившись в Иркутске, Б. М. Попов, стал профессором, деканом факультета музыкальной науки и композиции, а также проректором существовавшего в 1920–1922 гг. Иркутского государственного музыкального университета. Наряду с этим в 1920–1924 гг. он работал в ИГУ. Здесь на педагогическом факультете он читал курс истории музыки. В первую очередь, Б. М. Попов был известен жителям города как одаренный лектор, демонстрировавший исключительные познания в области истории музыки [Харкеевич, 1987, с. 184–185, 191]. Но помимо этого он активно сотрудничал и с местной печатью. Яркой страницей его журналистской деятельности стала газета «Университетский клич».

Данное издание, начавшее выходить осенью 1922 г., являлось печатным органом Комиссии содействия лабораториям и кабинетам Педагогического факультета ИГУ, руководимой П. М. Пермяковым. Следует отметить, что эта еженедельная газета публиковала материалы о жизни различных факультетов университета.

Невозможно не отметить разноплановость публикаций. В газете можно обнаружить небольшие хроникальные заметки, корреспонденции, масштабные аналитические статьи, фельетоны, анонсы мероприятий, стихи. Редактором газеты первоначально был доцент А. Г. Пичугин (геолог). Но в январе 1923 г. его сменил Б. М. Попов, приход которого к руководству газетой обусловил повышенное внимание к музыкальным вопросам в течение трех месяцев (к сожалению, после этого газета перестала выходить).

Практически одновременно с началом издания «Университетского клича» в октябре 1922 г. в зале педагогического факультета ИГУ стали проводиться лекции-концерты, получившие наименование «Музыкальных пятниц». Так было положено начало просветительскому проекту, ставившему своею главной целью пропаганду серьезной музыки. Важнейшую роль в организации данных мероприятий стали играть вышеупомянутая Е. Г. Городецкая, отвечавшая за исполнительскую часть, и Б. М. Попов, выступавший в качестве лектора в большинстве «пятниц»[1].

Большую роль в организации «пятниц» сыграли такие сотрудники ИГУ, как П. М. Пермяков, А. М. Мышкин, В. П. Шубин, В. И. Подгорбунский, С. А. Арцыбышев, М. Н. Стоилов [Харкеевич, 1987, с. 183]. Проект оказался исключительно жизнеспособным. Он вызвал немалый интерес студенчества, а затем и иркутян в целом. Примечательно, что в данных лекциях-концертах объединились лучшие музыканты-профессионалы города и исключительно одаренные музыканты-

[1] ГАИО. Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 4. Л. 6. Краткие сведения о «Музыкальных пятницах» (1929 г.).

любители, среди которых важное место занимали преподаватели и студенты университета. «Музыкальные пятницы» проводились в зале педфака ИГУ до 1930 г., а затем до 1932 г. – на базе Дома работников просвещения[1]. В 1932 г. их проведение прекратилось в связи с отъездом из Иркутска Б. М. Попова.

Подавляющее большинство материалов музыкальной тематики, помещавшихся в газете «Университетский клич», непосредственно связано с проведением «Музыкальных пятниц» в 1922/23 учебном году. Таким образом, затрагивается период становления данного проекта. Ценность этих материалов – в исторических сведениях о составе исполнителей, их исполнительском уровне, характере лекционной части. Вместе с тем данные публикации наглядно демонстрируют, как университетская печать продвигала новый проект. Заметим, что подробный анализ самих «пятниц» в плане их тематики и исполнительских сил приведен в работе И. Ю. Харкеевич (1987). Однако их отражение в университетской печати заслуживает отдельного рассмотрения как яркая страница прошлого иркутской журналистики.

Уже в первый год своего существования музыкальные «пятницы» объединили большое количество талантливых исполнителей[2]. В их числе были видные профессионалы: пианистки Е. Г. Городецкая, И. Х. Петелина, Л. В. Брянцева; вокалисты И. М. Рахманин, И. Г. Дефье, О. С. Житейская и др. Как уже отмечалось, к ним присоединились одаренные музыканты-любители, в числе которых были отмеченные выше преподаватели ИГУ А. Д. Сперанский, А. Д. Григорьев, И.-Г. А. Обергард и И. А. Промптов. Одной из самых одаренных участниц была также упомянутая выше студентка М. П. Симонова. Таким образом, газета имела шансы для эффектного продвижения проекта.

В первую очередь следует отметить, что, начиная с номера от 17 ноября 1922 г. и до последнего номера «Университетского клича», в газете неизменно давались анонсы ближайших «пятниц»: как в форме рекламных объявлений, так и в форме кратких заметок. В данных сообщениях, присутствующих в 19 номерах газеты, неизменно указывались названия всех звучавших произведений и фамилии исполнителей. Таким образом, эти анонсы позволяют восстановить программы всех «пятниц» данного периода, т. е. с 6-й по 22-ю. Несомненно, можно допустить, что в момент проведения данных мероприятий какие-либо произведения могли не исполняться или же заменяться на другие, но подробные статьи об уже проведенных «пятницах», публиковавшиеся в «Университетском кличе», свидетельствуют, что серьезных отличий от намеченной программы в «пятницах» не было. Таким образом, анонсы

[1] ГАИО. Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 4. Л. 8, 10. [Программы «Музыкальных пятниц»].
[2] А. Б. Музыкальные пятницы // Муз. пятница. 1923. 2 нояб. С. 1–2.

могут служить основой для анализа специфических особенностей названного проекта.

Среди статей и корреспонденций музыкальной тематики особого внимания заслуживают статьи Б. М. Попова. Следует отметить, что он стремился помочь студентам найти путь к пониманию серьезной музыки. Об этом свидетельствует уже первая его публикация в газете – статья «“Лунная соната” Бетховена»[1], вышедшая в день проведения «Музыкальной пятницы», посвященной творчеству великого классика. В данной публикации автор детально знакомит читателей с построением и художественными особенностями данного сочинения, а также историей его возникновения и последующего обретения своего имени («лунной» сонату нарекла публика, а не автор). Исключительная глубина погружения в тему, а также образный язык Б. М. Попова делают достаточно сложный материал понятным не только специалистам, но и просвещенной части публики. Хотя, вероятно, средством популяризации музыкальных знаний среди широких масс подобная публикация все же не может быть признана в связи с исключительно глубоким погружением в предмет и обилием специальных терминов, непонятных рядовому студенту.

Также важно упомянуть, что в феврале 1923 г. Б. М. Попов поместил в газете интересный отклик на 1-й том книги «Всеобщая история музыки» известного советского музыковеда Е. М. Браудо[2]. Примечательно, что иркутский автор высказывал существенные замечания маститому специалисту. Главное из них заключалось в том, что он «совершенно обходит вопрос о ритме как первичном элементе музыкальных построений» и не считает нужным «останавливаться на элементах и принципах музыкальной архитектоники». Опять же анализ Б. М. Попова адресован не широким студенческим массам, а наиболее просвещенным читателям, но, несомненно, призывает данную категорию студентов к серьезным размышлениям над ключевыми моментами возникновения музыкального искусства.

Наряду с этим в газете публиковались отзывы о «Музыкальных пятницах» за подписями «М.» и «А. Б.». Вполне вероятно, что первая подпись принадлежит Б. М. Попову, поскольку до революции одним из основных его псевдонимов был «Мизгирь» [Харкеевич, 1987, с. 185]. Данное предположение подтверждает и то, что отклики за подписью «М.» имеют весьма высокое качество, хотя в большинстве случаев не отличаются подробностью. Отклики человека, подписывавшегося «А. Б.», публиковавшиеся в рубрике «Музыкальные заметки» (всего 4 материала), напротив, исключительно подробны. Их автор (возможно,

[1] Попов Б. «Лунная соната» Бетховена // Унив. клич. 1922. 1 дек. С. 1–2.
[2] Попов Б. Новая книга по истории музыки // Унив. клич. 1923. 2 февр. С. 2.

это был иркутский музыкант А. М. Берлинский) отличался обширными познаниями в сфере музыкального искусства различных жанров и хлесткостью оценок. Но в отдельных случаях его суждения поражают исключительной примитивностью. Например, после 6-й «Музыкальной пятницы», посвященной творчеству С. В. Рахманинова и Р. М. Глиэра, он писал: «Шестая музыкальная «Пятница» была отдана Рахманинову и Глиэру – любимцам современной толпы. Их общедоступная музыка неизменно нравится публике, но мало говорит уму и сердцу художественно развитого музыканта»[1]. Вероятно, комментарии излишни, поскольку речь шла о виднейших отечественных композиторах XX в., уже к тому времени признанных не только на Родине, но и за рубежом (разумеется, в особенности это касается С. В. Рахманинова). И все же важно, что статьи, подписанные «А. Б.», были написаны более популярно, чем материалы Б. М. Попова, а потому могли быть понятны более широкому кругу читателей. Кроме того, они, несомненно, содействовали привлечению студентов на «Музыкальные пятницы».

Очень интересной явилась рубрика «Музыкальная мозаика»[2], появившаяся в номере от 1 декабря 1922 г., но, к сожалению, не продолженная в дальнейшем. В ней сообщались занимательные факты из области истории мировой музыкальной культуры. Так, например, для «любителей поболтать во время концерта» рассказывалась история о том, как остроумно Ф. Лист ответил Николаю I на разговоры во время его игры: музыкант перестал играть, а когда царь недоуменно поинтересовался, почему он прервал игру, тот ответил, что «все должны молчать», когда Его Величество говорит. Несомненно, подобная рубрика должна была быть интересна молодежи, но создатели газеты этого не поняли.

Газета «Университетский клич» сохранила большое количество кратких заметок музыкальной тематики, написанных разными авторами (чаще всего заметки анонимные). Данные сообщения – исключительно ценная хроника, где отражены не только проведение «пятниц», но и некоторые другие события. Наиболее важны с исторической точки зрения ldt заметки о попытке создания на базе педфака ИГУ симфонического оркестра, руководимого А. А. Виноградовым[3]. Газета дает возможность узнать, что первая репетиция коллектива была назначена на 16 января 1923 г. (8 часов вечера). Каждый желающий попробовать силы приглашался на педагогический факультет за час до начала репетиции, однако при условии наличия собственного музыкального инструмента. Не лишним будет заметить, что А. А. Виноградов иногда

---

[1] А. Б. Музыкальные заметки // Универ. клич. 1922. 8 дек. С. 1–2.
[2] Музыкальная мозаика // Универ. клич. 1922. 1 дек. С. 3.
[3] Симфонический оркестр // Унив. клич. 1922. 8 дек. С. 3; Хроника университетской жизни: Симфонический оркестр // Унив. клич. 1923. 12 янв. С. 4.

выступал и в качестве лектора «пятниц», однако в скором времени выехал из Иркутска, в связи с чем ценная инициатива с оркестром оказалась нереализованной.

К сожалению, в конце марта 1923 г. газета «Университетский клич» перестала выходить. Однако 2 ноября того же года Комиссия содействия лабораториям и кабинетам Педагогического факультета ИГУ (ею в этот момент уже руководил профессор С. А. Арцыбышев) выпустила 1-й номер новой газеты – «Музыкальная пятница». Ее редактором стал В. П. Шубин. Как несложно понять, это издание посвящалось уже непосредственно одноименным мероприятиям. 1-й номер открывался обширной статьей вышеупомянутого «А. Б.», посвященной истории «пятниц»[1]. Сегодня это ценнейшая хроника событий первого года их проведения с подробнейшим описанием тематики «пятниц» и исполнительских сил. Наряду со статьей номер содержал анонсы ближайших мероприятий, которые должны были пройти в рамках данного проекта. 2-й номер содержал разбор 27-й[2], анонсы 28-й и 29-й «пятниц», а также музыкальную хронику, составленную разноплановыми заметками: «Концерты», «Ближайшие пятницы», «Вагнеровский цикл», «Памяти В. В. Стасова»[3]. К сожалению, эта газета перестала выходить значительно скорее, чем предыдущая. В Государственном архиве Иркутской области сохранилось всего ldf ее номера. По всей вероятности, только они и увидели свет.

Сегодня уже практически невозможно установить, что обусловило непродолжительность выхода обеих газет. Вероятнее всего, причиной явились финансовые проблемы. Не может не вызывать сожаления, что эти содержательные издания совсем недолго выполняли свою благородную миссию воспитания художественного вкуса молодежи.

Тем не менее следует отметить, что газеты «Университетский клич» и «Музыкальная пятница» сыграли определенную роль в плане продвижения такого уникального проекта как «Музыкальные пятницы». Уже скоро он приобрел необычайную популярность у иркутян, особенно в среде студенчества. Известная в городе как цветовод и краевед Р. А. Андреева, окончившая ИГУ в 1930 г., отмечала: «… актовый зал педфака стал собирать столько народа, сколько, казалось, он не мог вместить: стулья были заняты все. Студенты сидели на подоконниках, занимали хоры, стояли в коридоре. А в зале звучала музыка, и нужно было видеть, с каким вниманием ее слушала аудитория»[4].

---

[1] А. Б. Музыкальные пятницы // Муз. пятница. 1923. 2 нояб. С. 1–2.
[2] Морев А. Музыкальные заметки // Муз. пятница. 1923. 16 нояб. С. 1.
[3] Хроника // Муз. пятница. 1923. 16 нояб. С. 1.
[4] ГАИО. Ф. Р-2727. Оп. 1. Д. 99. Л. 6. [Сценарный план телепередачи Р. А. Андреевой «Из истории «музыкальных пятниц» (1967 г.)].

Несомненно, подобный успех «Музыкальных пятниц» был следствием большой и кропотливой работы. В частности, важно, что на стадии становления данного проекта он грамотно продвигался через рассмотренные в данной статье университетские СМИ. Систематически публикуя анонсы и разборы музыкальных мероприятий, а также материалы о музыкальном искусстве вообще, газеты «Университетский клич» и «Музыкальная пятница» немало содействовали привлечению студенческих масс в зал педфака ИГУ. Подобный опыт очень важен и с точки зрения сегодняшнего дня, поскольку может быть учтен в деле пропаганды культурных проектов университета.

Литература

Афанасьева И. Г. Нина Кузнецова: «Делать добро людям» // Медик. 2017. № 3. С. 1.

Государственный архив Иркутской области. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 51. Л. 5; Ф. Р-2727. Оп. 1. Д. 99. Л. 6, Д. 103. Л. 1-4; Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 4. Л. 6, 8, 10.

Музыкальная пятница: печатный орган Комиссии содействия лабораториям и кабинетам Педагогического факультета ИГУ. 1923 г. № 1–2.

Университетский клич: печатный орган Комиссии содействия лабораториям и кабинетам Педагогического факультета ИГУ. 1922–1923 гг. № 6–24.

Харкеевич И. Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. 280 с.

Харкеевич И. Ю. Роль Иркутского государственного университета в развитии музыкальной культуры Иркутска (1918–1932 гг.) // Тр. Иркут. гос. ун-та им. А. А. Жданова. Т. 59, Сер. Ист. Иркутск : Тип. № 2, 1970. С. 125–130.

Яковенко С. Б. Надежда Казанцева в искусстве и жизни. М. : Изд-во Фонда И. Архиповой, 2004. 174 с.

УДК 316.32

М. В. Лисаускене

Студент в пространстве социокультурных и медиакоммуникаций: поколенческий анализ

Аннотация. В контексте современной теории коммуникаций на материалах поколенческих социологических исследований студенческой молодежи, проведенных автором, приводится сравнительный анализ изменений жизненного мира советского и постсоветского поколений студентов под влиянием социальных и медиа коммуникаций. Выявлены особенности коммуникативных действий и модели коммуникаций современного «цифрового поколения» студенчества в виртуальном и реальном пространстве.

Ключевые слова: социокультурные коммуникации, «цифровое поколение», теория коммуникативного действия, медиакоммуникции, жизненный мир.

M. V. Lisauskene

The Student in Space Sociocultural and Media Communications. Generational Analysis

Abstract. In article, in the context of the modern theory of communications on materials of the generational sociological researches of student's youth conducted by the author the comparative analysis of changes of the vital world of the Soviet and Post-Soviet generations of students under the influence of social and media of communications is provided. Features of communicative actions and model of communications modern “digital generation” of students in virtual and real space are revealed.

Keywords: sociocultural communications, “digital generation”, theory of communicative action, mediakommuniktion, vital world.

В условиях глобального распространения информации все более актуальной становится проблема исследования влияния социокультурных и медиа коммуникаций на молодое поколение. Социальная коммуникация является неотъемлемой составляющей социокультурного процесса, выступая как механизм функционирования социальных связей в процессе социализации молодых людей и формирования основных жизненных ценностей поколений. Понятие социальной коммуникации включает специфику обмена информацией в социуме, наличие общего языка у субъектов коммуникации, каналов передачи информации, и особенностей осуществления коммуникации в процессе коммуникативного действия. Коммуникативное действие можно рассматривать как процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности с помощью принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приемов и средств их использования.

Массовая медиакоммуникация выступает не только как специфическая область социальной культуры, но и как инструмент целенаправленной трансляции социально значимой информации. Исследователями разработаны различные подходы к изучению функционирования социокультурных коммуникаций в современном информационном обществе, которые базируются, по сути, на двух методологических парадигмах. Рационалистический подход делает акцент на анализе средств передачи социальной информации, Феноменологическая концепция рассматривает социальную коммуникацию как способ понимания между индивидами и влияния различных типов коммуникаций на эмоциональную и ценностную структуру сознания.

Особое внимание заслуживает оригинальная концепция «Теории коммуникативного действия», разработанная немецким философом и социологом Юргеном Хабермасом [Jiirgen Habermas, 1985]. По мнению Хабермаса, все участники коммуникации ориентируются на обобщенные, интерсубъективно понятые нормы коммуникации, что, в совокупности с коммуникативной компетентностью и наличием рациональных мотивов, делает возможным сам процесс коммуникации.

Понятие коммуникативного действия у Хабермаса непосредственно связано с категорией «жизненный мир» индивида, (Lebenswelt) – миром действия, который является общим для всех людей и осваивается ими в процессе взаимодействия и накапливания социального опыта. Категория жизненного мира включает в себя не только мир человека, но и мир общества, и его социально-экономической системы. Хабермас выделяет три жизненных мира: *объективный*, состоящий из фактов, которые являются элементами системы общества, *социальный*, включающий нормы и ценности и *субъективный* жизненный мир человека, который формируется в процессе восприятия социальных действий. По

мнению социолога, особенностью информационного общества XXI в. является колонизация субъективных жизненных миров людей с помощью средств массовой коммуникации.

В современных условиях все очевиднее становится актуальность теории коммуникативного действия, разработанной Хабермасом. Сегодня в сфере массмедиа и цифровых коммуникаций развивается жесткая конкурентная борьба за влияние на сознание молодежи. Материалы социологического исследования студентов, проведенного автором в мае 2018 г., а также данные поколенческих исследований 1989–2008 гг., проведенных лабораторией социологических исследований ИГУ под научным руководством М. В. Лисаускене [Лисаускене, 1989], позволяют проанализировать социокультурную динамику трансформации жизненного мира и коммуникационных моделей поведения российского студенчества, в рамках теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса.

В условиях перестройки российского общества в 1989 г. в рамках программы «Общественное мнение» Минвуза СССР лабораторией социологических исследований было проведено всесоюзное социологическое исследование «Общественные науки – социальная практика» которое зафиксировало противоречия в сознании студенчества. Когникативный диссонанс, характерный для этого поколения, проявлялся в скептическом отношении к социалистическим ценностям и идеалам, а также неоднозначной оценке истории российского государства. Отвечая на вопрос, какое общество построено в СССР, лишь 2 % студентов заявили, что они живут в социалистическом обществе. Каждый четвертый был убежден, что социализма нет, а каждый третий заявил, что социализм выступает только как идея.

В этот переломный период в жизни страны максимально активизировались различные коммуникативные связи, усилилось влияние на массовое сознание средств массовой информации. В условиях практически полного отсутствия анализа со стороны научной литературы СМИ обрели монополию на историческую истину. Газетная, журнальная, телевизионная и радиопублицистика последовательно и настойчиво пытались ликвидировать белые пятна истории, задавая тон в историческом и политическом анализе. Наряду с этим отмечалась усталость от восприятия неоднозначных фактов, невозможность отделить правду от вымысла и, соответственно, падение доверия к источникам коммуникации. Это подтверждает и оценка студентами средств массовой информации по полноте и достоверности материала. Данные табл. 1 характеризуют отношение к СМИ со стороны практически потерявшихся в информационном буме студентов, при этом коммуникативная компетентность респондентов выражалась в неравномерном использовании различных медиа источников. Центральным средствам массовой ин-

формации доверяли менее половины студентов, местным 19 %, практически каждый четвертый считал достоверной информацию из СМИ капиталистических стран.

Таблица 1

Оценка (%) студентами достоверности средств массовой информации (1989 г.).

Центральные	Местные	Неформальные	СМИ соц. стран	СМИ кап. стран	Затрудняюсь ответить
44	19	11	4	24	32

Структура медиакоммуникаций студенчества включала печатные СМИ, которые использовали 72 % студентов, передачи по радио слушали 70 % студентов. Большой популярностью пользовалось радиовещание капиталистических стран, в первую очередь «Голос Америки».

Телевидение в этот период занимало первую строчку в рейтинге СМИ, телепередачи смотрели 95 % студентов. Местные телепрограммы вызывали симпатии в большей степени у 61 % студентов. При этом степень популярности СМИ различалась по регионам. Так, в Прибалтике местному ТВ доверяли 78 % молодежи, в Сибири 86 %, в Европейской части РСФСР – 50 %

Рейтинг печатных изданий, наиболее популярных у студенчества, выглядел следующим образом: первое место по степени обращения занимала «Комсомольская правда». Второе – «Аргументы и факты» Далее по частоте обращения, следовали журнал «Огонёк»; газета «Правда»; журнал «Юность» и «Литературная газета» Наибольшей популярностью у респондентов пользовались аналитические статьи по экономическому развитию и политике государства. Умами и душами молодой читательской и зрительской аудитории завладели экономисты.

Таким образом, молодежь 1989 г. активно функционировала в коммуникативном и социокультурном пространстве перестроечной России, а модели коммуникативного поведения «Поколения перемен» базировались на использовании разнообразных источников информации и коммуникативных связей. Кроме СМИ, структура межличностных коммуникаций студенчества включала участие в общественных организациях, в том числе и неформальных, посещение митингов и демонстраций. Коммуникативные действия студенчества и круг коммуникативных компетенций был непосредственно связан с публичной дискуссией по поводу настоящего, прошлого и будущего страны. А субъективный жизненный мир молодежи вращался внутри объективного и социального жизненного мира России.

Современное поколение студенчества, вполне можно назвать детьми перестроечного поколения. Поколение, социализация которого проходит в начале XXI в. имеет несколько названий: его называют

«центениалами», «поколением Z», «цифровым поколением» [Лисаускене, 2017, с. 199–206]. По результатам социологических исследований, представители данного поколения, не зависимо от страны проживания, имеют общие черты. Они связаны с тем, что центениалы – дети эпохи новых технологий, интернета и межкультурной глобализации. Молодые представители цифрового поколения имеют свой, непохожий на родителей жизненный мир. Они живут одновременно в виртуальном и реальном мире. Их ведущее измерение реальности – онлайн. Они обладают клиповым сознанием, и могут сконцентрироваться только на небольшой порции информации. Центениалы не являются идеалистами, для них характерен прагматичный и рациональный подход к жизни. Это проявляется во внешнем виде, в организации личного пространства, в отношении к деньгам и карьере.

Результаты исследования студентов ИГУ 2018 г. позволяют охарактеризовать жизненный мир университетского студенчества, и выявить круг коммуникативных источников, на котором он базируется. Рассмотрим модели коммуникативных действий студентов, мотивационным основанием которых является выбор вуза и специальности. Рейтинг источников выбора вуза подтверждает цифровую направленность студентов: 96,5 % респондентов отдает приоритет сайтам вуза в интернете, каждый третий социальным сетям. Практически не использовались респондентами печатные медиа, лишь 5 % отметили телевидение (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг источников информации при выборе вуза

Какие источники информации вы использовали при выборе вуза?	% от общего количества респондентов
Интернет, официальный сайт вуза	95,5
Социальные сети	34,9
День открытых дверей	33,9
Участие в олимпиадах вуза	11,5
Реклама вуза на стендах и банерах	11,5
Реклама в интернете	8,7
Выставки образовательных услуг	8,3
Телевидение	5,1
Встречи с работодателями	3,7
Проекты общественных организаций	2,8

Межличностные коммуникации также уступают в значимости интернет источникам, роль в них друзей и родителей отметили не более 10 %, общение с работодателями и выпускниками также находится в рамках 3–5 %. Но при окончательно выборе между несколькими вузами данный вид коммуникации, как отметили респонденты, сыграл реша-

ющую роль. Пространство социокультурных и медиакоммуникаций студенчества, по сравнению с предыдущими поколениями, стало менее разнообразным, а центром его притяжения становятся мультимедийные источники информации (табл. 3).

Таблица 3

Рейтинг источников коммуникации

Из каких источников вы узнаёте о событиях в стране и мире?	% от общего количества респондентов
Соц. сети, блоги	83,03
Интернет-сайты местные	66,51
Ближнее окружение	54,13
Преподаватели, однокурсники	46,79
Федеральные телеканалы	40,83
Интернет-сайты зарубежные	38,07
Региональные телеканалы	21,10
Радио	15,60
Местные, региональные печатные издания	13,76
Федеральные газеты, журналы	11,47
Зарубежные телеканалы	9,17
Зарубежные печатные издания	2,75

Наряду с этим практически половина студентов обменивается информацией с близкими, преподавателями и однокурсниками, выстраивая модели коммуникаций в университетской, семейной и городской среде. Несмотря на то, что в личных беседах студенты заявляют, что они не смотрят телевидение, 40,8 % респондентов включают федеральные и 21 % региональные телевизионные каналы в свое коммуникативное пространство и используют их для получения новостной информации. Значительно реже за получением информации молодежь обращается к радио и прессе. В современном медиапространстве молодежи лидирует экранная культура, состоящая главным образом из интернета и телевидения.

Сегодня среди маркетологов популярна модель коммуникации, называемая эффектом подкожного впрыскивания, когда процесс коммуникации рассматривается как «инъекция», с помощью которой вводится необходимая информация. Учитывая, что молодёжь активнее других пользуется медиа ресурсами, она должна быстрее других возрастных групп подсаживаться на ценности и модели поведения, внедряемые медиа средой.

В ходе исследования нас интересовало то, насколько реально зависят студенты от влияния виртуальной среды. В среднем наши респонденты тратят на интернет-коммуникации от трех до восьми часов в день. При этом мотивы получения информации из мультимедийного пространства достаточно разнообразны (табл. 4).

Таблица 4

Мотивы использования интернет-пространства

С какой целью вы используете интернет и компьютерные сети?	% от общего количества респондентов
Общение с друзьями, родственниками	95,41
Поиск материалов для учёбы	92,20
Скачиваю фильмы, книги, музыку	73,85
Просмотр новостной ленты	72,48
Выкладываю фото, видео	57,34
Для развлечения	55,05
Просматриваю видео-сюжеты	40,83
Для работы	39,45
Контакты с новыми людьми	37,61
Общаюсь по работе	29,36
Играю в компьютерные игры, квесты	17,43
Имею свой блог, группу	15,60
Зарабатываю деньги	13,76

Приоритетным является общение с друзьями и родственниками, практически не уступает ему использование виртуальной среды для получения знаний и поиска материалов для учебы – 92,2 %. Три четверти получают информацию из новостной ленты, скачивают книги, фильмы и видео, более половины используют виртуальное пространство для развлечения. Фото и видео также выкладывает каждый второй и только 17,4 % играют в компьютерные игры; 15,6 % имеют собственный блог или группу, а 13,8 % зарабатывают деньги в он-лайн пространстве.

Рейтинг использования социальных сетей и мессенджеров свидетельствует о том, что первое место принадлежит сети «Вконтакте», ее используют 97,25 %, далее следуют «Инстаграм» – 79,82 % и Youtube – 70,64 %. В пятерку популярных входят Viber – 62,39 % и «Твиттер» – 42,2 %. Каждый третий использует Telegram, WhatsAp и Facebook. Наименьшим спросом у студентов пользуются Google plus – 15,60 % и «Одноклассники» – 13,30 %

Следует отметить, что при всей популярности интернет-источников, утверждать, что они являются главным коммуникативным фактором, формирующим жизненный мир молодежи, нельзя. Об этом свидетельствует степень доверия респондентов к различным источникам коммуникации. Так, социальным сетям доверяют лишь 5 % респондентов, СМИ чуть более 1 %. Самый высокий рейтинг доверия молодежь отдает семье – 84 %. Несмотря на то что, каждый второй студент считает, что в сети всегда можно найти собеседника, а каждый третий видит в ней источник независимой и объективной информации, 45 % респондентов убеждены, что социальные сети манипулируют сознанием пользователей.

Противоречивое отношение к интернет-источникам со стороны студенчества подтверждают и ответы на вопрос «Что влияет на формирование ваших ценностей». Около 40 % студентов, не зависимо от курса и специальности, указали на интернет и социальные сети. При этом каждый пятый согласен с необходимостью введения цензуры в интернет-пространстве. Более трети заявили о влиянии кино. Остальные медийные источники оказывают незначительное влияние: роль телевидения подтвердили 6 %, прессы – 5,2 %, радио – 1,6 %

Таким образом, жизненный мир современного поколения студенчества формируется разнообразными видами социокультурной коммуникации в процессе реального и виртуального общения. Его становление происходит в первую очередь в семье, приоритетное влияние на него оказывают друзья, вузовская среда, включающая однокурсников, преподавателей и общественные организации вуза. Особенности коммуникативного поведения респондентов свидетельствуют об их осознанном и самостоятельном выборе. Социальные сети, мессенджеры и интернет занимают значительное место в коммуникативном ряду, в связи с этим присутствует и клиповое сознание. Так, молодежь предпочитает короткой видео и текстовой контекст, помещающиеся в экран телефона или планшета. Студенчество, по сравнению со школьной и рабочей молодежью, как более интеллектуальная и продвинутая ее часть, менее подвержена манипулированию и зомбированию. В то же время угроза колонизации жизненного мира студентов и попытки встраивания его во властную или политизированную матрицу культурно-информационных монополий или экстремистских организаций реально существует.

Литература

Лисаускене М. В. Политическая культура, общественные науки, социальная практика (соц. анализ, опыт). М. : Изд-во НИИВШ, 1989. 76 с.

Лисаускене М. В. Поколение Z в социокультурном контексте региона // Социокультурная динамика Иркутской области в XX – начале XXI в. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред А. В. Аргучинцева, И. А. Журавлёвой. Иркутск, 2017. С. 199–206.

Jiirgen Habermas. Theorie des kommunikativen. Handelns. 3. Auflage. Frankfurt am Main, 1985. Bd. l. S. 1534.

УДК 655.262.2

Я. Ю. Лисицина

«…БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНО ЗАЙТИ В РЕДАКЦИЮ» (О РАБОТЕ ХУДОЖНИКОВ В ИРКУТСКИХ ГАЗЕТАХ, 1920–1930-Е ГГ.)

Аннотация. Рассматривается начальный период становления советской иркутской газетной иллюстрации на примере газеты «Власть труда», впоследствии переименованной в «Восточно-Сибирскую правду». Рассматриваются различные виды газетной иллюстрации 1920–1930-х гг. На основе архивных данных прослеживаются жизненные пути основных мастеров газетной иллюстрации.

Ключевые слова: газетная графика, художники, «Власть труда», «Восточно-Сибирская правда».

Ya. Y. Lisitsina

"...without Delay go to the Editorial Office"
(on the Work of Artists in Irkutsk Newspapers, 1920–1930s)

Abstract. In article the initial stage of formation of the Soviet Irkutsk newspaper illustration on the example of the "Vlast Truda" newspaper subsequently renamed into "Vostochno-Sibirskaya Pravda" is considered. Different types of a newspaper illustration of 1920–1930 are considered. On the basis of contemporary records courses of life of the main masters of a newspaper illustration are traced.

Keywords: newspaper graphics, artists, "Vostochno-Sibirskaya Pravda", "Vlast Truda".

Газетная графика (карикатуры, иллюстрации, портреты и т. п.), выполняет значительную роль в визуальном строе печатного периодического издания. В наше время цифровые технологии предлагают широчайшие возможности для качественных дизайна и верстки газеты или журнала, но буквально недавно – в «докомпьютерную эру», когда практически все газетное оформление выполнялось вручную, роль художника, умеющего и писать шрифты, и выполнять иллюстрации, была велика. Со времен Гутенберга искусство оформления печатных полос было целиком в руках мастеров, впрочем, как и в догутенберговую эпоху рукописных книг. «В первых же книгах[1] к тому же большую роль играл ручной труд: гравюры, иллюстрации ручной работы, цветные надписи. Нарождавшаяся книгопечатная индустрия держала целый штат «рубрикаторов», рисовавших большие красные прописные буквы и вставлявших рукописные фразы, которым уделялось особое внимание», – пишет Уильям Бернстайн [Бернстайн, 2017, с. 210]. Появление литографии в конце XVIII в. решило важнейшую проблему одновременной печати и текста, и иллюстрации. «Но со временем метранпажи осознали необходимость красиво размещать иллюстрации. Именно тогда страница газеты обрела живую архитектонику, что способствовало диалогу с публикой, ставшему мощной основой современного издательского дела» [Жан, 2005, с. 113].

Несмотря на технологическое усовершенствование газетной печати, и в начале XX в. сохранилась острая потребность в художниках – они обслуживали практически все возникающие потребности издания: иллюстрировали, писали «шапки» изданий, отрисовывали элементы оформления. Нельзя отрицать важной роли художника и сейчас, но мало какое издание содержит в штате рисовальщика, острой необходимости в этом нет: можно купить (заказать) рисунок штучно у самого мастера, или на стоковых сайтах, да и возможности графических пакетов позволяют создавать полноценные коллажи, не выходя из стен редакции. Ситуация снижения регулярной востребованности художников наблюдается с 1990-х гг., когда редакции стали оснащаться новой для

[1] Речь идет о напечатанных Гутенбергом изданиях (прим. – *Я. Л.*).

Иркутска компьютерной техникой. В связи с вымыванием оригинального продукта художника с газетных полос, что обусловлено и технологиями, и требованиями времени, и соображениями экономии, особенно интересно вспомнить недавнее прошлое, понять – как работали художники в иркутских редакциях, потому что они представляли весьма важную и незаменимую часть коллектива, который трудился над выпуском советской газеты.

В Иркутске одним из основных печатных средств массовой информации периода становления советской власти являлась газета «Власть труда» (1918 (по н. с.) – 1930 гг.). На самом начальном этапе выпуска газеты графического оформления как такового (рисунков, фотографий) не было, а из оформительских элементов присутствовали декоративные рамочки на объявлениях и афишах. В связи с нестабильным политическим положением, выпуск газеты был прекращен летом 1918 г. и возобновлён после окончательного утверждения советской власти – в 1920 г. В первых же номерах появляются иллюстрации, которые, несмотря на ограниченное количество, разнообразны по тематике: это и рисунок взорванного чехами моста через Бирюсу в № 126 (2) от 10 апреля, и политические карикатуры, объединенные надписью «Пролетарская сатира» в № 127 (3) от 11 апреля, и там же небольшая антиклерикальная карикатура «Паук-крестовик», и фотография жертв Ленского расстрела (№ 134 (10) от 14 апреля). Стоит отметить, что все рисунки в газете не подписаны. Фамилия художника никак не обозначалась, но в 1918, 1920, 1921 гг. даже авторы текстов не всегда были отмечены: статьи могли быть вообще без подписи, либо подписаны монограммой или псевдонимом.

Регулярная публикация рисунков в газете началась с июня 1922 г. Появляются, хотя и не во всех номерах, работы открытой сатирической направленности (политические, антирелигиозные, на злободневную тему дня, местную тематику и пр.), а также графические портреты. Одна из первых политических карикатур – «Восточная пятерка» зафиксирована в номере № 130 (770) от 11 июня 1922 г. Характерно то, что все карикатуры имели одинаковую структуру построения: заголовок – рисунок – подрисуночная подпись в виде диалога либо разъяснительного текста. Иногда под крупным заголовком размещался подзаголовок либо цитата. Фигуры стилизованные, обобщенные, легко считывается тип персонажа: «хороший – плохой» в духе агитации того времени.

В октябре появилась карикатура «Добрый дядя», которая, наконец-то, имела подпись художника в виде аббревиатуры «БИС». В декабре рисунков не много – всего четыре, но они любопытны тем, что три из них подписаны художником весьма оригинальным образом: номером партийного билета: № 226 322. В результате запроса в Российский государственный архив социально-политической истории было выяснено,

что партийный билет № 226 322 (образца 1922 г.) принадлежал Бигосу Сергею Демьяновичу, который состоял на партийном учете в ячейке № 27 «Политуправления 5 Армии» Иркутской губернии. Известно, что художник С. Бигос (1895–1944), учившийся в 1908–1913 гг. в Киевском художественном училище, с 1915 г. становится военным и, в конечном счете, попадает в 1917 г. в Сибирь, сражается на стороне большевиков в составе РККА. В Иркутске с 1918 г., в 1920 – руководитель изостудии при политотделе 5-й Армии. Принято считать, что сотрудничать с газетой «Власть труда» он начал с 1923 г., но очевидно, что его работа началась с 1922 г.

О востребованности художников той поры говорит удивительное объявление, которое появилось в газете 26 декабря 1922 г. Крупными буквами была напечатана просьба к художникам Бигосу и Болдыреву-Казарину «…безотлагательно зайти в редакцию». Благодаря этому объявлению можно сделать вывод, что Д. А. Болдырев-Казарин, художник, краевед и искусствовед, который ввел в научный оборот в 1924 г. термин «сибирское барокко», также работал над оформлением газеты «Власть труда».

В 1923 г. особенно интересны в плане оформления тематические номера газеты: № 005 (945) от 7 января, вышедший в Рождество и полностью отданный антирелигиозной пропаганде и № 014 (954) от 21 января, посвященный 5-летнему юбилею со дня основания газеты. Если в первом случае в карикатурах чувствуется, в основном, твердая рука Бигоса, то в юбилейном встречаем и произведения других художников. На полосах газеты размещены портреты сотрудников редакции и причастных к изданию газеты: редактора Ржанова и др. И практически все они отмечены монограммой «К. М.». Это начальные буквы имени и фамилии художника-графика *Константина Владимировича Мозылевского* (1905–1948), который вместе с *С. Бигосом* был организатором и членом Иркутского литературно-художественного объединения (ИЛХО) в 1923 г. [Лыхин, 2002, с. 278]. Помимо работ С. Бигоса и К. Мозылевского в номере опубликована серия рисунков, объединенных темой выпуска газеты и подписанных «Рис. Я. Ажит». О художнике Якове Ажит практически ничего не известно, кроме того, что он участвовал в оформлении этого номера, а также № 2–3 и 4 журнала «Красные зори», который выпускало объединение ИЛХО [Там же, с. 243].

Если в 1920-х гг. художников зазывали в редакцию посредством объявления в газете, занимавшего пусть небольшую, но вполне ощутимую площадь, то в 1930-х трудовые отношения приняли вполне нормативный организованный характер, о чем свидетельствуют регулярные приказы по изданиям. Благодаря этим документам можно проследить – кто из художников числился в штате газет.

В 1930 г. в газету «Власть труда» на должность заведующего иллюстративным отделом газеты с окладом 250 руб. назначается художник-график Василий Анисимов (1905–1932). Как указывал сам художник в своей автобиографии, в газете он трудился с 1924 г., окончил в Иркутске художественные курсы ИЗО, состоял в обществе художников «Новая Сибирь», также работал в журнале «Настоящее». Именно он стоял у истоков создания организации художников в Иркутске в 1931 г., закончившегося провалом, несмотря на серьезные усилия организаторов.

Василий Анисимов 10 августа 1931 г. увольняется по собственному желанию, но потом все-таки возвращается и «зачисляется в штат редакции газеты «Восточно-Сибирская Правда» на должность художника … с оплатой сдельно % из гонорара». И через год, в 1932 г., примерно в этих же числах был издан очень печальный приказ № 133: «Художника т. Анисимова считать из редакции выбывшим ввиду смерти с 1 августа с. г.» Оргуправление иркутских художников, образованное от 21 июля 1932 г. для организации Краевого объединения художников Восточно-Сибирского края, выделило на похороны Анисимова 298 руб.: на оркестр 255 руб и на объявление в газете 40 руб. Первый абзац этого объявления в «Восточно-Сибирской Правде» (№ 173 от 2 августа 1932 г.) гласил: «Из рядов сибирских художников смерть вырвала молодого художника Васю Анисимова, отдавшего много работ иллюстрационной, газетной и журнальной графике». По словам его жены, художника Ирины Любошиц, работавшей в краевой крестьянской газете «За коллективизацию», Анисимов умер от туберкулеза, и причиной этой болезни послужила его служба в газете. В 1930-х изменился характер работы художников: ужесточается дисциплина, это уже не вольные работники, которых зазывают в редакцию, а управляемые винтики сложного механизма. Художники не только находятся в редакции, выполняя свои обязанности, сама их работа связана с частыми командировками, о чем и свидетельствуют постоянные приказы. Как отмечала Любошиц: «принимали участие в так называемой группе сотрудников газеты выездной редакции. Наша работа заключалась в том, что мы выезжали на отстающие участки для того, чтобы подтянуть их. Эта работа называлась тогда “буксир”. Кроме того, мы выезжали в села для проведения коллективизации. Мы выезжали на станцию Зима, Черемхово, Тайшет и др. и еще в села, названия которых я не помню. Так как там не было цинкографии, мы делали плакаты на линолеуме в одну-две краски. И, кроме того, иллюстрировали маленькую газету, которую выпускала наша выездная редакция». В одной из таких поездок в Тайшет, «Вася и простудился, и заболел тяжелой пневмонией, которая перешла в скоротечный туберкулез» [Дело И. А. Любошиц].

Возможно, в связи с постоянными отъездами художников, наполнение рисунками в 1931 г. не было ровным: в каких-то номерах газеты

присутствовала всего одна иллюстрация (№ 59 от 14 марта 1931 г.), в других – большое количество рисунков разных мастеров, судя по стилю исполнения (17 единиц, № 1 (104) от 1 января 1931 г.) Иллюстрации, как правило, не подписывались, и авторство установить проблематично. Но на одной из карикатур № 65 от 22 марта 1931 можно увидеть аббревиатуру «ВА», что означает, вероятнее всего, авторство Василия Анисимова.

Служба в газете давала художникам некоторую стабильность в материальном плане. Оклад заведующего художественной частью – 250 руб., что было не мало и не много для работника редакции, если исходить из того, что ответственный редактор получал 380 руб., а машинистка – 200 руб. Зарплата же штатного художника была ниже, например, в газете «За коллективизацию» в 1931 г. месячный оклад равнялся 100 руб., а в газете «Восточно-Сибирский комсомолец» – 120 руб. В этом же году были подняты расценки за иллюстрирование. Так, «карикатура на 2 колонки – 10 руб.», «заголовки на линолеуме на 7 колонок 15 руб.», «фотомонтаж на полосу 50 руб.». Вопрос тарифов и оплаты труда художников волновал, его поднимали даже на первой конференции художников Восточно-Сибирского края (1933 г.). Так, художник Гвоздев сообщил: «Есть положение, что художник служит штатным, полагается согласно тарифу 2 ½ месяца отпуска и поездка в центр. Когда составляешь договор, редакция подписывает, а потом хозяйственники начинают отнекиваться, не признают тарифа, упирая на то, что зарисовки делаются быстро. Не было организованных связей среди художников, которая выработала бы тарифы». При этом отношение к трудовой дисциплине у художников ровным не было. Так, к примеру, было приказано «художника редакции т. Голованова за систематический прогул из редакции уволить с обязательством освобождения занятой им без разрешения квартиры. Расчет с Голованoвым не производить пока не освободит квартиру». А приказ № 4 от 21 августа 1932 г. гласил, что «зав. художественной частью тов. Прушинского с 18 августа считать не вышедшим на работу». Прушинский был личностью заметной: входил в то самое оргуправление союза иркутских художников, которое отвечало за подготовку I Краевой конференции художников Восточно-Сибирского края, а также в первое правление иркутского союза художников (1932 г.) В 1933 г. он оформил книгу И. Молчанова-Сибирского «Милая картошка». Вместо Прушинского на должность «с выплатой 250 руб.» был временно назначен художник Голованов, работающий на гонорары. Также в штат были зачислены художниками-ретушерами Дубинский и, временно, Леонид Залетов. Дубинского уволили буквально через полмесяца в «виду подачи недоброкачественной работы», Прушинского тоже – «из-за невыполненного задания», а Залетова не только зачислили в штат, но и поставили на должность заведу-

ющего художественной частью с окладом 250 руб. Также известно, что он был премирован за хорошую работу 150 руб. То, что Залетов укрепился в газете – неудивительно, он являлся действительно талантливым художником, хотя и неоднозначной личностью. По воспоминанию художника В. Ф. Мигаева, Леонид Залетов был человеком пьющим, но очень способным и востребованным: «Его хорошо знали в городе, он был вхож в горком, крайком, да это и понятно. Его знали чуть ли не все милиционеры, хозяйственники и коменданты, которые очень часто имели с ним дело перед революционными праздниками. Леня выполнял многие заказы по оформлению зданий, особенно когда требовались портреты вождей <…>. Работал Залетов, так сказать, во всех видах и жанрах. Способен был выполнять графические заказы для издательств, писать декорации для театра, работал в редакции газеты» [Дело В. Ф. Мигаева]. Леонид Николаевич Залетов стал членом Союза советских художников в 1936 г., но стаж художника исчислял с 1928 г., участвовал в выставках организации. Погиб на фронте в начале Великой Отечественной войны.

Многие иркутские художники, работавшие в редакциях газет в 1930-х гг., стояли у истоков профессиональной организации художников, берущей свое начало с 1932 г. и в 1933 г. расширившейся до ВСКРаССХ (Восточно-Сибирский краевой союз советских художников). В основном, это были графики, работавшие не только в жанре газетной и книжной иллюстрации, но и выполняющие станковые композиции, в том числе и в живописной манере. Картины экспонировались на различных художественных выставках ВСКРаССХа. При этом основное поле профессиональной деятельности, позволяющее иметь доход, лежало именно в плоскости работы в редакциях газет, что было весьма немаловажно, так как контрактации и закупки работ в 1930-х гг. не давали необходимой материальной стабильности. Несмотря на жесткие ограничения в темах, цензуру и заказной характер, газетные рисунки имели индивидуальный характер и были выполнены на высоком профессиональном уровне.

Литература

Бернстайн У. История массмедиа в древнейших времен и до наших дней. М. : АСТ, 2017. 512 с.

ГАНИИО. Ф. 5030. Оп. 1. Д. 1. Типография издательства газеты «Восточно-Сибирская Правда». Приказы по редакции газеты «Власть труда».

ГАНИИО. Ф. 5030. Оп. 1. Д. 3. Типография издательства газеты «Восточно-Сибирская Правда». Приказы по редакции газеты «Восточно-Сибирская Правда».

ГАНИИО. Ф. Р-2802. Оп. 1. Д. 6. Сметы на 1938 г.

ГАНИИО. Ф. Р-2803. Оп. 1. Д. 7. Материалы первой Краевой конференции художников Восточно-Сибирского края.

Дело В. Ф. Мигаева. [В. Ф. Мигаев. Воспоминания о художниках. Стахановская командировка : на правах рукописи] // Арх. ИОХМ им. В. П. Сукачева.

Дело И. А. Любошиц [Письмо И. Любошиц к А. Д. Фатьянову от 09.09.81] // Арх. ИОХМ им. В. П. Сукачева.

Жан Ж. История письменности и книгопечатания. М. : АСТ : Астрель, 2005. 224 с.

Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX в.) : монография. Иркутск : Архитект.-этногр. музей «Тальцы», 2002. 334 с.

Список сокращений

ГАНИИО. Государственный архив новейшей истории Иркутской области.

ИОХМ. Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева.

ВСКРаССХ. Восточно-Сибирский краевой союз советских художников.

УДК 821.161.1.09

В. Попель-Махницки

Поляки на службе в Российской империи (На примере судьбы Бронислава Громбчевского)

Аннотация. История показывает, что между Польшей и Российской империей было множество конфликтов различного рода. Раздел Польши вызвал многочисленные восстания, направленные на восстановление свободы. Эти восстания привели к переселению поляков в отдаленные районы России. Следует отметить, что некоторые поляки добровольно предлагали свои услуги империи Романовых. Такие действия считались изменой после восстановления независимости. Жизнь Бронислава Громбчевского показывает, что можно было служить России, не предавая интересов Польши.

Ключевые слова: империя Романовых, поляки, Бронислав Громбчевский, Центральная Азия, путевой дневник.

V. Popel-Makhniski

Polish People on Duty in Russian Empire (on the Example of Biography of Bronislav Grombchevski)

Abstract. History shows that there were numerous conflicts of various kinds between Poland and the Russian Empire. The partition of Poland caused many uprising movements aiming at restoring freedom. These rebellions led to the resettlement of Poles to remote areas of Russia. It should be stated that there were some Poles who voluntarily offered their services to the Romanov Empire, though. Such actions were considered treason after the restoration of independence. The life of Bronislav Grombchevsky shows that it was possible to serve the Russians without turning your back on Poland.

Keywords: the Romanov Empire, Poles, Bronislav Grombchevsky, Central Asia, travel journal.

Историческим соотношениям между Польшей и Российской империей сопутствовали неоднократные войны и восстания, причиной которых была, прежде всего, борьба поляков за свободу разоренной родины. В итоге этих свободолюбивых порывов вглубь царской России ссылали военнопленных. После ноябрьского восстания 1830–1831 гг. в Сибирь и на Кавказ было отправлено царскими властями от 20 до 30 тысяч солдат и офицеров польской армии и приблизительно 20 тыс. гражданских лиц. Более значительное количество ссыльных, около 40 тысяч, попало в Сибирь после январского восстания, которое вспыхнуло в 1863–1864 гг. [Zarys dziejów polskich ... , 2009, с. 7–8]. Во второй половине XIX в., после объявленных амнистий, те которые дожили, могли вернуться на родину. Не все, однако, предприняли такую

возможность. Часть ссыльных за годы пребывания в России успела ассимилироваться, поэтому они решили остаться.

Необходимо подчеркнуть, что поляки не только воевали с Российской империей. Многие из них приняли решение реализовать свои собственные планы, отождествляя их с работой для будущей независимой родины. Здесь нет возможности, чтобы перечислить имена хотя бы части выдающихся поляков, которых личная судьба не сводилась в сторону баррикад. Таких людей было много и они знали, что в России смогут развивать различные таланты, начиная в торгово-экономической сфере, чиновничьей службе, художественной деятельности – в области живописи, музыки, литературы, работая в различных отраслях науки, а заканчивая на военной службе, которая неоднократно связывала людей с дипломатией. Поляки, одним словом, своей деятельностью вписывались в развитие Российской империи, что не всегда заканчилваось их положительной оценкой в будущем – уже в возрожденной Польше. Необходимо здесь учесть, что своими жизненными выборами заслужились они для обоих народов. Важным фактом является также то, что многие поляки, служившие для России, никогда не отказывались от своего польского происхождения.

Прекрасным примером такой истории и таких моральных и жизненных выборов является судьба Бронислава Громбчевского.

Бронислав Громбчевский родился в Литве в 1855 г. в шляхетской семье с глубокими патриотическими традициями. Его отец, Людвиг Громбчевский, был активным участником январского восстания, в итоге его сослали в Сибирь, родовое имение подверглось конфискации, а жена Людвига – Эмилия и их шестеро детей были вынуждены покинуть Литву и поселиться в Варшаве. Вероятно, из-за фатальной материальной ситуации, в которой очутилась вся семья, Бронислав решил вступить в армию, здесь отправили его в офицерскую школу, после которой он был выслан в Туркестан. Службу в царской армии разделили многие другие польские ровесники Бронислава, так как это неоднократно было единственной возможностью для детей дворянских семьей, чтобы продолжать образование и в дальнейшем обеспечить себе нормальные материальные условия. Необходимо добавить, что Громбчевский в армию поступил вольноопределяющимся, что, как он предугадывал, могло позволить ему в выборе подразделения, в котором придется ему служить. В опубликованной уже после его смерти автобиографии, озаглавленной «Na służbie rosyjskiej» (1926)[1], во вступительной главе появилась информация, что Громбчевский обещал свое-

[1] Книга была переведена на русский язык и издана в 2016 г. См.: Громбчевский Б. Л. На службе российской : фрагменты воспоминаний / пер. с пол. М. Г. Леонов ; лит. ред., пер. Е. Г. Королькова. М., 2016. 262 с.

му отцу никогда не поднимать оружия против своих соотечественников. Чтобы быть верным принятой присяге, в 1875 г. после офицерского экзамена он постарался, чтобы его дислоцировали в Центральной Азии [Grąbczewski, 1990, p. 5].

Самый активный период жизни Громбчевского это 80-е и 90-е гг. XIX в., когда он взял участие во многих экспедициях в высокогорные районы Тянь-Шаня, Памира, Каракорума и Куньлуня, которые принесли ему всемирную известность, помогая, конечно, в ускорении карьеры в армии. В 1885 г. он отправился в деловую миссию в Кашгар. В 1886 г. он исследовал Тянь-Шань и реку Сырдарья, а два года спустя отправился в Канджут, где провел несколько месяцев в бассейне верхнего Инда. Все это вызвало восхищение среди русских генералов, одновременно сея панику британцев, которые начали считать, что русские нарушили свою сферу влияния в этой части мира. В 1889 г., уже прославившись репутацией великого путешественника, Бронислав Людвигович организовал крупнейшую экспедицию в Кафиристан в Афганистане. Правда ему не удалось достичь этой цели, но вместо этого он исследовал неизведанные пограничные районы Тибета и южного Кашгара.

Экспедиции, проведенные Громбчевским в 1888–1890-х гг., имели две основные цели. Официально это были научные экспедиции под патронажем Императорского Русского географического общества, и их главная задача состояла в том, чтобы изучить неисследованные районы Средней Азии. Это была лишь часть правды. Под видом научной деятельности Громбчевский проводил военную разведку приграничных районов, на которых столкнулись великодержавные интересы Британской империи и царской России. Ради полноты, следует сказать, что англичане одинаково маскировали свои намерения. Пребывавшие в «отпуске» офицеры Чарльз Сперлинг Камберленд и Гамильтон Бовер отправились в эти районы в качестве страстных охотников, а знаменитый Фрэнсис Эдвард Янгхазбенд играл аналогичную роль, как и Громбчевский. С военной точки зрения глубокая разведка Громбчевского только подтвердила, что массивные горные хребты, разделяющие российское и британское владения, практически предотвращают крупные военные операции. С другой стороны, политические последствия его миссии были более серьезными. Деятельность Бронислава Людвиговича побудила российские власти занять часть Памира и вести переговоры с британцами о ходе границ спорных территорий. Во всяком случае, эти начинания оказались настолько прочными, что по сей день, они отмечают границы Таджикистана, Кыргызстана, Афганистана, Пакистана и Китая [Pleskaczyński, Popiel-Machnicki, 2017, p. 182–183].

После этих успехов карьера Громбчевского явно ускорилась, и он сам достиг высоких и престижных должностей в государственной администрации и армии, в том числе звание генерал-лейтенанта, которое

позволило ему стать губернатором Астрахани и атаманом Астраханского казачьего войска. После ухода на пенсию он вернулся в 1910 г. в Варшаву, где вел до Первой мировой войны стабильную жизнь. Военные потрясения заставили его эвакуироваться опять в Россию. В разгар большевистской революции, которая разрушила весь его нынешний мир и лишила его почти всех жизненных достижений, он вынужден был вернуться в Польшу.

В только что возрожденной Польше его финансовое положение стало драматичным. Лишенный царских привилегий и, прежде всего, генеральской пенсии, он был вынужден найти себе занятие, приносящее доходы. Именно так началось его недолговременное, но чрезвычайно эффективное приключение с литературой. Первоначально он начал описывать и публиковать фрагменты своих азиатских воспоминаний в газетах. Потом пришло время на более крупные произведения. В 1924 г. на книжном рынке появилась первая из трех самых известных книг, написанных Громбчевским: «Кашгар. Страна и люди. Путешествие в Центральную Азию»[1] [Grąbczewski, 1924], выпуск которой оказался издательским успехом. Через год были опубликованы еще два тома воспоминаний: «Через Памир и Гиндукуш к руслу реки Инд»[2] [Grąbczewski, 1925a] и «В пустынях Раскема и Тибета»[3] [Grąbczewski, 1925b], а также «Охотничьи воспоминания»[4] [Grąbczewski, 1925c] – небольшая книга, в которой Бронислав Людвигович поделился с читателем своей охотничьей страстью. Без сомнения можно сказать, что в это время восхищение книгами Громбчевского достигло в Польше зенита. К сожалению, 27 февраля 1926 г. больной путешественник умер, не закончив свою последнюю книгу. Речь идет о выше упомянутой работе: «На службе российской». Этот труд, конечно, вызвал самые большие эмоции среди польских читателей, потому что в нем описывалась служба Громбчевского у бывшего захватчика.

Описывая свои воспоминания, Громбчевский опирался на статьи и доклады, опубликованные в ежегодниках Русского географического общества, но и, конечно, ссылаясь на собственную память. В случае экспедиции 1888 г. он, как предполагается, располагал машинописной копией своего путевого журнала. Однако, что касается самой важной экспедиции, которой генерал руководил с 1889 по 1890 г., то у него не было доступа к рукописной версии «Дневника» путешествия, так как этот документ остался в России и в виде копии был депонирован в архивах петербургского отдела Русского географического общества. В

[1] Перевод названия мой. – *В. П.-М.*
[2] Перевод названия мой. – *В. П.-М.*
[3] Перевод названия мой. – *В. П.-М.*
[4] Перевод названия мой. – *В. П.-М.*

течение многих лет «Дневник» был признан советскими властями как документ, к которому нет доступа. Он касался районов Центральной Азии, которые по-прежнему были стратегическими для СССР. До недавнего времени машинопись «Дневника» экспедиции из 1888 г. и рукопись «Дневника» экспедиции из 1889–1890 гг. были строго регламентированы[1].

Польские исследования этих документов были ограничены поверхностным осмотром, проведенным в 1960-х гг. профессором М. Флешаром из Познаньской высшей экономической школы. Ученый убеждал о необходимости сделать усилия, связанные с возможностью приобретения рукописи Громбчевского, сделать их перевод и опубликовать в Польше. Ученый подчеркнул, что в XIX в. в Польше не так уж много было путешественников масштаба Громбчевского и популяризация его достижений были бы большой поддержкой для польской географии [Fleszar, 1962, p. 733–737].

Трудно не согласиться с мнением Флешара, но следует добавить, что ценность этих дневников касается не только географии, но и многих других областей науки, включая литературоведение и историю. Лишенная доступа к этим материалам, литературная критика и мир науки могли только ознакомиться с теми работами Громбчевского, которые он писал в межвоенный период на польском языке. Уже тогда литературные ценности генерала были замечены. Ю. Эйсмонд подчеркивал, что Громбчевский это великий прозаик и самый выдающийся писатель-путешественник последних времен [Ejsmond, 1925, p. 3]. С полной ответственностью можно согласиться с вышеуказанным мнением критика, добавляя, что на таком же уровне написаны на русском языке дневники путешествий Громбчевского, хранящиеся в русских архивах.

Копия «Дневника» экспедиции в Дарваз, на Памир, в Раскем и Северо-Западный Тибет, совершенной Громбчевским в 1889–1890 гг. это документ, своим объемом превышающий 900 рукописных страниц. Ознакомление с этим материалом позволяет еще раз взглянуть на биографию этого выдающегося путешественника.

Читая и анализируя этот труд Громбчевского в некоторых случаях трудно четко указать, какая информация является личной, а какая имеет значение разведывательное. В конце концов, сведения о здоровье и

---

[1] Впервые экспедиционные документы Громбчевского были опубликованы в России в: Дервиш Гиндукуша: путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б. Л. Громбчевского / сост.: М. К. Басханов, А. А. Колесников, М. Ф. Матвеева. СПб., 2015. 376 с. За пределами России в: Popiel-Machnicki W., Pleskaczyński A., Pleskaczyńska K. Podróże nieodkryte: dziennik ekspedycji Bronisława Grąbczewskiego 1889–1890 jako świadectwo historii i element dziedzictwa kulturowego. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2017. 595 c.; Попель-Махницки В., Плескачиньски А., Плескачиньска К. Неоткрытые путешествия: дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 гг. как свидетельство истории и элемент культурного наследия. Poznań, 2017. 601 c.

самочувствии путешествующих людей в высоких горах, представляют собой ценную информацию для военных, тем более, если в них говорится о возможностях ведения боевых действий в таких неблагоприятных районах. В «Дневнике» информаций о характере чисто шпионским немного, хотя, конечно, и такие встречаются. Громбчевский описывает военное значение встречаемых по дороге крепостей и их экипажа. Например, 19 июля 1889 г. пребывая в бекстве Ванчь, появилась такая аннотация: «Правитель страны живет в крепостце, построенной еще прежними владетелями страны и пришедшей в полное разрушение. Башенки и стены полуразвалились и крепостца военного значения не имеет» [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017, с. 101]. Генерал записывал любую информацию об отношении туземного населения к России, Великобритании и местной китайской администрации. В целом, однако, информация Громбчевского, с точки зрения планировщиков Генерального штаба, считались, чаще всего вторичной. Гораздо более высоко оценивалась собранная им научная информация.

В этом контексте «Дневник» показывает читателю, что Громбчевский это человек, полностью посвященный своей миссии, решительно подчеркивающий свою роль, официально порученную ему Императорским Русским географическим обществом. Подчеркнуть здесь необходимо, что на страницах дневниковых записей, излагаемых от первого лица, почти нигде нет никакой автобиографической информации. Громбчевский только два раза лаконично упомянул свою старую мать. Ярким примером такого выбора повествования о себе является упоминание 30 июня 1889 г: «сегодня именины моей матери: помянул я неоднократно старушку» [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017, с. 35] или заметка о направлении письма матери – Эмилии Громбчевский: «Сегодня отправил почту в Бухару. Письма Э. Г. Громбч» [Там же, с. 119]. Эти примеры доказывают, что генерал не хотел писать о своей семье, хотя анализ его воспоминаний позволяет утверждать, что он никогда не отказались от своего польского происхождения.

Следует здесь обратить внимание на личные признания литературного героя Громбчевского касающиеся аспекта его религиозности. Бронислав Людвигович никогда не отказывался от католицизма, хотя ему предлагали принять православие. Л. Горизонтов, высказываясь на эту тему, подчеркивает, что «Когда вначале 90-х гг. заслуженный генерал Б. Громбчевский хлопотал о вступлении в наследство имениями в Ковенской губернии, переходившими не по прямой линии, высокопоставленные доброжелатели посоветовали ему принять православие, что позволяло обойти закон в порядке высочайшей милости» [Горизонтов, 1999, с. 105–106]. В своих мемуарах «На службе российской» путешественник сам вспоминал: «В конце сентября Государь возвратился в

Петербург, а 3 октября была назначена официальная аудиенция по поводу моего назначения. Я прибыл на нее в мундире астраханских казаков, с булавой полного гетмана в руках. Государь принял меня очень любезно, поздравил с назначением и сказал: – Я долго думал, но затем выбрал вас на должность полного гетмана, хотя ни при моей власти, ни при святой памяти родителя моего и деда и, насколько помню, и прадеда не было такого случая, чтобы поляка и католика когда-либо именовали гетманом казацким, который является опорой трона и династии» [Громбчевский, 2016, с. 175]. Громбчевский хорошо знал и понимал, что католическая религия является тем, что связывает его с польской традицией и культурными корнями его предков. Из рассматриваемого «Дневника» вытекает, что путешественник к религии имеет сугубо важное, если можно так сказать «официальное» отношение: являясь командиром, Громбчевский всегда помнит важные даты, прежде всего связанные с царской семьей, которые отмечает вместе со своими подчиненными молитвой. Примером может послужить запись от 30 августа 1889 г.: «Дневка на урочище Кинг-Шивыр. Сегодня по случаю Тезоименитства Государя Императора – полный отдых. В 9 ч. утра люди в чистых гимнастических рубашках, новых брюках и сапогах, вымытые, выбритые выстроились перед своею палаткой. Поздоровавшись, я скомандовал: “На молитву, шапки долой!”, и мы сообща пропели Отче наш, Спаси Господи, Радуйся Благодатный и многолетие Государю и Царствующему Дому» [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017, с. 180]. Совершенно другая «религиозная» картина касается Громбчевского, как обычного человека, который признает свои слабости в трудные моменты экспедиции. В страшные декабрьские морозы 1889 г. экспедиция очутилась в безвыходном положении, пробираясь в Полу. Смертельную опасность Громбчевский прокомментировал так: «Я чувствовал всю тяжесть ответственности за принятое решение и внутренне жестоко терзался. Будучи всю жизнь маловерующим, я в эти тяжелые минуты горячо молился Богу и просил заступничества Пресвятой Богородицы, дабы Промысел направил мое решение в надлежащую сторону» [Там же, с. 362–363]. В приведенном выше фрагменте подчеркивается, что читатель имеет дело с храбрым, целенаправленным человеком, который одновременно является ответственным за своих людей. Конечно, «польским» акцентом является желание повествователя молиться Пресвятой Деве Марии, что очень близко католическому культу Богоматери и традиционному вероисповеданию поляков.

Громбчевский был сильным и хорошим командиром и к тому же справедливым человеком. Он не мог проявлять никаких слабостей в отношениях с подчиненными, и в случае любого неповиновения он часто использовал радикальные методы, даже с телесным наказанием включительно. Он также действовал решительно в отношениях с местным

населением, если появлялась реальная угроза, касающаяся успеха его миссии (например, проблемы при поставке продовольствия для экспедиции). Следует упомянуть, что он всегда справедливо и немало платил за все.

Для Громбчевского большим успехом являлось то, что ни в одной из своих многочисленных экспедиций он не был вынужден использовать оружие в контактах с туземцами, а подчеркнуть здесь надо, что кровавые инциденты в те времена были скорее правилом, чем исключением. Историческая реальность или так называемый мужской мир, в котором участвовал Громбчевский, часто был брутальным и жестоким. Бронислав Людвигович по всей вероятности очень старался, чтобы российское начальство не было вынуждено оценивать его функцию командира в контексте случаев лишнего кровопролития. Он был поляком, который не хотел, чтобы кто-либо подвергал характер возглавляемой им экспедиции и лояльность к российскому государству. На такую службу он решился сам, несмотря на то, что русским он никогда не чувствовал себя. Во время встречи его людей с британской экспедицией была сделана совместная фотография, которую путешественник прокомментировал, подчеркивая, что одним из сфотографированных является поляк, имея себя в виду. Необходимо добавить, что российский консул в Кашгаре, Николай Петровский, в официальных сообщениях в Санкт-Петербург писал также о Громбчевском как о поляке. Вышеприведенные факты ясно показывают, что довольно широко распространенное в Польше суждение, что Громбчевский это отступник – необоснованно. Вышеприведенные примеры доказывают, что Бронислав Громбчевский был лояльным подданным Империи Романовых, но он не потерял свою польскую национальную идентичность.

Литература

Горизонтов Л. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М. : Индрик, 1999. 272 с.

Громбчевский Б. Л. На службе российской: фрагменты воспоминаний / пер. с польск. М. Г. Леонов ; лит. ред. пер. Е. Г. Королькова. М. : Науч. мир, 2016. 262 с.

Попель-Махницки В., Плескачиньски А., Плескачиньска К. Неоткрытые путешествия: дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия. Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 2017. 601 с.

Ejsmond J. Odysseja nieznanego Wschodu // Wiadomości Literackie. 1925. N 4 (56). P. 3.

Fleszar M. Rękopisy Br. Grąbczewskiego w Towarzystwie Geograficznym ZSRR // Przegląd Geograficzny. 1962. N 34. P. 733–737.

Grąbczewski B. Kaszgarja. Kraj i ludzie. Podróż do Azji środkowej. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1924. 246 p.

Grąbczewski B. Przez Pamiry i Hundukusz do źródeł rzeki Indus. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1925a. 226 p.

Grąbczewski B. W pustyniach Raskemu i Tybetu. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1925b. 240 p.

Grąbczewski B. Wspomnienia myśliwskie. Warszawa : Gebethner i Wolff, 1925c. 104 p.

Grąbczewski B. Na służbie rosyjskiej. Fragmenty wspomnień, Warszawa : Prześwit 1990. 143 p.

Pleskaczyński A., Popiel-Machnicki W. Polski ślad w „Wielkiej Grze”. Autobiograficzne dzienniki podróżne Bronisława Grąbczewskiego // Twórczość autobiograficzna na Bliskim Wschodzie oraz w Azji Środkowej / pod red. Graczyk A., Krenz J., Maśko A. Poznań : Katedra Studiów Azjatyckich UAM, 2017. P. 181–190.

Zarys dziejów polskich zesłańców do Rosji i Związku Sowieckiego (XVII–XX w.) / sost. R. Stawicki Warszawa : Kancelaria Senatu, 2009. P. 7–8.

URL: https://www.senat.gov.pl/gfx/senat/pl/senatopracowania/69/plik/ot-571.pdf (дата обращения: 10.04.2018).

УДК 070

Т. Д. Романцова

Редакторская идентичность как стимул дискуссий о медиатексте в региональном поле массовой коммуникации

Аннотация. Все чаще в региональных средствах массовой коммуникации предметом группового обсуждения становится широко понимаемая эстетика контента – верифицируемость и качество представления фактической информации, мастерство воплощения модели события в речевую форму, композиционно-логические и культурно-речевые достоинства и недостатки публикаций. Обсуждение профессиональных проблем происходит на личных и групповых страницах в популярных социальных сетях. Создателями аккаунтов становятся редакторы региональных средств массовой коммуникации – информационная элита, для которой характерно «осознанное владение смыслами выполняемой работы» (Л. Б. Шнейдер), т. е. профессиональная идентичность.

Цель исследования – рассмотреть интернет-дискуссии о медиатексте, инициированные редактором информационного агентства «Байкал Инфо», как продукт профессиональной идентичности руководителя издания и средство ее совершенствования.

Ключевые слова: региональные СМК, социальные сети, редакторская идентичность, эстетика медиатекста.

T. D. Ronantsova

The Identity of the Editor as a Cue for Discussions on Mediatext in the Field of Regional Communication

Abstract. More and more often in regional means of mass communication the subject of group discussion is widely understood aesthetics of content – verifiability and quality of presentation of factual information, mastery of the embodiment of the event model into speech form, composition, logic and cultural and speech advantages and disadvantages of publications.

Discussion of professional problems occurs on personal and group pages in popular social networks. Creators of accounts are, among others, the editors of the regional means of mass communication – the information elite, which is characterized by “conscious mastery of the meaning of the work” (L. B. Schneider), i.e. presence of professional identity.

The aim of the research is to consider Internet discussions about the media text initiated by the editor of the information agency “Baikal Info”, as a product of the professional identity of the head of the publication and a means of improving it.

Keywords: regional MMC, social networks, editorial identity, media text aesthetics.

Редакторы региональных средств массовой коммуникации (СМК) – местная информационная элита – формируют контент, стоят на страже редакционной политики издания, пытаются совместить потребности собственников медиаисточника и интересы аудитории. Точкой совпадения интересов владельца, требований редактора и ожиданий читателя является качественный медиапродукт. Для собственников

и заказчиков он должен быть действен и результативен, для редактора – концептуально безупречен и эффективен, для пользователя – содержателен и эстетичен. Однако технологические сложности и субъективные проблемы довольно часто мешают «контролирующей» стороне воплотить интенции коммуникантов. Связанная с этим профессиональная и личностная неудовлетворенность заставляет редактора искать причины неудач, жаждать объективной оценки продукта, анализировать допущенные промахи.

На официальном сайте, где редакция представлена как производитель и издатель информации, не принято разбирать технологические тонкости создания контента. Поэтому повседневная редакционная прагматика заставляет «контролирующую» персону создавать актуальные коммуникативные площадки. Такими локациями становятся индивидуальные и общедоступные страницы в соцсетях, где редактор присутствует не только как творческая личность и член корпоративного сообщества, но и как речевая персона, создающая вторичную продукцию на основе публикационного прецедента, реагирующая на текст собственного издания как на чужой.

Блоговая активность, порожденная желанием создать эффективную дискуссию, рождает вторичный «совокупный супермедиатекст» – пост или перепост с комментариями, обладающий «определенной культурно-системной целостностью и рядом структурных и контентных констант в кросс-темпоральном развитии» [Мокробородова, 2016, с. 42–43]. При этом вторичный медиатекст персонального аккаунта и вторичный медиапродукт группового блога получают несинхронные характеристики. Групповой блог в соцсети, созданный в том числе и для профессионального обсуждения контента, почти полностью лишается разнопредметности, отходов от первоначальной коммуникативной задачи. Такой системный совокупный текст приобретает отличительное качество – он менее подвержен общей тенденции размывания «текстового канона интернетных массмедиа в параметрах когерентности» [Там же, с. 43]. Кроме того, важно, что в групповой совокупный текст социальной сети самими профессионалами вовлекаются сведения о внутренних редакционных процессах, творческих пристрастиях авторов, проблемах порождения и восприятия текста. Так, общедоступная группа «Информационное агентство “Байкал Инфо”», открытая редактором «Байкал Инфо» Светланой Бурдинской и на середину мая 2018 г. насчитывавшая 3 244 участника, в качестве предмета публичного обсуждения предлагает «только эксклюзивные новости от ИА “Байкал Инфо”, интересные цитаты влиятельных лиц, курьезные случаи из журналистской жизни, ляпы. Все, что не найдете у других!» [Общедоступная группа …].

Организатор общедоступной группы в соцсети идентифицирует себя с социально-профессиональной стратой, разделяя ее цели, принципы, проявляет себя в определенной социальной роли, интегрирует профессиональные качества, ценности в субъектные и личностные характеристики, в результате чего «как субъект социального действия… утверждает и развивает себя» [Идентичность: социально-психологические ... , с. 40] – приобретает и совершенствует идентичность.

И личностный, и социальный компоненты идентичности редактора подразумевают «“обсуждение” своего уникального Я в социальной среде своего функционирования» [Там же, с. 42], надежду на более эффективное «осуществление… своей жизнедеятельности», радость и уверенность «в своём положении, так как благодаря идентичности оно представляется более прочным и надёжным» [Колесов, 2004, с. 16]. Обладание личностной и социально-профессиональной идентичностью позволяет С. Бурдинской, инициатору обсуждений новостного контента информационного агентства (ИА) «Байкал Инфо» в персональном и групповом блогах «Фейсбука», со знанием дела акцентировать в своей работе – «охоте за новостями» – отрицательные и положительные моменты: «…приходится быть в информационном потоке круглые сутки (да, да, во сне тоже приходится писать новости), перелопачивать тонны информационной руды в поисках алмаза, ловить новости из воздуха, слышать их на скучном заседании и в разговоре двух чиновников в коридоре власти, видеть их в официальных документах и в объявлении на столбе <…> сделать быстрее, интереснее всех, найти то, что никто не нашёл, видеть и заметить то, что никто не видит и не замечает. И при этом не ошибиться. И выстроить факты так, чтобы было видно авторское отношение к событию/заявлению. И знать, что случится завтра и через месяц. И быть очевидцем этого. У нас интересная работа, дающая такие навыки и знания, что после новостей можно успешно работать в любых СМИ, пресс-службах, даже в Кремле и главой администрации сельского поселения» [Пост от 20 февраля 2018 г.]. При этом редактору как носителю профессиональной идентичности и производителю социально-проблемного текста нужен равный собеседник, способный и желающий войти в одно коммуникативное пространство ради обсуждения речевого продукта: «…заведу телеграм-канал про будни редактора. Я не могу одна наслаждаться, например, подобным: «Состоялся первый чемпионат среди поваров “Молодая кровь сибирских шеф-поваров”«. Совесть не позволяет. Подпишитесь!» [Пост 12 апреля 2018 г.].

Социально и профессионально ответственная дискуссия о медиапродукте в региональном интернет-пространстве возникает по инициативе и при участии редактора, если обсуждается:

● конфликт жанровой формы и предметно-содержательной основы публикации [Пост 27 октября 2016 г.];

● речевые ошибки как следствие эстетического заблуждения, незнания литературных норм, административного подобострастия [Пост 11 мая 2018 г.];

● фактические погрешности [Пост 7 мая 2018 г.];

● соответствие журналистской модели события реальным фактам [Пост 24 мая 2016 г.];

● речевое воплощение интеллектуальной схемы события в журналистский текст [Пост 15 мая 2018 г.];

● ирония и ерничество как концептуальная тональность материала [Пост 25 апреля 2018 г.];

● проблемы действенности и результативности популярных жанров, возникшие вследствие непрофессионализма авторов [Пост 17 апреля 2018 г.].

Рассмотрим только один катализатор дискуссии – разницу в мыслительных схемах ситуации у автора контента и у потребителя новости. Предварительно отметим, что несходство интеллектуальных схем чаще всего обусловлено разной глубиной знания предмета и несовпадением идеологических установок, нравственных норм, профессионально-этических ориентиров, эстетических ценностей субъектов.

Обсуждение публикации Ольги Харнутовой [Харнутова] в общедоступной группе ИА «Байкал Инфо» инициировано 20 марта 2018 г. журналистом газеты «Пятница – Иркутск» Ириной Покоевой. Непосредственный диалог администратора С. Бурдинской (Иркутск) и оппонентов – профессиональных журналистов И. Покоевой (Иркутск) и Ю. Половнёвой (Санкт-Петербург), инженера Е. Рыковой (Ялта) – не чужд речевой агрессии, свойственной риторике социальных сетей. Недружественная тональность возникает в речи защитника корпоративного имиджа ИА (С. Бурдинская) по поводу реплик о нецелесообразности социального мероприятия (Ю. Половнёва) и неверно сооруженной журналистом мыслительной схеме события (И. Покоева). Справедливая, на наш взгляд, фактологическая претензия И. Покоевой к первичному контенту состоит в отсутствии указания на то, что новый строительный объект возводится вместо одноименного старого: «По тексту кажется, что вы не знаете, что там есть уже санаторий с одноименным названием». Принимая удар на себя как должностное лицо, С. Бурдинская отвечает: «…вы не знаете, что старый санаторий давно развалился и 100 лет как не работает?», чем порождает настойчивое возражение журналиста-практика: «Вовсе не сто лет. И об этом ничего нет по тексту. Если бы вы это указали, то информация была бы полной и не вызывала бы вопросов». Опасность репутационных потерь мотивирует редактора, с одной стороны, к продолжению интернет-дискуссии, с другой, – к стремлению любыми средствами, включая «наступательно-оборонительную» риторику, сохранить профессиональную идентичность и позиции, достигнутые в процессе личностного роста.

Иногда в основу групповой дискуссии ложится сразу несколько спорных текстовых зон. К слову сказать, С. Бурдинская не удаляет с сетевых страниц открытые диалоги о контенте своего ИА, какой бы степени критики он ни подвергся. В этом решении тоже усматривается признак профессиональной идентичности, поскольку редактор настойчиво руководствуется одним из основных правил профессиональной этики – многосторонности и объективности оценок. Благодаря редакторской позиции сообщество не теряет из поля зрения сложные и конфликтные совокупные тексты. В их числе супермедиатекст, порожденный обсуждением дискуссии С. Бурдинской и представителя пресс-службы авиакомпании «Ангара». Диалог начался с разговора об этической составляющей первичного сообщения ИА, затем беседа переросла в широкую дискуссию о верифицируемости заголовков для вариантов новости о создании в Бурятии объединенной авиакомпании «Байкал». Например, журналистка Екатерина Еременко прокомментировала заголовок контента «Байкал Инфо» [В новую авиакомпанию «Байкал» …]: «ну во-первых, там нет что “в байкал войдет ЛИШЬ ЧАСТЬ иркутской ангары”, во-вторых, тот факт, что структуры одного и того же человека учредили и ангару и байкал еще не говорит, что первая входит во вторую. короче ошибка есть…». На одном из этапов обсуждения оппоненты начали активно анализировать метафорическую реализацию мыслительной модели события в разных СМК: «Е. Еременко наш-то заг как-раз таки игривый, смысловой, и никого ни к чему не обязывает) С. Бурдинская очень обязывает – вы уверяете, что одна авиакомпания долетела до второй. но раз первая частично входит во вторую, то она не могла вся долететь. кроме того, вторая еще не существует фактически, а уже кто-то до нее долетел. короче, сплошной абсурд. Е. Анисимова правильно!!! ангара не вошла в байкал... вообще то она единственная, кто из байкала вышел... вытек... как бы это еще затейливо назвать... Е. Еременко однозначно не вошла! это и по природе невозможно))) С. Бурдинская но и не прилетела Е. Еременко а вот прилететь могла! С. Бурдинская река не умеет летать». Таким образом, в разговор о новостном инварианте «Байкал Инфо» включены: разбор этической составляющей частной коммуникативной ситуации, рассмотрение фактографии и ее верификация, анализ интеллектуальной модели события и ее речевой трансляции, критика эффективности метафорики заголовочного комплекса вариантов новости в различных СМК.

Дискуссии о текстовых проблемах начинаются чаще по инициативе редактора, но иногда вопросы к посту в личном или групповом блоге возникают сначала у пользователя Сети. Тогда к речевому коллективу может присоединиться «сочувствующий» непрофессионал, который ратует за правду факта и эстетику журналистского дискурса. Например, в обсуждение новости «Байкал стабилен на 95 %» [Пост 15 сентября

2017 г.] включился Игорь Фефелов, доктор биологических наук, заместитель директора НИИ биологии ИГУ. Ученый обнаружил в публикации ошибку фактологического характера и предложил исправить изъян: «“стойкий уровень органических загрязнителей, их доля в байкальской воде составляет примерно 80 %”. Надо поправить – 80 % от чего именно». С. Бурдинская ответила: «% от всех загрязнителей». И. Фефелов парировал: «Вот это и добавить. Пока получается, что как бы 80 % байкальской воды составляют загрязнители». Диалог профессионала от журналистики и профессионала-предметника обнажил распространенную проблему медиатекстов – неверное «воплощение мыслительной модели события в речевую форму» [Сметанина, 2010, с. 111–117]. В Сети ошибки такого рода часто подмечаются профессионалами, но оседают в интернет-подборках курьезов [Пост общедоступной группы …], серьезно не обсуждаются [Пост 9 января 2018 г.]. Приведенный диалог – свидетельство того, насколько правильным по содержанию и эстетичным по форме может стать речевой объект, заинтересовавший двух специалистов разных отраслей, если оппонентам присуща профессиональная идентичность и отношение к делу ими «переживается как положительное… как желание трудиться в данных условиях и по данной специальности, как стремление к оптимальному выполнению профессиональной деятельности» [Идентичность: социально-психологические ... , с. 69].

Итак, региональные дискуссии о медиатексте, инициируемые или курируемые редакторами, с одной стороны, акцентируют внимание на профессиональных проблемах производства, психологических особенностях восприятия сетевого медиапродукта, его формально-содержательной эстетике. С другой – присоединяют уникальную прагматичную площадку как транслятор идентичности и ступень для профессионального роста к ряду традиционных региональных журналистских форумов и фестивалей, отчасти выполняющих эти же задачи.

Литература

В новую авиакомпанию «Байкал» в Бурятии войдёт иркутская «Ангара» [Электронный ресурс]. URL : http://baikal-info.ru/v-novuyu-aviakompaniyu-baykal-v-buryatii-voydyot-irkutskaya-angara (дата обращения : 06.05.2018).

Колесов Д. В. Антиномии природы человека и психология различия. (К проблеме идентификации и идентичности, идентичности и толерантности) // Мир психологии. 2004. № 3. С. 9–19.

Мокробородова Л. Групповые блоги как объект медиалингвистики // Медиалингвистика. Вып. 5. Язык в координатах массмедиа : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (6–9 сент. 2016 г. Варна, Болгария). СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2016. 290 с.

Общедоступная группа «Информационное агентство “Байкал Инфо”» [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/groups/194460250652222/about/ (дата обращения: 06.05.2018).

Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты : кол. моногр. / К. В. Патырбаева, В. В. Козлов, Е. Ю. Мазур, Г. М. Конобеев, Д. В. Мазур, К. Марицас, М. И. Патырбаева. Пермь, 2012. 250 с.

Пост общедоступной группы «Планерка. Журналистика и СМИ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/planerka.org/ (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 11 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/groups/194460250652222/?multi_permalinks=1596929147071985&notif_id=1526347376764448&notif_t=group_activity&ref=notif (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 12 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/svetlana.burdinskaya (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 15 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/groups/194460250652222/?multi_permalinks=1596929147071985&notif_id=1526347376764448&notif_t=group_activity&ref=notif (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 15 сентября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/groups/194460250652222/?multi_permalinks=1596929147071985&notif_id=1526347376764448&notif_t=group_activity&ref=notif (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 17 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/svetlana.burdinskaya/posts/1421082137995823 (дата обращения: 06.05.2018).

Пост от 20 февраля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/svetlana.burdinskaya (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 24 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/groups/194460250652222/permalink/955696917861881/ (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 25 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/groups/194460250652222/?multi_permalinks=1596929147071985&notif_id=1526347376764448&notif_t=group_activity&ref=notif (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 27 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/svetlana.burdinskaya/timeline (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 7 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.facebook.com/groups/194460250652222/?multi_permalinks=1596929147071985&notif_id=1526347376764448&notif_t=group_activity&ref=notif (дата обращения: 06.05.2018).

Пост 9 января 2018 г. URL: https://www.facebook.com/svetlana.burdinskaya (дата обращения : 06.05.2018).

Сметанина С. И. Журналистский текст: культура понимания и редактирования // Методы понимания в журналистике и массовых коммуникациях: матер. научно-методич. семинара «Методы и методики понимания в журналистике и массовых коммуникациях» / под ред. С. Г. Корконосенко. СПб.: Своё издательство, 2015. 128 с.

Харнутова О. Новый санаторий хотят построить в Мишелевке Усольского района [Электронный ресурс]. URL: http://baikal-info.ru/novyy-sanatoriy-hotyat-postroit-v-mishelyovke-usolskogo-rayona (дата обращения: 06.05.2018).

УДК 070.19

И. Г. Чередниченко

Трансформация СМИ и ускользающая действительность

Аннотация. Позиционируя рерайтинг как отдельную индустрию создания новостных сообщений; заостряя внимание на агрессивности современной рекламы; обозначая манипулятивность способов подачи рейтингов и результатов опросов, автор статьи предлагает обзор современных информационных потоков и, выявляя способы их формирования и репрезентации, приходит к выводу о трансформации современной коммуникативной среды.

Ключевые слова: СМИ, рерайтинг, фейк, социальные сети, спам, хайп, слухи, ре-клама.

I. G. Cherednichenko

Transformation of Mass Media and Illusory Reality

Abstract. Positioning rewriting as a separate industry for creating news reports; focusing on the aggressiveness of modern advertising; denoting the manipulativeness of the ways of submitting ratings and survey results, the author of the article offers an overview of current information flows and, identifying ways of their formation and representation, comes to the conclusion about the transformation of the modern communicative environment.

Keywords: mass media, rewriting, fake, social networks, spam, HYIP, gossip, advertising.

Человек, так или иначе, связан с потоком информации, идущей от разных социальных институтов, образовательных и рабочих учреждений, и вовлечен в новые виды коммуникаций. Буквально лавина свежих сообщений обрушивается из интернета. «Яндекс.Новости», Google-News, «НовостиMail.ru» – RSS-агрегатор производит автоматический сбор материалов из разных интернет-изданий, составляя информационную картину дня. Согласно данным «Яндекс Каталог», на сегодня зарегистрировано 1 798 новостных сайтов.

Обновление новостной ленты не всегда идет за счет эксклюзивных сообщений. Подготовка уникальных сведений требует высококвалифицированного журналистского труда, больших временных затрат. Возможность оперативно выпускать множество новостей дает рерайтинг. В системе СМИ прочное место начали занимать рерайтерские информационные агентства. Это целая индустрия создания новостных сообщений. Рерайт, как известно, субъективен, редактирование мультимедийного текста зависит от формата СМИ, от контекста, от отношения журналиста к сообщаемому. У него на службе – широкий арсенал новых технических возможностей. Наличие ботов, обрабатывающих информацию по заданному алгоритму, не добавляет ей объективности. Об этом мало задумывается потребитель. Он ежедневно получает новостные рассылки на электронную почту, туда же «сыпятся» предложения о подписках, обилен контент социальных сетей, беспрестанно пересылаются друг другу месседжи, как не «кликнуть» видео, если у него 100 млн просмотров в видеохостинге YouTube. А YouTube – коммерческая среда, стало быть, на первом плане – не правдивая информация, а режиссированная ради получения прибыли.

Часто новостной материал в онлайновом СМИ наполнен гиперссылками на другие тексты и на другие сайты. Аудитория в интернете тоже участвует в создании медийных текстов, стоит только высказать что-то, представляющее интерес для многих, или выставить необычное развлекательное видео (пусть отформатированное, кто об этом думает, когда так удивляет и шокирует!). Уже нет четкой границы между читателями и авторами. Информационный потенциал неистощим. Только и успеваешь помечать в электронной почте – «спам».

Раскалывает сознание на пазлы и другое разнотемье повседневности – реклама: уличная, радио личного авто, внутри и снаружи обще-

ственного транспорта, на зданиях, щитах, растяжках, всевозможных баннерах и т. д. Реклама и достоверность редко оказываются на одном полюсе. Информации – предостаточно, казалось бы, чем не полная картина повседневности. Но среди новостей есть реальные и есть фейки. И в результате – действительность, ускользающая как от обывателя, так и от профессионала, работающего с информацией.

Любая новость сегодня не может претендовать на полную объективность. Сосуществование с множеством фейковой информации, с обнародованными социологами мнениями, любыми цитатами ставит под сомнение ее реальность. Фейки могут быть созданы ради политических или других прагматических целей. Могут появиться неумышленно из-за непрофессионализма журналиста: не проверил факты, чего-то недопонял.

В жизнь прочно вошла технология самопрезентаций, начиная от политиков, кончая теми же журналистами, берущими интервью у известных, уже «презентованных» личностей. Создание имиджа опять-таки несет на себе налет искусственности, неправдивости.

Свою лепту в искажение информации вносит так называемый черный пиар с его манипулятивными приемами. Фейк в секунды разлетится по миру, и никто ответственности не понесет. Нет технологий, которые могли бы проверить правдивость сообщаемого. Фейки выступают в качестве оружия информационной войны. Их распространение через соцсети вызывает панику, конфликты, митинги. Еще не написаны законы по их пресечению.

Есть и не столь выразительное проявление недостоверной информации. Кто в читательской аудитории задумается о политкорректности в речевой тактике? Журналисты часто, пропустив цитату политика, известной личности через свою индивидуальность, помещают комментарий к ней по собственному усмотрению. Так, министр иностранных дел С. В. Лавров на Столыпинском форуме, объясняя позицию России, произнес: «Мы не приемлем логики чьей-то исключительности по принципу: «что дозволено быку, то не дозволено Юпитеру» [День открытых дверей …]. Крылатое латинское выражение вполне можно прокомментировать двояко. Будет многими просмотрена и новость-цитата от любой скандально известной личности.

Часто в СМИ используются обобщения: «Западная пресса обрушилась на Россию». Но не называются, какие именно издания, ведь отнюдь не все.

Как новость подаются рейтинги. А систему измерений можно организовать по-разному. Исследовательская компания Mediascope предпочитает телефон, и при этом нет уверенности в правдивости опросов. Подсчеты сегодня такие, завтра – иные. Жизнь цифрового материала кратковременна, цифры могут колебаться в зависимости от изменения

ситуации чуть ли не ежеминутно. Статистика, вообще, величина условная. А еще важен и бренд источника. Так, по данным аналитического центра «Левада», 78 % россиян полагают, что высшие чиновники, рассказывая о положении дел в стране, «скрывают правду» или даже лгут, СМИ в целом «вполне доверяют» только 30 % опрошенных [Институциональное доверие]. Считается, что лучше полагаться в какой-то мере на оперативность слухов, мол, не бывает дыма без огня… Вера в тиражируемые слухи больше, чем в официальные источники, поскольку иногда производители этой информации – коллеги, знакомые, друзья. Порой и сами создатели новостей – журналисты – «ведутся» на слухи, осознавая, что это неистощимое информационно-коммуникативное поле.

У слухов есть хороший инструмент трансляции – соцсети. Это феномен, с которым не сладить ни теоретикам, ни практикам. Руководитель исследований «Евробарометра в России» социолог В. Вахштайн считает, что с конца 2013 г. объем социального капитала, вырос на 20 % [Институциональное доверие].

«Соцсети – это мутный источник», – заявил 27 марта 2018 г. на встрече с кемеровчанами российский президент. И добавил фразу о том, что «ни при каких обстоятельствах» нельзя допускать в критических ситуациях «вбросы через социальные сети, в том числе из-за границы» [Рувинский].

Погоня СМИ за сенсациями в условиях конкуренции воздействует на отбор фактов. Не упустят сообщить о событии, если велик масштаб разрушений, огромна цифра жертв или сумма похищенного, то, что дает высокий эмоциональный накал.

Эпатаж – тоже способ привлечь внимание. Соцсети сотрясаются от возмущения роликами о подростковой жестокости. Видео избиения одноклассницы выложены ее палачами. Горячую тему обсуждают на телевидении в передаче «Время покажет». Все шокированы словами тринадцатилетней девочки, которая объясняет взрослым то, что ролик демонстрирует… желание заработать. Всего-то нужно найти подростка, согласившегося побыть жертвой четыре минуты, пока другие будут изощренно издеваться над ним, а третьи снимут процесс на камеру. Пост должен провисеть сутки, и оплачивается десятками тысяч рублей. Прибыль делится поровну между тремя сторонами. А вы, взрослые, привыкшие к всякого рода организации событий, то, что в психологии коммуникаций называется «псевдособытиями», решайте, факт ли это насилия.

Прочно и мгновенно вошли в нашу жизнь хайпы. Где есть шумиха, ажиотаж, паника – мало достоверности. Тому пример – вирусные утки о 600 погибших в Кемерово во время пожара в развлекательном комплексе «Зимняя вишня». Для пранкеров подобное – лишь развлечение, они и нацелены на всевозможные розыгрыши. Желание получить эйфорию от информации испытывает каждый из нас. А что стоит за этим?

Термин «хайп» в свое время использовал американский медиавед Дуглас Рашкофф для обозначения дозы наркотиков. Кстати, лексическое заимствование терминов в СМИ обрастает порой новой смысловой нагрузкой и не всегда ведет к адекватности, а «профи» из медиасреды иногда намеренно не декодируют информацию.

Желая раскрыть читателю глаза на реальность, некоторые издания нередко вербуют инсайдеров. Можно ли верить идущей от них информации?!

Журналист при отборе новостей начинает потреблять текстовые файлы, фото, видео- и аудиозаписи: зачастую он находит их в блогах и социальных сетях, получает при общении с другими интернет-пользователями. В поисках тем журналиста часто интересует, сколько было просмотров, что ищут те, кто «гуглит», в чем проявляется сетевая активность? Позже из этого составляется новая картина дня! Алгоритм, конечно, не выстраивается: ежедневное обновление, ежечасные перемены. Отсутствие закономерности заставляет быть начеку постоянно, чтобы хотя бы не промахнуться в отборе злободневных фактов. Но даже если журналистом движут лишь лучшие профессиональные побуждения, невозможно объять необъятное, а то, что не попало в СМИ, по известной теории повестки дня (Б. Коган, М. Маккомбс, Д. Шоу), вроде бы и не существовало.

Произошла трансформация не только СМИ. Но и самой коммуникативной среды. Люди создают события, придумывают акции, в журналистике появился термин «псевдоинтервью». Существует понятие «псевдособытие». Причем, повестку дня не всегда диктует действительность, и не всегда спускают «сверху», общество определяет ее само, «снизу». Новостная информация будет неуклонно расти, и, конечно же, использоваться при создании новостных сообщений в СМИ. А потребитель об этом и не задумывается, ему приходится довольствоваться тем, что для него приготовили.

Журналист, передающий информацию, организует ее композицию, стилистический сценарий и жанр, профессионально украшая речь метафорами, другой языковой игрой (для воздействия на умы нужны тонкие инструменты!), от чего сообщение вряд ли становится более правдивым. Ведущая цель в применении метафор – выразить оценку, чаще – негативную. Метафоризации, как правило, в последнее время подвергается социальное явление. Что-то журналист должен исключать из текста согласно правовым требованиям. Более того, он транслирует определенные ценности согласно формату издания или соответственно своим гражданским качествам и мировосприятию. Желая быть максимально объективным, автор не может избежать того, что привносит в интеллектуальное творчество отпечатки психологической индивидуальности. Житель эпохи глобализации, он и сам имеет в клиповое сознание, но при этом может не владеть способностями контекстного

анализа, может чего-то не знать и ненамеренно исказить. Не всегда обладает политической и нравственной зрелостью. В итоге – субъективность в отражении действительности и определенный отбор фактов.

Никто не станет оспаривать, что СМИ сегодня выступают в роли политического менеджмента, и часто тексты страдают от идеологической загруженности. Как и то, что существует и другая – прагматическая направленность медиатекста. Весь этот медийный шум искажает событие, в условиях информационной перегрузки усложняет понимание.

В ближайшее время вряд ли изменится информационная культура. Нет и СМИ, которым можно доверять полностью. Разноречива первая информация от МЧС и других государственных институтов. «Ведомости» так и пишут: «Ирония момента: современное российское государство тоже активный игрок на поле дезинформации и конспирологии, и конкуренты ему на этом поле, надо понимать, не нужны» [Рувинский].

Нет правдивого освещения действительности, она так и продолжает ускользать…

Литература

День открытых дверей факультета международной журналистики (11 апр. 2018 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/ch…/UC7uTKZ6qQS-ccMbTPnSg9dA/videos (дата обращения: 28.04.2018).

Институциональное доверие [Электронный ресурс] // Левада-Центр. URL: https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/(дата обращения: 28.04.2018).

Рувинский В. Почему живучи слухи [Электронный ресурс] // Ведомости. 2018. 30 марта. URL: http://www.vedomosti.ru/rubrics/opinion/articles/2018/03/30/zivuchi. (дата обращения: 28.04.2018).

УДК 378.4:07(571.53)

А. П. Шинкарева

Университет как субъект социально-коммуникативной политики в информационном поле иркутских газет XIX – начала XX в.

Аннотация. Рассматривается динамика развития, постановки и решения «университетского вопроса» в Сибири и в Иркутске через отражение в публикациях органов печати. Сопоставляются разные точки зрения и различные подходы к обоснованию необходимости развития высшего образования в Сибири органов власти и «сибирской общественности», представителей интеллигенции. Анализируются причины неудачных ранних попыток открытия сибирского университета в XIX в., отмечается положительное восприятие и всеобщая поддержка сибиряками первого университета в Томске, открытого в 1888 г., приводятся доводы о необходимости открытия второго университета в Иркутске и дискуссионные точки зрения о типе будущего высшего учебного заведения. На основе газетных статей сделана попытка рассмотрения университета как активного участника социально-политической и культурной жизни Сибири и Иркутской губернии. Отмечается уникальность политической ситуации и обстоятельств открытия в октябре 1918 г. первого вуза Восточной Сибири.

Ключевые слова: открытие университета, Сибирь, Иркутск, освещение в печати.

A. P. Shinkareva

The University as a Subject of Socio-Communicative Policy in the Information Field of Irkutsk Newspapers XIX – early XX Centuries

Abstract. The article reveals the dynamics of the development, formulation and solution of the "University question" through the reflection in the press publications in Siberia and Irkutsk. The articledescribes the different points of view and ways to the justification of the higher education development in the Siberian authorities, "Siberian society" and the intellectuals.The author analyses the reasons of unsuccessful early attempts to open the Siberian University in the XIX century and the positive perception and general support of the first University in Tomsk, it was opened in 1888. The arguments of the need to open the second University in Irkutsk and the debatable points of view about the type of the future of higher education are presented in this article. It was made an attempt to consider the University as an active participant in the socio-political and cultural life of Siberia and Irkutsk province on the basis of articles in newspapers and magazines.The article points out the uniqueness of the political situation and the circumstances of the organization and opening in October 1918 of the first University in Eastern Siberia.

Keywords*:* the opening of the University, Siberia, Irkutsk, the press coverage.

История просвещения в Сибири и университетский вопрос освещались многократно и в массовых, и в научных публикациях на протяжении двух минувших столетий. Уже к концу XIX в. в подробной «Сибирской библиографии В. И. Межова», изданной И. М. Сибиряковым в 1892 г., указано около 100 газетных и журнальных статей, посвященных развитию университетского вопроса. В начале XX в. обсуждение вопроса активизировалось в связи с планированием открытия второго университета, в Иркутске.

Тема развития образования в Сибири связана с известными реформами Александра I. Она исходит от оценки правительством общей ситуации в стране – в России к началу XIX в. неграмотной являлась не только основная масса простого народа, малограмотными оставались и многие должностные лица. Назрела острая потребность создания системы просвещения, которая должна обеспечить образованными кадрами в первую очередь все ступени государственной службы. Правительством 8 сентября 1802 г. учреждено министерство народного просвещения. Затем 24 января 1803 г вышел указ «Об устройстве училищ», ставший базовым для новой системы образования.

Вся империя была поделена на шесть учебных округов с университетом в каждом, для этого предполагалось и открытие новых трех университетов, в их числе в ноябре 1804 г. основан и Казанский императорский университет. Следующим этапом планировалось открытие университетов еще в трех городах, включая Тобольск. К Казанскому учебному округу была отнесена огромная территория восточной части страны. Суть реформы состояла в том, что все ступени образования стали взаимосвязаны и во главе поставлены университеты. Учебные заведения делились на четыре восходящих разряда: приходские училища, уездные училища, гимназии и университеты. Открываемые по новому уставу в губернских городах и уездах школы потенциально становились источником будущего пополнения университетской молодежи. По сути, реформа образования была достаточно демократичной и

прогрессивной. Теоретически способный ребенок любого свободного сословия мог пройти все ступени образования от приходской школы до университета.

Университет уже с этого периода можно рассматривать как важного субъекта государственной политики, актора, активного участника социально-политической и культурной жизни страны и региона, где он представлен. Университет должен готовить кадры, способные решать государственные задачи, формировать чиновничество нового качества, образованных служащих. Об этом прямо говорилось в указе 1803 г. «Об устройстве училищ». «Ни в какой губернии спустя пять лет… никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище» [Зайончковский, 1978, с. 30].

Непосредственно на повышение образовательного уровня чиновничества направлен и другой указ, влекущий за собой и развитие университетов. 6 августа 1809 г. вышел указ, подготовленный М. М. Сперанским. Без свидетельства об окончании университета или сдачи экзамена университетской комиссии после окончания специальных курсов в университете невозможно было получить чин коллежского асессора и, соответственно, занять определенные должности [Зайончковский, 1978, с. 30–31].

На Сибирь этот указ не распространялся, и присутственные места замещались служащими невысоких чинов, соответствующего образовательного уровня и мировоззрения. Служба в Сибири многим нужна была для получения выслуги и последующих званий, а также полагающихся льгот и привилегий за службу в дальних губерниях. Это не делало их патриотами Сибири, вынужденное пребывание здесь рассматривалось как временное, когда надо успеть взять от службы как можно больше. И часто заменить недобросовестных чиновников было просто некем. Система льгот и привилегий за службу за Уралом сохранялась и в «Сибирском учреждении» М. М. Сперанского 1822 г. и далее, позволяя хотя бы частично закрывать вакантные места. На всю Восточную Сибирь даже в 1861 г. «в числе штата служащих … только 39 человек с университетским образованием, 101 с гимназическим и 271 кончивших курс в низших училищах» [Ядринцев, 1892, с. 574]. Нужны были собственные образованные кадры, из сибирских уроженцев. Имеющиеся льготы для небольшого количества уроженцев Сибири в Казанском и столичных университетах (стипендии и обучение за казенный счет) также не решали проблему. Как и сейчас, сибиряки, выпускники университетов европейской части страны в массе своей стремились остаться там.

Проекты открытия университета в Сибири возникли в начале XIX в. Иркутский учитель истории И. В. Щеглов, автор уникального труда «Хронологический перечень важнейших данных из истории Си-

бири: 1032–1882 гг.», посвященного 300-летию присоединения Сибири к России, указал истоки зарождения университетского вопроса в 1803 г. «Первая мысль о Сибирском университете: В пункте 14-м “Предварительных правил народного просвещения”, высоч[айше] утвержденных 24 января, между городами, в которых тогда предполагалось открыть университеты, указан и Тобольск – сибирский город. В том же году известным жертвователем на пользу просвещения д. с. с. (действительным статским советником. – *А. Ш.*) Павлом Демидовым был пожертвован на учреждение сибирского университета капитал в 50 000 руб., который потом вместе с накопившимися процентами был передан в пользу Тобольской гимназии, открытой 12 марта 1810 г.» [Щеглов, 1883, с. 353].

Демидовский капитал помещен под проценты в Московскую сохранную казну, часть его затем использована на содержание Тобольской гимназии. В 1822 г. сумма достигла 121 301 руб., давая годовой доход в 6 000 руб.

Этот капитал на очередном этапе обсуждения университетского вопроса рассматривался как часть возможного финансирования будущего университета. Генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич 20 марта 1823 г. подал «всеподданнейший рапорт» о необходимости учреждения в Сибири высшего учебного заведения. Он указывал «на недостаток нравственных начал в сибирском населении, на недостаток в крае просвещенных чиновников и на невозможность сибирякам, по бедности, получить образование в университетах европейской России» [Ядринцев, 1892, с. 577–578]. Почти одновременно и попечитель Казанского учебного округа М. Л. Магницкий представил проект учреждения в Барнауле на первых порах высшего училища для подготовки учителей и чиновников как отделения Казанского университета.

Идею открытия сибирского университета возродил министр народного просвещения, действительный член Императорской академии наук А. С. Норов. 5 марта 1856 г. в докладе Александру II по развитию народного образования министр отмечал полезные стороны возможного открытия университета в Сибири: «Вашему Императорскому Величеству Высочайше благоугодно было *признать полезным учреждение университета в Сибири*. Эта благодетельная мера, если признана будет возможною, обещает великие последствия для края, которого природные богатства и местные обстоятельства ожидают только животворного содействия науки, чтобы доставить государству неисчислимые выгоды. Министерство займется начертанием плана сего высшего учебного заведения, которое, не теряя своего университетского характера, должно быть числом, составом и направлением своих факультетов приспособлено к потребностям страны» [Щеглов, 1883, с. 577].

Заметим, инициатива опять исходила от представителей власти. Однако, несмотря на одобрение идеи сибирского университета импера-

тором, этот вопрос по разным причинам не был решён положительно. Тем не менее доклад А. С. Норова всколыхнул и представителей сибирской администрации в разных городах, и общественность. С этого времени в публичном пространстве проявится и уже не исчезнет тема высшего образования в Сибири, чему станут способствовать и сибирские газеты. И в Иркутске «университетский вопрос из канцелярий и салонов был вынесен на обсуждение широких слоев населения» [Ширяев, 1915, с. 254].

Н. М. Ядринцев отметил: «Университетский вопрос, как вопрос гражданский, был хорошо понят местным обществом; отсюда в продолжение многих лет проявлялись весьма определенные стремления этой идеи занять свое место» [Ядринцев, 1892, с. 576]. В пореформенное время вопрос открытия университета в Сибири из правительственных и административных сфер перешел в печать, завладел умами лидеров мнений и начал пропагандироваться достаточно настойчиво. Тему развивают появившиеся с 1857 г. официальные, затем частные сибирские газеты. О том, каким быть университету, выскажутся авторитетные общественные деятели и публицисты. М. В. Загоскин в 1863 г. в статье «Что нам необходимо» в № 13 «Иркутских губернских ведомостей», обозначая насущные нужды Сибири, писал: «…нам необходим свой университет. И нам, и правительству ужасно дорого обходится образование наших детей в русских университетах, еще дороже стоят привилегированные приезжие, в сущности остающиеся совершенно нам чужими».

Следующий этап развития университетского вопроса, результатом которого станет открытие Сибирского императорского университета в Томске в 1888 г., начнется с назначением в 1875 г. Н. Г. Казнакова генерал-губернатором Западной Сибири. Перед вступлением в должность он ознакомился с нуждами и стремлениями Сибири, изучил в Санкт-Петербурге сибиреведческую литературу, прежде чем выехать в свою резиденцию в Омск. Эти знания позволили Н. Г. Казнакову, приступая к управлению краем, доложить императору о необходимости высшего образования в Сибири.

Развернутся дискуссии о месте открытия первого на востоке страны высшего учебного заведения. Иркутск по праву надеялся, что счастливый жребий выпадет ему. Более всего по своему состоянию и развитию, расположению относительно коммуникаций и путей сообщения того времени и доступности для всех сибиряков подходили Иркутск и Томск, однако по понятным причинам Н. Г. Казнаков предложил Омск. Для Восточной Сибири в таком случае было удобнее и разумнее отправлять своих гимназистов, как и прежде, в Казанский или столичные университеты. Поэтому Иркутск и другие города, отказавшись от собственных притязаний, выступили в поддержку Томска: ходатайствами

городских дум, публикациями, благотворительными капиталами. В результате в 1878 г. принято постановление Государственного совета об основании Императорского Сибирского университета в Томске, и в 1888 г. состоялось его открытие. Все города и все патриоты Сибири проявят солидарность, одаривая университет крупными суммами, пожертвованиями на развитие учебной и научной базы, библиотечными собраниями, коллекциями «редкостей», учреждая стипендии для неимущих студентов и премиальный фонд за лучшие сочинения исследователей о Сибири.

При выборе города, где быть университету, комиссия при Госсовете сочла необходимым принять во внимание мнение населения Сибири, отдав предпочтение Томску. Это показательный факт, когда массированное и аргументированное представление общественного мнения в печати и в докладах позволило изменить уже предварительно одобренный государем выбор Омска для основания первого сибирского университета.

Наиболее последовательно и аргументированно по университетскому вопросу в 1870–1880-е гг. выступали А. П. Щапов, М. В. Загоскин, В. И. Вагин, Н. М. Ядринцев, представив и историю развития университетского вопроса, и его понимание своими современниками. Их публикации детально представляют нужды Сибири и значение высшего образования для края, для формирования местной интеллигенции и «сибирской общественности» и напоминают об участии представителей власти в обсуждении вопроса.

Университетская тема подробно проанализирована А. П. Щаповым в иркутской газете «Сибирь» в № 3 от 13 июля 1875 г. Публицист рассуждает, какие факультеты необходимы в сибирском университете, и отмечает значение высшего образования для Сибири, которое потянет за собой «развитие в сибирском обществе сознания потребности умножения средних и низших учебных заведений». Если потребность начальных школ и городских училищ в учителях более-менее закрывалась выпускниками гимназий и появившихся учительских семинарий, то средние учебные заведения, общеобразовательные и профессиональные, испытывали большую нужду в педагогических и управленческих кадрах. А. П. Щапов отмечал, что естественно-научный и историко-филологический факультеты университета способны решать двойную задачу, помимо подготовки научных кадров: готовить так необходимых краю педагогов и руководителей средних учебных заведений, а также давать сибирскому обществу «научно-развитых, социально-гуманных общественных деятелей в разных сферах гражданских обязанностей и потребностей. <…> Например, в сфере городского самоуправления, в городском или сельском управлении, в инородческих ведомствах и проч.» [Щапов, 2013, с. 18–23].

Он подчеркивал, что университетский диплом меняет мировоззрение молодого человека, обращая внимание на новое, образованное поколение «капиталистов-золотопромышленников». Приводит в пример урало-алтайского горнопромышленника П. Г. Демидова, выпускника естественно-научного факультета Московского университета, известного благотворителя, жертвовавшего немалые суммы на просвещение и научные исследования, на развитие Московского, Киевского и планируемого сибирского университета.

А. П. Щапов для примера отметил, что в Иркутске в 1860-е гг. «в официально-гражданской сфере» даже один университетски образованный общественный деятель лично сумел сделать многое для развития образования в городе. Он не называет имени – а речь шла о Б. А. Милютине, представителе высшей аристократии Российской империи, чиновнике по особым поручениям в администрации генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского, заместителе прокурора и прочее, посвятившего службе в Сибири пятнадцать лет после окончания юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Благодаря его усилиям, заслуженному авторитету и уважению иркутского общества, безоговорочно признавшего Б. А. Милютина своим (в отличие от также прибывшего из столицы на службу основателя и издателя газеты «Сибирь» П. И. Клиндера), в Иркутске открылись первая женская гимназия, реальная прогимназия, преобразованная в промышленное училище, учреждено Восточно-Сибирское отделение Русского технического общества, издавались его «Известия», газета «Сибирский вестник». Также инициативой Милютина при поддержке уже следующего генерал-губернатора М. С. Корсакова образовался неформальный кружок, планировавший создать в Иркутске «юридическое общество» в составе в основном чиновников и общественных деятелей, членов ВСОИРГО, Статистического комитета и др. Среди прочего обсуждался и вопрос открытия университета, рассматривались возможности его финансирования, в том числе через 10-процентный сбор с винокурения и налог на золотопромышленность [Шинкарева, 2010, с. 205–212].

Н. М. Ядринцев много раз обращался к теме в статьях в «Восточном обозрении» и «Сибирском сборнике». В одной из своих главных работ, в книге «Сибирь как колония», впервые вышедшей в Санкт-Петербурге в 1882 г., истории и состоянию просвещения в Сибири посвящена отдельная глава. Он отмечал: «Вообще учебные заведения в Сибири играли второстепенную роль по своему влиянию. Жизнь и развитие общества шли независимо от влияния учебных учреждений, которые стояли в сибирской жизни как-то в стороне, и это будет совершенно понятно, если мы примем во внимание качество и ученое достоинство прежних сибирских гимназий. Эти гимназии основывались при самых убогих средствах; долго они не находили учителей, недостаток в

которых чувствуется даже и теперь, и наполнялись людьми случайного подбора, почему-нибудь претендовавшими в Сибири на педагогическую компетентность. В сороковых и пятидесятых годах эти гимназии имели учителей из отставных чиновников разных ведомств, из семинаристов, из частных приставов…» [Ядринцев, 1892, с. 562–563].

Торжественное открытие университета в Томске 22 июля 1888 г. стало главным событием сибирских газет. Томская «Сибирская газета» «в три листа полна статьями об университете», отмечено в иркутском «Восточном обозрении», которое и свои 16 страниц почти полностью посвящает университету, изредка, лишь с восьмой страницы, разбавляя тему краткими заметками о событиях в стране и в мире. В этом № 29 от 24 июля 1888 г. опубликованы большие «университетские» статьи Ядринцева, Вагина, Загоскина и других, помимо описания торжеств, речей, потока поздравительных телеграмм.

М. В. Загоскин в праздничном номере «Восточного обозрения» в статье «Два эпизода из истории сибирского университета» прослеживает степень участия местной высшей администрации и общественности в обсуждении университетского вопроса. Он отмечает сложное положение представителей власти, понимающих, насколько университет способен продвинуть развитие Сибири, как экономическое, так и социально-политическое. И это второе особенно вызывало тревогу, даже у прогрессивного и порой либерального генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского. В письме министру генерал-губернатор, по пересказу Загоскина, отмечает, что основание в Сибири университета приведет к усилению пороков в сибирском обществе («кляузам, сутяжничеству и неповиновениям») [Загоскин, 1888, с. 5]. Но Муравьеву было о чем беспокоиться хотя бы на фоне активной общественной деятельности политических ссыльных, определяемых на поселение в сибирских городах и селах. Справедливости ради в статье М. В. Загоскин отмечает изменение позиции бывшего генерал-губернатора в этом вопросе. «Впоследствии покойный Муравьев стал смотреть на вещи гораздо трезвее, и когда иркутская дума в 1878 г. обратилась к нему с просьбою ходатайствовать об университете в Государственном совете, Муравьев нарочно приехал в Петербург из Франции, чтобы участвовать в заседаниях совета» [Загоскин, 1888, с. 5].

В. И. Вагин в «Историческом очерке вопроса об университете» прослеживает путь развития университетского вопроса от идеи до реализации. Он также обращает внимание на факт заинтересованности в сибирском университете вначале официальных сфер: «Правительство видело недостаток на месте людей, годных для службы ему, видело и неудобства выписывать их из внутренних губерний и все невыгодные последствия этой выписки. Для него было важно образовать контингент местных своих агентов. С этой целью, оно, между прочим, учре-

дило в университетах казенные стипендии для сибирских уроженцев; но эти немногие стипендии не могли заменить высшего местного училища» [Вагин, 1888, с. 4]. Публицист отмечал незрелость местного общества, оно медленно приходило к мысли о необходимости высшего образования. Лишь с 1860-х гг. эта мысль начала проявляться в печати.

Вагин, будучи и чиновником, и ученым-историком, и публицистом, изучал и анализировал перспективы и проблемы развития высшего образования в Сибири, понимал зависимость решения университетского вопроса от разных обстоятельств и даже соотношения тех или иных сил и течений в высшем обществе и в правительстве в разные годы. Так же как и Щапов, он отмечает имевшее место некоторое противостояние в административных кругах выпускников лицеев и университетов. «В середине 60-х годов в главном управлении Восточной Сибири был составлен проект высшего учебного заведения в Иркутске. Проект составлял член совета Карпов, воспитанник Царскосельского лицея; поэтому и учредить в Иркутске предполагалось только лицей» [Вагин, 1888, с. 4].

После открытия университета в Томске университетский вопрос затихнет, но закрыт не будет – Восточной Сибири нужен был свой университет.

Все этапы развития университетского вопроса в Сибири документально отмечены в «Хронологическом перечне важнейших данных из истории Сибири» И. В. Щеглова. Их напомнил в 1912 г. правитель дел (секретарь) Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества (ВСОИРГО) и преподаватель Иркутского коммерческого училища Ф. Г. Ширяев, когда в газетах появится сообщение о том, «что главное управление землеустройства и земледелия решило открыть в будущем (1913) году в Сибири высший сельскохозяйственный институт. И так как место для предполагаемого учебного заведения не было указано, <…>, Иркутск, как и всякий другой город, решил, что всего полезнее открыть высший рассадник просвещения именно здесь» [Ширяев, 1915, с. 239].

Вновь возникает тема сибирского университета, уже второго. В процессе обсуждения вопроса в 1912 г. Ширяеву поручено подготовить доклад для ВСО ИРГО, представляющий максимально полную историческую картину университетского вопроса. В результате составляется обстоятельная историческая справка по возможности и перспективам открытия университета в Иркутске, приводятся веские доводы и обоснования необходимости открытия именно университета, а не сельскохозяйственного института как типа высшего учебного заведения в столице Восточной Сибири. Ширяев, так же как и публицисты предыдущего столетия, отмечает незрелость общества первой половины XIX в., его неготовность к воплощению предлагаемых проектов, исходящих

сверху, от высшей власти. «…Потребовалось 20 лет, чтобы эта идея докатилась, так сказать, до сознания сибирского населения, или, по крайней мере, представителей его, которыми в данном случае явились генерал-губернатор Запад[ной] Сибири Капцевич[1] и попечитель Казанского учебного округа Магницкий; они одновременно (в 1823 г.) ходатайствуют об открытии в Сибири университета» [Ширяев, 1915, с. 240].

Сообщение Ширяева на общем собрании ВСОИРГО 27 октября 1912 г. в дальнейшем опубликовано отдельной статьей «Университет в Иркутске. Историческая справка» в XLIV (44) томе «Известий Восточно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества» в 1915 г.

Доклад всколыхнет с новой силой вопрос необходимости открытия университета в Иркутске, вызовет обсуждение в печати. Так, газета «Сибирь» 30 октября 1912 г. в большом материале дает подробный отчет из зала музея географического общества, где состоялось общее собрание его членов. Участвовали и приглашенные представители других местных общественных организаций (городской голова, представители общества врачей, общества изучения Сибири и пр.). «На собрании правителем дел отдела Ф. Г. Ширяевым, от лица комитета, был прочитан доклад “О высшей школе в Иркутске”». Автор данной публикации представляет читателям «Сибири» первую часть доклада, включающую исторические данные о возникновении и развитии идеи высшей школы в Сибири и открытии университета в Томске. Докладчик напомнил, что вторая половина XIX в. – это время уже активной деятельности «старого сибирского общества» и всеобщего обсуждения вопроса об университете, «чему немало способствовал сибирский патриот Н. М. Ядринцев». Большинство мотивов, которыми в XIX в. аргументировалась необходимость открытия первого университета в Сибири, не утратило своей прежней убедительности и для начала XX в.

Газета поясняет причины всплеска общественного интереса к университетскому вопросу в Иркутске. «Председатель комитета отдела Н. Н. Кармазинский, открывая собрание, в краткой речи указывал, что поводом ко внесению данного доклада послужил возникший вопрос о месте, где должен быть открыт проектируемый правительством с[ельско]хоз[яйственный] институт. Комитет отдела, как чисто научная организация, не счел возможным заниматься вопросом об институте, выдвинув сразу вопрос общий, о назревшей в Восточной Сибири нужде о рассаднике чистой науки, каковым в России является университет. Признав такое положение за непререкаемую истину, комитет остановился лишь на вопросе о типе высшей школы, наиболее отвечающем

[1] В статье газеты допущена опечатка в написании фамилии генерал-губернатора: указано «Концевич».

нуждам и потребностям страны»[1]. Суть типа высшего учебного заведения вынесена на обсуждение докладом Ширяева: классический университет может включать и обучение по чисто практическим направлениям, необходимым для жизни края, используя мировой опыт. Оснований для открытия второго сибирского университета в Иркутске, как центре всей Восточной Сибири, более чем достаточно. Именно университета, а не сельскохозяйственного института, как предполагалось правительством.

Потребность населения Сибири в высшем образовании уже не удовлетворялась одним университетом, даже вместе с открытыми также в Томске технологическим институтом и высшими женскими курсами. «Докладчик, оперируя цифрами, доказывал возможность открытия в Иркутске университета и его будущую успешность, обеспеченную существующей учебной базой. К 1 января 1912 г. в Восточной Сибири насчитывалось 39 средних учебных заведений с 10 312 учащихся. Если открытие Томского университета считалось возможным при наличии 70 чел., оканчивающих в то время курс в средних учебных заведениях *всей* Сибири, то 550 чел., кончающих курс теперь, для открытия университета более чем достаточно. Потребность в новой высшей школе для Сибири очевидна хотя бы из того, что огромная переселенческая волна, потребовавшая от государства колоссальных затрат, требует также мобилизовать и кадры компетентных в этом деле людей. Несмотря на усиленное вознаграждение, таких людей не хватает, места пустуют или занимаются лицами с недостаточной подготовкой, отчего страдает серьезное, государственное дело. Не хватает в крае и лиц с высшим медицинским образованием, благодаря чему медицинская помощь во многих местах Сибири отсутствует совершенно», – сообщалось в статье[2].

Базу для будущего университета Иркутская городская дума уже заложила, в том числе расширив стартовые возможности получения образования – с 1912 г. в Иркутске введено всеобщее бесплатное начальное образование после открытия соответствующего количества начальных школ. Это влекло за собой последующее расширение и открытие новых средних учебных заведений, гимназий, дающих право поступления в университеты.

Актуальность темы второго университета в Сибири отражается в материалах прессы того периода. Главным конкурентом Иркутску стал Владивосток, и опять благодаря доводам сибирской общественности сделан правильный выбор, в пользу столицы Восточной Сибири. С 1916 г. решение вопроса вышло на финишную прямую, министр просвещения граф П. Н. Игнатьев заверил, что университет будет создан. В

[1] Сибирь. 1912. 30 окт. С. 2.
[2] Там же.

Иркутске масса публикаций в ведущих ежедневных газетах «Иркутская жизнь» и «Сибирь». Н. С. Романов зафиксировал отражение университетского вопроса в газете «Сибирь» в 1916 г. – более чем в тридцати номерах газеты, начиная с июля, когда в думе избрана комиссия для разработки материалов по вопросу об учреждении Иркутского университета. Основной стала тема сбора средств на будущий университет в виде пожертвований и определение городской думой подходящих зданий – одним из главных факторов в окончательном решении правительства было местное софинансирование на университет и материальная база в городе.

В 1917 г. «Иркутская жизнь» и «Сибирь» продолжают регулярно развивать тему будущего Иркутского университета. Кроме отражения деятельности университетской комиссии, проходящих мероприятий по сбору средств, тем пожертвований деньгами и недвижимостью, обсуждается, какие факультеты должны быть открыты, приводятся мнения жителей Восточной Сибири, общественных деятелей. Публикуются сообщения об утверждении 24 февраля 1917 г. Советом министров решения об открытии в Иркутске университета. Революционные события лишь немного отодвинут в местной печати университетскую тему. Городу нужен университет. 14–15 июня газета «Сибирь» в № 126–127 публикует текст телеграммы совета президиумов родительских комитетов всех средних учебных заведений Иркутска министру народного просвещения с просьбой безотлагательно открыть в начале учебного года Иркутский университет. В сентябре-октябре 1917 г. из номера в номер «Иркутская жизнь» и «Сибирь» обращаются к университетскому вопросу. Представлены мнения профессоров Томского университета М. Г. Курлова и Б. П. Вейнберга, приехавших в Иркутск для ознакомления с имеющимися возможностями города. В конце октября освещается ход заседаний университетской комиссии «при участии приехавших 29 октября товарища министра народного просвещения П. И. Преображенского, вице-директора департамента народного просвещения Кузнецова, члена Государственного комитета по народному образованию Н. Н. Иорданского и делопроизводителя Егорова» [Романов, 1994, с. 255] и профессоров Томского университета. В заседаниях участвуют представители педагогических советов и родительских комитетов учебных заведений города по вопросам открытия университета, обсуждается вопрос, какие факультеты открыть вначале. Но в дискуссии «Историко-филологический и юридический факультеты или медицинский и физико-математический» побеждает мнение о невозможности немедленного открытия университета в связи с политическими событиями – 1917 г., власть сменилась, прежние решения становятся недействительными.

Но Иркутск не отказывается от идеи уже почти учрежденного университета. В феврале 1918 г. «Иркутская жизнь» до своего закрытия большевиками еще успевает рассказать о продолжающихся пожертвованиях на университет. После отступления большевиков процесс решения университетского вопроса ускоряется. 14 июля в зале городской думы проходит публичное заседание по вопросу об Иркутском университете. 11 августа в Иркутск прибыл министр народного просвещения В. В. Сапожников, в доме командующего войсками проведено заседание по вопросу об университете. На следующий день В. В. Сапожниковым, М. М. Рубинштейном и командующим осмотрены здания, пригодные для государственного университета.

И, наконец, 13 августа в городской управе состоится историческое заседание думы с представителями общественных организаций и министром народного просвещения Сапожниковым, который в 7 часов 35 минут 10 секунд подписал акт об открытии Иркутского государственного университета, пока историко-филологического и юридического факультетов. Газета «Сибирь» в № 30 от 17 августа 1918 г. опубликует «Положение об учреждении Иркутского университета».

В процессе решения вопроса учреждения университета в Сибири, и первого университета, и еще более второго, особое место отводится общественности. Первый ректор Иркутского университета М. М. Рубинштейн свою статью к трехлетию ИГУ так и озаглавил «Дитя общественности»: «…В течение 60 лет лучшие люди Восточной Сибири не уставали повторять, как нужен и жизненно важен университет». В истории открытия второго сибирского университета первостепенным стал «неудержимый общественный энтузиазм, властно рвавшийся к основанию высшей школы» [Рубинштейн, 1921, с. 1].

М. В. Загоскин еще в 1875 г. в № 10 газеты «Сибирь» так обозначил роль университета в жизни края: «Могущественное нравственное значение, которое имеет уже одно имя университета, одно присутствие его в известном городе, значение вполне независимой, самостоятельной корпорации, стоящей выше провинциальных дрязг и интриг и невольно внушающей к себе уважение и научающей общество заслуживать и самому такое же уважение к себе, к своим человеческим правам и достоинствам. Недаром у нас название “университетский город” служит почетным названием» [Загоскин, 2004, 23].

Можно констатировать, что университет в условиях Сибири, будучи государственным учреждением, выступает как субъект культурной политики и субъект социально-коммуникативной политики государства и администрации региона, наделенный определенными функциями и задачами подготовки квалифицированных кадров, необходимых для развития края, формирующий и уровень гражданской зрелости сибирского общества, постоянно присутствуя в местном информацион-

ном поле. Одновременно история открытия университета, университетский вопрос как явление окружающей реальности на протяжении длительного периода с философской точки зрения является и объектом, на который направлены помыслы, действия и заботы сибирского общества. Как общественный институт университет в лице обучаемых и обучающих легко становится и объектом воздействия определенных политических сил. (К примеру, данный фактор стал определяющим в ограничении автономии российских университетов Александром III.) В этом в рамках политико-философской парадигмы просматривается некоторая антиномия, характерная прежде всего для политики, изучаемая современной политологией. В данном случае подобную антиномию скорее можно обозначить понятием социально-политического актора как активного участника социально-политической и экономической жизни Сибири.

Литература

Вагин В. И. Исторический очерк вопроса об университете // Вост. обозрение. 1888. № 29, 24 июля.

Загоскин М. В. Два эпизода из истории сибирского университета // Вост. обозрение. 1888. № 29, 24 июля.

Загоскин М. В. По поводу мнения «Отечественных записок» о сибирском университете // История сибирской печати XVIII – начало XX вв. : хрестоматия : в 5 кн. Глава третья (1873–1887 гг.) / сост. Л. С. Любимов. Иркутск : Иркут. ун-т, 2004. 128 с.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М. : Мысль, 1978. 288 с.

Иркутский университет и общество / сост. С. И. Гольдфарб. Иркутск : Репроцентр А1, 2013. 452 с.

О высшей школе в Иркутске // Сибирь. 1912. № 243, 30 окт.

Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и прим. Н. В. Куликаускене. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.

Рубинштейн М. М. Дитя общественности. Трехлетие Иркутского государственного университета: 1918–1921 // Власть труда [Прил.]. 1921. № 585, 27 окт.

Шинкарева А. П. Б. А. Милютин и деятельность Восточно-Сибирского отделения Русского технического общества в Иркутске // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Сер. Гуманит. и обществ. науки. 2010. № 1 (105). С. 205–212.

Ширяев Ф. Университет в Иркутске. Историческая справка // Изв. Вост.-Сиб. отд. Имп. рус. геогр. о-ва. – Иркутск, 1915. – Т. XLIV. – С. 239–266.

Щапов А. П. Какие факультеты необходимы в сибирском университете? // Иркут. университет и общество / сост. С. И. Гольдфарб. Иркутск : Репроцентр А1, 2013. С. 18–23.

Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг.». Иркутск, 1883. 778 с.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Издание второе, исправленное и дополненное. СПб. : Изд. И. М. Сибирякова, 1892. 750 с.

УДК 07(42)

Е. В. Шишпарёнок

Колонка омбудсмена английской газеты The Observer (The Guardian) С. Притчарда как опыт саморегулирования профессии

Аннотация. Рассматривается опыт работы пресс-омбудсмена английской газеты The Observer («Наблюдатель»), которая является воскресным выпуском крупного британского издания The Guardian («Хранитель»). Выделяются основные темы колонки Стефана Притчарда (Stefan Pritchard): СМИ и терроризм, освещение инвалидности, сниженная лексика в газете, отношение к политике, скрытая реклама, агрессивные комментарии, фейковые новости и т. д. Омбудсмен обращается к широкому кругу источников, включая документы, научную литературу, комментарии представителей академической среды. Целью колонки как опыта саморегулирования является установление и поддержание доверительного диалога с аудиторией.

Ключевые слова: пресс-омбудсмен, этика журналиста, «Наблюдатель», С. Притчард, саморегулирование, диалог.

E. V. Shishparenok

The Column of Ombudsman of the English Newspaper the Observer (the Guardian) S. Pritchard as an Experience of Self-Regulation of Profession

Abstract. The article deals with the experience of press ombudsman of the English newspaper “The Observer”, which is a Sunday issue of “The Guardian”. The main themes of Stefan Pritchard's column are highlighted: media and terrorism, coverage of disability, swear words, attitude to politics, hidden advertising, toxic comments, fake news, etc. Ombudsman attracts a wide range of sources, including documents, scientific literature, comments from university representatives. The purpose of the ombudsman's column is to establish and maintain a confidential dialogue with the audience.

Keywords: press ombudsman, journalist ethics, “The Observer”, “The Guardian”. S. Pritchard, self-regulation, dialogue.

Пресс-омбудсменом в мировой практике называют домашнего критика, который рассматривает корреспонденцию газеты и отвечает на все важные замечания на страницах издания, приглашая читателя к конструктивному диалогу, обсуждению непростых этических ситуаций. Первые омбудсмены появляются в 1970-е гг. в США (The Courier, The Washington Post) [Путеводитель, 2008; Соболь, 2003]. Одной из первых британских газет, назначивших редактора читателей, была The Daily Mirror в середине 1980-х гг. [Mayes, 2017]. В 1990-х колонка пресс-омбудсмена появляется в газете The Guardian.

Опыт домашнего критика «Хранителя» является одним из успешных опытов саморегулирования журналистики. С 1997 г. колонка «Открытая дверь» ведется без перерывов. За 21 год отделом заведовали четыре омбудсмена. Йан Мейс занимал эту должность с 1997 по 2007 г. Многие его материалы носят разъясняющий характер, направлены на то, чтобы предложить читателям сотрудничество. Это поиск доверия, поиск нужного тона и манеры общения с аудиторией. Мейс отвечает на жалобы и вопросы, делает это максимально внимательно, с привлечением самого широкого круга источников (от опроса коллег до словарей

и энциклопедий), рассказывает, как проходят редакционные летучки, посвящает читателя в подробности этических споров между сотрудниками и главным редактором по поводу отдельных материалов и приемов работы.

С 2007 по 2010 г. домашний критик Сиобейн Беттерворт работала уже с командой помощников. Значительно вырастает электронная аудитория, исчезает «архетипический читатель» «Гардиан». Материалы колонки цитирует Высокий суд Великобритании, рассматривая дело о клевете.

С 2010 по 2016 г. колонку критики «Хранителя» вел Крис Элиот. В это время в Великобритании подвела итоги своей работы Комиссия лорда Левесона, созванная по инициативе Дэвида Кэмерона с целью рассмотреть, насколько в британской прессе соблюдаются этические стандарты. Комиссия рекомендовала английским изданиям вводить должность пресс-омбудсменов для улучшения этического климата профессии.

С июня 2016 г. редактором читателей «Гардиан» является Пол Чадвик. Он также работает с небольшой командой, под девизом: «журналистика, которая изучает себя, создает доверие» [Chadwick, 2017].

В 1993 г. Guardian Media Group приобрела воскресную газету The Observer («Наблюдатель»). С 2001 г. Стефан Притчард (Stephen Pritchard), бывший управляющий редактор издания, был назначен его омбудсменом. Притчард занимает эту должность в настоящее время, являясь также членом совета директоров Организации омбудсменов новостей (Organization of News Ombudsmen).

Попробуем проанализировать материалы колонки С. Притчарда, их основную направленность, методы обработки спорной информации, характер и стиль обращения с аудиторией.

Омбудсмен ставит проблему негативного влияния повышенного внимания СМИ к террористам и убийцам. Некоторые французские газеты отказались демонстрировать фото тех, кто стоит за террористическими актами, чтобы избежать их «посмертного прославления». Английские СМИ, напротив, часто считают своим долгом обо всем информировать читателя. С. Притчард озвучивает предложение премьер-министра Дэвида Кэмерона отказаться от термина «Исламское государство»[1] при описании террористического режима в Сирии и использовать термин арабской аббревиатуры Daesh. Омбудсмен обратился за комментарием к редактору «Руководства по стилю “Гардиан”» Дэвиду Маршу. Рассмотрев все доводы и в первую очередь то, что название «Даэш» будет малознаком читателю и затруднит его поиск материалов об Исламском государстве в архиве газеты, редакция пришла к выводу не менять терминологию [Pritchard, 2015a].

[1] Террористическая организация. Запрещена на территории Российской Федерации.

Домашний критик выражает свое мнение по поводу использования в одном из материалов ругательной лексики (swear words). В колонке журналистам позволено больше, чем где-либо в газете, тем не менее редакция оставляет за собой право удалять статьи с ненормативной лексикой, если на них поступали жалобы. Омбудсмен приносит свои извинения читателям, озвучивает позицию тех, кто не обиделся на газету, но разочарован в уклонении героя публикации от своих политических взглядов. Приводит мнения о лидере Лейбористской партии Джереми Корбине, который «живет понятиями холодной войны и в каждом проявлении социализма видим сталинизм». Материал вызвал эмоциональные отклики читателей, кто-то даже прекратил 30-летнюю подписку на издание. Омбудсмен напоминает в этом случае позицию газеты – «скептический летописец политической жизни с очень долгой памятью», предлагает взглянуть на архив «Наблюдателя» с 1960-х гг. [Pritchard, 2017].

Британские мусульмане считают, что в СМИ часто прослеживается связь ислама и терроризма, но мало внимания уделяется мирному вовлечению верующих в британское общество. С. Притчард приводит мнения представителей научного сообщества. В частности, профессор Вакелин (Университет Ланкастера) озвучивает проблему религии и СМИ в более широком контексте. Исчезнув из учебных планов и не занимая равную другим темам позицию в СМИ, религия потеряла способность взаимодействовать с широкими слоями населения. Отсюда недопонимание и чрезмерная демонизация ислама в обществе. С. Притчард говорит о стереотипах, связанных с исламом в желтой прессе, приводит конкретные издания (The Sun и др.) [Pritchard, 2015].

Журналист «Наблюдателя» Кэрол Кадуладард на третьей странице номера написал разоблачительную статью о ссылках на сайты, отрицающие холокост, в алгоритме поиска Google. Вывод звучит следующим образом: «Google понимает единственный язык: деньги». Ирония состоит в том, что предыдущие три страницы номера содержали рекламу нового телефона Google Pixel. Омбудсмен приводит целый ряд эмоциональных высказываний читателей, которые воспринимают это как лицемерие газеты. Главный редактор ответил, что реклама была запланирована раньше материала. Кроме того, Google знал о критических статьях в свой адрес, но не попытался повлиять на это или отозвать рекламу. «Необходимо понимать, – пишет омбудсмен, – что реклама на страницах газет не означает, что издание поддерживает рекламируемый продукт» [Pritchard, 2017b].

Стефан Притчард говорит об эмоциональных, часто необоснованно обвинительных комментариях читателей. Такие вспышки затрудняют коммуникацию, не располагают к дискуссии. Омбудсмен спросил журналистов The Observer об их опыте работы с электронными пись-

мами. Большинство сообщили о злоупотреблениях. Многие говорят о вспышках гнева, но признают необходимость комментирования. Даже анонимность воспринимается в данном случае как неизбежное зло. После обсуждения проблемы с редакторами отделов было решено, что модераторы не будут открывать комментарии, если они не направлены на конструктивную критику и продолжение диалога. Ограничены будут так называемые *toxic comments*, связанные с расизмом, злоупотреблением и троллингом. С. Притчард не соглашается с позицией одного из читателей, что такое ограничение делает невозможным открытое обсуждение темы расы, иммиграции, ислама и многих других. Суть проблемы омбудсмен видит в крайней агрессивности комментариев, которые делают дебаты невозможными. Приводит материалы, авторы которых испытывают давление и преследуются фанатиками. The Telegraph ограничивает комментарии, The Guardian тоже думает в этом направлении [Pritchard, 2016c].

Домашний критик предлагает читателям вспомнить четыре важных новостных события. Эта идея принадлежит его коллеге из SBS в Австралии Салли Бэгби, которая провела подобный опрос среди сорока журналистов на международной конференции омбудсменов новостей в Буэнос-Айресе. С. Притчард знакомит читателей с итогами опроса. Оказалось, что большинство ярких воспоминаний о новостях, показанных СМИ, из детства. Многие люди склонны добавлять детали из своего воображения или путать реальные события с кадрами из фильмов. Изображения, которые сохраняются в памяти, «часто связаны с силой, а не просто с насилием, с силой во всех ее проявлениях». Размещая фотографии в газете, стоить подумать о том, какая информация считывается с них детским сознанием, которое легко травмировать [Pritchard, 2016b].

С. Притчард замечает, что часто спешка и давление времени мешают журналисту проверить информацию. Он рассказывает о материале, посвященном семейному отдыху на Бали. Акцент был сделан на характерном для современной Великобритании явлении, когда родители берут с собой с отпуск уже взрослых детей, поскольку те не всегда имеют возможность съездить в отпуск самостоятельно. Обозревая комментарии к статье, омбудсмен отмечает недостатки. В тексте не было указано, что отец семьи, о которой шла речь, является не просто креативным директором, а сотрудником туристического агентства. Поэтому с читателями, рассматривающими материал как скрытую рекламу, трудно не согласиться. Один их комментаторов предположил, что статья сделана на основе пресс-релиза туристической компании. Омбудсмен в данном случае встал на сторону журналиста, отклонил предположение как несправедливое и разъяснил последовательность сбора материала автором [Pritchard, 2016d].

В современном мире реальной становится угроза фальшивых новостей, такие явления, как «пост-правда» и «пост-факт», которые, даже будучи опровергнуты, продолжают оказывать ложное, негативное воздействие. С. Притчард рассказывает об организациях, которые проверяют информацию; о мобильных приложениях для журналистов, для мгновенной проверки статистики во время пресс-конференции; о том, что газеты создают свои службы по проверке фактов. Омбудсмен также приводит советы Института Рейтера для журналистов [Pritchard, 2017a].

Итак, можно сделать вывод о том, что омбудсмен «Наблюдателя» работает полностью в традициях домашней критики «Гардиан». Считываются идентичные цели и задачи колонки – установить и поддерживать конструктивный диалог с аудиторией. Для этого редактор читателей отвечает на письма, проверяет фактический материал и методы работы своих коллег, рассматривает спорные этические и терминологические ситуации, пытается сформулировать позицию издания, обращаясь за комментариями к руководству и сотрудникам. Омбудсмен – максимально корректный медиатор в споре между читателями и журналистами, всегда стремится выслушать обе стороны и разрешить ситуацию. Материалы колонки С. Притчарда направлены на конкретную проблему, он не стремится обосновывать саму необходимость работы омбудсмена в газете. Видимо, это показатель того, что аудитория «Наблюдателя» давно знакома с подобной практикой и расценивает ее как нужную. Показатель того, что искомый диалог установлен, – газета продолжает завоевывать и поддерживать доверие аудитории практикой непрерывного самоанализа и самокорректировки.

Литература

Путеводитель по саморегулированию СМИ. Все вопросы и ответы. Вена, 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifap.ru/library/book287.pdf (дата обращения: 17.02.2018).

Соболь И. Саморегулирование СМИ: британский опыт. Н. Новгород, 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://medialaw.ru/selfreg/5/n2.htm (дата обращения: 15.01.2018).

Chadwick P. How can we build confidence and trust? By scrutinizing ourselves // Guardian. 2017. May 26. URL: https//www.theguardian.com/membership/2017/may/26/how-can-we-build-confidence-and-trust-by-scrutinising-ourselves (дата обращения: 10.02.2018).

Mayes I. Why should newspapers not be accountable? // Guardian. 2017. Oct. 22. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/oct/22/why-should-newspapers-not-be-accountable (дата обращения: 17.02.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on bad language and Labour Party // Guardian. 2017. March. 26. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/mar/26/readers-editor-on-bad-language-and-labour-party-jeremy-corbyn-nick-cohen (дата обращения: 20.02.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on exposing fake news and lies // Guardian. 2017a. Feb. 26. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/feb/26/readers-editor-separating-fact-from-fiction#img-1 (дата обращения: 17.02.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on Google and editorial independence // Guardian. 2017b. Jan. 1. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jan/01/the-readers-editor-google-advertising (дата обращения: 17.02.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on handling comments below line // Guardian. 2016. March 27. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/mar/27/readers-editor-on-closing-comments-below-line (дата обращения: 17.02.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on Islam and the media // Guardian. 2015. Sep. 27. URL: https://www.theguardian.com/world/2015/sep/27/reader-editor-on-islam-media (дата обращения: 11.04.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on memory images // Guardian. 2016b. May. 1.URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/may/01/readers-editor-memory-images (дата обращения: 17.02.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on reader`s comments below the line // Guardian. 2016c. Jan. 31.URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jan/31/readers-editor-on-readers-comments-below-the-line (дата обращения: 17.02.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on reporting in haste // Guardian. 2016d. Feb. 28. URL: https://www.theguardian.com/media/2016/feb/28/the-readers-editor-on-reporting-in-haste (дата обращения: 17.02.2018).

Pritchard S. The reader`s editor on terrorism terminology // Guardian. 2015a. Dec. 6. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/dec/06/readers-editor-terrorism-terminology-isis (дата обращения: 17.02.2018).

УДК 398.2

А. Б. БУШЕВ

ТРАДИЦИЯ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА И СОВРЕМЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР

Аннотация. Преимущественно на тверском фольклорном материале обсуждаются методологические вопросы: традиционные фольклорные исследования, новая интерпретация традиционного материала и новые исследования нового материала – современного фольклора. Показаны связи социолингвистики и исследований современного фольклора.

Ключевые слова: фольклор, современный фольклор, эстетика, устное народное творчество, традиционная культура.

A. B. Boushev

Tradition of Colloquial Creativity and Modern Folklore

Abstract. The article discusses the methodological questions of folklore studies predominantly: traditional studies of rural folklore, modern interpretation of traditional material and new studies of new folklore material. Most of the texts are provided by Tver University local folklore studies group. The paper sheds light upon interconnectivity of sociolinguistics and modern folklore studies.

Keywords: folklore, modern folklore, aesthetics, colloquial history, traditional ethnic culture.

Устное народное творчество – фольклор – сохранили для нас книги Даля, Михельсона, Афанасьева, Зеленина, Соколовых, Аникина, сохранила и донесла до нас традиция устного исполнения, передачи «из уст в уста». Собственно тверской фольклор сохранен в книгах тверского материала, которые есть в библиотеках: «Тверские пословицы», «Золотые зерна», «Традиционная культура Тверского края» [Традиционная культура Тверского ... , 2015; Фольклор Тверской губернии ... , 2003; Шикова. 1999]. Фольклор – живительные истоки литературы… Родник народного творчества – уходящие в прошлое устные традиции патриархального крестьянства. Все мы в той или иной мере носители фольклора – пользуемся его микроформами (как кстати порой звучат к месту сказанная пословица, присловье, поговорка). В детстве все мы слушаем сказки… Вплоть до наших дней проводится сбор обрядовых текстов, связанных с традиционным календарным циклом в сельском мире, с разными эпохами жизни человека – рождением, венчанием, смертью. В былые годы информантами выступали люди, проведшие жизнь в традиционном коллективе, за традиционным трудом, в отсутствие радио, телевидения, без влияния школы. Как ярка, хоть и неграмотна, была их речь!

И. Н. Горелов проводил показательные психолингвистические эксперименты [1987]. В 1950-х гг., работая школьным учителем, он составил словарь 72-летней хозяйки, у которой жил. Словарь насчитывал 860 единиц, включая пословицы, прибаутки и многочисленные термины из области шорного дела (хозяйка в детстве помогала отцу – шорнику). На долю повседневного общения у старой женщины оставалось не более 500 слов. Горелов прочитал рассказ «Орел и раковина» (136 слов) бабушке и ее внуку и привел их пересказы.

Пересказ бабушки:

Дело так, значит, было. Не помню где, у воды у самой, значит, была эта... как сказали, а я забыла (подсказка) раковина, да. Тута был и коршун (произвольная замена «орла»)… Чи как его? Ну, ладно. Ну, как он живет? Ест, значит, живность, рыбу, чи еще что. Рыбы в тот раз не было, а была эта самая, я все забываю… Ну да, она. Увидал ее, значит, коршун – и к ей. Ага… Было у нее такое (жест ладонями «открыть-закрыть»), хотит – раскроется, хотит – нет. Могит и зачинить (захлопнуть, закрыть. – И. Г.). Коршун, значит, туда (жест), а она его (жест). Ни туда, ни сюда тому коршуну. Не мог он, значит, себя ослобонить. А тута вода поднялась (в тексте «прилив». – И. Г.). Коршун в воде не жилец. Издохнул он в воде. А она себе живет.

Пересказ внука:

Большая ракушка сидела на песочке. Большая ракушка раскрыла эти свои… эти… (подсказка). Да, створки. Она сидела и смотрела на море. А какие глазки у ракушки? Нет глазок? А как же она тогда смотрела? Просто лежала? Ладно, пусть лежит… Лежит она и лежит. А на большой горе было гнездо. В гнезде жил орел с детками. Орел – царь птицов. Он самый сильный и храбрый. Он всех птицов может победить… А царь птицов может победить царя зверей – тоже? Нет? Почему? Ну ладно. Орел захотел съесть большую ракушку… А ее едят разве? Она вкусная? А вы ели? Ладно, буду дальше рассказывать. А я дальше забыл… (подсказка). Орел увидел большую ракушку и говорит: «Сейчас я тебя съем!» А большая ракушка говорит: «Нет, не съешь, я тебя за лапы схвачу!» А орел говорит: «Я тебя не боюсь, я – царь всех птицов!» Как бросился он на ракушку, как схватил, как съел ее всю!.. Нет, он не поел… Она ему лапы прищемила. Тогда он вырвался и улетел.

Рассказ бабушки беднее, изобилует ошибками, но… он вернее и красивее. Мы выходим к пониманию красоты по Канту. Кантовская известная формула эстетики гласит: «Прекрасно то, что нравится независимо от смысла. Schoen ist, was ohne Begriff gefaellt. Отсюда важность категории «эстетическое», актуальная для создания и понимания поэтического произведения.

Как жалко, что занятия языком предстают в некоторых современных методиках как исключительно схоластические перечисления ошибок, коммуникативных неудач, правил. На фоне всеобщего увлечения в преподавании словесности ортологией теряется акцент на интерпретационных готовностях обучаемых, работе с текстом, способности к связке гносеологического образа с опытом, к перевыражению одного в другом – способности к рефлексии. А именно ее должно связывать со способностью интерпретировать и понимать мир. И эта же способность являет собой базу творческого письма, базу риторики. Обращая свое внимание на отдельные элементы текста («как сделан текст»), обучаемый должен ставить перед собой вопросы: «Что я вижу и почему? Что заставляет меня понимать это вот так, а не по-иному? Насколько вероятны другие интерпретации? Каково место данного феномена в ряду других?».

Показательна интерпретация стилизации, выводящая нас и к более широкому вопросу: «Насколько привлекательно может выглядеть неграмотность?!». Вот, например, героиня «Черных досок» Солоухина тетя Дуня, у которой писатель просит икону, говорит: «*Сказано тебе, что я бестолковая. А насчет иконы – не переменюсь. Чтобы я дала из избы икону унести? Да нешто такое может быть? Она придет ко мне ночью и спросит: «Куда ты меня, Овдотья, первому встречному отдала?» Что я ей, сердешной, скажу? Деньги! Да нешто иконы продают? Вот придет она ко мне ночью и спросит: «За сколько сребреников ты меня, Иуда несчастная, продала*?» Зададимся вопросом: каким мы видим образ героини и почему? Вопрос «Почему мы видим это?» – вполне филологический. Только дидактика по привычке свободно и легко идет мимо обучения усмотрению ключевых смыслов. Чему служит стилизация речи? Может ли неграмотность быть красива?!

Устная традиция – передача информации между поколениями устно, по памяти, с соответствующими способами варьирования, оставляющими простор импровизации, она предполагает определенную манеру исполнения. Устная история была самой ранней формой исторического сознания древних народов. Устная традиция включает исторические предания, героические сказания, исторические песни, былевые духовные стихи. Своеобразна эстетика устно-поэтического канона (формулы, подхваты, постпозиция эпитета, особые эпитеты, ритмика).

В традиционных фольклорных исследованиях обследовались малограмотные носители русского языка (это отвечало социальным задачам изучения народного словесного искусства); обследовались люди, детство проведшие в традиционном коллективе, за традиционным трудом, в отсутствие радио, телевидения; носители диалектов в отсутствие социализирующего влияния школы; православные или стихийно православные. Изучалась речь деревенских стариков, национальный фольклор субэтносов (казаков, поморов и т. д.). Проводилось описание эт-

нографии уходящей России, обрядов и т. д. Информанты представляли информацию – жанры традиционного фольклора: частушки, стихи, обряды, рассказы, микрожанры [Фольклор Тверской губернии ... , 2003]. Сегодня этого социального класса нет. Оказывает влияние радио, показательна грамотность или полуграмотность, исчезла диалектность. Сельский труд не воспринимается как традиционный труд, традиционная культура. Ушла передаваемая от предков религиозность.

Между тем стандартные традиционные исследования проводятся. Например, в книге О. В. Шиковой [1999] собраны детский, обрядовый фольклор, заклички, припевки, колядки, песни, плачи, воинские песни, баллады, шуточные песни, свадебные песни, частушки, городские песни и романсы, духовные стихи, религиозные песнопения, сказки. Набор жанров не конечен. В. Г. Базанов вышел к жанрам крестьянского политического красноречия, устным рассказам, толкам и слухам.

Фольклор понимался как бесписьменная литература, но сегодня мы знаем, что есть письменные жанры фольклора. Показательно бытовавшее понимание классового характера фольклора. Специализированное искусство не может заменить фольклор, профессиональное искусство не может заменить народное творчество. Стандартом является поиск архаического фольклора негородского населения при установке на вымысел, сбор религиозно-магических и обрядовых текстов. Вербальный фольклор постепенно эмансипируется от обрядно-мифологического контекста и начинает развиваться по законам словесности, что приводит к формированию жанрового пространства вербального фольклора. Почти всегда в традиционных исследованиях предмет сбора у информантов – предмет любования и восхищения.

Социолект крестьян не может не нравиться сборщикам фольклора [Традиционная культура Тверского ... , 2015]:

Я мужик, в мяне лук растет, а в бабах лук ня родится. Ты знаешь дедовы стихи. А я говорю – правильно дед говорил, мамка говорила: «Вставай раненько, сажай темно, чтоб перье было темное, ага, ну и почитай молитву: «Народи, Господи, на всякую долю крященую, для добрых людей и для меня». Картошку сажаешь – тож говори: «Уродись, картошечка, крупная в решето, длинная в оглоблину, не пустая, а рассыпчатая». Спярьва добрых людей вспомяни, а потом себя, она и будет родиться. И у меня кажный год от этого, ни от этого, а кажный год картошка – убору нет, нету убору, всягда хорошая. Говорят: «Куда идти? А пойдемте к Вани за картошкой». А я, бывает, простота, что раздашь всё, а после поглядишь – пусто. Простота, как говорится, хуже воровства. Ну так вот, живу один, а огород содержу на целую семью, ня хочется от людей отстать. Как-то батюшка явился с матушкой, заплавские. Рукам от так плех: «Ох, лихонько, а для какой-то у вас посажен огород такой?» А я говорю: «Мой!» «Ой, Божья

Матерь, для чавой-то это нужно вам, Иван Иваныч, вам надо нетельку лучку, нетельку свяколки и всё». А я говорю: «В мяне семья большая, батюшка, прям как у вас. У вас тож там вошь на цапи, блоха на аркане, народу бывает ужасти сколько». Да, народу в них кажный день тоже вволю… Захмычка у мине такая. Когда уже будет не поднять фунт хмелю, тада уж всё, тогда уже конец. Как говорил мой дед Лука Михалыч, чтоб всякий запас был, чтобы в холодную зимушку было что в зубу поковырять.

Фольклор (устное народное творчество) занимал сердцевину духовного существования патриархальных сельских информантов. Очевидно, издревле для человека характерна потребность выразить себя художественно. Даже став грамотными, эти люди не переставали припадать к живительному источнику устного народного творчества. Это стало достоянием фольклористов. Как важно такое общение студентов с людьми, которые живут на земле и которые – хорошо или плохо – нас кормят. Студентам приходится работать над собой, чтобы вызвать доверие и расположение мудрых старых людей, неготовых просто так, от нечего делать поделиться с первым встречным своим сокровенным.

Ценен опыт фольклорно-краеведческих встреч в районах Тверской области, приобщение школьников и студентов к народной традиционной культуре, затягивание в рефлексию над опытом фольклора, знакомство с элементами традиционного образа жизни. Материал, собираемый ежегодно во время поездок, радует: это и песни, и духовные стихи, и частушки, и предметы быта, и творчество «наивных писателей», и воспоминания о старом быте… Рассказы об обряде опахивания деревни и праздновании Десятой пятницы (Краснохолмский район), уникальные сведения по погребальному обряду (Бежецкий район)… Каждый год студенты занимаются оцифровкой записанных тексов, в конце года проводится конференция, где участники экспедиции представляют собранный материал.

Фольклорные исследования оказываются важными не только и не столько для них самих или даже лингвистики и литературоведения. Основной источник пословиц – жизнь народа, традиции, быт. Тесты эти, как говорят ученые, прецедентны, т. е. отражают архетипы, заключающие колоссальный объем знаний, постоянно воспроизводятся, являются культурным достоянием. «Родина», «Природа», «Работа», «Обычай», «Семья», «Культура», «Традиции», «Труд», «Мужчина и женщина» – таков спектр тем фольклора. Не больше, но и не меньше.

Возьмите, скажем, частушку. Частушка возникла во второй половине XIX в. Это связано с отменой крепостного права, большей мобильностью крестьянства. Также на появление этого жанра повлияло изменение темпов жизни, связанное с техническим прогрессом. Таким образом, частушка – это один из молодых жанров фольклора… Ча-

стушка живо откликается на происходящее, недаром ее и сравнивали с газетой и радио.

Студенты сочиняют частушки про преподавателей, что свидетельствует о живой интертекстуальной перекличке времен:

Я немею, нету слов,
А ты невиноватый;
Полюбился Логунов,
Жаль, что он женатый!

Кстати, в нашем университете сохранились частушки, сочиненные во время экспедиций начала 1920-х гг. и посвященные руководителям Ю. М. Соколову, А. Н. Вершинскому и участникам полевой работы:

Ходит в шляпе господин,
Собирает песни;
Уж он ходит не один,
Рота девок ходит с ним!

Несомненно, фольклор и образ жизни (этнография) заслуживают живого отношения и должны использоваться при воспитании школьников и студентов, фольклорные и краеведческие конференции затягивают молодежь в рефлексию над традиционной культурой, ее прагматикой. Безусловно, отношение к исполнителям и хранителям фольклора должно поменяться: это не карты памяти, не носители реликтовой, ушедшей в историю и помахавшей на прощание рукой культуры, а собеседники, обладающие живым, метким, ярким словом – источником развития языка современного школьника и студента.

Изложенное подводит к следующему выводу: истинные ценности традиционной культуры вступают в живую диалогическую традицию с современностью, фундируют модерновое.

Новый подход к традиционному материалу демонстрирует труд Л. Олсон и С. Адоньевой [2016]. Американским и русским исследователями изучаются и интерпретируются личные истории трех поколений русский женщин – дооктябрьское поколение, поколение 1917–1929 гг. (до Большого перелома) и поколение 1930–1950 гг., молодость которого пришлась на послевоенные годы. В рассказах женщин русской деревни (по результатам этнографических экспедиций) предстали наиболее значимые сферы женского знания и дискурса – темы ухаживания и свадьбы, мелодраматизм песенного репертуара и трансгрессивность частушки, магические и религиозные практики, межпоколенческие отношения родства и свойства, отношения с мертвыми.

Книгу характеризует широкое использование современных методологических подходов, выход за рамки фольклористики традиционной парадигмы («записывать все, что поет и рассказывает деревня»), взаимодействие с современным психологическим, социально-антропологическим и лингвистическим знанием. С. Адоньева специ-

ально отмечает свою неудовлетворенность структурным и типологическим анализом фольклорных текстов, подтолкнувшую ее к поиску иных методов анализа, к знакомству с другими дисциплинами (лингвистикой, психологией, социологией, антропологией), что позволило превратиться ей из собирателя фольклора во включенного наблюдателя.

Показателен сам подход к информантам, которых авторы предпочитают называть собеседниками. В центре книги – люди, пользующиеся фольклором для своих нужд, а не «носители традиции». По словам авторов, это восприятие традиции, в которой человек сам участвует. Собеседники не воспринимаются как «карты памяти» (устройства для хранения информации), «носители традиции», которые хранят фольклорную информацию для ученых.

Привлечены антропологические исследования, гендеристика, исследование субъективности, дискурса, наррации, невербалики – с использованием работ И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, А. Шютца, М. де Серто, П. Бурдье, М. Фуко, Б. Малиновского, Л. Витгенштейна. Дж. Серля Д. Таннен, Р. Шенка и Р. Абельсона.

В науке об устном народном творчестве еще не определены и не раскрыты жанровые разновидности современного эпоса. Не всякий устный рассказ является произведением словесного искусства. Для сказа характерны преувеличения, легендарность при общей правдивости. Сказ, побывальщина – это повествование про старинное житье. Издревле люди в уральской рабочей среде рассказывали о Разине и Пугачеве, о немцах и Демидовых, о хозяйке Медной горы и о духе огня в горняцком труде, о змеях и других фантастических животных, населявших эти места [Гельгардт, 1958]. «*Они цветок каменный видали, красоту поняли. Данилушко, как услышал про каменный цветок, давай спрашивать старика. Тот по совести сказал: «Не знаю, милый сын. Слыхал, что есть такой цветок. Видеть его нашему брату нельзя. Кто поглядит, тому белый свет не мил станет». Данилушко на это и говорит: «Я бы поглядел»* [Бажов, 1977].

Передо мной другая книга. Р. Р. Гельгардт обстоятельно аргументирует свою идею, согласно которой в комплексе проблем, связанных с изучением стиля литературно-художественных произведений, центральной является проблема ***мотивированности, причинности отбора языковых средств*** [Гельгардт, 1958]. На Урале ученый исследовал рабочий фольклор, устные сказы рабочих Сибири, демидовских заводов. Вспоминаются сразу Мамин-Сибиряк, Бажов… Хотя Горький написал о том, что у нас совершенно недостаточно беллетристики о Сибири.

Р. Р. Гельгардт выходит к теории художественной речи, исследуя фольклор о Сибири [Там же]. Рабочий фольклор можно понимать поразному. Это и нерасширительное толкование рабочего фольклора как традиционного фольклора, бытовавшего в рабочей среде, – многие ста-

рые песни, сказки, пословицы, загадки и др. В узком смысле произведения, которые развивают рабочие темы, сюжеты. Этому фольклору всего 150 лет. В них – образы, связанные с трудовой деятельностью, борьбой, бытом пролетариата. Творчество крестьян более разнообразно в жанровом отношении. Про творчество иных социальных страт в те годы не говорили. Собственно рабочий фольклор не включает, например, традиционного героического эпоса. Крестьянская земледельческая и календарная поэзия, обрядовый фольклор неизвестны в рабочем фольклоре. В нем не встретишь стихиру, духовные стихи, духовные вирши. А, скажем, такой жанр, как народная драма, бытовал и в крестьянской, и в рабочей среде в одинаковых образах. Общими для рабочих и крестьян является и основная масса пословиц и поговорок. Еще меньше собственно рабочих загадок. Также не существует особого жанра рабочих частушек: частушки, созданные рабочими, выделялись не какими-то жанровыми признаками, а тематикой.

Специфику рабочего фольклора составляет пролетарская песня и сказ о труде, жизни и борьбе рабочих. В предисловии к книге В. И. Чичеровым написано, как отлито в бронзе: «Песня и сказ есть те особые жанры, которые вносит пролетариат в общую сокровищницу народного творчества». Не всегда легко дефинировать эти жанры. Есть разница между воспоминанием и сказкой как художественно обособленным произведением народного творчества. Меньшая ясность жанровых границ сказа в значительной мере и явилась причиной того, что сказы до революции почти не записывались и не печатались.

Вспоминается в связи с поисками современных форм фольклора и концепция тверского профессора А. В. Гончаровой [2005], собиравшей устные рассказы о Великой Отечественной войне, верившей в то, что будут собраны народные рассказы о терроризме, об Афганистане, о чеченских войнах. Сегодня уходят в прошлое все старые устные жанры – от обрядовой лирики до сказки, зато на первый план выдвигаются другие жанры. Городской фольклор существует как одна из неофициальных областей советской и постсоветской культуры.

Это, по сути дела, коллоквиальная история**.** Рассказоведы ставят проблему судеб фольклора, определения границ устного рассказа, обсуждают спорную проблему современного народного творчества. Хроникальны и мемуарные рассказы – хроникальный рассказ содержит черты достоверности, законченный жизненный эпизод. Рассказ ситуативен, содержит сюжет, вызывает желание информанта выступить в роли рассказчика, вызвать сопереживание слушателя. Фабульный рассказ – вид несказочной прозы. Для него характерен целый ряд характеристик: коллективность создания, стихийность бытования, устность – целый ряд фольклорных признаков.

Итак, перед нами устные военные рассказы мемуарной разновидности**.** Мемуарный рассказ содержит художественное начало в эмбриональном состоянии и находится на стыке искусства и жизни, на грани простого языкового общения и художественного творчества, обращает нас к истокам, к самой колыбели искусства. Значимы коллективный характер и художественность формы несказочной фольклорной прозы. Коллективность – как признак профессором А. В. Гончаровой решен диалектически: это новое качество коллективности, усиленное индивидуальным, личностным началом. Движение от живого отклика (от простой реплики) к целостному повествованию с кристаллизацией художественного образа. Коллоквиальные рассказы обсуждают видные советские фольклористы Померанцева, Гусев, Чистов. Сказ привлекает нарратологов, исследователей стиля монологов.

Показательна диалектика взаимодействия между устным народным творчеством и письменной литературой. После появления письменности и литературы, в условиях зарождения государственности и развития более сложных религиозно-мифологических систем фольклор продолжает функционировать, но такой традиционный, или «классический», фольклор развивается в нечто отличное от фольклора строго архаического. Древнейший сюжетный фонд подвергается десакрализации, устная традиция испытывает многоплановое влияние книжной словесности: так, устное слово может воспроизводить нормы письменного языка (особенно характерно для торжественной ритмизованной речи), одновременно происходит фольклоризация и архаизация книжных источников [Гончарова, 2001].

Времена меняются. Редко кто теперь исполнит хотя бы одну былину, но все-таки многие знают не одну сказку, могут спеть романс. Фольклор сегодняшний существует и в киноцитатах, и в разошедшейся на цитаты рекламе, и в Интернете. Современный фольклор существует [2003]! Он – в наших устных преданиях, в байках, анекдотах, детских стишках, говоре музыкальных фанатов и интернетчиков, в альбомах, в субкультуре армии, в различных словесных формах пространства современного города. Возьмите туристский фольклор, народные песни у костра. На наших глазах рождаются тексты Интернета, которые имеют коллективного автора. В Интернете вообще происходит сегодня большой карнавал. Любой присланный текст можно переписать, дописать, урезать, продлить и так далее. Эти тексты имеют коллективного автора – один из существенных признаков фольклорности.

При возникновении постфольклора он увязывается с появлением принципиально новых (по сравнению с письменностью) информационно-коммуникационных технологий: запись, хранение, трансляция звука и изображения. Широко влияют на распространение фольклора эстрада, кино.

Устная словесность неотделима от семиотики субкультур, что заставляет расширить поле исследований, включив в нее этнографическую часть современной городской культуры, далеко выходящую за пределы привычного для нас понимания фольклора как «устной словесности». Речевой обиход современного города включает ряд малых форм фольклора и парафольклорные формы, наивное письмо.

Программа исследований постфольклора предстает таковой: традиции и субкультуры – ритуалы и обряды современного города – картина городского пространства – жанровый состав вербального фольклора – речевой обиход города.

Показательно изучение тюремного фольклора [Джекобсон М., Джекобсон Л., 2001]. Известен феномен тюремной песни, отношение в разных слоях общества к тюремной песне. Почти каждый житель страны знал хотя бы одного политического заключенного. «Наступило время блатных песен» (Ю. Даниель). Отсюда передача «В нашу гавань заходили корабли», отсюда магнитиздат. Русское общество стало приблатненным (В. Бахтин и Б. Путилов).

Теория субкультур – один из способов описания культурной дифференциации современного общества. Набор признаков – знаковые (общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира), поведенческие (обычаи, ритуалы, нормы, модели и стереотипы поведения), социальные (среда, социальная группа), а также все они вместе. К культурному коду относится и субъязык, и фольклор.

Областями сбора современного фольклора могут являться следующие: культура молодежная (музыкальные диггеры, автостоп и т. д.), туристов, парашютистов, программистов, студентов, учащихся военных училищ; субкультура солдат-срочников, субкультура больницы, прихрамовой среды, изменившиеся обряды (родильный, свадебный, похоронный), пространство современного города (городская мифология, памятники в городе, граффити, разговорные топонимы), жанры современного городского фольклора (песни, романсы, устные рассказы, несказочная проза, фольклор коммунальных квартир, семейный фольклор, современный анекдот, современная альбомная традиция, магические письма). Устойчивые формулы в городской обыденной речи языковые игры и малые жанры городского фольклора, киноцитаты, рекламные тексты в обыденной речи, шифровки, эпистолы, поздравления и пожелания в рукописных традициях. Интересна обрядовость XX в. Показателен национальный фольклор во взаимодействии с русским – у Ганиевой, у Айтматова и т. д. Изучаются новые жанры – частушка, анекдот, стихи черного юмора, фольклорность рекламы.

Литература

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. М., 1977. 333 с.

Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова. Очерки. Пермь, 1958. 481 с.

Гончарова А. В., Скаковская Л. Н. У истока. Фольклорные традиции в русской литературе 1970–1990-хгг. Тверь : ТвГУ, 2001. 240 с.

Гончарова А. В. Народные устные рассказы о Великой Отечественной войне и художественная проза 40–80-х гг. Тверь : Золотая буква, 2005.

Горелов И. Н. Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. М. : Наука, 1987. 265с.

Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник. М. : СГУ, 2001. 561 с.

Олсон Л., Адоньева С. Миры русской деревенской женщины. Традиция, трансгрессия, компромисс. М. : НЛО, 2016.

Современный городской фольклор / отв. ред. сер. С. Ю. Неклюдов. М. : РГГУ, 2003. 736 с.

Традиционная культура Тверского края: 50-летию С. В. Морякова, 75-летию И. И. Смирнова : сб. материалов. Вып. 6 / ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров ; сост. Л. М. Концедайло, А. А. Петров. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2015. 100 с.

Фольклор Тверской губернии. Сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой. 1919–1926 гг. М. : Наука, 2003. (Литературные памятники).

Шикова О В. От песен рот тесен. М. : Палея-Мишин, 1999. 147 с.

УДК 82-7:7.067

В. Гола

Сатира в социалистической мультипликации ГДР, Польской Народной Республики и СССР

Аннотация. Представлен обзор репертуара сатирических мультипликаций в трёх социалистических государствах: Германской Демократической Республике, Польской Народной Республике и СССР. К рассмотрению принимаются мультипликации, созданные с 1970 по 1989 г. на государственных анимационных студиях (DEFA, «Союзмультфильм» и пяти польских студиях). Учитывается также особая роль цензуры, которая в социалистических странах, несомненно, затрагивание некоторых тем не допускала. Так, наибольшая творческая свобода просматривается в польских анимационных студиях, где во главе с режиссёром Юлианом Антонишом создавалась острая политическая сатира. Наиболее «безобидной» сатирой отличается ГДР, можно выделить такие темы, как высмеивание западных стран, загрязнение окружающей среды, дефицит определённых профессий. В случае с анимацией СССР особое внимание обращается на мультипликации киножурнала «Фитиль», тему вредных привычек, а также репертуар, предлагаемый литературными классиками сатиры. Также оговаривается общая для трёх государств тема – высмеивание института церкви.

Ключевые слова: анимация ГДР, анимация Польской Народной Республики, анимация СССР, сатира в социализме 70-х, 80-х гг.

V. Gohla

Satire in Socialist Animation of GDR, Polish People's Republic and Soviet Union

Abstract. The article considers the themes in the satirical animations of the three socialist states: German Democratic Republic, Polish People's Republic and Soviet Union. Animations created between 1970 and 1989 in the governmental animation studios ("DEFA", "Sojuzmul'tfilm" and five Polish studios) will be here considered. A special role of the censorship, much more strict than in the capitalistic states, has been also taken in account. So, the greatest creativity freedom is to be seen at the Polish studios, where for example one of the directors of Cracow Studio Julian Antoniš created his acute political animation satires. The most "harmless" satire is to be seen in GDR, where such topics can be singled out: the ridicule of Western countries, an environmental pollution or shortage of certain professions. In the case of the animation of USSR special attention is drawn to the short film series "Fitil" (eng. The Fuse), topic of bad habits as alcoholism and to the animations inspired by classical satirical writers. At the end a common theme for all three states, namely a ridicule of the institution of the Church, is mentioned.

Keywords: animation of GDR, animation of Polish People's Republic, soviet animation, satire in the socialism in 70ies and 80ies.

Предметом настоящей статьи является обзор[1] мультипликационных фильмов, принадлежащих к жанру сатиры, в трёх социалистических государствах: Германской Демократической Республике (далее ГДР), Польской Народной Республике (далее ПНР) и Союзе Советских Социалистических Республик (далее СССР).

К рассмотрению при этом будут приниматься мультфильмы, созданные в период с 1970 по 1989 г. Такое, несколько условное, ограничение временных рамок имеет своё обоснование в политических событиях: в начале 70-х гг. XX в. в ГДР и ПНР завершились эры Вальтера Ульбрихта и Владислава Гомулки, и посты первых секретарей Центральных комитетов СЕПГ[2] и ПОПР[3] заняли Эрих Хонеккер (3 мая 1971 г.) и Эдвард Герек (20 декабря 1970 г.) соответственно. 1989 г. с его революциями, охватившими страны Восточной и Центральной Европы и приведшими к падению их социалистических режимов, можно считать логическим завершением явления «социалистическая мультипликация». Этот период также насыщен историческими событиями, такими как движение «Солидарность» и военное положение 1981–1983 гг. в ПНР, перестройка и гласность в СССР.

Выбор стран обусловлен отчасти интересом автора, отчасти возможностью ознакомления с такими мультфильмами на языке их оригинала, если их художественное оформление предусматривало применение текста[4]. Несмотря на такую, могущую показаться субъективной, подборку государств, эти три страны можно считать довольно репрезентативными для социализма XX в.: СССР – как первое в истории социалистическое государство в принципе[5], имеющее огромное политическое, военное, экономическое влияние на другие страны с социалистическим режимом, в частности страны Варшавского договора; ГДР – как государство с фашистским прошлым, граничащее со своим капиталистическим «братом»; и наконец ПНР – как государство, чьё движение «Солидарность» было причастно к падению социализма в Центральной и Восточной Европе.

---

[1] Настоящая статья является своеобразным проспектом будущей дипломной работы.

[2] Социалистическая единая партия Германии. Нем.: SED – Sozialistische Einheitspartei Deutschlands.

[3] Польская объединённая рабочая партия. Польск.: Polska Zjednoczona Partia Robotnicza.

[4] Что в случае с мультфильмами, принадлежащими к жанру сатиры, не было редкостью. Гораздо меньшую роль, чем текст, в таких мультфильмах играет их графическое или музыкальное оформление.

[5] Не считая, конечно, Парижской коммуны, просуществовавшей лишь полтора месяца (18 марта – 28 мая 1871 г.).

Следует сразу отметить, что рассматриваемые нами мультипликации – это фильмы для взрослых. Речь не будет идти о «жемчужинах»[1] тех или иных студий, которые до сих пор присутствуют в коллективной памяти обществ экс-социалистических государств. На наш субъективный взгляд, истинных произведений искусства в сатирическом жанре с точки зрения их художественности было создано довольно мало[2].

При отборе анимаций нами были просмотрены каталоги мультфильмов семи студий: изданный в виде книги каталог студии DEFA[3] Trickfilmstudio «Die Trick-Fabrik. DEFA-Aniomationsfilme 1955–1990» (2003), интернет-каталоги «Союзмультфильма»[4] и пяти польских студий[5]: 1) Studio Filmów Animowanych w Krakowie, 2) Studio Miniatur Filmowych w Warszawie, 3) Studio Filmów Rysunkowych w Bielsko-Białej, 4) Telewizyjne Studio Filmów Animowanych w Poznaniu и, наконец, 5) Studio Małych Form Filmowych Se-Ma-For w Łodzi. Из каталогов нами были отобраны мультипликационные фильмы, которые можно причислить к сатирическому жанру, и составлены списки для каждого государства (для ГДР – 51, ПНР – 52, СССР – 42 мультипликации), самые любопытные из которых мы бы хотели представить в настоящей статье. Следует отметить, что нами отбирались анимации, созданные на государственных студиях, без учёта творчества андерграунда.

В социализме рождалась особенная культура, которая отличалась от культуры капиталистических стран[6] мотивами, целевыми группами, затрагиваемыми темами. Анимация, принадлежащая к «седьмому искусству», несомненно, являлась частью социалистической культуры. Интересна роль цензуры в таких государствах, которая, как известно, отличалась своим особым ригоризмом от цензуры капиталистических стран. Помимо пропагандистских или нейтральных по смысловой нагрузке мультипликаций, в социалистических странах создавались также очень интересные сатирические мультипликационные фильмы, которые ловко «обводили цензуру вокруг пальца». Особенно если речь идёт о политической сатире, съёмка таких мультипликаций требовала от их создателей изворотливости и владения искусством иносказания.

---

[1] Каковыми, например, являются «Винни-Пух» (1969–1972), Bolek i Lolek (1963 г. – до наших дней), Sandmännchen (1959 г. – до наших дней).

[2] Можно тут привести такие немногочисленные примеры, как «Дверь» (1986) Нины Шориной или «Polska Kronika non-camerowa» (1981–1986) Юлиана Антониша. «Жемчужины» социалистической анимации рождались всё-таки во всех трёх случаях в детском жанре.

[3] Deutsche Film Aktiengesellschaft Trickfilmstudio (рус. акционер. о-во «Немецкий Фильм». Студия мультфильмов).

[4] http://animator.ru/index.phtml (дата обращения: 10.06.2018).

[5] http://www.filmpolski.pl/fp/index.php (дата обращения: 10.06.2018).

[6] Достаточно вспомнить такие явления, как «социалистический реализм», «суровый стиль», Bitterfelder Weg, а также культуру андерграунда в социалистических странах.

В СССР, казалось, именно в анимации у режиссёров была возможность проявить себя и рассказать о наболевшем. Больше и строже проверялись так называемые игровые фильмы [Васильева, 2015, с. 57], анимацию по привычке считали детским видом искусства, а её создателей – малышами «в коротких штанишках, играющих в куколки» [Шварцман, 2011].

Интересно описывает ситуацию, царившую в творческой атмосфере создателей анимаций в рассматриваемых странах, в своих воспоминаниях главный драматург восточногерманской студии DEFA Trickfilmstudio Марион Раше [Rasche, 2003, p. 150–151] (перевод мой. – *В. Г.*):

«Мы всегда немного завидовали нашим коллегам. Едва ли другое социалистическое государство так переоценивало теоретическую и политическую работу в творческом процессе. В других социалистических мультипликационных студиях – с этим мы сталкивались всё чаще и чаще, когда просматривали их программы, – казалось, было намного больше творческой, а главное – идеологической свободы. В Польше цензура, казалось, была чем-то абсолютно чужим. Анимационные фильмы там показывали со всей своей ясностью противоречия и проблемы общества. Анимации краковской студии (...) восхищали нас. Никто не спрашивал, соответствуют ли мультипликации из Венгрии, Югославии и Болгарии социалистическим директивам. Даже фильмы из СССР – и те не все. Когда же мы в разговорах упоминали о возможностях в большинстве социалистических стран, нам всё обосновывали особой ситуацией двух немецких государств и специфическим положением ГДР, граничащей с капитализмом».

Над чем же можно было смеяться в ГДР? Особого внимания заслуживает цикл Vater und Familie (рус. «Отец и семья») 1970–1978 гг. Здесь высмеиваются общие черты эгоистичного отца семьи, который помогает своей жене лишь в день 8 Марта, а по другим праздникам, в будние дни или же в отпуске именно жена выполняет всю работу:

- Ehret die Frauen (рус. «Уважайте женщин»), 1970;
- Spann mal aus, Liebling (рус. «Отдохни, дорогая»), 1971;
- O du fröhliche[1] (рус. О, радостное время), 1971;
- Vater als Studienhilfe (рус. «Отец помогает в учёбе»), 1972;

Либо же сатире подвержены его лень и негражданское поведение по отношению к социалистическому обществу: Vater und VMI (рус. «Отец и народная инициатива»[2]) 1971 или Selbstversorger (рус. «Самообеспечитель»), 1971.

---

[1] Название известной немецкой рождественской песни.

[2] VMI (Volkswirtschaftliche Masseninitiative) была формой народной добровольной деятельности в свободное время. Этот вид деятельности можно сравнить с субботниками в СССР.

Довольно-таки популярным мотивом в ГДР была сатира на западные страны. Примером могут послужить такие мультипликации, как Das Märchen von Texas Bill (рус. «Сказка о Билле из Техаса»), 1976 или Ein gemachter Mann oder «Falsche Fuffziger» (рус. «Человек успеха, или Фальшивые пятидесятки»), 1979. Объектом сатиры тут являются нечестное и нелегальное достижение финансового благосостояния, разврат, эксплуатация рабочего класса.

Интересны также мультипликации, обращающиеся к известной проблеме ГДР – дефициту различных техников и мастеров. Тут можно выделить два мультфильма из серии Herr Daff (рус. «Господин Дафф»), 1981–1983:

● Herr Daff zieht um (рус. «Господин Дафф переезжает»), 1982 г. – господин Дафф переезжает и безуспешно ищет среди соседей помощников для переезда. Когда во время перевозки у него ломается телевизор, он размещает под своей именной табличкой следующую надпись «Ferhnsehmechaniker...» (телевизионный мастер) – тут же к нему спешат с помощью доброжелательные соседи, думая, что господин Дафф является мастером по телевизорам и с ним стоит «подружиться». Господин Дафф, удивляясь изменению настроений, доканчивает текст «... gesucht!» (ищется);

● Herr Daff baut sich ein Haus (рус. «Господин Дафф строит себе дом»), 1983 г., в которой господин Дафф, желая построить себе дом и избежать проблемы с ремесленниками, сам выучивается на каменщика, кровельщика, электрика и на всякий случай – медика. Когда же домик готов, господину Даффу пора уже и умирать.

Следующей темой, которую можно здесь выделить, является сатира на безответственное отношение человека к природе. В анимации Konsequenz (рус. «Последовательность»), 1987 г. представлена «последовательность» зрителей, которые после просмотра фильма о выхлопных газах выходят из кино, чтобы сесть в свои загрязняющие окружающую среду авто. Также интересно передано беспокойство об окружающей среде в мультфильме Der Kreis (рус. «Круг»), 1989 г., в котором огромная фабрика выбрасывает в атмосферу чёрный дым. Люди в этой местности вынуждены носить защитные маски. Камера переводится снова на фабрику, которая беспрестанно работает, машина возле машины – и все они производят... защитные маски.

Ещё одним примером сатиры на загрязнение окружающей среды может послужить анимация Sonntag (рус. «Воскресенье»), 1989 г., в которой представлен воскресный день на Земле будущего, где не про-

сматривается ни единого зелёного пятнышка. Огромная очередь людей ведёт к музею, экспонатом которого является одно дерево[1].

Последней темой, которую хотелось бы выделить для ГДР, является политическая сатира, встречающиеся в анимации этого государства лишь в последний год его существования. Речь пойдёт о двух мультипликационных фильмах:

● Das Monument (рус. «Памятник»), 1989 г.: фильм начинается с открытия памятника, который выпрямленной рукой указывает в одно направление, что вызывает восторг и одобрение публики. Через некоторое время памятнику звонят по телефону, что-то объясняют, после чего он с некоторым усилием меняет направление руки, указывая теперь в противоположную сторону. И это изменение вызывает восторг публики;

● Lebensbedürfnis oder: Arbeit macht Spaß (рус. «Жизненная необходимость, или Работа доставляет удовольствие»), 1989 г.: с большим участием и усилием мужчина-работник разбивает камни в крошку. С не меньшим участием женщина-работница формирует из крошки камень. Далее эти камни снова разбиваются работником.

Особенностью анимации Польской Народной Республики, которую следует упомянуть, было отсутствие ярко выраженного центра, как это имело место в случае с ГДР и СССР. Почти в каждом крупном городе (Варшава, Краков, Познань, Лодзь, Бельско-Бяла) существовала своя студия, которая на равных правах со столицей[2] производила мультфильмы.

Помимо «рядовой» сатиры, высмеивающей человеческие качества (Ściany mają uszy (рус. «У стен есть уши»), 1974; Punktualność (рус. «Пунктуальность»), 1976, серия Koleś (рус. «Чувак»), 1980–1982), в анимации Польской Народной Республики создавалась особенно нахальная, на наш взгляд, политсатира, не имеющая аналога ни в ГДР, ни в СССР.

Особого внимания здесь достоин режиссёр, соучредитель Студии анимационных фильмов в Кракове (польск. Studio Filmów Animowanych w Krakowie) – Юлиан Юзэф Антониш[3] (настоящая фамилия – Антонишчак). Начиная с 1977 г. этот режиссёр создавал мультипликации в технике non-camera (т. е. картинки наносились непосредственно на киноплёнку). Многие из них являлись едкой сатирой на реалии того времени. Из-под лёгкой руки Юлиана Антониша вышел цикл

---

[1] Похожая по содержанию, но не по сатирическому представлению, мультипикация была снята в «Союзмультфильме» в 1973 г. – «Чудо» по стихотворению Романа Сефа.

[2] Следует отметить, что восточногерманская студия также находилась не в Берлине, а в Дрездене – столице Саксонии, которая в силу региональных особенностей ментально отличалась от остальной ГДР.

[3] Пол. Julian Józef Antonisz (Antoniszczak).

мультипликаций Polska Kronika Non-camerowa (рус. «Польская хроника non-camera») в 1981–1986 гг., состоящий из 12 частей. Polska Kronika non-camerowa пародировала официальный киножурнал в ПНР Polska Kronika Filmowa (рус. «Польская кинохроника»), который часто снимал сюжеты пропагандистского характера. «Хроника» Антониша также имела формат обзора различных тем. Так, например, седьмая серия (1984) «Хроники» начинается со слов» (перевод мой. – *В. Г.*): «Как-то у нас уж так принято: то, что получше, – вжик, на экспорт, а то, что похуже, – вжик, в страну». И далее повествуется о профессоре, который вывел специальную породу кур, несущих яйца с одним лишь желтком, – это на экспорт. А куры, несущие яйца с одним белком или даже выдутые яйца, – это для страны. В девятой же серии (1985) «Хроники» рассказывается о проекте постройки «необходимого для экономики страны» металлургического завода «Закопанэ» на вершине Гевонта[1]. Немаловажным вопросом такой инвестиции является простота перевозки железной руды паромом из «близлежащей Швеции», затем поездом, затем гондолами на Губаловку[2], затем гуральскими телегами на Каспоровый Верх[3], а затем вертолётами на Гевонт, а там – в печь! А затем страна получает достаточно обогревателей, «правда, по распределению, но...».

Ещё одно детище Юлиана Антониша носит название Dodatkowe wole trawienne magistra Kiziołła (рус. «Дополнительные способности к перевариванию магистра Кизёлла»), 1983 г., в которой магистр Кизёлл, желая быть самодостаточным в период мясного кризиса, выработал в себе дополнительные способности к перевариванию. Теперь он в состоянии переваривать траву, сено, дерево и даже развлекательную телевизионную передачу ПНР.

В анимации СССР особого внимания заслуживают мультипликационные сюжеты киножурнала «Фитиль», где, казалось бы, можно было смеяться над всем: от некачественной и неэффективной продукции СССР («Руками не трогать», 1977; «Тяжёлый случай», 1978; «Неожиданные победители», 1981), бездельничества («Дело без дела», 1985), дефицита («Гвоздь программы», 1983, «Скрытые резервы», 1985), пьянства на работе («Надёжная деталь», 1978) до современного искусства («Громовержцы», 1980) и загрязнения окружающей среды («Невероятное очевидное», 1980, «Лавина», 1983).

Довольно часто встречающейся показалась нам сатира на тему алкоголизма. Помимо уже упомянутого сюжета из киножурнала «Фитиль», можно обратить внимание на следующие две мультипликации:

---

[1] Горный массив в Западных Татрах, наивысшая точка – Большой Гевонт (1895 м).
[2] Гора в Западных Татрах, неподалёку от польского города Закопане.
[3] Гора в Западных Татрах на границе Польши и Словакии.

«Слушается дело о... Не очень комическая опера» (1976) и «Мелочи жизни» (1977). Оба мультфильма похожи тем, что в них высмеивается окружение пьяниц, которое либо виновато в том, что человек спился (как в случае с первым мультфильмом), либо помогающее алкоголику не избавиться от вредной привычки, а избежать конфликтных ситуаций, вызванных его проблемой с алкоголем.

Также любопытны сюжеты, снятые по классикам сатиры в русской литературе. В 1974 г. режиссёром Б. Степанцевым были созданы два кукольных мультфильма по мотивам «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя – «Похождение Чичикова. Манилов» и «Похождение Чичикова. Ноздрёв», высмеивающих типажи помещиков в царской России – слащавого псевдоинтеллектуала Манилова и самодура Ноздрёва. Другим таким мультфильмом является «Премудрый пескарь» (1979) Валентина Караваева, снятый по одноимённой сказке Салтыкова-Щедрина о пескаре, решившем незаметно провести остаток жизнь в норе.

И хотя названные мультфильмы довольно чётко следуют сюжетной линии классических произведений, они неизбежно проникнуты символами и кодами своего времени [Васильева, 2015, с. 57].

Конечно, существовали и сатирические темы, которые были общими для всех трёх стран. Одним таким «общим» объектом высмеивания была церковь (что, собственно, и неудивительно в случае с социалистическими государствами), которая представлялась как институция бесполезная, проникнутая формализмом и оторванная от жизни и реальных потребностей людей. Так, немецкий мультфильм SOS (1980) показывает тонущий корабль, посылающий сигнал бедствия SOS. К судну подплывает священник, благословляет утопающих и уплывает обратно. Польский мультфильм Kierdel (рус. «Стадо»), 1973 г., высмеивает ангелов-хранителей, охраняющих своих подопечных только в часы своей работы, а в остальное время подвергают их опасности. И, наконец, в советском многоплановом мультфильме «Остров» (1973) в одной из сцен к острову подплывает священник, обращает одиноко живущего на острове человечка в веру, всучивает ему Библию и уплывает, не видя истинного желания человечка покинуть остров и жить с людьми.

Итак, нами были рассмотрены темы, на которые в ГДР, ПНР и СССР в 1970-х и 1980-х гг. создавались сатирические мультипликационные фильмы. Естественно, осознавая роль цензуры данных стран, можно предположить, что тематическое разнообразие проблематичных для общества вопросов было несколько ограничено (скорее всего, нельзя было открыто смеяться над учением Маркса, Октябрьской революцией, Лениным, партией), однако и уже имеющийся тематический спектр может внести свой вклад в изучение социокультурной истории социалистических государств.

Литература

Васильева В. П. Образ советского чиновника в сатирических мультфильмах эпохи «оттепели» // Лабиринт. 2015. № 5–6. С. 56–63.

Шварцман Л. А. Я только сейчас расту. [Электронный ресурс]. URL: https://lechaim.ru/ARHIV/234/kalashnikova.htm (дата обращения: 10.06.2018).

Rasche M. Der Mann in der Flasche. Hoffnungen und Erwartungen – Über Kinofilme im Erwachsenenprogramm der siebziger und achtziger Jahre // Die Trick-Fabrik. DEFA-Animationsfilme 1955-1990. // Schenk R., Scholze S. (Red.). Berlin, 2003. S. 129–155.

Schenk R., Scholze S. (Red.) Die Trick-Fabrik. DEFA-Animationsfilme 1955–1990. Berlin, 2003. S. 387–496.

http://animator.ru/index.phtml (дата обращения: 10.06.2018).

http://www.filmpolski.pl/fp/index.php (дата обращения: 10.06.2018).

УДК 882(092)Распутин

В. Я. Иванова

Человек и «его» время в первых рассказах Валентина Распутина

Аннотация. Рассматриваются особенности художественного времени в первом сборнике рассказов Валентина Распутина «Человек с этого света» (1967). Историческое и социальное, биографическое время в ранней публицистике писателя уступает место особому субъективному времени, возникающему в состоянии одиночества главного героя, когда человек словно оказывается вне времени, соприкасаясь с вечностью.

Ключевые слова: художественное время, биографическое время, историческое и социальное время, вечность.

V. Ya. Ivanova

Man and “his” time in first stories Valentine Rasputine

Abstract. The article deals with the features of artistic time in the first collection of stories by Valentin Rasputin “the Man from this world” (1967). Historical and social, biographical time in the early journalism of the writer gives way to a special subjective time that occurs in the state of loneliness of the main character, when a person seems to be out of time, in contact with eternity.

Keywords: artistic time, biographical time, historical and social time, eternity.

В юбилейный год Валентина Распутина пришла еще одна юбилейная дата – 50-летие с момента выхода в свет первой книги его рассказов «Человек с этого света» (1967). Книга, с которой начинается литературная биография писателя. Прежние – «Край возле самого неба» (Иркутск, 1966) и «Костровые новых городов» (Красноярск, 1966) – представляли собой сборники очерков из «Советской молодежи» и «Красноярского комсомольца». В третьей книжке писателя – рубеж, переход в новое творческое состояние. После Читинского семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в сентябре 1966 г. Валентин Распутин оставляет редакцию газеты «Красноярский комсомолец» и уходит в литературное творчество. Сборник рассказов «Человек с этого света» – событие, подтвердившее правильность выбранного пути.

Критика отозвалась быстро. В сентябре 1967 г. в газете «Советская молодежь» появилась статья Н. Антипьева «Мера вещей». Она начинается фразой: «Такого дружного звездопада давно не бывало в поэтической Сибири. Родились мастера талантливого слова, “хорошие и разные”. Имя одного из них Валентин Распутин» [Антипьев, 1967]. Автор оказался проницательным в прогнозах: «Валентин Распутин – талантливый молодой прозаик. Его вещи помогают нам глубже постигать давно известные явления. Но, думается, что главная тема, равная силе его дарования, – еще ждет писателя» [Антипьев, 1967]. Критик был прав в предощущении большой главной темы молодого писателя – темы русского народа, души человека, но не прав в том, что первый сборник – это только обещание будущих творческих открытий. Сейчас с полным основанием можно сказать, что все последующие книги выросли из рассказов сборника «Человек с этого света», как сами они в свою очередь выросли из газетных очерков «Советской молодежи» и «Красноярского комсомольца».

Самый первый рассказ «Я забыл спросить у Лёшки…», очерк о трагическом случае на лесосеке, был привезен спецкором «Советской молодежи» Валентином Распутиным из командировки. К тому времени молодой журналист всего год назад окончил Иркутский университет. Марк Сергеев, писатель, тогда заместитель главного редактора альманаха «Ангара», вспоминая о появлении материала в редакции, писал, что этот очерк «стал не просто первым рассказом <…>, но и началом биографии Распутина-художника» [Сергеев, 1986, с. 12]. Марк Сергеев был убежден, что в первом рассказе «заложено в зародыше все, что развилось потом в процессе творчества нашего земляка: высочайшая человечность, подлинная правда жизни, бескомпромиссность позиции, истинное нравственное чувство и чистая простота письма» [Сергеев, 1986, с. 12]. Сборник первых рассказов Валентина Распутина содержит в себе в первую очередь те глубинные изменения, которые позволили очеркам стать художественными произведениями, – что-то произошло при переходе границы от журналистики к литературе. Изменения отражены, на наш взгляд, и в специфике времени.

Книжка «Человек с этого света» небольшая – в сборнике всего двенадцать рассказов. Только два из них писатель потом часто переиздавал: рассказы «Василий и Василиса» и «Встреча», последний в сборнике был опубликован под названием «Как-то раз в середине зимы». Остальные почти не переиздавались, за исключением переводов на другие языки. Редакция Красноярского книжного издательства в предисловии выразила общее мнение о цельности собранных под обложкой рассказов. «Но все рассказы объединяет одно – обостренное и пристальное внимание к человеку и его судьбе, «крупный план» человеческих поступков и переживаний. Книга В. Распутина – это раздумья о

месте человека в жизни и о времени, в котором мы живем» [Распутин, 1967, с. 4]. Редакция выделила главные объекты внимания писателя – человек и время. Но видимое на первый взгляд настоящее время в рассказах обогащено сложно структурированным «ненастоящим» временем главных героев. Настоящее время в первых рассказах расширяется до вечности.

В ранний период творчества писатель уже тонко умел передать сложность человеческой души, ее «текучесть», по Толстому. Свое видение литературной работы молодой журналист выражает в критической статье «Там, где твой наблюдательный пункт. Размышления над творчеством молодых». В роли критика Валентин Распутин выступил в этой статье впервые, и потому на таком раннем этапе его творчества очень важно соотнести художественный мир и рефлексию молодого писателя, пока даже не являющегося членом Союза писателей (был принят 06.05.1967). Синхронизация первых произведений и рефлексии становящегося писательского сознания открывает новые аспекты для исследователя. Разбирая присланные в редакцию рассказы молодых авторов, Валентин Распутин сетует, что «в литературе часто, особенно провинциальной, человек до того упрощен и принижен, что на него, бедного, и глядеть неинтересно, не говоря о том, чтобы учиться у него…» [Распутин, 1967а]. Сложность, многомерность, психологическая глубина отличают первые рассказы самого писателя. В статье Валентин Распутин определяет круг основных тем литературы, выделяет важность столкновения, соединения и границы: «…это добро и зло, жизнь и смерть, любовь и ненависть. <…> Именно это волнует человека и будет ему всегда интересно» [Там же]. Формируется собственный художественный контрапункт произведения – существование главного героя на границе. Объединяет рассказы сборника образ человека, оказавшегося вне обычного времени, на грани с чем-то иным. В развитии сюжета происходит обрыв текущего привычного для всех людей времени – исторического, социального, биографического и возникновение нового временного поля, новой системы координат для главного героя.

Прерывание привычных ритмов жизни связано с единым для всех рассказов мотивом одиночества. В произведениях изображены люди разных возрастов, соприкоснувшиеся с одиночеством – не всегда только физическим. Можно проследить по рассказам: четырехлетний мальчишка («Мама куда-то ушла»), семнадцатилетний Лёшка («Я забыл спросить у Лёшки…»), зрелые мужчины («Общий вагон», «Продается медвежья шкура», «День рождения»), старухи («Старуха», «Человек с этого света»). Данным мотивом автор словно объединяет героев, создает единый образный сплав человека вне возраста, или любого возраста, в ситуации встречи с самим собой. Эта встреча с самим собой в художественном мире Валентина Распутина может произойти только в одиночестве.

Старая-престарая главная героиня рассказа «Старуха», шаманка, неподвижна, и ее лицо уже не может выражать глубинных течений души. Три женщины – бабушка, дочь и внучка – живут вместе и одни. «Они жили одни, в маленьком домике на самом краю поселка, совсем без мужчин. <…> Они жили одни, являясь продолжением друг друга <…>» [Распутин, 1967б, с. 14]. Отделенность семьи от мира вносит в рассказ мотив сиротства, который последовательно раскрывается в образе старой тофаларки. На границе своей жизни женщина мучительно переживает обрыв древней традиции как потерю силы народа, именно это она воспринимает как настоящий конец. С болью и страхом за свой род рядом с двумя родными людьми, не понимающими ее страданий, старуха трагически одинока. Обрыв коммуникации близких людей перерастает в обрыв связи поколений и эксплицирован фразой испуганной девочки: «Мама, что она говорит?» Мотив непонимания с самого начала рассказа внутренне, незримо и постоянно присутствует в тексте. Одиночество старухи после ее ухода передается внучке: «Вечером девчонка пришла на могилу старухи одна» [Там же, с. 18]. Монолог девочки о заслугах бабушки, не связанный с реальными глубокими переживаниями старухи, трагически углубляет мотив сиротства и свидетельствует об утрате родовой памяти, понимания ценности рода и предков.

Встреча с собой дарит человеку особое время – «свое», субъективное время, чуждое социальному и тем более историческому. Предвестием прозрений и нового ощущения времени главных героев, внутренне развивающегося в рассказах к концу сборника, являются размышления именно старухи в рассказе «Человек с этого света», давшего название всей книги, а значит, ключевого: «Говорят, что для каждого человека время имеет свой рисунок» [Там же, с. 25]. Старуха-тофаларка после поездки в Москву и посещения мавзолея чувствует время по-своему: «Сейчас они идут рядом только потому, что человек помогает времени не отстать» [Там же]. Остро, каким-то чутьем, чувствует время и охотник, не преследующий, а сам преследуемый зверем, в рассказе «Продается медвежья шкура». Охотник и зверь поменялись местами, и для человека время стало «чужим», оно распалось, разделилось на часы, минуты и секунды. Матерый охотник физически ощущает протекание и ценность каждого мгновения, способного стать последним.

Восьмидесятилетняя тофаларка-охотница в рассказе «Человек с этого света» одинока. Она одна среди хребтов и тайги, и даже ветры теперь ей чужие. «Против месяцев одиночества и их тяжести приходится выставлять свое оружие» [Там же, с. 22]. Время годами кружит над ее головой, ложится тяжестью на душе. Границу в этом мире образует только одно событие – посещение мавзолея: «Но был в ее жизни один год, который настолько не походил на все остальные, что выбивался из обычных представлений о времени» [Там же]. Это событие метафори-

чески и буквально размыкает кружение времени, и рука старухи не может соединить нарисованного кольца прожитого года. Сам по себе разговор с Лениным усиливает сквозной для сборника мотив одиночества, обостряет ситуацию некоммуникации и фактически презентует встречу женщины с самой собою, открытие себя. Исповедь в мавзолее дарит тофаларке новое ощущение времени. «Но для нее с тех пор, как она вернулась из Москвы, время постепенно стало терять свою роковую силу, которой она его раньше наделяла. Случилось что-то непонятное: оно обрело реальность и спустилось со своих заоблачных высот на землю к человеку» [Там же, 25]. Время для главной героини очеловечивается, становится «своим».

Особый статус в раскрытии темы у начального рассказа «Я забыл спросить у Лешки…» и заключительного – «День рождения». Первый рассказ сборника и всего творчества в целом открывает специфическую тему писателя, тогда молодого журналиста (1961 г.), не помышляющего еще о литературном творчестве. Эта тема – человек на границе жизни – умирание человека, матери, земли. Повести «Последний срок» и «Прощание с Матёрой» именно об этом. Повесть «Живи и помни» тоже о человеке на грани жизни и смерти. Выжив на войне физически, Гуськов умирает нравственно, втягивая в этот водоворот светлую Настёну, которая вырваться из пленения смогла только физическим небытием. Качание, пребывание на грани жизни и смерти изображено в первом рассказе Валентина Распутина «Я забыл спросить у Лёшки…». Тема порога и острота времени, требующего отсечь главное от неглавного, архетипична. Но умирание для Валентина Распутина, даже в первом рассказе, – это не окончание жизни, а переход из одного состояния в другое, причем в высшее. Это глубинная авторская интенция. В повести «Последний срок» это переход в трансцендентное, в вечность. В первом рассказе вечность скрыта эвфемизмом советской эпохи – продолжением жизни человека в его делах, в сердцах других людей, ради которых он жил и работал. В каждом произведении умирание застает главного героя в разный период жизни: в молодости лесоруба Лёшку («Я забыл спросить у Лёшки…»), в глубокой старости охотницу-тофаларку («Старуха», «Человек с этого света»), в зрелости Виктора («День рождения»), в следующих произведениях писателя – старуху Анну («Последний срок») и цветущую землю Матёру. Переход сопровождается острым и новым ощущением времени, его физического протекания рядом или вместе с человеком, сопряженного с состоянием внебытия, словно бы граница жизни уже перейдена. Качание, колебание на грани само по себе выражает движения маятника часов, углубляя сложную природу художественного времени произведений, делая ее емкой и многомерной. Эти же качания характерны для внешнего и внутреннего состояния главного героя первого рассказа писателя.

Одиночество Лёшки в рассказе «Я забыл спросить у Лёшки…» нарастает стремительно. Вот только происходит увлеченный диалог, и люди уже не слышат друг друга, а последующее забытье Лёшки обнажает недоступный для диалога его внутренний мир. Диалог перерастает в монолог и потом в исповедь с невозможностью участия в ней слушателя. Трагизм возникает в реальности этой невозможности ответить на слышимое. Стена, разделяющая людей, возникает неожиданно, предельно обостряя ситуацию сиротства всех. Вместе с тем каждая следующая секунда жизни семнадцатилетнего паренька отражается в сердцах друзей как прожитая целиком жизнь. Хронометром в рассказе становится необычный образ живого маятника – ноги умирающего. «Одна нога у него была заброшена за палку, а другая настойчиво пыталась достать землю, но это ей никак не удавалось, и она маятником качалась в воздухе» [Распутин, 1967б, с. 9]. Следует отметить, что это качание ноги при многих изменениях, сокращениях и уточнениях в редакции текста 1967 г. сохранено с первого издания рассказа (1961 г.). «Я видел только, как качается Лешкина нога <…>» [Распутин, 1961, с. 86]. Качание было сохранено и оформлено в окончательной редакции как метафора маятниковых часов.

На границе между жизнью и смертью в течение нескольких месяцев находится Василий, главный герой рассказа «Продается медвежья шкура» – медвежатник, не знавший промаха и неудач. Всего одно мгновение, когда медведь с белым пятном на груди, неожиданно встал перед ним, разделила жизнь Василия на две части. Это мгновение охотник воспринял как последнее: «Последнее мгновение в его жизни, и вдруг медведь прыгает в сторону, и последнее мгновение, как мыльный пузырь, превращается в брызги, за которыми время снова начинает свой ровный, постоянный ход…» [Распутин, 1967б, с. 49]. Но вся последующая жизнь охотника оказывается множеством именно таких последних мгновений. Как последнее мгновение представлен и кульминационный поединок человека с медведем. Противостояние с оставшимся по вине охотника одиноким зверем обособило человека от мира людей и психологически, и физически. Люди старались изолировать себя от этого странного и опасного соединения человека со зверем. И человек тоже стал одиноким, он оказался лишенным охотничьего достоинства, оказался скрытым в своем доме, оторванным от любимой тайги. Преданность медведя своей подруге очеловечивает зверя, страх же придает человеку качества зверя. В противостоянии двух одиноких существ звучит трагический мотив уничтожения живого живым, борьбы, в которой нет победителя.

Заключительный рассказ сборника «День рождения» представляет, возможно, самое сложное художественное время в сборнике. Главный герой Виктор отсчитывает часы своего дня рождения, предвкушая

празднование его с друзьями в родном городе. Весь сюжет рассказа – это хронометр обыденного времени, которое в кульминации отпадает как ненужное. Читатель вслед за героем следит за течением дня. Человек остался один, его пустой одинокий дом так и не наполнился в день рождения друзьями. И у него возникает ощущение потерянности, нереальности происходящего вокруг. Мотив сиротства – по-прежнему ведущий. Одиночество до предела обостряет чувство времени, только иного – «своего». Пороговость состояния передается сгущением образов последнего мгновения, порога дома, границей между сном и реальностью, мечты и осуществления, путешествием и возвращением, воспоминанием и настоящим, квартирой и улицей, радостью и грустью, детством и зрелостью. Пороговость передается и сложной метафорой последних слов рассказа: «…день рождения закрыл за собой свою последнюю дверь, а с другой стороны открылась первая дверь нового дня» [Там же, с. 119]. Главный герой постоянно находится внутри пограничного пространства ситуаций, размышлений, состояний, разных координат времени. То это время аэропорта, то время улиц, ее потоков, то время планеты и ее обитателей, то время личной биографии. Ощущение грани времени кульминационно: «Тоска смертельная, будто завтра умирать» [Там же, с. 117]. Образ сна варьируется как реальный сон героя после перелета на самолете, сноподобного бытия людей улицы, сноподобной праздничной суеты главного героя, существующего какое-то время, словно параллельно своему дню рождения.

Необыкновенное состояние героя в развитии событий выражается в его внешней неподвижности при чутком восприятии природы, слиянии со стихией, рекой времени. «Он сидел без движения и, казалось, чувствовал, как движется время: возле него чуть слышно шелестели секунды, где-то рядом падали, как капли воды, минуты – день рождения таял у него на глазах» [Там же, с. 112]. Отступает обыденное время дня с суетой и заботами, отступает социальное время – время города с его суточными ритмами жизни улиц, рабочими потоками людей на них, биографическое с воспоминаниями о детстве и юности. Человек словно выпадает из системы жизненных координат. «Ему вдруг стало безразлично, как закончится его день рождения, лишь бы скорей он закончился, чтобы очутиться опять в простом, обыденном времени, с которым можно вести себя на равных» [Распутин, 1967б, с. 115]. Человек попадает в резонанс с чем-то вневременным и вечным, которое становится «его» временем, это и является единственным подарком ему на день рождения. Таким образом, в рассказе «День рождения» эксплицируется ведущая сквозная тема человека и «его» времени, открывающегося в ситуации одиночества.

Молодой критик Валентин Распутин советует начинающим литераторам в 1967 г.: писать надо «свое – свои чувства (почему мы должны думать, что до нас кто-то мог точно так же чувствовать, если мы

родились впервые?), свои мысли (и что кто-то по-нашему мог мыслить, если нас не было?), показывать своих друзей и недругов (таких, может быть, ни у кого не было), мы должны быть самими собой, не Такими-как-все…» [Распутин, 1967]. Открытая позиция субъективности была исключительна для литературы того времени, опирающейся на типическое в социалистической модели отношений человека и общества. Позиция Валентина Распутина определяла позицию независимости и отстаивания права отдельного человека, не героя, на его особую жизнь от общества и особое время, вне истории. Именно об этом первый рассказ сборника «Я забыл спросить у Лёшки…», где главный герой своим негероизмом вписан молодым автором в историю строительства коммунизма. Субъективность распространяется не только на чувства и мысли главных героев, она вбирает в себя автобиографизм материала, характерного в целом для творчества Валентина Распутина. Субъективность характеризует, таким образом, художественное время первых рассказов Валентина Распутина.

Соотношение настоящего времени и вечности в сознании зрелого писателя обнаруживается в одном из его интервью: «На то он и писатель, чтобы видеть сегодняшний день в ряду вечного времени» [Афанасьев, 1982, с. 3]. Мнение крещенного в 1980 г. писателя отсылает понятие вечности к христианской парадигме. Сборник рассказов «Человек с этого света» явился рубежным в творчестве Валентина Распутина, поскольку отделил литературное творчество от художественной публицистики. Границу проводит специфика авторского времени. Историческое, социальное, биографическое время героев остается в журналистике. Переход к художественным произведениям проявляется в локализации времени во внутреннем мире героя, со стертыми историческими, социальными и даже биографическими характеристиками, в возникновении «своего», личного времени, воспринимаемого как особого, выходящего за обычные представления. Отстраненное от исторического и социального, стоящее как бы над ним, субъективное время главного героя соотносится с вечностью как оппозиция временному в традиционной христианской картине мира. Одиночество создает условия для встречи главного героя с самим собой и «своим» временем. «Свое» время в ранних рассказах писателя имеет архетипическое христианское звучание. С первого рассказа в творчестве писателя также эксплицирован авторский образ времени – маятник, вариативно представленный затем во многих его художественных произведениях.

Особое, архетипическое христианское время, размыкающее временные координаты истории, настоящего, социальной реальности города, жизни окружающих людей и уводящее главного героя, и читателя вместе с ним, в трансцендентное, переводит первые рассказы Валентина Распутина в статус классики, интересной для человека любой эпохи.

Литература

Афанасьев А. Валентин Распутин: Живу и верю // Сов. молодежь. Иркутск, 1982. 12 авг. С. 3.

Антипьев Н. Мера вещей // Вост.-Сиб. правда. Иркутск, 1967. 2 сент. (№ 206). С. 3.

Распутин В. Живу и верю / беседовал А. Афанасьев // Сов. молодежь. Иркутск, 1982. 12 авг. С. 3.

Распутин В. Там, где твой наблюдательный пункт. Размышления над творчеством молодых // Сов. молодежь. Иркутск, 1967а. 2 апр.

Распутин В. Человек с этого света : рассказы. Красноярск : Краснояр. кн. изд-во, 1967б. 120 с.

Распутин В. Я забыл спросить у Алешки… : рассказ // Ангара. Иркутск, 1961. С. 84–88.

Сергеев М. Валентин Григорьевич Распутин // Валентин Григорьевич Распутин : биобиблиогр. указ. / сост. Э. Д. Елизарова ; науч. ред. Н. С. Тендитник ; отв. за вып. Р. И. Шолохова. Иркутск, 1986. С. 7–19.

УДК 82.0

Н. М. Кузьмищева

Проблема разграничения сознаний автора и героя (на примере анализа рассказа Ю. Олеши «Наташа»)

Аннотация. Дается эстетический анализ рассказа Юрия Олеши «Наташа». Разбираются ошибки школьников в восприятии этого произведения. Основное внимание уделяется проблеме разграничения сознаний автора и героя при анализе и интерпретации художественного текста.

Ключевые слова: авторское сознание, сознание героя, игра с читательским восприятием, анализ художественного текста, художественная деталь, символическая образность.

N. M. Kuzmishcheva

The Problem of Distinction between the Author's and the Hero's Consciences (on the Example of the story "Natasha" by Yury Olesha)

Abstract. The author of the article gives an aesthetic analysis of the story "Natasha" by Yury Olesha, analyzed some errors made by students while analyzing the story. Particular attention is drawn to the problem of distinction between the author's and the hero's consciences.

Keywords: author's conscience, hero's conscience, game with the reader's perception, analysis of a literary text, literary details, symbolic image.

Рассказ «Наташа» Ю. Олеши входил в систему олимпиадных заданий по анализу художественного текста для школьников 10-го класса в Иркутском государственном университете. Экспертов в целом устроило в работах школьников владение теоретико-литературным понятийным аппаратом, историко-литературная эрудиция, языковая и речевая грамотность. Камнем преткновения стал самый важный критерий – «понимание произведения».

Встретилось очень много работ школьников, анализирующих рассказ, в которых давалась слишком прямолинейная оценка образам персонажей, свидетельствующая о неверном прочтении рассказа, что очень встревожило экспертов. Поскольку это говорит не столько о не-

хватке навыков анализа и интерпретации текста, сколько об отсутствии чуткости душевного переживания. Ведь смысл текста открывается на интуитивном уровне. Рассказ Ю. Олеши об очень трогательных отношениях между отцом и дочерью в восприятии школьников превратился в повествование о малодушии людей, которые не могут говорить правду друг другу, в историю о конфликте отцов и детей на современный лад. Но что больше всего задело экспертов, так это восприятие главных персонажей. Старик предстает как человек, «больше всего в жизни боящийся одиночества», потому мешающий дочери налаживать отношения с молодым человеком. «Вечно эти старики путаются на пути и не хотят уступать дорогу молодым», – примерно такой вывод был сделан в одной из работ. Наташа воспринимается равнодушной девушкой, отказывающейся от ухаживания за отцом-стариком, к тому же еще и «врушей». «Причина конфликта – обман, главная идея произведения нравоучительная: обманывать нехорошо», – еще одна трактовка сути произведения.

Такие варианты интерпретаций можно назвать кощунственно примитивными и буквальными. Мы предлагаем пример анализа рассказа Юрия Олеши «Наташа». Попытаемся выяснить, что более всего затруднило школьников в восприятии этого произведения, с чем связано такое неправильное прочтение.

Автор играет с читательским восприятием, правила игры не сразу удается распознать и принять. Повествование ведется от третьего лица. Перед нами главный герой «старичок» изображается за завтраком в одиночестве, в раздраженном состоянии, с мыслями о том, что Наташа к нему плохо относится. Более того, он называет её «дурой». Рассказ построен на авторских недомолвках. Читатель не сразу узнает, кто такая Наташа. Оказывается, это дочь. Школьники обратили внимание на безымянное наименование главного персонажа «старичок» и сделали вывод, что уменьшительно-ласкательный суффикс – знак положительной оценки автора. Затем герой превращается в профессора, что придает старичку определенный общественный статус и значимость. Имя и отчество «Дмитрий Яковлевич» мы узнаем, когда к главному герою обращается шофер. Через обращение шофера «мой старик» чувствуется положительное отношение автора к герою. Роль этого второстепенного персонажа (шофера) заключается ещё и в том, что через него показывается особое сознание старичка, восприятие мира сквозь призму своих сугубо субъективных умозаключений: он считает, что шофер и Наташа в заговоре.

Что мы знаем о героине? Что она плохо относится к отцу, так думал старичок. Притом что он *очень любил дочь.* И доказательством этого является следующее повествование: *Что может быть лучше белого полотняного платья на девушке. Как блестят костяные пуговицы! Она*

вчера гладила платье. Выглаженное полотняное платье пахнет левкоем [Олеша, 1985, с. 435].

Через такое отстраненное повествование о платье складывается впечатление о девушке очень милой, светлой и естественной (как белое полотняное платье). Запах левкои может символизировать красоту и цветение: *Она вчера гладила платье*. К чему-то готовилась? Как выяснится позже, к свиданию.

События в рассказе переданы через восприятие героя. Из-за неумения школьниками разграничивать авторское сознание и сознание героя и произошли такие ошибки в восприятии текста.

Выделим основные события и соотнесем их с преломлением в сознании героя:

Основные события	**События, преломленные в сознании героя**
Завтрак в раздраженном состоянии	Старичок думает, что Наташа к нему плохо относится
Поездка на автомобиле неизвестно куда. Просто «туда»	Старичок думает, что шофер над ним смеётся и он в заговоре с Наташей
Письмо от Наташи, переданное шофером	Старичок думает, что никакого Штейна нет, Наташа придумала миф о свиданиях, чтобы скрыть свои занятия парашютным спортом
Подъем в гору, стояние в траве на горе и наблюдение за парашютистами	Старичок наблюдает за полосатым парашютом, думая, что Наташа прыгает с ним
Сидение в неудобной позе в ожидании телефонного звонка	Старичок ждет звонка, готовый к неутешительным последствиям для дочери после неудачного приземления на парашюте
Сцена в больнице	В больнице говорят не о неудачном приземлении и его последствиях, а о том, что профессор похож на Максима Горького. Все смеются

Преломленные события в сознании героя оказываются далекими от реальности. Прозрение приходит только в финальной сцене. Может быть, поэтому возникает сравнение с М. Горьким, поскольку писатели живут в вымышленном мире своих фантазий. Если читатель буквально воспринимает оценки старичка, не соотнося их с позицией автора, он оказывается на ложном пути.

Юрий Олеша умело организовывает игру с читательским восприятием. Рассказ построен на системе авторских недомолвок. Не известно, куда едет профессор, зачем поднимается в гору. Появившиеся парашюты воспринимаются как часть пейзажа. Ни с того ни с сего сваливаются на голову. Не известно, почему он сидит целый час в позе человека, который сейчас поднимется. Что он в точности знал, что ему скажут по телефону?

Куда он направляется после «страшной гонки»? Последнее становится понятно через ряд больничных деталей: белый стучащий халат (почему стучащий, было принято одежду крахмалить), стеклянная дверь, лицо Наташи на середине подушки.

«На середине подушки» – в авторском тексте это отдельное предложение, безглагольное, можно сказать, безымянное, проясняет ситуацию. Наташа – в лежачем положении, с ней что-то случилось.

Становится понятно: почему герой просидел целый час в напряженной позе человека, *который сейчас поднимется*; почему старичок роняет пепельницу; что ему сказали по телефону; зачем нужны автору *десять минут страшной гонки по улицам.*

Психологическое напряжение, в котором пребывает герой (а с ним и читатель), достигает своего апогея. Тем неожиданней воспринимается сцена в больнице: *Он увидел смеющееся лицо Наташи.* Автор снимает напряжение и для героя, и для читателя: *…он услышал, как сказали: "Ничего страшного". Неправильно приземлилась* [Олеша, 1985, с. 437][1].

Эх ты, – сказал профессор, – обманывала меня. Говорила, что на свидание ходишь. Как это глупо. Я, как дурак, стоял в траве <…> Стою, жду… когда полосатый раскроется… [Там же].

Если в начале рассказа профессор называет дурой свою дочь, то в конце – себя. Это «самонаименование» оправдывается, ход его мыслей оказался ошибочным.

Выясняется, что дочь-то его не обманывала: *Придумывает, что ходит на свидания, а сама прыгает с парашютом*, – думает отец. Но в итоге она, оказывается, говорит правду. Прыжки с парашютом и свидания можно ведь совместить.

Все видят в рассказе обман как причину конфликта. А обмана как такого нет вовсе. Обратим внимание на художественные детали, встречающиеся в описании завтрака. *Стол был накрыт на одного. Стояли кофейник, молочник, стакан в подстаканнике с ослепительно горящей в солнечном луче ложечкой и блюдечко, на котором лежали два яйца* [Там же, с. 434].

Почему два яйца? Может быть, это просто привычная норма для завтрака главного героя. А может быть, знак того, что он завтракает один, но присутствие второго подразумевается, незримо ощущается. Это ведь Наташа приготовила завтрак, разложила, поставила, как надо, ведь о ней думает старик за столом.

О том, что яйцо – значимая деталь в тексте, говорит и второе обращение к подробностям утренней трапезы.

---

[1] Далее рассказ цитируется по данному изданию, ссылки приводятся в тексте с указанием номера страницы.

Профессор взял яйцо, опустил его в серебряную рюмку и щелкнул ложечкой по матовой вершинке яйца. Его все раздражало. Конечно, он вспомнил о Колумбе, который что-то такое проделал с яйцом, и это его тоже разозлило [Там же, с. 435].

Зачем акцентировать внимание на манипуляциях с яйцом, да ещё вскользь упоминать Колумба? Среди многообразия символических значений яйца к нашему контексту более всего подходит ассоциация с тайной существования. Что происходит под скорлупой, человеческому глазу не видно. *Щелкнул ложечкой по матовой вершинке яйца.* Профессор только приоткрыл часть тайной стороны жизни своей дочери (Наташа увлекается опасным спортом). Как известно, Колумб открыл Америку, отправляясь искать путь в Индию. В энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений приводится легенда о Колумбе и легенда о Хуанело (оба поставили яйцо торчком, надломив скорлупу). Выражение «яйцо Колумба», как и «яйцо Хуанело», означает «простое решение сложной задачи» [Серов, 2003]. Такой иносказательный смысл рождается благодаря упоминанию о Колумбе Олешей.

Еще одно символическое значение яйца, актуальное для текста, находим в Энциклопедии символики и геральдики: *Соединяет в себе символику безопасности, начинания, дома, раковины, гнезда, с воображаемым птенцом, которому еще предстоит стучать клювиком в скорлупу изнутри, чтобы выйти наружу, в Жизнь* [Яйцо]. Для отца дочь всегда остается дитем, нуждающимся в защите, а Наташа собирается вылупиться из комфортной защитной скорлупы, выпорхнуть из гнезда в свободное пространство. Не случайно и вид спорта девушку привлекает, связанный с парением в воздушном пространстве.

Данное пояснение символического значения яйца проясняет и образ раковины, встречающийся в рассказе: *Он остановился и стал смотреть, как появляются в небе парашюты. Один, два, три, четыре… Ага… и там еще один, и еще… Что это? Раковина? Как они наполнены солнцем! Высоко. Но говорят, что страх высоты исчезает…* [Олеша, 1985, с. 436].

Образ раковины, так же как и яйца, связан с тайной (зарождение жемчужины). Рождающаяся Венера изображается стоящей на раковине. Раковина – знак любви и брака. Так на ассоциативном уровне вводится тема любви. Рождение богини любви связано с морской стихией. У Ю. Олеши в рассказе мотив любви проявляется через небесную высоту.

Профессор оглянулся. Внизу стоял синий, маленький, длинный, похожий на капсюлю, автомобиль [Там же, с. 436]. «Ка́псюль в патронах, снарядах: колпачок с воспламеняющимся от удара взрывчатым веществом» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 260]. Таким образом задается вертикальное пространство «верх – низ». Сверху земное пространство воспринимается в уменьшенном масштабе. Прыжки с парашютом – это

свободное парение, это преодоление земного притяжения (низа), страха высоты, смерти.

Еще один символический смысл раковины, связанный с мотивом самопознания, актуален для этого рассказа. *Древние считали, что жемчуг в раковине возникал под воздействием утренней росы. Отсюда раковина, способная родить жемчужину из одной небесной росы, превратилась в символ решения, которое надо искать в самом себе* [Телицын б. д., с. 166].

Заметим, символическое прояснение деталей обогащает восприятие рассказа, но для выявления смысла рассказа это не самое главное. Под рукой может не оказаться словарей символов, и опыта символического прочтения у школьников может быть маловато. А вот умение разграничивать сознания автора и персонажей очень важно для выявления внутреннего содержания художественного произведения.

Вернемся к рассмотрению персонажей. Штейн, молодой человек, к которому Наташа бегает на свидания, – герой гипотетический. *Она мне покажет Штейна, – думал профессор. – Штейн хороший парень. Хорошо, посмотрим. Я ей сегодня скажу: "Покажи мне Штейна"* [Олеша, 1985, с. 436]. Перед нами внутренний монолог профессора о человеке, для него не существующего, выдуманного Наташей для успокоения отца, для оправдания своего отсутствия на время занятий парашютным спортом.

Фамилия «Штейн» упоминается в произведении восемь раз. В реальности обладатель фамилии появляется только в больнице и говорит две фразы: «Ничего страшного» и «Это я Штейн». *Фамилия Штейн произошла от немецкого слова «Stein», которое означает "камень"* [Там же].

Самое интересное, что, наблюдая за парашютами, профессор из многообразия цветов бессознательно выбирает полосатый, предполагая, что это Наташин, а с ним, оказывается, прыгает Штейн. *Я, как дурак, стоял в траве… Стою, жду… когда полосатый раскроется…* [Там же, с. 437]. И вновь герой оказывается в неловком положении в соответствии со своим ироничным самонаименованием «дурак». *Я не с полосатым прыгала! С полосатым Штейн прыгает!* – восклицает Наташа [Там же]. Профессор сердится, и это естественно, ведь его умозрительные заключения рассыпались, как карточный домик. Так происходит знакомство со Штейном. Гипотетический герой обретает определенность.

В восприятии школьников происходит смешение сознаний героя и автора. Проследим теперь за авторским восприятием персонажей и событий. На некоторые моменты авторской оценки мы уже обращали внимание.

В письме Наташи *не сердись* упоминается четыре раза, звучит как заклинание, как повеление, как заговор: *Не сердись, не сердись, не сердись* [Там же, с. 435]. Пятый раз: *Не сердишься? Нет?* Вопросительное

предложение воспринимается как утвердительное. Из письма видно, что Наташу заботит психологическое спокойствие отца.

Важной является сцена на горе. Обращает автор внимание на трудность подъёма. *Он шел в гору, немного запыхался, снял панаму, вытер пот, посмотрел на мокрую ладонь, опять пошел* [Там же, с. 436]. Не стариковское это дело лазить по горам по пояс в траве. Если он все-таки поднимается, значит, это для него очень важно. Жест «вытер пот, посмотрел на мокрую ладонь» свидетельствует о нервном напряжении. То, что профессор забыл пальто в машине, тоже говорящая деталь. Его заботит что-то важнее его здоровья и опасности простудиться.

Подъем в гору можно рассматривать символически, как преодоление себя. Это преодоление и происходит на горе: *Все было очень странно и похоже на сновидение: небо, весна, плавание парашютов. Старичок испытывал грусть и нежность* [Там же]. Ведь перед нами герой с самого начала в раздраженном, разозленном состоянии. Он и в гору поднимается, расчищая себе дорогу, ударяя по траве тростью. Раздражение связано с теневой стороной души. Говорящей о просветлении становится деталь одежды – панама: он *видел, как через трещинки в полях панамы к нему проникает солнце* [Там же]. Как будто бы автор хочет показать, что душа его наполняется светом, раздражение сменяется совсем другими чувствами.

Свет, ароматы весны связаны с дочерью (ослепительно горящая в солнечном луче ложечка, положенная Наташей, белое платье, пахнувшее левкоем, небо, весна, плавание парашютов).

Сцена с ожиданием телефонного звонка. Откуда Дмитрий Яковлевич знал, что случилось что-то именно с Наташей. Ведь парашютистов прыгало много, и наблюдал он, как выяснилось, за полосатым парашютом, на котором прыгал Штейн. Речь идет о каком-то интуитивном знании, что свидетельствует об очень близких отношениях между отцом и дочерью.

Сцена в больнице очень трогательная. Жаль, что этой трогательности не заметили многие школьники при рассмотрении рассказа.

Тут только старичок заплакал. Слезы – это снятие напряжения. Можно себе представить, в какой стрессовой ситуации, в каком страхе за жизнь дочери находился отец. *Заплакала и Наташа.*

– Зачем ты меня волнуешь! – сказала она. – Мне нельзя волноваться!

И плакала все больше, положив руку отца под щеку [Там же, с. 437].

Жест рука отца, положенная под щеку – это знак любви, благодарности, проявления нежнейших чувств. «Неужели ты знал?» – спрашивает Наташа. Если рассмотреть эту ситуации в контексте времени, эмоции героев будут более понятными. Прыжки с парашютом на заре са-

молетостроения, в начале XX в., было занятием весьма травмоопасным, можно сказать, смертельным.

Наташа боялась, что отец запретит ей прыгать. Дмитрий Яковлевич знает, чем занимается дочь, скрывает это от неё, не вмешивается, не запрещает, несмотря на то что он так рассержен, раздражен, даже не может дома усидеть в напряжении от неведения, бегает на гору, чтобы видеть, знать, что ничего не случилось. Это трогательный рассказ не о малодушных людях, боящихся говорить друг другу правду (такое восприятие мы увидели в некоторых работах школьников), а о великодушных! Наташа скрывает свое опасное увлечение, чтобы уберечь пожилого отца от переживаний, Дмитрий Яковлевич скрывает свою осведомленность о том, чем занимается дочь, не смея мешать ей.

В статье «Хороший плохой писатель Олеша» С. Беляков относит писателя к «энергоуравновешенному типу», дар его определяет как неполноценный, «при несомненной одаренности», по мнению С. Белякова, Олеше «не хватало энергии для творчества» [Беляков, 2001].

Статья Н. Лейдермана «Драма самоотречения. Юрий Олеша и его роман “Зависть”» явилась реакцией на вышеупомянутую статью. Н. Лейдерманом дается великолепный анализ самого главного произведения писателя, ибо искать ответы на вопрос о том, хороший или плохой писатель Юрий Олеша, надо «не в декларациях, чьих-то мемуарах, заметках и сплетнях, даже не в покаянных речах самого писателя, а только в художественных текстах, им созданных», – считает Н. Лейдерман [2008]. Наш анализ рассказа «Наташа» вносит свою лепту в восприятие одаренности Юрия Олеши.

Литература

Беляков С. Хороший плохой писатель Олеша [Электронный ресурс] // Урал. 2001. № 9. URL: http://magazines.russ.ru/ural/2001/9/Ural_2001_09_14.html (дата обращения: 15.03.2018).

Колумбово яйцо. Этимология выражения [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. URL: http://bibliotekar.ru/encSlov/10/120.htm (дата обращения: 15.03.2018).

Лейдерман Н. Драма самоотречения. Юрий Олеша и его роман «Зависть» [Электронный ресурс] // Урал. 2008. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/ural/2008/12/le.html (дата обращения: 15.03.2018).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : АЗЪ, 1994. 907 с.

Олеша Ю. Наташа // Советский рассказ 20–30-х гг. М. : Правда, 1985. С. 434–437.

Телицын В. Л. Символы, знаки, эмблемы [Электронный ресурс] : энциклопедия. URL: http://www.rulit.me/books/simvoly-znaki-emblemy-enciklopediya-read-228708-166.html (дата обращения: 10.03.2018).

Что означает фамилия Штейн? [Электронный ресурс] // Иудаизм и евреи. URL: https://toldot.ru/life/lnames/lnames_8097.html (дата обращения: 10.03.2018).

Яйцо [Электронный ресурс] // Энциклопедия символики и геральдики. URL: http://www.symbolarium.ru/index.php?mobileaction=toggle_view_mobile&title= %D0 %AF %D0 %B9 %D1 %86 %D0 %BE (дата обращения: 10.03. 2018).

УДК 821

В. Л. Литвинцев

Трансформация сказочного образа Спящей Красавицы в литературных произведениях европейских авторов XIV–XIX вв.

Аннотация. Целью исследования является литературоведческий обзор развития сказочного образа Спящей Красавицы, представленного в разных произведениях европейских авторов XIV–XIX вв. Будучи наиболее известным по произведениям Шарля Перро и братьев Гримм, образ прекрасной спящей девы уходит своими корнями в древнегреческую мифологию и скандинавский эпос. Сравнительный анализ образа был использован как предпочтительный вследствие его универсальности по отношению к различным эпохам, жанрам, литературным направлениям. Задачами данной работы стали описание, сравнение, выявление подобий и различий воплощений Спящей Красавицы в рассмотренных культурах, литературных произведениях, а также их преемственность на протяжении веков. Несмотря на многовековую историю, этот образ по сей день находит свое отражение в бесчисленных экранизациях, современных литературных реминисценциях, что только подчеркивает актуальность выбора предмета данной статьи.

Ключевые слова: литературоведение, история литературы, сказка, перевод, Спящая Красавица.

V. L. Litvintsev

The Transformation of Fairy-Tale Image of "Sleeping beauty" in Literature of European Authors XIV–XIX centuries

Abstract. The purpose of this article is a literary review of the development of "the Sleeping Beauty" fairy-tale image, described in different works of the European authors of the XIV–XIX centuries. Being best known for Charles Perrault's and the Brothers Grimm's stories, the character of the beautiful sleeping maiden has the origins in the Ancient Greek mythology and the Scandinavian epos. The comparative analysis of the image was used as the preferred one due to its omnitude in relation to different epochs, genres and literary trends. The objectives of this investigation were the description, comparison, identification of similarities and differences in the incarnations of the Sleeping Beauty in various cultures, literary works, as well as their continuity throughout the centuries. Despite the centuries-old history, this image is still reflected in countless screen adaptations, reminiscences in modern literature, which only emphasizes the topicality of choosing the subject of this article.

Keywords: Literary review, history of literature, fairy-tale, translation, "the Sleeping Beauty".

Традиционная европейская сказка о впавшей в летаргический сон принцессе, часто именуемой Спящей Красавицей, широко известна не только в самой Европе, но и далеко за ее пределами. Однако стоит отметить, что похожие персонажи, уснувшие и ожидающие своего «волшебного» или чудесного пробуждения, встречаются в сказаниях разных народов и культур (вне зависимости от их пола и статуса): Царица Тамара – прекрасная грузинская царица, которая не умерла, а «спит в золотой колыбели; когда дойдет до неё голос людской скорби, она проснется и вновь воцарится» [Брокгауз, Ефрон, 2007, с. 639]. Король Артур – легендарный вождь бриттов, борец против англосаксов, ждущий своего пробуждения на острове Авалон [Там же, с. 71]. Ефесские спящие отроки, уснувшие двухсотлетним сном до той поры, пока не прекратились гонения на ранних христиан [Нестерова, 1987–1988]. Древнеиндийский мифологический царь-великан Мучукунда, у которо-

го было всё: богатство, власть, слава великого воина, однако пожелавший уснуть бесконечным сном после утомительной битвы [Dowson, 1879]. Хрестоматийным, зачастую усеченным и искаженным, стал вариант сказки Шарля Перро 1697 г., «Красавица, уснувшая в бору», или «Красавица в уснувшем бору» (оба варианта перевода являются допустимыми вследствие двусмысленности, вызванной грамматикой и пунктуацией оригинального названия La belle au bois dormant), или же «Во сне Красавица лесная» (если *au bois* принимать как определение к слову *la belle*). Общепринятое название сказки «Спящая красавица» никоим образом не представляется релятивным названию оригинала, так как словоформа «спящий» может зачастую выступать как прилагательное, т. е. эпитетом (равносильным слову «соня»), что указывает на характер персонажа, а не на его или её состояние. Это пародийно обыгрывается в мультфильме «Шрек», где Спящая Красавица страдает внезапной периодической каталепсией, падая под ноги своих «сообщниц». Эта сказка неоднократно переводилась на русский язык. Существуют три основные традиции перевода этого произведения на русский язык. Первая, самая распространенная, заключается в сжатии повествования с исключением второй, «кровожадной», части сказки. При этом сам тон изложения становится нарочито детским, высокопарный куртуазный язык салонов XVI в. упрощается. Вторая традиция, наиболее экстравагантная, представляет собой то же самое упрощение оригинального сюжета, только с добавлением новых сюжетных линий, по представлению переводчиков, объясняющих некоторые причинно-следственные связи. Тем не менее существуют достойные, полноценные переводы сказки, передающие атмосферу, созданную Перро. Таковым является перевод 1986 г. под редакцией А. Андрес [Перро, 1986].

Французский словарь «Ларусс» (Larousse) связывает образ Спящей Красавицы с Персефоной – богиней плодородия и царства мёртвых, дочерью Деметры и Зевса, супругой Аида из древнегреческой мифологии [URL: http://www.larousse.fr/encyclopedie/oeuvre/Belle_au_ bois_ dormant/ 108262]. Спящая Красавица – олицетворение природного света: прекрасная внешне, добрая душой, отзывчивая, учтивая, легкая, юная, любознательная, веселая, живая, лучезарная. И этот свет омрачен ночью или зимой. Лес, в котором спит Красавица, и есть сам по себе символ ночи или зимы во многих мифологическим системах. Связь между переменами света и тьмы, тепла и холода, живой, «зеленой» силой природы и ее временным мертвым, «белым» сном можно проследить в мифах и сказках разных народов. Так, образ Спящей Красавицы символически коррелируется с образом Персефоны, богиней цветущей природы, заключенной во тьму Аидового царства, где она пребывает в полумертвом сне во власти своего мужа.

Также, легенда об уснувшей принцессе уходит корнями глубоко в скандинавский эпос, где, согласно Саге о Вёльсунгах, прекрасная Брюнхильда предстает воинствующей девой, или валькирией, наказанной богом Одином за непослушание. Уколов ее шипом сна, Один заключает ее в удаленный замок за стеной щитов на вершине горы Хиндарфьял, где она спит, окруженная пламенным кольцом, пока кто-то не спасет и не женится на ней. Герой Зигфрид Сигмундсон (Зигфрид в Кольце Нибелунгов) вошел в замок и разбудил Брюнхильду, сняв шлем и отрезав ее кольчужные доспехи. [Andersson, 1980].

Самая ранняя записанная версия истории «Спящей красавицы» представлена во французском романе неизвестного автора «Персефорест», произведения середины XIV в., соединяющего историю Александра Великого и мотивы артуровского цикла. Имя рыцаря «Персефорест» означает «проходящий (проникающий) сквозь лес»; главный герой получил его, в одиночку пройдя через зачарованный лес и разрушив колдовское заклятье. И это первая сюжетная линия, в дальнейшем используемая другими авторами «Спящей Красавицы». В эпизоде этого романа «История Троила и Зелландины» прекрасная принцесса страны Зеландии по имени Зелландина (предположительно от французского *zélée*: усердная, рачительная) попадает в зачарованный сон во время прядения. Ее возлюбленный Троил (названный в честь троянского царевича из древнегреческой мифологии) – рыцарь из Шотландии, отправляется в храм Венеры (богиня любви), Луцины (богиня рожениц) и Фемиды (богиня правосудия) и молится Венере. Венера говорит ему, что Зелландина очнется ото сна, как только он «сорвет ее фрукт» [Timelli, 2014]. Ветер Зефир в виде птицы переносит Троила в башню, которая укрывает прекрасную Зелландину. Троил целует спящую принцессу. Поцелуй, однако, не будит ее. Венера приказывает Троилу овладеть Зелландиной во сне. Не приходя в сознание, Зелландина рожает мальчика. В поисках материнской груди ребенок сосет ее палец и удаляет занозу от прялки, тем самым разрушая колдовские чары. Позже Зелландина узнает, что ее тетя оскорбила богиню правосудия Фемиду, не предоставив ей нож на пиру в честь рождения Зелландины, в отличие от ее сестер Венеры и Луцины, которые получили все столовые приборы. После того, как Луцина преподнесла принцессе дар здоровья, Фемида прокляла ребенка на вечный сон, однако Венера поклялась спасти ее. После волшебного пробуждения Зелландина выходит замуж за Троила. Их сын становится великим рыцарем и предком сэра Ланселота [Timelli, 2014].

В итальянской версии сказки 1634 г. «Солнце, Луна и Талия» из «Пентамерона», или «Сказки сказок» Джамбаттисты Базиле, мудрецы пророчествуют, что девочка Талия (в честь музы Талии) в будущем пострадает ото льна. Ее отец, знатный дворянин, запрещает ввоз льна в

своё именье. Когда Талия взрослеет, она видит, как некая старушка прядет пряжу, и сама пытается прясть. Кусочек льна попадает ей под ноготь, и она падает замертво. Отец отвозит ее тело в загородный дворец и запечатывает двери. Однажды один король попадает в этот дворец и находит прекрасную спящую Талию. Не в силах разбудить ее, он прельщается ее красотой и вступает с ней в интимную связь. Талия, все еще спящая, позже рожает близнецов, мальчика и девочку. Когда мальчик, пытаясь добраться до материнской груди, сосет ее палец, кусочек льна выскальзывает из-под ногтя, и Талия просыпается. Позже, Король вспоминает Талию и возвращается в ее дворец. Во дворце он находит двух красивых детей. Он рассказывает Талии, кто он, и называет своих детей Солнцем и Луной. Однако король, оказывается, уже женат. Оставив Талию и детей, король возвращается в свое королевство, но никак не может их забыть. Его жена слышит, как он вспоминает их во сне. Она оказывает давление на министра короля и узнает правду. В ярости королева посылает министра забрать детей силой у Талии. Она приказывает повару убить их и подать на ужин своему мужу. Когда король ест то, что, по ее мнению, является его незаконнорожденными детьми, она насмехается над своим мужем. Затем королева отправляет министра, чтобы ей привезли саму Талию. Она обвиняет Талию в соблазнении своего мужа и приказывает бросить ее в огонь. Талия просит время, чтобы снять одежду. Когда Талия снимает каждый слой своей одежды, она кричит от тоски. Король слышит ее крики и приходит как раз вовремя, чтобы спасти ее. Узнав, что его жена приказала убить его детей и накормить его, король приказывает бросить в огонь жену вместе с министром. Он собирается сделать то же самое и с поваром, но, как оказывается, повар спас детей. Повар щедро вознагражден и становится управляющим двором короля. Король женится на Талии, и они счастливо живут все вместе [Basile, 1986].

Наиболее известной версией сказки является сказка Шарля Перро 1697 г. Тем не менее стоит отметить, что знакомая нам с детства история о «Спящей Красавице» Перро является адаптивной версией сказки братьев Гримм, а не оригинальной сказкой французского академика. Итак, вот сюжет этого произведения. Долгожданная дочь родилась у короля и королевы, и по этому поводу они приглашают на пир всех фей королевства, за исключением одной, Карабосс, той, что уже полвека не покидала свою башню, и все решили, что ее нет в живых. В самый разгар пира по поводу крестин появляется сама неприглашённая фея, с которой, как ей показалось, обошлись неучтиво, потому что для неё не хватило драгоценного столового прибора, а совсем не по причине того, что ее забыли пригласить (отсылка к истории о «Троиле и Зелландине»). Когда все феи, кроме одной, одарили принцессу волшебными дарами, старая фея Карабосс произнесла своё ужасное заклятие: прин-

цесса уколет палец о веретено и умрёт. Однако последняя фея смягчает злые чары. Да, принцесса уколет палец о веретено, но уснёт ровно на 100 лет. Вот что именно говорит фея в одном из лучших русских переводов французской сказки: «–Успокойтесь, король и королева, ваша дочь не умрет. Правда, я недостаточно могущественна, чтобы сделать вовсе не бывшим содеянное старой волшебницей: принцесса уколет себе руку веретеном, но она не умрет, а только погрузится в глубокий сон и будет спать сто лет…» [Перро, 1986]. В первой оригинальной версии Перро о принце речь не идёт. Король издаёт указ об уничтожении всех прялок и веретён королевства, что, по всей видимости, не возымело силу, ибо спустя 16 лет принцесса находит в башне загородного замка старушку, которая ничего не слышала о королевском указе и занималась прядением. Итак, уколов свой палец о веретено, прекрасная девушка впадает в летаргический сон. Та самая фея, обещающая смягчить заклятье, просит родителей принцессы покинуть замок. Тем временем она погружает замок в вековой сон, и непроходимый бор вырастает вокруг него, чтобы никто не проник в замок до назначенного времени. Проходит 100 лет, появляется некий принц, который, услышав песни о прекрасной деве, спящей в заколдованном лесу, преодолевая все препятствия зачарованного леса, проникает в замок – и принцесса просыпается. Ни о каком поцелуе даже не идет речь, так как принцесса просыпается только от присутствия своего суженого; а после следует долгая беседа героев, в результате которой они влюбляются друг в друга. Принц каждый день наведывается к жене, и у них рождаются дети: сын по имени День и девочка по имени Заря (реминисценция Солнца и Луны из Пентамерона Базиле). Но мать принца, колдунья и людоедка, едва сдерживает желание съесть внучат. Принц уезжает на войну, и свекровь велит убить внучку, потом внука и, наконец, жену сына и приготовить их под специальным соусом. Но дворецкий прячет несчастных детей и Спящую Красавицу на конюшне, а королеве подаёт мясо диких животных. Королева-людоедка понимает, что дворецкий ее обманул, поскольку, вкушая мясо лани, она почувствовала, что вместо мяса своей снохи, ест мясо животного, так как Спящая Красавица проспала 100 лет, и её кожа должна была затвердеть за столетнее пребывание во сне. Людоедка в гневе велела поставить во дворе замка котёл со змеями и бросить туда сноху и внуков, но, к счастью, возвращается принц. Людоедка сама бросается в котёл, не в силах вынести унижения перед любимым сыном, и умирает. В конце сказки, как и во всех произведениях Перро, присутствует мораль: ни одна девушка не будет спать целый век, чтобы дождаться жениха с титулом и богатством [Perrault, 1697]. Вот русскоязычный вариант морали этой сказки, переведенной для издания 1986 г. «Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями»:

«Немножко обождать, чтоб подвернулся муж,
Красавец и богач к тому ж,
Вполне возможно и понятно.
Но сотню долгих лет, в постели лежа, ждать
Для дам настолько неприятно,
Что ни одна не сможет спать…» [Перро, 1986].

А вот перевод «моралите» из того же русскоязычного сборника:

«Пожалуй, выведем второе поученье:
Нередко звенья уз, что вяжет Гименей,
Пока разрознены и слаще, и нежней;
Так обождать – удача, не мученье.
Но нежный пол с таким огнем
Твердит свой символ веры брачной,
Что сеять яд сомнений в нем
У нас не хватит злости мрачной» [Там же].

Таким образом, одной из главных тем произведения Шарля Перро является ожидание, предвкушение счастья. Вторая тема – тема разлуки и встречи, то, что укрепляет отношения молодых супругов.

Братья Гримм включили в свою коллекцию сказок (1812) вариант Спящей Красавицы Dornröschen, в русском переводе Шиповничек. Их версия заканчивается появлением принца и пробуждением прекрасной девы Шиповничек; в отличие от рассказов Базиле и Перро вторая часть сказки отсутствует. Семь фей из сказки Перро превращаются в двенадцать мудрых фрау (или ведуний). Тем не менее это единственный известный немецкий вариант сказки, и влияние Перро очевидно [Lienert, 2015].

Русский поэт Василий Жуковский (1783–1852) написал стихотворную версию сказки под названием «Спящая царевна», которая точно передает сюжет Шарля Перро, однако все персонажи и события перенесены в русскую реальность.

Образ Спящей Красавицы также встречается и в других литературных произведениях. Например, Джульетта из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» впадает в летаргический сон, выпив специальный настой. Ее переносят в фамильный склеп, где ее поцелуем будит Ромео. Но перед этим он выпивает яд и падает замертво, в то время как Джульетта просыпается.

Сказка неоднократно адаптировалась в различных произведениях искусства: музыкальных, театральных, пластических, изобразительных, в кинематографии и мультипликации. Всемирно известен балет Петра Ильича Чайковского «Спящая Красавица». Главную героиню балета зовут Аврора, т. е. Заря, что, безусловно, отсылает и к «Пентамерону» Базиле, и к самой сказке Шарля Перро. Точно так же, Авророй, назовет Спящую Красавицу и Уолт Дисней в одноименном анимационном фильме. Реминисценции на сюжет о Спящей Красавице можно проследить и в современных литературных произведениях (*A Kiss in Time* Алекс Флинн; Beauty Сары Пинборо) [Flinn, 2009; Pinborough, 2014].

Литература

Базиле Дж. Сказка сказок или Забава для малых ребят / пер. с итал. П. Епифанова. СПб. : ИД Ивана Лимбаха, 2017. 552 с.

Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. М. : Эксмо, 2007. 960 с.: ил.

Перро Ш. Сказки матушки Гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями / пер. с фр. С. Боброва, А. Федорова и Л. Успенского ; под ред. А. Андрес ; послесл. Н. Андреева ; ил. Н. Гольц. М. : Правда, 1986. 288 с., ил.

Семь спящих отроков // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М. : Сов. энцикл., 1987–1988.

Andersson T. M. The Legend of Brynhild. Ithaca, N. Y. : Cornell University, 1980. 288 p.

Basile G. Lo cunto de li cunti. A cura di Michele Rak. Milano, Garzanti, 1986.

Contes de Charles Perrault. Encyclopaedia Universalis, 2015. P. 6.

Dowson J. A classical dictionary of Hindu mythology and religion, geography, history, and literature. London : Trübner, 1879 [Reprint, London : Routledge, 1979]. 454 p.

Flinn A. A kiss in time. HarperTeen, 2009. 371 p.

http://www.larousse.fr/encyclopedie/oeuvre/Belle_au_bois_dormant/108262.

Lienert E. Mittelhochdeutsche Heldenepik. Berlin : Erich Schmidt, 2015. 237 p.

Perrault Ch. Histoires ou Contes du temps passé. Édition Jean de Bonnot d'après Barbin, 1697.

Pinborough S. Beauty. Gollancz, 2014. 224 p.

Timelli C. M. Perceforest. Un roman arthurien et sa réception // Perspectives médiévales. 2014. N 35.

Zipes J. D. The Great Fairy Tale Tradition: From Straparola and Basile to the Brothers Grimm : Texts, Criticism. W. W. Norton, 2001. 991 p.

УДК 821.161.1

Т. П. Попова

Париж и Лондон в мемуарной трилогии П. Д. Боборыкина

Аннотация. Исследуется повествование о Париже и Лондоне во второй книге мемуарной трилогии П. Д. Боборыкина «Столицы мира» (1911). С позиций сегодняшнего дня проанализированы главы книги, посвящённые панорамному описанию столиц Франции и Великобритании, вопросам образования, науки, культуры, государственного устройства и семейных отношений в этих странах. Поскольку автор довольно часто прибегает к сравнению заграничной жизни с российскими реалиями, делается вывод об актуальности отдельных его оценок для России XXI в. и современных читателей, которые настроены на расширение своего кругозора.

Ключевые слова: мемуарная трилогия, «Столицы мира», П. Д. Боборыкин, Париж, Лондон, панорамное описание, образование, наука, культура, государственное устройство, семейные традиции.

T. P. Popova

Paris and London in Memoirs Trilogy by p. D. Boborykin

Abstract. The purpose of this paper is to look into the narration about Paris and London in the second book from P. D. Boborykin's "Capitals of the World" memoirs trilogy (1911). In hindsight, we analysed the chapters focused on the panoramic description of France and The Great Britain's capitals, including the issues of education, science, culture, state structure and family relationships in that countries. Given that the author rather often compares foreign life with the Russian reality, we come to the conclusion on the relevance of his particular evaluation for Russia in 21st century and modern readers who are set up to broaden their horizons.

Keywords: memoirs trilogy, "Capitals of the World", P. D. Boborykin, Paris, London, panoramic description, education, science, culture, state structure, family traditions.

Петр Дмитриевич Боборыкин (1836–1921) во второй половине XIX – начале XX в. был известен как популярный писатель и журналист [Венгеров, 1895]. Современники отмечали его чрезвычайную плодовитость, подсчитав, что общий объем его наследия составляет более 70 томов. И действительно, перу П. Д. Боборыкина принадлежат 18 романов, 19 пьес, повести, рассказы, литературные и театральные обзоры, портретные зарисовки современников, репортажи из Европы, а также двухтомник по истории западноевропейской и русской литературы, книга о театральном искусстве, мемуарная трилогия и воспоминания малых форм, не говоря о рукописях и переписке, которые по объективным причинам пока не могут быть собраны воедино. Мысль написать мемуарную трилогию зародилась у плодовитого беллетриста к середине 1890-х гг., и в 1903 г. были изданы его мемуары о Риме «Вечный город», в 2011 г. – мемуары о Париже и Лондоне «Столицы мира», а в 1965 г. увидели свет и его мемуары о России «За полвека», печатавшиеся при жизни автора только главами в журналах.

С 1865 г. П. Д. Боборыкин регулярно жил «сезонами» в Париже и Лондоне, отправляя в российские журналы репортажи на общественно-политические темы, освещая жизнь литературных и театральных кругов, сферу искусств, высшего образования, судопроизводства, духовенства, науки и т. п. Для него, человека энциклопедически образованного, избранного в 1900 г. в Петровскую академию наук и искусств, была истинной оценка Парижа как культурной столицы мира, но не менее высоко он ценил и Лондон, считая, что в области философии, развития промышленности, форм обучения и в некоторых других сферах жизни Англия может служить примером для других стран. Читателя он призывал «перерабатывать внутри себя все лучшее, двигательное и культурное, что идет из Франции и Англии и что нашло себя путём многостороннего и яркого исторического развития, выражения в прошедших судьбах и современной жизни обеих столиц мира»[1].

Мемуары обычно пишутся не только для современников, но и для потомков. С этой точки зрения Боборыкин-мемуарист типичен. Во введении «От автора» книги «Столицы мира» он формулирует свою творческую задачу следующим образом: «На его (автора. – *Т. П.*) *итогах* (выделено П. Д. Боборыкиным. – *Т. П.*) и ближайшие его сверстники, и люди более молодых генераций станут проверять многие из своих собственных впечатлений и воспоминаний…» [с. 6]. Несмотря на то что о Париже и Лондоне П. Д. Боборыкин много писал в периодической печати, «Столицы мира» – не дайджест, а целостное произведение мемуарного жанра объемом в 520 страниц. Конечно, в оценке отдельных

[1] См. в списке литературы: Боборыкин П. Д. Столицы мира. М., 2011. С. 516. Далее ссылки на эту книгу будут даваться в тексте с указанием страницы.

явлений и в характеристике некоторых знаменитых людей своего времени автор некогда изданной статьи может совпадать с автором воспоминаний, но это не нарушает целостности композиции мемуаров, а, скорее, выполняет функцию оценки, проверенной временем [Брагина, 2007, с. 91].

В книге 15 глав, из которых 13 – тематические. Все тематические главы написаны в жанре обозрения [см. Попова, 2018], призванного осветить положение дел в самых разных сферах общественной жизни – от политики до воспитания молодёжи. Конечно, не все явления и события, которые анализирует или беспристрастно описывает мемуарист, интересны для современного читателя. С высоты XXI в. можно иначе выстроить иерархию знаменитых людей, о которых он пишет в своей книге. Но очерки о вузах и научных центрах Франции и Великобритании, типичные и групповые портреты представителей той или иной социальной среды, нарождающиеся тенденции в литературе, театральном искусстве, музыке, живописи, печати, бытовом обслуживании и даже организации туризма вполне способны вызвать интерес к мемуарам П. Д. Боборыкина. Анализируя ряд глав книги «Столицы мира», постараемся указать на эти фрагменты.

Опуская вторую главу книги, нацеленную на преодоление «международных предрассудков, мешающих понимать чужую культуру», обратимся к третьей главе книги, где описывается панорама Парижа и Лондона.

Вероятно, и нынешний путешественник согласится с автором книги «Столицы мира» в том, что «ничто не сравнится с первыми тремя днями ходьбы и езды по Парижу» [с. 27]. Описывая популярные туристические маршруты, не потерявшие своей привлекательности и в XXI в., мемуарист отмечает, что «французы гордятся памятниками своей истории и заботятся о них», в том числе с помощью государства [с. 30]. Вместе с тем П. Д. Боборыкин не считает архитектуру Парижа самобытной, проводя параллели с другими континентальными государствами Европы. Отметив, что за 30 лет город стал «наряднее», он выделяет квартал Елисейских полей, где можно увидеть «разнообразие в стиле домов, т. е. барских особняков» [с. 32]. Более суетливой, чем в 60-е гг., представляется ему уличная жизнь, в том числе и на знаменитых бульварах, которые не потеряли своей привлекательности, обрели больший порядок в ночные часы и по-настоящему великолепны в дни карнавала. А вот «общий тон толпы сделался, пожалуй, сортом ниже», чему, по его мнению, способствовало превращение Парижа в «караван-сарай международного характера» после черырех всемирных выставок [с. 38]. На этом фоне «привлекательность Лондона состоит в том, что около самых кипучих центров вы можете устроиться, точно на тихой даче» [с. 43–44]. Отмечает мемуарист в столице Великобритании «зелень садов и парков», что «для Парижа – исключение» [с. 44]. Панорамой Лондона он предлагает любоваться с террасы Парламента, дообе-

денные часы в Гайд-парке, по его мнению, не менее людны, чем ночные бульвары Парижа. Характеризуя панораму Лондона в целом, он пишет: «Обилие – вот что выставляется отовсюду и дает вам ощущение энергии и производительности, богатства и солидной роскоши» [с. 43] и при этом отмечает, что не в Лондоне, а в Париже «иностранец чувствует себя приятнее – менее затерянным и чуждым» [с. 45].

Поскольку глава посвящена столицам как объектам туризма, автор описывает отели, меблированные комнаты и их специфику в Париже и Лондоне, делая акцент на том, что за Лондоном «установилась репутация непомерной дороговизны» [с. 51], а в Париже «и на скромные студенческие средства <…> можно прожить легче и приятнее, чем где-либо» [с. 49]. «Проигрывая» островной столице в организации комфортного быта для туриста со средним достатком, Париж, по его мнению, сохраняет «всемирную репутацию <…> по части гастрономии и кулинарного искусства» [с. 53]. Описывая способы передвижения по улицам, мемуарист отмечает, что «так или иначе, ходить по Парижу приятнее, чем по Лондону, но ездить – это другой вопрос» [с. 69]. А завершается глава парадоксальным ответом на вопрос: что делать, если турист заболел? По мнению П. Д. Боборыкина, обеим столицам мира «пора бы научиться кое-чему в немецких городах», а также в российских столицах, «где аптеки не только щеголяют своими помещениями, но заводят у себя лаборатории химических анализов и, что всего важнее, ночные дежурства врачей» [с. 74].

С высоты полутора столетий, отделяющих наши дни от 1860-х гг., которыми П. Д. Боборыкин датирует начало своего повествования в мемуарной трилогии, позволим себе опустить для анализа главы о политической жизни Франции и Великобритании того исторического периода и о «национальном чувстве» французов и англичан по отношению к другим нациям. Оценка политической жизни выдержана мемуаристом в рамках проблематики своего времени, а «национальное чувство» практически не изменилось за полтора века и аналогичные суждения можно найти не только в трилогии П. Д. Боборыкина, но и в целом ряде современных изданий. Солидная хронологическая дистанция позволяет нам также объединить ряд глав книги «Столицы мира» по более привычным для читателей XXI в. темам: «Наука и образование», «Культура», «Государство и народ». В них точно есть элементы, способные произвести впечатление на нашего современника.

Будучи сам выпускником двух вузов, занимательно, с глубоким знанием предмета изображения, описывает в книге «Столицы мира» П. Д. Боборыкин «мир знания и мышления в Париже и Лондоне» (гл. 4), а также систему воспитания, школьного и вузовского образования двух стран (гл. 13). В главе о научно-образовательной среде – подробный анализ системы подготовки и переподготовки специалистов в

Сорбонне и Коллеже де Франс, описание материального обеспечения их преподавателей, групповые портреты профессоров медицины, биологии, психологии, истории, литературы, философии и богословия. Не менее высоко оценивает автор и Нормальную школу Франции, немного рассказывая о праздновании ее 100-летия и описывая видных преподавателей школы. При этом прогрессивным считает мемуарист систему открытых публичных лекций в Сорбонне и Коллеже де Франс, приветствует централизацию науки и высшего образования во Франции, в то время как в Великобритании «мир знаний и мышления представляет собой полную децентрализацию» [с. 109]. Интересна глава и многочисленными литературными портретами: философа и автора знаменитого словаря французского языка Эмиля Литтре, философа и писателя Жозефа Эрнеста Ренана, химика и государственного деятеля Пьера-Эжена-Марселена Бертело, создателя культурно-исторической школы в искусствоведении Ипполита Тэна, врача Жана Мартена Шарко, специалиста по истории России Фляха, критика и историка литературы Эмиля Фаге, а также знаменитых англичан-философов Джона Стюарта Милля, Герберта Спенсера и Джоржа Генри Льюса. А вот при описании системы воспитания и образования молодёжи мемуарист широко использует прием типизации, и в этой главе – целая серия типичных портретов. Это француз-гимназист, студент Латинского квартала, английский школьник, студент Оксфорда и профессор Оксфорда. Описывая обучение во французской гимназии, автор отмечает, что ее выпускникам школьные годы довольно долго вспоминаются своим казарменным духом, притом, что централизованная система нравственного воспитания в ней отсутствует [с. 455]. В студенческой жизни Латинского квартала, он отмечает как положительную тенденцию наличие «ассоциации» парижского студенчества» [с. 462]. Подробно описана в главе система подготовки студентов в Оксфорде – вплоть до организации питания и форм досуга. Отмечает мемуарист также, что в Великобритании «получить воспитание и образование в хороших средних школах и университетах могут только дети достаточно богатых людей» [с. 465]. Есть в этой главе даже расценки оплаты за обучение в вузах Франции и Великобритании.

Главы о культурной жизни Парижа и Лондона интересны, прежде всего, обилием литературных портретов и зарисовок. В четырех главах, отражающих жизнь писателей, журналистов, художников, театральных деятелей и артистов, только литературных портретов – больше десятка, портретных зарисовок, из которых создаются групповые портреты, – более двадцати, а имен, мелькающих на этих без малого 150 страницах, ещё раза в два больше. Из героев обстоятельно прорисованных литературных портретов можно назвать Дюма-сына, Франциска Сарсэ, Эмиля Золя, Альфонса Додэ, Эдмона де Гонкура, Ги де Мопассана, Джордж Элиот, Джона Рёскина, актера Адольфа Дюпюи, издателя Эмиля Жи-

рардена, но и герои портретных зарисовок не обделены оценкой мемуариста как профессионалы. Культура всегда представляла большой интерес для П. Д. Боборыкина, и в главе о литературных движениях он характеризует натурализм, пишет о зарождении символизма, отмечает рост популярности скандинавской драмы и сетует на то, что русский роман пока не очень популярен в западной Европе. В главе об искусстве он отдает должное ежегодным салонам и всемирным выставкам в Париже, отмечает зарождение импрессионизма, приветствует технические преобразования в сценических постановках и, рассуждая о музыкальности французов и англичан, отдает предпочтение Лондону как «огромной ярмарке виртуозного исполнения», имея в виду концерты классической музыки. Рассуждая о театральном деле, он одобряет доступность курсов декламации в Париже, описывает разницу в поведении зрителей двух столиц на театральных постановках и отмечает, что «актерский мир Парижа за целых сорок лет разросся» [с. 267]. Характерной чертой театральной жизни Франции он считает шансонетку, а крупным достоинством театрального дела Великобритании – «успехи техники во всех лондонских зрелищах» [с. 290]. В главе о печатном деле он подвергает беспощадной критике систему работы и нравы парижской прессы, считая удешевление газет и подъём за счёт этого тиража – стремлением к наживе, осуждая продажность парижских журналистов и такое явление, как появление порнографических изданий. На этом фоне Великобритания выглядит, по его мнению, более респектабельно, и про английского журналиста «нельзя сказать, что он лишен всяких принципов» [с. 218]. Отмечает мемуарист и влияние на европейскую прессу и журнальное дело новых тенденций из Америки.

Если о жарких политических спорах во второй половине XIX в. нет смысла говорить в наше время, то государственные институты и их развитие, социальное устройство общества и быт народа – темы для мемуаристов вечные. Автор книги «Столицы мира» твердо следует этой традиции, и в главах X, XI и XII описывает разные социальные группы во Франции и Великобритании, положение военных и отношение к ним в обществе, судебную систему, чиновничество и духовенство, полицейские и семейные нравы, специфику промышленного производства и положение занятых в нём работников, организацию досуга в городах в течение года и особенности летнего отдыха французов и англичан.

В главе X, задавшись вопросом: есть ли во Франции высший класс, мемуарист справедливо отмечает, что в эту прослойку общества активно устремились буржуа. Более того, по его мнению, «в Париже почти всё население состоит из буржуа», поскольку в первую очередь заботится о личном материальном благополучии [с. 313]. Интересно представлены в этой главе коллективные портреты парижан, проституток и «честных работниц» французской столицы, типичные портреты фран-

цуженок 60-х и 70-х гг., а при характеристике рабочего класса акцент делается на таком качестве, как «нелюбовь к дисциплине» [с. 323], чем автор отчасти объясняет и такой факт, как стачки. В Великобритании, по его мнению, картина иная. Здесь к высшим слоям общества относятся профессора и землевладельцы. Из них состоит Палата лордов и ее аналоги на местах. Что касается народа, то он в Великобритании беднее, чем во Франции, а главное – англичане-бедняки не имеют собственности, а потому вынуждены наниматься на работу. С энтузиазмом описывает мемуарист новшество Великобритании конца XIX в. – Народные дома, где бесплатно читаются лекции для людей всех сословий, рассказывает о посещении домов, выстроенных владельцами предприятий для своих рабочих. Есть в этой главе описание Шеффильда – города сталелитейщиков, «где вы не увидите нищеты» [с. 368], представлены типовые портреты сталелитейщика и заводчика.

Анализируя в следующей главе положение военных во Франции и Великобритании, мемуарист отмечает, что французские военные, в отличие от английских, любят носить форму и появляться в таком виде в публичных местах [с. 388]. Чиновничество Франции, по его мнению, высокомернее держится с иностранцами, чем чиновничество Великобритании [с. 394]. Рассказывая о духовенстве Франции и представляя читателю типичный портрет его представителя, автор отмечает, что «огромное большинство французских священников – очень бедные люди» [с. 403], чего нельзя сказать о служителях англиканской церкви, которые являются представителями элиты и пользуются солидной материальной поддержкой государства [с. 424]. Французские суды, по мнению мемуариста, проникнуты «духом властолюбия, с нервной тревожностью, с преувеличенным сознанием своего *я* (выделено автором. – *Т. П.*» [с. 405], в то время как в Великобритании «в обращении судьи чувствуется довольно благодушный скептицизм» [с. 420] при большей строгости вердикта. Сравнивая работу полиции во Франции и Великобритании, автор отмечает, что во Франции полиция сильна, но очень неуважаема публикой [с. 412], в то время как английский полисмен, по мнению мемуариста, идеален, в связи с чем даже удостаивается в книге типичного портрета, хорошо знакомого и читателям XXI в. [с. 421].

Веками складываются национальные семейные традиции, и главное их назначение – служить людям и государствам веками. Эти традиции подробно и талантливо описаны в литературе, а потому, сославшись на авторитет Ипполита Тэна, после которого «иностранцу трудно сказать что-нибудь более веское и убедительное» [с. 441], автор книги «Столицы мира» пишет на эту тему сравнительно небольшую главу. Он предлагает читателю типичный портрет отца французского семейства [с. 431], отмечает «театральность» во взаимоотношениях родителей-французов с детьми [с. 432] и, подтверждая расхожее мнение о париж-

ской семье как ячейке общества, где возможен адюльтер [с. 436], упоминает о таком новшестве французской жизни, как закон о разводе [с. 435]. Английская семья удостаивается у мемуариста типичного портрета [с. 443–444], где важная черта – подчёркнутая любовь к своему home. Он отмечает важность для нее членства главы семейства в клубе [с. 445], описывает положение английской девушки в обществе [с. 446] и такое новшество английской жизни, как любовь англичан (в отличие от французов) к путешествиям по всей Европе [с. 450–452].

В заключение отметим ещё одну очень важную особенность книги «Столицы мира» и мемуарной трилогии П. Д. Боборыкина в целом. Это постоянное стремление автора сравнивать и соотносить заграничную жизнь с реалиями российской жизни, выбирая при этом лучший пример как ориентир на будущее. Изначально настраивая свою трилогию когнитивно, он и во вступлении к книге «Столицы мира» предлагает читателю считать обе столицы мира «лабораториями человеческого духа, откуда каждый из нас может извлечь драгоценнейшие указания» [с. 16], учитывая при этом расхожую самооценку соотечественников: «мы, русские, считаем себя самой общечеловеческой интернациональной народностью» [с. 516]. Такое отношение к своей стране и мировой культуре актуально и в наши дни.

Литература

Боборыкин П. Д. Столицы мира. М. : Сфинкс, 1911. 520 с.

Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М. : Яз. славян. культур, 2007. 504 с.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1895. Т. 4.

Попова Т. П. Автор в книге «Столицы мира» П. Д. Боборыкина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманит. науки. 2018. № 8.

УДК 378.4:82(571.53)

С. Р. Смирнов

Литературоведческий век ИРГОСУНа

Аннотация. Прослеживаются основные этапы литературоведческих исследований в Иркутском государственном университете, называются имена ведущих ученых ИГУ и круг их интересов на протяжении минувшего века, научные школы и направления. Актуальность исследования обусловлена не только юбилеем вуза, но и необходимостью сохранить для грядущих поколений преподавателей и студентов информацию о научных предшественниках, каждый из которых являлся незаурядной личностью, органично соединяющей качества ученого и педагога. Особое внимание уделяется петербургско-ленинградской школе (М. П. Алексеев, М. К. Азадовский), а также личности и научному творчеству В. П. Трушкина.

Ключевые слова: Иркутский государственный университет, литературоведческие исследования, научные школы и направления, Петербургско-ленинградская научная школа.

S. R. Smirnov

Formative Departments of Irkutsk State University and the Era of its Literature Studies

Abstract. The article considers the main stages of literary studies at the Irkutsk State University. The leading ISU scientists of the XXth century are named and their research interests are described, scientific schools and fields are listed. The cause of the research is not only the anniversary of the University, but also the need to preserve for future generations of lecturers and students information about scientific predecessors, each of whom was an extraordinary personality, organically linking qualities of a scientist and an educator. Special attention is paid to the Petersburg-Leningrad school (M. P. Alekseev, M.K. Azadovskiy) and to personality and scientific work of V. P. Trushkin.

Keywords: Irkutsk State University, Literary studies, Scientific schools and fields, Petersburg-Leningrad scientific school.

ИРГОСУН – эта аббревиатура вспоминается каждый раз, когда речь заходит о разных университетах, существующих ныне в Иркутске, помимо отмечающего в этом году столетие классического.

Вспомним о том, что у истоков нашего вуза стояли два *гуманитарных* факультета: историко-филологический и юридический.

Основателем иркутской литературоведческой школы по праву считается академик Михаил Павлович Алексеев. Он окончил славяно-русское отделение Киевского университета в 1918 г. и проработал в нашем городе с 1927 по 1933 г. на кафедре всеобщей литературы.

Как справедливо писал о нем другой корифей иркутского литературоведения, профессор педагогического института Эрвин Петрович Зиннер, «его труды поражают всесторонней эрудицией и глубоким знанием во многих областях политической, социальной и культурной истории стран Запада и Востока, исторической географии, этнографии, археологии и, конечно же, сравнительного литературоведения. Даже неполное перечисление трудов Алексеева занимает много страниц убористого текста» [Литературная Сибирь, 1986, с. 258].

Один из непосредственных учеников Алексеева петербургский литературовед Ю. Д. Левин отмечал, что он обращается к «старым книгам» не ради них самих, но для того, чтобы создать «познанье новое», нужное его современникам; классическая литература прошлого, благодаря его усилиям, активно включается в нашу культуру [Левин, 1972, с. 10].

Сохранилась дата вступительной лекции М. П. Алексеева в Иркутском университете – 15 декабря 1927 г. Она была посвящена актуальной и поныне проблеме художественного перевода и впоследствии напечатана отдельным изданием.

Отличительными чертами факультета филологии и журналистики за все сто лет существования университета были преемственность и благодарная памятливость. Так, в октябре 1988 г. в университете, в год его семидесятилетия, прошли «Четвертые Алексеевские чтения». В сборник научных материалов (1987 г.), вошло более семидесяти статей ученых различных вузов страны, в том числе и статья о многогранной деятельности М. П. Алексеева. Так, Ф. З. Канунова (Томск) отмечала роль Алексеева в исследовании личной библиотеки В. А. Жуковского.

«Рукопись отдельных законченных томов “Библиотеки Жуковского в Томске” обсуждалась в Пушкинском Доме при непосредственном участии М. П. Алексеева. Его анализ ряда центральных глав монографии, его замечания представляли собою целую программу дальнейшей работы коллектива над сложным разноязычным материалом» [Четвертые Алексеевские чтения, 1987, с. 1]. В. Н. Баскаков по поводу книги М. П. Алексеева «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей: XIII–XVII вв.» говорил: «…трудно поверить, что она создана одним человеком – столько в ней экскурсов в самые разные и порою неожиданные отрасли научного знания. История и география, этнография и литература, экономика и философия, прилагаемые к разным эпохам и странам, подвластны автору в равной и одинаково совершенной степени» [Левин, 1972].

Впоследствии на факультете регулярно проходили научные конференции, посвященные памяти известных ученых: М. Азадовского, Н. Шаракшиновой, В. Трушкина, В. Владимирцева, Л. Ермолинского, В. Зиновьева, знаменитых писателей-выпускников ИГУ В. Распутина и А. Вампилова.

Родившийся и окончивший классическую гимназию в Иркутске Марк Константинович Азадовский, так же как и М. П. Алексеев, олицетворял собой петербургско-ленинградскую школу литературоведения. С Сибирью (в первую очередь с Томским и Иркутским университетами) у него были связаны двенадцать довоенных лет (1918–1930) научно-преподавательской деятельности и два года пребывания в эвакуации (1942–1944).

Анна Петровна Селявская в своем очерке отмечала: «Лекция Азадовского своеобразна по построению, содержанию и характеру общения с аудиторией. Вокруг главной идеи возводилась история ее развития – в фактах, именах, итогах. Наука открывалась слушателю как процесс, и процесс коллективный. “Почему?”, обращенное к студенту, переход на беседу, подчеркнутая проблемность изложения, щедрый историографизм, причем в лицах и подвигах – незабываемые черты лекторского стиля Азадовского. На семинарских занятиях он умел вызвать у студента ответственность перед его способностями, на фоне большой науки анализировал идеи студентов, умел выделить талантливых» [Литературная Сибирь, 1986, с. 227–228]. Саму Анну Петровну М. Азадовский охарактеризовал как «фольклориста милостью божией».

Думается, все эти особенности преподавательского мастерства Марк Азадовский сумел передать своим ученикам: В. Трушкину, Н. Тендитник, А. Селявской, а далее их «генетически» унаследовало новое преподавательское поколение факультета филологии и журналистики.

М. Азадовский во время работы в университете руководил фольклорными экспедициями, основал вместе с Г. С. Виноградовым журнал

«Сибирская живая старина», внес существенный вклад в декабристоведение, заложил основы изучения сибирской литературы как науки.

Десять лет на педагогическом факультете ИГУ трудился фольклорист и этнограф, знаток детского фольклора, основатель этнопедагогики, ученый нелегкой судьбы Георгий Семенович Виноградов. Иркутские историки, филологи и журналисты много сделали для сохранения памяти о нем. Достаточно назвать обстоятельные и душевные историко-педагогический очерк профессора К. Жукова (изданный в 2010 г. к 125-летию Г. Виноградова) и фильм ИГТРК «Странник» (2014. Автор О. Акулич, режиссер М. Аристова).

К. С. Жуков писал: «В своих работах Георгий Семенович говорил о необходимости введения этнографии в круг предметов школьного преподавания; дал ряд методических указаний по лучшему построению народоведческих занятий для детей; подготовил примерные программы по изучению дисциплин материального быта, духовной культуры, общественной жизни; написал пособие для руководителей учреждений образования; указал на необходимость подготовки в вузах специальных кадров учителей» [Жуков, 2010, с. 78].

Необходимо поименно назвать основателей научно-педагогических школ и направлений, несомненным результатом работы которых явилась подготовка докторов и кандидатов наук нынешнего поколения сотрудников факультета филологии и журналистики и педагогического института: Алексей Абрамович, Сергей Баранов, Леонтий Лисин, Надежда Шаракшинова, Василий Трушкин, Надежда Тендитник, Надежда Ковригина, Анна Рубанович, Ростислав Смирнов, Татьяна Чернышева, Лидия Азьмуко, Нелли Золотарева, Валерий Зиновьев, Ирина Плеханова, Анатолий Собенников, Ольга Шахерова, Ольга Юрьева и др.

Успешные ученики и последователи Надежды Осиповны Шаракшиновой образовали на факультете филологии и журналистики в 1989 г. кафедру бурятской филологии. Само же бурятское отделение было создано в 1926 г. Е. К. Шаракшинова справедливо отмечает разностороннюю педагогическую деятельность Надежды Осиповны Шаракшиновой: «…помимо чтения лекций по русскому и бурятскому фольклору, бурятской литературе, она читала спецкурсы, вела спецсеминары, руководила курсовыми и дипломными работами студентов, была бессменным руководителем студенческого научного кружка бурятоведения и монголистики, откуда вышло немало именитых в будущем ученых, представляющих элиту бурятской и монгольской научной интеллигенции» [Живая память ... , 2005, с. 10]. А Т. Б. Тагарова вспоминает, что на вопрос, каким образом достичь таких успехов в жизни, такого творческого долголетия, как сохранить такую свежую любознательность, жажду знаний, Надежда Осиповна отвечала кратко: «работать надо!» [Там же].

Василий Прокопьевич Трушкин принадлежал к той генерации подвижников и исследователей сибирского литературоведения, которая соединяла зримыми и незримыми нитями Иркутск с Томском (в лице Н. Н. Киселева и его соратников по ТГУ), Иркутск с Новосибирском (Е. К. Ромодановская, Н. Н. Яновский), Иркутск с Омском (Э. Г. Шик). При их деятельном участии в Новосибирске выходили тома «Литературного наследства Сибири», открывавшие доселе неизвестные факты и документы литературной жизни региона.

В истории факультета филологии и журналистики Иркутского университета В. П. Трушкин занимает особое место. «Великим тружеником науки», «крупнейшим систематиком и библиографом литературной Сибири» он сохранился в памяти друзей и коллег. По-своему уникальна была и его личность как педагога.

Предельно точно сказал об этом Валентин Распутин: «…он представлял собой классический тип русского профессора-филолога: рассеянный, испортивший над книгами глаза, всегда с набитым портфелем, всегда с блуждающей на лице мыслью, находящийся одновременно в двух или даже трёх мирах.

Но только он всходил на кафедру и возводил свои глаза вверх, туда, где они видели лучше всего, только начинал он говорить, мало заботясь об аудитории, занятый лишь тем, чтобы считывать с потолка и со стен свою удивительно живописную лекцию, – и впечатление было такое, что слов этих нигде больше и не может быть, как там, наверху» [Друзья мои, 2001, с. 396].

Первым серьезным литературоведческим опытом В. П. Трушкина нужно считать предисловие к возвращенному из небытия первому советскому роману «Два мира» Владимира Зазубрина. Изданное благодаря инициативе Трушкина без купюр произведение (остальные советские перепечатки 1960–1970-х гг. нередко представляли сокращенный почти на треть и «выхолощенный» от «натуралистических» подробностей вариант) надолго становится самым надежным источником для исследователей сибирской литературы.

В 1961 г. В. П. Трушкин «организует» из изданных ранее в периодике статей свой первый «сибирский текст» – книгу «Литературные портреты: Писатели-сибиряки». В нее были закономерно включены «портреты» Владимира Зазубрина и Павла Петрова, а также очерки о писателях-современниках. На книгу последовательно появились отклики в «Восточно-Сибирской правде» (автор М. Давыдов, предположительно, за псевдонимом скрывался Марк Сергеев), в «Сибирских огнях» (уже упоминавшийся омский литературовед Эдмонд Шик), в «Вопросах литературы» (новосибирец Николай Яновский).

Затем выходят с перерывом в 4–5 лет монографии: «Пути и судьбы» (1972), переизданная в расширенном и исправленном варианте в

1985 г.; «Литературная Сибирь первых лет революции» (1967); «Из пламени и света» (1976); «Восхождение» (1978); «Литературный Иркутск» (1981). Все они также получат положительные отклики в печати. Большая часть монографий вместила в себя обширнейший материал, накопленный во время работы над докторской диссертацией «Литературное движение Сибири в 1900–1930 гг.» (1970), по собственному признанию автора, «три больших кирпича, по пятьсот-шестьсот страниц в каждом томе» [Друзья мои, 2001, с. 25–26]. И в диссертации, и в монографиях В. П. Трушкин исповедовал единый методологический принцип. Мы называем его «принципом ланцетника». Этот принцип В. П. Трушкин унаследовал от известного пушкиниста С. А. Венгерова, который образно сравнивал изучение литературы с изучением зоологии. Он полагал, что нельзя ограничиваться изучением только носорогов и слонов, надо включать в это изучение и какого-нибудь ланцетника.

Таких «ланцетников» по обширной сибирской территории В. П. Трушкин собрал великое множество, однако не избегал и изучения «слонов» и «носорогов», к каковым могут быть причислены, к примеру, Вячеслав Шишков, Павел Васильев, Исаак Гольдберг, Владимир Зазубрин, Георгий Гребенщиков. Много внимания уделено в его книгах личностям Георгия Потанина и Николая Ядринцева.

…И сегодня основным направлением в деятельности литературных кафедр была и остается сибирская литература (в первую очередь распутиноведение и вампиловедение, в освоение которых существенный вклад внесли Н. Тендитник и И. Плеханова).

В разные годы литературные кафедры активно вписывались со своими темами и в общероссийский научный контекст: это Т. Чернышева (научная фантастика), А. Рубанович (М. Лермонтов), Н. Ковригина (И. Бехер), Р. Смирнов (А. Блок), А. Собенников и С. Мельникова (А. Чехов), Н. Дулова (А. Герцен), Л.Азьмуко (С. Третьяков), И. Плеханова и ее ученики – специалисты по современной русской поэзии (Ю. Брюханова, О. Меркулова, Н. Подрезова). Особо следует упомянуть труды Е. Вахненко по творчеству А. Ремизова, С. Ташлыкова по творчеству А. Куприна, а также такую оригинальную междисциплинарную проблему, как мотив «ожившего изображения» в работах М. Штуккерт.

Среди основных научных направлений ИГУ на 2015–2019 гг. значится глобальная и всеохватывающая факультетская тема «Язык, литература, СМИ как способы концептуализации мира и коммуникативные практики: фундаментальные и прикладные аспекты». Новые поколения преподавателей ИРГОСУНА продолжают активно разрабатывать ее в своих статьях, монографиях и учебных пособиях…

Литература

Друзья мои… Из дневников 1937–1964 гг. Очерки и статьи. Из альбома «Нефтефлот литературы». Воспоминания о В. П. Трушкине / сост. А. В. Трушкина ; вступ. ст. Б. С. Ротенфельда. Иркутск : Изд. Сапронов, 2001.

Живая память иркутской филологии : межвуз. сб. науч. тр. и воспоминаний / сост. и отв. ред. И. В. Выходцева, С. А. Захарян. Вып. 2. Иркутск : Иркут. гос. пед. ун-т, 2005.

Жуков К. С. Ученый, опередивший время: историко-педагогический очерк о профессоре Г. С. Виноградове. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010.

Левин Ю. Д. Михаил Павлович Алексеев (1896–1981). Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Михаил Павлович Алексеев. М. : Наука, 1972. С. 10–29. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. лит. и яз. ; вып. 9).

Литературная Сибирь: критико-биобиблиогр. слов. писателей Вост. Сибири / сост. В. П. Трушкин, В. Г. Волкова. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1986.

Четвёртые Алексеевские чтения : материалы науч. межвуз. конф., посвящ. памяти акад. М. П. Алексеева и 70-летию Иркут. госуниверситета (3–5 окт. 1988 г.). Иркутск, 1987.

XX в. // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2014. Вып. 10, Ч. 3: Филология. С. 17–22.

Когнитивные исследования языка: от теоретических установок к результатам

УДК 811.161

Л. И. Богданова

Слово и способ познания мира

Аннотация. Рассматриваются проблемы, связанные с оптимизацией словарных дефиниций. Толкования слов в традиционных толковых словарях зачастую не включают важную информацию, отражающую процесс познания мира человеком. Нередко словарная дефиниция не согласуется с реальным употреблением слова в речи. В настоящий момент актуальным является вопрос о придании словарному толкованию когнитивного характера.

Главная цель когнитивной дефиниции – ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на данном языке, т. е. о закреплённом в обществе и доступном изучению через язык способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках.

Анализ словарных дефиниций показал, что направленность традиционной лексикографии нередко имеет безличный, формально объективный характер. В дефиниции представлены элементы специального знания, но нет информации о том, какие ассоциации вызывает это слово в сознании рядового носителя языка, какие признаки объекта являются наиболее важными. Следствием научно-энциклопедического характера многих дефиниций оказывается: 1) внутренняя несогласованность словарных статей; 2) отрыв переносных значений от основных. Отсюда следует, что когнитивная дефиниция должна включать в себя все компоненты, закреплённые в коллективном сознании носителя языка.

В ходе исследования использовались различные методы и операциональные процедуры, среди которых анализ дефиниций, компонентный анализ, трансформация контекстов, эквивалентная замена и др.

Ключевые слова: толковый словарь, дефиниция, когнитивная информация, национально-культурный компонент, коннотация, семантика, ассоциативный потенциал слова.

L. I. Bogdanova

The Word and Human Perception

Abstract. The article concerns problems of optimization definitions structure. One of the most important tasks of modern cognitive linguistics is a study of the problem of non-agreement between the word definition and its real usage by the native speaker. The word definitions in traditional dictionaries don't include very often important information about human perception. At present it is an actual issue to give the cognitive character to the dictionary definition.

The main aim of cognitive definition is to answer the question about the way the native speakers see an object described, that means the fixed by the society and available for study through the language way of cognizing the world, categorizing its phenomena, their characteristics and evaluation.

Analysis of dictionary definitions has shown that direction of the traditional lexicography often has impersonal, formally objective character, the definition gives no hint to the associations the word has in the mind of ordinary speaker, the features of the object that are the most important. The consequences of scientific-encyclopedic character of many definitions are: 1) inner non-coordination of the dictionary articles; 2) figurative meanings lose their ties with the primary meaning. To conclude the cognitive definition must include all components fixed in the collective conscience of the native speakers.

During the research various methods and operational procedures were used including analysis of definitions, component analysis, context transformation, equivalent replacement, etc.

Keywords: dictionary, definition, cognitive information, national-cultural component, connotation, semantics, associative potential.

Человек познаёт мир в течение всей своей жизни. Один из его надёжных спутников в процессе познания – родной язык. Образ мира для человека предстаёт «явленным в слове»: *И образ мира, в слове явленный, и творчество, и чудотворство* (Борис Пастернак, Август).

Раскрывая суть теории лингвистической относительности, Бенжамен Ли Уорф писал: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <…> Мир предстаёт перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф, 1960, с. 174]. Язык призывает нас что-то замечать, фиксировать в сознании в виде отдельного слова, а что-то игнорировать как менее важное и ценное, выстраивая таким образом иерархию явлений по степени важности. В связи с этим образ единого, одного для всех мира, запечатлённый языковым сознанием, должен иметь различия в разных языковых отражениях. Лексикографическая интерпретация языкового образа мира в идеале должна также иметь национально-культурный отпечаток. Но зачастую феномены действительности получают в толковых словарях разных языков одну и ту же трактовку, поскольку традиционные толковые словари, как правило, ориентируются не на языковую картину мира, а на научную. Ю. Д. Апресян отмечает, что «задача лексикографа, если он не хочет покинуть почвы своей науки и превратиться в энциклопедиста, состоит в том, чтобы вскрыть наивную картину мира в лексических значениях и отразить её в системе толкований» [Апресян, 1995, с. 58].

Несмотря на успехи лексической семантики, вопрос создания словарных статей, включающих информацию о способе познания человеком мира, ещё не решён. Жизнь слова в его реальном употреблении не всегда отражается и фиксируется словарями. В настоящей статье рассматриваются проблемы, связанные с когнитивным подходом к проблеме «портретирования» слова. Одной из наиболее важных задач современной когнитивной лингвистики можно считать исследование «несогласованности дефиниции того или иного слова и его реального употребления в речи рядового носителя языка» [Богданова, 2012, с. 65]. Важно учитывать, что семантика, изучающая знания с точки зрения включения в них как языковой, так и экстралингвистической информа-

ции, обращена не только к содержанию собственно языковых знаков, но также и к среде их существования. В настоящий момент актуальным является вопрос о придании словарному толкованию когнитивного характера, чему способствует, на наш взгляд, учёт в словарной дефиниции коннотативного компонента значения слова. Коннотативная семантика – это целый комплекс «надстраивающихся» над лексической семантикой прагматических, символических, культурных, энциклопедических и других «созначений», актуализирующихся в особых, вторичных, поэтических, метафорических и других «непрямых» употреблениях слов [Толстой, 1995, с. 289]. Основными задачами при описании значения слова считаем выявление дифференциальных семантических признаков, что обеспечивает диагностическую различительную силу толкований, и описание ассоциативных комплексов и коннотаций, актуализирующих «смысловые прибавки» к значению слова. Так, например, прямые значения русских слов *осёл* и *ишак* практически не различаются, но ассоциативный потенциал у них разный: если человека называют *ослом*, значит, считают, что он упрямый или глупый, но если человека называют *ишаком*, то предполагается, что он слишком много работает, причём труд этот подневольный. Такого рода дополнительная информация должна найти отражение в словарных толкованиях, поскольку она выводит на выявление национально-культурного компонента в значении языковых единиц.

Национально-специфический культурный компонент в семантике слова особенно ярко обнаруживает себя именно при анализе ассоциативного ореола слов. Так, например, образ *болота* для русского человека связан с гниением, неприятным запахом, нечистой силой, застоем, косностью, что подтверждают примеры из Национального корпуса русского языка: *… одна книжная мудрость, что* ***смрадное болото****; оно испаряется теориями и умозрениями, методами и системами, заражающими жизнь нравственным недугом – скукою; там ум как* ***стоячая вода****; из этого болота почерпается только мёртвая вода…*(И. А. Гончаров, Хорошо или дурно жить на свете, 1841); *Ведь я увёл науку в* ***болото*** *талмудической* ***абстракции****, оторвал её от практики* (Василий Гроссман, Жизнь и судьба, 1960); *Вон, какие люди были, а как скатились в* ***болото оппозиции****, как пошли не той дорожкой, то вон к чему и пришли!* (Ю. О. Домбровский, Факультет ненужных вещей, 1978); *Слово за слово – и всё, видимость спокойствия исчезает, и социальный базис, который хоть как-то скрепляет людей, превращается в* ***бесформенную жижу – болото****, в котором каждый тонет – или выплывает – как может* (Евгений Гусятинский, С кем ты хочешь быть? 2011) [НКРЯ].

В Словаре В. И. Даля этот ассоциативный комплекс отражён лишь частично: ***болото*** – «не просыхающая грязь от родников или от натёка

по рыхлой почве»: *В тихом болоте (омуте) черти водятся*. *Не ходи при болоте: чёрт уши обколотит* [Даль, 1999]. Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой даёт толкование этого слова с учётом национально-культурного компонента: 1. Избыточно увлажнённый участок земли со стоячей водой и зыбкой поверхностью, заросший влаголюбивыми растениями. *Завязнуть в болоте*. 2. *перен*. Общественная среда, находящаяся в состоянии застоя, косности. *Болото обывательщины.* 3. *ед*. В старых народных представлениях: топь, трясина как место обитания нечистой силы. *Было бы болото, а черти найдутся* (посл.). *Иди ты в болото!* (грубое требование уйти). *Ну тебя в болото!* (прост.) – выражение пренебрежения, нежелания видеть, считаться, иметь дело с кем-н. *Черти болотные* [СОШ].

Как видим, и данные словарей, и литературные примеры выявляют в русском слове *болото* исключительно негативные коннотации. Вместе с тем известно, что финский учёный Л. Хакулинен сравнивал финский язык с *болотом*, в котором, подобно попавшим в болото сучьям деревьев, веками сохраняются древние заимствования, т. е. болото для финнов не место тления и гниения, а своего рода хранилище, «хорошее» место, с которым можно сравнивать родной язык.

Учёт в межкультурном общении различий в коннотативной семантике слов трудно переоценить. Однако, как показал анализ словарных толкований, словари далеко не всегда включают в дефиницию компоненты значения, отражающие национально-культурную семантику.

На наш взгляд, словарная дефиниция должна приобретать когнитивный характер в плане отражения национально-специфического процесса познания мира обыденным, «наивным» сознанием человека, которое в пределах каждой культуры по-своему отражает и категоризует мир. Языковая категоризация, как известно, отличается от научной, что можно подтвердить, в частности, примерами соотношения гиперонимов и гипонимов. По-русски нельзя сказать: «Птицы и другие животные спасались от лесного пожара (где *птицы* – гипоним по отношению к гипероним*у* *животные*), следовательно, для языка птицы не относятся к разряду животных [Норман, 2013, с. 175].

В словарном определении, на наш взгляд, должно получить отражение не собственно научное, а обыденное знание носителя языка о том или ином объекте. Главная цель *когнитивной дефиниции* – ответить на вопрос о способе восприятия предмета говорящими на данном языке, т. е. о закреплённом в обществе и культуре и доступном изучению через язык способе познания мира, категоризации его явлений, их характеристиках и оценках [Бартминьский, 2005, с. 55].

Научность словарных дефиниций особенно бросается в глаза в случае толкования слов, принадлежащих к основному словарному фонду и имеющих давнюю традицию употребления. К ним относятся,

например, так называемые «первоэлементы»: *небо, солнце, луна, звезда, земля, вода, ветер* и др.

В традиционном толковом словаре ***ветер***, например, имеет следующую дефиницию: «движение, поток воздуха в горизонтальном направлении». Такое определение не учитывает ассоциативный потенциал слова, компоненты которого отражаются в устойчивых сравнениях и сочетаниях, в переносных значениях, пословицах. Ср.: «быстрота» (*быстрый как ветер, как ветром сдуло*), «переменчивость» (*ветер перемен)*, «беспринципность» (*откуда ветер дует, держать нос по ветру*), «свобода» (*вольный как ветер*), «сила» (*Против ветра не надуешься*, *Выше ветра головы не носи; Ветер, ветер! Ты могуч, ты гоняешь стаи туч.* – А. С. Пушкин), «ненадёжность» (*ветром подбитый*), «легкомыслие, безответственность» (*ветер в голове, ветреный, ветреник, бросать слова на ветер, бросать деньги на ветер; Все пошло на ветер*) «одиночество, неприкаянность» (*один как ветер в поле*) и др.

В толковых словарях обнаруживаем также, что широко употребительная лексическая единица ***солнце*** толкуется как «небесное светило – раскалённое плазменное тело шарообразной формы, вокруг которого обращается Земля и другие планеты» [СОШ]. В этой дефиниции есть элементы специального знания (*раскалённое плазменное тело, шарообразная форма* и др.), но нет и намёка на то, какие ассоциации вызывает это слово в сознании рядового носителя языка, какие признаки объекта являются для него наиболее важными. Лексикограф когнитивного направления стремится ответить на вопрос о том, как внеязыковая действительность интерпретируется коммуникативным сообществом, следовательно, он должен дать такой «лексикографический портрет слова», который показал бы, как видит объект, отражённый в этом слове, типичный представитель данной культуры. Примечательно, что ассоциации данного слова далеко не одинаковы в разных языках, хотя, казалось бы, солнце одно для всех. Для болгар, в частности, *солнце* – это, с одной стороны, часть «земного рая», но, с другой стороны, в ассоциативном словаре болгарского языка среди самых частых реакций на слово *слънце* («солнце») находим не только *топло, светлина, море, плаж, живот* («жизнь»), *радост, въздух* и т. п., но и *горещо* («жарко»), *пече* («печёт, жжёт»), *жарко, горещина* («жара»), *жега* («жара») и др. [Норман, 2013, с. 13]. В русском языке ассоциации с сильной, изнуряющей и испепеляющей жарой по объективным причинам не столь частотны для слова *солнце*.

Когнитивная дефиниция слова ***солнце*** применительно к русскому языковому коллективу должна, по-видимому, отражать такие признаки объекта, как уникальность, местоположение, свойства (яркость, тепло), действия и др.

Слово ***луна*** также толкуется в словарях с привлечением научных знаний. Так, *луна* в толковом словаре – это «небесное тело, спутник

Земли, светящийся отражённым солнечным светом; свет, идущий от такого небесного тела; спутник любой планеты» [СОШ]. Такая дефиниция не помогает понять загадочность и таинственность луны, мистический характер её торжественной красоты. Ср.: *Из перламутра и агата, из задымленного стекла, / Так неожиданно покато и так торжественно плыла, / Как будто Лунная соната нам сразу путь пересекла* (А. Ахматова); *И бледный лик, загадочно-печальный, / Под бледною луной не узнаю* (И. Бунин).

Способ познания человеком *луны* как объекта действительности закрепился в достаточно устойчивых перифразах, которые особенно часто используются в поэзии: *Меж тем в лазурных небесах / Плывёт луна,* ***царица ночи*** (А. Пушкин); *Спустилась ночи колесница,* ***Небес*** *лазоревых* ***царица****, Блеснула бледная луна* (А. Полежаев)*;* К редким перифразам относится луна – *золотая лягушка*: *Золотою лягушкой луна / Распласталась на тихой воде* (С. Есенин).

Вторая ипостась луны – *месяц*. Согласно словарю, *месяц* – это «диск луны или его часть». Для естественного человеческого мировосприятия важно видеть разницу между луной и месяцем именно по форме (ср. *Светит месяц, светит ясный, светит полная луна*), поэтому предпочтительнее такое толкование: *месяц* – ночное светило, как правило, в форме серпа. В полном толковом словаре, отражающем познание мира человеком, должны быть зафиксированы и перифразы: *лунный / серебристый / поднебесный серп*: *Над городом древним алмазные русские ночи, / И* ***серп поднебесный*** *желтее, чем липовый мёд* (А. Ахматова); *Город во мгле засыпает, /* ***Серп серебристый*** *возник* (М. Цветаева).

Представление лексической единицы ***звезда*** в традиционных толковых словарях также нуждается в корректировке. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *звезда* – это «небесное тело (раскалённый газовый шар), ночью видимое как светящаяся точка» [СОШ]. Очевидно, что информация о звезде как раскалённом газовом шаре никак не проецирует употребление данного слова в обычной речи (*достать звезду с неба, зажечь звезду* и т. д.).

Недостаточно полными являются и толкования названий времён года. Так, дефиниция слова *весна* («время года, следующее за зимой и предшествующее лету») не включает в себя ассоциативных представлений рядового носителя языка о любви, расцвете, надеждах и т. п.

Приведённые примеры показывают, что наши личные представления о предметах существенным образом отличаются от их описания в словарях, что подтверждает и следующее словарное толкование: *гриб* – «низшее растение, не образующее цветков и семян и размножающееся спорами» [СОШ]. Информация об отсутствии у грибов цветков и семян, об их способности размножаться с помощью спор не входит в сознание

рядового носителя языка, для которого гораздо важнее информация о том, что *грибы растут в лесу, грибы собирают, гриб состоит из шляпки и ножки*. В этом плане определение, данное Б. Ю. Норманом, более адекватно отражает способ познания человеком мира: *гриб* – растущее в осеннем лесу нечто вроде растения, которое используют в пищу (съедобные грибы); состоит из ножки и шляпки; бывает губчатым и пластинчатым; *грибное место; грибной суп; грибной дождь* [Норман, 2013, с. 15].

Толкования названий животных также нередко содержат научную информацию, не востребованную рядовым носителем языка и не способную дифференцировать в должной степени те или иные понятия. Сравним, например, словарные определения названий животных *лиса* и *волк*:

Лиса (*лисица*) – в первом значении «хищное млекопитающее семейства псовых с длинным пушистым хвостом, а также мех его».

Волк – «хищное животное семейства псовых» (здесь уже не говорится, что это млекопитающее) [СОШ].

Основываясь на этих дефинициях, мы можем полагать, что волк отличается от лисы только отсутствием длинного пушистого хвоста. Однако наш опыт подсказывает нам, что это не так. В русском языковом сознании *волк* обычно предстаёт как существо опасное, быстро передвигающееся, агрессивное, вечно голодное: *волчий оскал, волком смотреть, волком выть, волчий аппетит; злой как волк, голодный как волк; волка ноги кормят; волков бояться – в лес не ходить; с волками жить – по-волчьи выть* и т. п.

Возвращаясь к сравнению волка и лисы, заметим, что говорящие по-русски рядовые носители языка знают о *лисе* больше, чем представлено в словарях («хищное животное семейства псовых»). В речи актуализируются такие её признаки, как особенности внешнего облика (острая мордочка, нос своеобразной формы, цвет меха), ум, лукавство, хитрость: *лисья мордочка, лисье личико, лисий нос; лисий ум, лисья хитрость* и т. п.

Исследователь З. Харитончик, анализируя с когнитивных позиций производные признаковые слова компаративного типа (*лисий, кошачий, ослиный, заячий, собачий* и др.), делает справедливый вывод относительно того, что «без знания перцептивно воспринимаемых характеристик, важных поведенческих особенностей обозначаемых животных невозможно ни образование компаративных адъективных прилагательных типа *лисий*, *кошачий*, ни их понимание…» [Харитончик, 2014, с. 31], что ещё раз подчёркивает необходимость дополнения толкований за счёт включения когнитивно значимой информации, получающей отражение в ассоциативных связях данного слова.

Итак, анализ словарных толкований показал, что дефиниции в традиционной лексикографии нередко перегружены научной информацией. Имея формально объективный характер, они лишены национально-

культурной специфики. Следствием научно-энциклопедического характера многих дефиниций оказываются такие характеристики:

1) внутренняя несогласованность словарных статей, в которых научная дефиниция находится в диссонансе с иллюстративным материалом, так как в отличие от дефиниций цитаты берутся не из текстов научного стиля, а из художественных произведений или разговорной речи;

2) дифференциальные семантические признаки, отмеченные в толковании, никак не проецируются в синтагматическом поведении слова;

3) переносные значения слова теряют связь с основным;

4) словарные дефиниции не в полной мере отражают национальную картину мира;

5) толкования обладают недостаточной различительной силой.

Эти недостатки можно преодолеть, объективируя в толкованиях слов фрагменты языковой картины мира, отражаемой обыденным «наивным» сознанием рядового носителя языка. Таким образом, словарная статья когнитивной направленности может включать в свой состав национально-культурный компонент семантики слова. Выявление этнокультурной специфики в способе познания мира помогает ответить на вопрос, каким образом человек смотрит на мир, как опознаёт его объекты и включает их в светлую зону сознания, подвергая их категоризации.

Литература

Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. : Яз. Рус. культуры, 1995. 472 с.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М. : Индрик, 2005. 528 с.

Богданова Л. И. Когнитивная информация для толковых словарей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 65–70.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : Рус. яз., 1999. Т. 1. 699 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 09.09.2018).

Норман Б. Ю. Когнитивный синтаксис русского языка. М. : Флинта ; Наука, 2013. 254 с.

СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995. 510 с.

Уорф Б. Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. С. 169–182.

Харитончик З. Семантика и прагматика лексических единиц в зеркале деривационных процессов // Slavische Wortbildung im Vergleich. Svetlana Mengel (Hg). Münster: Lit Verlag, 2014. S. 17–33.

УДК 801. 311.55

Л. И. Горбунова

Есть ли фасад у нефасадных объектов?

Аннотация. Изучается соотношение категорий *дейктичность – фасадность – наблюдатель*. Выделяется два типа наблюдателя: наблюдатель-говорящий и коллективный наблюдатель. Коллективный наблюдатель является необходимой семантической категорией для того, чтобы адекватно понимать значения языковых единиц, которые отражают договоренность языкового коллектива о том, какую ориентацию относительно определенного объекта считать стандартной. При использовании языковых средств с локативной семантикой говорящий применяет разные пространственные стратегии. Категория наблюдателя для них является обязательной.

Ключевые слова: дейксис, пространство, наблюдатель, фасадность, пространственная стратегия, русский язык.

L. I. Gorbunova

Is there a Facade in the Front Objects?

Abstract. The categories *deixis, observer, front* are studied in the article. We distinguish two types of observer: Observer-speaker and Collective observer. Collective Observer is a necessary semantic category to adequately understand the meanings of some linguistic units. These units reflect the language community understanding about what kind of orientation of a particular object should be regarded as the standard. Using language tools with locative semantics the speaker applies different spatial strategies. Category of observer is required for all of them.

Keywords: deixis, space, observer, front, spatial strategy, the Russian language.

В современных семантических исследованиях активно используется термин **наблюдатель**, в чем проявляется антропоцентризм лингвистики XXI в. Наблюдатель понимается как лицо, с позиции которого подается ситуация. Использование огромного количества слов и морфем с пространственным значением невозможно без учета данной категории. В значения таких единиц встраивается наблюдатель, а корректная формулировка их семантики требует указания на дейктичность обозначаемой ситуации. Так, многие предлоги, наречия, адъективные приставки имеют значение «**дальше/ближе от наблюдателя, чем X**»: *елка* ***позади*** *дуба,* ***заозерный*** *лес*, *поле* ***за*** *рекой – остановка* ***перед*** *мостом,* ***предгорный*** *участок* [см. подробно: Горбунова, 2010]. В подобных случаях «взаиморасположение локализуемого предмета и локума определяется позицией наблюдателя... Только контекст и положение наблюдателя уточняют, с какой именно реальной стороны… происходит что-л.» [Всеволодова, Владимирский, 1982, с. 218]. В терминах Ю. Д. Апресяна и Е. В. Падучевой [2011] подобные употребления следует связывать с первичным дейксисом, с канонической речевой ситуацией, в которой говорящий является субъектом речи.

Например, прилагательное в Примере 1 отражает локализацию объекта относительно расположения наблюдателя-англичанина:

(1) *В этом, пожалуй, его (англичанина) самое разительное отличие от* ***заокеанского*** *кузена. Дело не только в том, что* ***американец****… раньше уходит по утрам…* (В. Овчинников). Изменение наблюдателя

или его перемещение относительно точки отсчета в подобных случаях ведет к тому, что та же единица начинает обозначать другой фрагмент пространства. Говорящий осознает это и рефлектирует на этот счет.

(2) *С точки зрения англичанина «**заморские** пришельцы» – это **иберы, кельты, римляне, англы, саксы, юты и норманн**ы, с точки зрения японцев – «**американская эскадра** командора Перри»* (В. Овчинников).

Подобный тип ориентации у Ю. Д. Апресяна назван **относительной ориентацией** предметов в пространстве. Ей будет соответствовать дейктическая стратегия понимания, т. е. стратегия, учитывающая положение наблюдателя.

В статье [Апресян, 1997] также выделяются объекты с абсолютной ориентацией – фасадные. Этот признак «приписывается именам предметов, имеющих такую выделенную сторону, через которую в норме осуществляется их использование» [Апресян, 1995а, с. 40]. Человек, как правило, может располагаться только с фасадной стороны подобного объекта и отсюда ориентироваться в пространстве: ***закулисное** оборудование, **заэкранный** громкоговоритель, **зашкафный** таракан, **запрестольная** икона / **преддиванный** столик, **предзеркальный** стул, **предыконная** лампада*. Значения подобных единиц Ю. Д. Апресян предлагает формулировать следующим образом: ««**X** находится с той стороны **У**, через которую **У** нормально используется»» и ««**X** находится со стороны **Y**-а, противоположной той, через которую **Y** нормально используется»» [Апресян, 1995а] – и указывает на недейктичность подобных ситуаций, т. е. нерелевантность для них фигуры наблюдателя.

Отмеченные нами теоретические установки на соотношение категорий **дейктичность – фасадность – наблюдатель** стали уже почти общим местом, аксиомой, не обсуждаемой в исследованиях. Однако тщательный анализ научной литературы и языкового материала приводит к мысли о том, что это соотношение требует уточнения.

1. Начнем с того, что, предваряя введение категории **фасадность**, Ю. Д. Апресян однозначно связывает ее с первичным дейскисом. «Первичный дейксис – это дейксис диалога, дейксис нормальной ситуации общения. Говорящий и слушающий видят друг друга, и сознанию каждого из них доступен один и тот же фрагмент окружающей обстановки» [Апресян, 1997, с. 276]. Таким образом, говорящий в ситуации первичного пространственного дейксиса с помощью языковых единиц отражает свое пространство, то, как он сам видит ситуацию.

2. При этом здесь же Ю. Д. Апресян, говоря о первичном дейксисе, указывает: говорящий, находясь внутри определенной ситуации и обозначая в речи локализацию объектов, может отражать пространство не так, как он сам его видит, а так, как оно могло бы видеться другому

лицу, например, собеседнику. Анализируя же ситуацию «пусть некто ищет авторучку, которая, по сведениям говорящего, лежит на телефонном столике сбоку от телефонного аппарата» [Апресян, 1997, с. 278], автор пишет, что говорящий в этом случае отражает не свое видение ситуации, а то, как эту ситуацию видит адресат, как бы мысленно вставая рядом с адресатом. Подобным образом трактуется и относительная ориентация в предложении *Перед машиной стояла девушка.* При этом автор настаивает, «что в данном случае ключевой фигурой является именно наблюдатель, а не сам говорящий» [Там же]. Получается, что и в случае относительной ориентации может отражаться точка зрения не самого говорящего, а кого-то другого, а ориентиром служить нефасадный объект.

3. При анализе значения английского *come* Ю. Д. Апресян признает данный глагол таким дейктическим словом, для которого совпадение говорящего и наблюдателя в одном лице необязательно. «Высказывание *John will come home at five* «Джон придет домой в пять» может быть сделано человеком, который сам не собирается быть дома у Джона. Процесс перемещения Джона к дому может быть ориентирован относительно другого наблюдателя, которого говорящий мыслит дома у Джона и которому он эмпатизирует» [Апресян, 1997, с. 277–278]. Говорящий в этом случае опирается на чувственный опыт наблюдателя, которого он мыслит в пространстве и точку зрения которого отражает в высказывании. Следовательно, при использовании этого глагола говорящий и наблюдатель могут совпадать, но могут являться разными лицами, значение же глагола всегда отражает именно позицию наблюдателя.

4. Таким образом, говорящий с помощью некоторой языковой единицы может номинировать свое пространство (например, в случаях относительной ориентации). Однако частотны и случаи, когда, используя языковые средства, мы отражаем не свое видение ситуации, а видение наблюдателя, т. е. другого лица, что доказано в статье [Кравченко, 1993]. Более того, данный исследователь обосновывает доминирующую роль фигуры наблюдателя по сравнению с эгоцентризмом говорящего.

5. Следует отметить, что в признаваемых классическими работах о дейксисе и связанной с ним категорией **наблюдатель** проводится граница между первичным дейксисом и дейксисом нарратива. Среди отличий называется то, что вторичный дейксис не связан непосредственно с речевой ситуацией, это дейксис, в котором говорящий повествует не о своем пространстве и времени. Дейктические слова в этом случае используются для изображения чужого сознания [Апресян, 1997; Падучева, 2011].

6. Анализ языкового материала также позволяет говорить о неоднозначном соотношении категорий **наблюдатель – фасадность – дейктичность**.

6.1. Многие нефасадные объекты могут концептуализироваться как фасадные. Географические объекты не имеют выделенной стороны, через которую регулярно взаимодействуют с человеком, человек легко может перемещаться по отношению к каждому из них. При этом в целом ряде случаев фасадность им приписывается. Так, среди оттопонимичных префиксально-суффиксальные прилагательных и существительных русского языка нередки единицы, значения которых фиксируют локализацию человека, находящегося в центре России. Именно с его точки зрения оценивается и толкуется локализация объекта в словарях и энциклопедиях: ***Заалтайская*** *Гоби* «пустыня, расположенная на юго-востоке Монголии», ***Заволжский*** *экономический район* «располагающийся между Волгой, Уралом, Северным Уралом и Прикаспием», ***Закавказский*** *военный округ* «лежащий к югу от Кавказа», ***Приазовье*** «географическая область, расположенная на юге Восточно-Европейской равнины», ***Причерноморская*** *низменность* «низменность на юге Украины и Молдавии, являющаяся частью Восточно-Европейской равнины». Если соотнести внутреннюю форму подобных единиц и энциклопедическое определение локализации номинируемых ими объектов, то становится очевидно, что приставкой *за-* маркируется нахождение **У** от центра России дальше, чем **Х**, а приставкой *при-* нахождение **У** ближе к центру России, чем **Х**. Большое количество такого рода прилагательных и существительных позволило нам выделить категорию **коллективный наблюдатель**, который ориентируется в пространстве из исторически закрепленной точки, в качестве которой мыслится центр России. В данном случае локализация наблюдателя моделируется словом как постоянная по отношению к объекту **Х**, а ориентацию в терминах Ю. Д. Апресяна можно назвать абсолютной, ведь интерпретация примеров и значений языковых единиц не зависит от того, с какой стороны Байкала, Кавказских гор или Балтийского моря находится говорящий, для того чтобы знать, «с какой именно реальной стороны… происходит что-л.» [Всеволодова, Владимирский, 1982, с. 218], как будто бы нет необходимости знать о расположении говорящего:

(3) ***Предбайкальские*** *буряты издавна жили в лесостепных районах долинах рек Ангары, Лены и их притоков* (А. Семенова);

(4) *Вся нынешняя Украина, Белоруссия, Молдавия,* ***прибалтийские*** *государства и республики* ***Закавказья*** *входят теперь в число стран с отсутствующими или незначительно сохранившимися естественными экосистемами* (Коллективный форум. Перед главным вызовом цивилизации. Взгляд из России).

Более того, даже если в реальности объект **У** расположен от говорящего дальше, чем **Х,** говорящий для локализации **У** все равно будет использовать единицу с приставкой *при-* или *пред-*, отражающую локализацию с противоположной стороны ориентира. Рассказывая на кон-

ференции в Улан-Удэ об истории *предбайкальских* бурят, которые жили на противоположном от действительной локализации докладчика берегу Байкала, т. е. ***за*** Байкалом от говорящего, он все равно использует прилагательное ***пред****байкальский*, тем самым отразив чужую точку зрения, противоречащую его реальноиу расположению. Таким образом, говорящий может легко перемещаться относительно Байкала, но озеро в речи концептуализируется как фасадный объект.

Можно ли утверждать в этом случае, что концептуализация географических объектов как фасадных снимает дейктичность ситуации?

Как известно, дейктична та ситуация, для которой релевантна фигура наблюдателя. Релевантна ли она в указанном случае? Несомненно, поскольку правильно понять, о каком месте на географической карте идет речь, может только тот, кто знает, что значение языковой единицы отражает точку зрения наблюдателя, который располагается в центре России.

6.2. Единицы, значения которых фиксируют коллективное знание, не так уж редки. Рассмотрим употребление прилагательного *правый* «находящийся справа от кого-л., чего-л.». Довольно частотные употребления отражают относительную ориентацию, когда только знание о точке отсчета – позиции наблюдателя – позволяет понять, где именно расположен предмет:

(5) *На сколько повысится уровень воды в левой трубке, если в* ***правую*** *налить керосина столько, что он образует столб высотой H = 30 см?* (В. Лукашик, Е. Иванова).

Не столь однозначно в аспекте обозначенной проблемы можно трактовать словосочетания *правый берег реки* или *Правобережный округ г. Иркутска*, ведь в этом случае надо знать, что точкой отсчета является наблюдатель, стоящий по течению реки. *Правой* в технической отрасли называется часть агрегата относительно направления его движения. Во всех этих употреблениях позиция наблюдателя закреплена общественной договорённостью как постоянная по отношению в определенному виду объектов, следовательно, ориентация относительно них является абсолютной, а объекты (река, самолет) концептуализируются подобно фасадным. Кстати, о коллективной договоренности упоминает и сам Ю. Д. Апресян: «Вернемся к предложению *Перед машиной стояла девушка*. Оно может описывать и ситуацию, когда девушка находилась у носовой, «фасадной» части автомобиля. Тогда автомобиль воспринимается как предмет с собственной, внутренне присущей ему ориентацией, а предложе- ние понимается недейктично: никакого постороннего наблюдателя в этой ситуации нет» [Апресян, 1997, с. 278]. Однако без знания того, как принято ориентироваться относительно данного вида объектов (что передней у движущихся объектов считается часть, прибывающая первой, а правая и левая сторона

определяются по ходу движения), т. е. как располагается воображаемый наблюдатель, невозможно адекватно воспринимать высказывание. В такого рода единицах фиксируется опыт языкового коллектива, причем опыт, получивший определенную интерпретацию.

6.3. Еще более ярко релевантность позиции наблюдателя в случаях абсолютной ориентации можно продемонстрировать на примерах, фиксирующих «местный» опыт носителей языка.

(6) *Продажа домов по* ***правой*** *стороне Байкальского тракта* (из рекламы).

Пример (6) может понять только тот, кто знает, что правой считается сторона, находящаяся справа по ходу движения в сторону Байкала. Для людей, владеющих данной информацией, это случай абсолютной ориентации, но фигуру наблюдателя из ситуации устранить невозможно, ведь тому, кто не владеет этим опытом, необходимо указать на принятый способ ориентации.

Такого же рода употребления

(7) *Машина Ольги резко свернула в* ***замоскворецкий*** *переулок* (Л. Зорин);

(8) *Поглядев ещё раз внимательно в сторону прямого следа на Слепую елань, Травка окончательно повернулась в сторону тропы, обходящей Слепую елань* ***с правой стороны****, ещё раз поднялась на задние лапы, уверясь, вильнула хвостом и рысью побежала туда* (М. М. Пришвин*).*

Говорящий часто учитывает, что адресат речи может быть не осведомлен об этой местной договоренности, и поэтому поясняет, уточняет локализацию объекта:

(9*) Уже сейчас в некоторых садоводствах (по тому же Байкальскому тракту,* ***по правой его стороне, если ехать из Иркутска****) цена одной сотки земли превышает 1000 долларов* (Ю. Удоденко);

(10) *В основном это* ***заречные районы*** *–* ***Ленинский и Канавинский****, но есть объекты и в Московском, Советском и Нижегородском районах* (М. Песин);

(11) ***Зареченский*** *район Тулы – район Тулы,* ***находящийся в северо-западной части города****.* ***Заречье*** *является одной из старейших частей Тулы* (И. Семенов).

В подобных случаях коллективный наблюдатель, позиция которого зафиксирована в значении языковой единицы, – это не весь языковой коллектив, а его часть.

6.4. По отношению к классическим фасадным объектам типа **картина, икона, зеркало** также не всегда однозначно можно утверждать, что фасадностью снимается дейктичность ситуации. В целом ряде случаев можно отметить необходимость знаний о позиции наблюдателя, ведь фасадность определяется как сторона объекта, через которую **в норме** осуществляется его эксплуатация. В норме, т. е. обычно, чаще

всего. (Кстати, знания о том, как нормально эксплуатируется объект, тоже базируются на коллективном опыте.) Так, в норме *этот мир, эта сторона* понимается как «мир людей», мир концептуализируется как фасадный объект. Однако, например, в романе В. Орлова «Альтист Данилов» наблюдатель находится по другую сторону границы миров, а контекст фиксирует эту необычную позицию:

(12) *Данилова в Девяти Слоях еще узнавали, шепотом просили рассказать* ***земные*** *анекдоты, но для многих он был уже пришельцем из* ***потустороннего*** *мира, демоном* ***с того света*** (В. Орлов).

Безоговорочную дейктичность в осознании локализации *этого* и *того мира* демонстрирует автор примера 13, поскольку в современном мире, где виртуальная действительность играет значительную роль в жизни многих, представления о нормальном использовании объекта часто нуждаются в уточнении:

(13) *Подобно декаденским героям Уальда и Кэролла она живет сразу в двух мирах* ***закартинном*** *и* ***здешнем****, но отнюдь не очевидно, который из двух является для нее* ***потусторонним*** (Л. Попенко).

7. Анализ языкового материала демонстрирует, что при отражении локализации говорящий может использовать различные пространственные стратегии, задействуя, приписывая объекту фасадность или игнорируя ее. Дейктический характер ситуации не зависит от актуальности/неактуальности признака **фасадность**. В любом случае адресат должен знать, позицию какого типа наблюдателя имеет в виду говорящий – непосредственно воспринимающего объекты и ориентирующегося на себя (*за горой течет река*) или коллективного, фиксированная позиция которого разнообразно отражает обобщенный опыт определённого социума. Таким образом, говорящий не только в дейксисе нарратива, но даже и первичном дейксисе может отражать чужое сознание, а не только собственную точку зрения.

Литература

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1997. № 35. С. 272–298.

Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т 1. Лексическая семантика. М. : Яз. рус. культуры, 1995а. 472 с.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Яз. рус. культуры, 1995. 767 с.

Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М. : Рус. яз., 1982. 262 с.

Горбунова Л. И. Когнитивный образ ситуации как основа семантической структуры языковой единицы (на материале единиц атрибутивно-локативной языковой модели) : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2010. 361 с.

Кравченко А. В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 1993. Т. 52, № 3. С. 45–56.

Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // Вопр. языкознания. 2011. № 3. С. 3–18.

УДК 81’33:81’373.43

О. А. Дмитриева
В. В. Катермина
Н. С. Соловьева

Концептуализация как источник возникновения неологизмов (на материале Твиттера)

Аннотация. Рассматриваются английские неологические единицы-креатемы, дериваты от слова *tweet*. Язык функционирует в обществе, которое закономерно развивается, эволюционирует и поэтому постоянно нуждается в языковой поддержке и отражении изменений, а значит, так или иначе, стимулирует языковые процессы. Существенной особенностью словарного состава является его непосредственная обращенность к явлениям действительности, поэтому именно в лексике отражаются все изменения, происходящие в общественной жизни, что неизбежно влечет за собой создание новых наименований.

В статье подчеркивается, что в процессе концептуализации неологизмы номинируют пространство, участников, язык, следование или нарушение коммуникативных норм, действия, трансляцию виртуальных действий в реальную жизнь и содержат ценностный и эмотивный компоненты.

Принято считать, что существование в обществе ценностных критериев обусловливает определенное отношение субъекта к объекту речи, поэтому номинацию человека мы будем рассматривать как оценку, которая, хотя и может иметь сугубо индивидуальный характер, но чаще всего соотносится с системой заложенных в социуме ценностей. Оценочный аспект взаимодействия действительности и человека различными способами отражается в языке. Отношения между участниками ТВИТТЕРА определяются субъектными ценностями, к которым относятся коммуникативные нормы, установки, запреты, различного характера прескриптивы, регулирующие поведение человека. Субъектные ценности подвергаются смысловой интерпретации, что приводит к появлению языковых единиц дериватов, объединенных семой *tweet*. Рассмотренные в статье креатемы ценностно маркированные, заложенные в них ценностные смыслы отражают установки современного социума. Формирование ценностного мнения отрефлексировано в многочисленных лексемах, при этом они отражают традиционные нормы, принятые в реальной действительности, но транслируемые в виртуальную действительность, что легко прослеживается в словообразовательной модели креатем – дериватов.

Ключевые слова: неологизм, креатема, концепт, виртуальный дискурс, Твиттер.

O. A. Dmitieva, V. V. Katermina, N. S. Solovieva

Conceptualization as a Source of Neologisms (on the Material of Twitter)

Abstract. This article deals with the English neologisms-createmes – derivatives from the word “tweet”. Language functions in a society that naturally develops, evolves, and therefore constantly needs language support and reflection of changes, and thus, in one way or another, stimulates language processes. An essential feature of the vocabulary is its direct appeal to the phenomena of reality, therefore it is in the lexicon that all changes occurring in public life are reflected, which inevitably entails the creation of new names.

The article underlines that the neologisms while being conceptualized name space, participants, language, following/violating communicative norms, actions and possess both axiological and emotive components.

It is generally accepted that the existence of axiological criteria in society determines a certain attitude of the subject to the object of speech, therefore we will regard the person's nomination as an appraisal, which, though it may have a purely individual character, most often correlates with the system of values inherent in society. The evaluation aspect of the interaction of reality and man in different ways is reflected in the language. The relationships between the users of Twitter are determined by the values of the subject among which are communicative norms, directives, prohibitions, different types of prescriptives regulating the behavior of a person.

Keywords: neologism, createme, concept, virtual discourse, Twitter.

Введение. Развитие языка протекает под знаком его постоянного совершенствования и обогащения функциональных возможностей, что особенно интенсивно и наглядно реализуется на лексическом уровне в постоянном двуедином процессе архаизации – обновлении лексики языка.

Ярким свидетельством динамики языка является процесс возникновения новых слов, движимый переменами в объективной действительности, так как общество всегда стремится найти средства для номинации новых реалий.

При помощи лексических единиц номинации человек осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности. С одной стороны, происходит опредмечивание человеком объективного мира, связанного со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельности, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания. С другой стороны − обозначение нового предмета через несущественные, второстепенные признаки другого предмета, отраженные в его наименовании [Катермина, 2017].

1. Твиттер в аспекте концептуализации. Современный этап развития лингвистической науки характеризуется повышенным вниманием ученых к проблемам когнитивной деятельности человека в ее лингвистической репрезентации. Учитывая появление и стремительное развитие виртуальной действительности, процесс концептуализации в рамках виртуального пространства представляет широкое поле для лингвистического осмысления. В рамках данной статьи анализируются английские неологические единицы-креатемы, дериваты от слова tweet.

Поскольку концептуализация – это «живой процесс порождения новых смыслов, отражающий механизмы того, как образуются новые знания и как можно объяснить способность человека постоянно пополнять фонд знания о мире» [Радбиль, 2010, с. 166], то Твиттер является одним из примеров концептуализации в рамках виртуального пространства. Твиттер как феномен и продукт когнитивной деятельности человека выступает «питательной средой», в рамках которой мы наблюдаем концептуализацию, результатом которой являются неологизмы, которые будут рассмотрены ниже. Как считает Г. Мёрфи в книге «The Big Book of Concepts», «concepts are the glue that holds our mental world together. Our concepts embody much of our knowledge of the world, telling us what things there are and what properties they have» [Murfhy, 2002, p. 1]. Как в реальной действительности, так и виртуальной, ценностные характеристики, обусловлены сознанием людей. Коммуникативное пространство, предлагаемое Твиттером, отражает миро-

воззрение представителей современного социума: концепты, ценностные приоритеты, этикетные формулировки общения и пр.

Обращаясь к истории появления Твиттера, напомним, что данная форма обмена информацией предложена компанией Odeo Inc, целью которой является трансляция на широкую аудиторию сведений личного характера, важных для отправителя. Короткое сообщение, размер которого равен 140 символов, доступно для беглого прочтения и удобно для перевода посредством сервисов он-лайн переводчиков, что значительно расширяет аудиторию – потенциального адресата. Выкладывание в сеть информации о себе продиктовано различными причинами, например, огромное значение в популярности данной социальной сети является постоянное позитивное подкрепление в виде лайков и ретвитов: В основу номинации Твиттера заложена языковая единица *twitter* – «щебет», «болтовня», что определило номинативное поле для участников общения и формы общения.

Микроблогинг имеет следующие особенности:

– ограничение объема передаваемой информации (до 140 символов, что не случайно, поскольку «the aim was to allow users to read any tweet in its entirety, even if they were using a mobile phone, (Twitter is sometimes described as «the SMS of the Internet»)» [Crystal, 2011, с. 36];

– «возможность теггинга с помощью хэштегов (*hashtags* – англ., от англоязычного названия символа «#» – *hash mark*);

– интегрированность в другие сервисы web 2.0. (Facebook, Instagram, Vine и др.);

– возможность оперативного распространения опубликованной информации путем так называемых ретвитов, перепостов;

– возможность ограничения доступа к частной информации и переписке зарегистрированных на сервисе пользователей» [Атягина, 2014, с. 18–19].

Таким образом, конститутивным признаком концепта Твиттер являются: 1) сервис (программа), 2) то, что позволяет общаться, 3) посредством коротких сообщений.

2. Концептуализация участников общения. Популярность и широкое использование Твиттера привело к тому, что в английском языке отмечается резкий рост неологизмов, появившихся в языке за период существования данной социальной сети. Путем сплошной выборки из онлайновых словарей нами было проанализировано более 500 единиц, представляющих собой креатемы – «преднамеренно отобранные, преобразованные, изобретенные средства, нацеленные на создание стилистического эффекта и связанного с последним эмоционально-эстетического впечатления» [Купина, 2014, с. 140]. Согласно В. И. Шаховскому, креатемы вообще являются маркерами текущей повседневности и результатом смехового, карнавального, эпатажного, т. е. игро-

вого процесса, порой, сиюминутной деривации языка и содержат оценки, каждая из которых имеет семантический признак и семантический конкретизатор, через которые коммуниканты идентифицируют информацию внутри коммуникации рефлексий [Шаховский, 2016, с. 221].

В сознании носителей английского языка Twitter концептуализируется как отдельный виртуальный мир, Вселенная (*Tweetland/Twitterland – Twitter, the land of tweets; land of Tweeps*. Пересечение двух концептов в ментальном пространстве *Twitter* и *land* приводит к появлению нового концепта и вербализующей его лексемы *Tweetland/Twitterland*, воспринимающей от лексем-источников, помимо всего прочего, еще и различные коннотации.

К основным номинациям пользователей можно отнести «общее название жителей страны»: *Twitizen (tweet + citizen) – Tweeps of Twitterland; Tweople (tweet + people) – Members of a Twitter; Tweterrer (twiter+ user) – User of Twitter.*

Во всех анализируемых единицах можно выделить базовый компонент *Twitter/Tweet.* Они обладают нейтральной оценочностью и используются для номинации участников общения данной социальной сети. Мы видим, что Твиттер как концепт конкретизируется и уточняется посредством номинации участников общения.

Принято считать, что существование в обществе ценностных критериев обусловливает определенное отношение субъекта к объекту речи, поэтому номинацию человека мы будем рассматривать как оценку, которая, хотя и может иметь сугубо индивидуальный характер, но чаще всего соотносится с системой заложенных в социуме ценностей. Оценочный аспект взаимодействия действительности и человека различными способами отражается в языке. Это значит, что оценочное значение проявляется посредством языковых средств, которые фиксируют итог оценивания человеком фактов действительности [Катермина, 2016, с. 40].

Участники общения, обладающие определенным статусом (возраст, семья, межличностные отношения, отношения внутри самой социальной сети) также представлены многочисленными единицами.

Так, новое слово *twittow – a woman who feels lonely because her husband uses Twitter all the time* обозначает одинокую женщину вследствие того, что ее муж использует Твиттер все время. Данный неологизм образован по модели *twitter + widow.* В английском языке по аналогии было образовано и слово *twittower – a man who feels lonely because his wife uses Twitter all the time.*

Единица *tweetheart – a friend or lover that you communicate with via Twitter* интересна тем, что раскрывает межличностные отношения в анализируемой социальной сети. Образным компонентом служит слово *heart* – сердце, указывающее на новые тенденции общения в современном обществе.

Также следует упомянуть и единицы, обозначающие «сетевых» друзей: *twirlfriend – a Twitter girlfriend; twuddy – a friend, a buddy.*

Возраст пользователей социальной сети может быть представлен в буквальном смысле (*twittle – a child who uses Twitter*), а также в переносном, указывающим на сетевой статус участника – новичка и более опытного пользователя.

Сетевой статус может быть выражен также при помощи следующих единиц: *tweleb – informal a Twitter celebrity (more specifically, someone who has more than 1,000 followers on Twitter), Twitterati – glamorous Twitteres whom everyone wants to follow; Twitstar – a Twitter Rock Star; Pwincess – a twitter princess or (a member of a royal fam) "princess" who is on twitter u twitterjacker – someone who poses as someone else in order to Tweet mischievously on their behalf.*

Первая единица обозначает знаменитость в кругах Твиттера – человек, имеющий более 1000 последователей. В данном случае особое внимание привлекает двойной процесс словообразования – блендинг и сокращение – *celebrity – leb.*

Единица *Twitterati – glamorous Twitteres whom everyone wants to follow* – также обозначает личность, известную в силу своей гламурности, которой все хотят подражать. «Гламурный» элемент раскрывается компонентом *glamorous (glamorous – attractive, rich, and famous).* В номинанте *Twitstar – a Twitter Rock Star* указание на важность и привлекательность видна в образе рок-звезды, популярной и притягательной во все времена. Высокий социальный статус показан в лексеме *Pwincess – a twitter princess or (a member of a royal fam) "princess" who is on twitter.* Высокое социальное положение выражено лексемой *princess – a female member of a royal family, especially one whose parent or grandparent is the king or queen.*

Также следует упомянуть единицу twitterjacker, так как виртуальные отношения позволяют выдавать себя за другого человека и, соответственно, вести себя неподобающим образом от их имени *(someone who poses as someone else in order to Tweet mischievously on their behalf).*

Отрицательное отношение к пользователям, не соблюдающим правила общения, выражено в таких единицах, как *trash tweeter – someone who tweets trash or talking trash on twitter; twammers – twitter spammers; twanker – a twitter user who practises bad twettiquette; tweeterboxes – twitterers who tweet too much.*

Дерогативная оценка выражается во всех указанных единицах лексикой с негативной коннотацией и сниженным стилем *(trash – an extremely insulting word for people who you think are dishonest, immoral, or badly educated; spam – irrelevant or inappropriate messages sent on the Internet to a to a large number of recipients; bad – not pleasant or enjoyable).*

Номинации национальной или расовой принадлежности, а также профессий участников общения представлены лексемами, обозначающими национальность, местонахождение или профессию пользователей: *twexican (twitter + Mexican)*; *twindian (twitter + Indian)*; *twigger (twitter + nigger)*; *twiplomat (twitter + diplomat)*.

Общество не может существовать без языка, и Твиттер не является исключением. В данном сообществе есть свой язык *(twitterese – the Twitter language)*, своя терминология (twerminology – Twitter terminology), словарный запас *(tword – 1) words formed by appending "tw" to the original word, 2) a word that is commonly used in Twitter culture).*

3. Концептуализация действий и сообщений. Твиттер как система состоит из определенных составляющих, характеризующих действия участников общения.

Они флиртуют друг с другом в данной соцсети *(twirt – to flirt with someone via Twitter)*, находясь в виртуальной реальности они могут общаться в режиме онлайн *(live-tweet – to send a tweet about something as it is happening).*

Их поведение также можно оценивать негативно, когда они выдают себя за кого-то другого *(twitterjack – to pretend to be someone you are not and Tweet mischievously on their behalf),* создают отрицательный пост анонимно (*subtweet – to post a tweet, usually a negative one, that mentions a person without using the @ sign, so that they will not see the message on their Twitter feed. Also to post a tweet that mentions someone without naming them at all although it is clear who is being referred to)* или «вскрывают» чьи-либо аккаунты, опять же выдавая себя за другого человека *(twit-rape – to hijack someone's Twitter account and tweet as if you are them).*

Все эти действия свидетельствуют об отрицательных ценностях, которые характеризуют виртуальное общение, сопровождаемое эмотивами с негативной семантикой. Вообще, ценностная составляющая является принципиально значимой в структуре концепта, именно этот компонент является культурно-значимым [Карасик, Дмитриева, 2005].

Последствиями общения в виртуальном мире является зависимость от Твиттера, выраженная в английских единицах такими ключевыми оценочными лексемами, как алкоголизм *(tweetaholism [twitter + alcoholism)]*), зависимость (*twaddicted [twitter + addicted])*, болезнь *(tweetsick [tweet + sick]*), дрожание рук *(twimors [twitter + tremors]*), упадок сил, истощение энергии *(twasted [twitter + wasted]*).

Следует отметить, что повсеместное виртуальное общение привело к тому, что многие пользователи находятся в сети, совершая параллельно еще одно действие, что, безусловно, не может являться положительной тенденцией: *TV twoogling – watching a TV show while viewing tweets on google about the show*; *twaiting – twittering while waiting*; *twalking – walking while twittering via text*; *twicketing – twittering while getting a*

ticket; *twiking – biking while twittering via text*; *twiving – checking/adding tweets while driving*.

Важность Твиттера и его выход за пределы виртуальной реальности можно проследить в единицах *tweet seats – seats in a theatre or concert hall given over to patrons wishing to tweet during a performance* – специальные места в театре или концертном зале, отданные постоянным посетителям, желающим общаться в Твиттере во время представления; *twaffic tweet report – reporting traffic via tweet*; *twaigslist – to sell something via Twitter (also Twebay)*; *twecial – when restaurants tweet a special for Twitter users*.

Заключение. Анализ понятия «Твиттер» позволил прийти к следующим выводам: отношения между участниками Твиттера определяются субъектными ценностями, к которым относятся коммуникативные нормы, установки, запреты, различного характера прескриптивы, регулирующие поведение человека. Субъектные ценности подвергаются смысловой интерпретации, что приводит к появлению языковых единиц дериватов, объединенных семой tweet. Рассмотренные в статье креатемы ценностно маркированы, заложенные в них ценностные смыслы отражают установки современного социума. Формирование ценностного мнения отрефлексировано в многочисленных лексемах, при этом они отражают традиционные нормы, принятые в реальной действительности, но транслируемые в виртуальную действительность, что легко прослеживается в словообразовательной модели креатем-дериватов.

Литература

Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практик : дис. … канд. филол. наук. Омск, 2014. 154 с.

Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. Волгоград : Парадигма, 2005. С. 5–25.

Катермина В. В. Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе // Вопр. когнит. лингвистики. 2017. № 1. С. 84–90.

Катермина В. В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков) : монография. М. : ФЛИНТА, 2016.

Купина Н. А. Креативная стилистика и практическая филология // Стилистика сегодня и завтра : материалы конф. М. : Фак. журналистики МГУ, 2014. Ч. 1. С. 140–144.

Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета : учеб. пособие. М. : Флинта: Наука, 2010.

Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции : монография. Волгоград : Изд-во Поликарпов И. Л., 2016.

Crystal D. Linguistics: A Student Guide. N. Y. : Routledge, 2011.

Murphy Gregory L. The Big Book of Concepts. A Bradford Book. The MIT Press Cambridge, Massachusetts London, England, 2002.

УДК 81-119

Р. П. Иванова

Когнитивное моделирование категории Human Sensations: перцептивные метафоры в современном английском языке (на материале произведения Р. Бредбери «Dandelion Wine»)

Аннотация. Приводится анализ функционирования перцептивной метафоры в произведении Р. Бредбери «Dandelion Wine». В работе перцептивная метафора рассматривается в качестве одного из способов вербализации внутреннего мира человека и как вид когнитивной метафоры. При анализе языкового материала автор применяет метод когнитивного моделирования, разработанный Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. В результате проведенного исследования выявлены следующие модели перцептивных метафор: VISUAL SENSATION IS IMAGINATION, VISUAL SENSATION IS MEMORIES, TASTE SENSATION IS MEMORIES, TASTE SENSATION IS CHILDHOOD, TACTILE SENSATION IS MEMORIES, TACTILE SENSATION IS YOUTH, OLFACTORY SENSATION IS LONELINESS, OLFACTORY SENSATION IS MEMORIES, AUDILE SENSATION IS IMAGINATION, AUDILE SENSATION IS MEMORIES. Данные модели содержат высокую степень художественной информативности и помогают раскрыть внутренний мир героев романа. Наиболее значимой и центральной областью цели в произведении Р. Брэдбери Dandelion Wine являются воспоминания (MEMORIES). В каждом выделенном виде перцептивной метафоры присутствует модель X is MEMORIES, что соответствует основной теме произведения – воспоминания о детстве.

Ключевые слова: метафора, ощущения, внутренний мир человека, антропологическая лингвистика, категория.

R. P. Ivanova

Cognitive Modeling of the Category of Human Sensations: Perceptual Metaphors in Modern English (on the material of the novel «Dandelion Wine» by R. Bradbury)

Abstract. The article deals with the functioning of the perceptive metaphor in the novel “Dandelion Wine” by R. Bradbury. In the work, the perceptive metaphor is considered as one of the ways to verbalize the inner world of a human and as a kind of cognitive metaphor. Analyzing the linguistic data, the author uses the method of cognitive modeling, developed by J. Lakoff and M. Johnson. As a result of the study, the following models of perceptual metaphors have been identified: VISUAL SENSATION IS IMAGINATION, VISUAL SENSATION IS MEMORIES, TASTE SENSATION IS MEMORIES, TASTE SENSATION IS CHILDHOOD, TACTILE SENSATION IS MEMORIES, OLFACTORY SENSATION IS LONELINESS, OLFACTORY SENSATION IS MEMORIES, AUDILE SENSATION IS IMAGINATION, AUDILE SENSATION IS MEMORIES. These models contain a high degree of artistic informativeness and help reveal the inner world of the heroes of the novel. The most significant and central target domain in the novel is memories. In each form of the perceptive metaphor, there is the X is MEMORIES model, which corresponds to the main theme of the work – memories of childhood.

Keywords: metaphor, sensation, inner world of human, anthropological linguistics, category.

Настоящая статья является продолжением и развитием исследований, посвященных категории Human Sensations [Иванова, 2009, 2013, 2015 и т. д.]. В работе перцептивная метафора рассматривается в рамках антропоцентрической лингвистики, основной задачей которой является «языковое моделирование человека во всех ипостасях его бытия в объективно существующей взаимосвязи с другими сопредельными науками о человеке» [Малинович Ю. М., 2007, с. 20].

Антропологический подход к анализу языка основан на постулате о том, что в семиосфере любого языка и культуры Человек есть ключевая константа. Вне той роли, которая принадлежит ему как семиотиче-

ской сущности, анализировать и описывать язык и культуру невозможно [Малинович Ю. М., Малинович М. В., 2003]. Категория Human Sensations, безусловно, является эгоцентрической, так как в её центре стоит Человек ощущающий. Она относится к семантическому пространству эгоцентрических категорий, выделяемых Иркутской научной школой антропологической лингвистики, основанной профессором Ю. М. Малиновичем.

Все категории эгоцентрической природы, как отмечал Ю. М. Малинович, «замыкаются на субъекте вербального действия – человеке и его атрибутах: психике, сознании, мышлении, языке» и требуют специального лингвистического изучения [2007, с. 57].

По мнению М. В. Малинович, «внутренний» мир человека – замкнутая в себе семиосфера, трудно поддающаяся непосредственному наблюдению и верификации: «Человек – самый неизведанный мир виртуальной реальности» [2007, с. 399]. Ему сложно вербализовать свои внутренние ощущения, чувства и эмоции. Часто они выражены метафорически, в терминах других, более конкретных и простых для человека явлений, таких как ощущения.

В своей работе мы рассматриваем перцептивную метафору как вид когнитивной метафоры. В связи с этим представляется целесообразным определиться с терминами «когнитивная метафора» и «перцептивная метафора».

В зарубежной лингвистике основоположниками когнитивной теории метафоры считаются Дж. Лакофф и М. Джонсон, изложившие её в своей работе Metaphors We Live By. Авторы считают, что метафора наполняет нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – области «источника» (source domain) и области «цели» (*target domain*) [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25].

Как отмечается в лингвистической литературе, метафору в современной когнитивистике принято определять как важную умственную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира [Будаев, 2013, с. 6].

Перцептивная метафора рассматривается В. В. Гридасовым как метафора, основанная на чувственно-воспринимаемых признаках [Гридасов, 1999, с. 16].

Перцептивная метафора делится на два вида: монорецепторная – это когда перенос реализуется от одного чувственно-воспринимаемого признака к другому и полирецепторная – это когда перенос реализуется от признака, воспринимаемого одним органом чувств, к другому [Мерзлякова, 2003, с. 63].

Под перцептивной метафорой мы вслед за С. А. Хахаловой понимаем пропозиции, содержащие термины ощущения, выражающие раз-

личные проявления внутреннего мира человека путём переноса из одной концептуальной сферы в другую [1998, с. 58].

Материалом исследования послужило произведение Р. Брэдбери Dandelion Wine.

Рэймонд Дуглас Брэдбери – американский писатель, известный по своей книге «451 градус по Фаренгейту», циклу рассказов «Марсианские хроники» и автобиографическому роману «Вино из одуванчиков».

Жанровая особенность произведения Dandelion Wine становилась объектом дискуссий многих литературных критиков.

Исследователи определяют жанр произведения Dandelion Wine как нового вида реальной сказки [Скурлатов, 1987], лирического романа [Маркина, 2006] и романтической сказки [Романчук, 2012].

Вслед за В. О. Скурлатовым считаем, что Dandelion Wine относится к жанру реальной сказки, так как «Вино из Одуванчиков» произведение, выделяющееся среди литературного творчества Р. Брэдбери личными переживаниями писателя. Это во многом автобиографическая книга, действия которой происходит 1982 г. в вымышленном городе Грин-Таун, штат Иллинойс. Прототипом этого города является его родной город Уокиган в том же штате.

В произведении значительная роль отводится персонажу Дугласа Сполдинга, который является аллюзией на самого Брэдбери: Дуглас – второе имя его отца, Сполдинг – девичья фамилия его бабушки по отцу.

Нами рассматривается функционирование перцептивных метафор в произведении, выделяются зрительная, вкусовая, тактильная, обонятельная, слуховая метафоры. В каждой группе метафор выделяются когнитивные метафоричные модели по методу Дж. Лакоффа и М. Джонсона.

Зрительная метафора. Зрительное ощущение занимает важное место в процессе создания первичных представлений о движении, без них мироощущение человека ограничено и другие действия невозможны, так как основным источником информации является зрение.

Как показывает анализ произведения, языковые единицы со значением зрительного ощущения в произведении Р. Брэдбери Dandelion Wine выражают сложные психические процессы человека, актуализируя метафорическую модель VISUAL SENSATION IS IMAGINATION:

Рассмотрим фрагменты из романа.

В начале романа у Лео Ауфмана появляется идея изобрести Машину Счастья. Ему приходит в голову мысль: «А что будет, если люди смогут пережить свои самые счастливые моменты, когда захотят»? Он хочет, чтобы люди могли не только вспоминать свои счастливые моменты, но и пережить их снова.

(1) *The wheels of his Happiness Machine spun* ***whirling golden light spokes*** *along the ceiling of his head (p. 55).*

Всё высказывание является развернутой метафорой. Как известно, человек воспринимает мир при помощи органов чувств. В основу перцептивной метафоры *golden light* легло его зрительное ощущение. Такие сложные познавательные процессы, как воображение, память, мышление, человек стремиться выразить посредством перцептивных метафор.

У Лео Ауфмана всё ещё витала в голове идея о создании Машины Счастья. И когда вся его семья была занята поеданием мороженого, Лео осмелился спросить жену об изобретении Машины Счастья.

(2) *Five minutes passed in comfortable eating silence, then, holding a spoonful of* ***moon-colored ice cream*** *up as if it were* ***the whole secret of the universe to be tasted carefully*** *he said, "Lena? What would you think if I tried to invent a Happiness Machine (p. 56)?"*

Словосочетание *moon-colored* ice cream представляет собой перцептивную метафору, основанную на зрительном ощущении. Белый цвет мороженого сравнивается со светом луны. Мороженое же представляется секретом всей вселенной, которую следует вкушать очень осторожно *the whole secret of the universe to be tasted carefully*. Здесь мы также наблюдаем перцептивную метафору, но основанную на вкусовом ощущении.

(3) *Pomegranate glowed in her lips, and the* ***noon sky in her eyes*** *(p. 146).*

В данном примере с помощью перцептивной метафоры *noon sky in her eyes* автор представил её глаза такими яркими, как будто она вобрала в себя ясное полуденное небо.

(4) *Even Grandma, repeating and repeating the fine and* ***golden words****, even as they were said now in this moment when the flowers were dropped into the press, as they would be repeated every winter for all the white winters in time (p. 21).*

Лексема зрительного ощущения *golden* используется в следующем примере для выражения воспоминаний о молодости и актуализирует метафорическую модель VISUAL SENSATION IS MEMORIES. Прилагательное *golden* относится к зрительному ощущению, так как цветообразование, материал и форма является результатом зрительного ощущения человека.

Проанализировав языковые единицы со значением зрительного ощущения, которые описывают внутренний мир героев, выделим метафорические модели: VISUAL SENSATION IS IMAGINATION, VISUAL SENSATION IS MEMORIES.

Вкусовая метафора. С помощью вкусового ощущения, мы можем определить состояние и качества данного предмета.

(1) *Nothing else in the world would do but the pure waters which had been summoned from the lakes far away and the* ***sweet fields*** *of grassy dew on early morning, lifted to the open sky, carried in laundered clusters nine*

hundred miles, brushed with wind, electrified with high voltage, and condensed upon cool air (p. 20).

В вышеприведённом отрывке прилагательное *sweet* «сладкий» сочетаясь с существительным *fields* «луга», описывает место, где растут одуванчики, из которых изготавливается вино. Вино из одуванчиков символизирует в романе воспоминания о детстве, чем актуализируется метафорическая модель TASTE SENSATION IS MEMORIES.

(2) *And it began on a morning such as this when a boarder, a nephew, a cousin, a son or a grandson came out on the lawn below and moved in consecutively smaller quadrangles north and east and south and west with a clatter of rotating metal through the* ***sweet summer grass*** *(p. 48).*

Вкусовая метафора *sweet summer grass* вербализует воспоминания дедушки Дугласа о своей жизни и их положительную оценку субъектом воспоминаний.

(3) *They spilled downhill,* ***the sun in their mouths****, in their eyes like shattered lemon glass, gasping like trout thrown out on a bank, laughing till they cried.*

В данном контексте *mouth* – локатив вкусового ощущения актуализирует метафорическую модель TASTE SENSATION IS CHILDHOOD.

Таким образом, можно выделить следующие метафорические модели с вкусовой метафорой: TASTE SENSATION IS MEMORIES, TASTE SENSATION IS CHILDHOOD.

Тактильная метафора. Тактильные ощущения – это наиболее широко представленный и распространенный вид чувствительности. Всем нам знакомое ощущение, возникающее при прикосновении какого-либо предмета к поверхности кожи, не представляет собой элементарного осязательного ощущения. Это результат сложного комбинирования четырех других, более простых видов ощущений: давление, боли, тепла и холода, для каждого из них существует специфический вид рецепторов, неравномерно расположенных в различных участках кожной поверхности [Немов, 2003, с. 170].

(1) And there, row upon row, with the ***soft gleam of flowers*** *opened at morning, with the light of this June sun glowing through a faint skin of dust, would stand the dandelion wine (p. 20).*

Прилагательное *soft*, относящееся по своему первичному значению к тактильному ощущению, в данном контексте, сочетаясь с прилагательным зрительного ощущения, представляет собой синестетическую метафору. Дуглас думает, что это лето будет летом нежданных чудес, и лучшим способом их сохранить является вино из одуванчиков, которое хранит все теплые воспоминания семьи в бутылке, именно эта бутылка является для Дугласа и его семьи Машиной Счастья.

(2) *Yes, even Grandma, drawn to the cellar of winter for a June adventure, might stand alone and quietly, in secret conclave with her own soul and*

spirit, as did Grandfather and Father and Uncle Pert, or some of the boarders, communing with ***a last touch of a calendar*** *long departed, with the picnics and the warm rains and the smell of fields of wheat and new popcorn and bending hay (p. 21).*

В приведенном отрывке автор посредством тактильной метафоры *last touch of a calendar* образно описывает воспоминания ушедших дней. Предикат тактильного ощущения *touch* в данном предложении обозначает «дотронуться до прошлого». Семья Сполдинг вспоминает прошлое лето, свои семейные пикники летние дожди и запах лугов.

(3) She could see the children racing off under the cavernous trees with ***her youth in their frosty fingers****, invisible as air (p. 71).*

Когда миссис Бентли переехала в Грин-Таун, она часто видела детей, играющих в саду, и в один день решила угостить их мороженым и познакомиться с ними поближе. Когда она рассказала детям, что она тоже была ребёнком, как они, дети ей не поверили. Тактильная метафора *her youth in their frosty fingers* выражает её утерянную молодость, которая теперь находится в руках этих детей, актуализируется метафорическая модель TACTILE SENSATION IS YOUTH.

Выделим следующие модели тактильной метафоры в произведении Р. Брэдбери Dandelion Wine: TACTILE SENSATION IS MEMORIES, TACTILE SENSATION IS YOUTH.

Метафора обоняния. Обоняние – это вид чувствительности, одно из наиболее древних, простых и жизненно важных ощущений.

В данном примере, обонятельное ощущение может концептуализироваться как чувство одиночества, актуализируя метафорическую модель OLFACTORY SENSATION IS LONELINESS:

(1) *He saw himself grinning as he opened the door and crept downstairs. The parlor was dark and* ***smelled old and alone****. He held his breath (p. 230).*

В вышеприведенном примере автор использует метафору обоняния *smell old and alone* и описывает место, где живут бабушка и дедушка Дугласа. С помощью данной метафоры мы почувствовали страх героя перед старостью и связанные с ней неприятные ощущения одиночества.

Лексема обонятельного ощущения *nose* используется в следующем примере для выражения воспоминаний персонажа и актуализирует метафорическую модель OLFACTORY SENSATION IS MEMORIES.

(2) *Eyes shut to let his* ***nose wander****, he snuffed deeply.*

Дуглас думал, что главным центром всего мироздания является кухня и все остальное вращается вокруг нее. Все радостные и грустные моменты в жизни семьи Сполдинг происходили именно на кухне бабушки Дугласа. Локатив обонятельного ощущения *nose* репрезентирует

перцептивную метафору, основанную на ощущении запаха, областью её цели являются воспоминания.

Слуховые метафоры в произведении актуализируют модели: OLFACTORY SENSATION IS LONELINESS, OLFACTORY SENSATION IS MEMORIES.

Слуховая метафора. Слуховое ощущение – одна из важных анализаторных систем. Посредством слухового ощущения обогащаются представления человека об окружающем мире. Познание объектов и явлений тесно связано с ощущением звука как свойства предметов.

Языковые единицы со значением слухового ощущения выражают положительные чувства и эмоции, актуализируя перцептивную метафорическую модель AUDILE SENSATION IS IMAGINATION:

(1) *And some days, he went on, were days of* ***hearing every trump and trill of the universe****. Some days were good for tasting and some for touching (p. 10).*

Перцептивная метафора *hearing every trump and trill of the universe* содержит перенос из сферы ощущения в сферу ментальных процессов человека (воображения). В следующем контексте наблюдаем вкусовую и тактильную метафоры (*days were good for tasting and some for touching*).

(2) *There's a thing about the lawn mower I can't even tell you, but to me it's* ***the most beautiful sound in the world, the freshest sound of the season, the sound of summer,*** *and I'd miss it fearfully if it wasn't there, and I'd miss the smell of cut grass (p. 52).*

Как видно из примера, слуховые ощущения легли в основу перцептивной метафоры, целью которой являются воспоминания Дугласа о лете (*the most beautiful sound in the world, the freshest sound of the season, the sound of summer*): актуализируется метафорическая модель AUDILE SENSATION IS MEMORIES.

Метафоры с номинантами слухового ощущения в произведении Р. Брэдбери актуализируют модели: AUDILE SENSATION IS IMAGINATION, AUDILE SENSATION IS MEMORIES.

Анализ материала позволил выявить следующие виды перцептивных метафор: зрительные, вкусовые, тактильные, слуховые, обоняние.

В ходе структурного анализа были выявлены следующие модели перцептивных метафор: VISUAL SENSATION IS IMAGINATION, VISUAL SENSATION IS MEMORIES, TASTE SENSATION IS MEMORIES, TASTE SENSATION IS CHILDHOOD, TACTILE SENSATION IS MEMORIES, TACTILE SENSATION IS YOUTH, OLFACTORY SENSATION IS LONELINESS, OLFACTORY SENSATION IS MEMORIES, AUDILE SENSATION IS IMAGINATION, AUDILE SENSATION IS MEMORIES.

Данные модели содержат высокую степень художественной информативности и помогают раскрыть внутренний мир героев романа.

Проанализировав функционирование перцептивных метафор в данном произведении, можно сделать вывод о том, что наиболее значимой и центральной областью – целью в произведении Р. Брэдбери Dandelion Wine являются воспоминания (MEMORIES). В каждом выделенном виде перцептивной метафоры присутствует модель *X is* MEMORIES, что соответствует основной теме произведения – воспоминания о детстве.

Литература

Гридасов В. В. Перцептивная метафора как лексико-семантическая категория: на материале современного немецкого языка : дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 163 с.

Иванова Р. П. Эгоцентрические категории: Human Sensations в современном английском языке : дис. …канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 195 с.

Иванова Р. П. Структура функционально-семантического поля Human Sensations: особенности маргинальной зоны // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер. Филология. 2013. Т. 7, № 1. С. 35–43.

Иванова Р. П., Мартынова Т. Е. Перцептивные эпитеты в произведении Р. Брэдбери Dandelion Wine // Вопр. образования и науки: теорет. и практ. аспекты. Самара, 2015. С. 150–151.

Малинович Ю. М., Малинович М. В. Антропологическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории : кол. моногр. М. ; Иркутск, 2003. С. 7–28.

Малинович Ю. М. Семиосфера внутреннего мира человека // Внутренний мир человека: семантические константы : коллект. моногр. / отв. ред. М. В. Малинович. Иркутск, 2007. С. 11–59.

Малинович М. В. Причинность // Внутренний мир человека: семантические константы : кол. моногр. / отв. ред. М. В. Малинович. Иркутск, 2007. С. 397–437.

Маркина Н. В. Художественный мир Рэя Брэдбери: традиции и новаторство [Электронный ресурс]. URL: www.diss.rsl.ru (дата обращения: 17.04.2018).

Мерзлякова А. Х. Типы семантического варьирования прилагательных поля «Восприятие» (на материале английского, русского и французского языков). М. : Едиториал УРСС, 2003. 352 с.

Немов Р. С. Психология. Кн. 1. Общие основы психологии. М. : Наука, 1995. 562 с.

Романчук Л. А. Образ главного героя в романе Брэдбери «Вино из одуванчиков» [Электронный ресурс]. URL: www.raybradbury.ru/articles/romanchuk_wine (дата обращения 17.04.2018).

Скурлатов В. О. О творчестве Рэя Брэдбери // Брэдбери Р. О скитаньях вечных и о Земле. М. : Правда, 1987. С. 643–653.

Хахалова С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры : монография. Иркутск : ИГЛУ, 1998. 250 с.

Bradbury R. Dandelion Wine. M. : Айрис-пресс, 2005. 320 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London : The university of Chicago press, 2003. 272 p.

УДК 81-114.2

Е. Н. Ивкина

Концептуализация и категоризация в сфере временной референции

Аннотация. Рассматривается концептуализация как процесс выделения концептов, описывающих временные характеристики действий или ситуаций, и создания их системы. Показано, что базовые концепты временной референции имеют универсальный характер и могут быть представлены при помощи первичных концептов из списка универсальных первичных смыслов А. Вежбицкой. Автор приводит аргументы в пользу того, что радиальная схема процесса концептуализации соответствует эпистемологическим принципам систематизации представлений, поскольку основана на бинарных оппозициях, а также на двойственности, переходящей в триадичность. Концептуализация, включающая концепты дейктического и анафорического указания, является основой категоризации, которая рассматривается как система семантических категорий, организованная по принципу иерархии. Результаты могут быть использованы в типологических исследованиях для выявления на основе универсального специфических особенностей временной референции в различных языках.

Ключевые слова: временная референция, концептуализация, концепт, анафора, дейксис, категоризация, категория.

E. N. Ivkina

Conceptualization and Categorization in the Sphere of a Temporary Reference

Abstract. The article considers the conceptualization as a process of acquiring special concepts to describe temporal characteristics of actions or situations, as well as the creation of a system based on these concepts. It is shown that the basic temporal reference concepts are universal and can be defined using certain primary concepts from A. Wierzbicka's list of semantic primes. The author proves that the radial conceptualization scheme corresponds to the epistemological principles of systematization of perceptions, since it is based on binary oppositions, as well as on binary to trinary conversion. The conceptualization, including deictic and anaphoric indication concepts, is the basis and the previous step of the categorization, which is considered as a system of semantic categories arranged by the principle of hierarchy. The results can be used for the typological researches to determine, against the background of the universals, specific differences in temporal reference among languages.

Keywords: temporal reference, conceptualization, concept, anaphora, deixis, categorization, category.

Для того чтобы указать на временные признаки ситуации и быть понятым адресатом, говорящему необходимо отнести временные параметры к некоторому классу признаков, представляющему собой обобщение, которое несет в себе совокупный общественный опыт, – т. е. осуществить категоризацию. При этом в основе любого класса признаков, т. е. категории, лежит некий концепт [Болдырев, 2005], который не может существовать сам по себе, а только в системе концептов, поскольку для его выделения требуется установить отношение несовместимости соответствующего объекта познания с другим объектом (объектами), что предполагает операцию отрицания [Павилёнис, 1983]. Таким образом, акт категоризации включает обращение к системе концептов, описывающих определенную область знания. Концептуализация, как выделение концептов и создание (усвоение) их системы, предшествует категоризации, является ее основой.

Итак, прежде чем рассматривать категоризацию в сфере временной референции, необходимо выявить систему концептов, описывающих временные характеристики действий или ситуаций. При этом за основу берется следующее положение: «наша концептуальная система непосредственно зависит от нашего физического и культурного опыта» [Лакофф, 2004, с. 156].

Механизм временной референции задействован при любом акте предикации: «Когда мы говорим, мы предицируем (это тавтология, ибо *praedicare* и означает «возвещать»). Предицируя же, мы обязательно соотносим высказывание с моментом речи, хотя иногда это соотнесение может быть не выражено явно» [Красухин, 1997, с. 62]. Понятие «момент речи» предполагает обращение к понятию «сейчас» («теперь») говорящего, которое К. Бюлер (1993) определяет как исходный пункт (Origo) системы координат субъективной ориентации во времени. Э. Гуссерль (1999), исследуя осознание времени человеком, выделяет в качестве исходного темпорального акта удержание осознания *Теперь* или *Теперь-точки*. Однако, как подчеркивалось выше, человек способен выделить некий объект в своей познавательной (ориентировочной) деятельности только через отличие его от других объектов: «Эту задачу познания можно считать решенной, если указано место объекта в системе других объектов. В свою очередь, реализация операции отличения объектов предполагает наличие определенных концептов» [Павилёнис, 1983, с. 103–104]. Таким образом, осознавать «теперь» значит отличать его от «до теперь» и «после теперь», в результате чего образуется первичная система из трех элементов (концептов). У Э. Гуссерля (1999) элементы данной базовой системы временной ориентации описаны как *праимпрессия* (первое чувственное впечатление), первичная память (ретенция) и первичное ожидание или предвосхищение (протенция).

Таким образом, фиксация «сейчас» (*Теперь-точки* по Гуссерлю) порождает сразу три концепта: *сейчас*, *до-сейчас* и *после-сейчас*, которые соотносятся между собой по принципу, который в философии получил название «генетическое двуединство» и постулирует «происхождение начал из единого нейтрального источника: *противоположные начала (на внешнем уровне) суть проявления нейтральной, скрытой, единой силы (внутреннего уровня).* Такая емкая формулировка содержит двойную поляризацию – противоположных полюсов между собой (условно горизонтальную) и их совместную поляризацию по отношению к первоисточнику (условно вертикальную)» [Герасимова, 2006, с. 92]. В нашем случае противоположные временные концепты *до-сейчас* и *после-сейчас* происходят из единого нейтрального источника *сейчас*, в результате чего возникает условно горизонтальная поляризация *до-сейчас* vs. *после-сейчас* и условно вертикальная поляризация *сейчас* vs. *не-сейчас*, в которой *не-сейчас* представляет собой объеди-

нение *до-сейчас* и *после-сейчас* в целях их совместной поляризации по отношению к первоисточнику *сейчас*. Итак, в качестве базовой системы временной ориентации имеется модель структурирования реальности по принципу двойственности, переходящей в триадичность.

Пользуясь трехэлементной базовой системой временной ориентации, человек способен формировать смыслы, описывающие временную характеристику действий/ситуаций относительно своего «сейчас», и получает возможность классифицировать события в соответствии с данной системой координат, т. е. осуществлять категоризацию. Данная система концептов лежит в основе категории временного дейксиса (в функциональной грамматике, именуемой категорией темпоральности), субкатегориями которой являются категории прошлого (на основе концепта «до сейчас»), настоящего (концепт «сейчас») и будущего (концепт «после сейчас»). «Если чувство времени основано на восприятии природных циклов, то психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным «точкою присутствия» на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее» [Арутюнова, 1997, с. 52].

Однако, категоризуя события в системе временного дейксиса, человек сталкивается с тем, что в реальности встречаются не только ситуации, локализуемые либо в прошлом, либо в настоящем, либо в будущем, но и такие, которые имеют место и в прошлом, и в настоящем, и в будущем («общевременные», или «панхронные»). Таким образом, система концептов в области временной референции требует расширения: панхронные ситуации как объекты познания оказываются несовместимыми с ситуациями, описываемыми смыслами системы временного дейксиса. В результате осуществления операции отрицания, возникает новый концепт «всегда» («и до сейчас, и сейчас, и после сейчас»), как часть бинарной оппозиции концептов, которая лежит в основе операции категоризации, нашедшей свое выражение в функциональной грамматике в виде оппозиции категорий временной локализованности/нелокализованности (в нашем исследовании понимаемой в трактовке Т. В. Булыгиной (1982).

Процесс концептуализации на этом не завершается: он может идти не только в сторону обобщения (формируя вышестоящий уровень системы концептов), но и в сторону дальнейшей конкретизации (формируя нижестоящий уровень системы): речь идет о комплексных концептах, описывающих относительные временные отношения в каждом из временных планов (в том числе и в общевременном). Они позволяют говорящему формировать смыслы, которые могут быть компактным способом описаны как, например, «ситуация в прошлом, предшествующая / одновременная / последующая другой ситуации в прошлом» и т. п. Каждое из подобных определений может быть сформулировано в развернутом виде при помощи первичных концептов

«это», «нечто», «до», «после», «сейчас», «когда», «другой», «произойти/случиться» из списка универсальных первичных смыслов А. Вежбицкой (1999). В общем виде базовые признаки данной категории отвечают следующей формуле: «Это происходит (сейчас / до сейчас / после сейчас) – когда / до того, как / после того, как – происходит (сейчас / до сейчас / после сейчас) другое нечто».

Несмотря на то что предшествование/одновременность/следование описываемой ситуации определяется относительно точки отсчета, отличной от момента речи, эта ситуация так или иначе оказывается сориентированной на момент речи через промежуточную точку отсчета, обладающую дейктической характеристикой. Таким образом, данный уровень концептуализации временных характеристик создает основу категории, которая может быть названа категорией временной анафоры (в функциональной грамматике ей соответствует категория таксиса, которую мы трактуем с некоторыми корректировками существующих точек зрения). Анафоричность таксисного отношения заключается в том, что оно отсылает к другому моменту (факту, действию), временная референция которого уже осуществлена. Поскольку подобное указание возможно только при условии нахождения двух сопоставляемых ситуаций (антецедента и анафóра) в одном временном плане (в противном случае мы будем иметь дело с дейктическим указанием), при отсутствии дейктического показателя у анафóра, его можно «восстановить» по антецеденту (как это происходит, например, в случае деепричастий и деепричастных оборотов). Анафора невозможна без сохранения ранее установленного на антецеденте фокуса внимания, отсюда возникает необходимость формирования нового концепта «тогда» («когда происходит другое нечто»). Концепт «тогда» – основа анафорического временного указания, которое также называют «вторичным дейксисом», поскольку в нем присутствуют две точки отсчета: первичная «сейчас» и вторичная «тогда». Концепты анафорического указания образуют «второй круг» системы концептов временной референции, центром которой является концепт «сейчас», а «первый круг» образуют концепты дейктического/общевременного указания.

Данная схема процесса концептуализации вполне соответствует эпистемологическим принципам систематизации представлений: как показывают исследования, и древние, и современные познавательные стратегии систематизируют представления по принципу двойственности (через посредство бинарных оппозиций), а также двойственности, переходящей в триадичность (см. об этом работу [Герасимова, 2006]). В предлагаемой нами схеме процесса концептуализации временных представлений концепты «до сейчас» – «сейчас» – «после сейчас» образуют триаду, которая в своей совокупности образует бинарную оппозицию с концептом «всегда» («и до сейчас, и сейчас, и после сейчас»).

Бинарную оппозицию образуют также концепты «первого круга» (дейктического указания, т. е. связанные напрямую с «сейчас») и концепты «второго круга» (анафорического указания, т. е. связанные напрямую с «тогда»). Концепты анафорического указания каждого временного плана между собой образуют триаду: «до тогда – тогда – после тогда».

Мы полагаем, что данная схема отражает процесс возникновения концептов сферы временной референции и их системы, который происходит на ранних стадиях филогенеза и в период усвоения языка ребенком. Приведенная система концептов может считаться универсальной, так как обеспечивает необходимый минимум временных характеристик для достаточно эффективной ориентации в окружающей среде и выживания. Во многом глубина различий моделей времени в разных культурах была преувеличена благодаря хрестоматийному примеру «принципиально иного» представления о времени у племени хопи, приведенному Бенджаменом Л. Уорфом (2003). Многие заключения Уорфа были поставлены под сомнение в результате исследований Э. Малотки, показавшего, что хопи используют те же временные категории (в принятой нами терминологии, общевременное, дейктическое и анафорическое указание) и те же основные календарные единицы (день, месяц, год), что и носители других языков (см. об этом [Плунгян, 2003; Пинкер, 2004]). Исходя из вышесказанного, естественно предположить, что в любом языке мира имеются средства (лексические или грамматические) для выражения концептов представленной системы. Так, в эскимосском языке и языке могавк отсутствуют грамматические времена, но имеются наречия времени [Бейкер, 2008].

В то же время эта система может быть усложнена за счет дальнейшего разветвления структуры по принципу фрактала: появления концептов «третьего круга», которые включают указание на временную дистанцию (ближайшую, близкую, умеренно близкую, отдаленную, сверхотдаленную ситуацию) или анафорическое указание второй степени (относительно момента, указанного анафорически). Однако представляется, что механизмы усложнения системы за счет концептов «третьего круга» (более подробного временного указания) не являются универсальными, некоторые из них относятся к этноспецифичным. Так, У. Вейнрейх считает универсальной закономерностью тот факт, что «по отношению к прошлому в языках проводится больше (или столько же, но не меньше) временных различий, чем по отношению к будущему. Количество степеней «прошлости» и ее типы широко варьируют по языкам и представляют собой интересный материал для исследований» [Вейнрейх, 1970, с. 179].

Следует также отметить, что, по сравнению с первичными временными концептами, концепт «время» возник гораздо позже: на основе естественного временного опыта «языковое сознание объединило пред-

ставление о простейших, чувственно ощущаемых физических действиях и состояниях с представлениями о невидимом, чувственно неощущаемом, но воздействующем на человека и его жизнь времени» [Чупрына, 1999, с. 88].

В качестве аргумента к вышеприведенному утверждению позволим себе привести еще одну цитату: «Естественный язык имеет средства для выражения содержания любых моделей мира, но его грамматические формы по своим значениям приблизительно соответствуют той «наивной» физике, которая усваивается каждым ребенком к моменту, когда он овладевает родным языком. Эйнштейн, комментируя пугавшее его родителей отставание в его языковом развитии, заметил, что он выучил слово Zeit «время» так поздно, когда он уже мог обнаружить, что взрослым его значение непонятно» [Иванов, 2004, с. 82].

Таким образом, к «ориентирам бытия» в первую очередь следует отнести не концепт «время» как таковой, а первичные временные концепты, составляющие базовую систему временной ориентации. Поскольку в таких ориентирах нуждается человек, несомненна антропогенная сущность этих концептов: как отмечает Н. Д. Арутюнова, фактор времени «играет важнейшую роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени. (…) Ведь именно человек находится в точке присутствия, которая условно членит линию времени на составляющие» [Арутюнова, 1997, с. 52].

Следует также подчеркнуть эгоцентрическую природу данных концептов: так, В. А. Плунгян отмечает, что временная ориентация ситуации сводится к указанию относительной хронологии двух ситуаций на оси времени: описываемой ситуации P и ситуации речевого акта (т. е. того момента, когда говорящий сообщает о P). Это – простейший «эгоцентрический способ локализации ситуации во времени, и все естественные языки применяют его достаточно единообразно, независимо от культурных различий в восприятии времени как такового» [Плунгян, 2003, с. 264–265].

Итак, приведенная система концептов лежит в основе категоризации, к которой говорящий прибегает всякий раз, когда осуществляет предикацию. Описываемую ситуацию следует соотнести с упомянутыми выше понятийными категориями, соответствующими основным концептам (или группам концептов) временной референции. Данные категории по степени обобщения и независимости образуют иерархию. Высший уровень иерархии занимает оппозиция категорий временной локализованности/ нелокализованности, поскольку эти категории обладают наибольшей степенью обобщения и независимости: они определяют возможность реализации категорий темпоральности и таксиса. Кроме того, положение данных категорий вполне соответствует еще одному фундаментальному принципу: «Важно, что высшее в иерархи-

ческой цепи является синонимом более *высокого целого*, включающего в себя низшее, отсюда понятно, почему высшее по праву управляет низшим, ведет его» [Герасимова, 2006, с. 101]. На среднем уровне находится темпоральность, которая, в свою очередь, создает условия для реализации категории таксиса, занимающей нижний уровень. С нашей точки зрения, каждый акт категоризации, в отличие от процесса концептуализации (схема которого имеет радиальную структуру с центром «сейчас»), начинается с высшего уровня и проходит уровни иерархии частично или полностью.

Следует отметить, что выявленная иерархия понятийных категорий, задействованных в процессе категоризации временных характеристик ситуации, в полной мере соответствует сформулированному Дж. Лакоффом принципу *базового уровня категоризации*: «категории не только организованы в иерархию от наиболее общих к наиболее конкретным категориям, но также организованы таким образом, что базовые с когнитивной точки зрения категории находятся «в середине» иерархии общего – конкретного. Генерализация происходит по направлению «вверх» от базового уровня, а специализация – «вниз» [Лакофф, 2004, с. 29]. В нашем случае базовой является, разумеется, категория темпоральности как соответствующая трехэлементной базовой системе временной ориентации: прошлое («до сейчас») – настоящее («сейчас») – будущее («после сейчас»).

К. Г. Красухин говорит об осознании наличия прошлого и будущего как о фундаментальной когнитивной способности человека как вида: «Человек отличается от животного способностью к планированию и моделированию своей деятельности, а также к воспоминаниям. (…) Подлинное, цельное восприятие прошлого, т. е. память и способность на его основании моделировать будущее, планировать в нем свою деятельность – это характерная черта человека. Восприятие будущего – основа всякой целенаправленной деятельности, а память – культуры» [Красухин, 1997, с. 63].

Выявленный механизм категоризации, основанный на иерархии понятийных категорий, может быть использован в типологических исследованиях для выявления на основе универсального специфических особенностей временной референции в различных языках.

Литература

Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик, 1997. С. 51–61.

Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 16–39.

Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М. : Наука, 1982. С. 7–85.

Бейкер М. К. Атомы языка: грамматика в темном поле сознания. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.

Бюлер К. Теория языка. М. : Прогресс : Универс, 1993. 504 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. М. : Яз. Рус. культуры, 1999. I–XII. 780 с.

Вейнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии / под ред. Б. А.Успенского. М. : Прогресс, 1970. С. 163–249.

Герасимова И. А. Принцип двойственности в когнитивных практиках // Вопр. философии. 2006. № 3. С. 90–101.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М. : Дом интеллект. кн., 1999. 336 с.

Иванов В. В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 208 с.

Красухин К. Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М. : Индрик, 1997. С. 62–77.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М. : Яз. славян. культуры, 2004. 792 с.

Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983. 286 с.

Пинкер С. Язык как инстинкт : пер. с англ. / общ. ред. В. Д. Мазо. М. : Едиториал УРСС, 2004. 456 с.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.

Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М. : Изд-во АСТ ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. С. 157–201.

Чупрына О. Г. Temporum opinio в древнем языке и сознании // Вопр. языкознания. 1999. № 5. С. 87–92.

УДК 81’36:811.134.2

Д. А. Толстова

Роль неличных форм глагола при конструировании языковой личности персонажа (на материале испанского языка)

Аннотация. Рассматривается проблема изучения неличных форм испанского глагола как элементов, участвующих в конструировании языковой личности художественного персонажа, что становится возможным благодаря ее определенной «фиктивности», и, следовательно, закрытости и целостности. В качестве материала исследования выступают романы «Monte Sinaí»(1995) и «Cuarteto para un solista» (2011) испанского писателя Хосе Луиса Сампедро. В статье применяются методы лингвистического, статистического, контекстуально-функционального и прагматического анализа, а также методология исследования языковой личности, предложенная Ю. Н. Карауловым. Приводятся и анализируются различные употребления неличных форм, их функции и роль в построении лексикона, тезауруса и прагматикона языковой личности главных героев романов. Автор приходит к выводу о том, что неличные формы глагола становятся неотъемлемым элементом построения языковой личности персонажей.

Ключевые слова: неличные формы глагола, герундий, инфинитив, причастие, языковая личность, прагматические установки.

D. A. Tolstova

Role of Verbal to Create the Language Identity of the Character (on the Material of Spanish)

Abstract. The purpose of this research is to determine the Spanish nonfinite verbs group as elements that can participate in the construction of character´s linguistic personality, which is

possible because of its fictitious and closed nature and wholeness. As a material for studying we took novels “Monte Sinaí” (1995) and “Cuarteto para un solista” (2011) by Spanish writer Jose Luis Sampedro. As research methods were used the methods of linguistic, statistical, contextual-functional and pragmatic analysis, as well as the research methodology of the linguistic personality proposed by Yu. N. Karaulov. Are analyzed various usages of the nonfinite verbs group in the novels, their functions ant the role they are playing in the construction of the lexicon, the thesaurus and the pragmaticon of the protagonists” linguistic personality. In the conclusion, we can see that the nonfinite verbs group can be an integral element of construction of character’s linguistic personality.

Keywords: the nonfinite verbs group, the gerund, the infinitive, the participle, linguistic personality, pragmatics.

В настоящее время в рамках когнитивной лингвистики развивается множество исследовательских направлений как отечественных, так и зарубежных. Одной из теорий, тесно связанных с когнитивными исследованиями, стала теория языковой личности, разработкой которой занимается научная школа «Русская языковая личность» под руководством Ю. Н. Караулова.

Согласно исследователю, в структуре языковой личности выделяется 3 уровня:

1. Нулевой, ординарно-семантический уровень, находящийся «по ту сторону обыденного языка», т. е. касающийся непосредственно лингвистической компетенции. Сюда входят не только лексические единицы (лексикон), но и образуемая ими вербально-ассоциативная сеть, а также грамматикон, т. е. парадигматические, синтагматические и синтаксические связи между единицами.

2. Первый, лингво-когнитивный уровень, или тезаурус, раскрывающийся в образной картине мира, отражающей знания о мире и их иерархию, т. е. те пресуппозиции, которые потом вербализуются (или могут оставаться имплицитными) посредством вербально-ассоциативной сети.

3. Второй, мотивационно-прагматический уровень, или прагматикон, отражающий коммуникативно-деятельностные потребности личности, ее мотивы, цели, желания стремления и т. д., т. е. психологические и прагматические установки [Караулов, 2014].

Указанные уровни могут характеризовать как реальную языковую личность, так и языковую личность художественного персонажа. Л. Н. Чурилина отмечает, что персонаж в этом случае получает «статус относительно самостоятельной личности», поскольку должен рассматриваться и как активно действующий субъект, и как объект изображения. Таким образом, в лице персонажа художественного произведения перед нами предстает «фиктивная языковая личность», у которой есть свои отличительные особенности: уникальность (персонаж как языковая личность не существует вне текста, до и после него), замкнутость системы (ограничение рамками художественного текста), статичность

системы, «наблюдаемость» единиц (наглядность лексикона в прямом смысле слова) [Чурилина, 2011].

Примечательно, что, несмотря на условность характеристик, реконструкция языковой личности персонажа в виде смоделированной системы позволяет не только изучить отдельные элементы ее построения, но и дает ключ к ее полному рассмотрению. Исходя из целостности и законченности языковой личности персонажа, обусловленных ее «фиктивностью», представляется интересным проанализировать роль тех или иных языковых единиц и категорий, участвующих в ее конструировании.

Неличные формы испанского глагола в этом смысле могут послужить интересным объектом исследования из-за своей двойственной неоднозначной глагольно-именной / адвербиальной природы, а также из-за разнообразия выполняемых функций и возможности участвовать в образовании различных конструкций, несущих дополнительные аспектуальные или модальные оттенки, расширяющие потенциал парадигмы спряжения испанского глагола.

Отметим, что неличные формы глагола как грамматические единицы (часть грамматикона) могут отражать определенные черты языковой личности персонажа на всех трех уровнях. На нулевом уровне это, прежде всего, их лексическое значение, но также и лексико-синтаксические структуры, которые они образуют (глагольные конструкции), и их разнообразие.

На уровне тезауруса неличные формы отсылают к определенным концептам, закрепленным в сознании персонажей, обладая способностью представлять реальность в виде картинок благодаря своей двойственной природе и склонности к частичной субстантивации. Также они отражают культурный и социально-исторический фон – в зависимости от того, какую глагольную форму и как выбирает персонаж, можно сделать предположение о его возрасте, социальном положении, пресуппозициях.

На когнитивно-прагматическом уровне неличные формы глагола и особенно конструкции с ними, употребляемые персонажами, благодаря заложенному в них прагматическому и экспрессивному потенциалу, отражают различные эмоциональные и оценочные коннотации, характеризующие личностные психологические особенности героев, а также коммуникативную ситуацию.

В качестве материала исследования обратимся к двум романам испанского писателя и эссеиста Хосе Луиса Сампедро (1917–2013): «Monte Sinaí» (1995) и «Cuarteto para un solista» (2011). Несмотря на то что жанры и сюжеты этих произведений разнятся (первый роман представляет собой философское автобиографическое эссе, а второй – роман в романе, затрагивающий темы творчества и вечности), их объединяет то, что их персонажи – это творения альтер-эго автора, который и сам является персонажем. В «Monte Sinaí» Хосе Луис Сампедро – глав-

ный герой своего эссе, а все остальные персонажи – это проекции реальных людей в его воспоминаниях, суть его создания. В «Cuarteto para un solista» старый Профессор, главный герой, напоминает нам автора, а Четверо Первоэлементов – персонажи созданных им рассказов (представляющих собой фактически те же авторские эссе), языковая личность которых моделируется Профессором-писателем.

Таким образом, говоря о языковой личности персонажей выбранных романов, фактически мы будем рассматривать одну языковую личность в каждом произведении: альтер-эго автора (далее для удобства при анализе мы будем называть его просто автор) и Профессора. Оба творцы, писатели, 70–80-летние профессоры, гуманитарии, интеллектуалы с широким кругозором, люди с большим опытом. Их объединяет общий культурно-исторический и социальный контекст, в чем-то психологические характеристики (как мы увидим далее), а также пространство больницы (санатория), в котором оба находятся. Это пространство закрытое, время в нем течет медленно и не ощущается, поскольку дата выхода из больницы не известна ни тому, ни другому.

Что касается нулевого уровня или лексикона персонажей, то среди глаголов, от которых образованы неличные формы в обоих романах, частотными являются следующие: *pensar, recordar, comprender,* относящиеся к сфере ментальных процессов, *hacerse, empezar, acabar, terminar*, передающие видовременные отношения, экзистенциальные глаголы *vivir, tener, ser* и *estar,* модальные глаголы *dejar* (в конструкциях)*, poder, querer,* а также глаголы чувственного восприятия *ver, contemplar, oír, sentir* и движения *seguir, pasar, ir*. Как видно из приведенных лексических единиц, размышления персонажей относятся к созерцательной и ментальной сфере, при этом чаще всего они используются для самоанализа, как бы направлены «внутрь». Глаголы, обозначающие бытовые заботы, представлены единичными формами, и употребляются при соприкосновении персонажей с «реальным» миром.

Результаты исследования, касающиеся роли неличных форм глагола при конструировании высших уровней языковой личности, можно представить в следующей таблице:

Единица	**Функция**	**Роль при конструировании и отражении языковой личности персонажей**	
		Тезаурус	**Прагматикон**
Инфинитив	Модальные конструкции	Отнесенность к старшему поколению, большой запас языковых средств, отражающих разнообразные оттенки значений	Экзистенциальная обеспокоенность, установка на поиск ответов; передача различных чувств: отчаяние, гнев, ощущение беспомощности и безнадежности; выражение творческого потенциала личности

Единица	Функция	Роль при конструировании и отражении языковой личности персонажей	
		Тезаурус	**Прагматикон**
Инфинитив	Видовременные конструкции	Концепты, характеризующие две картины мира: до и после пребывания в больнице	Указание на переломный этап в мировосприятии и мироощущении персонажа
Инфинитив	Обстоятельство цели	Концепты, участвующие в ключевых вопросах, которые персонаж задает сам себе	Эмоциональное напряжение, нагнетание и концентрация на экзистенциальных вопросах
Инфинитив	«Концепт»	Переход в ментально-созерцательную сферу, важные «узлы» в мировосприятии персонажа	Установка на самоанализ и самопознание
Инфинитив, герундий, причастие	*Acusativo con infinitivo*, объектный герундий, причастие как именная часть сказуемого	Отсылка к способу мировосприятия персонажа, а также косвенное указание на его возраст и психоэмоциональное состояние (отстраненность)	Установка на наблюдение и созерцание, пассивная оценка происходящего
Герундий	Конструкция *estar+gerundio*	Восприятие событий сквозь особую «тягучую», вневременную призму как длительный процесс	Эмоциональное состояние персонажа: волнение/спокойствие, отрешенность, погруженность в себя; установка на интенсификацию сказанного, желание подчеркнуть мысль
Герундий	Перифрастические конструкции	Отражение важных для персонажа концептов и их «фиксация» в движении и развитии	Эмоционально-экспрессивные коннотации, интенсификация важных мыслей при размышлении/выражении
Герундий	Функция определения	Создание «картинки в движении», характеризующей способ мышления персонажей	Установка на созерцание и отстраненное восприятие происходящего
Причастие	Функция определения	Отражение мировосприятия персонажей в виде «картинок в статике»	Творческая сторона языковой личности, установка на создание определенного эффекта при построении сцены

Рассмотрим наиболее характерные примеры:

1. Модальные конструкции с инфинитивом

Интересным представляется, что автор из «Monte Sinaí» для выражения долженствования употребляет в основном конструкцию *haber de+infinitivo*, которая многими исследователями рассматривается как устаревшая и принадлежащая формальному регистру речи. Кроме того, у данной структуры также есть оттенок «интенсивного», строгого обязательства. Примечательно, что в большинстве случаев конструкция употребляется в первом лице от имени героя:

Algo me espera o ***he de esperar****; la vida sorprende a la vuelta de cada esquina y más aún al traspasar una frontera.* ***He de contestar*** *a esas preguntas,* no cabe ignorarlas [Sampedro, 2004, p. 74].

В Diccionario panhispánico de dudas отмечается, что обязательство, выражаемое конструкцией *haber de+infinitivo*, часто навязано себе самим говорящим. Автор, используя данную структуру, реализует свою установку на имплицитное подчеркивание того факта, что он сам обязан найти смысл своего пребывания в больнице, обязан проанализировать произошедшее.

В плане тезауруса форма *haber de +infinitivo* дает нам определенный культурно-исторический фон, характеризуя персонажа как человека, принадлежащего к старшему поколению, но также как человека, виртуозно владеющего родным языком, в речи которого не преобладают распространенные разговорные конструкции. Его речь богата и выразительна. Что касается прагматикона, данная форма передает намерения и установки персонажа, обеспокоенного экзистенциальными вопросами, ищущего ответы, не потерявшего интерес несмотря на возраст и болезнь.

2. Видовременные перифразы с инфинитивом

В романе «Monte Sinaí» такие конструкции употребляются для обозначения переходного этапа в его жизни героя:

He dejado de trabajar *y* ***no he cesado de crear*** *– son cosas opuestas –, he escrito dos largas novelas, la última de las cuales, Real Sitio, era mi deuda con Aranjuez desde los años cuarenta en que la comencé y hube de abandonar por no sentirme a la altura del tema* [Sampedro, 2004, p. 41].

Инфинитивы, используемые в приведенных конструкциях, отражают определенные концепты восприятия жизни персонажем. При этом структуры *he dejado de trabajar y no he cesado de crear* подчеркивают приоритеты героя, где «творчество» – деятельность, которую нельзя прекратить, в то время, как «работу» – можно бросать и находить снова.

3. Инфинитив как концепт

Отдельно следует сказать о формах инфинитива, которые, сохраняя свои глагольные свойства, служат автору некими «ярлыками», закрепляясь за событиями, отмечая важное понятие для персонажа. При этом высокая степень абстракции, которая достигается с помощью субстантивации инфинитива, помогает автору реализовать его прагматические установки. Например:

Eso hacía en la quietud de mi cama: gozar de lo expresado en dos palabras que, en castellano, definen mágicamente ***un existir****: «****estar siendo****»* [Sampedro, 2004, p. 24].

Следует отметить, что инфинитив является самой частотной неличной формой глагола в обоих романах, что можно объяснить большим экспрессивным потенциалом, который характерен для «инфинитивного письма». Идея А. К. Жолковского о том, что высокая частот-

ность инфинитива может служить для создания ощущения близости «иного» мира и мотива возвращения [Жолковский, 2000], с нашей точки зрения, нашла своей подтверждение в романе «Monte Sinaí», где серии инфинитива создают образ «схождения с горы Синай» как в прямом (возвращение из многоэтажной больницы), так и в метафизическом смысле.

С помощью инфинитива автор достигает большей абстракции, чем мог бы достичь, используя абстрактные существительные, и переносит свои рассуждения в созерцательно-ментальную сферу, оперируя концептами и анализируя себя сквозь призму их восприятия. Таким образом, перед нами открывается не только тезаурусный уровень, но и когнитивно-прагматический, поскольку в данных единицах реализуется авторская установка на самоанализ и самопознание.

4. Герундий в функции определения

Особое внимание обращает на себя употребление герундия и связных герундиальных конструкций в атрибутивной функции, что в целом признается рядом испанистов нехарактерным и даже невозможным для данной единицы. Однако в анализируемых нами романах встречается большое количество подобных примеров:

(1) *Por fortuna poseen la biblioteca Ahmed Baba, con manuscritos seculares* ***conteniendo*** *la historia islámica de aquel mundo africano...* [Sampedro, Lucas, 2013, p. 35].

(2) *Era la palabra humana tan en alto que hasta aparecía un dios* ***hablando*** *y se aceptaba su presencia dentro de la acción* [Ibid, p. 81].

(3) *Me refiero a las influencias externas, a contactos con otras culturas. Pensemos en las Cruzadas* ***invadiendo*** *el mundo islámico, por ejemplo, o en la influencia de nuevas técnicas para la agricultura, y los transportes, la expansión de las ciudades, etc.* [Ibid, p. 128].

(4) *Es la suprema libertad del poeta* ***obligándose*** *a la rima, la de un Bach inspirado* ***fantaseando*** *fugas dentro de los más rigurosos cánones* [Sampedro 2004, p. 71].

Из данных примеров видно, что герундий в этих конструкциях нельзя отнести к объектному, поскольку глагол сказуемого не принадлежит к группе глаголов восприятия/изображения, а иногда сказуемое опущено совсем. Скорее всего, подобные случаи употребления герундия следует отнести к обозначенной Э. Аларкосом Льораком группе «эмблемных» предложений, по форме и функциям похожим на надписи к картинам или легенды к изображениям [Llorach, 1999, p. 182]. Такие предложения не имеют выраженного глаголом сказуемого, но, безусловно, обладают предикативностью (которая в данном случае и заключается в герундии). Э. Аларкос Льорак указывал также на абсолютную невозможность употребления в атрибутивной функции герундия, передающего «действие статичного характера».

Примечательно, что в данных примерах связная конструкция определяет существительное, но действие, выраженное герундием, все же обладает длительностью и процессуальностью. Кроме того, герундий способствует интенсификации действия, превращая его в «активное качество» и смещая на себя фокус высказывания. Все это создает лаконичный закрепленный образ, своеобразную «картинку в движении», характеризующую мышление созданных Профессором в первом романе персонажей – Первоэлементов, «видящих» и «запоминающих» мир в сменяющих друг друга картинках-мгновениях, и мышление автора-героя из второго романа, готовящегося к смерти и отстраненно запоминающего картинки-эпизоды.

5. Причастие в функции определения

Как известно, основной функцией причастия и связных причастных оборотов является функция определения. По аналогии с атрибутивным употреблением герундия, создающего «активное качество», «картинку в движении», мы будем называть такое употребление причастия «картинкой в статике». Так, в романе «Cuarteto para un solista» каждый рассказ-встреча Первоэлементов начинается со своеобразной экспозиции:

(1) *Cielo y océano:* ***ilimitados*** *e intemporales. Ancha senda dorada de la playa,* ***mantenida*** *en su pura desnudez por el doble barrido diario de las ondas.* ***Acotada*** *por dunas, manglares y palmeras. Junto a una de ellas, en la* ***tendida*** *luz de un recién* ***aparecido*** *sol que tiñe de rosa la nube, cuatro figuras* ***sentadas****, con las piernas* ***cruzadas*** *cambian miradas inquietas* [Sampedro, Lucas, 2013, p. 13].

(2) *Los Cuatro se encuentran dentro de una de las artificiosas cabañas que,* ***esparcidas*** *por un amplio parque, alojan a los huéspedes del hotel Pomaré, en Tahití. Bambúes* ***entrelazados*** *forman las paredes y el techo* está cubierto *interiormente por un lienzo verde. La luz del día,* ***filtrada*** *por palmas, bananos y árboles frondosos, tiene también tonalidades verdes* [Ibid, p. 57].

(3) En el Hotel de los Baños, junto a la cristalera, ***sentados*** *en torno a una mesita, tres personajes que nadie podría reconocer contemplan la laguna. Fuego, Aire y Tierra* ***caracterizados*** *y* ***vestidos*** *con las apariencias humanas que les ofreció Vida para que pudieran desplazarse y moverse entre la gente, descansan tras el desayuno* [Ibid, p. 115].

При прочтении создается ощущение, что Профессор намеренно подбирает причастия для создания соответствующей атмосферы каждой сцены, в которой будут участвовать его герои. Кроме того, во втором примере также появляется конструкция *estar+participio*, еще больше подчеркивающая статичное состояние сцены. Как показывает проведенный анализ фактологического материала, в большинстве случаев причастие в функции определения служит для введения своеобразной картинки, задающей тон происходящей в дальнейшем сцене, характе-

ризуя таким образом прагматикон языковой личности Профессора, реализующего свои творческие установки при создании рассказов.

Таким образом, испанские неличные формы глагола играют важную роль в создании языковой личности художественных персонажей, являясь средством отражения не только непосредственно лексикона и грамматикона персонажей, но и характерных для них концептов и мировоззрения, а также их коммуникативных установок, и эмоционально-чувственного восприятия.

Литература

Жолковский А. К. Бродский и инфинитивное письмо. Источник // НЛО. 2000. № 45.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 8-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2014.

Чурилина Л. Н. «Языковая личность» в художественном тексте. М. : ФЛИНТА, 2011.

Diccionario panhispánico de dudas (DPD). URL: http://www.rae.es/recursos/diccionarios/dpd [ref. de 12.06.2018].

Llorach E. Alarcos. Gramática de la lengua Española. Madrid, Espasa, 1999.

Sampedro J. Luis, Lucas, O. Cuarteto para un solista. Debolsillo, Barcelona, 2013.

Sampedro J. Luis, Monte Sinaí. Debolsillo, Barcelona, 2004.

УДК 81-119

Г. В. Урванцев

Фигуры и фоны как компоненты городского пространства в художественном дискурсе

Аннотация. Рассматривается функционирование фигур и фонов как компонентов городского пространства и связанных с ними коннотаций в романе Себастиана Фолкса «Неделя в декабре». Определенные компоненты образа города могут являться как фигурами, так и фонами. Это зависит от точки зрения на описываемые события. Элементы городского пространства, актуализованные посредством урбанонимов, чаще выступают в роли фигур; объекты, называемые родовыми понятиями, обычно функционируют как фоны или их компоненты. Фигуры и фоны несут в себе коннотативные значения, однако коннотации фонов могут распространяться на относящиеся к ним фигуры, тогда как коннотации фигур не влияют на их фоны.

Ключевые слова: городское пространство, фигуры, фоны, урбанонимы.

G. V. Urvantsev

Figures and Backgrounds as Components of Urban Space in the Art dIscourse

Abstract. The article deals with the functions of figures and grounds as components of urban space and their connotations in Sebastian Faulks'es *A Week in December*. Certain components of the image of the city can act as both figures and grounds. It depends on the point of view from which the events are described. The elements of the urban space, implemented in urban names usually work as figures; while the objects referred to by their generic notions more often function as grounds or their components. Figures and grounds both have connotations, but the connotations of grounds can expand on the relating figures, while the connotations of figures do not influence their grounds.

Keywords: urban space, figures, grounds, urban names.

Город – это основная среда существования и функционирования человека. Таким образом, нам представляется важным проанализиро-

вать, как мы воспринимаем городское пространство. Это можно сделать посредством изучения образа города, реализуемого в художественном дискурсе, так как в нем представления о мире и окружающем пространстве выражены в сконцентрированной форме.

При анализе компонентов городского пространства в художественном дискурсе актуальным является вопрос о значимости тех или иных объектов. Значимость компонентов пространства в целом рассматривал Л. Талми [Talmy, 2007], который условно разделял их на фигуры и фоны. Его идеи развивали многие отечественные и зарубежные ученые. В частности, С. Ю. Двинина [2014] пишет о том, что фигуры более значимы, они являются ориентирами, за которые «зацепляется» сознание человека. Фигуры находятся на переднем плане относительно фона и они, как правило, меньшего размера. Фоны шире и имеют меньшее значение для жителей города или читателей/зрителей. Таким образом, представляется актуальным исследование образа города в художественном дискурсе с позиций распределения его компонентов на фигуры и фоны.

В целом образы городского пространства актуализируются в художественном тексте, главным образом, посредством имен собственных, так как именно они позволяют читателям представить себе тот или иной объект, место действия. Следовательно, в данной работе мы будем рассматривать городские онимы, представленные в художественном произведении с точки зрения того, являются ли они фигурами или фонами.

Для анализа был выбран роман британского писателя Себастьяна Фолкса (Sebastian Faulks) «Неделя в декабре» (A Week in December). В данном произведении подробно описывается жизнь лондонцев, присутствуют обширные описания британской столицы. Кроме того, относительная новизна романа (написан в 2009 г.) позволяет говорить об актуальности образа города, представленного в книге.

В рассматриваемом нами романе можно выделить порядка 200 уникальных убранонимов (включая наименования районов, улиц, площадей, автомагистралей, мостов, различных природных объектов, парков, вокзалов и станций, туристических достопримечательностей, культовых сооружений, больниц, торговых и культурно-развлекательных учреждений, кафе и т. д.).

Часть наименований относятся к конкретным «местам», в терминологии М. Оже (M. Auge), т. е. они являются уникальными и важными объектами [Auge, 1995], например *Westminster Cathedral, Emirates Stadium* и т. д. Такие урбанонимы, как правило, создают «открыточный» образ города – если попросить человека описать город, то он начнет перечислять объекты, отнесенные в эту группу.

Однако достаточно часто встречаются и названия районов и улиц (*Chelsea, Ferrers End, North Circular, Old Pye Street, Cooper Road*

и т. д.), которые являются гораздо менее конкретными единицами. Они также являются неотъемлемой частью образа города, но их сложнее представить себе в виде единого образа. Кроме того, они включают в себя более мелкие и более значимые объекты, «места». В данном случае актуализируется образ города как карты. В целом соотношение «мест» и «не-мест» в городском пространстве соответствует делению на фигуру и фон по Талми.

Тем не менее деление на фигуру и фон не является универсальным, абсолютным. На наш взгляд, то или иное структурирование компонентов городского пространства во многом зависит от точки зрения, с которой описывается происходящее: во-первых, город можно рассматривать «с удаленной точки зрения», охватывающей его территорию в целом, но упускающей мелкие детали (этот аспект образа города напоминает карту или открытку); во-вторых, город можно описывать с точки зрения «пешехода», которая охватывает только то, что видят персонажи (конкретные улицы, помещения, люди и т. д.).

Таким образом, при рассмотрении образа города с «удаленной» точки зрения, мы видим его как фон, который состоит из множества фигур, среди которых как фигуры выделяются только известные нам, остальные же сливаются в единое и неразрывное пространство.

Проиллюстрируем наше утверждение с помощью описания пути Темзы по Лондону из романа «Неделя в декабре»: *Gabriel… looked out of the window, down towards the river. It was gliding beneath the lights of the Embankment, under Blackfriars Bridge, above the embedded railway underpass… as it made its way through the old slums of Limehouse and Wapping* [Faulks 2009]. Мы видим, что на общем фоне, которым является Лондон, выделяются такие фигуры, как *река* (Темза) *(river), Набережная (Embankment), мост Блэкфрайерз (Blackfriars Bridge), железнодорожный туннель (railway underpass) и районы Лаймхауз и Уоппинг (Limehouse, Wapping).* В свою очередь Набережная, Лаймхауз и Уоппинг могут и наверняка содержат в себе другие фигуры, для которых указанные районы являются фонами, однако в приведенном примере эти фигуры не актуализируются, потому что персонаж, от лица которого идет описание, либо не знает об их существовании, либо не считает их достаточно важными, и не выделяет их из фона. В свою очередь, все фигуры, перечисленные в примере, могут быть объединены в более масштабную фигуру, которая именуется с помощью топонима Лондон, который гораздо привычнее и понятнее среднестатистическому жителю России, нежели Лаймхауз или мост Блэкфрайерз. Это приводит нас к мысли о том, что городское пространство имеет концентрическую структуру, и в зависимости от уровня этой структуры (т. е. от точки зрения, с которой описываются события произведения) одни и те же объекты могут выступать в роли как фонов, так и фигур.

Данная мысль подтверждается и тем, что в сознании разных персонажей одни и те же объекты могут восприниматься и как фигуры, и как фоны [Двинина, 2014]. Ярким примером здесь является больница Глендейл (*Glendale hospital*). Хассан Аль-Рашид и другие террористы называют ее просто «hospital» (больница), и они имеют достаточно слабое представление о том, что она из себя представляет, – они никогда в ней не были и видели лишь карту и фотографии внутренних помещений. Они воспринимают Глендейл как фигуру, некую элементарную единицу городского пространства, так как целью для них является больница в целом: «*This,» he said, «is Glendale hospital»… Are you saying we're attacking the hospital?* [Faulks, 2009].

Для Гэбриэла Нортвуда, который в силу семейных обстоятельств посещает ее достаточно часто, напротив, больница предстает не единым целым, а фоном, на котором расположены более мелкие, конкретные фигуры: различные корпуса, указатели и т. п.: *There was a porter's cabin with a raisable pole inside the main gates… The brick buildings were many and low, with bright orange or scarlet curtains. Double doors swung freely under fierce strip lights. Most of the houses were single-storey, double at the most… Adam was in Wakeley, a low house towards the back of the plot in the shade of half a dozen pine trees* [Faulks, 2009]. Мы видим, что фигура, компонент городского пространства, который в целом называется «Больница Глендейл» (Glendale Hospital), распадается на более мелкие фигуры.

Из вышесказанного следует, что чем активнее персонаж взаимодействует с объектом, тем вероятнее, что он начнет воспринимать его как некий фон. Различия в функционировании фигур и фонов определяют роль, которую играет больница для каждого персонажа: для Гэбриэла она является местом действия (фоном), для Хассана – целью (фигурой).

Несмотря на то что урбанонимы являются основным способом актуализации городских объектов в изображаемом пространстве, имена собственные используются не всегда. Подобные компоненты образа города М. Оже (M. Auge) называет «не-места», так как человек не воспринимает их как уникальные локации, и их основная функция – быть «местом действия» [Auge, 1995]. Не имея уникальных имен, такие пространства тем не менее функционируют подобно нормальным микротопонимам, хоть и описываются с помощью наименований классов объектов (например, *дорога, кафе, кинотеатр, банк* и т. д.). Таким образом, объекту присваиваются свойства класса, и характеристики объекта считаются общими для всех объектов того же класса.

Рассмотрим функционирование фонов в выбранных нами произведениях. Ярким примером фонов в романе являются места встречи Джона Вилза с деловыми партнерами. Первая встреча проходит в *Oasis Coffee Bar*. Улица, на которой оно находится, описывается как *as anony-*

mous a stretch of road as you could find in central London: a straight strip of asphalt that joined nothing much to something else [Faulks, 2009]. Несмотря на то что кафе явно имеет значение для Вилза, что подтверждается тем, что несмотря на то, что оно ничем не примечательно, название его известно, а также комментарием автора *Veals's chosen meeting place was the Oasis Coffee Bar* (Излюбленным местом встреч Вилза была кофейня «Оазис»). Следующая встреча проходит в теннисном клубе в Челси (in a *tennis club in Chelsea)*. Здесь уже нет конкретного топонима, и более того, перед наименованием места стоит неопределенный артикль, что также работает, как указатель того, что данное место не имеет особого значения в масштабах города. Наконец, третья встреча проходит в суши-баре. Джон Вилз называет место встречи следующим образом: *Meet me at the sushi conveyor belt in that Knightsbridge place* [Faulks, 2009]. Мы видим, что место явно знакомо собеседникам – об этом говорит использование определенного артикля *the* и указательного местоимения *that*. Однако большого значения данное место для персонажей и, как следствие, для образа города, не играет, так как его название (а оно, предположительно, должно существовать) не дано.

Вследствие отсутствия конкретного наименования места, его характеристики приписываются всему классу подобных мест и начинают восприниматься как стереотипные. В приведенных выше примерах кофейня «Оазис» отражает такие стереотипные характеристики маленьких и, предположительно, дешевых кафе, как неприметное местоположение (*anonymous stretch of road*) и скромное меню (*The coffee wasn't even from the espresso machine, but from a clouded glass jug, and tasted of acorns… toasted cheese and tomato sandwich from a sizzling waffle iron*). Очевидно, что подобные компоненты образа города несут в себе скорее негативные коннотации, связанные с бедностью, низким качеством обслуживания. В теннисном клубе картина иная. Его характеристики являются скорее положительными, так как говорят о роскоши и достатке (*potted palms, lounge overlooking the river, wickerwork chair, fresh orange juice*). Стереотипными являются и элементы, связанные с фоном «суши-конвейер»: *chugging conveyor belt, salmon, purple-rimmed plastic cover, sashimi, wasabi, chopsticks*. Коннотации в данном случае передают характеристики моды, современности.

Влияние объектов, не обладающих уникальными названиями, на образ города характеризуется их отношением с классами объектов, к которым они принадлежат. Дело в том, что взятые по отдельности эти компоненты мало влияют на образ города в целом, потому что они малозаметны (например, теннисный клуб в Челси или кофейня «Оазис» не являются важнейшими достопримечательностями Лондона). Таким образом, они включаются в образ города «коллективно», например, если говорить о примерах выше, то в общий образ Лондона включают-

ся «дешевые кофейни», «спортивные клубы», «суши-бары» и «больницы». Тем не менее даже такие «не-места» могут быть значимы для отдельных жителей города, причем в их сознании эти объекты могут как иметь уникальное название, так и оставаться безымянными компонентами с классовыми характеристиками.

Интересно и функционирование коннотаций, связанных с городскими фонами и фигурами. Коннотации фонов передаются фигурам, которые находятся «внутри» них. В случае несоответствия фигуры указанным коннотациям возникает ощущение диссонанса, контраста.

Например, название района *Chelsea* несет положительные коннотации, о чем свидетельствует высказывание Дженни Форчен о квартире Гэбриэла: *I thought, you know, being in Chelsea it'd be like really smart* [Faulks, 2009]. Девушку поражает контраст между общепринятыми представлениями о данном районе и реальным состоянием квартиры ее друга.

Когда Гэбриэл Нортвуд, глядя из окна своего кабинета, представляет себе путь реки Темзы по Лондону и, в частности, упоминает следующий момент: *...it (Thames) made its way through the old slums of Limehouse and Wapping* [Faulks, 2009]. Очевидно, что названия районов Лаймхауз и Уоппинг также имеют достаточно негативную окраску для лондонца, и все объекты, находящиеся в этих районах, оцениваются соответствующим образом.

Коннотации фигур не передаются другим объектам: *His office was in a tall, blank building in Old Pye Street – the only such block in an otherwise quiet, residential road* [Faulks, 2009]. Фигурой в городском пространстве здесь является здание с офисом Джона Вилза, которое описывается как *безликое* (*blank*), однако негативные коннотации, связанные с этим строением, не распространяются на окружающее пространство. В то же время улица, на которой расположен офис и которая в данном примере выступает в роли фона, описывается как *тихая* (quiet), и эта характеристика распространяется на все объекты, включенные в нее.

Таким образом, компоненты городского пространства в художественном дискурсе можно условно разделить на фигуры и фоны, в зависимости от того, как они воспринимаются персонажами и читателем. Городское пространство имеет концентрическую структуру, вследствие чего на разных ее уровнях одни и те же объекты могут выполнять различные функции. Реализация той или иной функции определяется точкой зрения с которой описываются события. Основным способом включения объектов в городское пространство является использование имен собственных. Урбанонимы чаще всего работают как фигуры – они являются наиболее значимыми элементами городского пространства. Тем не менее существует достаточно большое количество элементов образа города, которые именуются лишь с помощью родовых понятий. Такие компоненты городского пространства обычно выступают в роли фонов или формируют их.

Все фигуры и фоны несут в себе коннотативные значения, отражающие отношение жителей города к данному предмету или классу предметов. Коннотации могут передаваться от фона к фигуре, но не наоборот.

Литература

Двинина С. Ю. Категории времени и пространства в художественном дискурсе постмодернизма : дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 209 с.

Auge M. Non-Places. Introduction to an Anthropology of Supermodernity. N. Y. : Verso, 1995. P. 75–120.

Faulks S. A Week in December. London : Vintage Books, 2009. 390 p.

Talmy L. Lexical typologies // Language typology and syntactic description, vol. III: Grammatical categories and the lexicon. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. C. 66–168.

УДК 808.2-55

Цай Вэй

Исследование концептуальной метафоры на материале русского языка в рамках когнитивной лингвистики в Китае

Аннотация. Когнитивное направление начало свой расцвет в китайской лингвистике с 1990-х гг. В данной статье проанализированы количественные и качественные параметры научных статей китайских лингвистов по концептуальной метафоре в русском языке, опубликованных с 2005 по 2017 г., собранных из CNKI (крупнейшей в Китае библиографической и реферативной базы данных). Делается вывод о недостаточном количестве, невысоком статусе, разрозненности тематики. Отмечается отсутствие трудов, обобщающих достижения русских и европейских лингвистов в области когнитивной метафоры.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, теория когнитивной метафоры, концептуальная метафора, русский язык, китайская лингвистика.

Tsai Vei

Conceptual Metaphor Research on the Material of Russian within Cognitive Linguistics in China

Abstract. The cognitive direction began to flourish in Chinese linguistics since the 1990s. This article analyzes the quantitative and qualitative parameters of the scientific articles of Chinese linguists on the conceptual metaphor in the Russian language, published from 2005 to 2017, collected from CNKI (the largest bibliographic and abstract database in China). The conclusion is drawn that there is insufficient quantity, low status, and fragmentation of subjects. The absence of works summarizing the achievements of Russian and European linguists in the field of cognitive metaphors is noted.

Keywords: cognitive linguistics, cognitive metaphor theory, conceptual metaphor, Russian language, Chinese linguistics.

Когнитивное направление в китайской лингвистике начинает формироваться позднее, чем в Европе и Америке – с 90-х гг. XX в., – и активно развивается в настоящее время.

К рассматриваемому в статье периоду когнитивная лингвистика стала актуальным направлением исследований в Китае, многие из работ о языке посвящены концептуальной метафоре. Концептуальная трактовка метафоры, предложенная Дж. Лаккофом и М. Джонсоном [2008], привлекла внимание ученых в Китае. В настоящей статье рассматривается литература по концептуальным метафорам в русском

языке, опубликованная в академических журналах за последние тринадцать лет, чтобы проанализировать в Китае изученность концептуальной метафоры в русском языке и предсказать будущие направления научных разработок по этой теме. Такая работа с ретроспективным анализом может не только расширить пространство исследований концептуальной метафоры в русском языке, но и способствовать дальнейшему развитию изучения концептуальной метафоры в целом, что в определенной степени облегчит понимание этой области исследований для будущих ученых, а также поможет им в их научной деятельности. В качестве исходных данных в нашей работе использовалась литература по концептуальной метафоре в русском языке, включенная в CNKI с 2005 по 2017 г., так как соответствующие академические статьи по концептуальной метафоре в русском языке не были проиндексированы до 2005 г. Исходные данные были классифицированы и сопоставлены на основе предыдущих исследовательских работ.

1. Количественные параметры исследуемого материала

Была отобрана литература по концептуальной метафоре в русском языке, опубликованной в CNKI с 2005 по 2018 г., и приведены количественные характеристики исследовательской ситуации (рис.).

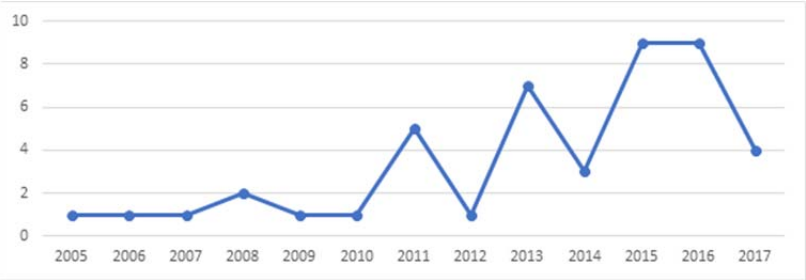

Рис. Тенденции развития исследований по концептуальной метафоре в русском языке с 2005 по 2017 г.

Как видно из графика (см. рис.), изучение концептуальной метафоры в русском языке началось в начале XXI в. и медленно расширялось в 2007–2011 гг. В 2013–2015 гг. количество научных работ, касающихся данной темы, резко возросло, поэтому можно объяснить увеличение частоты культурных обменов между Китаем и Западом и постепенным интегрированием китайского академического сообщества в мировую лингвистику.

2. Источники исследуемого материала

Среди работ о когнитивной метафоре в русском языке, опубликованных в Китае, обнаруживаются исследования двух типов – отдельные статьи и магистерские диссертации. Работы более веского уровня обоб-

щения – диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, монографии – не встречаются. Данный факт свидетельствует о недостаточной разработанности этой темы в китайской лингвистике.

3. Темы исследования концептуальной метафоры в русском языке

После тщательного изучения тезисов и основного содержания каждой статьи по концептуальной метафоре в русском языке мы систематизировали работы в зависимости от аспекта исследования. Также проанализировали и сравнили итоги, в ходе работы были определены пять основных направлений изучения концептуальных метафор в русском языке.

1. Сравнительное исследование концептуальных метафор в русском и китайском языках является важным направлением исследования, однако оно представлено единичными статьями: таких статей было найдено только 20. Изучается метафорическое представление о вкусе [Ю Вэй, 2013], о времени [Хоу Чуньюань, 2015]; сопоставляются метафоры анатомии человека в русском и китайском языках [Ван Фан, 2013]. Изучены концептуальные метафоры в российско-китайском политическом дискурсе [Ван Мень, 2016], представлено контрастивное исследование концептуальных метафор любви в русском и китайском языках с точки зрения языка и культуры [Июи Ентин, 2010] и эмоции «гнев» [Ян Сяо, 2015]. Китайские лингвисты сопоставляют с точки зрения языка и культуры общие и уникальные эмоциональные концептуальные метафоры в русском и китайском языках, и отмечают, что в эмоциональных выражениях отражаются общие метафорические механизмы, которые активно используются у народов России и Китая. В статье «Исследование различий и сходств области-мишени метафоры в русском и китайском языках на примере использования слова “вода”» [Ян Хуа, 2014] автор анализирует сходство и различия в области данной метафоры и исследует культурные факторы, которые вызывают когнитивные различия между двумя народами.

2. Сравнительное исследование концептуальных метафор в русском и английском языках также представлено в китайском метафороведении, в том числе метафорическая концептуализация мирового экономического кризиса [Ван Хуйли, 2016]. В настоящее время существует множество статей китайских ученых о метафорическом познании в русском и английском языках, в которых в основном сопоставляют метафоры времени, эмоциональные метафоры, пространственные метафоры, метафоры человека и метафоры животных.

3. Исследование концептуальной метафоры в русском языке, в том числе изучение разных типов метафор, выделенных в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона: «Микроскопическое исследование метафоры: Анализ онтологических концептуальных метафор “разума” на русском языке» [Фу Лин, Лу Су, 2008], «Когнитивное исследование русской антропоморфной метафоры» [Су Ао, 2012],

также анализ когнитивной интерпретации российских эвфемизмов и прилагательных с использованием теории концептуальной метафоры [Чжан Шиюмей, Цзан Хайбин, 2013], Ван Ли, 2017]. Анализируется метафорическое познание некоторых фрагментов действительности: «Анализ характеристик русских метафор любви» [Нью Лихун, 2007]; «Исследование концептуальной метафоры времени с точки зрения русского языка» [Ван Луцзя, 2017] и т. д.

4. Изучение концептуальной метафоры в русском языке в литературных произведениях является новой тенденцией в изучении концептуальной метафоры. В статье «Анализ концептуальных метафор о любви в стихотворениях А. С. Пушкина» [Чжао Синь, 2011] автор доказывает применимость теории концептуальной метафоры к анализу поэзии Пушкина о любви и к изучению литературы вообще. В статьях «Метафорический перевод в теории концептуальной метафоры в литературных произведениях» [Ву Луцянь, 2011] и «Исследования по русскому переводу концептуальных метафор на примере китайского романа “Речные заводи”» [Цао Юйджио, 2015] демонстрируется, что качество перевода метафоры оказывает большое влияние на результат перевода всего текста.

Распределение и распространение тем академических работ по концептуальной метафоре в русском языке за период с 2005 по 2017 г. представлено в табл. 1, 2.

Таблица 1

Распределение тем академических работ по концептуальной метафоре в русском языке с 2005 по 2017 г.

Содержание	Год													Общий итог
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Сравнительное исследование концептуальных метафор в русском и китайском языках	-	-	-	-	1	1	1		5	2	6	4	2	22
Сравнительное исследование концептуальных метафор в русском и английском языках	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2		2
Исследования характеристики концептуальной метафоры в русском языке	1	1	1	2	-	-	2	1	2	1	2	3	2	18
Применение концептуальной метафоры в русском языке в литературных произведениях	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	1	-	-	3
Общий итог	1	1	1	2	1	1	5	1	7	3	9	9	4	45

Таблица 2

Пропорциональное распространение академических работ
по концептуальной метафоре в русском языке с 2005 по 2017 г. (%)

Содержание	Год													% от общей суммы акад. работ
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Сравнительное исследование концептуальных метафор в русском и китайском языках	-	-	-	-	2	2	2		11	4	13	9	4	49
Сравнительное исследование концептуальных метафор в русском и английском языках	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4		4
Исследования характеристики концептуальной метафоры в русском языке	2	2	2	4	-	-	4	2	4	2	4	7	4	40
Применение концептуальной метафоры в русском языке в литературных произведениях	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	2	-	-	7
Общий итог	2	2	2	4	2	2	11	2	16	7	20	21	9	100

Выводы. По сравнению с европейскими странами изучение концептуальной метафоры в Китае началось относительно поздно. Это отражается на количестве и тематическом диапазоне исследований по когнитивной метафоре, выполненных китайскими лингвистами. Исходя из анализа содержания работ, посвященных концептуальной метафоре в русском языке, мы можем сказать, что отсутствует освещение теории концептуальной метафоры в применении к русскому языку на основе монументальных трудов этой тематики. В результате китайские исследования когнитивной метафоры в русском языке не так глубоки, как это имеет место в работах по концептуальной метафоре в английском языке. Следовательно, необходимы аналитические работы, обобщающие достижения зарубежных лингвистов в области описания когнитивной метафоры в русском языке. Это в значительной степени будет способствовать развитию и применению этой теории в Китае.

Литература

Ван Ли. Исследование русских прилагательных метафор с точки зрения когнитивной лингвистики : дис. ... магистра филол. наук. Шанхай, 2017. 56 с. (王里. 认知语言学视角下的俄语形容词隐喻. 上海外国语大学, 2017, 56).

Ван Луцзя. Исследование концептуальной метафоры времени с точки зрения русского языка : дис. ... магистра филол. наук. Чанчунь, 2017. 77 с. (王璐佳. 俄语时间概念隐喻研究. 吉林大学, 2017, 77).

Ван Мень. Сравнительное исследование военных метафор в русских и китайских дискурсахт : дис. ... магистра филол. наук. Харбин, 2016. 92 с. (王梦. 俄汉语语篇中的战争隐喻对比研究. 哈尔滨师范大学, 2016, 92).

Ван Фан. Когнитивное сравнительное исследование метафоры анатомии человека между русским и китайским языками : дис. ... магистра филол. наук. Чанчунь, 2013. 48 с. (王芳. 俄汉人体词隐喻的认知对比研究. 东北师范大学, 2013, 48).

Ван Хуйл. Метафорическая концептуализация мирового экономического кризиса: сравнительное изучение английских и российских экономических текстов // Исследование иностранных языков в Китае. 2016. № 2. С. 117–125. (王慧丽. 世界经济危机的隐喻概念化---英俄语经济文本的比较研究. 中国外语研究, 2016-2, 117-125).

Ву Луцянь. Метафорический перевод в концептуальной теории метафоры в литературных произведениях : дис. ... магистра филол. наук. Чунцин, 2011. 74 с. (吴璐倩. 概念隐喻理论与文学作品中的隐喻翻译. 四川外语学院, 2011, 74).

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.

Июи Ентин. Контрастное исследование концептуальных метафор о любви в русском и китайском языках с точки зрения языка и культуры : дис. ... магистра филол. наук. Чанчунь, 2010. 53 с. (于恩婷. 语言文化视阈下的俄汉爱情概念隐喻对比研究. 东北师范大学, 2010, 53).

Нью Лихун. Анализ характеристик русских метафор любви // Исследование иностранных языков. 2007. № 5. С. 23–26. (牛丽红. 俄语爱情隐喻特征分析. 外语研究, 2007-5, 23-26).

Фу Лин, Лу Су. Микроскопическое исследование метафоры: Анализ онтологических концептуальных метафор «разума» на русском языке // Вестн. Чанчуньского политехн. ун-та. 2008. № 3. С. 102–104. (傅玲, 鲁速. 隐喻的微观研究:俄语中“心灵”的本体概念隐喻分析. 长春理工大学学报, 2008-3, 102-104).

Хоу Чуньюань. Сравнительное исследование концептуальных метафор времени в русском и китайском языках : дис. ... магистра филол. наук. Харбин, 2015. 66 с. (侯春媛. 俄汉语时间概念隐喻对比研究. 哈尔滨师范大学, 2015, 66).

Су Ао. Когнитивное исследование русской антропоморфной метафоры : дис. ... магистра филол. наук. Чанчунь, 2012. 48 с. (苏傲. 俄语拟人隐喻的认知研究. 吉林大学, 2012, 48).

Чжан Шиюмей, Цзан Хайбин. Когнитивная интерпретация русского эвфемизма // Вестн. Цикикар. ун-та. 2013. № 4. С. 116–117. (张秀梅, 臧海滨. 俄语委婉语的认知阐释. 齐齐哈尔大学学报, 2013-4, 116-117).

Чжао Синь. Анализ концептуальных метафор о любви в стихотворениях А. С. Пушкина.: дис. ... магистра филол. наук. Чанчунь, 2011. 59 с. (赵欣. 普希金抒情诗中的爱情概念隐喻分析. 吉林大学, 2011, 59).

Цао Юйджио. Исследования по русскому переводу концептуальных метафор на примере китайского романа «Речные заводи» : дис. ... магистра филол. наук. Чунцин, 2015. 53 с. (曹玉姣. «水浒传»概念隐喻的俄译研究. 四川外国语大学2015, 53).

Ю Вэй. Сравнительное исследование использования метафор слов вкуса в русском и китайском языках : дис. ... магистра филол. наук. Шанхай, 2013. 48 с. (雨薇. 汉、俄语味觉词隐喻用法比较研究. 复旦大学, 2013, 48).

Ян Сяо. Исследование познавательной контрастности концептуальной метафоры в понятии эмоции «гнев» : дис. ... магист. филол. наук. Чанчунь, 2015. 49 с. (颜晓. 俄汉“愤怒”情感概念隐喻的认知对比研究. 吉林大学, 2015, 49).

Ян Хуа. Исследование различий и сходств области-мишени метафоры в русском и китайском языках на примере использования слова «вода» // Вестн. Аньхойского ун-та. 2014. No 1. С. 88–94. (杨华. 俄、汉语隐喻投射域异同研究----以“水”概念为例. 安徽大学学报, 2014-1, 88-94).

Модели общения: коммуникация, диалог, речевой акт

УДК 81’271: 81’42

Л. В. Кузнецова

Прагматика принятия решения в институциональном дискурсе

Аннотация. Предлагается дискурсивный подход к проблеме принятия решений, обосновывается прагматический характер ситуации принятия решения. Автор уделяет особое внимание принципам теории решения проблем и принятия решений, разрабатываемым в математической теории игр, в теории искусственного интеллекта, в философии, психологии и лингвистике. Определено, что в естественных и гуманитарных науках принятие решения рассматривается как связанное с конструктивной способностью человека, нацеленного на максимально выгодное решение. Сделан вывод, что теоретические результаты исследований нашли практическое применение в институциональном дискурсе в качестве технологии мозгового штурма (*brainstorming*). Разграничиваются неситуативный и ситуативный подходы к определению понятия принятия решения; согласно ситуативному подходу процесс принятия решения осуществляется в рамках ситуации, требующей решения, и представляет собой выбор одного из двух вариантов и принятие его в качестве институционального решения. Подчеркивается важность когнитивного подхода к исследованию прагматической ситуации принятия решения. Рассматривается ситуация принятия решения в прототипическом жанре политической коммуникации, составляющем основу политической деятельности, – парламентских дебатах, и производимый в них институциональный дискурс принятия решения. Языковые маркеры показывают, что в дискурсивном аспекте ситуация принятия решения формируется из трех типов ситуаций: институциональной, коммуникативной и прагматической. Отмечается значимость аргументации в конструировании будущего мира, посредством которой осуществляется трансфер знаний о ситуации от одного участника к другому. Установлено, что интерпретирующая деятельность говорящих играет важную роль в осмыслении прагматического выбора одного из вариантов решения проблемы.

Ключевые слова: институциональный дискурс, прагматическая ситуация принятия решения, интерпретирующая деятельность, трансфер знаний, аргументация, дискурсивное конструирование решения.

L. V. Kuznetsova

The Pragmatics of Decision Making in Institutional Discourse

Abstract. In this article we approach decision making discursively and prove the pragmatic nature of a situation of decision making. The focus is on problem solving and decision making theories being developed in mathematical game theory, artificial intelligence theory, philosophy, psychology and linguistics. It is found out that in natural and human sciences decision making is considered to be connected with a constructive ability of a man, who aims at making the best possible decision. It is concluded that the theoretical results of the researches have been reflected in institutional discourse as a brainstorming technique. The distinction between a non-situational and situational approach to decision making is drawn. According to the latter, the process of decision making is carried out in a situation that requires a decision and is a choice between two options, which is then adopted as an institutional solution. The article emphasizes the significance of the

cognitive approach in the study of the pragmatic situation of decision making. The article considers the institutional discourse of decision making produced in the prototypical genre of political communication – parliamentary debates. A new definition of the situation of decision making is given and the differentiation of three types of situation – institutional, communicative and pragmatic, which form the situation as a whole, is suggested. Particular linguistic markers of each type of the situation are highlighted. The article underlines the role of argumentation in discursive world construction because it helps transfer knowledge about the situation from one participant to another. It is found out that the speakers» interpretative activity largely promotes understanding the pragmatic choice of one the options.

Keywords: institutional discourse, the pragmatic situation of decision making, interpretative activity, knowledge transfer, argumentation, the discursive construction of decision.

В последнее время в лингвистике углубляется научное представление о взаимосвязи когнитивных и коммуникативных процессов с прагматикой, в фокусе внимания которой находится прагматическое содержание сообщения. Учет прагматического фактора обусловлен интересом ученых к вопросам отбора говорящим тех языковых средств, которые отвечают его коммуникативным намерениям.

Цель данной статьи – доказать, что прагматический фактор принятия решения играет основополагающую роль в процессе конструирования ситуации принятия решения в институциональном дискурсе.

Теория решения проблем и принятия решений активно изучается в ряде естественных и гуманитарных наук. В математике и экономике исследование процесса принятия решения связано с интересом к познанию законов рациональной человеческой деятельности; одной из первых теорий в этой области была теория игр Дж. Неймана и О. Моргенштерна, в которой рассматривается «рациональная теория решения», или «логика решения». Авторы предлагают принцип максимизации ожидаемой полезности, рассматривая его как критерий рациональности принимающихся решений, поскольку человек получает максимальную выгоду при выборе оптимальной альтернативы [Нейман, Моргенштерн, 1970].

Проблема принятия решений находится в центре теории искусственного интеллекта. Исследование процессов поиска и принятия решений путем их компьютерного моделирования привело к созданию программ для решения логических задач («Общий решатель задач», «Логический теоретик» [Заде, 1976; Саймон, 1964, 1972; Newell, 1977]). С помощью данных программ, представляющих собой системы поиска решений, открывается возможность отыскать и составить последовательность действий с целью преобразовать данную ситуацию в желаемую при большом числе открывающихся альтернатив [Саймон, 1972, с. 84]. Г. Саймон называет поиск удачных решений «конструкциями»; они составляют основу разумного поведения человека. Конструкции могут быть представлены в качестве возможных миров, возможных решений проблем, из большого числа которых конструктивная способность человека дает возможность выбрать вариант, максимизирующий ценность решения и удовлетворяющий цель поиска.

В рамках данной теории А. Ньюелл (A. Newell) ввел понятие проблемного пространства (*problem space*), состоящего из отдельных состояний знания, чем способствовал развитию когнитивного подхода к решению проблем. Согласно А. Ньюеллу, решение проблем происходит в проблемном пространстве: элементы этого пространства состоят из отдельных знаний, относящихся к рассматриваемой проблеме, включая первоначальную и желаемую ситуации [Newell, 1977].

Теория решения проблем и принятия решений разрабатывается также и в философии [Боно, 2007; Штегмюллер, 1987; Nozick, 1993], где получило определение понятие «проблема»: «в широком смысле – сложный теоретический или практический вопрос, требующий разрешения; в узком смысле – ситуация» [Всемирная энциклопедия: Философия, 2001]. В психологии разграничиваются два подхода к принятию решений: неситуативный и ситуативный. Согласно неситуативному подходу «каждый волевой акт включает в себя решение, поскольку он предполагает принятие определенной цели и открывает соответствующему желанию доступ к моторной сфере, к действию, направленному на ее осуществление» [Рубинштейн, 2000, с. 473].

Э. де Боно выявляет различие между методом традиционного мышления, ключевым этапом которого является суждение (или/или, правильно/неправильно), приводящее к выбору между двумя вариантами через доказательство неправоты одной из сторон, и методом «параллельного» мышления, ключевым понятием которого является понятие конструирования. Во внимание принимаются все варианты, т. е. каждый вариант рассматривается как одна из возможностей решения [Боно, 2007].

Понятие ценности является частью процесса конструирования и определяется контекстом и обстоятельствами. Мыслить конструктивно – значит сконструировать решение, т. е. результат достигается путем конструирования-«придумывания», а не выбора из уже имеющегося. Акцент падает на создание новых идей и новых возможностей. Вместо жестких суждений, принимающих или отвергающих идею, вводится понятие возможности и сотрудничества. Традиционная система, подчеркивает Э. де Боно, предполагает ведение споров и принятие решений через устранение причин этих споров, но не все проблемы могут решаться таким способом. Он предлагает оставить причины в покое и искать выход из создавшейся ситуации, а в целом заставить людей больше внимания уделять придумыванию решений и тем самым развивать привычку конструктивного мышления [Боно, 2007].

Идеи Э. де Боно дополняют концепцию Г. Саймона о конструктивном мышлении, которое помогает принимать решения путем создания новых идей и ведет к сотрудничеству. Кроме того, он подчеркивает, что понятие ценности решения является составляющей предлагаемых возможностей.

Данные идеи легли в основу нового способа принятия решений в институциональном дискурсе современных корпораций, так называемого мозгового штурма (*brainstorming*). Данный метод ведения бизнеса был разработан в 40–50-х гг. XX в. американским журналистом, основателем рекламного агентства А. Осборном, который определяет его как «один из наиболее популярных методов стимулирования творческой активности, позволяющий найти решение сложных проблем путем применения специальных правил обсуждения» [Управление персоналом].

В современной теории институционального дискурса разрабатывается идея рационального решения проблем, в которой нормой для выбора решения в процессе его обсуждения провозглашается: 1) мировоззренческая / знаковая ценность (*symbolic utility*), т. е. наибольшая полезность с точки зрения мировоззренческой позиции решающего и его социальных связей; 2) несомненная фактическая выгода (*evidentially expected utility*), т. е. ожидаемое получение наиболее весомых практических результатов; 3) системная выгода (*causally expected utility*), т. е. выгода, которая будет получена из общей согласованности и упорядоченности причин и следствий предпринимаемых действий [Nozick, 1993]. Нормативные принципы, учитывающие взаимосвязь действия, избранного в качестве решения, с его результатом, мыслятся как когнитивные основания принятия решений в институциональном дискурсе.

Результаты исследований, разрабатывающих теорию принятия решений, нашли практическое применение в области управления производством и маркетинга, страхования и других отраслей, где принятие решений рассматривается как составная часть управленческой функции [Акофф, 1982; Эддоус, 1997; Payne, 1976].

Подход к принятию решений в институциональном дискурсе посредством технологии общеинституционального мозгового штурма дополняется ситуативным подходом Д. Канемана и А. Тверски (D. Kahneman, A. Tversky), в концепции которых процесс принятия решения определяется как постановка проблемы, требующей решения (*decision problem*), и принятие решения (*decision making*) в условиях наличия двух опций (*options*), т. е. двух вариантов выбора. Д. Канеман и А. Тверски (D. Kahneman, A. Tversky) подчеркивают, что в когнитивном плане принятие решения всегда связано с финальным выбором из двух вариантов. Например, в тесте, когда даются несколько возможных ответов на поставленный вопрос, решающий вначале отсеивает, отфильтровывает в процессе когниции все варианты, кроме двух наиболее подходящих, и затем выбирает один из них в качестве решения [Kahneman, Tversky, 1981].

Рассмотрим ситуацию принятия решения в одном из типов институционального дискурса – в парламентском дискурсе. Парламентская коммуникация как прототипический жанр политической коммуникации

составляет основу любой политической деятельности, а производимый в ее рамках дискурс протекает в рамках проблемных ситуаций; политические проблемы постоянно формулируются, обсуждаются, осмысливаются, однако не все проблемные ситуации нацелены на определенное решение.

Когнитивная ситуация принятия решения находит свою реализацию прежде всего в коммуникативной и институциональной ситуациях, которые носят общий характер и присущи парламентской коммуникации в целом. Данные ситуации имеют ряд общих языковых маркеров, так как они обе протекают в определенном месте, в определенное время и в условиях соприсутствия конкретных людей: место и время обеих ситуаций фиксируется с помощью одних и тех же языковых маркеров (*I remind the House that the debate must end at 7 o'clock; 10 часов, начинаем работать*).

В процессе их развертывания могут реализоваться различные прагматические ситуации, в том числе и прагматическая ситуация принятия решения, которая имеет ряд языковых особенностей. Прежде всего она определяется тем, что все политики как участники институциональной и коммуникативной ситуации позиционируют себя в прагматической роли принимающих решение (решающих). Употребление слов decision (*decide*) / «решение» (решать) в речи политиков формирует прагматическое содержание рассматриваемой ситуации (*We obviously want to ensure that those making the decisions do so properly; Нужно, чтобы данный вопрос был решён всесторонне*). Языковыми маркерами прагматической ситуации принятия решения являются также словосочетания *pass a law, pass the legislation, pass the bill, принять закон*, с помощью которых политики подчеркивают главную цель текущих парламентских слушаний − принять решение, т. е. принять, одобрить рассматриваемый закон (законопроект) (*We need to pass this Energy Bill if Britain is to have a credible and ambitious energy and climate change policy; To pass the legislation that we need and of which future generations will be proud − legislation for one nation*). Прагматическая нацеленность участников на принятие решения находит отражение на языковом уровне. Согласно теории решения проблем рациональное решение учитывает ценность избираемого действия как решения и складывается из системной, фактической и мировоззренческой полезности данного действия [Nozick 1993]. Это проявляется в использовании дескрипций с мелиоративной семантикой и выражений с семантикой пользы, выгоды (*the Bill is vital; it is a very important Bill; the purpose of this excellent Bill; Мы придаём этим слушаниям большое значение*). Решающие при помощи речевых актов ассертивов предоставляют фактуальную информацию о тех, кто непосредственно получит фактическую выгоду от предпринимаемых ими действий, − это избиратели, т. е. основные клиенты данного социального института (*I welcome*

the Bill, which is long overdue and of tremendous significance to our constituents; мы должны поддерживать, улучшать социальное положение людей в наиболее важных с точки зрения демографической политики районах Российской Федерации). Данные предложения направлены на то, чтобы склонить остальных участников к правильному, рациональному решению (*The Energy Bill represents the most complete and complex reform of the energy market to date*). Таким образом, прагматическая ситуация принятия решения становится таковой ввиду того, что все политики как участники институциональной и коммуникативной ситуации позиционируют себя в прагматической роли принимающих решение (решающих), на что указывают определенные языковые маркеры.

Прагматический фактор ситуации принятия решения проявляется в аргументации, с помощью которой происходит дискурсивное конструирование будущего мира.

Аргументация в прагматической ситуации принятия решения, реализующаяся через дискурсивизацию, динамический креативный процесс порождения дискурса «здесь и сейчас», в реальном времени и пространстве [Плотникова, Серебренникова, 2013, с. 186], осуществляется в форме полилога, разворачивающегося между участниками, которые принимают или оспаривают будущий мир, предъявляя аргументы прагматического характера противоположной стороне. Аргументы, сопровождающиеся речевыми актами обращения к противостоящему решающему с целью привлечь его в свою группу, пронизывают весь дискурс участников ситуации принятия решения и насыщены прагматическими смыслами. В процессе аргументации, предъявления аргументов противоположной стороне, осуществляется трансфер знаний от одного участника к другому и усвоение или отторжение полученных знаний посредством речевых актов согласия или несогласия. Трансфер знаний, перенос известного на новое, неизвестное, из одной области знания в другую [Демьянков, 2016, с. 29] в прагматической ситуации принятия решения в парламентской коммуникации имеет прагматическую направленность и проявляется также в процессе обмена мнениями, когда участники парламентской коммуникации делятся друг с другом информацией из своего собственного фонда знаний. Каждый из участников включается в дискурсивизацию и вербализует свое личное понимание поставленной проблемы и один из вариантов ее решения с помощью соответствующих языковых средств. Личное знание в таком дискурсе становится общим коллективным достоянием, когда другие решающие принимают и разделяют его (*I agree with him on that issue like most hon. Members*), что подтверждает тот факт, что, будучи объединены общей прагматической целью принять решение, участники ситуации принятия решения выступают деятелями, создающими прагматическую ситуацию, и на их институциональную роль «политик» и

коммуникативную роль «адресант/адресат» накладывается прагматическая роль «субъект, принимающий решение».

Осмысление прагматического выбора – это результат интерпретирующей активности каждого участника через его познание проблемы и освоение знаний о проблеме. Интерпретация направлена на осмысление и адаптацию коллективных знаний в их индивидуальном преломлении; связана с целями общения, служит для передачи своего собственного мнения, собственного видения мира, в результате чего формируются новые знания оценочного характера [Болдырев, 2016, с. 34–35]. При принятии решения процесс когниции связан с интерпретирующей деятельностью решающих, а трансфер знаний в прагматической ситуации принятия решения играет основополагающую роль. В дискурсивизации посредством трансфера знаний выработанное коллективным сознанием решение передается от одного участника к другому. Принятие решения как прагматический выбор одного из двух вариантов, выработанный в процессе коллективной когниции, реализуется благодаря интерпретирующей деятельности участников и принципу трансфера знаний.

Таким образом, ситуационный подход к исследованию институционального дискурса позволяет рассматривать его с точки зрения реализации в нем разных типов ситуаций, которые характеризуются конкретной тематикой дискурса и конкретным набором языковых средств, т. е. особым содержанием и спецификой его языкового выражения. Одной из таких ситуаций является прагматическая ситуация принятия решения, формируемая прагматической мотивацией коммуникантов и включающая как их личностные, так и общественные прагматические установки, в соответствии с которыми коммуниканты исполняют прагматическую роль человека, принимающего решение.

Литература

Акофф Р. Искусство решения проблем / пер. с англ. Е. Г. Коваленко. Мир, 1982. 220 с.

Болдырев Н. Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 33–37.

Боно Э. Параллельное мышление / пер. с англ. П. Л. Самсонов. Минск : Попурри, 2007. 320 с.

Всемирная энциклопедия: Философия / под ред. А. А. Грицанова. М. : АСТ ; Минск : Харвест, Соврем. литератор, 2001. 1312 с.

Демьянков В. З. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 26. С. 29–32.

Заде Л. А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / пер. с англ. Н. И. Ринго. М. : Мир, 1976. 167 с.

Нейман Дж. Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / пер. с англ. Н. Н. Воробьева. М. : Наука, 1970. 707 с.

Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестн. ИГЛУ. 2013. № 1(22). С. 186–188.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2000. 712 с.

Саймон Г. А. Моделирование человеческого мышления на вычислительной машине // Кибернетика и живой организм / пер. с англ. А. Н. Лука. Киев : Наукова думка, 1964. С. 17–30.

Саймон Г. Науки об искусственном / пер. с англ. Э. Л. Наппельбаум. М. : Мир, 1972. 147 с.

Управление персоналом. Словарь-справочник онлайн [Электронный ресурс]. URL: http://psyfactor.org/personal0htm (дата обращения: 02.05.2013).

Штегмюллер В. Рациональная теория решений (логика решений) // Философия, логика, язык / пер. с англ. и нем. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 318–329.

Эддоус М. Методы принятия решения : пер. с англ. ; под ред. И. И. Елисеева. М. : Аудит ЮНИТИ, 1997. 590 с.

Kahneman D., Tversky A. The framing of decisions and the psychology of choice // Science, New Series. 1981. Vol. 211, N 4481. P. 453–458.

Newell A. On the analysis of human problem solving protocols // Thinking. Readings in Cognitive Science / eds. by P. N. Johnson-Laird, P. C. Jason. Cambridge : Cambridge University Pres, 1977. P. 46–61.

Nozick R. The Nature of Rationality. Princeton : Princeton University Press, 1993. 226 p.

Payne J. W. Heuristic search processes in decision making // Advances in Consumer Research / ed. by Beverlee B. Anderson. Cincinnati, Ohio: Association for Consumer Research. 1976. Vol. 3. P. 321–327.

УДК 81’271: 81’42

С. Н. Плотникова

Трансфер и создание знаний в коммуникативном сообществе

Аннотация. Предлагается когнитивная модель коммуникативного сообщества. Автор опирается на философскую теорию К.-О. Апеля, согласно которой коммуникативное сообщество, в отличие от социального и территориального сообществ, трактуется как «неограниченное», поскольку его основной характеристикой выступает координированное понимание, или взаимопонимание. Это определение не является достаточно объяснительным, и до сих пор нет исследований, в которых бы оно развивалось с лингвистических позиций. В статье доказывается гипотеза о том, что коммуникативное сообщество в первую очередь представляет собой когнитивное сообщество, или сообщество знания. Определено, что знание является продуктом коммуникативного сообщества, а также причиной его формирования. Результаты исследования показывают, что в процессе формирования коммуникативного сообщества осуществляются и взаимодействуют две основные когнитивные операции – трансфер и создание знаний. Трансфер знаний определяется как передача в коммуникативном сообществе любого типа данных от индивида к индивиду. Создание знаний трактуется как выработка индивидом или группой новой информации, воспринимаемой коммуникативным сообществом как новое знание. Анализируется процесс дискурсивизации, с помощью которого происходит трансфер и создание знаний. Установлено, что разделяемое знание дискурсивизируется посредством объясняющего и аргументирующего дискурса. Разграничивается объективное и субъективное знание; в качестве субъективного рассматривается ложное, фейковое и деструктивное знание. Это разграничение служит основой классификации коммуникативных сообществ. В статье также отмечается роль в формировании коммуникативного сообщества коллективной когниции и коллективной интерпретирующей деятельности.

Ключевые слова: коммуникативное сообщество, трансфер знаний, создание знаний, коллективная когниция, интерпретирующая деятельность, дискурсивизация.

S. N. Plotnikova

Knowledge Transfer and Knowledge Creation in the Communication Community

Abstract. The aim of this paper is to propose a cognitive model of the communication community. The author's starting point is the philosophical theory by K.-O. Apel in which the communication community, in contrast to the social and territorial communities, is conceived as «unlimited» being based on coordinated, or mutual, understanding. This definition is not sufficiently explanatory and so far no research has been done to make it applicable to linguistics. The theoretical claim proved in this paper is that the communication community should be understood, first and foremost, as the cognitive, or knowledge, community. It is found out that knowledge is a product of the communication community, as well as the cause for its formation. The investigation has established that two cognitive operations – knowledge transfer and knowledge creation – are carried out and interact in the process of the communication community formation. Knowledge transfer is defined as transfer of data of any kind and knowledge creation – as new information obtained by an individual or a group and considered by the communication community as new knowledge. Discursivization is analyzed as the process through which knowledge transfer and knowledge creation are realized verbally. It is found out that in the communication community knowledge is shared through explanatory and argumentative discourse. The distinction between objective and subjective knowledge, the latter including false, fake and destructive knowledge, is drawn and then applied to the differentiation of the types of communication communities. The paper also explores the ways in which the communication community correlates with, and is shaped by, collective cognition and collective interpretative activity.

Keywords: communication community, knowledge transfer, knowledge creation, collective cognition, interpretative activity, discursivization.

Проблема когнитивно-дискурсивного моделирования коммуникативных процессов является одной из центральных в современной лингвистике. Исследование этой проблемы все более углубляется, выдвигаются новые теоретические задачи, предлагаются новые понятия в этой области.

Целью данной статьи является разработка понятия коммуникативного сообщества. Несмотря на то что это понятие часто встречается в трудах по теории коммуникации, оно обычно используется как само собой разумеющееся, без определения. Представляется своевременным осуществить когнитивное моделирование процесса формирования коммуникативного сообщества и создать его когнитивную модель.

Основоположник понятия коммуникативного сообщества философ К.-О. Апель (K.-O. Apel) подчеркивает, что в отличие от социального и территориального сообществ коммуникативное сообщество является неограниченным (*unlimited communication community*), поскольку его главной характеристикой выступает координированное понимание, или взаимопонимание. Оно служит основой организации коммуникативного сообщества и предотвращает возможность обрыва коммуникации и изоляции ее участников [Apel, 1980].

Такая трактовка коммуникативного сообщества хотя и не является достаточно объяснительной, однако косвенно указывает на его когнитивную природу, поскольку понимание представляет собой когнитивный феномен.

Мы выдвигаем гипотезу о том, что, в первую очередь, коммуникативное сообщество – это когнитивное сообщество, или сообщество знания, в том смысле, что знание является продуктом коммуникативного сообщества, а также причиной его формирования.

Развивая идею К.-О. Апеля о значимости взаимопонимания между членами коммуникативного сообщества, мы полагаем, что взаимопонимание достигается благодаря процессу коллективной когниции, или разделяемой когниции. Она представляет собой такое осмысление мира, которое индивид разделяет с другими людьми, постепенно накапливая общие с ними знания о том или ином объекте, ситуации, положении вещей в мире [Плотникова, 2017]. Разделяемое знание, наряду с взаимопониманием, выступает ведущим когнитивным основанием формирования коммуникативного сообщества.

Поскольку понимание возникает как результат интерпретации, а взаимопонимание – как результат коллективной согласованной интерпретации, еще одним когнитивным основанием формирования коммуникативного сообщества следует считать интерпретирующую деятельность. В коммуникативном сообществе отдельные субъекты объединяются в своей интерпретирующей деятельности и с ее помощью вырабатывают коллективное знание, распределенное между всеми членами сообщества, собственно, и формирующее это сообщество.

Интерпретирующую деятельность коммуникативного сообщества мы рассматриваем как реализацию интерпретирующей функции языка. Выделяя данную функцию, Н. Н. Болдырев указывает, что она обеспечивает любые операции со знанием в коммуникативном взаимодействии. Интерпретация как языковая познавательная активность представляет собой «динамическое единство: с одной стороны, коллективный характер исходных, интерпретируемых, знаний и, с другой стороны, индивидуальный, субъективный способ их интерпретации» [Болдырев, 2011, с. 11].

В индивидуальной когниции человек сам формирует смысл высказывания и сам выбирает форму его выражения, а не пользуется готовыми моделями. Но при этом человек опирается и на коллективные знания, которые отражают систему мнений и оценок в их коллективном преломлении. Коллективные знания о мире выполняют функцию коллективных когнитивных схем восприятия и осмысления мира и могут рассматриваться в качестве гипотезы устройства мира и основы дальнейшей интерпретации знаний о нем [Болдырев, 2016, с. 34–35].

Используя понятийно-терминологический аппарат современной когнитивной лингвистики, мы моделируем коллективную когницию и коллективную интерпретирующую деятельность коммуникативного сообщества как синтез двух операций со знанием: во-первых, как трансфер уже выработанных в сообществе знаний от одних участников к другим и, во-вторых, как создание новых знаний отдельными участниками.

Под трансфером знаний понимается «передача от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем» [Демьянков, 2016, с. 87]. В коммуникативном сооб-

ществе знания переносятся из индивидуальной когниции одного человека в индивидуальную когницию другого человека, благодаря чему когниция становится коллективной.

Коллективная когниция представляет собой социальную когницию, поскольку когнитивная обработка разделяемых смыслов осуществляется в той или иной социальной сфере. В частности, в таких институциональных коммуникативных сообществах, как организации, при помощи трансфера знаний происходит передача опыта новым сотрудникам [Argote, Ingram, Levine, Moreland, 2000].

Трансфер знаний может быть предназначен не только конкретному, но и массовому адресату, представляющему собой фигуру обобщенного Другого. Другой выступает как позиция усвоения переданного знания в пространстве интерсубъективного понимания. Основная структурная особенность коммуникативного сообщества – его неограниченность – обусловливает возможность трансфера знаний поверх институциональных и социальных границ чисто по коммуникативному принципу обмена информацией. Благодаря тому что коммуникативное сообщество может быть не локализованным, а пространственно распределенным, идет обмен знаниями между коммуникантами по всему миру. Тем самым знание становится не только социальным, но и коммуникативным феноменом.

Несомненна связь между трансфером знаний и дискурсивизацией, т. е. порождением дискурса «здесь и сейчас» [Плотникова, Серебренникова, 2013]. В процессе дискурсивизации собственно и осуществляется передача знаний. Необходимым дискурсом при этом становится дискурс объяснения. С его помощью происходит перенос знаний от известного, понимаемого данным человеком, к неизвестному, новому для него. Дискурс объяснения способствует упорядочиванию знаний в коммуникативном сообществе. Такой дискурс имеет интерпретирующий характер, поскольку в нем раскрываются причинно-следственные и функциональные зависимости в организации знаний. Результатом дискурсивной интерпретирующей деятельности объяснения является финализация акта взаимопонимания и структурирования полученного знания.

Кроме трансфера знаний в коммуникативном сообществе идет непрерывный процесс создания новых знаний. Новое знание можно определить как новую упорядоченную информацию, полученную в результате интерпретирующей деятельности одного или нескольких членов данного сообщества и признаваемую именно как знание всеми остальными его членами.

В социологии механизмы коллективного создания знания исследует, в частности, Н. В. Басов; ключевым из этих механизмов он считает «ритуал создания знания», который «обеспечивает резонанс знания, коммуникации и эмоциональной энергии в ходе социальной интерак-

ции, что компенсирует границы операциональной замкнутости индивидуальных психик и при этом стимулирует возникновение и закрепление вариаций, формирующих поле знания той или иной социальной общности» [Басов, 2014, с. 107]. С точки зрения когнитивной лингвистики основным «ритуалом» создания знания, как мы полагаем, выступает интерпретирующая деятельность коммуникативного сообщества.

Сущностью интерпретирующей деятельности коммуникативного сообщества по созданию нового знания служит проблематизация. Она связана с обнаружением «незнания», лакуны в знании, требующей заполнения и воспринимаемой как проблема, которую необходимо решить. Поставленная проблема ориентирует и направляет интерпретирующую деятельность коммуникативного сообщества и определяет «предзаданность» нового знания в рамках исходного, накопленного в сообществе знания. При этом проблематизация как способ создания нового знания свойственна не только теоретическому, но и предметно-практическому познанию.

Дискурсивизация в процессе создания знаний направлена, в первую очередь, на аргументацию, обоснование выдвинутых положений, чтобы они были поняты и приняты членами коммуникативного сообщества. Результатом аргументирующего дискурса является убеждение членов сообщества в случае принятия или отсутствие убеждения, несогласие – в случае непринятия ими предоставленной информации как нового знания. В этой трактовке знание предстает как коммуникативный феномен, продукт коммуникативного сообщества. Подобное знание является распределенным: оно создается на индивидуальном уровне и распределяется между членами данного сообщества.

В целом общая когнитивная траектория дискурсивизации [Плотникова, Серебренникова, 2013] охватывает собой и объединяет когнитивные операции трансфера и создания знаний в коммуникативном сообществе.

Рассмотрение знания через призму коммуникативного сообщества и его трактовка как продукта коммуникации поднимает вопрос о том, всегда ли такое знание соответствует точному значению этого термина, т. е. всегда ли оно является объективным. Глагол «знать» имплицирует истинность зависимой пропозиции; объективное знание ориентировано на единственность истины [Арутюнова, 2007, с. 156]. Вместе с тем знание тесно связано с пониманием. Специфическое свойство концепта понимания, его отличие от концепта знания – возможность отдаления понимания от истины [Арутюнова, 2007, с. 158]. В таком случае «понимание – это субъективное знание с незаполненными валентностями» [Там же, с. 157].

Исходя из этих положений, можно разграничить сообщества объективного и субъективного знания. К первым принадлежат, в частно-

сти, научные сообщества, чье предназначение – создавать объективные, обоснованные, системные знания о мире. Сообщества субъективного знания весьма многочисленны и разнообразны; к ним относятся в том числе сообщества ложного и фейкового знания, признающие в качестве истины только свою точку зрения на мир и отказывающиеся от какой-либо верификации фактов действительности. Существуют также сообщества деструктивного знания, коммуникативным продуктом которых является пропаганда экстремизма, межэтнической и межконфессиональной вражды.

Активное формирование в современном мире деструктивных коммуникативных сообществ, их распространение и расширение, вовлечение в них все новых участников, «понимающих» и «разделяющих» вырабатываемое в них деструктивное знание, выдвигает задачу противодействия подобным сообществам. В частности, в университете Южной Калифорнии, США (см. сайт этого университета) в настоящее время осуществляется исследовательский проект Metamorphosis Project. Как предполагает его название (*metamorphosis – change of form, character or condition by natural development or by magic*), речь идет об изменениях, в данном случае – изменениях в коммуникативной среде (*communication environment*) и коммуникативной инфраструктуре (*communication infrastructure*). Внимание разработчиков направлено не на естественную, а на технологическую метаморфозу, достигаемую с помощью технологий. Наподобие того, как создается экономическая инфраструктура района, города, страны, должна создаваться коммуникативная инфраструктура, учитывающая способы коммуникации в контексте друг друга. Эта инфраструктура невидима до тех пор, пока не наступает кризисная ситуация или неожиданное событие. Например, когда возникает межнациональный, межэтнический или межгрупповой конфликт, причину следует искать в нарушении не только экономических, но и коммуникативных процессов. Такие конфликты часто имеют коммуникативную природу, и для их разрешения требуются изменения в структуре коммуникативной среды.

Понятие коммуникативного сообщества, несомненно, играет значимую роль в осмыслении процессов, происходящих в коммуникативной среде. Поскольку коммуникативное сообщество представляет собой источник знаний и их динамики, и при этом в каждом сообществе вырабатывается «свое» знание, в том числе и знание, которое носит деструктивный характер по отношению к другим сообществам и к социальному миру в целом, требуются технологии противодействия деструктивному знанию.

Трансфер и создание знаний в коммуникативном сообществе не следует трактовать узко, только как формальные операции передачи и распределения знаний. В ходе осуществления этих операций коммуни-

кативное сообщество выступает как коллективный субъект в том смысле, что оно функционирует как единая интерпретирующая система, подчиняющая себе отдельных индивидов. Коллективная когниция не просто «вырастает» из индивидуальной когниции; она довлеет над ней настолько, что некоторые исследователи считают, что коллективная когниция осуществляется вне отдельных индивидов (*collective cognition takes place outside the individuals*) [Daft, Weik, 1984], т. е. на уровне коллективного сознания/разума, социального интеллекта.

В качестве примера действия коллективного разума рассматривается такой появившийся в последние годы компонент знания о путешествии на самолете, как «бдительность во взаимодействии со всеми находящимися на борту» [Weik, Roberts, 1993]. Этот пример свидетельствует о том, что люди не используют имеющиеся знания чисто схематично, наподобие автоматов. Коллективный разум постоянно обрабатывает поступающую информацию и корректирует сложившуюся в коммуникативном сообществе систему знаний.

Итак, предложенная модель коммуникативного сообщества выявляет его когнитивную природу, а именно то, что любое коммуникативное сообщество на глубинном когнитивном уровне представляет собой когнитивное сообщество, или сообщество знания, разделяемого его участниками и распределенного между ними. В каждом типе коммуникативного сообщества вырабатывается «свое» знание; оно является продуктом данного сообщества, а также движущей силой его формирования, сохранения и развития. Динамика знаний в коммуникативном сообществе обеспечивается двумя основными когнитивными операциями: трансфером и созданием знаний. При осуществлении этих операций в коммуникативном сообществе происходит постоянная дискурсивизация знаний.

Литература

Арутюнова Н. Д. Невыразимое – подвластно ль пониманию? // Вопр. культуры речи / под ред. А. Д. Шмелева. М. : Наука, 2007. Вып. 9. С. 152–170.

Басов Н. В. Создание знания в сетевых коммуникативных структурах // Социол. журн. 2014. № 1. С. 106–121.

Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестн. Тамбов. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. Филология. 2011. Вып. 1 (93). С. 9–16.

Болдырев Н. Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнит. исслед. языка. 2016. Вып. 26. С. 33–37.

Демьянков В. З. Цивилизационные и культурные ограничения на трансфер знаний в свете концепции В.Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 86–90.

Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестн. ИГЛУ. 2013. № 1(22). С. 186–188.

Плотникова С. Н. Коллективная когниция и её роль в конструировании социального мира // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. 30. С. 696–699.

Apel K.-O. Towards a Transformation of Philosophy. London : Marquette University Press, 1980.

Knowledge transfer in organizations: Learning from the experience of others / L. Argote, P. Ingram, J. M. Levine, R. L. Moreland // Organizational Behavior and Human Decision Processes. 2000. N 82. P. 1–8.

Daft R., Weik R. E. Toward a model of organizations as interpretation systems // Academy of Management Review. 1984. Vol. 9, N 2. P. 284–295.

Weik K. E., Roberts K. H. Collective mind in organizations: heedful interrelating on flight decks // Administration Science Quartely. 1993. Vol. 38. P. 357–381.

УДК 81:004.738.5

А. А. Селютин

Влияние неформальных интернет-коммуникаций на современный образовательный процесс[1]

Аннотация. Автор обращается к разным терминам, характеризующим современный образовательный процесс и языковое поле, в котором он находится, уточняет и дополняет дефиницию термина «корпоративные коммуникации». В качестве материала исследования автором были выбраны тексты участников студенческих сообществ в социальной сети «ВКонтакте», отражающие нарастающую активность и изменение статуса интернет-коммуникации в решении образовательных задач. В исследовании отмечается, что традиционное представление о структуре образовательного процесса не отражает тех коренных изменений, которые происходят в настоящее время в системе образования и профессиональных отношениях между преподавателями и студентами вуза и которые, несомненно, оказывают существенное влияние на формирование и развитие коммуникативного пространства современного учебного заведения. Также исследователем отмечается значительное повышение роли интернет-коммуникации в процессах создания, передачи и накопления знания, что в итоге приводит к пересмотру роли преподавателя (от источника уникальных знаний до тренера по развитию способностей обработки информации, самостоятельному поиску знаний и т. п.) и структуры образовательного коммуникативного пространства. Появление новых форм и способов работы с учебной информацией, обусловленных переходом студенческих формальных и неформальных сообществ в виртуальную реальность, также признается закономерно прогнозируемым и прогрессирующим явлением.

Ключевые слова: языковое сознание, интернет-коммуникации, языковое поле, образовательное коммуникативное пространство.

A. A. Selyutin

Influence of Informal Internet-Communications Upon the Contemporary Educational Process

Abstract. The author of the article refers to various terms characterizing the contemporary educational process and the language field it belongs to; specifies and adds the definition of the term “corporative communications”. The material of the research include the texts of participants of student communities in social nets “VKontakte”, reflecting the growing activity and change in Internet-communication status in solving educational task. The research notes that the traditional understanding about the educational process structure does not reflect those root changes which happen at present in the system of education and professional relations between university teachers and students and which certainly make an important influence on formation and development of communicative space of a contemporary educational establishment. Also the researcher notes a significant increase in Internet-communication role in the process of creation, transmission and accumulation of knowledge which finally leads to reconsideration of teacher’s role (from the source of unique knowledge to the trainer on development of information processing abilities etc.) and structure of educational communicative space. Appearance of new forms and ways of dealing with study information

[1] *Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032).*

defined by the transition of student formal and informal communities into virtual reality is also acknowledged as forecast and progressing phenomenon.
Keywords: language conscience, internet-communications, language field, educational communicative space.

Эволюцию языкового сознания можно сравнить с процессом роста человека: до 16–20 лет – период активного роста, затем совершенно незначительные изменения в плюс, а ближе к старости – в минус (визуальный обман из-за сутулой спины и склоненной головы). Точно так же и языковое сознание проходит определенные стадии развития: формирование, накопление активного и пассивного запаса, выработка определенных стереотипов восприятия окружающего мира, становление профессионального мировидения, различные вариации поведения в рамках накопленных и сформированных стереотипов и т. д. Причем профессиональная сфера может расширяться количественно и изменяться качественно, но по вполне прогнозируемой парадигме, обусловленной новыми научными знаниями, открытиями, достижениями и т. п. То есть явления окружающей действительности просеиваются через сито знаний, умений и навыков, приобретенных в процессе обучения (в том числе профессии), что в совокупности представляет собой своего рода метаязыковое сознание, сформировавшееся под воздействием метаязыка образовательной системы.

Таким образом, получается, что «для того чтобы что-нибудь сделать в науке, приходится днем и ночью думать об одном и том же, читать об одном и том же, говорить об одном и том же…» [А. и Б. Стругацкие, 1964, с. 32], – это и создает определенные аспекты восприятия и понимания в процессе коммуникации, поскольку «опыт, воспринимаемый через один набор лингвистически структурированных сенсорных фильтров, в значительной степени отличается от опыта, воспринимаемого через другой набор, своего рода профессиональный идиотизм, когда весь мир, в том числе и окружающие люди, воспринимаются только через призму работы: врач в каждом видит пациента с набором болезней, психотерапевт наблюдает психическое отклонение, певец отслеживает постановку голоса и под.» [Харченко, 2003, с. 31]. Такое восприятие окружающей действительности свойственно людям, значительно погрузившимся в профессию, имеющим не только теоретические (знания), но и практические (умения, навыки) стереотипы языкового сознания. Если сравнить, например, языковые стереотипы восприятия действительности профессионалов с гуманитарным образованием и техническим, то мы заметим, что гуманитарии, как правило, отличаются переизбытком образов сознания и недостаточной сформированностью понятийного аппарата, тогда как «технари» хорошо владеют метаязыком и достаточно четко ориентированы в окружающем мире.

С точки зрения коммуникативной теории Д. Белла, массовая культура – это культура знаковая, обеспечивающая коммуникацию людям вне зависимости от страны проживания, языка, культурного багажа и т. п. [Бен, 1993]. Эта коммуникация действительно необходима, так как мир сейчас – это сумма узких специализаций множества людей. Мы должны признать, что корпоративная культура вуза в процессе участия студентов в системе массовых коммуникаций естественным образом видоизменяется, и это находит отражение в языковом аспекте их корпоративной картины мира.

Надо отметить, что современная система образования претерпела значительные изменения по сравнению с тем, какой она была 10–15 лет назад. В частности, в связи с развитием интернет-технологий открылись новые возможности для поиска и обмена информацией, что значительно изменило роль преподавателя в образовательном процессе. Меняются также и формы общения внутри студенческих коллективов, на первый план выходит виртуальное общение и коммуникативная практика внутри различных сетевых сообществ. Одна из обычных и наиболее психологически привлекательных черт социальных сетей – система друзей и групп, которые могут являться отражением реальных коммуникаций участников, а могут быть только онлайн-вариантом общения.

Предметом нашего анализа являются вузовские сетевые группы, существующие в неформальном регистре общения студентов, которые создаются по разным причинам (о чем мы скажем ниже), но являются безусловным продолжением групп формальных, предложенных руководством вуза (в нашем случае – Челябинского государственного университета). Мы имеем в виду группы, названные по типу: «Челябинский государственный университет г. Миасс» (https://vk.com/club691164), «ЧелГУ – Челябинский государственный университет» (https://vk.com/csu74), «Историко-филологический факультет ЧелГУ» (https://vk.com/histfil_chelgu), «Кафедра лингвистики и перевода» (https://vk.com/club250890), «Журфак ЧелГУ» (https://vk.com/public768543), «Профком студентов ЧелГУ» (https://vk.com/profcom_csu), «ВелоЧелГУ: совместные покатушки и не только» (http://vkontakte.ru/club2750003), «Философский клуб ЧГИК» (https://vk.com/filclub), «Общество свихнувшихся филологов» (https://vk.com/madfilologists), «Факультет лингвистики и перевода ЧелГУ» (https://vk.com/flip_chelgu) и т. п.

Корпоративные коммуникации, как известно, можно структурировать следующим образом: внешние коммуникации (направленные на создание образа организации за ее пределами) и внутренние (направленные на поддержание внутрикорпоративных связей); коммуникации, отражающие официальный и неофициальный аспекты корпоративной культуры (нормы, правила, легенды корпорации). Естественно, что текстовые репрезентанты корпоративной коммуникации различаются

прагматикой, так как выполняют разные функции – информационную, идеологическую, организационную, имиджевую. «Формальная коммуникация – это основные каналы организационного общения, по которым поступает вся информация, имеющая отношение к деятельности организации: отчеты, меморандумы и документы внутри организации, приказы, распоряжения, идущие вниз по иерархической лестнице и т. п. Неформальная коммуникация – это личностная коммуникация» [Персикова, 2007, с. 46].

Мы также можем учитывать направленность коммуникации: вертикальная коммуникация направлена «сверху вниз» (приказы, распоряжения, оценка работы и т. п.) и «снизу вверх» (сообщения подчиненных о ходе работы, проблемах, идеях и т. п.); горизонтальная коммуникация – обмен деловой информацией между сотрудниками, занимающими равное положение в организации как внутри одного отдела, так и между отделами [Корпоративная культура делового … , 2005].

В традиционной модели корпоративной культуры вуза наиболее значимую роль играют вертикальные коммуникации, так как вузовская система естественным образом иерархизирована. Главная особенность университетской сетевой группы – это коммуникация по горизонтальной модели, т. е. «студент – студент». Это объясняется прежде всего тем, что социальная сеть предоставляет огромные возможности именно для неформального общения и сама атмосфера отказа от необходимости следовать строгим нормам корпоративной культуры располагает к атмосфере праздника каждый день и отказа от привычных иерархий.

Кроме того, несмотря на то что студенты участвуют в университетских сетевых объединениях в основном под своими именами, есть возможность для личностной игры: анонимное участие или общение под сетевым псевдонимом/ником, что создает новые возможности для свободы общения (например, «Русский филолог», «Студент-историк» и т. п.).

В некоторых случаях руководители (создатели) групп делают их закрытыми – недоступными для широкого круга пользователей, хотя никакой особо секретной информации страницы не содержат. Для вступления в такую группу нужна заявка, которую утверждает администрация группы, т. е. для участия в такого рода сообществе требуется одобрение коллектива, что явно отсылает нас к архетипическим особенностям сознания человека – человек и его ценности должны быть одобрены авторитетным сообществом. Участие в группе – это определенный элемент игры в сети, когда участники коммуникации имеют возможность выбора собеседников по принципу свой/чужой, а не по принципу случайного выбора, предложенного администрацией вуза при определении наполнения реальных университетских групп.

Мы должны отметить, что система коммуникации вокруг сетевых университетских групп в социальной сети не всегда ограничивается схемой «студент – студент». Многие преподаватели участвуют в повсе-

дневной жизни студентов, в том числе создавая систему сообщений в социальной сети специально для облегчения передачи информации, касающейся особенностей учебного процесса. Например, раздел «Заметки» странички социальной сети преподавателя в некоторых случаях содержит выписки из ГОСТа для правильного оформления списка использованной литературы к диплому или реферату (см., например, страницы преподавателей СПбГУ, ЧелГУ и т. д.: https://vk.com/note357006_9518507), список заданий по определенным курсам – темы и контрольные вопросы (http://vkontakte.ru/note357006_8579422), критерии оценки на экзамене или зачете, ссылки на полезные ресурсы (http://vkontakte.ru/note5712925_6910135), некоторое количество общих рекомендаций, касающихся учебного процесса (например, для тех, кто хочет продолжить обучение и поступить в аспирантуру http://vkontakte.ru/note357006_9512450).

Естественно, что тип взаимодействия участников общения в данном случае – традиционный вертикальный (снизу вверх). И хотя студентам дается возможность уточнить некоторые вопросы учебного процесса с преподавателем, этот тип коммуникации мало влияет на создание дополнительных возможностей формирования корпоративного мышления. Именно поэтому можно говорить, что это наиболее формализованный тип общения в социальной сети, не предполагающий отклика, а продолжающий стандартное общение по вертикали (от преподавателя к студенту): «Итоговый государственный экзамен для всех выпускников пройдет 10 и 11 марта 2016 г. График сдачи будет определен позднее и также вывешен в Интернете» (http://vkontakte.ru/note84446851_10630691); «Завершается обсуждение рассказа А. Матвеевой «Твою мать». Желающие оставить комментарии – поторопитесь. Тема будет закрыта 20 февраля в 23:59. Обсуждение фильма и повести Охлобыстина продолжается» (http://vkontakte.ru/note84446851_10631397). В этом смысле мы можем сравнить такого рода сообщения с административными текстами, играющими также важную роль в корпоративной культуре вуза.

Наряду с условно официальными сообщениями и формализованными каналами передачи информации в сетевых сообществах значительное место отводится и неформальному обсуждению выполнения заданий по учебным предметам и событиям, связанным с процессом обучения в вузе. В данном случае источником информации выступает не преподаватель, а другие студенты, обменивающиеся накопленным знанием, опытом решения задач. Причем в отдельных случаях переход в процессе коммуникации с метаязыка науки или предметной области на разговорную, жаргонную лексику способствует лучшему пониманию и усвоению материала. Обмен знаниями происходит в пределах одной со-

циальной группы, а подключение к интернет-сети гарантирует возможность обсуждения сложных вопросов в любое время, в любом месте.

Изучение пользовательского контента неформальных студенческих сообществ социальной сети «ВКонтакте» (паблики, беседы-конференции и т. п.) показало, что решение задач для успешного освоения учебного предмета действительно имеет место. Ниже приведены некоторые варианты решения проблем, возникших в образовательном процессе[1].

1. Взаимоконтроль при выполнении задания[2]:

Пользователь 1. А это надо переписывать?

Пользователь 2. думаю да

там знаки препинания и буквы

пропущенные

Пользователь 1. ок

У меня стоит запятая перед «и все близкие погибли»

Пользователь 2. Да,спасибо)

Все правильно

2. Объяснение непонятного материала:

Пользователь 1. а кто-нибудь может объяснить разницу ссылки в скобке и ссылки внизу, под чертой которая?

Пользователь 2. ссылка в скобке – это ссылка на цитату, на автора и название книге в свернутом варианте, оно дублируется в развернутом в списке литературы

а ссылка под чертой внизу – это обычно объяснения или пояснения каких-то терминов или явлений и прочего

Пользователь 1. спасибо)

3. Определение терминов:

Пользователь 1. а кто-нибудь может объяснить разницу ссылки в скобке и ссылки внизу, под чертой которая

Пользователь 2. ссылка в скобке – это ссылка на цитату, на автора и название книге в свернутом варианте, оно дублируется в развернутом в списке литературы

а ссылка под чертой внизу – это обычно объяснения или пояснения каких-то терминов или явлений и прочего

Пользователь 1. спасибо)

---

[1] Подробно об этом см.: Селютин А. А. Формирование коммуникативных компетенций языковой личности пользователя «ВКонтакте» // Русистика и современность : сб. науч. ст. XIX Междунар. науч. конф. (г. Астана, Казахстан, 22–24 сент. 2016 г.). В 2 т. Т. 1. Астана, 2016. С. 276–280.

[2] Орфография, пунктуация авторов сохранены.

4. Коллективное выполнение задания:

Пользователь 1. девочки,смотрите

Там короче есть предложение:В подвале упал снаряд,а там женщина ДОЛЖНО сидела с ребенком.

у меня опечатка,у вас как? должно быть или долго

или тоже опечатка?

Пользователь 2. Ну по идее в разговорном чтоли стиле может быть написано так

Пользователь 1. ничоси

оставляем,ничего не делаем?

Пользователь 2. Хз ваще не прикасалась, мб запятыми надо обособить

Пользователь 1. давайте просто все тогда так напишем и все.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в виртуальном коммуникативном пространстве студенческих групп социальной сети «ВКонтакте» могут решаться образовательные задачи, как индивидуально (в процессе изучения топиков и диалогов), так и в процессе массового взаимодействия с другими участниками. Такое взаимодействие важно не только для становления будущей профессиональной личности, но и развития коммуникативных способностей, расширения спектра формируемых компетенций, особенно в современном сетевом формате; самоидентификации и самореализации как в образовательной, так и предстоящей профессиональной деятельности.

Литература

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Academia, 1993. 280 с.

Щербина С. В. Организационная культура как фактор перехода к рыночной экономике : дис. … канд. социол. наук. М., 1999. 187 с.

Корпоративная культура делового общения / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2005. 608 с.

Персикова Т. Н. Феномен корпоративной культуры в современной России (сопоставительный анализ корпоративных культур в российских и иностранных организациях): дисс. канд. культурологии. М., 2007. 220 с.

Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2003. 336 с.

Стругацкие А. и Б. Далекая радуга. М. : Мол. гвардия, 1964. 336 с.

Селютин А. А. Формирование коммуникативных компетенций языковой личности пользователя «ВКонтакте» // Русистика и современность : сб. науч. ст. XIX Междунар. науч. конф. (г. Астана, Казахстан, 22–24 сент. 2016 г.). В 2 т. Т. 1. Астана, 2016. С. 276–280.

УДК 811

О. И. Шарафутдинова

Специфика представления модели действительности в федеральном и региональном медиатексте[1]

Аннотация. Рассматривается проблема представления модели реальности в медийном тексте, создаваемом на основе выступления политического лидера. Политика реализуется через язык, а в современном медиатизированном обществе формой реализации языка становится медиатекст. Способом трансляции идеологии политического лидера являются ключевые слова, анализ которых позволит описать особенности представления фрагмента реальности, моделируемой в тексте. Материалом для анализа стали выступления политических лидеров федерального (В. Путин) и регионального (С. Собянин, Б. Дубровский) уровней. С помощью онлайн-сервиса Sketch Engine созданы микрокорпусы текстов, позволяющие выявить частотность употребления лексем, их сочетаемость и смысловые поля.

Ключевые слова: политический лидер, Sketch Engine, ключевые слова, медийный текст.

O. I. Sharafutdinova

The Representation of the Realitie's Model in Mass Media: Federal and Regional Texts

Abstract. Abstract. One of the key features of the socio-political development of Russia in the 20th and 21st centuries is the leading role of ideologies. As such, the language of power and power discourse become important instruments for political management. Modern society becomes mediated society, so the control over mass media means a part of the power in Modern Russia.

The object of study is the problem of representing the reality model in a media text created on the speech of a political leader. Politics is realized through the language, and in modern mediatizated society, the form of language realisation becomes media text. The method of translating the ideology of a political leader is the keywords, the analysis of which will allow us to describe the features of the representation of the reality in the text. The material for the analysis are the speeches of the political leaders of the federal (V. Putin) and regional (S. Sobyanin, B. Dubrovsky) levels. Official speeches are formed a text corpus created through the online service Sketch Engine. We investigate the frequency of use of lexemes, their compatibility and semantic fields in the corpus.

Keywords: political leader, Sketch Engine, keywords, media text.

Невозможность функционирования любого политического режима без коммуникации, невозможность реализации политических интенций без их языкового воплощения определяет неразрывную связь между языком и политикой. Специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями. Не случайно ряд ученых считает, что политическая деятельность вообще сводится к деятельности языковой [Ealy, 1981].

Политика, цель и сущность которой составляет борьба за власть, реализуется прежде всего через язык, политический дискурс является неотъемлемой частью поля политики. В связи с этим важной проблемой становится языковое проявление власти. В коммуникативном

[1] *Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02032).*

плане власть выражается в способности заставить других принять выгодную для говорящего интерпретацию действительности, т. е. в принуждении к точке зрения. «Язык обретает власть только тогда, когда им пользуются люди, обладающие властью; сам по себе язык не имеет власти» [Водак, 1997, с. 19].

В дискурсе высокий статус коммуниканта позволяет контролировать речевое поведение коммуниканта, не обладающего властным статусом. Различают три типа ограничений: 1) ограничения на содержание коммуникации; 2) ограничения на типы социальных отношений, в которые могут вступать участники коммуникации; 3) ограничения на позиции субъекта коммуникации [Fairclough, 1989].

В свою очередь, Р. Блакар характеризует язык с точки зрения возможности осуществлять социальную власть и выделяет шесть «инструментов власти»: 1) выбор слов и выражений; 2) создание (новых) слов и выражений; 3) выбор грамматической формы; 4) выбор последовательности; 5) использование суперсегментных признаков; 6) выбор имплицитных или подразумеваемых предпосылок.

Власть имеет коммуникативную природу и может быть охарактеризована в категориях коммуникативного лидерства. Так, В. В. Богданов отмечает три аспекта, определяющих коммуникативный статус говорящего: энциклопедический, лингвистический и интерактивный [Богданов, 1990, с. 30]. Более высокий социально-административный статус коммуниканта имеет тенденцию вызывать повышение и его коммуникативного статуса, но из этого вовсе не следует, что лицо, занимающее более высокое административное положение в обществе, непременно обладает и более высокой энциклопедической, лингвистической и интерактивной компетенцией. В идеале социально-административное и коммуникативное лидерства должны совпадать, т. е. хороший политик, безусловно, должен быть коммуникативным лидером.

Современные условия коммуникации связаны с медиатизацией социума и формированием так называемой медиатизированной личности, медиаличности, что влияет и на принципы создания властного дискурса политическими лидерами. Как отмечает А. И. Соловьев, «распределение ресурсов власти и государственных полномочий все больше подчиняется законам движения массовой информации, а характер правления все сильнее зависит от позиций медиасобственников… Доминирование медиалогики, подчиняющей себе поведение большинства политических игроков, делает по сути неразличимыми политические и культурные формы регулирования общественных связей» [Соловьев, 2004].

В рамках данного исследования решается вопрос о том, как политический лидер конструирует язык власти в современных условиях медиатизированного общества. Объектом анализа являются частотные лексемы, в качестве материала исследования для выявления ключевых

слов – выступления политических лидеров федерального и регионального уровней: 1) Послание Федеральному Собранию РФ от 1 декабря 2016 г. [Официальные сетевые ресурсы …]; 2) выступление мэра Москвы Сергея Семеновича Собянина [Официальный сайт мэра Москвы]; 3) выступление губернатора Челябинской области Бориса Александровича Дубровского [Официальный сайт Правительства]. Оба политических деятеля являются главами субъектов Российской Федерации – Москвы и Челябинской области соответственно. Поэтому можно сопоставить проявление политического дискурса в их выступлениях с вариантом, который транслирует Президент России. При этом С. Собянин, занимая пост мэра Москвы, оказывается гораздо ближе к федеральной власти, чем Б. Дубровский. Таким образом, можно одновременно сравнить не только региональный и федеральный уровни, но и столицу и провинцию. По образцу Послания Федеральному Собранию РФ региональные лидеры ежегодно выступают перед законодательными органами своего субъекта Федерации. Так, мэр Москвы делает отчет о результатах деятельности Правительства Москвы перед депутатами Московской городской думы, а губернатор Челябинской области перед депутатами Законодательного собрания области. Уже в самой форме видно, как в регионах копируют модель, задаваемую центром. То есть региональный лидер выступает своеобразной проекцией президента для местных политических элит.

Все три выступления относятся к 2016 г. Речи были обработаны через онлайн-сервис Sketch Engine [Sketch Engine]) и рассматривались как с количественных, так и с качественных позиций. Сравним статистические данные корпусов текстов (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика корпусов текстов

Параметры анализа	Текст В. Путина	Текст С. Собянина	Доля лексем по отношению к употребленным В. Путиным, %	Текст Б. Дубровского	Доля лексем по отношению к употребленным В. Путиным, %
Tokens	8875	4065	45,80	4897	55,18
Words	7251	3384	46,67	4002	55,19
Sentences	434	219	50,46	300	69,12
Lexicon sizes: word	3285	1893	57,63	2254	68,61
Lexicon sizes: tag	280	236	84,29	240	85,71
Lexicon sizes: lempos	2021	1257	62,20	1528	75,61
Lexicon sizes: gender_lemma	1429	934	65,36	1040	72,78

Из приведенных данных видно, что выступления В. Путина почти в два раза продолжительнее, чем речи С. Собянина и Б. Дубровского. При этом губернатор Челябинской области по всем параметрам опережает мэра Москвы. Хотя этот разрыв не очень существенный, но все равно видна определенная тенденция.

Выявим наиболее частотные слова по данным корпуса. Статистический анализ частотности показывает превалирующий характер служебных слов (союзов и предлогов), что определяется их служебной функцией в речи (табл. 2).

Таблица 2

Частотность служебных слов

Служебное слово	Текст В. Путина	Текст С. Собянина	Текст Б. Дубровского
и	255	100	151
в	235	110	201
на	117	56	55
не	76	34	35
с	75	34	39
что	83	16	22

Среди самостоятельных частей речи наиболее частотными являются местоимения. Поскольку местоимения в силу своего категориального значения не называют субъект, объект, качество и пр., а только указывают на него, для анализа смысловых полей дискурса целесообразным представляется рассмотреть частотность употребления слов, выполняющих номинативную функцию в полной мере. В выступлении В. Путина к таковым в представленном корпусе относятся следующие: «год» – 80 употреблений, «мы» – 72, «России» – 42, «развитие» – 36, «страна» – 31. В обращении С. Собянина: «Москва» – 44 употребления, «мы» – 24, «год» – 52, «процент» – 14, «метро» – 11. Б. Дубровский наиболее частотно использовал следующие слова: «область» – 38 употреблений, «год» – 50, «мы» – 25, «человек» – 25, «область» – 38.

Для более подробного анализа было выбрано слово «Россия». С одной стороны, оно является наиболее часто используемым в выступлениях Владимира Путина за 2016–2017 гг. и одним из самых частотных в его Послании Федеральному Собранию РФ за 2016 г.; с другой стороны, слово «Россия» обладает большим символическим значением. Важно выяснить, какой образ России Президент РФ транслирует в своих выступлениях. В характеристике образа России различается несколько групп сочетаемости в зависимости от типа смысловых и грамматических отношений. Субъект действия (с глаголами): выйти, продвигать. Характеристика (с прилагательными) не представлена: единый. Характеристика объекта (форма родительного падежа в определительном значении): политика, развитие, честь, солдат, флот.

Слово «политика» применительно к России президентом используется только в контексте международных отношений: «приоритетом внешней политики России было и остаётся»; «Важнейшим направлением внешней политики России является». Исходя из этого можно сказать, что конкретно в Послании Федеральному Собранию РФ президент не выстраивает объектно-субъектные отношения между собой и Россией. Россия выступает как очень широкая рамка, которая не может быть выражена конкретным смыслом.

В речах региональных лидеров лексема «Россия» употребляется, но гораздо реже, чем у Президента РФ. Так, С. Собянин использует данное слово 4 раза, а Б. Дубровский – 11. И тот, и другой упоминают Россию в связи с президентом: «Особо хочу поблагодарить Президента России за постоянное внимание и поддержку этого проекта» (Собянин); «Я целиком разделяю позицию Президента России Владимира Владимировича Путина»; «Но именно эти сложности, как не раз подчеркивал наш Президент Владимир Владимирович Путин, должны помочь России»; «В своем Послании Федеральному Собранию Президент России Владимир Владимирович Путин сказал…» (Дубровский).

В этих высказываниях видно, что президент ассоциируется с Россией и является фигурой, к которой следует апеллировать, а для Б. Дубровского Послание Федеральному Собранию РФ выступает как прецедентный текст, на который он опирается в своем докладе. При этом для губернатора Челябинской области и лексема «Россия», и связь России с президентом оказывается почти в три раза более частотной, чем для мэра Москвы. Это можно объяснить тем, что глава столицы воспринимает Москву как особый субъект Российской Федерации, который не имеет сильных связей с остальной Россией и существует параллельно, в то время как в Челябинской области федеральная власть является основным каналом легитимности.

Применительно к своим регионам лидеры активно используют лексему «правительство». Если Путин его употребляет всего 9 раз, то С. Собянин – 13, а Б. Дубровский – 8. При этом выступления мэра Москвы и губернатора Челябинской области почти в два раза короче, чем главы государства. Необходимо отметить отношения субъектов «правительство» – «политический лидер»: В. Путин честно отделяет себя от правительства («Поручаю правительству совместно с законодателями», «Я прошу правительство организовать системную работу», «Обращаю внимание Правительства: в работе контрольно-надзорных органов нужно ускорить внедрение подхода»), т. е. президент находится над правительством и руководит им, являясь самостоятельной фигурой. В то время как на региональном уровне лидер оказывается встроен в более сложные политические отношения: хотя он является центральной фигурой, не может так явно противопоставлять себя правительству

и просто говорит от его лица, тем самым присваивая язык власти. Таким образом реализуется модель, в соответствии с которой тот, кто имеет возможность высказываться, обладает властью: «Поэтому в ближайшие годы правительство Москвы планирует реализовать…» (Собянин); «К заимствованиям правительство Москвы не прибегало начиная с 2011 года…» (Собянин), «В правительстве области будет создана специальная рабочая группа» (Дубровский), «Правительство области вместе с территориями займется расширением перечня услуг» (Дубровский).

Важной связкой с подведомственными территориями как на федеральном, так и на региональном уровнях является дискурс развития: «…естественную консолидацию граждан ради успешного развития России…» (Путин); «…о выполнении наших системных программ развития Москвы…» (Собянин), «…обеспечить поступательное развитие области…» (Дубровский).

Следующий этап анализа – обозначить смысловое поле анализируемой лексемы. С помощью функции «Тезаурус» (Thesaurus) определяются слова, которые используются в сходных смыслах со словами «Россия» (рис. 1), «Москва» (рис. 2) и «область» (рис. 3) в корпусах текстов.

Наличие слова «год» в смысловом поле всех трех исходных слов связано с тем, что речи представляют собой отчетные доклады за год, поэтому спикеры вынуждены его постоянно повторять. В остальном же мы видим определённое сближение между речами Президента РФ и губернатора Челябинской области. Для В. Путина Россия оказывается связана со сферой экономики и принятием решений по реализации проектов. Б. Дубровский говорит о развитии Челябинска и региона, необходимости работы для человека. Стоит отметить, что только в речи губернатора Челябинской области слово «человек» играет значимую смысловую роль, в то время как другие ораторы предпочитают использовать более абстрактные категории. Речь мэра столицы показывает совершенно особое смысловое поле использования слова «Москва»: помимо лексемы «год», в поле оказывается только слово «больница». С одной стороны, это показывает социальную ориентированность выступления, с другой – скудность языка власти. В целом анализ смыслового поля также позволяет выявить взаимосвязь между речами президента и губернатора и отличие их от речи мэра, что служит еще аргументом в пользу гипотезы, согласно которой провинциальный региональный лидер стремится копировать дискурс федерального политика, в то время как мэр Москвы, формально являясь главой субъекта РФ, старается играть самостоятельную роль и в языковом дискурсе поднимается с регионального на федеральный уровень.

Рис. 1. Смысловое поле слова «Россия»

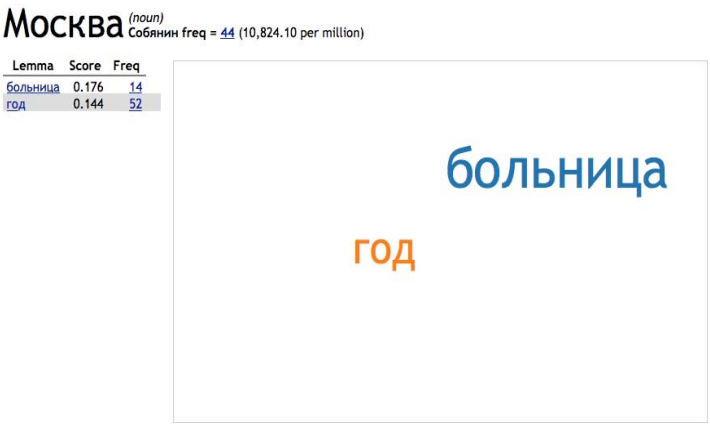

Рис. 2. Смысловое поле слова «Москва»

Таким образом, отдельный кейс российского политического дискурса демонстрирует возможности количественного подхода к изучению дискурса, к способам формирования эмпирической базы, теоретическому осмыслению языка власти. Такая исследовательская стратегия позволяет верифицировать выдвинутые гипотезы и выявить ранее неизвестные взаимосвязи. В дальнейшем на основании данной методики можно расширить эмпирическую базу как географически, включив в

нее других региональных лидеров для выявления общих для глав субъектов тенденций и выстраивания на основе их языка дискурсивных кластеров, так и хронологически, включив в микрокорпус текстов выступления за несколько лет, что позволит посмотреть на динамический аспект языка власти.

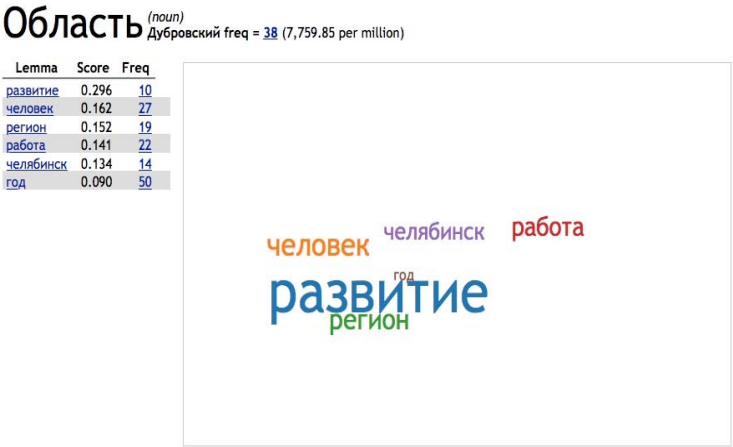

Рис. 3. Смысловое поле слова «область»

Литература

Андрюхина Т. В. Язык власти и власть языка: политический дискурс // Право и управление. XXI век. 2003. № 3. С. 62-69.

Богданов В. В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты: учеб. пособие. Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1990. 87 с.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград : Перемена, 1997. 139 с.

Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. М. : Дело, 2002. 408 с.

Официальные сетевые ресурсы Президента России [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/ (дата обращения: 10.04.2018).

Официальный сайт мэра Москвы [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/ (дата обращения: 07.04.2018).

Официальный сайт Правительства Челябинской области [Электронный ресурс]. URL: http://pravmin74.ru/ (дата обращения: 07.04.2018).

Соловьев А. И. Политический дискурс медиакратии: проблемы информационной эпохи // Полис: Политические исследования. 2004. № 2. С. 124-132.

Blakar R. M. Language as a means of social power. In: Pragmalinguistics, J. Mey (ed.). The Hague. Paris, Mouton, 1979. P. 131–169.

Ealy S. Communication, Speech and Politics. Washington, D. C. : University Press of America, 1981. 244 p.

Fairclough N. Language and Power. London : Longman, 1989. 259 p.

Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: www.sketchengine.co.uk (дата обращения: 10.04.2018).

Семантика и прагматика языковых единиц

УДК 81-119

Г. А. Агеева
В. В. Литвиненко

Предельность и кванторы в предложениях семантически исчерпывающего предела

Аннотация. Рассматривается смысловая категория предельности применительно к смыслу предложения на материале немецкого языка. Актуальность исследования продиктована проблемой человека в языке и выявления укрупненных языковых и внеязыковых категорий. Цель исследования заключается в изучении и описании свойств предложений семантически исчерпывающего предела как средства реализации категории предельности. Данной цели служит решение частных задач: выяснение роли кванторов как наиболее общих экспонентов предельности и особенностей их референции.

Семантическое пространство предельности относится к категориям, связанным с антропоцентрической сферой. Формой выражения предельности являются предложения исчерпывающего предела, которые отражают коммуникативно-прагматическую ситуацию исчерпывающего предела – экстралингвистическую ситуацию, охватывающую максимально возможный в данных условиях объём действительности и исчерпывающую некоторую семантическую нишу (класс событий/фактов) полностью. Особенностью названных высказываний является то, что их референтом выступает не индивидуальный объект/событие, а некоторое множество объектов/событий. Квантификация этого множества в исследуемых предложениях осуществляется посредством кванторных слов *alle*, *alles*, *überall*. Они выражают идею всеобщности, связанную с процессами обобщения, генерализации в человеческой психике свойств окружающей действительности, что способствует формированию целостной картины мира. Особенностью семантики названных местоимений является взаимодействие их обобщающей функции и указательности на сигнификативном уровне, т. е. они имеют сигнификативное значение. А из значения вытекает употребление: именно сигнификат оказывает решающее влияние на референциальную соотнесенность этих местоимений в речи. Признаками семантически исчерпывающего предела служат: отражение максимального объема действительности; конечность/лимитированность отражаемого множества; абсолютная квантификация. Соответствие указанным признакам служит критерием выделения квантора семантически исчерпывающего предела. Кванторные слова *alle*, *alles*, *überall* удовлетворяют перечисленным требованиям. Указанные признаки дают нам объективные основания определить квантор семантически исчерпывающего предела как семантический показатель (маркер) оценки мыслительного содержания высказывания, охватывающего максимальный для некоторой ситуации объем действительности.

Ключевые слова: предельность, исчерпывающий предел, квантор, квантификация, референция.

G. A. Ageeva, V. V. Litvinenko

Limitation and Quantifiers in the Sentences of the Semantically Exhaustive Limit

Abstract. The article deals with the semantic category of limitation in relation to the meaning of the sentence in German. The relevance of the study is dictated by the problem of the man in the language and identifying linguistic and extra-linguistic categories. The aim of the research is to study and describe the properties of semantically exhaustive limit as a means of realization of the category of limit. To achieve this goal we need to solve some particular problems: to clarify the role of quantifiers as the most common exponents of the limit and the peculiarities of their reference.

Semantic space of limitation refers to categories connected with the anthropocentric sphere. The form of the expression of the limitation are the sentences of the exhaustive limit, which reflect the communicative-pragmatic situation of the exhaustive limit – an extralinguistic situation, covering the maximum possible volume of reality in definite conditions and covering some semantic niche (class of events/facts) completely. The peculiarity of these sentences is that their referent is not an individual object/event, but a set of objects/events. The quantification of this set in the studied sentences is carried out by means of the quantifier words “alle”, “alles”, “überall”. They express the idea of universality associated with the processes of generalization of the properties of the surrounding reality in the human psychology, generalization contributes to the formation of the whole picture of the world. The peculiarity of the semantics of these pronouns is the interaction of their generalizing function and indication at the significative level, that is, they have a significative meaning. The meaning influences the use: the significat has a decisive influence on referential correlation of these pronouns in speech. The attributes of the semantically exhaustive limit are a reflection of the maximum amount of reality; limitation of the reflected quantity; absolute quantification. Compliance with these criteria serves as a criterion for the allocation of the quantifier of the semantically exhaustive limit. The quantifier words “alle”, “alles”, “überall” satisfy these requirements. These attributes give us objective grounds to determine the quantifier of the semantically exhaustive limit as a semantic indicator (marker) of evaluation of the mental content of the sentence, covering the maximum volume of reality for a certain situation.

Keywords: Limit, exhaustive limit, quantifier, quantification, reference.

На современном этапе языковые явления рассматриваются лингвистами в различных направлениях. Одновременно сосуществуют несколько парадигм: антропоцентрическая, функциональная, коммуникативная, когнитивная, прагматическая и др. В рамках антропоцентрической модели языка важное значение приобретает исследование семантических категорий эгоцентрической направленности. Язык является важнейшей характеристикой человеческого сознания, что обусловило обращение к проблеме «человека в языке» [Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории, 2003].

Исследуемое нами семантическое пространство предельности относится к категориям, связанным с антропоцентрической сферой. Человек в процессе своей жизнедеятельности пытается осмыслить бесконечность окружающей его действительности, однако в силу объективной невозможности познания целостной картины мира в индивидуализированном сознании человека он задает определенные параметры с помощью универсальных категорий (пространство, время, количество и др.) и формирует, таким образом, пределы развертывания человеческой жизни [Гуревич, 1989]. Эти пределы в свою очередь детерминированы пределами возможностей человека, предельностью физических свойств объектов окружающей действительности. Тем самым универсальные категории определяют все другие категории, связанные с антропоцентрической сферой. Одной из таких категорий является предельность, исследуемая нами применительно к смыслу предложения-высказывания.

Категория предельности – смысловая (семантическая) коммуникативно-прагматическая категория, реализуемая в семантической структуре предложения и представляющая обозначаемую высказыванием ситуацию как полностью реализовавшуюся в данном качестве. Формой выражения предельности являются предложения исчерпывающего предела, например:

Was es nicht alles gibt! (E. Hilscher);

Aber was tut man nicht alles aus Nächstenliebe! (H. Jobst);

Alles hat schließlich mal ein Ende. Auch unsere Geduld (H. Hauser).

Данные предложения отражают коммуникативно-прагматическую ситуацию исчерпывающего предела – экстралингвистическую ситуацию, охватывающую максимально возможный в данных условиях объём действительности и исчерпывающую некоторую семантическую нишу (класс событий/фактов) полностью. Особенностью названных высказываний является то, что их референтом выступает не индивидуальный объект/событие, а некоторое множество объектов/событий. Количественная оценка этого множества входит непосредственно в смысловую структуру предложения и обозначается термином «квантификация» [Булыгина, Шмелёв, 1988, с. 5]. Необходимость квантификации вызвана сущностными характеристиками объектов реального мира. Наряду с категориями времени, пространства, объема в нашем сознании существует категория количества, которая получает свое выражение в языке. Количество объективируется в сознании человека, поэтому чувственное восприятие, особенно зрительное, непосредственно влияет на процесс отражения пространственных отношений. Количественными характеристиками обладают как конкретные, так и абстрактные объекты в сознании человека. Как всякое знание, знание о количестве формируется на эмпирическом и научном уровне. Научный уровень предполагает приобретение знаний из данных науки. На эмпирическом уровне источником становится опыт человека. Свойства мыслительной деятельности (обобщение, абстракция) не исключают оперирования людьми в повседневной коммуникации «неуточненными, глобальными, приблизительно-оценочными когнитивными структурами в определении количества» [Кругликова, 1993, с. 82]. Человек как субъект отражения действительности обобщает количественные представления в виде оценки «много/мало».

Языковая категория оценки пронизывает всю систему языка, поскольку познание неразрывно связано с ценностным отношением субъекта к объекту познания. Оценка – универсальный компонент высказывания, который отражает прагматический аспект ситуации [Арутюнова, 1988]. Разнообразные отношения человека к окружающим явлениям предполагают различные виды оценки: количественную, качественную, эмоциональную и др. В этой связи важно отметить взаимодействие

квантификации с эмоциональной оценкой в эмоционально-экспрессивных предложениях исчерпывающего предела. В эмоциональной оценке проявляется специфическая форма отражения действительности – эмоции. Переплетение эмоциональной и количественной оценок приводит к усилению прагматического эффекта высказывания. При этом квантификация может происходить на фоне и положительной, и отрицательной эмоциональных оценок:

Worüber haben wir uns nicht alles unterhalten! (K. A. Paffen);

«Hm», sagte er vor sich hin, «was einem so alles zugemutet wird!» (R. Bartsch).

Квантификация в исследуемых предложениях осуществляется посредством кванторных слов alle, alles (логический тип квантификации). Для семантического анализа предложений семантически исчерпывающего предела значение квантификации состоит также и в том, что согласно правилам логики предикация может быть оценена как истинная/ложная лишь тогда, когда её аргументы «связаны» квантором [Polenz, 1988]. Квантификация в естественном языке осуществляется двумя способами: эксплицитно – посредством кванторных слов и выражений и имплицитно – посредством контекста.

Универсальная категория количества находит языковое выражение в виде квантификаторов, или кванторных слов, которые рассматриваются как слова, соотносимые с понятием количества [Селиверстова, 1964]. Квантор (от латинского *quantum* – сколько) заимствован лингвистами из логики – это оператор логики предикатов, применение которого к формулам, содержащим свободную переменную, дает предложение/высказывание. Логическая основа прослеживается в трактовке кванторных слов Е. В. Падучевой: «Кванторными называются слова, которые превращают предложения, содержащие неопределенные имена, в законченные утверждения» [Падучева, 1974, с. 79]. Кроме того, кванторные слова используются в качестве средства интенсификации. Суть интенсификации при помощи кванторных слов заключается в выражении средствами языка большого / очень большого / предельно большого (как и предельно малого) количества [Туранский, 1990]. Таким образом, признак предельности был замечен у кванторных слов и ранее.

При выделении разряда кванторных слов их количество определяется лингвистами по-разному, но местоимения «все», «всё» (alle, alles) большинство ученых относят к кванторным словам. Местоимения «все», «всё» являются универсальными знаками, в высшей степени обобщенными словами, которые имеются в любом языке. Они выражают идею всеобщности, связанную с процессами обобщения, генерализации в человеческой психике свойств окружающей действительности [Падучева, 1989]. Эти процессы способствуют формированию целостной картины мира.

Итак, кванторные слова составляют отдельный разряд слов-актуализаторов. В существующих словарях для кванторных слов указывается не значение, а лишь возможности замены их другими кванторами, что свидетельствует о неопределенности их значения и статуса. Это вызывает определенные трудности в их описании. В. Ю. Левин (1973) выделяет потенциальные типы множеств, релевантных для определения семантики соответствующих местоимений в русском языке, что дает нам возможность определить тип квантифицируемого множества исследуемых слов:

alle – квантификация множества одушевленных/неодушевленных объектов;

alles – квантификация множества неодушевленных предметов, реже – одушевленных объектов;

überall – квантификация множества точек в пространстве.

Указанные множества при квантификации их кванторными словами alle, alles, überall имеют признак «не допускаюшее исключений» (абсолютное множество), следовательно, они тождественны по способу осуществления общей (неконкретной) референции и выражают абсолютную квантификацию, т. е. определяют полноту некоторого рассматриваемого множества в той или иной соотносимой с высказыванием ситуации. Отличие кванторного наречия überall от кванторных прилагательных состоит в том, что синтаксическая позиция наречий не показывает, какая именно переменная (именная группа) квантифицируется [Падучева, 1989]. Квантификации подвергается все предложение (его смысл). По признаку абсолютной квантификации эти слова соотносимы с логическим квантором общности.

Слова alle, alles в грамматиках традиционно относят к неопределенным местоимениям. Местоимения представляют собой особый вид языковых единиц, которые являются дейктическими средствами, т. е. знаками / частью знаков, отсылающими к акту речи, в котором они используются [Вейнрейх, 1970, с. 177]. Местоимения существуют во всех языках и распределяются во всех языках в целом по тем же разрядам. Это традиционный подход к изучению местоимений как незнаменательных слов, служащих для указания и для замещения полнозначных частей речи. Представители другого подхода предлагают пересмотреть вопрос о сущности местоименных слов и не отказывают им в наличии собственного значения [Петрова, 1989]. Словарные дефиниции указывают лишь на их генерализирующее свойство: alles – gesamt, ganz [Wahrig, 1980].

Рассматривая семантическую структуру местоименного значения на материале русского языка, А. Г. Елисеева и О. Н. Селиверстова [1987, с. 79] аргументированно доказывают, что значение местоимения «…не более изменчиво, чем значение остальных слов». Местоимение

«всё» является, очевидно, единственной лексемой, означающей совокупность предметов и признаков, не допускающей исключений. Именно благодаря этой особенности слова типа «всё» получили название «универсальных знаков».

Содержание любого знака в речевом акте складывается из его лексического значения и референциальной соотнесенности в речи. Если же до момента употребления в речи у знака нет значения, то на основе чего происходит выбор того или иного знака для данной референции? В результате анализа местоимения «всё», предпринятого О. В. Петровой (1989), можно утверждать, что самими системными свойствами знака (и дейктического в том числе) определяется тот круг референтов, с которыми он соотносится в речи. Одним из доказательств являются высказывания из так называемых неполнозначных слов: Jedem das Seine. Alles ist anders.

Местоимения выражают наиболее общие, обобщенные понятия. Их референт, а не значение, зависит от ситуации разговора [Гак, 1992, с. 79]. Если рассматривать само значение местоимений, т. е. ту информацию, которую местоимение передает о своем референте, то обнаруживается, что «…это значение не зависит ни от контекста, ни от ситуации» [Селиверстова, 1988, с. 9]. К местоимениям вполне применимо высказывание С. Н. Карцевского о том, что «…призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично», и необходимо, чтобы благодаря неизменности другой своей части знак оставался тождественным самому себе [Карцевский, 1965, с. 85]. Значение местоимений alle, alles заключается в указании на всеобщность, совокупность тех или иных предметов или понятий, не допускающую исключений, что сближает их с квантором общности All-Quantor [Polenz, 1988; Fries, 1988]. Особенностью семантики названных местоимений является взаимодействие их обобщающей функции и указательности на сигнификативном уровне, т. е. они имеют сигнификативное значение. А из значения вытекает употребление: именно сигнификат оказывает решающее влияние на референциальную соотнесенность этих местоимений в речи.

Местоимения alle, alles являются конституентами предложений семантически исчерпывающего предела:

1) как самостоятельные единицы (в функции субъекта/объекта), например: Alles an ihm war Bewegung (O. Gotsche);

2) в составе именной группы alle, alles + существительное, например: Ich habe alle Eltern besucht… (W. Heiduczek);

3) в составе местоименного сочетания was alles/was nicht alles, wer alle/wer nicht alle, например: Was behaupten die Leute nicht alles! (G. Helbig, J. Buscha).

Ряд предложений семантически исчерпывающего предела включают в себя кванторное слово überall. Придерживаясь синтаксического основания, целесообразно рассматривать этот квантор как наречие. Überall сближается с alle, alles на основе выражения идеи всеобщности в языке. Данное значение позволяет им служить средством абсолютной квантификации.

Одним из показателей исследуемых предложений является квантор семантически исчерпывающего предела. Признаками семантически исчерпывающего предела служат:

– отражение максимального объема действительности;

– конечность/лимитированность отражаемого множества;

– абсолютная квантификация.

Соответствие указанным признакам служит критерием выделения квантора семантически исчерпывающего предела. Кванторные слова alle, alles, überall удовлетворяют перечисленным требованиям. Указанные признаки дают нам объективные основания определить квантор семантически исчерпывающего предела как семантический показатель (маркер) оценки мыслительного содержания высказывания, охватывающего максимальный для некоторой ситуации объем действительности. Соотношение кванторов и их вариантов отражено в таблице.

Таблица

Кванторы семантически исчерпывающего предела и их варианты

Кванторы	Варианты кванторов
alles	was alles; was nicht alles
alle	wer/wen alle; wer/wen nicht alle
überall	wo überall; wo nicht überall

Отличие кванторов от их вариантов – в сфере их употребления: кванторы употребляются как в нейтральных (в эмоциональном аспекте), так и в эмоционально-экспрессивных предложениях. Сфера употребления вариантов кванторов ограничена только эмоционально-экспрессивными предложениями. Соотношение кванторов и их вариантов можно представить на шкале интенсивности, предлагаемой И. И. Туранским [1990, с. 37]:

↑ -- was nicht alles
-- was alles
-- alles
-- 0 – отсутствие коммуникации

Варианты кванторов с отрицательной частицей nicht характерны для предложений с квазипридаточной структурой, в которых эта частица выполняет усилительную функцию, т. е. является интенсификатором:

Lieber Gott, wer einem nicht alles unterläuft! (A. Seghers).

На основе взаимодействия лексического и референтного значения квантора устанавливается его референциальная соотнесенность в речи:

Das Fest schien wirklich ein Freundschaftstreffen über den üblichen Rahmen hinaus zu werden. Wer traf sich nicht alles bei dieser Feier! Sie tanzten und sangen und tranken und aßen und waren ausgelassen vor Fröhlichkeit… (U. Völkel).

Квантор wer alles квантифицирует множество участвующих в деревенском празднике людей по отношению к исходному множеству как «объемлющее» множество – все жители деревни и гости, приглашенные на праздник. Такое понимание референта квантора wer alles основывается в данном случае на введенном говорящим в поле зрения адресата множестве объектов. Это множество выявляется в макроконтексте. Семантика предиката *sich treffen* накладывает сочетаемостное ограничение на выбор актанта с семой «одушевленность». В конкретном высказывании исходное множество представлено в пресуппозитивной, а не в ассертивной части высказывания. Здесь мы имеем дело с конкретной определенной референцией, осуществляемой при помощи квантора wer alles. Максимальный объем референтной ситуации позволяет нам идентифицировать данное предложение как предложение исчерпывающего предела.

Таким образом, онтологией категории предельности являются человек и объективная действительность. Средством реализации предельности являются предложения исчерпывающего предела. Одним из показателей исследуемых предложений выступают кванторы семантически исчерпывающего предела alle, alles, überall, служащие средством абсолютной квантификации. Наличие квантора в структуре предложений является семантическими показателями оценки мыслительного содержания высказывания, охватывающего максимальный для некоторой ситуации объем действительности.

Литература

Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории / Ю. М. Малинович [и др.]. М. ; Иркутск, 2003. 251 с.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 338 с.

Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Механизмы квантификации в русском языке и семантика количественной оценки // Референция и проблемы текстообразования. М. : Наука, 1988. С. 5–18.

Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М. : Прогресс, 1970. Вып. 5. С. 163 – 249.

Гак В. Г. Сопоставительная прагматика // Филол. науки. 1992. № 3. С. 78–90.

Гуревич В. В. Модальность, истинностное значение, референция // Вопр. языкознания. 1989. № 6. С. 95–101.

Елисеева А. Г., Селиверстова О. Н. Семантическая структура местоименного значения // Вопр. языкознания. 1987. № 1. С. 79–92.

Карцевский С. М. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. М. : Просвещение, 1965. Ч. 2. С. 85–90.

Кругликова Г. Г. Языковая категория квантитативности и аспекты её изучения // Филол. науки. 1993. № 3. С. 77–84.

Левин В. Ю. О семантике местоимений // Проблемы грамматического моделирования. М. : Наука, 1973. С. 108–121.

Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М. : Наука, 1974. 292 с.

Падучева Е. В. Наречие как кванторное слово // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз. 1989. Т. 48, № 1. С. 26–37.

Петрова О. В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 157 с.

Селиверстова О. И. Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь* // Вопр. языкознания. 1964. № 4. С. 80–90.

Селиверстова О. И. Местоимения в языке и речи. М. : Наука, 1988. 151 с.

Туранский И. И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М. : Высш. шк., 1990. 173 с.

Fries N. Ist Pragmatik schwer! / Über sogenannte Exclamativsätye im deutschen // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation. 1988. N 3. P. 193–205.

Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1986. 737 p.

Polenz P. von. Deutsche Satzsemantik: Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens 2-e, durchges. Auflage. Berlin ; N. Y. : de Cruiter, 1988. 327 p.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – Mosaikverlag Gmbh/Lexikotek, 1980. 4185 p.

УДК 808.2-5

С. Н. Лохов

Пара джинсов – пара джинс: О дистрибуции флексий родительного падежа слов pluralia tantum в школьной и научной грамматике

Аннотация. Рассматривается вопрос о дистрибуции флексий родительного падежа у слов *pluralia tantum*. Описывается изученность проблемы в научной и школьной грамматике. Отмечены основные критерии употребления окончаний у слов 1, 2 и 3-го склонения. Охарактеризована полнота и достоверность теоретического и практического материала в современных школьных учебниках. Установлено, что в школьной и научной грамматике не описаны правила образования падежных форм слов pluralia tantum. Актуальность исследования обусловлена необходимостью заполнить лакуны при изучении грамматической системы русского языка. Новизна работы состоит в том, что впервые формулируются общие рекомендации по выбору флексии в форме родительного падежа у слов *pluralia tantum*. Установлено, что флексия *-ей*, как правило, используется у слов с основой на мягкий (но не заднеязычный) согласный звук речи. Выявлено, что флексия *-ов* чаще всего выражает значение родительного падежа у слов с основой на твёрдый глухой согласный или звук [й']. Высказано предположение, что у слов с основой на твёрдый звонкий или твёрдый сонорный согласный основным является нулевое окончание. Предлагаемые в статье рекомендации по дистрибуции флексий – результат сопоставительного анализа материалов орфоэпических словарей и Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: флексия, родительный падеж, множественное число, pluralia tantum, дистрибуция флексий.

S. N. Lokhov

A Pair of Jeans is or a Pair of Jeans are (Para Dzhinsov – Para Dzins): on Distribution of Genitive Case Inflexions of Pluralia Tantum in School and Theoretical Grammar

Abstract. The article studies distribution of the genitive case inflexions of pluralia tantum. This paper considers how such issue is explained in school and theoretical grammar. The article also covers the main criteria of using inflexions in words of the 1st, 2nd, and 3rd declensions. The depth and validity of the theoretical and practical material in modern school grammar books are described. The article proves that neither school nor theoretical grammar gives the rules of forming the genitive case of pluralia tantum. The topicality of research is confirmed by the need to fill in the gaps in the grammatical system of the Russian language. The novelty of the paper lies in the fact that it formulates the general recommendations on the choice of inflexion in the genitive case for pluralia tantum. The article ascertains that the inflexion *-ей* is used as a rule for words the roots of which end in soft consonant (but not Backlingual) speech sound. It is discovered that the inflexion *-ов* is used to make the genitive case for words with roots ending in hard voiceless consonant or sound [й']. There is an assumption that words with roots ending in hard voiced consonant or hard sonorant form the genitive case with the help of zero inflexions. The recommendations on distribution of inflexions offered in the article are the result of the comparative analysis of the dictionaries of pronunciation and the Russian National Corpus.

Keywords: inflexion, the genitive case, plural, pluralia tantum, distribution of inflexions.

«Спецификация контрольных измерительных материалов для проведения в 2018 г. единого государственного экзамена по русскому языку», подготовленная Федеральным институтом педагогических измерений, включает таблицу с распределением заданий по основным содержательным разделам учебного предмета «Русский язык». Раздел «Речь. Языковые нормы» представлен пятью заданиями, за правильное выполнение которых выпускник может получить 7 первичных баллов. Задание 6 проверяет владение морфологическими нормами, а именно умение образовать форму слова: степень сравнения, личную форму глагола, падежную форму существительного или числительного и т. п.

Школьные учителя большое внимание уделяют изучению падежных окончаний существительных при их склонении в единственном числе, что позволяет устранить орфографические ошибки. Парадигма множественного числа, как правило, не требует детального изучения, так как содержит унифицированный набор окончаний (в отличие от обусловленного типом склонения разнообразия падежных флексий единственного числа). Так, слова 1, 2 и 3-го склонения в косвенных падежах имеют однотипные флексии: *мамы – мам-**ам**, мам-**ами**, мам-**ах**, отцы – отц-**ам**, отц-**ами**, отц-**ах**, дочери – дочер-**ям**, дочер-**ями**, дочер-**ях***.

Форма родительного падежа множественного числа (у одушевлённых существительных также форма винительного падежа) является исключением и обслуживается тремя окончаниями – нулевым, ***-ей***, ***-ов*** (***-ев***): *мамы – мам□, дочери – дочер-**ей**, отцы – отц-***ов***. Наличие такой триады приводит к тому, что в потоке речи говорящие часто смешивают указанные флексии: *сто грамм* и *сто граммов*, *пара туфель* и *пара туфлей*, *новых джинс* и *новых джинсов*.

Поэтому не случайно демонстрационные варианты ЕГЭ по русскому языку 2016–2018 гг. включают сочетания слов, анализируя которые обучающийся должен оценить нормативность окончания в роди-

тельном падеже множественного числа: *пачка макаронов* (2016 г.), *пять пихт*, *рота солдат* (2017 г.), *нет туфель* (2018 г.).

Школьные учебники и справочники по стилистике содержат правила, знание которых позволит предотвратить морфологическую ошибку.

Имена существительные 1-го (по школьной классификации) склонения значение родительного падежа множественного числа выражают, как правило, нулевой флексией, если в начальной форме основа является ударной, и окончанием ***-ей***, если в начальной форме ударным является окончание: *ба́сня – басен, ва́фля – вафель, ня́ня – нянь* VS. *западня́ – западн**ей**, квашня́ – квашн**ей**, свеча́ – свеч**ей***. Следовательно, выполняя демонстрационные задания, школьники должны прийти к следующему выводу: слова *пи́хта* и *ту́фля* имеют ударную основу, поэтому в родительном падеже следует употребить нулевое окончание – *пять пихт*, *нет туфель*.

У слов 2-го склонения конкурируют нулевое окончание и флексия ***-ов*** (***-ев***). Выбор нормативного знака определяется следующими факторами:

1) у существительных среднего рода с основой на твёрдый согласный или [й»] основным является нулевое окончание: *много яблок, блюдец, кушаний*;

2) у существительных мужского и среднего рода с основой на мягкий согласный или шипящий основным является окончание ***-ей***: *много жител**ей**, падеж**ей**, плащ**ей***;

3) у существительных мужского рода с основой на твёрдый согласный, ***-ц*** или ***-й*** основным является окончание ***-ов*** (***-ев***): *много гектар**ов**, грамм**ов**, огурц**ов**, злоде**ев***. Однако у некоторых слов используется нулевое окончание: а) названия парных предметов (*много сапог, чулок*), б) названия национальностей с основой на ***-н*** или ***-р*** (*много цыган, болгар*); в) названия воинских групп, родов войск (*много партизан, солдат*) и т. д.

Таким образом, обучающиеся должны знать, что в сочетании *рота солдат* зависимая словоформа не нарушает нормы грамматики, поскольку относится к исключениям.

У слов 3-го склонения, которые не представлены в заданиях ЕГЭ, значение родительного падежа множественного числа выражается только флексией ***-ей***: *мыши – мыш**ей**, степи – степ**ей***.

Имена существительные pluralia tantum (в школьной грамматике – существительные, которые имеют форму только множественного числа) значение родительного падежа могут выразить тремя флексиями: *джинсы – джинс**ов**, дрова – дров□, гусли – гусл**ей***. Таким образом, возникает конкуренция, устранить которую, как представляется, должно обращение к школьным учебникам или справочникам по стилистике.

Однако в книге В. В. Бабайцевой мы находим лишь группы существительных, которые имеют форму только множественного числа:

вещественные (*чернила*, *очистки*), отвлечённые (*каникулы*, *именины*), собирательные (*развалины*, *кудри*), собственные (*Альпы*, *Карпаты*, «*Известия*»), а также слова, обозначающие парные предметы (*очки*, *брюки*, *сани*, *ворота*, *ножницы*) [Бабайцева, Чеснокова, 2008, с. 102].

Учебник под редакцией Н. М. Шанского знакомит обучающихся с существительными, которые имеют форму только множественного числа (§ 94), однако при изучении склонения существительных во множественном числе (§ 99) предлагает лишь единицы мужского рода [Русский язык, 2011, с. 194–196, 207–210].

В учебном комплексе под редакцией М. В. Панова при описании считаемых и несчитаемых предметов в § 51 рассматриваются слова, у которых в качестве единственной выступает форма множественного числа: *сани*, *ножницы*, *очки*, *щипцы*, *брюки*, *ворота*; *часы*, *каникулы*, *сутки*, *именины*, *похороны*; *шахматы*, *горелки*, *духи*, *опилки*, *сливки*, *дрова*, *отруби*; *Карпаты*, *Холмогоры*, *Сокольники*, *Нидерланды*. Далее в § 58 «Склонение существительных во множественном числе» подробно описываются правила образования формы родительного падежа множественного числа у слов 1, 2 и 3-го склонения, но отсутствуют рекомендации для слов pluralia tantum [Русский язык, 1997, с. 206, 207, 236–241].

Упражнение 717 учебника под редакцией М. М. Разумовской и П. А. Леканта предполагает построение словосочетаний с восемью существительными, которые не имеют формы единственного числа: *очки*, *ножницы*, *духи́*, *консервы*, *переговоры*, *каникулы*, *сутки*, *будни* [Русский язык, 2009, с. 242]. При этом правил по образованию падежных форм авторы учебного пособия, так же как В. В. Бабайцева, коллективы под руководством Н. М. Шанского или М. В. Панова, не предлагают.

Содержание упражнения 209, с одной стороны, принципиально отличает учебник «Русский язык» В. Ф. Грекова от рассмотренных ранее источников: «Образуйте форму родительного падежа от следующих существительных, употребляющихся во множественном числе. 1) *Часы – часов*, щипцы, мостки, очки, тиски. *Заморозки – заморозков*, мемуары, плоскогубцы, счёты. *Обои – обоев*, побои. 2) *Брызги – брызг*, брюки, бусы, каникулы, макароны. *Деньги – денег*, потёмки, носилки, салазки. 3) *Будни – будней*, клещи, ясли. *Дрожжи – дрожжей*, люди, отруби, сани» [Греков, Крючков, Чешко, 2011, с. 140].

С другой стороны, в данном учебном пособии также не сформулированы правила употребления нулевого окончания, флексий ***-ей***, ***-ов*** (***-ев***) у слов pluralia tantum. Быть уверенными в том, что школьник при выполнении задания сможет самостоятельно выявить закономерности по дистрибуции окончаний, мы не можем. Тем не менее группировка примеров, имеющийся образец работы и необходимость образовать

формы родительного падежа у 27 существительных – отличительная черта и несомненное достоинство учебника В. Ф. Грекова.

При подготовке к единому государственному экзамену школьники используют дополнительные источники, чаще всего «Справочник по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя. К сожалению, в нём мы также находим списки слов, а не правила распределения флексий у слов pluralia tantum: «Вариантные формы существительных, употребляющихся только во множественном числе: *граблей* (реже *грабель*), *ходулей* (реже *ходуль*), *выкрутасов* (реже *выкрутас*), *рейтуз* (реже *рейтузов*). Нормативные формы: *заморозков, клавикордов, клипсов, лохмотьев, отрепьев, пантов, подонков; мокасин, нападок, панталон, потёмок, сумерек, шаровар; будней, дровней, яслей*» [Розенталь, 2012, с. 216].

Таким образом, в школьной грамматике наблюдается своеобразная коллизия: обучающийся должен дать нормативный вариант (ср. ЕГЭ–2016: *пачка макарон* вместо *пачка макаронов*), однако, во-первых, не имеет возможности сформулировать правило из-за его отсутствия, во-вторых, не обладает необходимым для успешного выполнения экзаменационного задания списком слов pluralia tantum, поэтому, вероятно, выберет ответ интуитивно.

Далее рассмотрим, каким образом решается проблема дистрибуции флексий существительных pluralia tantum в научной грамматике.

В книге В. В. Виноградова «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» заявлена дифференциация окончаний: «Pluralia tantum, оканчивающиеся на *-и*, тяготеют к форме родительного падежа на *-ей*, употребительной в словах мужского и женского рода (с мягким конечным согласным основы) и свойственной двум словам среднего рода: *полей, морей* (ср.: *кудри – кудрей*; *дровни – дровней*; *шашни – шашней* и т. п.). В других словах наблюдаются характерные колебания именно в форме родительного падежа множественного числа, свидетельствующие об утрате родовых различий. <…> В связи с этим следует подчеркнуть, что в тех pluralia tantum, которые употребительны при счете и в обозначениях количества, форма родительного падежа чаще всего имеет нулевое окончание, например: *двое грабель, трое гусель, три пары оглобель*, ср.: *погон, бубен, кур* и т. п.» [Виноградов, 1986, с. 140].

К сожалению, сформулированные положения не подтверждаются системой современного русского языка:

а) слова на ***-и*** имеют не только флексию ***-ей***, но и нулевое окончание, а также ***-ов***: *сумерки – сумерек, тиски – тисков*;

б) слова, употребительные при счёте и в обозначениях количества, помимо нулевого окончания, могут использовать флексии ***-ов*** или ***-ей***: *джинсы – джинсов, гусли – гуслей*.

В справочнике «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» даны правила употребления двух

слов: «Вариантные формы допускаются у слов *будни, грабли*» [Граудина, 2001, с. 186]. Кроме того, авторы предлагают перечень слов с нормативными окончаниями формы родительного падежа, в котором находим ещё 10 существительных pluralia tantum: *аэросани – аэросаней, бредни – бредней, бриджи – бриджей, гусли – гуслей, дебри – дебрей, дровни – дровней, онучи – онуч, розвальни – розвальней, шашни – шашней, ясли – яслей* и *ясель* (разг.) [Граудина, 2001, с. 186–188].

Несомненно, описание 12 слов не может создать полную картину морфологического поведения 225 лексических единиц (по данным «Словаря русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой) – имён существительных, обладающих грамматическими и семантическими признаками слов pluralia tantum. Предполагаем, что «Русская грамматика» может дать ответ на интересующий нас вопрос, поскольку подробно описывает особенности словоизменения слов разных частей речи, а также выявляет тенденции в сочетаемости морфем и фиксирует разного рода ограничения на их валентность.

В § 1201 указано: «Существительные pluralia tantum в образовании падежных форм следуют всем приведенным выше образцам: в им. п. они имеют флексии -и и -а; в род. п. выбор флексии (-ов, нулевая или -ей) определяется, во-первых, характером конечной согласной основы и, во-вторых, тем, словам какого рода уподобляются в склонении слова *pluralia tantum*.

Например: *бега, дрожжи, побои, штаны* соотнесены с сущ. муж. р.: *штан-ы – штан-ов, штан-ам, штан-ы, штан-ами, о штан-ах; бег-а – бег-ов, бег-ам, бег-а, бег-ами, о бег-ах; побо-и – побо-ев, побо-ям, побо-и, побо-ями, о побо-ях; дрожж-и – дрожж-ей, дрожж-ам, дрожж-и, дрожж-ами, о дрожж-ах*.

Слова *ножницы, пени* (штраф) (устар.), *сутки* соотнесены с сущ. жен. р.: *ножниц-ы – ножниц, ножниц-ам, ножниц-ы, ножниц-ами, о ножниц-ах; сутк-и – суток, сутк-ам, сутк-и, сутк-ами, о сутк-ах; пен-и – пен-ей, пен-ям, пен-и, пен-ями, о пен-ях*.

Слова *ворота, хлопья* соотнесены с сущ. сред. р.: *ворот-а – ворот, ворот-ам, ворот-а, ворот-ами, о ворот-ах; хлопь-я – хлопь-ев, хлопь-ям, хлопь-я, хлопь-ями, о хлопь-ях*» [Русская грамматика, 1980, с. 496–497].

К сожалению, авторы «Русской грамматики», отмечая, что «выбор флексии (-ов, нулевая или -ей) определяется, во-первых, характером конечной согласной основы и, во-вторых, тем, словам какого рода уподобляются в склонении слова *pluralia tantum*», не уточняют, каким образом характер конечного звука основы влияет на распределение окончаний. Кроме того, отнюдь не ясна логика уподобления слов plura*lia tantum* существительным того или иного рода.

Таким образом, в научной литературе, так же как в школьных учебниках, отсутствуют строгие формулировки правил по распределению нулевого окончания, флексий ***-ей***, ***-ов*** (***-ев***) у слов pluralia tantum.

Поэтому представленный в справочниках по стилистике алгоритм распределения окончаний у слов мужского, женского и среднего рода и его применение к единицам, употребляющимся в форме только множественного числа, а также материал современных орфоэпических словарей и данные Национального корпуса русского языка позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что выбор флексий у существительных *pluralia tantum* обусловливается тремя факторами:

1) финальным звуком основы;

2) финальным звуком основы и окончанием в форме именительного падежа;

3) финальным звуком основы и ударностью / безударностью окончания в форме именительного падежа.

1. Распределение окончаний в зависимости от финального звука основы

1.1. В форме родительного падежа окончание ***-ей*** имеют две группы существительных pluralia tantum:

1) конечным звуком основы является мягкий согласный звук речи, но не заднеязычный [к], [г], [х]: *будни – будней, грабли – граблей, отруби – отрубей, сани – саней, тефтели – тефтелей*;

2) конечным звуком основы является шипящий согласный звук речи: *бриджи – бриджей, дрожжи – дрожжей, клещи – клещей, щи – щей.*

1.2. В форме родительного падежа используется окончание ***-ов***, если конечным звуком основы является твёрдый глухой согласный звук речи или мягкий заднеязычный звук [х]:

1) звук [с], обозначенный буквой С: *боеприпасы – боеприпасов, весы – весов, джинсы – джинсов, трусы – трусов, чипсы – чипсов* (исключение: *бусы – бус*);

2) звук [х], обозначенный буквой Х: *ахи – ахов, духи – духов*.

Также используется окончание ***-ов***, если конечным звуком основы является твёрдый согласный звук [д], обозначенный буквой Д: *всходы – всходов, проводы – проводов, роды – родов*.

1.3. В форме родительного падежа используется окончание ***-ев***, если конечным звуком основы является скрытый йот [й]: *лохмотья – лохмотьев, побои – побоев, хлопья – хлопьев*. Подобные существительные чётко дифференцируются на подгруппы: а) в начальной форме после буквы для гласного выступает окончание ***-и*** (*побои*); б) в начальной форме после буквы Ь выступает окончание ***-я*** (*лохмотья*).

1.4. В форме родительного падежа используется нулевое окончание, если конечным звуком основы является твёрдый сонорный, мягкий заднеязычный [г] или твёрдый звонкий согласный звук речи, но не звук [д]:

1) звук [в], обозначенный буквой В: *дрова – дров, оковы – оков* (исключение: *консервы – консервов*);

2) звук [г], обозначенный буквой Г: *дроги – дрог, дрязги – дрязг*;

3) звук [з], обозначенный буквой З: *узы – уз*;

4) звук [л], обозначенный буквой Л: *вилы – вил, каникулы – каникул, перила – перил* (исключение: *кандалы – кандалов*);

5) звук [м], обозначенный буквой М: *лохмы – лохм, хоромы – хором*;

6) звук [н], обозначенный буквой Н: *именины – именин, кальсоны – кальсон, похороны – похорон* (исключение: *штаны – штанов*).

2. Распределение окончаний в зависимости от финального звука основы и флексии в именительном падеже

Если конечным звуком основы является твёрдый глухой согласный звук [т], обозначенный буквой Т, выбор нулевого окончания или -***ов*** определяется флексией именительного падежа:

а) окончание -***а*** обусловливает нулевую флексию: *ворота – ворот, девчата – девчат, уста – уст*;

б) окончание -***ы*** предполагает флексию -***ов***: *дебаты – дебатов, сухофрукты – сухофруктов, счёты – счётов* (исключения: *хлопоты – хлопот, шахматы – шахмат*).

3. Распределение окончаний в зависимости от финального звука основы и ударности/безударности флексии в именительном падеже

При выборе окончания родительного падежа у слов с конечным согласным звуком [ц], обозначенным буквой Ц, требуется учитывать не только тип флексии в именительном падеже, но и место ударения:

а) окончание -***а*** – нулевая флексия: *перильца – перилец*;

б) ударное окончание -***ы*** – флексия -***ов***: *щипцы́ – щипцов*;

в) безударное окончание -***ы*** – флексия -***ев***: *се́нцы – сенцев*.

Исключением является слово *ножницы*, имеющее безударное окончание -***ы*** (3-я подгруппа), но значение родительного падежа выражающее нулевой флексией: *ножницы – ножниц*.

Таким образом, рассмотрев частные факторы дистрибуции флексий, можем сформулировать **общие рекомендации** по выбору окончания в форме родительного падежа у существительных pluralia tantum:

1) у слов с основой на мягкий (но не заднеязычный) согласный основным является окончание -***ей***;

2) у слов с основой на твёрдый глухой согласный или [й] основным является окончание -***ов*** (-***ев***);

3) у слов с основой на твёрдый звонкий или твёрдый сонорный согласный основным является нулевое окончание.

В дальнейшем планируется изучение дистрибуции флексий у существительных pluralia tantum с основой на мягкий заднеязычный [к] и с окончанием -***и***, поскольку описанные закономерности не могут быть применены к этой группе слов по трём причинам:

а) во всех случаях финальным звуком основы является мягкий заднеязычный звук [к], обозначенный буквой К;

б) в форме именительного падежа все единицы имеют флексию ***-и***;

в) слова с безударной флексией ***-и*** выражают значение родительного падежа как нулевым окончанием, так и окончанием ***-ов***.

Литература

Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык. Теория. 5–9 кл. М. : Дрофа, 2008. 319 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М. : Высш. шк., 1986. С. 128–143.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М. : Наука, 2001. 557 с.

Греков В. Ф., Крючков С. Е., Чешко Л. А. Русский язык. 10–11 классы. М. : Просвещение, 2011. 368 с.

Дегтярев В. И. Категория числа. Происхождение имен *pluralia tantum* в славянских языках // Вопр. языкознания. 1982. № 1. С. 58–69.

Иванова Т. Ф. Новый орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы. М. : Дрофа; Рус. яз. Медиа, 2011. 892 с.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М. : АЙРИС-пресс, 2012. 360 с.

Русская грамматика. В 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. С. 496–497.

Русский язык. 5 кл. / М. М. Разумовская [и др.] ; под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. М. : Дрофа, 2009. 286 с.

Русский язык. 6 класс / М. Т. Баранов [и др.] ; науч. ред. Н. М. Шанский. М. : Просвещение, 2011. 303 с.

Русский язык : учебник для 6-го класса средней школы / Л. Н. Булатова [и др.] ; под ред. М. В. Панова. М. : Реал-А, 1997. 400 с.

Семёнова Г. Н. Феномен Pluralia Tantum в грамматической системе: когнитивный и прагматический аспекты [Электронный ресурс] : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. URL: http://cheloveknauka.com/fenomen-pluralia-tantum-v-grammaticheskoy-sisteme-kognitivnyy-i-pragmaticheskiy-aspekty (дата обращения: 04.04.2018).

УДК 811.161.1

Ю. А. Лысцова

Цветообозначение «серый» в постмодернистских текстах В. О. Пелевина

Аннотация. Интерес к языку писателя в современной науке связан с активно развивающейся антропоцентрической парадигмой, согласно которой человек, его миропонимание и мировосприятие являются центром исследования. Цветовая картина мира – важная составляющая ирреально-реального художественного мира В. О. Пелевина, поэтому имеет свои индивидуальные особенности. Рассмотрим функционирование цветообозначения «серый» в прозе современного писателя-постмодерниста.

Ключевые слова: язык писателя, цветовая картина мира, цветообозначения, ирреально-реальный мир, постмодернизм, художественный мир.

Iu. A. Lystsova

The Color Designation “Gray” in Postmodern Texts by V. O. Pelevin

Abstract. The attention to the writer’s language in contemporary science is stipulated by the dynamically developing anthropocentric paradigm whereby the study is focused on human beings and their world outlook and perception. The color world view is a crucial element of the irreal and real artistic world of V. O.

Pelevin, therefore it has its individual peculiarities. Let us consider functioning of “grey” color designation in the prose of this contemporary postmodern writer.
Keywords: writer’s language, color world view, color designation, irreal-real world, postmodernism, artistic world.

Художественный текст как некая завершенная и самостоятельная система зависит прежде всего от мира действительного, моделируется писателем в результате его духовных поисков. «Творчество писателя является целенаправленным отбором объектов действительности, отражаемых в индивидуальной картине мира художника слова» [Кузьмина, 2000]. В своих произведениях В. О. Пелевин активно применяет приемы, свойственные постмодернистской литературе, в результате конструирует особый ирреально-реальный художественный мир, основанный на реальности, но разворачивающийся перед глазами читателя как бесконечная цепь аморфных и невнятных фрагментов.

Человек воспринимает окружающую действительность с помощью модусов перцепции: зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса [Рузин, 1994]. Основной объем информации из внешнего мира мы получаем через зрение и слух. Субмодус слуха – восприятие человеком музыки – уже становился предметом нашего исследования [Лысцова, 2007]. Рассмотрим такой субмодус зрения, как восприятие человеком цвета. Материалом исследования послужили романы В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота», «Священная книга оборотня», «Ампир В», а также все его рассказы.

Цвет как важнейшая зрительная характеристика занимает большое место в творчестве В. О. Пелевина. Общее количество наименований цветов и их оттенков в текстах, по нашим подсчетам, составляет 128 единиц. Цветовое значение может быть выражено эксплицитно (путем прямого названия цвета или признака по цвету) и имплицитно (путем названия предмета, цветовой признак которого закреплен в культуре на уровне традиции). Совокупность языковых единиц цветовой семантики составляет индивидуально-авторское лексико-семантическое поле цветообозначений, которое, как мы выявили, представлено восемью микрополями: чёрного, серого, белого, красного, синего, зеленого, желтого, коричневого цветов. Обозначения цвета распределяются по тематическим зонам. Нами выделены две основные зоны: природная и антропологическая. Каждая из этих зон состоит из нескольких подгрупп, соотнесенных с реалиями, которые они описывают: водные пространства, небосклон и небесные тела, атмосферные явления, времена суток, элементы ландшафта, объекты растительного мира, животные, птицы и насекомые, внешность человека, одежда, обувь, головные уборы, жилье, предметы быта, средства передвижения, еда и напитки, косметика, отвлеченные понятия, революционные реалии, огонь и свет.

Основную роль в передаче цвета у В. О. Пелевина выполняют адъективы (например, молочно-белый, черно-лиловый, угольно-черный,

серо-желтый, строго-серый, слабо-сереющий, канареечный). Для создания дистанцированного от реальности художественного мира В. О. Пелевин часто использует цветообозначения «пестрый», «разноцветный», «многоцветный», «цветной», а также «яркий», «слабый», «бледный» (бледнеющий), «тусклый», «светлый», «темный» (темнеющий), в семантике которых содержится неопределенность – тона и полутона, рассеянный свет и блики, переливы и вспышки. Отметим также, что, исследуя цветовую картину мира писателя, мы учитывали не только адъективы, но и образованные от цветонаименований субстантивы (белизна, серость, чернота, голубизна, синь) и вербативы (белеть, сереть, чернеть), а также сложные цветообозначения (цвет лишайника, цвет мокрый асфальт, цвет слоновой кости, цвет под светлый орех, цвет под белый мрамор).

Иногда В. О. Пелевин выходит за пределы колоративного пространства языка и использует цветовые новообразования: «цвет одноразового неба», глаза «цвета спитого чая», трава «цвета темно-зеленого с рыжеватинкой», «цвет крыльев ночного мотылька», «цвет мне избы серые твои», «цвет позеленевшей от времени бронзы, покрытой множеством крохотных нефритовых бляшек, которые блестели загадочно, как кошачьи глаза в темноте» [Пелевин, 2004, 2006]. Эта группа цветообозначений особенно маркирована и экспрессивна, привлекает внимание своей нестандартностью, неожиданностью, а также помогает глубже проникнуть в творческую лабораторию писателя-постмодерниста.

Цветовая картина мира является важной составляющей ирреально-реального художественного мира В. О. Пелевина, поэтому имеет свои индивидуальные особенности. Цветность в прозе писателя сдержанна и лаконична, произведения не отличаются яркостью красок и оттенков. В. О. Пелевин как художник слова намеренно отказывается от широкой цветовой палитры, предпочитая «раскрашивать» «иную» реальность только ахроматическими цветами – серым, черным и белым и их оттенками. В результате художественный мир писателя становится графическим, похожим на множество совмещенных друг с другом серо-черно-белых изображений, подкрашенных ярким цветом лишь в отдельных местах. Меньшая значимость хроматических цветов (красного, синего, зеленого, желтого, коричневого) в картине мира писателя-постмодерниста подтверждается статистически: 35,4 против 64,6 % случаев употребления трёх ахроматических цветов.

В создании своего художественного мира В. О. Пелевин активно использует серый цвет: 19,60 % от общего количества цветообозначений. В произведениях В. О. Пелевина серый цвет при описании мужской и женской одежды, париков, гобеленов, обивки мебели, обоев вызывает приятные ощущения, воспринимается как неброский, нейтральный и одновременно изысканный: «Выглядишь стильно, но не вычур-

но. Подходит тебе этот серенький кардиган» [Пелевин, 2006]. Это самый практичный и элегантный цвет в одежде персонажей, самый спокойный в интерьере.

Устойчивые ассоциации с серым цветом вызывает у В. О. Пелевина современный город в дневное время, цветовой облик которого создается лексическими языковыми средствами – прилагательными (серый, седой, сизый, стальной, свинцовый, серебряный, перламутровый, светло-серый, темно-серый), существительными (серость, седина, серебро), глаголами (сереть, сереться, серебриться), сложными формами (цвет мокрого асфальта, цвет асфальта). Следует отметить, что в произведениях употреблены цветовые прилагательные в краткой форме (серо – сер – серы; сед), в превосходной степени (самый серый). Принимая во внимание словообразовательный критерий, отмечаем, что писатель нередко использует цветовую лексему «серый» с суффиксом неполноты качества «-оват-» (сероватый), реже употребляются прилагательные с суффиксом «-ист-» (серебристый) и с уменьшительно-ласкательным суффиксом «-еньк-» (серенький, седенький).

Отображение городской действительности в серых красках отчасти обусловлено жизненным опытом писателя, что позволяет объяснить авторское предпочтение в использовании данного цветообозначения. Серость, монохромность городских пейзажей, сумерки, туман, присущие поздней осени или ранней весне, а также личные переживания помогают автору моделировать собственный образ города, в котором серый – цвет неприметности, невыразительности и в то же время сырости, слякоти и гнили. При этом писатель, описывая городские реалии, буквально нагнетает серый: «серая корка асфальта под ногами», «серые магазины», «серые витрины», «огромные серые коробки-здания», «серые стены вокруг», «серые проемы окон», на окнах – «толстые серые стекла» и «частые серые решетки», «серая жижа под ногами», «серый, растрескавшийся от дождей гнилой забор с колючкой» и даже «брызги фонтана серые» [Пелевин, 2000, 2006, 2005]. Свинцовое от набухших туч небо каждый день низко нависает над городом и давит своей тяжестью: «…Он тащился по серому ноябрьскому парку, над которым летели с севера низкие свинцовые облака. Он шел и думал, что еще несколько дней такой погоды – и небо опустится настолько, что будет, как грузовик с пьяным шофером, давить прохожих…» [Пелевин, 2003]. Только иногда сквозь «прорехи тяжелых серых туч» блеснет солнце или покажется голубое небо, но тут же спрячется в серой мгле, странным образом проникающей даже в дневной свет [Пелевин, 2005]. Улицы, площади, кварталы, подворотни – все тонет в «густом сером тумане», из-за которого жители города не любят покидать свои дома-коробки. Когда они выходят на улицу, «серая мгла» обступает плотным кольцом, из-за нее не видно окружающего мира, зрением

воспринимаются лишь отдельные сегменты – части машины и строений, детали одежды, отдельные предметы, человеческие конечности. Ср.: «Шварценеггер развернулся и повел ее прочь от решетки прямо сквозь серый дым. Через несколько шагов Марии стало страшно, потому что дым стал таким плотным, что видно уже не было ничего, даже Шварценеггера, разглядеть можно было только ту часть его руки, которая обнимала ее плечо. <…> Марии вдруг пришло в голову, что вместо Шварценеггера рядом с ней уже несколько минут может идти кто-то другой…» [Пелевин, 2000, 2005]. В «серых клубах дыма», выбрасываемого заводскими трубами, теряют краски деревья, цветы и трава: трава – «бесцветная, толстая и густая», цветы – «бледные пятна», «мутные полосы», деревья в «сером ноябрьском парке» – «голые», «мрачные», «сереющие». Повсюду «серые аллеи», «серые лужайки» [Пелевин, 2000, 2003].

Город, нарисованный серыми красками, трудно назвать уютным. Высокая концентрация этого цвета действует угнетающе, и чувство печали, вызываемое им, согласуется с подавленностью духа: «До чего же мрачный этот серый город, – думал Николай, прислушиваясь к свисту ветра в водосточных трубах, – и как только люди рожают здесь детей, дарят кому-то цветы, смеются… А ведь и я здесь живу… Отчего-то его поразила эта печальная мысль. Моросить перестало, но улица не стала уютной» [Пелевин, 2005].

Серая действительность не пассивна, а очень активна, даже агрессивна. Она не допускает, чтобы люди были людьми, поэтому в городе живет «серая масса» с одинаковой анатомией, с «серыми неэмоциональными, бессмысленными лицами», с «посеревшими», выцветшими глазами: «…Голубые глаза капитана словно выцвели в этом городе…» [Пелевин, 2005]. Персонажи сначала протестуют, твердят себе, что не хотят жить в серости, но серый цвет чрезвычайно давит, поэтому люди постепенно приспосабливаются и тщательно маскируются в «каменных джунглях». Ср.: «Камни, камни, серые камни… От них некуда спрятаться, ты постепенно к ним привыкаешь и начинаешь жить по их правилам. Выходит, тебе нужно туда же, куда и сотне тысяч этих «приятных» азиатов? Маскируешься и идешь со всеми…» [Там же].

В бессознательном стремлении вырваться из этого серого города отдельные персонажи пытаются как-то выделиться среди общей толпы своим внешним видом, но серость тут же поглощает яркие краски их нарядов, не оставляя ни одного цветного пятна: «Под ее закрытыми глазами чернели синяки в пол-лица, а зеленое платьице, когда-то пленившее Сэма своим веселым блеском, теперь потускнело и покрылось серыми пятнами» [Пелевин, 2003]. Серый цвет ассоциируется с подавленностью, апатией, отсутствием ярких, радостных красок в жизни персонажа.

Таким образом, серый цвет в произведениях В. О. Пелевина является неотъемлемой частью художественной картины мира писателя-

постмодерниста. Цветообозначение «серый» и его оттенки вносят в текст «зримые» детали, важнейшие словесные штрихи к создаваемым автором образам.

Литература

Кузьмина Н. А. Закономерности развития языка в постсоветский период в свете теории интертекста // Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе : материалы Междунар. семинара. Луганск ; Женева, 2000. Вып. 1. С. 84–90.

Лысцова Ю. А. Музыка ирреально-реального мира в произведениях В. О. Пелевина и языковые средства ее выражения // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. № 20 (49): Аспирантские тетради: Науч. журн. СПб., 2007. С. 97–104.

Пелевин В. О. Ампир В: Роман. М. : Эксмо, 2006. 416 с.

Пелевин В. О. Все повести и эссе. М. Эксмо, 2005. 416 с.

Пелевин В. О. Все рассказы. М. : Эксмо, 2005. 512 с.

Пелевин В. О. Песни царства «Я». М. : Вагриус, 2003. 896 с.

Пелевин В. О. Священная книга оборотня. М. : Эксмо, 2005. 384 с.

Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. М. : Вагриус, 2000. 414 с.

Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопр. языкознания. 1994. № 6. С. 79–84.

Цегельник И. Е. Цветовая картина мира Иосифа Бродского: когнитив-но-функциональный подход : автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2007. 22 с.

УДК 81.367.634 [811.133.1+811.161.1]

Н. С. Морева

Французский причинный союз *car vs* русское ведь

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию французского причинного союза *car* и русского *ведь,* статус и семантика которых имеют много спорных моментов. Новизна исследования заключается в выборе самих единиц, а также в том, что впервые они рассматриваются в сопоставительном аспекте с использованием параллельного корпуса текстов. В первой части работы сравниваются базовые определения исследуемых единиц и их специфика. Здесь же даются их лексикографические описания в толковых и двуязычных словарях. Выявляется, что обе единицы имеют много общего как в трактовке различными лингвистами их значений, так и в лексикографических толкованиях, но ни в одном двуязычном словаре они не рассматриваются как эквиваленты. Во второй части представлены результаты анализа всех вхождений *car* и *ведь* во французско-русском и русско-французском подкорпусах параллельных текстов Национального корпуса русского языка. Выявлено, что эти две единицы выступают в качестве взаимных переводных эквивалентов. Описаны контексты, в которых союз *car* успешно переводится русским *ведь.* Делается вывод о том, что многофункциональное служебное слово *ведь* в одном из своих значений может с полным правом считаться словарным соответствием французского союза *car.*

Ключевые слова: причинный союз, причинность, логическое обоснование, переводной эквивалент, сопоставительный анализ, параллельный текст.

N. S. Moreva

French Causal Conjunction “Car” vs Russian “Ved

Abstract. The article is devoted to the contrastive studies of the French conjunction *car* and the Russian auxiliary unit *ved’*. The two forms are ones of the most disputable auxiliary units in French and Russian linguistics. The novelty of the study lies in the contrastive analysis of these units based on the data from the parallel corpus, while the Russian conjunction has been studied in only one of its functions, namely a causal one. In the first part of the research the basic definitions and peculiarities of *car* and *ved’* in corresponding languages are compared. In addition, the lexicographical descriptions of these units in the corresponding

monolingual and bilingual dictionaries are presented. Based on definitions of different scholars and lexicographic evidence, it is obvious that both units have certain similarities, but no bilingual dictionary treats them as equivalents. The second part of the research is based on the data from the parallel corpus of the Russian National Corpus. The analysis of the corpus data demonstrates that French *car* and Russian *ved'* can be translation equivalents. In 12 % of the contexts, these conjunctions are the interlingual equivalents. The author describes the semantic and syntactic conditions in which the studied units are interchangeable. The author concludes that the Russian multifunctional *ved'* in one of its meanings can be a legitimate translation equivalent of the French causal conjunction *car*.

Keywords: causal conjunction, causality, argumentation, contrastive analysis, parallel text, translation equivalents.

Статья посвящена сопоставительному исследованию двух служебных слов: французского причинного союза *car* и русской союзной частицы *ведь*. Оба служебных слова представляют собой неоднозначные единицы и не перестают быть объектом научных исследований и обсуждений [Кудрявцева, 2010; Теляковская, 2013; Abeillé, 2005; Degand, Fagard, 2008; Deléchelle, 2002; Ruppli, 1990; Simon, Degand, 2007]. Основной круг обсуждаемых вопросов в работах, посвящённых союзу *car,* так или иначе связан с грамматической природой и семантикой этого союза. «Сочинительный или подчинительный союз?» – основной вопрос, касающийся грамматического аспекта. Традиционно союз квалифицируется как сочинительный, но с непременной оговоркой или уточнением [Гак, 2000; Реферовская, 1969; Ruppli, 1990]. Однако применение различных синтаксических критериев позволяет рассматривать этот союз как подчинительный [Васильева, Пицкова, 1991; Кудрявцева, 2010]. Некоторые исследователи предпочитают серединную позицию, говоря о двойственном или гибридном характере этого союза, но отдавая всё-таки предпочтение либо подчинительной природе [Бессалов, 2012], либо сочинительной [Abeillé, 2005].

В работах, посвящённых исследованию семантического аспекта союза *car*, центр внимания смещён в последнее время на выявление мельчайших оттенков, привносимых союзами *car* и *parce que*, в контекстах, где они, казалось бы, могут взаимозаменяться несмотря на то, что после выхода широко известной теперь работы Группы λ-l наличие принципиальной разницы между этими союзами не оспаривается. Одним из основных критериев, позволяющих определить разницу между причинными союзами, является степень участия субъекта в установлении причинной связи. Авторы по-разному характеризуют этот факт, говоря, например, о моменте модальной оценки [Бессалов, 2012, с. 18], субъективации или вовлечённости говорящего [Degand, Fagard, 2008]. Исследователи показывают, что «различные типы причинности характеризуются различной степенью вовлечённости говорящего в установление этой самой причинной связи, а причинные коннекторы сигнализируют об определённой степени участия говорящего, что отражается в их дискурсивном поведении и их интерпретации» [Ibid, p. 123–124]. Из всех причинных союзов о наибольшей степени вовлечённости говоря-

щего сигнализируют как раз предложения с союзом *car*. Аналогичная трактовка некоторых причинных предложений и союзов наблюдается и в исследованиях на материале других языков, в частности русского. Так, Е. С. Ярыгина отмечает для причинно-аргументирующих придаточных в русском языке их связь с «Я» говорящего и/или мыслящего субъекта [Ярыгина, 2016, с. 336].

Ведь в русском языке также является единицей неоднозначной: двойственность её заключается в том, что она может быть частицей и союзом. Частица или союз? Если союз, то какова его грамматическая природа и семантическая суть – наиболее дискутируемые вопросы. Не вдаваясь в подробности научных споров (они подробно изложены в статье М. В. Теляковской [2013]), отметим лишь, что независимо от её грамматического статуса этой единице приписывается как минимум, значение причинности, как максимум это значение конкретизируется значением обоснования непосредственно предшествующей мысли. В данной работе единица *ведь* рассматривается нами только в качестве причинного союза.

При сравнении как базовых определений, так и специфических черт *car* и *ведь* в двух соответствующих языках наблюдается очень много общего. Так, с «добавочным» характером предложений, введённых *car* [Реферовская, 1969, с. 177], соотносится «характер факультативного примечания к сказанному», введённому *ведь* [Ляпон, 1988, с. 118]. Высокой степени вовлечённости говорящего в установление причинной связи при союзе *car*, о чём говорилось выше, соответствует экспрессивно-эмоциональный оттенок, субъективность и пристрастие говорящего, которые привносятся союзной частицей *ведь* в причинном значении [Там же, с. 114].

В лексикографических толкованиях французского союза *car* и русского *ведь* тоже очень много общего, а иногда и просто идентичного. Сравним: «Ведь, 2. союз. б) Присоединяет предложение, служащее обоснованием мысли первого предложения [СРЯ, 1985, с. 145]». «Car, conjonction de coordination A. Introduisant une prop. qui explique ou justifie une prop. précédemment énoncée» (Сочинительный союз, вводящий предложение, которое объясняет или оправдывает ранее высказанное предложение) [TLFI].

Таким образом, мы видим, как много аналогий можно провести между французским *car* и русским *ведь*.

Однако, если обратиться к двуязычным словарям, то ни в одном из них рассматриваемые нами единицы не фиксируются как словарные соответствия. Французско-русский словарь указывает, что *car* выражает причинные отношения, и даёт в качестве словарных соответствий французского союза *car* русские причинные союзы *потому что*, *так как, ибо* [НФРС, 2004, с. 163–164]. В русско-французском словаре сре-

ди четырёх предлагаемых способов перевода единицы *ведь* французского *car* тоже нет. Как нет, впрочем, и указания на то, что *ведь* может иметь причинное значение [РФС, 2001, с. 60]. Что касается научных работ, объектом исследования которых были бы эти служебные слова в сопоставительном аспекте, то, насколько нам известно, их тоже нет.

Исходя из всего вышеизложенного, определилась цель данного исследования: выявить, являются ли французский союз *car* и русский *ведь* реальными межъязыковыми соответствиями. Для того чтобы выяснить, пересекаются ли *car* и *ведь* в реальности, мы обратились к переводным текстам. По известному утверждению В. Г. Гака, реальные соотношения между словами двух языков «можно выявить либо с помощью лингвистического эксперимента, либо сравнивая переводы», поскольку двуязычные словари отражают соотношения языковых систем, а данные переводов отражают акты речи [Гак, 2012, с. 11]. Кроме того, мы полагаем, что сопоставительное исследование поможет увидеть смысловые нюансы рассматриваемых единиц, поскольку «сопоставление позволяет иногда выявить некоторые особенности иностранного и родного языков, ускользающие при их “внутреннем” изучении» [Там же, с. 10].

Возможности проведения сопоставительного анализа в последнее время значительно расширились с использованием корпусной лингвистики, и особенно с появлением параллельных корпусов текстов. По словам Д. О. Добровольского, исследование переводческих соответствий с привлечением таких корпусов оказываются полезными, помимо теории перевода и лексикографии, и «для более детального описания семантики лексических единиц каждого из сопоставляемых языков» [Добровольский, 2004, с. 79]. Предоставленная Национальным корпусом русского языка возможность широко используется в последние годы для сопоставительного анализа, среди прочего, и служебных, и дискурсивных слов.

Материал исследования был отобран из французско-русского и русско-французского подкорпусов параллельных текстов Национального корпуса русского языка. При отборе материала для статистического анализа были учтены все вхождения союза *car* во французско-русском корпусе (238 единиц) и все вхождения слова *ведь* в русско-французском корпусе параллельных текстов (1315 единиц).

Далее из 238 употреблений союза *car* во французско-русском корпусе нами были приняты во внимание только 153 контекста, те, в которых переводчик сохранил исходную синтаксическую конструкцию и оформил её причинными союзами. Из 153 примеров 18 раз союз *car* переведён союзом *ведь*, что составляет почти 12 %. Союзы *потому что* и *так как* использованы 21 и 20 раз соответственно (в среднем по 13 %). Конкуренцию всем трём союзам составляет союз *ибо*: 91 пример (чуть более 59 %). Таким образом, мы видим, что употребление союза *ведь* в

количественном плане вполне соотносимо с использованием других причинных союзов, которые являются словарными соответствиями *car*.

Из всех вхождений служебного слова *ведь* в русско-французском корпусах для анализа были отобраны только те вхождения *ведь*, которые тоже переведены только причинными союзами, т. е. употребления *ведь* в качестве частицы или союза с приписываемыми ему значениями уступительности и другими не принимались во внимание. Таких контекстов оказалось всего 100. Среди всех союзов, которые используются переводчиками для перевода *ведь*, вне всякой конкуренции оказался союз *car:* в 83 контекстах союз *ведь* переведён именно союзом *car*, в остальных 17 случаях использованы союзы *parce que* и *puisque*, в 8 и 9 соответственно.

Таким образом, и в русско-французском, и во французско-русском корпусе параллельных текстов мы наблюдаем пересечение наших двух анализируемых единиц, они являются взаимными переводными эквивалентами. Ввиду ограниченных рамок данной статьи остановимся далее на наблюдениях только переводных контекстов союза *car* союзом *ведь*, оставив анализ обратного соответствия для дальнейшего исследования.

В большинстве случаев, где *car* переводится союзом *ведь*, он выступает в своём основном значении – обоснование. Это может быть обоснование утверждения, вопроса или умозаключения в целом, субъективность которого эксплицитно выражается такими формами, как: je sais bien, j'ai pensé, ne lui a même pas demandé:

(1) *Mais vous vous battez demain, dit Mitouflet; <u>j'ai pensé</u> que vous seriez bien aise de faire quelques petites dispositions; enfin que vous pourriez avoir à écrire,* ***car*** *on a des êtres qui nous sont chers* (H. de Balzac. L'illustre Gaudissart) – *Да вы же завтра деретесь, – ответил Митуфле, – я полагал, что вы пожелаете оставить какое-либо распоряжение или написать письмо*; ***ведь*** *у каждого из нас есть привязанности* [НКРЯ].

Примечательно, что большинство контекстов представлено прямой речью, где вовлечённость говорящего в установление причинной связи эксплицитно выражена местоимениями первого и второго лица: (1), (2), (3).

(2) *Alors, je rentrai chez moi l'âme bouleversée,* ***car*** *je suis certain, maintenant, <…> qu'il existe près de moi un être invisible, qui se nourrit de lait et d'eau, qui peut toucher aux choses, <…>* (G. de Maupassant. Le Horla) – *Тогда я возвратился домой, потрясенный до глубины души;* ***ведь*** *теперь я уверен, <…> что возле меня живет невидимое существо, которое питается молоком и водой, которое может трогать предметы, <…>* [НКРЯ].

В предложениях с союзом *car* может содержаться обоснование оценки душевного состояния (2), обоснование предположения (3), обоснование оценки и выбора термина для выражения этой оценки (4).

(3) <…> *elle tousserait énormément et ferait semblant de mourir pour échapper au ridicule. Et je serais bien obligé de faire semblant de la soigner,* ***car****, sinon, pour m'humilier moi aussi, elle se laisserait vraiment mourir…»* (A. de Saint-Exupéry. Le petit prince) – *Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной,* ***ведь*** *иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унизить и меня тоже…* [НКРЯ].

(4) *Ce voyage à travers l'Inde, au contraire, n'avait-il pas été entrepris par ce gentleman dans le but de rejoindre cette charmante personne?* ***car*** *elle était charmante!* (J. Verne. Le tour du monde en quatre-vingt jours) – *Или, быть может, самое путешествие через Индию было затеяно ради свидания с этой красавицей?* ***А ведь*** *она и вправду очаровательна!* [НКРЯ].

В небольшом количестве контекстов (3 единицы) предложение, вводимое союзом *car,* можно интерпретировать как собственно причинное, в котором изложенный факт может быть рассмотрен как реальная причина представленного в предыдущем предложении факта. Субъективность, привносимая союзом *car*, заключается в таких предложениях в том, что причинная зависимость устанавливается именно между этими фактами. В русском переводе в таких случаях переводчик использует *ведь,* но при этом две части сложного предложения оформляются ещё и двоеточием. Двоеточие можно рассматривать как способ выражения причинной связи, *ведь* – как союз, подчеркивающий субъективный характер установления этой связи (5).

(5) *Elle avait peine à imaginer sa personne;* ***car*** *il n'était pas seulement oiseau, mais encore un feu, et d'autres fois un souffle* [G. Flaubert. Un coeur simple] – *О Святом Духе у Фелисите было смутное представление: ведь он был не только птицей, но и огнем, а подчас и дуновением* [НКРЯ].

Что касается формальной стороны, то в большинстве случаев (15 из 18) предложения с *car* входят в состав сложного предложения, отделены от предшествующей части запятой или точкой запятой. В трёх случаях *car* начинает предложение после точки, т. е. оформлено как самостоятельное предложение. Аргументация приобретает при этом бóльшую самостоятельность, носит добавочный характер:

(6) *«Ah! Ah! Voilà la visite d'un admirateur!» s'écria de loin le vaniteux dès qu'il aperçut le petit prince.* ***Car****, pour les vaniteux, les autres hommes sont des admirateurs* (A. de Saint-Exupéry. Le petit prince) – *О, вот и почитатель явился! – воскликнул он, еще издали завидев Маленького принца.* ***Ведь*** *тщеславные люди воображают, что все ими восхищаются* [НКРЯ].

Проведённый анализ показал, что в параллельных текстах исследуемые единицы – *car* и *ведь* – используются как переводные эквиваленты. Таким образом, имеются основания утверждать, что многофункциональное служебное слово *ведь* в одном из своих значений, а именно причинном, может с полным правом считаться словарным соответствием французского причинного союза *car.*

Список сокращений

НКРЯ – *Национальный* корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru/search-para-fr.html (дата обращения 15.02.2018).

НФРС – *Новый французско-русский словарь* / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. М.: Рус.яз. – Медиа, 2004.

РФС – *Русско-французский* словарь / Л. В. Щерба, М. И. Матусевич. М. : Рус. яз., 2001.

СРЯ – *Словарь русского языка*: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньева. М. : Рус. яз., 1985. Т. 1.

TLFI – *Trésor de la Langue Française Informatisé*. URL: http://www.cnrtl.fr/definition/ (дата обращения 15.02.2018).

Литература

Бессалов А. Ю. Специфика выражения каузальных отношений в современном английском и французском языках : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2012. 21 с.

Васильева Н. М., Пицкова Л. П. Французский язык: Теоретическая грамматика: Ускоренный курс. М. : Высш. шк., 1991. 299 с. (на фр. яз.)

Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л. : Просвещение, 1977. 300 с.

Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет, 2000. 832 с.

Гак В. Г. Беседы о французском слове: Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. 6-е изд. М. : КомКнига, 2012. 336 с.

Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов как инструмент сопоставительного описания языков // Русская сопоставительная филология: состояние и перспективы : тр. Междунар. конф. Казань : Казан. гос. ун-т, 2004. С. 289–290.

Кудрявцева Н. Б. Спорные вопросы грамматики: о составе союзов сочинения во французском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. 2010. № 2. С. 1–87.

Ляпон М. В. Прагматика каузальности // Русистика сегодня: язык, система и её функционирование. М. : Наука, 1988. С. 110–121.

Реферовская Е. А. Синтаксис современного французского языка (Сложное предложение). Л. : Наука, 1969. 238 с.

Теляковская М. В. Спорные случаи выделения причинных союзов // Учен. зап. Орлов. гос. ун-та. 2013. № 5 (50). С. 55–160.

Ярыгина Е. С. Взаимодействие вводного слова и причинного подчинительного союза в текстах Ф. М. Достоевского // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: история и современность : сб. науч. тр. / отв. ред. О. В. Шаталова. М. : ИИУ МГОУ, 2016. Вып. 4. С. 334–339.

Abeillé A. Les syntagmes conjoints et leurs fonctions syntaxiques // Langages. 2005. N 4 (160). P. 42–66. URL: https://www.cairn.info/revue-langages-2005-4-page-42.htm (дата обращения 15.02.2018).

Simon A. C., Degand L. Connecteurs de causalité, implication du locuteur et profils prosodiques. Le cas de car et de parce que // Journal of French Language Studies. 2007. N 17. P. 323–341. URL: https://doi.org/10.1017/S095926950700302X (дата обращения 25.03.2018).

Deléchelle G. Les connecteurs de cause en français et en anglais // Syntaxe et sémantique. 2002/1 (N°3). C. 99-115. URL : https://www.cairn.info/revue-syntaxe-et-semantique-2002-1-page-99.htm (дата обращения 15.02.2018).

Degand L., Fagard B. (Inter)subjectification des connecteurs: le cas de *car* et *parce que* // Revista de Estudos Linguísticos da Universidade do Porto. Vol. 3. 2008. P. 119-136.

Ruppli M. L'opposition Car/Parce que // L'Information Grammaticale. 1990. № 46. P. 22–25.

УДК 81-13

Е. А. Огородникова

Автоматизация извлечения гипонимических глагольных отношений из толкового словаря методом лексико-синтаксических шаблонов[1]

Аннотация. Рассматривается понятие лексико-синтаксического шаблона, описан предыдущий опыт извлечения семантически связанных лексических единиц из текстов с помощью метода, основанного на лексико-синтаксических шаблонах. Целью исследования является адаптация метода лексико-синтаксических шаблонов для автоматического извлечения гипонимических глагольных пар из текстов. На базе Национального корпуса русского языка проведена попытка выявления лексико-синтаксических шаблонов, включающих гипо-гиперонимическую глагольную пару. В результате анализа корпусных данных выяснено, что гипонимические глагольные отношения сравнительно редко реализуются в контекстах на естественном языке. Однако гипонимы и гиперонимы часто встречаются в рамках словарной статьи. Составлен ряд лексико-синтаксических шаблонов, которые могут быть использованы для автоматического извлечения гипо-гиперонимических глагольных пар из дефиниций толкового словаря.

Ключевые слова: глагол, тропонимия, лексико-синтаксические шаблоны, гипонимия, тезаурус, семантика.

E. A. Ogorodnikova

Automating the Extraction of Hyponymic Verb Relations from the Explanatory Dictionary Using the Method of Lexico-Syntactic Patterns

Abstract. The article examines the notion of lexico-syntactic pattern and describes the previous experience of extraction of semantically related lexical units from texts by the method based on lexico-syntactic patterns. The aim of the research is to adapt the method of lexico-syntactic patterns for automatic extraction of hyponymic verbal pairs from texts. An attempt of finding of lexico-syntactic patterns including hyponymic verbal pair has been made on the base of the Russian National Corpus. As a result of Corpus data analysis it has been found out that hyponymic verbal relations rarely appear in contexts in natural language. However, there are often hyponyms and hypernyms together in dictionary entries. A number of lexico-syntactic patterns which can be used for automatic extraction of hyponymic verbal pairs from definitions has been made.

Keywords: verb, troponymy, lexico-syntactic patterns, hyponymy, thesaurus, semantics.

1. Современная лингвистика всё больше сближается со сферой информационных технологий, а компьютерная лингвистика становится одной из самых популярных ветвей исследований. Такая тенденция требует дальнейшего углубления теоретических знаний о языке и развития представлений о возможности его использования в информационном пространстве сегодня.

Особой перспективой развития и применения обладают электронные тезаурусы – словари, представляющие лексику в систематизированном виде. Первый опыт создания такого тезауруса представлен в проекте Princeton WordNet.

WordNet-тезаурус состоит из синсетов, или синонимических рядов, которые связаны различными типами семантических отношений

[1] *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-312-00129.*

[Fellbaum, 1998, p. 8], например антонимия, отношение «часть – целое» и др. К таким отношениям также принадлежит гипонимия, или родовидовая связь лексических единиц.

Гипонимия является структурной основой тезауруса, так как этот вид отношений создаёт иерархический вертикальный «скелет» лексического пространства, организует лексику в своеобразные деревья в зависимости от степени конкретности значения. Одна из проблем создания полного WordNet-тезауруса – несистемность и фрагментарность установленных гипонимических отношений.

В данном исследовании затрагиваются особенности и пути извлечения гипонимических отношений глагольной лексики. Стоит отметить, что такое узкое понятие, как глагольная гипонимия, имеет название *тропонимия* (от греч. *tropos* – способ, манера) – этот термин был впервые введён создателями Princeton WordNet [Five Papers on ... , 1993, p. 47]. Видовой глагол, или гипоним, при этом обозначается термином *тропоним*.

Существуют два варианта установления семантических отношений – вручную и с помощью автоматических методов. Без сомнения, ручная обработка экспертами всего массива данных могла бы принести результаты высокого качества, быть более точной и гибкой, однако это не представляется возможным в силу трудоёмкости и длительности этой задачи. Кроме того, при извлечении отношений вручную огромную роль играет субъективный оценочный фактор, который может повлиять на результат[1].

Так, возникает потребность в разработке методов автоматизированного и автоматического выявления тропонимических отношений.

Одним из способов извлечения семантических отношений из текстовых данных является метод лексико-синтаксических шаблонов. Под такими шаблонами понимаются «типичные словосочетания, обусловленные, с одной стороны, синтаксисом, накладывающим ограничения на сочетаемость слов в заданном языке, а с другой стороны, вероятностными закономерностями, связанными с семантикой и языковым узусом» [Хохлова, 2010, с. 162]. Другими словами, лексико-синтаксический шаблон – это «структурный образец языковой конструкции, который отображает ее лексические и поверхностно-синтаксические свойства» [Лексико-синтаксические шаблоны ... , 2007, с. 72].

Исследования, основанные на лексико-синтаксических шаблонах, уже доказали эффективность такого метода (например, [Hearst, 1992; Hearst, 1998; Snow, Jurafsky, 2004; Киселев, 2016]), однако они пре-

[1] Пример такой обработки, основанной на компонентном анализе [Кобозева, 2000, с. 110] и ступенчатой идентификации дефиниций [Кузнецова, 1989, с. 38], представлен в статье [Мухин, Огородникова, 2016].

имущественно проводятся на материале существительных. Существительные являются хорошей базой для апробации такого метода, так как они имеют достаточно конкретную семантику и напрямую связаны в сознании человека с предметами и явлениями из реального мира.

Такая связь отчетливо проявляется в естественном языке в виде устойчивых конструкций, которые в упомянутых выше исследованиях выступают в качестве лексико-синтаксических шаблонов. К подобным конструкциям в русском языке относятся, например, «такие A, как B, C и D», «B, C, D и другие A», где A – гипероним, а B, C, D – гипонимы. Для английского языка типичны следующие выражения: «A such as B, C or D», «A including B, C and D», «A especially B, C and D» и др.

В случае с глаголами лексико-синтаксические шаблоны необходимо формулировать отдельно. С этой целью было проанализировано распределение уже установленных гипо-гиперонимических пар в контекстах на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ)[1]. В ходе поиска никаких сравнительно убедительных результатов получено не было – гиперонимы и гипонимы в контекстах встречаются довольно редко, для некоторых пар таких контекстов и вовсе выявлено не было. В тех же случаях, когда на весь объем корпуса находится несколько контекстов, очевидного проявления гипо-гиперонимических отношений в структурно устойчивых синтаксических конструкциях не проявляется.

Так, например, при поиске контекстов, объединяющих тропоним *откупорить* с гиперонимом *открыть*, обнаружен такой результат, реализующий скорее синонимические, чем тропонимические отношения: *Один день Венедикта Петровича… На спор! – открыть, откупорить изболтанную крепкой рукой бутылку шампанского, но так, чтобы ни единой капли вина (ни даже пенной капли) не упало на стол* (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени).

Гипо-гиперонимическая пара *открыть – взломать* в контекстах также подтверждает высказанную нами гипотезу: *Полицейский потребовал немедленно открыть дверь, иначе она будет взломана* (Н. Воронцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое). В данном предложении тропоним и гипероним вступают в отношения оппозиции, так как дифференцирующий признак привносит в значение глагола *взломать* совершенно конкретный образ действия, который противопоставляется нейтральной манере совершения действия в глаголе *открыть*.

Другой аспект употребления тропонимов и гиперонимов в совместном контексте может быть связан с необходимостью избегания повторов в ряду параллельных конструкций: *Затем он спихнул на пол тулуп, сбросил грелку, встал на ноги и, ничего не понимая, огляделся по сторонам* (А. Герасимов. Дом на Озерной). Глагол *спихнуть* обладает

[1] НКРЯ. URL: http://www.ruscorpora.ru/.

более конкретной семантикой, чем глагол *сбросить*, он характеризует образ действия более оценочно, эмоционально, точно. В таком контексте их значения являются практически синонимичными.

На основании проанализированных данных из НКРЯ не было выделено лексико-синтаксических шаблонов, которые могли бы встречаться в достаточном для справедливого установления семантических отношений количестве контекстов.

2. Однако это не означает, что применение метода лексико-синтаксических шаблонов для обнаружения тропонимических отношений невозможно. Такой метод оправдан при обработке словарных дефиниций, в которых определения часто даются на базе родового слова или неоднословного выражения.

Следует отметить, что не каждый словарь подходит для обработки с помощью методов лексико-синтаксических шаблонов. Те же словари, которые соответствуют данным условиям, требуют «индивидуального» подхода, так как каждый лексикографический продукт имеет определенные особенности в структуре и типовых вариантах описания лексических единиц.

Несмотря на эти ограничения, обработка словаря методом лексико-синтаксических шаблонов с целью извлечения гипо-гиперонимических глагольных пар значительно оптимизирует процесс установления семантических отношений.

В ходе исследования планируется составить алгоритм извлечения глагольных гипонимических отношений из Толкового словаря русских глаголов под редакцией Л. Г. Бабенко [1999]. Этот словарь относится к разряду идеографических, т. е. представляет лексику по семантическим группам, выделяет смысловые связи между разными единицами.

Словарные дефиниции являются своеобразной идентификационной карточкой каждого слова. От того, насколько четко, объективно и структурированно она составлена, зависит возможность использования словаря в прикладных задачах, а также степень понимания читателем связанности всех лексических единиц.

Так, Ю. Н. Караулов писал, что лексикографическая дефиниция – это конструктивный аналог записи смысла слов набором семантических множителей. То есть слова, фигурирующие в дефиниции, по существу являются элементарными семантическими компонентами. Эта мысль приводит к следующему заключению: «Тогда наличие одинаковых слов в толкованиях двух сопоставляемых единиц должно свидетельствовать и о наличии семантической связи между этими единицами» [Караулов, 1982, с. 47].

В словарях встречаются два основных вида составления дефиниций – с помощью синонимов и с помощью гиперонимов. Наиболее частым является второй вариант, так как такой способ составления сло-

варного определения позволяет четко категоризировать слово, привязать его к какому-либо обобщенному классу.

По мнению П. Н. Денисова, важно соблюдать принцип семантической ступенчатости описания слова: «Слова, выполняющие метаязыковую функцию в словарной статье, могут быть всего лишь на один-два семантических признака проще описываемого слова. Иначе говоря, описание некоторого слова цепочкой предельно простых в семантическом отношении слов («элементарных смыслов») или слова “лексической аксиологии” не является насущной необходимостью, поскольку приводит к длиннотам, тогда как описание словами, которые проще описываемого слова на один-два семантических признака, будет гораздо короче, обозримее и доступнее» [Денисов, 1993, с. 216].

Толковый словарь русских глаголов под ред. Л. Г. Бабенко построен по подобному принципу, именно поэтому он может быть использован для автоматического анализа и извлечения гипонимических отношений с помощью метода лексико-синтаксических шаблонов.

Рассмотрим некоторые дефиниции глаголов из узкой семантической группы, носящей в словаре название «Глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов».

1. Падать, несов. (сов. упасть). Двигаться (двинуться) сверху вниз к земле под действием собственной тяжести, перестав удерживаться где-л.

2. Скользить, несов. (сов. скользнуть). Двигаться (двинуться) в определенном направлении, катаясь по гладкой, уменьшающей трение поверхности, не теряя с ней контакта, волоком (обычно при помощи санок, лыж, коньков).

3. Спускаться, несов. (сов. спуститься). Двигаться (двинуться) откуда-л. сверху вниз, сходя, съезжая по чему-л. (по склону, по ступеням и т. п.).

4. Торопиться, несов. (сов. поторопиться). Двигаться (двинуться) в каком-л. направлении быстро, стараясь успеть куда-л., как можно скорее оказаться где-л.

Такой тип глагольных дефиниций является одним из самых распространенных в рассматриваемом словаре, так как он охватывает группу глаголов, обладающих как совершенным, так и несовершенным видом. Лексико-синтаксический шаблон для выявления отношения тропонимии в данном случае может выглядеть так: V1impf, несов. (сов. V1pf). V2impf (V2pf). При этом V1 – тропоним, а V2 – гипероним, impf/pf – несовершенный/совершенный вид.

Еще один вариант шаблона можно выявить на основании следующих глаголов:

1. Бежать, несов. Двигаться откуда-л. куда-л., усиленно, быстро перебирая ногами и резко отталкиваясь ими от поверхности земли.

2. Бить, несов. Двигаться откуда-л. стремительной струей, вытекать, вырываясь с силой, подобно тому как хлещут плетью по воздуху (о жидкости).

3. Брести, несов. Двигаться откуда-л. в каком-л. направлении медленно, с трудом, едва передвигая ноги.

4. Волочиться, несов. Двигаться в каком-л. направлении, не отрываясь от земли, от поверхности чего-л., скользя по ней, цепляясь за неровности (как правило, о каких-л. предметах, перемещающихся за кем-, чем-л.).

5. Вышагивать, несов. Двигаться, идти в каком-л. направлении размеренно и ритмично.

Представленные примеры глаголов из выбранной группы относятся к одновидовым, они существуют только в несовершенном виде. Для такой категории глаголов можно сформулировать следующий лексико-синтаксический шаблон: V1impf, несов. V2impf.

Наиболее интересный вариант лексико-синтаксического шаблона можно составить, используя следующий формат дефиниций:

1. Бросаться, несов. (сов. броситься). Двигаясь быстро, стремительно откуда-л., чаще всего сверху вниз, прыгать (прыгнуть).

2. Валиться, несов. (сов. свалиться). Двигаясь откуда-л. сверху вниз, падать (упасть).

3. Тащиться, несов. Двигаясь в определенном направлении, идти, ехать медленно, тяжело, с трудом (о живом существе или средстве передвижения).

4. Тонуть, несов. (сов. утонуть и потонуть). Двигаясь сверху вниз в водной среде, погружаться (погрузиться) в нее при неспособности удержаться на поверхности, идти ко дну.

5. Топать, несов. Двигаясь в определенном направлении, идти, бежать, громко стуча ногами, издавая шум.

Для таких дефиниций сложность представляет формулировка дополнительного признака с помощью деепричастного оборота. Он может быть не один, сопровождаться наречиями или наречными выражениями. В схеме он будет условно обозначен [Деепр. оборот]. Оборот чаще всего начинается деепричастием *двигаясь,* которое относит определяемый глагол к укрупненной группе глаголов движения. Однако между более абстрактным *двигаться* и определяемым глаголом есть ещё дополнительный уровень. Так, например, *тонуть* является тропонимом для *погружаться*, а он, в свою очередь, выступает тропонимом для *двигаться*.

Таким образом, лексико-синтаксический шаблон для таких дефиниций в общем виде выглядит так: V1impf, несов. (сов. V1pf). [Деепр. оборот], V2impf (V2pf).

Составленные лексико-синтаксические шаблоны основываются на данных только одной семантической подгруппы, выделенной составителями словаря. Однако они могут быть применены ко всему словарю.

Стоит отметить, что качество гипо-гиперонимических пар, полученных с помощью метода лексико-синтаксических шаблонов, сильно зависит от качества исходных данных. То есть, если в словарной статье допущена ошибка или неточность, то она, соответственно, перейдет в результат нашего анализа. Чтобы свести вероятность неточности к минимуму, в дальнейшем планируется привлечь к исследованию другие идеографические словари.

К очередным задачам исследования можно отнести автоматизацию обработки словаря в электронном виде, поиск других лексико-синтаксических шаблонов при анализе других семантических групп, конкретизацию уже выявленных шаблонов с учетом частных признаков более узких семантических групп.

Литература

Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ / Ю. Н. Караулов, В. И. Молчанов, В. А. Афанасьев, Н. В. Михалев. М. : Наука, 1982.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М. : Рус. яз., 1993.

Киселев Ю. А. Разработка автоматизированных методов выявления семантических отношений для электронных тезаурусов : дис. ... канд. техн. наук. Самара, 2016. 170 с.

Лексико-синтаксические шаблоны в задачах автоматической обработки текста / Е. И. Большакова, Н. В. Баева, Е. А. Бордаченкова, Н. Э. Васильева, С. С. Морозов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог 2007» / под ред. Л. Л. Иомдина, Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М., 2007. С. 70–75.

Мухин М. Ю., Огородникова Е. А. Глагольная лексика в структуре электронных тезаурусов: проблема выделения тропонимических отношений // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Екатеринбург : Кабинет. ученый, 2016. С. 422–431.

Толковый словарь русских глаголов / ред. Л. Г. Бабенко. М. : Аст-Пресс, 1999.

Хохлова М. В. Разработка грамматического модуля русского языка для специализированной системы обработки корпусных данных // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 9, Язык и литература. 2010. Вып. 2. С. 162–169.

Fellbaum Ch. (ed.) WordNet – An Electronic Lexical Database. Massachusetts: MIT Press, 1998.

Hearst M. A. Automatic Acquisition of Hyponyms from Large Text Corpora // Proceedings of the 14th conference on Computational linguistics. Vol. 2, Nantes, France, Association for Computational Linguistics, Morristown, NJ, USA, 1992. P. 539–545.

Hearst M. A. Automated Discovery of WordNet Relations // WordNet: An Electronic Lexical Database / Fellbaum C. (ed.). MIT Press, Cambridge, 1998. P. 132–152.

Five Papers on WordNet / G. A. Miller, R. Beckwith, Ch. Fellbaum, D. Gross, K. Miller. Princeton University: Cognitive. Science Laboratory, 1993. URL: http://wordnetcode. princeton.edu/5papers.pdf (accessed: 05.04.2018)

Snow R., Jurafsky D., Ng A. Learning syntactic patterns for automatic hypernym discovery // Proceedings of Advanced in Neural Information Processing systems. Vancouver, British Columbia, 2004. P. 1297–1304.

УДК 81’42

А. А. Рачёва

Дейктические средства выражения оценки в устном дискурсе

Аннотация. Статья посвящена анализу дейктических средств выражения отрицательной оценки в устном дискурсе. На материале глубинных интервью с жителями Иркутска рассматривается функционирование элементов ближнего (*ЭТОТ*) и дальнего дейксиса (*ВОН*, *ТАМ*), которые, выполняя дискурсивные функции, приобретают способность маркировать пейоративность. Особый интерес в рамках предпринятого исследования представляют механизмы развития оценочных функций у данных единиц. Установлено, что основанием для развития пейоративных значений у *ТАМ* и *ВОН* является характерная для них семантика дистанцирования, а способность единицы *ЭТОТ* выражать отрицательную оценку обусловлена дискурсивным контрастом, создаваемым за счёт сочетания указательного местоимения с именем собственным или формой множественного числа.

Ключевые слова: устный дискурс, дискурсивные функции, дейктические единицы, оценка, пейоративность.

A. A. Racheva

Deictic units of expression of evaluation in oral discourse

Abstract. The article focuses on analysis of deictic units of expression of negative evaluation in oral discourse. Text materials from in-depth interviews with Irkutsk inhabitants allow us to review the elements of deictic units of proximal deixis “ETOT” (THAT) and distal deixis “VON”, “TAM” (THERE), which perform discursive functions and thus obtain an ability to identify pejorative term. Of particular interest of the study were mechanisms of evaluation functions development. It was determined that the basis for development of pejorative meanings of “TAM” (THERE) and “VON” (THERE) is characterized by semantic distance. «ETOT» (THAT) involves negative evaluation resulted from contrast in discourse due to combination of demonstratives with a proper noun or plural form.

Keywords: oral discourse, discourse functions, deictic units, evaluation, pejorative term.

В последние десятилетия фокус исследовательского внимания в лингвистике все больше смещается на изучение устной речи, принципиально отличающейся по своим характеристикам от письменной формы. Это обусловливает интерес к специфике функционирования различных языковых единиц в устном дискурсе – появлению у них новых функций и оттенков значения.

Предметом анализа в данной статье являются дейктические единицы с пространственной семантикой *ТАМ*, *ВОН*, *ЭТОТ*, используемые в устном дискурсе для выражения отрицательной оценки.

В качестве материала исследования используется корпус «Устная история Иркутска», состоящий из интервью, записанных с 2009 по 2012 г., с жителями Иркутска и Иркутской области. Анализируемые тексты представляют собой неподготовленное развёрнутое повествование о прошлом (и в некоторых фрагментах − о настоящем).

Способность дейктиков к выражению различного рода оценок ожидаема: их исходная пространственная семантика становится основой для метафорического переноса «реальное пространство» => «ценностное пространство говорящего» (см. [Пеньковский, 2004; Шейгал, 2000]).

Кроме того, данные элементы имеют местоименную природу, а развитие оценочных функций в целом характерно для местоименной лексики. Так, у Н. Ю. Шведовой: «Исходные местоимения – категория в высшей степени активная: в них, кроме всего прочего, заложен потенциал выражения эмоционального отношения к сообщаемому» [Шведова, 2005: 459].

Прежде всего рассмотрим возможность выражения отрицательной оценки с помощью единицы *ТАМ*.

В устном дискурсе единица *ТАМ* может становиться средством выражения отчуждения и − в некоторых случаях − одним из средств маркирования отрицательной оценки. На подобные употребления первым обратил внимание А. Б. Пеньковский «*Там* – с его основным местоименно-наречным обстоятельственным значением «не здесь», «не теперь» (откуда далее «не в моем сознании») – отсылает в другие локусы, в другие времена, в другие культурные и ценностные миры, куда от «я – здесь – теперь» можно перебраться только оценивающей мыслью. И **если оценивающее сознание воспринимает «другое» как «чужое – плохое», то принадлежащее ему *там* оказывается знаком отчуждения и – в силу отчуждения – знаком отрицательной оценки**» [Пеньковский, 2004, с. 42]. Например:

(1) *Ну вот так. Ну давайте* ***там*** *про перестройку. Что* ***там*** *про политику?*

(2) *Это те, которые хорошо смогли* ***наскрести*** *из того, что нация создавала. Вот они и построили себе* ***там*** *Дом Кузнеца,* ***там*** *Дом Европы вот этот. Вот. Вот его хорошо, конечно, что восстановили как памятник архитектуры, а не потому что* ***там*** *какой-то дом. Чей он? Неизвестный дом. Вот*.

(3) *То есть о будущем не задумываются, сегодня вот они прожили, они себе* ***нахватали****, они своим потомкам* ***там*** *обеспечили всем, что надо, а дальше что будет, неизвестно. Вот*.

Отчуждение, маркируемое с помощью *ТАМ*, не всегда порождает оценочные эффекты и может быть, в частности, обусловлено временной удалённостью описываемого события (1).

По всей видимости, пейоративность, часто появляющаяся в подобных контекстах отчуждения, возникает как дополнительный к идее дистанцированности компонент, и её появление во многом определяется наличием других элементов, выражающих отрицательную оценку (см. использование в примерах (2) и (3) лексем *наскрести* и *нахватать,* содержащих в своём значении прагматический компонент «отрицательное отношение говорящего к данному действию»). Подобные сложности при разграничении значения единицы и значения контекста вполне ожидаемы: *ТАМ* в таких контекстах используется как дискурсивное слово, а «многие ДС (дискурсивные слова. − *А. Р.*), в особенности

частицы, могут полностью «сливаться» с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов» [Дискурсивные слова ... , 1998, с. 9].

Как представляется, отчуждение может маркировать и другой элемент дальнего дейксиса – единица *ВОН*. Рассмотрим использование данной единицы в двух функциях – акцентирующей (*ВОН* используется для выделения особенно значимых, по мнению говорящего, аспектов ситуации) и функции маркера экземплификации (*ВОН* указывает на вводимую иллюстрацию озвученного выше общего утверждения).

Обращает на себя одна важная особенность, объединяющая большинство контекстов с акцентирующим *ВОН*: субъекты речи используют *ВОН,* эксплицируя представление об отрицательно оцениваемой ими ситуации. Например:

(4) *Это караул. И эта система ЕГЭ – это безобразие полное. Ну говорили, что коррупции не будет.* ***Вон*** *она –* ***такая коррупция, что такой коррупции и не было никогда****. И Фурсенко, и все его кроют, и хоть бы что, и он сидит непотопляемый. Его уничтожить, его уже линчевать надо, он всё развалил.*

(5) *− Ну, как, как она отмечала. Как. Она и сейчас отмечает, вот.*

− Ну, вот как раньше и как сейчас?

− Раньше. Раньше как они отмечали. Тоже только и бузовали.

−Что делали?

− Бузовали. То драка, то ножи, вот. Не больно так-то… вот и сейчас и по радио, и по телевизору передают, что ***вон****, творят чудеса. То где взорвут, то что наделают.*

Отрицательная оценка в примере (4) выражена с помощью лексемы *коррупция*, называющей отрицательно оцениваемое социумом явление. В примере (5) говорящий иронически использует выражение *творят чудеса*, обозначая тем самым отрицательно оцениваемые социумом явления (см. дальнейшее разъяснение: *то где взорвут, то что наделают*).

Это позволяет предположить, что в данных контекстах *ВОН* используется не только для акцентирования определённого аспекта ситуации, но и для выражения пейоративного отчуждения. Формирование у *ВОН* способности выражать отчуждение ожидаемо: подобным же образом используется *ТАМ,* также в базовой функции указывающее на объект, находящийся в отдалении (см. выше).

Обратимся к анализу примеров, в которых *ВОН* используется в функции маркера экземплификации (примеры (6) и (7)). Значимо, что в этой же функции может использоваться единица *ВОТ* (8).

(6) *− А как Вы думаете, День Победы хорошо отметили? Вот 60 лет?*

− Ты знаешь, вот День Победы, к Дню Победы сейчас стараются примазываться даже те классы, которые недовольны Победой и примазываются к ней. И будут, потому что это настолько важный праздник для народа, что против него просто нельзя. ***Вон*** *же попыта-*

*лись заменить Знамя Победы на такое… **какое-то… непонятное**. Как весь народ выступил, пришлось Госдуме менять.*

(7) *И рядом стояла ТЭЦ. И город отапливался все котельными. И вот мы жили около ТЭЦ, и у нас было всё в саже, мы были все черные. Попробуй не умыйся два раза в день, не умойся, значит. Сейчас можно не умываться, и чистый будешь ходить. **Вон** Лёшка у нас по месяцу не умывается, а тогда не умоешься, будешь как черт, ни за что взяться нельзя было: кругом была сажа.*

(8) *…она* (мама. – *А.Р.*) *варилась в этой среде геологов, они все были молодые, они все прошли войну, пришли с фронта, они были такие воодушевленные, такие вот приподнятые, ну одухотворенные какие-то. Вот я не знаю, вот сейчас таких людей нету, **вот мой преподаватель любимый**, вот он у меня там напротив, доктор наук, Золотарёв.*

Поскольку в функции экземплификации в одной и той же позиции может использоваться и единица *ВОТ*, и единица *ВОН*, различает которые только параметр близости/дальности, возникает вопрос, почему говорящие предпочитают использовать определенный маркер – *ВОТ* или *ВОН*, или, иными словами, в чем разница использования данных единиц в описанной функции.

Как представляется, выбор *ВОН* или *ВОТ* в данной функции связан с включением объекта/ситуации в личную сферу говорящего. В личную сферу говорящего, как известно, «входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [Апресян, 1986, с. 27].

Анализ имеющихся примеров позволяет предположить, что *ВОТ* – в силу своего исходного значения указания на близкое пространство – маркирует иллюстрации, в которых упоминаются объекты, включённые в личную сферу говорящего (см. пример (8), в котором субъект речи говорит о любимом преподавателе), тогда как *ВОН*, указывающее в своей первичной функции на удалённое пространство, маркирует примеры, где упоминаются исключенные из личной сферы говорящего объекты.

В ряде случаев такие контексты с *ВОН* могут содержать компонент «отрицательная оценка». Так, в примере (6) пейоративное отчуждение выражается с помощью неопределённого местоименного прилагательного *какой-то*: *Вон же попытались заменить Знамя Победы на такое… **какое-то**… непонятное*. В примере (7) информант отрицательно оценивает действия своего внука (***Вон** Лёшка у нас по месяцу не умывается*). Это позволяет предполагать, что *ВОН* в подобных контекстах становится одним из средств выражения пейоративности, в основе которой лежит отчуждение, исключение объекта/явления из личной сферы говорящего.

Рассмотрим использование единицы *ЭТОТ* как оценочного средства. Возможность выражения пейоративности с помощью *ЭТОТ* отме-

чается в лингвистической литературе (см., например, [Шейгал, 2000; Шмелёв, 2002; Смирнова, 2011]), хотя причины этого феномена, как кажется, осмыслены недостаточно. О. Н. Красавина полагает, что способность к пейоративному употреблению основывается на том, что *ЭТОТ* – «местоимение ближнего дейксиса – используется для дистанцирования» [Красавина, 2004, с. 62].

Это утверждение представляется как минимум небесспорным: как справедливо указывает его автор, местоимение *ЭТОТ* относится к показателям **ближнего** дейксиса, а стандартным средством выражения семантики дистанцирования (что, кстати, следует из внутренней формы термина) являются показатели **дальнего** дейксиса, которые позволяют представить объект или ситуацию как находящиеся далеко от говорящего и потому исключенные из его личной сферы.

Вопрос об истоках формирования оценочной семантики у лексемы *ЭТОТ* остается открытым и требует дальнейшего обсуждения.

К случаям употребления *ЭТОТ* в качестве средства выражения оценки мы относим контексты, где данная единица используется в составе указательной группы без антецедента в предшествующем тексте или в качестве субстанивата (*и к власти этот пришёл*).

Перейдем к анализу имеющихся примеров.

(9) *Раньше как строили: строят дом, вокруг на три квартала разбросанные доски, кирпичи, арматура,* ***всякие какие-то эти блоки****. Все валяется, всё без хозяйства*.

(10) *Это вот под прикрытием красивых* ***вот этих вот всяких лозунгов*** *они для себя делают. Это было даже еще при советской власти такое.*

(11) *Как раз* ***эти китайцы*** *всё время нарушали границу. Несколько раз вырезали заставы полностью. И однажды с танков сняли всю видеотехнику*.

(11) *И когда тут* ***этот наш Романов****, знаменитый наш самый,* ***сволочь****, коммунист. Мама у него начальником торга была в Иркутске, потом она хозяйка нескольких магазинов, а он был… организовал эту школу*.

(12) *Раньше она называлась не бульвар Гагарина, а просто Вузовская набережная. И на ней не было памятника* ***этому Александру Третьему****, а был на этом месте вообще только вот этот один остов*.

(13) *Так там* ***забегали*** *сразу, прокуратура, что* ***наценяют.*** *А когда уедет, опять начнут так же. Вот. Порядок-то должен быть. А никакого порядка нету. Что* ***эти президенты****, что* ***этот Путин****, что* ***этот Медведь****, вот так*.

(14) *Да черт его знает, какой Декабрьских событий, каких событий, черт его знает. И все* ***эти Карлы Марксов, на фига он нам нужен, этот Карл Маркс бородатый****.*

Как видно, подобные контексты содержат большое количество оценочных средств, как знаменательных (см. использование лексемы *сволочь* в (11) и выражения *на фига он нам нужен* в (14)), так и местоименных (см. *всякий и какой-то* в (9) и (10): ***всякие какие-то*** *эти блоки; вот этих вот* ***всяких*** *лозунгов*). Кроме того, здесь широко используются формы множественного числа, в том числе анормативные (*И все эти* ***Карлы Марксов***), обладающие значительным оценочным потенциалом (см. об этом ниже).

Попробуем определить, какой вклад в выражение негативной оценки вносит лексема *ЭТОТ*.

Все контексты, классифицированные нами как оценочные, независимо от того, содержатся ли в них другие средства выражения оценки, делятся на две группы: в первой УГ с *ЭТОТ* в качестве главного компонента включают существительное в форме мн. ч. (см. примеры (9)–(11)), во второй − имя собственное (см. примеры (12)–(14)).

Специфика рассматриваемых контекстов состоит в том, что в них ***ЭТОТ*** **указывает на однородность описываемого множества** (*эти лозунги*, *эти китайцы, эти президенты*), выводя из фокуса представление об уникальности отдельных объектов, такое множество образующих. Именно это, как кажется, обусловливает формирование негативных оценочных смыслов в анализируемых контекстах, ср. у А. Б. Пеньковского: «“Чужой” мир – это мир форм множественного числа со значением однородного множества» [Пеньковский, 2004, с. 18].

Возможность реализации пейоративного отчуждения в контекстах второго типа также неслучайна: сочетание имени собственного с *ЭТОТ* не может не порождать оценочных эффектов. А. Д. Шмелёв отмечает: «Как для указательного местоимения, так и для ИС (имени собственного. − *А. Р.*) основная функция состоит в идентификации референта, поэтому в таких конструкциях либо ИС, либо местоимение утрачивают свою функцию» Шмелёв, 2002, с. 119].

Важно подчеркнуть, что, поскольку лексема *ЭТОТ* стандартно используется для **выделения объекта из однородного множества**, она сочетается с нарицательными существительными, так как только те объекты, которые обозначены нарицательными именами, могут быть выделены из какого-либо ряда подобных им объектов. В тех случаях, когда подобным образом начинают использоваться имена собственные (т. е. имена уникальных и единичных объектов), создаётся интересный семантический эффект: уникальный объект **как будто** оказывается вписанным в ряд себе подобных.

Такое употребление, уподобляющее имя собственное нарицательному, позволяет существенно понизить статус референта (уникальное и единичное становится одним из элементов ряда) и таким образом поместить объект в зону «чужого». Как заметил А. Б. Пеньковский: «Чужой»

мир – это… мир нарицательных имен, **в котором и собственные имена функционируют как нарицательные»** [Пеньковский, 2004, с. 19].

В обоих рассмотренных случаях причиной формирования пейоративности у *ЭТОТ* становится контекстуальное столкновение значений указательного слова и имени собственного / форм множественного числа. Подобное явление можно назвать **дискурсивным контрастом**.

Особую группу составляют примеры, где *ЭТОТ* используется в качестве субстантивата: в подобных контекстах пейоративность особенно сильна.

(15) *И вот лётное училище. Когда я учился, в этот год Хрущев управлял страной, и как раз начались сложности в стране с едой. Когда Сталин управлял, он сделал снижение цен, с каждым годом улучшалось, а он помер, и* ***этот*** *пришел к власти, и тут начались сложности с экономикой.*

(16) *Не нужен он здесь, Ленин, вот. Стоит у Дома культуры его обелиск, сто лет он не нужен. Вот. Как в Москве хотят… Хрущев быстро Сталина выкинул. Вот. Ночью. Тот как трус подлый. Вот. Выкинул. Вот. И так и* ***этого*** *выкинуть* (Черепахин).

Имеющиеся примеры позволяют предположить, что референтом *ЭТОТ* в таких контекстах почти всегда оказывается лицо. По всей видимости, логика формирования отрицательной оценки в данных контекстах подобна описанной выше: уникальный объект (личность), типичной номинацией которого должно быть имя собственное, в данном случае даже не называется, а лишь обозначается с помощью указания. Это позволяет субъекту речи существенно понизить статус референта: последний вписывается в неопределенное множество, и единственным средством его идентификации становится указание (которое таким же образом может идентифицировать, например, неодушевлённые объекты). Подобное «неупоминание» имени уникального объекта является определенной формой пренебрежения («не заслуживает того, чтобы быть упомянутым»).

Таким образом, в качестве средства выражения отрицательной оценки в устном дискурсе могут использоваться как элементы дальнего (*ТАМ*, *ВОН*), так и элементы ближнего дейксиса (*ЭТОТ*), однако причины, обусловливающие развитие подобного значения у показателей ближнего и дальнего дейксиса, различны: единицы *ВОН* и *ТАМ* выражают пейоративность за счет актуализации семантики дистанцирования, а *ЭТОТ* − благодаря формированию дискурсивного контраста в результате контекстуального столкновения значений указательного слова и имени собственного / форм множественного числа. Следует отметить, что выражение пейоративности может являться как основной (в случае употребления единиц *ЭТОТ* и *ТАМ*) функцией единицы, так и «сопутствующим эффектом» (в случае употребления *ВОН* в акцентирующей функции и функции маркера экземплификации).

Литература

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. № 28. С. 5–32.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселёвой, Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 447 с.

Красавина О. Н. Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе // Вопр. языкознания. 2004. № 3. С. 51–68.

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Очерки по русской семантике. М. : Яз. славян. культуры, 2004. С. 13–50.

Смирнова Л. Г. «Это ваши проблемы»: оценочность местоимений в русском языке // Рус. речь. 2011. № 1. С. 55–62.

Шведова Н.Ю. Русский язык: избранные работы. М. : Яз. славян. культуры, 2005. 639 с.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград : Перемена, 2000. 367 с.

Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М. : Яз. славян. культуры, 2002. 496 с.

УДК 81`27

Е. А. Ронина

Прецедентная лексико-синтаксическая структура в составе интернет-мемов

Аннотация. В статье[1] описывается сущность и особенности функционирования такого прецедентного феномена, как прецедентная лексико-синтаксическая структура. Этот феномен не попадал до сих пор в поле зрения лингвистов. Прецедентная лексико-синтаксическая структура, так же как и другие прецедентные феномены, служит основой для создания интернет-мемов. Изучаются прецедентные структуры, взятые из таких источников, как американский кинематограф, видеоигры, распространенные в англоязычном, испаноязычном и русскоязычном секторах сети Интернет.

Ключевые слова: интернет-мем, прецедентный феномен, прецедентная лексико-синтаксическая структура.

E. A. Ronina

Precedent Lexico-Syntactic Structure as Part of Internet Memes

Abstract. The article describes the essence and functioning peculiarities of such a precedent phenomenon as a precedent lexico-syntactic structure. This phenomenon has not yet come into the attention of linguists. The precedent lexico-syntactic structure, as well as other precedent phenomena, serve as a basis for creating Internet memes. The precedent structures studied are taken from sources such as American cinematograph, video games. These structures are general in the English-, Hispanic- and Russian-speaking sectors of the Internet.

Keywords: Internet-meme, precedent phenomenon, precedent lexico-syntactic structure.

В середине первого десятилетия XXI в. во Всемирной паутине появилось и чрезвычайно быстро распространилось новое явление в интернет-коммуникации – интернет-мем. Термин заимствован из английского языка (Internet meme) и обозначает медиаобъект, т. е. объект, создаваемый электронными средствами коммуникации. Интернет-мем –

[1] Статья написана на материале магистерской диссертации К. А. Кондратюк, выполненной под руководством автора статьи.

это любые имеющие смысл высказывания, картинки, видео- или звукоряд; чаще всего это картинка, на которой присутствует какая-либо фраза, цитата. Интернет-мем, как правило, – объект остроумный и иронический. Картинка с текстом в подавляющем большинстве случаев не содержит указания на автора, спонтанно приобретает популярность, распространяясь в Интернете посредством социальных сетей, форумов, блогов, мессенджеров, таких, например, как «ВКонтакте», «Фейсбук», «Твиттер», «Пикабу» и др. Определение мема как устойчивого элемента информации, который бесконечно копируется и повторяется, можно найти в работах лингвиста И. В. Ксенофонтовой, а также колумбийского психолога и когнитивиста К. М. Кастаньо Диаса [Ксенофонтова, 2009; Castaño Díaz, 2013].

Мем – это поликодовый текст, поскольку информация в нем чаще всего представлена семиотически разнородными средствами – вербальным и невербальным компонентами, объединение которых создает семантически значимую структуру. Нередко юмористический эффект в интернет-мемах возникает в результате отсылки к какому-либо прецедентному феномену, причем для интернет-коммуникации как в испаноязычной, так и в русскоязычной среде характерно обращение к англоязычным источникам прецедентных феноменов. Реплицируются, переводятся, перерабатываются образы и цитаты американского кинематографа и видеоигр.

В современной отечественной лингвистике основными прецедентными феноменами считаются прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация и прецедентный текст [Гудков, 1999]. Однако сложность явления «прецедентный феномен» приводит к тому, что разные лингвисты, обращая внимание на различные стороны и признаки прецедентных феноменов, указывают на существование и других прецедентных единиц. Появились работы, посвященные изучению таких разновидностей прецедентных феноменов, как «прецедентный прагморефлекс» [Прохоров, 1996], «прецедентный оним» [Фомин, 2003], «прецедентный топоним» [Березович, 2002], «прецедентный образ» [Чумак-Жунь, 2005], «прецедентный визуальный образ» [Мардиева, 2011], «прецедентный культурный знак» [Пикулева, 2003].

Стоит обратить внимание на разновидность прецедентного феномена, еще не описанную в исследованиях, посвященных разработке теории прецедентности. Иногда прецедентным становится не высказывание, а некоторая лексико-синтаксическая структура, воспроизводимая и реплицируемая в составе интернет-мемов в одном и том же виде на разных языках. Этот феномен представляет собой обрывок предложения с зафиксированными лексическим составом и взаимным расположением частей. Такая структура функционирует как вербальная рамка текста интернет-мема со свободным варьирующимся наполнением.

Важным признаком прецедентной лексико-синтаксической структуры, позволяющим отграничить ее от прецедентного высказывания, является фиксированная семантика самой этой вербальной рамки: несмотря на произвольность текста мема, он вставляется в рамку лексико-синтаксической структуры, имеющую всегда одно и то же значение, что придает всему высказыванию один и тот же общий коммуникативный смысл.

Примером одной из наиболее известных прецедентных лексико-синтаксических структур является структура One does not simply... – «Нельзя просто так взять и...» в русскоязычных мемах и No es tan sencillo… в испанском варианте (букв. «Это не так просто»). Эта структура исходно является началом фразы из фильма «Властелин колец», которая в фильме звучит как One does not simply walk into Mordor («Нельзя просто так взять и войти в Мордор»). Впервые в качестве мема эта структура была использована в 2004 г. (рис. 1).

Рис. 1

В процессе репликации и распространения в интернет-пространстве исходная реплика персонажа фильма оторвалась от своего оригинального контекста и стала прецедентной устойчивой лексико-синтаксической структурой, вербальной рамкой для большого количества юмористических интернет-мемов. При создании таких мемов лексико-синтаксическая структура «Нельзя просто так взять и...» всегда занимает позицию в начале фразы, как в оригинале. Кроме того, придуманный мем, начинающийся с этой структуры, как правило, в качестве визуальной составляющей воспроизводит визуальный образ, ставший прецедентным одновременно с вербальной составляющей. Это изображение героя фильма Боромира, которому и принадлежит исходная фраза. По имени героя этот мем в Интернете называется «Боромир-мем».

Мем «Нельзя просто так взять и не послушать Шуфутинского третьего сентября» (рис. 2), помимо прецедентной лексико-синтаксической структуры и прецедентного визуального образа, содержит отсылку к прецедентному тексту – песне М. Шуфутинского со словами «Я календарь переверну, и снова третье сентября». Пример той же прецедентной

лексико-синтаксической структуры из испаноязычных мемов – No es tan sencillo aprender español («Нельзя просто так взять и выучить испанский») (рис. 3).

Рис. 2

Рис. 3

Еще один пример популярной прецедентной лексико-синтаксической структуры – …, they said. …, they said. Этот мем берет начало в видеоигре Warcraft 2, где вечно недовольным пехотинцам армии людей принадлежит реплика «Вступай в армию! – говорили мне. – Будет весело! – говорили мне. Лучше бы я плавал!» Широкое распространение эта структура получила после того, как она была использована в качестве скрытой цитаты в фильме «Крепкий орешек»: «Приезжай в Нью-Йорк, говорили они. Классно отдохнёшь, говорили они». И на русский, и на испанский языки лексико-синтаксическая структура переведена буквально: «…говорили они …говорили они» и …decían. …decían (букв. «…говорили, …говорили»; личное местоимение в позиции подлежащего опускается в соответствии с нормами грамматики испанского языка). Буквальный перевод неверен, поскольку личное местоимение they в оригинальной структуре имеет обобщающее неопределенно-личное значение и в качестве такового не должно переводиться буквально, личным местоимением «они». Однако перевод закрепился и воспроизводится как прецедентная лексико-синтаксическая структура.

Общий смысл иронической структуры «… говорили они … говорили они» заключается в горьком упреке, не называемым прямо людям за их советы, следование которым привело говорящего к бедам и неприятностям. Обычно визуальная составляющая содержит изображение обстоятельств, показывающих, к чему на самом деле привело воплощение в жизнь совета, заключенного в вербальной составляющей, ср.: «Женись, говорили они. Будет весело, говорили они» (рис. 4).

Engáñala, decían, no se dará cuenta, decían («Измени ей, говорили они, она не узнает, говорили они»), см. рис. 5.

К прецедентным лексико-синтаксическим структурам должна быть отнесена также структура «…, Карл!». Это мем из американского сериала «Ходячие мертвецы». В оригинальной сцене, кадры которой лежат в основе мема, герой, глядя на мальчика Карла, ничего не говорит, только молча плачет. Однако по какой-то причине именно эти кадры из сериала обрели популярность в интернет-пространстве и стали фиксированным прецедентным визуальным образом, употребляемым в совокупности с лексико-синтаксической структурой «…, Карл!», где на месте многоточия может стоять любой текст, соответствующий эмоциям или коммуникативным намерениям говорящего. Также лексико-синтаксическая структура «…, Карл!» широко реплицируется и в отрыве от визуального образа, как вербальный мем со свободным вербальным наполнением, ср.: «Угадайте, что находится внутри батарейного отсека Tesla Model S? Пальчиковые батарейки, Карл!»

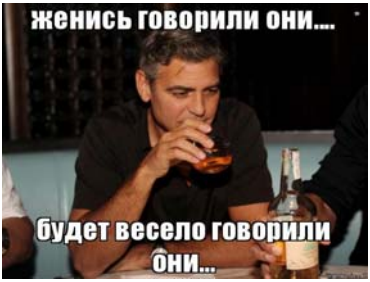

Рис. 4

Рис. 5

Часто наблюдаются попытки квалифицировать этот феномен как прецедентное имя. Однако за самим именем Карл не стоит никакого набора дифференциальных признаков, прецедентного текста или прецедентной ситуации, с ним не связан никакой комплекс смыслов, известный носителям какой-либо лингвокультуры и воспроизводимый ими путем апелляции к прецедентному имени. Напротив, смысл феномена формируется на уровне всей структуры: «…, Карл!» употребляется для выражения иронического изумления или возмущения, обычно необоснованными претензиями или просьбами к говорящему (рис. 6).

Отнести этот феномен к прецедентным лексико-синтаксическим структурам позволяет также его форма. Несмотря на то что структура состоит всего из одного слова, это всегда одно и то же слово, находящееся в фиксированной позиции конца предложения, оформленного чаще всего (но не обязательно) как восклицательное (рис. 7).

Разновидностью прецедентной лексико-синтаксической структуры можно считать феномены, в создании которых принимает участие только синтаксическая составляющая вербального компонента мема.

Это происходит, когда автор мема применяет аллюзию/пародию на синтаксические характеристики исходного текста. В меме на рис. 8 изображен персонаж по имени Йода из серии фильмов «Звёздные войны». Йода известен тем, что в своей речи часто прибегает к инверсиям и необычному порядку слов: «Серьёзной ситуация на Маване стала», «Ренегатов найти, что ребенка украли, задачей твоей будет, Скайуокер» и т. п. Индивидуальная манера речи Йоды породила множество интернет-мемов и шуток, что позволяет говорить о приобретении этим феноменом статуса прецедентности. Причем прецедентной в данном случае становится именно синтаксическая форма вербальной составляющей мема. В качестве вербального компонента в представленном меме выступает известная в русской лингвокультуре скороговорка: «Ехал Грека через реку, видит Грека – в реке рак. Сунул Грека руку в реку, рак за руку Грека цап!». Создатель мема прибегает к полной инверсии скороговорки, таким образом пародируя манеру речи Йоды:

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Литература

Березович Е. Л. Прецедентный топоним в русской языковой традиции: механизмы формирования и функционирования // Ономастика Поволжья : тез. докл. IX Междунар. конф. Волгоград : Перемена, 2002. С. 147–149.

Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации : дис. … д-ра филол. наук. М., 1999. 400 с.

Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор : сб. ст. М. : ГРЦРФ, 2009. С. 285–291.

Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестн. Перм. Ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 202–209.

Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ : автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.

Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996. 224 с.

Фомин А. А. Прецедентные онимы в художественном тексте // Ономастика и диалектная лексика : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. Вып. 4. С. 130–147.

Чумак-Жунь И. И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия. М. : Директ-Медиа, 2014. 228 с.

Castaño Díaz C. M. Defining and characterizing the concept of Internet Meme // Revista CES Psicología. 2013. N 2. P. 82–104.

Современный дискурсивный анализ: языковые факты и проблемы их изучения

УДК 81-13: 808

Л. А. Голышкина

Риторическое моделирование публичного диалога: стратегии и принципы текстообразования (на материале текстов интервью)

Аннотация. Рассматриваются механизмы риторического моделирования публичного диалога, связанные с актуализацией стратегий текстообразования, которые задаются риторическим каноном как технологией создания текста. Воплощение той или иной риторической стратегии текстообразования сопряжено с актуализацией определенного типологического свойства риторического текста (перформативности, персуазивности, актуальности, публичности, диалогичности), коррелирующего с компонентами структуры коммуникативного акта. Риторическая технология текстообразования – модель построения монологического текста. Однако наблюдения над речевыми процессами и явлениями массовой коммуникации свидетельствуют о воплощении риторических стратегий и в практике публичного диалогического взаимодействия. Цель исследования заключается в реконструкции доминирующих риторических стратегий в текстах публичного диалога и в определении реализованных принципов текстообразования. Исследование проводится на материале текстов интервью как наиболее востребованного жанра публичного диалога. Теоретические положения исследования иллюстрируются современным речевым материалом, относящимся к разным типам дискурса – политическому, религиозному, журналистскому, объединенным в единое массмедийное коммуникативное пространство. Результатом исследования становятся выявленные путем проведения дискурсивно-прагматического анализа риторические стратегии – инвентивная, диспозитивная и элокутивная – и соответствующие им принципы риторического моделирования публичного диалога – событийноцентрического, текстоцентрического и эгоцентрического.

Ключевые слова: риторическое моделирование, риторический канон, стратегии текстообразования, принципы текстообразования, публичный диалог, интервью.

L. A. Golyshkina

Rhetorical Modeling of Public Dialogue: Strategies and Principles of Text Formation (Based on the Texts of Interviews)

Abstract. The article deals with the mechanisms of rhetorical modeling of public dialogue that maintain text formation strategies set by the rhetorical canon as a technology of text formation. The implementation of a particular rhetorical strategy of the text formation involves implementation of a certain typological property of the rhetorical text (performativity, persuasiveness, relevance, publicity, dialogism) correlated with the structural components of a communicative act. Rhetorical technology of the text formation is a model of the monologic text formation. However, observations of speech processes and mass communication phenomena show the implementation of rhetorical strategies in public dialogue interaction as well. The aim of the study is to reconstruct the dominant rhetorical strategies in the texts of public dialogue and to define the implemented principles of the text formation. The study is based on the texts of interviews as the most popular genre of public dialogue. The theory of the research is supported by recent speech examples of different types of discourse – political, religious and journalistic ones, all united in a unified mass media communica-

tive space. The study results in identifying inventive, dispositional and elocutionary rhetorical strategies with the help of pragmatics and discourse analysis, and their corresponding principles of rhetorical modeling of public dialogue – event-centered, text-centered and self-centered.
Keywords: rhetorical modeling; rhetorical canons; strategies of text formation; principles of text formation; public dialogue; interview.

Представления о риторическом моделировании текста формируются путем переосмысления идеи риторического канона – классической технологии текстообразования, отражающей универсальный идеоречевой цикл и фиксирующей базовые этапы «трансформации мысли в слово» – инвенцию, диспозицию и элокуцию [Безменова, 1991; Ворожбитова, 2005; Клюев, 1999]. А поскольку «порождение текстовой базы представляет собой стратегический процесс, совершаемый в оперативном режиме (online)» [Дейк ван, 2015, с. 171], то считаем обоснованным связывать каждый этап текстообразования с актуализацией соответствующей стратегии – инвентивной, диспозитивной и элокутивной.

Инвентивная, **или мотивационно-побуждающая, стратегия** инициирует текстообразование: ее реализация предполагает ментальную разработку предметного содержания текста, формирование его концепции, ориентированной на достижение практической цели субъекта речи. Здесь происходит оформление мотива и построение во внутренней речи концептуального сценария зарождающегося текста. Иначе говоря, первый этап речемыслительного процесса направлен на построение образа результата действия [Залевская, 2000, с. 216].

Диспозитивная, или смыслоформирующая, стратегия текстообразования требует дальнейшей разработки содержательно-смысловых компонентов текста и их упорядочивания, результатом чего становится создание композиционно-аргументационной структуры текста. Конструирование текстовой структуры подчиняется коммуникативной цели говорящего и в значительной степени обеспечивает персуазивный эффект текста.

Элокутивная стратегия, или стратегия вербального оформления, нацелена на отбор и комбинаторику языковых и речевых средств, которые в ситуации публичной коммуникации должны ясно, точно и доступно эксплицировать замысел автора, а также устанавливать и поддерживать интерперсональные отношения.

Риторическая технология текстообразования – алгоритм построения эффективного монологического текста, который мы называем риторическим. Однако наблюдения над речевыми процессами и явлениями массовой коммуникации свидетельствуют о воплощении риторических стратегий и в практике публичного диалогического взаимодействия. «Современная публичная коммуникация создает новые типы текстовых структур, основанных лишь частично на диалоге, где нет

четких границ между диалогическими и монологическими формами» [Голанова, 2001, с. 251].

Мы обратили внимание на то, что в публичных диалогах речевые партии субъектов речи нередко представляют собой связные и цельные микротексты, которые исключают очевидную спонтанность диалога и демонстрируют структурно-смысловую разработанность монолога. Как отмечает И. В. Шарафан, «в отличие от повседневного диалога, публичный диалог предполагает значительно более низкий уровень спонтанности. Он в значительно большей степени структурирован, прежде всего, потому, что для него характерна большая предметность, во всяком случае, на уровне ожиданий» [Шарафан, 2008, с. 80]. Публичный диалог так или иначе демонстрирует осознанный подход коммуникантов к текстообразованию, что выступает свидетельством целенаправленной риторической деятельности. Субъект речи в публичном диалоге использует риторическую модель текста, эксплуатируя определенное свойство риторического текста.

Мы неоднократно проводили мысль о том, что воплощение того или иного типологического свойства риторического текста, коррелирующего с компонентами структуры коммуникативного акта, сопряжено с актуализацией определенной стратегии текстообразования [Голышкина, 2015; 2017]. Так, инвентивная стратегия направлена на формирование таких типологических параметров текста, как **перформативность и актуальность**. Реализация диспозитивной стратегии определяет **персуазивность** текста, базирующуюся на аргументированности. Элокутивная стратегия связана с такими свойствами текста, как **публичность и диалогичность.** Последнее является следствием авторства и адресности.

Подчеркнем, что риторическое моделирование публичного диалога возможно при условии наличия достаточно высокого уровня текстовой компетентности субъектов речи, их обширной, часто профессиональной, практики речепроизводства.

Выявим тенденции актуализации риторических стратегий в текстах интервью – наиболее востребованного жанра коммуникативно-речевого пространства публичного диалога, воплощающего традиционный сценарий вопросно-ответного взаимодействия.

Так, эксплицированная интенция субъекта речи на создание речевого перформанса сигнализирует о приоритете инвентивной стратегии текстообразования. Инвентивная стратегия наиболее показательна в политическом дискурсе, постоянно испытывающем «потребность в поддержании созданного общественного порядка и его рекурсивности (традиционности)» [Олянич, 2007, с. 46]. Удовлетворение указанной потребности часто осуществляется посредством проведения ритуальных мероприятий, или перформансов, формирующих и сохраняющих традиции власти.

В коммуникативном арсенале любого состоявшегося политика есть немало интервью-перформансов. В качестве примера приведем интервью В. Путина по итогам Олимпиады в Сочи представителям телеканалов «Первый», ВГТРК, НТВ, РБК от 25 февраля 2014 г., интервью по окончании праздничных мероприятий, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, программе «Вести в субботу» телеканала «Россия» от 9 мая 2015 г.; интервью министра иностранных дел России С. Лаврова для программы Hard Talk на телеканале BBC от 16 апреля 2018 г.

Здесь в первом случае диктумным содержанием становится сама Олимпиада и ее результаты, во втором – состоявшиеся праздничные ритуальные мероприятия (парад, акция «Бессмертный полк»), в третьем – авиаудары США по Сирии и их последствия. Отметим и тесную хронологическую связь между только что завершившимися мероприятиями/событиями, составляющими ядро контента анализируемых интервью, и самими процедурами интервьюирования, что придает тексту актуальность, привязывает его к ситуации «здесь и сейчас», позволяет говорить о его выраженной дискурсивности – погруженности в реальную историческую и коммуникативную ситуацию.

Таким образом, доминирование инвентивной стратегии текстообразования свидетельствует о **событийноцентрическом принципе** моделирования публичного диалога.

Тенденции воплощения диспозитивной стратегии моделирования текста особенно очевидны в религиозном дискурсе, культивирующем традиции гомилетики. Так, лучшие представители высокого духовенства Русской православной церкви, являясь опытными риторами, обеспечивают достижение персуазивного эффекта путем тщательной разработки аргументации. В структуру интервью они нередко включают разработанные согласно риторическому канону микротексты-заготовки, где в качестве единицы сверхфразовой организации нередко используется такой функционально-смысловой тип речи, как рассуждение, логическую основу которого составляет доказательство.

Из корпуса проанализированных текстов примерами здесь выступают интервью Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (ныне Патриарха Московского и всея Руси) «Постижение России, или Открытый урок гражданственности» православно-просветительскому журналу «Фома» (январь, 2009); интервью протоиерея Русской православной церкви, духовника Свято-Алексеевского женского монастыря Артемия Владимирова «Устное и письменное слово в просветительской деятельности» в эфире телеканала «Союз» (программа «Беседы с батюшкой» от 20 января 2015 г.); интервью декана факультета психологии Российского православного университета, священника Петра Коломейцева «Православное

воспитание подростков» в эфире телеканала «Союз» (программа «Беседы с батюшкой» от 20 апреля 2017 г.); рождественское интервью Святейшего патриарха Кирилла телеканалу «Россия» от 7 января 2018 г.

Представим наблюдения над аргументационной организацией, сделанные нами на материале текста эксклюзивного интервью Патриарха Московского и всея Руси Кирилла «Невозможно прекратить войны в мире нелюбви» от 22 июня 2015 г., данное РИА «Новости». При построении доказательства владыка активно использует самые разные структуры аргументации: подчинительную аргументацию, или последовательное рассуждение, где один довод поддерживает другой; сочинительную аргументацию, или связанное рассуждение, где каждый из приводимых доводов непосредственно соотносится с исходной точкой зрения, все аргументы взаимозависимы и только вместе эффективно поддерживают заданную точку зрения; множественную аргументацию, или конвергентное рассуждение, где каждый аргумент самостоятельно до известной степени доказывает точку зрения [Снук Хенкеманс, 2006, с. 123–124].

Так, в ответе на комплекс вопросов журналиста патриарх в рамках сформированного микротекста выстраивает многоуровневую сложную аргументацию, куда входят различные структуры.

Интервьюер (О. Липич): *Советское общество называют атеистическим. Можно ли утверждать, что страшные события четырех лет Великой Отечественной войны способствовали возрождению веры в стране, росту религиозности? Как в целом с духовной точки зрения можно трактовать Вторую мировую войну и одержанную в мае 1945 года Великую Победу?*

Интервьюируемый (патриарх Кирилл): *Победа в Великой Отечественной войне – это победа не только советского оружия, военных технологий, искусства командиров, но в первую очередь победа силы русского духа* (тезис) [Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, 2015].

Далее в структуре микротекста тезис делится на подтезисы-суждения, вокруг которых складываются микросистемы аргументов:

<…> История не знает сослагательного наклонения. Но она помнит факты (парцеллированный подтезис-суждение). *Важнейшим из них… является то, что в 1943 году, в самый разгар войны, советским руководством было принято решение о возвращении священнослужителей из мест заключения, открытии храмов, возобновлении деятельности монастырей и духовных учебных заведений* (аргумент 1). *К началу войны Церковь была обескровлена расстрелом десятков тысяч верующих и духовенства, публичным осмеянием святынь, многократными случаями святотатства и кощунства* (аргумент 2). *И при этом Церковь нашла в себе силы не замкнуться в собственной беде, а действительно по-христиански возлюбить своего вчерашнего врага, каким и называл себя, не стесняясь, советский государственный строй*

(аргумент 3). *Более 150 миллионов рублей было собрано Церковью и передано государству для создания танковых колонн, самолетных дивизий, обеспечения тыла и помощи раненым* (аргумент 4). *Это большие деньги для того времени; верующие буквально отдавали последнее, что у них было, государству, которое вчера расстреливало священников и взрывало храмы Божии* (аргумент 5). *Факт этой помощи – сильнейший показатель, что сила духа выковывалась не только на передовой линии фронта, но и в молитвенной тишине некогда поруганных храмов, трудами и подвигами простых русских людей, устоявших в верности Христу* (вывод) [Там же].

В анализируемой микротеме аргумент 1 и аргумент 4 квалифицируются как доводы первого уровня, формирующие конвергентное рассуждение, где каждый аргумент самостоятельно доказывает точку зрения, а аргументы 2, 3, 5 – как доводы второго уровня, выполняющие в аргументации вспомогательные функции. Так, аргумент 1 вступает в сочинительные отношения с аргументом 2, который разъясняет фактуальную информацию инициального довода путем апелляции к истории, что позволяет лучше понять исторический контекст. Аргумент 2 и аргумент 3 объединены в подчинительную структуру, что вербализовано присоединительным союзом *при этом*. Аргумент 4 и аргумент 5 также формируют последовательное рассуждение, что обеспечивается линейной тематической прогрессией.

Отметим, что извлеченный из структуры интервью ответ патриарха может существовать как самодостаточный текст, обладающий связностью, цельностью и информативностью – универсальными категориальными параметрами текста как такового.

Таким образом, индикатором воплощения диспозитивной стратегии выступает степень разработанности структурно-аргументационной организации текста монологического типа, которая обеспечивает его персуазивность и позволяет говорить о **текстоцентрическом принципе** моделирования публичного диалога.

Тенденции актуализации элокутивной стратегии текстообразования, обеспечивающей диалогичность и субъективацию речевого продукта, особенно наглядны в журналистском дискурсе, где диктумным содержанием часто становится образ личности во всем многообразии составляющих его характеристик. Конструирование образа личности имеет, как правило, имиджевый характер и эксплицируется средствами авторизации: личными местоимениями 1-го лица ед. и множ. числа и соответствующими им глагольными формами, притяжательными местоимениями 1-го лица ед. и множ. числа, вводными конструкциями, безлично-предикативными конструкциями, свидетельствующими об авторской модальности, и т. п.

Из корпуса исследованных текстов в качестве примеров приведем интервью В. Познера порталу Lenta.ru «Просто в Париже мне комфортней» от 15 октября 2015 г.; интервью И. Антоновой, президента ГМИИ им. А. С. Пушкина, «Какая я была молодая!» ТАСС от 20 марта 2017 г.; интервью В. Познера главному редактору журнала Hello Светлане Бондарчук «Всё, чем я занимаюсь, мне очень интересно» от 28 января 2018 г.

В проанализированных интервью констатируем обширный арсенал средств авторизации, как, например:

Интервьюер (С. Бондарчук): ***Гости программы «ПОЗНЕР» – это всегда ваш выбор?***

Интервьюируемый (В. Познер): *Важно сказать, что* ***я не работаю*** *на Первом канале, но канал покупает* ***мою*** *программу, и единственный человек, который может возразить против приглашения кого-либо в программу, – это Константин Львович. Естественно, канал покупает не кота в мешке, и* ***я обязан рассказать*** *о* ***своих*** *планах.* ***Я могу услышать****: «Вы знаете, Владимир Владимирович, это не подойдет». Так редко бывает, но бывает…* [Познер, 2018].

Здесь эффект субъективации усиливает прием адресации – включение имени собственного в функции обращения в смоделированное В. Познером высказывание, характерное для типизированной коммуникативной ситуации.

Очевидная интенция персонификации речевой партии, максимальная экспликация субъекта речи свидетельствуют об эксплуатации элокутивной стратегии текстообразования и демонстрируют **эгоцентрический принцип** моделирования публичного диалога.

Проведенный дискурсивно-прагматический анализ позволяет заключить, что реконструированная риторическая стратегия, активирующая определенные типологические свойства риторического текста и реализованная в публичном диалоге в качестве доминантной, определяет тот или иной принцип текстообразования. Выявленные принципы моделирования публичного диалога могут быть использованы в качестве теоретических оснований как в решении задач типологизации жанров диалогической речи, так и в описании феномена риторической коммуникации.

Литература

Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики. М. : Наука, 1991. 215 с.

Ворожбитова А. А. Теория текста: Антропоцентрическое направление. М. : Высш. шк., 2005. 367 с.

Голанова Е. И. Публичный диалог: коммуникативный узус и новые жанровые разновидности // Русский язык: исторические судьбы и современность. М. : МГУ, 2001. С. 251.

Голышкина Л. А. Система типологических свойств риторического текста // Мир рус. слова. 2015. № 3. С. 31–37.

Голышкина Л. А. Об уровнях моделирования и стратегиях формирования риторического текста // Мир рус. слова. 2017. № 1. С. 54–60.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. 2-е изд. М. : ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М. : РГГУ, 2000. 382 с.

Клюев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М. : ПРИОР, 1999. 272 с.

Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. М. : Гнозис, 2007. 407 с.

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Невозможно прекратить войны в мире нелюбви [Электронный ресурс]. URL: http://www.patriarchia.ru/patriarch/38016/page2.html (дата обращения: 08.04.2018).

Познер В. В. Все, чем я занимаюсь, мне очень интересно [Электронный ресурс]. URL: http://pozneronline.ru/2018/01/20240/ (дата обращения: 10.04.2018).

Снук Хенкеманс А. Ф. Структуры аргументации // Важнейшие концепции теории аргументации. СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2006. С. 123–161.

Шарафан И. В. Публичный диалог: к построению модели коммуникативной ситуации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 80–85.

УДК 808.53

Е. А. Медведева

Анализ предвыборного политического дискурса с использованием функциональной теории дискурса политической кампании

Аннотация. Проанализирован предвыборный политический дискурс с использованием функциональной теории дискурса политической кампании В. Л. Бенуа. Материалом для анализа стали дебаты кандидатов на пост вице-президента США Т. Кейна и М. Пенса. Мы полагаем, что анализ языкового материала акторов политического процесса в рамках функциональной теории дискурса политической кампании поможет выявить возможные тренды политического поведения кандидатов на государственные посты, а также позволит оценить результаты избирательной кампании, которые некоторым до сих пор представляются неоднозначными. Исследование хода этой избирательной кампании представляется актуальным еще и по той причине, что с победой Д. Трампа она не окончилась, так как проигравшая сторона не смогла смириться с поражением и пытается оспорить ее итоги.

Ключевые слова: политический дискурс, функциональная теория дискурса избирательной кампании, дискурс, речевой акт, политические дебаты, политический актор.

E. A. Medvedeva

The Functional Theory of Political Campaign Discourse as an Instrument of Electoral Political Discourse Analysis

Abstract. The paper analyzes political campaign discourse with the functional theory of political campaign discourse by Benoit W.L. The transcription of Mike Pence vs. Tim Kaine vice-presidential debate is a source of analysis material. We believe that the speech material analysis of political process actors within a framework of the functional theory of political campaign discourse could help to reveal the potential trends of political behavior, which some candidates for the state office could demonstrate. It also gives an opportunity to estimate political campaign results as the results are still questionable for some political actors. We consider our research as currently central in view of the unexpected and sensational Trump's victory that is not accepted by his political rivals. President's opponents are still trying to contest the outcome of the race.

Keywords: political discourse, the functional theory of political campaign discourse, discourse, speech act, political debate, political actor.

Избирательные кампании на право занимать государственные должности проводятся во многих странах мира. Дебаты стали неотъемлемой частью этого процесса. В настоящей статье мы анализируем дебаты кандидатов на пост вице-президента США, используя функциональную теорию дискурса политической компании В. Л. Бенуа [Будаев, Чудинов, 2006].

Сообщения политической кампании носят инструментальный характер. Они направлены на достижение определенной цели (получение политического поста или должности). Таким образом, они являются функциональными по своей сути. Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что анализ языкового материала акторов политического процесса в рамках функциональной теории дискурса политической кампании поможет выявить возможные тренды политического поведения кандидатов на государственные посты, людей, которые претендуют на то, чтобы определять внешнюю и внутреннюю политику государства на протяжении следующих четырех лет (в случае США), а также позволит оценить итоги избирательной кампании, которые кому-то до сих пор представляются неоднозначными. Исследование хода этой избирательной кампании представляется важным еще и по той причине, что с победой Д. Трампа она не окончилась, так как проигравшая сторона не смогла смириться с поражением и пытается оспорить ее итоги.

В. Л. Бенуа, автор функциональной теории дискурса политической компании выделяет шесть исходных положений, или аксиом:

1) голосование – это акт сравнения;

2) кандидаты должны выделяться среди оппонентов;

3) сообщения политической кампании – важная движущая сила для различения кандидатов;

4) восхваление, нападение и защита – методы создания предпочтительного образа кандидата;

5) дискурс выборов разворачивается вокруг двух тем – политики и личности кандидатов;

6) кандидат должен получить большинство голосов избирателей, участвующих в выборах [Будаев, Чудинов, 2006а, с. 92–98].

В настоящем исследовании предвыборного дискурса мы опираемся на две из аксиом. За основу берутся четвертая и пятая из них. Четвертая аксиома определяет метод создания предпочтительного образа, который использует кандидат. Этот метод также становится основой вербального действия актора политического дискурса. Мы полагаем, что выявление этих методов при анализе отдельного высказывания или речевого акта в процессе дебатов может помочь прояснить общую тактику и стратегию кандидата. Пятая аксиома позволяет классифицировать высказывания кандидатов по темам. Таким образом, мы можем распределить все высказывания или речевые акты кандидатов: 1) по

темам высказывания (политика или личность кандидатов); 2) по методам создания предпочтительного образа кандидата (восхваление, нападение, защита). В настоящей работе нами использован следующий подход к анализу материала исследования: в первую очередь определяется, что является темой высказывания (политика или личность), во вторую – метод, который используется в каждом конкретном случае (восхваление, нападение, защита). Единицей анализа является речевой акт. Речевой акт – целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами речевого акта являются: намеренность (интенциональность), целеустремлённость и конвенциональность. Речевые акты всегда соотнесены с лицом говорящего. Последовательность речевых актов создаёт дискурс [Лингвистический энциклопедический словарь]. В настоящем исследовании под речевыми актами мы подразумеваем высказывания, которыми обмениваются участники дебатов. Понятие высказывания в значительной степени неопределенно, поскольку оно иллюстрируется всевозможными проявлениями языка, или речевыми произведениями, – от междометного «А-а-а!» до текста [Красина, 2016]. По Э. Бенвенисту: «Высказывание и есть приведение языка в действие посредством индивидуального акта его использования. ... Высказывание следует рассматривать как акт говорящего, который употребляет язык в качестве орудия, и с учетом тех языковых черт, в которых проявляется отношение между говорящим и языком» [Benveniste, 1974]. В нашем исследовании речевой акт синонимичен высказыванию, в качестве коммуникативного действия он может быть достаточно объемным по содержанию и сложным по структуре, он может содержать несколько абзацев или тем, а также несколько методов создания предпочтительного образа кандидата. Нумерация речевых актов произведена для каждого политика отдельно. Полный текст дебатов доступен по ссылке [Pence, Kaine, 2016].

Дебаты между кандидатами в вице-президенты США Тимом Кейном (Демократическая партия) и Майком Пенсом (Республиканская партия) состоялись 5 октября 2016 г. Это были единственные дебаты между кандидатами, они проходили с участием модератора и длились 90 минут. Тематически дебаты состояли из девяти блоков по 10 минут. В настоящей работе предлагается анализ первого десятиминутного отрезка, посвященного самопрезентации кандидатов и их позиции по основным проблемам.

В результате исследования выяснилось, что в речевых актах, образующих политический дискурс Тима Кейна, тема политики появляется 7 раз (18,5 %), бизнеса – 2 раза (5,2 %) и личности – 29 раз (76,3 %).

Наблюдается следующее распределение персоналий, в соответствии с частотностью появления: Трамп (7 реч. актов – 23,4 %), Пенс (7 реч. актов – 23,4 %), Буш (1 реч. акт – 3,3 %), Обама (1 реч. акт – 3,3 %), Путин (2 реч. акта – 6,7 %), Кейн (1 реч. акт – 3,3 %), Клинтон (11 реч. актов – 36,6 %). В трех речевых актах не наблюдается ни тем, ни методов. Что касается методов продвижения тем, то нападение используется 17 раз (44,8 %), защита 18 раз (47,4 %) и восхваление 3 раза (7,8 %).

В речевых актах, образующих политический дискурс Майка Пенса тема политики появляется 6 раз (19,4 %), бизнеса 3 раза (9,7 %) и личности 22 раза (70,9 %). При этом появление персоналий распределилось следующим образом: Трамп (1 реч. акт – 4,5 %), Кейн (2 реч. акта – 9,2 %), Обама (1 реч. акт – 4,5 %), Пенс (3 реч. акта – 13,6 %) и Клинтон (15 реч. актов – 68,2 %). В пяти речевых актах не наблюдается ни тем, ни методов. В отношении методов продвижения тем нападение используется 26 раз (83,8 %), защита – 2 раза (6,5 %) и восхваление – 3 раза (9,7 %).

На основании полученных данных было составлено шесть диаграмм, наглядно отображающих соотношение использованных тем, методов и упомянутых персоналий (рис. 1–6).

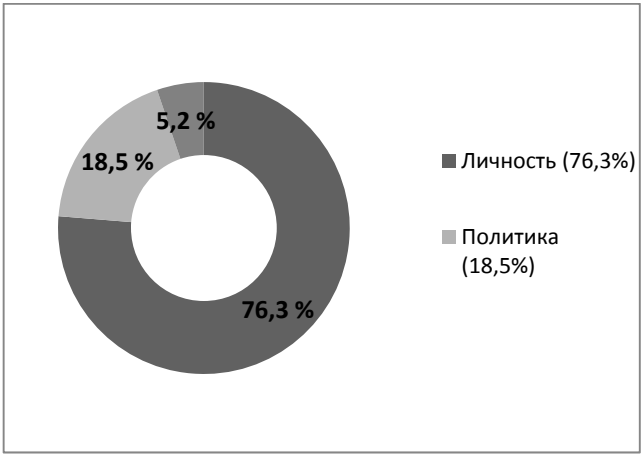

Рис. 1. Тим Кейн. Частотность использованных тем

Диаграммы 1 и 2 демонстрируют абсолютное доминирование темы личности над темами политики и бизнеса. Следует отметить, что такое преобладание темы личности представляется нетипичным для американского предвыборного дискурса. Опросы общественного мнения, проведенные в период с 1976 по 2000 г., показывают, что подавляющее большинство американских избирателей основывается в своих предпо-

чтениях на политических установках кандидата, а не на оценке его личных качеств [Benoit, 2003]. Т. Е. Пэттерсон и Р. Д. МакКлюр пишут, что «из всей информации, получаемой избирателями из СМИ в ходе кампании по выборам президента, знание о политических установках кандидатов является наиболее значимым» [Patterson, McClure, 1976]. Сходной точки зрения придерживается и С. Р. Хофстеттер, отмечающий, что «политические позиции кандидата являются ключевыми элементами, формирующими предпочтения если не всех, то большинства избирателей» [Hofstetter, 1976, с. 49]. Таким образом, мы можем констатировать отход от традиционной стратегии проведения избирательной кампании.

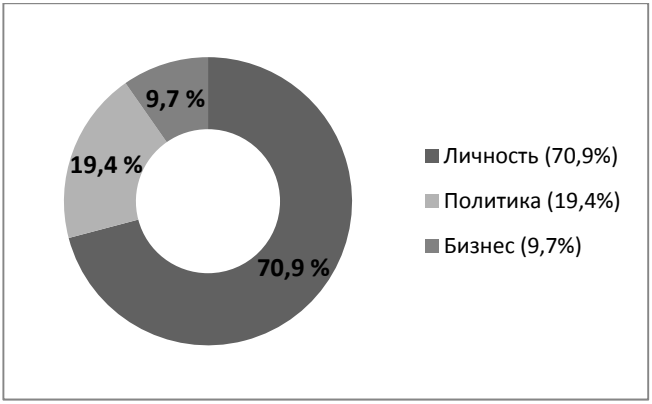

Рис. 2. Майк Пенс. Частотность использованных тем

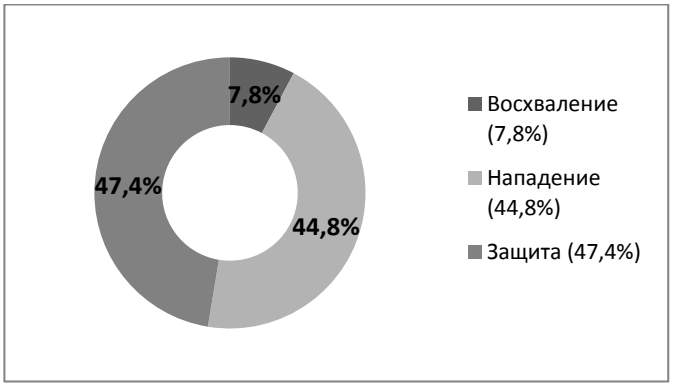

Рис. 3. Тим Кейн. Частотность использованных методов

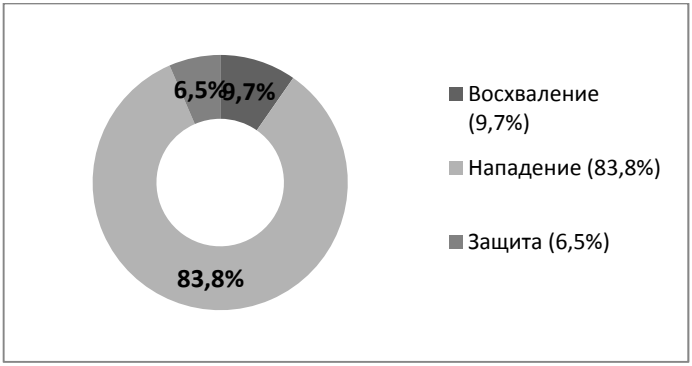

Рис. 4. Майк Пенс. Частотность использованных методов

Проанализировав данные диаграмм 3 и 4, мы можем сказать, что видим, на первый взгляд, парадоксальную картину. Тим Кейн, демонстрировавший на протяжении всего раунда дебатов повышенный уровень агрессивности, постоянно прерывавший собеседника, тем не менее оказывался в позиции защищающегося намного чаще, чем Майк Пенс. Если вначале Тим Кейн нападал, то уже с восьмого речевого акта вынужден защищаться. Кандидат от республиканцев более спокойно и хладнокровно отстаивал свою точку зрения, методично атакуя собеседника. М. Пенс атаковал противника на протяжении всего анализируемого эпизода дебатов. Таким образом, Т. Кейн больше казался нападающим, чем нападал.

Отдельно следует упомянуть защиту или утверждения, отрицающие нападения [Benoit, 1995, p. 312]. Своевременная и подходящая защита потенциально способна предотвратить дальнейшее поражение от нападок оппонентов и вернуть шансы кандидата, частично утраченные в результате нападений. Тем не менее необходимо знать, что защита имеет ряд возможных недостатков: 1) ответ кандидата на нападение может поставить его в оборонительную позицию на продолжительное время, а кандидату более выгодно предстать перед избирателем нападающим, а не защищающимся; 2) объектом нападок чаще всего являются слабые позиции кандидата, в связи с чем ответная реакция способна обнаружить его некомпетентность; 3) кандидат должен уметь сначала определить тему, в рамках которой его критикуют, и лишь затем выступать с опровержениями [Будаев, Чудинов, 2006а, с. 97]. Учитывая вышеперечисленные недостатки, политтехнологи и консультанты часто советуют использовать нападение и избегать защиты, так как уход в оборону считается слабостью, которая может привести к поражению. Таким образом, можно предположить, что повышенный уровень агрессивности дискурса Кейна и пренебрежение правилами при-

личия – элементы предвыборной тактики кандидата от демократов, которые, по мнению консультантов и политтехнологов, должны были принести ему победу.

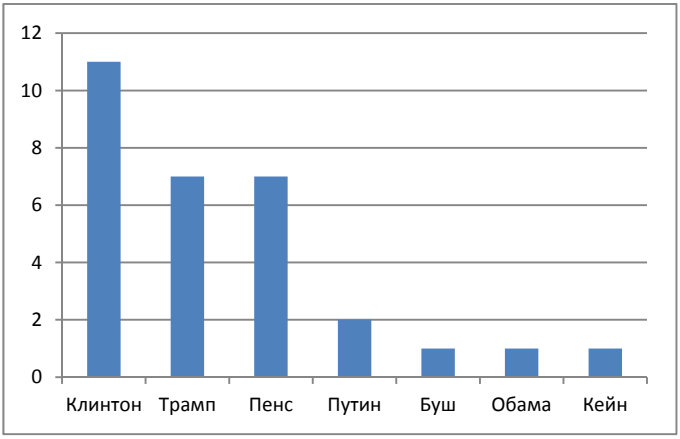

Рис. 5. Тим Кейн. Частотность появления персоналий в дискурсе

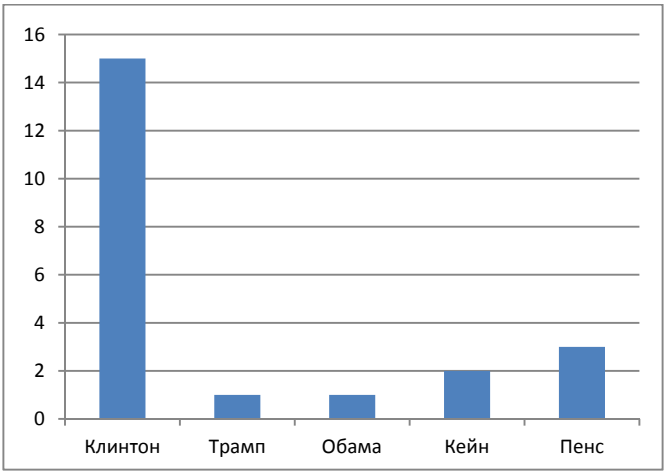

Рис. 6. Майк Пенс. Частотность появления персоналий в дискурсе

На основе анализа данных диаграмм 5 и 6 мы можем сказать, что в дискурс Т. Кейна было вовлечено больше персоналий (семь), чем в дискурс М. Пенса (пять). Центральной фигурой по частотности появления в дискурсах обоих кандидатов стала Хиллари Клинтон. Судя по диаграмме, М. Пенс выбрал именно ее главной целью своих атак.

Т. Кейн нападал на Трампа и Пенса в равной степени. Также он не обошел своим вниманием В. Путина и Дж. Буша. Помимо Х. Клинтон, М. Пенс атаковал также Б. Обаму и Т. Кейна.

Особенностью дискурса кандидата от демократов Т. Кейна следует признать ориентированность на достаточно большое количество персоналий, а также появление персоналии политика, не являющегося частью американского истеблишмента (В. Путин). Своеобразие дискурса кандидата от республиканцев М. Пенса состоит в предельной концентрации на фигуре одного политика (Х. Клинтон).

Насколько эффективна такая стратегия акцентирования внимания на персоналиях в ущерб политике, должно быть выяснено в ходе дальнейших исследований материалов предвыборной кампании президента и вице-президента США. Однако нужно помнить, что такой подход к проведению предвыборной кампании противоречит традиционному. Так, в ходе исследований было выявлено, что победившие на президентских выборах кандидаты в своих предвыборных сообщениях больше обсуждали свои политические предложения, нежели акцентировали внимание избирателей на личных качествах [Benoit, 2003]. Также имеется ряд свидетельств, доказывающих, что избиратели скорее склонны положительно воспринимать нападки на предлагаемый кандидатом политический курс, чем на личности [Johnson-Cartee, Copeland, 1989, с. 77]. Одним из следствий этого, очевидно, сознательного отхода от традиционной стратегии проведения избирательной кампании мог быть результат, который стал неожиданным для целого ряда политиков, политологов, консультантов и политтехнологов во всем мире, результат этот – победа несистемного кандидата Дональда Трампа.

Литература

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://profilib.com/chtenie/130642/anatoliy-chudinov-zarubezhnaya-politicheskaya-lingvistika-21.php (дата обращения: 12.08.2017).

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Бенуа В. Л. Функциональная теория дискурса политической кампании. Современная политическая лингвистика. 2006а [Электронный ресурс]. URL: http://www.philology.ru/linguistics1/benua-06.htm (дата обращения: 12.08.2017).

Красина Е.А. Дискурс, высказывание и речевой акт [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-vyskazyvanie-i-rechevoy-akt (дата: обращения 12.08.2017).

Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: http://tapemark.narod.ru/les/412c.html (дата обращения: 12.08.2017).

Benoit W. L. Accounts, excuses, apologies: A theory of image restoration strategies. Albany : State University of New York Press, 1995. 197 p.

Benoit W. L. Presidential campaign discourse as a causal factor in election outcome. Western Journal of Communication. 2003. Vol. 67. P. 97–112.

Benveniste É. Problèmes de linguistique gén érale, 2nd ed. Paris, Gallimard. 1974. 357 p.

Hofstetter C. R. Bias in the news: Network television coverage of the 1972 election campaign. Columbus, OH : Ohio State University Press, 1976. 213 p.

Johnson-Cartee K. S., Copeland G. Southern voters' reactions to negative political ads in the 1986 election // Journalism Quarterly. 1989. Vol. 66, N 4. P. 888–893, 986.

Patterson T. E., McClure R. D. The unseeing eye: The myth of television power in national politics. N. Y. : Putnam, 1976. 218 p.

The Mike Pence vs. Tim Kaine vice-presidential debate transcript, annotated [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/10/04/the-mike-pence-vs-tim-kaine-vice-presidential-debate-transcript-annotated/?utm_term=.7ea44fcd64e7 (дата обращения: 12.08.2017).

УДК 811.111

Л. В. Минаева

Агональная стратегия в парламентских дебатах

Аннотация. Доклад посвящен вопросам дискурс-анализа политической речи и рассматривает лингвистическую реализацию агональной стратегии в парламентских дебатах. Политические партии являются инструментом борьбы за власть, отсюда конфликт интересов и конфликт позиций, заявленных депутатами при обсуждении вопросов в парламенте. Структура агональной стратегии имеет два аспекта: с одной стороны, это политический гомеостаз, а с другой – агрессия по отношению к политическим противникам. Агональная стратегия реализуется посредством ряда тактик, которые кратко описаны и проиллюстрированы в докладе. Эмпирической основой доклада являются материалы политических дебатов в Британском парламенте.

Ключевые слова: политическая речь, агональная стратегия, парламентские дебаты, риторические тактики.

L. V. Minaeva

Agonistic Strategy in Parliamentary Debates

Abstract. This paper contributes to the issue of rhetorical analysis of political speech by exploring the linguistic implementation of agonistic strategy in parliamentary debates. Political parties represented in the parliament are vehicles for the pursuit of power, hence the conflict of interests and conflict of deputies positions declared in the course of parliamentary debates. The framework of agonistic strategy in parliamentary debates is constituted along two axes – one that maps political homeostasis and the other that implies aggression against political opponents. Agonistic strategy manifests itself in a number of rhetorical tactics which are briefly presented and illustrated in the paper. The empirical core of the article is the British parliament.

Keywords: political speech, agonistic strategy, parliamentary debates, rhetorical tactics.

Главной риторической стратегией парламентской речи является агональная, поскольку по сути своей парламентские дебаты представляют собой конфликтный полилог. Исходным событием является формулировка политического вопроса, который выносится на обсуждение. Таким образом, концептуальную основу парламентских дебатов составляет политический конфликт, который порождает коммуникативное событие, обладающее лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками, влияющими на выбор языковых средств участниками.

Конфликтная ситуация появляется в результате расхождений в партийных позициях и политических взглядов участников. Выступающие видят своей главной задачей опровержение тезисов, сформулированных противоположной стороной, и продвижение собственной позиции. Иначе говоря, агональность имеет два аспекта проявления – *го-*

меостаз («борьба за») и *агрессию* («борьба против»). Два аспекта агональности реализуются с помощью различных языковых средств – средств гомеостаза и средств агрессии соответственно.

Следует подчеркнуть, что агональная стратегия отражает негативное отношение говорящего как к предмету речи, так и к адресату. Однако, как отмечают исследователи, контроль над парламентскими дебатами обеспечивает процедура исключения, наиболее очевидно проявляющаяся в запретах: говорить можно не все, говорить можно не обо всем и не при любых обстоятельствах, и, наконец, не всякому можно говорить, о чем угодно [Константинова, 2013]. Так, отрицательное отношение к оппоненту в британских парламентских дебатах должно выражаться строго в рамках этикета, сформированного около двухсот лет назад.

Вопрос о парламентской этике является в ряде стран очень острым. Нередко граждане видят на экране телевизора весьма неприглядное поведение законодателей. Словесные перепалки, сталкивание выступающего с трибуны и драки между представителями фракций часто случаются на парламентских слушаниях. Но не в Великобритании. Ведь, даже обращаясь к заклятому политическому противнику, член палаты вынужден говорить: Honourable, выказывая таким образом свое уважение к месту проведения дебатов. Несмотря на то что полемика в ходе обсуждения вопроса может быть очень острой, для того чтобы высказаться, член парламента обязательно должен спросить разрешения у оратора, а тот может разрешить, а может и продолжить выступление, мотивировав это крайней важностью того, о чем он говорит. Редко бывает, когда выступающий категоричен в своем отказе.

Как правило, получивший разрешение говорить, выражает за это свою благодарность. Все эти фразы привычны и являются формальностью, но они создают необходимую рамку при обсуждении вопросов, которые могут иметь самые серьезные последствия для государства. Законодатели должны быть образцом культуры поведения и речи и нести ответственность перед своими избирателями. Этикетные фразы вводят обсуждение в русло этически корректного полилога.

В связи с анализом нормы парламентского поведения уместно привести слова известного английского историка и литературоведа Дональда Рейфилда: «Раньше парламентские речи были замечательны или своей риторикой, или своим остроумием. Премьер-министры от Гладстона до Ллойд Джорджа поражают витиеватым красноречием. Когда телевидения не было, они брали не гримом, не прической, а мастерством слова. Читаешь реплики, брошенные в XVIII в., и наслаждаешься: радикалу Джону Уилксу сказали: “Вы кончите на виселице или умрете от сифилиса”. Он сразу ответил обидчику: “Это зависит от того, полюблю ли я ваши принципы или вашу любовницу”. В сегодняшнем парламенте спикер охраняет министров от подобных грубостей, но этим не объяснишь отсутствие остроумия».

Некоторые ругательства в парламенте все еще разрешаются. Нельзя обозвать противника незаконнорожденным или лгуном, но можно обвинить его в фашизме или в коммунизме и вполне можно сравнить с животным. Нормана Тэббита, самого примитивного из консерваторов, обозвали «наполовину прирученным хорьком». Когда сэр Джеффри Хау возражал лейбористам, бывший министр Деннис Хили объявил: «Мне кажется, что полуживая овца щерится на меня». С тех пор нельзя было смотреть на Тэббита и Хау и не видеть перед собой хорька и овечку. Но автор реплики гораздо быстрее стушевался в политике, чем его жертва [Филиппова, 2007].

Возвращаясь к анализу парламента Великобритании, можно сделать вывод, что язык его членов выполняет знаковую функцию конструирования символических образов, которые составляют основу парламентского дискурса в Великобритании: стабильность политического курса, уважение к существующей политической системе, публичность мнения, защищенная свободой слова.

Все это, однако, не меняет основную стратегию парламентских дебатов, которые остаются агональным диалогом. Так, идеологическая конфронтация и непримиримость позиций четко просматривается в следующем примере:

Paul Flynn (Newport West) (Lab): The House was told that there were weapons of mass destruction that posed a threat to the United Kingdom, and we were also told, in 2006, that we were going into Helmand province in the hope that not a shot would be fired. Does my right hon. Friend acknowledge that the result of accepting those decisions has been the deaths of 623 of our brave soldiers? Does he not realise that those are the reasons that the public no longer trust Government assurances about going to war?

Обращает на себя внимание тот факт, что обвинение не выражается прямо и виновные не называются. Такая сдержанность в речи вообще характерна для англичан. Understatement («недосказанность») отличает англичан, которые крайне редко открыто и резко выражают свою оценку происходящего. В повседневной жизни англичанин, говоря о своем самочувствии, никогда не скажет I'm ill, но I don't feel well, а, получив должность в фирме, которая предлагает ему очень высокую зарплату, он небрежно прокомментирует это как I'm pretty happy with my new job offer. Сказанное относится и к парламентской речи. Жесткая критика и прямые обвинения будут считаться дурным тоном. В этом одно из отличий английских парламентских дебатов от дебатов законодательных органов в других странах, где такая ситуация не редкость.

Основой дебатов служит противопоставление «свой» – «чужой» как на личностном, так и групповом уровне, т. е. и между оппонентом и пропонентом, и между партиями. При выстраивании такого противопоставления используется целая серия конфликтных стратегий и тактик [Сейранян, 2017].

Так, тактика захвата инициативы чрезвычайно важна для дальнейшего развития сформулированного тезиса. Поэтому, если получена возможность выступить, то ее надо использовать до конца, не давая другим членам парламента тебя перебить. Например, при обсуждении выхода Великобритании из Евросоюза ветеран Консервативной партии Кеннет Кларк был одним из первых выступающих и говорил почти 20 минут при среднем времени выступлений 6–7 минут. При этом при попытке перебить его Кеннет Кларк дал понять, что он не даст другим возможности говорить, пока не выскажется:

I am very fortunate to be called this early. I apologise to my right hon. Friend – my old friend – but 93 other Members are still waiting to be called, so if he will forgive me, I will not give way

В том же выступлении опытный боец Кеннет Кларк использовал разные тактики, реализующие агональную стратегию, и целый комплекс средств воздействия на слушателей: с одной стороны, тактики обличения оппонента, критики действий оппонента, устрашения, упрека и насмешки, с другой – тактики создания позитивного образа своей политической позиции.

Таким образом, разрушая доказательства оппонента (правительства Терезы Мей), Кеннет Кларк

– апеллировал к чувству ответственности перед страной и будущими поколениями:

… it falls to me to be the first Member of this House to set out the case for why I believe–I hope that I will not be the last such speaker–that <u>it is in the national interest for the United Kingdom</u> to be a member of the European Union, why I believe that <u>we have benefited from that position for the past 45 years and, most importantly, why I believe that future generations will benefit</u> if we succeed in remaining a member of the European Union. It is a case that hardly received any national publicity during the extraordinary referendum campaign, but <u>it goes to the heart of the historic decision that the House is being asked to make now;</u>

– обратившись к истории, подчеркнул возросший политический авторитет страны и ее экономическую стабильность как результат членства в Евросоюзе:

I believe that our membership of the European Union <u>restored to us our national self-confidence and gave us a political role in the world, as a leading member of the Union, which made us more valuable to our allies such as the United States, and made our rivals, such as the Russians, take us more seriously because of our leadership role in the European Union.</u> It helped to reinforce our own values as well. <u>Our economy benefited enormously and continued to benefit even more, as the market developed, from our close and successful involvement in developing trading relationships with the inhabitants of the continent;</u>

– нарисовал благородный образ Великобритании – спасителя стран Восточной Европы:

– […] We were always the leading Government after the fall of the Soviet Union in the process of enlargement to eastern Europe, taking in the former Soviet states. That was an extremely important political contribution. After the surprising collapse of the Soviet Union, eastern and central Europe could have collapsed into its traditional anarchy, nationalist rivalry and military regimes that preceded the second world war. We pressed the urgency of bringing in these new independent nations, giving them the goal of the European Union, which meant liberal democracy, free market trade and so forth. We made Europe a much more stable place;

– отмел обвинения в отсутствии демократизма в свой адрес, раскритиковав доводы сторонников выхода Великобритании из Евросоюза, касающиеся результатов референдума, сославшись на Конституцию:

Let me deal with the arguments that I should not vote in that way, that I am being undemocratic, that I am quite wrong, and that, as an elected Member of Parliament, I am under a duty to vote contrary to the views I have just given. I am told that this is because we held a referendum. First, I am in the happy situation that my opposition to referendums as an instrument of government is quite well known and has been frequently repeated throughout my political career. I have made no commitment to accept a referendum, and particularly this referendum, when such an enormous question, with hundreds of complex issues wrapped up within it, was to be decided by a simple yes/no answer on one day. That was particularly unsuitable for a plebiscite of that kind, and that point was reinforced by the nature of the debate.

Constitutionally, when the Government tried to stop the House having a vote, they did not go to the Supreme Court arguing that a referendum bound the House and that that was why we should not have a vote. The referendum had always been described as advisory in everything that the Government put out. There is no constitutional standing for referendums in this country. No sensible country has referendums–the United States and Germany do not have them in their political systems. The Government went to the Supreme Court arguing for the archaic constitutional principle of the royal prerogative–that the Executive somehow had absolute power when it came to dealing with treaties. Not surprisingly, they lost;

– использовал историческую аллюзию для того, чтобы подчеркнуть абсурдность решения правительства консерваторов:

I feel the spirit of my former colleague, Enoch Powell – I rather respected him, aside from one or two of his extreme views–who was probably the best speaker for the Eurosceptic cause I ever heard in this House of Commons. If he were here, he would probably find it amazing that his party had become Eurosceptic and rather mildly anti-immigrant, in a very strange way, in 2016. Well, I am afraid that, on that issue, I have not followed it, and I do not intend to do so.

Джон Энох Пауэлл, политик, знаменитый своей независимой позицией по многим вопросам, который выступал против вступления Великобритании в Европейское экономическое сообщество, за что был исключен из Консервативной партии, а теперь эта партия выступает за выход страны из Евросоюза, дал саркастическую трактовку возможных перспектив после выхода Великобритании из Евросоюза:

I am told that that view is pessimistic, and that we are combining withdrawal from the single market and the customs union with a great new globalised future that offers tremendous opportunities for us. Apparently, when we follow the rabbit down the hole, we will emerge in a wonderland where, suddenly, countries throughout the world are queuing up to give us trading advantages and access to their markets that we were never able to achieve as part of the European Union. Nice men like President Trump and President Erdogan are impatient to abandon their normal protectionism and give us access. Let me not be too cynical; I hope that that is right. I do want the best outcome for the United Kingdom from this process. No doubt somewhere a hatter is holding a tea party with a dormouse in the teapot.

Использование аллюзии на известную каждому англичанину книгу «Алиса в стране чудес» позволяет Кеннету Кларку публично высмеять надежды правительства Терезы Мей на экономические выгоды, которые ждут Великобританию, как только она покинет Евросоюз;

– применил торжественную концовку о долге члена парламента:

I hope that I have adequately explained that my views on this issue have not been shaken very much over the decades – they have actually strengthened somewhat. Most Members, I trust, are familiar with Burke's address to the electors of Bristol. I have always firmly believed that every MP should vote on an issue of this importance according to their view of the best national interest. I never quote Burke, but I shall paraphrase him. He said to his constituents, "If I no longer give you the benefit of my judgment and simply follow your orders, I am not serving you; I am betraying you." I personally shall be voting with my conscience content, and when we see what unfolds hereafter as we leave the European Union, I hope that the consciences of other Members of Parliament will remain equally content.

Используя аргумент к авторитету (Эдмунд Берк – один из основоположников идеологии консерватизма в Великобритании, живший в XVIII в.), Кеннет Кларк напоминает членам парламента о том, что они принимают судьбоносное решение для Великобритании и должны спросить свою совесть, правильно ли они поступают.

Депутаты очень ответственно относятся к своим выступлениям и всегда к ним готовятся с целью отобрать наиболее веские аргументы в поддержку своей позиции и наиболее выразительные языковые средства, чтобы придать речи необходимую персуасивность. Спектр риторически значимых приемов очень широк и хорошо описан в литературе [Сагайдачная, 2009].

Значительно меньше внимания языковеды уделили устной форме парламентских дебатов, хотя следует признать, что звучание парламентской речи имеет большое значение для ее восприятия. Конечно, существуют общие правила публичной речи (четкая артикуляция, нормальный и средний темп, соразмерность силы голоса; смена темпа, сегментация речи при помощи синтаксических и риторических пауз), которые парламентарии прекрасно знают и используют. Многие члены парламента в течение десятилетий оттачивают свое ораторское мастерство, и, в частности, цитированная выше речь Кеннета Кларка представляет собой «театр одного актера» и нашла отклик у аудитории: Кеннета Кларка поддерживали возгласами согласия Yeah, некоторые части речи он произносил на фоне смеха, а по окончании его выступления многие депутаты встали и аплодировали.

Но есть некоторые черты устной формы сообщения в Британском парламенте, которые имеют свои особенности. Понятно, что слова и словосочетания, имеющие ингерентную коннотацию, в речи выступающих просодически выделены. Это общее правило лексико-фонетического оформления речи [Минаева, 1986]. Такие контексты есть и в речи депутатов. Тональные, темпоральные и динамические характеристики усиливают выразительность таких единиц семантического уровня и вместе с ними способствуют обострению агональности дискурса в целом.

Специальное исследование показало, что просодические характеристики и независимо от синтагматического ряда могут провоцировать конфликт [Сейранян, 2017, с. 29–30]. Из приведенных ниже таблиц видно, какая разница существует между просодическими средствами, направленными на обострение конфликта, и просодическими средствами, направленными на гармонизацию (таблица).

Таблица

Терминальные тоны

Терминальные тоны	Установка на конфликт (в %)	Установка на гармонизацию (в %)
Высокие восходящие	30	40
Высокие нисходящие	10	20
Нисходяще-восходящие	45	35
Низкие восходящие	15	10

Мелодические шкалы

Мелодическая шкала	Установка на конфликт (в %)	Установка на гармонизацию (в %)
Ступенчатая	40	10
Постепенно нисходящая	30	40
Высокая ровная	25	25
Средняя ровная	5	25

Скорость речи

Скорость	Установка на конфликт (в %)	Установка на гармонизацию (в %)
Сверхвысокая	20	0
Высокая	40	35
Умеренная	30	45
Медленная	10	20

Длительность пауз

Паузы	Установка на конфликт (в %)	Установка на гармонизацию (в %)
Средние	10	20
Длительные	20	30
Сверхкраткие	35	30
Сверхдлительные	10	0
Краткие	25	20

Просодия может маркировать стадии развития конфликта, дифференцировать открытую и скрытую разновидности конфликта и деструктивный характер конфликтного взаимодействия.

Таким образом, просодическая организация речи, несмотря на культурно обусловленную сдержанность языкового выражения оценки, является явным маркером агональности в речи членов Британского парламента.

Литература

Константинов А. С. Публичная парламентская речь в современной Германии и России : автореф. дис. … канд. филол. наук. Пятигорск, 2013. 31 с.

Минаева Л. В. Слово в языке и речи. М. : Высш. шк., 1986. 147 с.

Сагайдачная Е. Н. Экспрессивные средства языка в речи политиков: на материале текстов публичных выступлений В. Путина, Т. Блэра, Дж. Буша: дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009. 206 с.

Сейранян М. Ю. Конфликтный политический дискурс и его просодическая реализация (на материале политических дебатов в парламенте Великобритании) : автореф. дис… д-ра филол. наук. М., 2016. 40 с.

Филиппова М. М. Английский национальный характер. М. : АСТ: Астрель, 2007. 384 с.

УДК 811.111

Т. И. Семёнова

Игры модусов в новостном дискурсе

Аннотация. Новостной дискурс рассматривается в статье как форма конструирования определённой информационной (новостной) картины мира, которая воздействует на модель мира адресата, систему ценностей, убеждений, знаний. В фокусе внимания находятся идеологические аспекты новостного дискурса и идеологически маркированные способы интерпретации событий как конструирование ситуативных ментальных моделей. Теоретической и методологической основой исследования является концепция Т. А. ван Дейка о релятивности знания, в соответствии с которой знание имеет прагматическую и дискурсивную основу, нежели семантическую и логическую. Анализ дискурсивного конструирования резонансного медиасобытия *Russian Spy Poisoning* (отравление бывшего шпиона) позволил выявить интерпретационную функцию категории модуса в идеологически маркированном новостном дискурсе. Автор приходит к выводу о том, что взаимодействие эпистемических модусов знания, мнения и авторизационного модуса в новостном дискурсе подчиняется стратегии формирования идеологизированной ментальной модели события.

Ключевые слова: дискурс, новостной дискурс, дискурсивное конструирование, модусная категоризация.

T. I. Semenova

Evidential and Epistemic Shifts in News Discourse

The article focuses on news discourse as one of the leading genres of the modern media sphere. Of particular concern is the issue of ideologically based news reports. The paper focuses on how ideology and knowledge are managed in news discourse production and comprehension. The theoretical perspective of the paper is the critical epistemic discourse analysis proposed by T.A. van Dijk. The paper considers mental representation of the event nominated in British and American mass media as RUSSIAN SPY POISONING. The author claims that ideologically based opinion is expressed by the long list of biased lexical items used to describe the former spy poisoning as *brazen attack, monstrous act, attempted murder*. The paper discusses the issue that knowledge may be relative and one of the strategies of persuasion is to define beliefs as knowledge of facts. The paper discusses the communicative function of epistemic modality and evidentiality and examines their semantic and pragmatic potential in the ideological control of news discourse. The author claims that the evidence-epistemic markers with the semantics of knowledge/ possibility / probability/ likelihood in mental representation of the event RUSSIAN SPY POISONING aim at manipulating and misleading the addressee. The article is considered an initial step toward analyzing the role of knowledge and beliefs in the formation of mental event models in ideologically based news discourse.

Keywords: news discourse, semantics of knowledge, evidentiality, evidential marking, epistemic modality, source of information, linguistic manipulation.

В современных условиях политической и идеологической поляризации актуальным является подход к новостным текстам как особому виду дискурса, относящемуся «к специфической социокультурной деятельности» [ван Дейк, 1989, с. 111]. Основой новостного дискурса является коммуникативное действие (событие) как «результат интерпретации текстов читателями газет и телезрителями, производимой на основе опыта их общения со средствами массовой информации» [Там же, с. 123].

Главные функции новостного сообщения заключаются в информировании и воздействии, т. е. получение и обновление знания о мире взаимодействует с формированием, трансформированием социальных знаний, таких как мнения и оценки. Воздействующий потенциал но-

востного дискурса обусловлен тем, что новости «не только описывают текущие события и их возможные последствия, но и существенным образом дают оценку действиям и выражают мнения политической, экономической, военной и социальной властных групп» [ван Дейк, 2015, с. 58]. Дискурс играет ключевую роль в реализации власти, в частности, медиадискурс представляет собой «форму медиатизированной власти» [Там же, с. 76]. В новостных сообщениях выявляются властные установки, убеждения, идеологические ориентиры, ценностные ориентации, оценочные отношения, «которые строятся на основе определенных политических взглядов и идеологических ценностей [Добросклонская, 2008, с. 115]. Примером влияния политико-идеологических факторов на дискурсивное конструирование модели новостного события является ситуация с отравлением бывшего агента ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери, номинируемая в англоязычном новостном дискурсе как RUSSIAN SPY POISONING.

В соответствии со схемой новостного дискурса моделирование событийных новостей начинается с заголовка, когнитивной функцией которого является создание макроструктуры ментальной модели события [ван Дейк, 1989, с. 145]. Заголовки новостных статей по «делу об отравлении бывшего шпиона» вводят, в терминах Т. А. ван Дейка, «главную релевантную тему» [Там же, с. 249] и тем самым задают ракурс восприятия информации: BRITAIN BLAMES MOSCOW FOR POISONING OF FORMER RUSSIAN SPY [N.Y.Y.]. Новостной заголовок активизирует модель когнитивной репрезентации ситуации обвинения, компонентами которой являются предмет (основания) обвинения SPY'S POISONING, субъект и объект обвинения, метонимические номинации которых (BRITAIN /MOSCOW) выполняют функцию референции к политическим структурам власти, государственным институтам. Приведенный выше заголовок конструирует идеологически пристрастную ментальную модель ситуации, в которой ситуация отравления концептуализируется как преднамеренный акт, как покушение на убийство, вина за которое возлагается на Россию. Прагматика глаголов обвинения предполагает, что обвиняющий «берет на себя ответственность за сведения, касающиеся фактического положения дел» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 408]. Каким же образом в новостном дискурсе конструируется модель коммуникативного события, в которой правительство Великобритании на официальном уровне возлагает вину на Россию за ситуацию с отравлением?

Конструирование информационной (новостной) картины предполагает «набор конструктивных стратегий, находящихся под социальным и идеологическим контролем» [ван Дейк, 1989, с. 151]. Стратегия состоит в том, чтобы дискурсивными способами обеспечить восприятие и понимание новостных сообщений и вывести в фокус те элементы

ментальных моделей, которые соответствуют интересам власти. Понятие конструирования в парадигме когнитивной лингвистики предполагает, что «значение выражения зависит от того, каким образом концептуализатор концептуально сконструирует и представит ситуацию при помощи языковых средств, придерживаясь избранной “перспективы”» [Langacker, 2002, с. 315]. Выбор средств лингвистического конструирования позволяет сформировать модель события с точки зрения определенных идеологически обусловленных интерпретаций. На языковом уровне интерпретационный потенциал медиатекста реализуется субъектными компонентами речи, именно ими «предопределяется и формируется иллокутивная сила высказывания – его коммуникативное задание, прагматический смысл [Рябцева, 2004, с. 452]. К субъектным компонентам речи относится и категория модуса. Модусная, или оценочная, категоризация объективирует способы интерпретации знаний человеком и закрепляет механизмы этой интерпретации в категориальном пространстве языка в виде модусных категорий [Болдырев, 2005]. Модус является языковым воплощением личностного начала в значении предложения, синтаксическим проявлением категории субъекта сознания, который оставляет «следы» своей рефлексии в модусных смыслах [Семенова, 2007]. Модусная категоризация получает дальнейшее развитие в концепции лингвистического метарепрезентирования, суть которой заключается в модусном профилировании пропозиции в свете определенного модуса [Клепикова, 2008, с. 190–191].

Выбор перспективы, ракурса, «видения» социального мира и новостных событий этого мира обусловлен наличием в дискурсе компонентов высказывания, соотносимых с субъектом сознания, с его ментальными состояниями. Это значит, что субъективно-модальная характеристика пропозиционального содержания высказывания прагматически мотивирована присутствием познающего субъекта. Помещая пропозицию в рамку своей интенциональности, модусный субъект посредством модусной категоризации задает смысловую перспективу высказывания, определенный способ интерпретации новостного события. Коммуникативный характер модусных категорий наводит на мысль о том, что они формируют категорию идеологической модальности в новостном дискурсе. Модусность служит решению коммуникативной задачи по воздействию на систему ценностей адресата, формированию мнений, знаний, убеждений. Актуализация модусных категорий в медиадискурсе способствует реализации идеологической функции [Васильева, 2011]. Модусные категории эвиденциальности, эпистемической модальности служат средством языкового манипулирования в массмедийном дискурсе [Чепурная, 2017].

Обратимся к дискурсивному конструированию резонансного события об отравлении Скрипалей. Информативная функция анализиру-

емого новостного сообщения заключается в фактуальном представлении участников, конкретных пространственных и временных параметров, сопутствующих обстоятельств события. Когнитивная репрезентация ситуации отравления представлена пропозициями, верифицируемыми как истинные, достоверные: Sergei Skripal and his 33-year-old daughter were found in an unconscious state on a bench in a shopping center in Salisbury on March 4 and were taken to hospital sparking a major incident in the UK [N.Y.Y.]. Достоверность выражается имплицитно: самим фактом отсутствия показателей достоверности [Шмелева, 1994].

В ходе вербального представления референтного события имплицитный модус достоверности сменяется эксплицитными ментальными модусами знания, мнения. В отличие от утверждений о фактах, интерпретативные модусные высказывания отражают не реальный мир, а когнитивные состояния модусного субъекта, сквозь призму которых интерпретируется референтная ситуация. Интенсиональным объектом модусных предикатов является пропозиция-суждение, которая «погружается» в интенсиональный контекст социальных знаний, убеждений, идеологий, истинностных оценок. Прототипически модус знания вводит верифицированную пропозицию, однако может задавать и прагматические манипулятивные векторы. Как известно, 12 марта, спустя восемь дней после инцидента с отравлением в Солсбери, Тереза Мэй, премьер-министр Великобритании, в обращении к парламенту предъявляет России официальное обвинение в отравлении Сергея Скрипаля и его дочери, заявляя, что отравляющее вещество, известное как «Новичок», относится к военному типу и производится в России, ср.: It is now *clear* that Mr. Skripal and his daughter were poisoned with a military nerve agent *developed by Russia*, which is part of the group of nerve agents known as the “Newcome”r [N.Y.T]. Эксплицитный модус знания лексикализован прилагательным с перцептивной семантикой clear, которое в начальной позиции профилирует эпистемический смысл *знание.* Такой «модальный старт связан с прагматическими задачами, он раскрывает адресату коммуникативные ожидания говорящего, говорящий хочет “нейтрализовать попытку собеседника оспорить суждение”» [Арутюнова, 1988, с. 119]. Модус знания имеет следствием указание на источник знания, который актуализируется «авторизационным модусом» [Шмелева, 1994]. Апелляция к источнику информации способствует повышению доверия к речевому сообщению, являясь эффективным способом убеждения, ср.: *Investigators* said they have determined the Skripals were poisoned with a Russian-made nerve agent [N.Y.T]. Обозначение профессиональной группы вместо указания на конкретных людей создает видимость общего мнения компетентных лиц. Именно «категоричное мнение» экспертов из химической лаборатории Портон-Даун относительно российской природы отравляющего вещества (поз-

же выяснилась ложность данного утверждения) становится ключевым аргументом, доказательной базой для выдвижения официального обвинения России, ср.: Boris Johnson claimed *scientists* at the UK's military research laboratory at Porton Down had been "*absolutely categorical*" in telling him there was "no doubt" the novichok nerve agent used in the Salisbury attack *was manufactured in Russia* [N.Y.T]. Пресуппозиция доверия к источникам информации относительно локализации отравляющего военного вещества на территории России содержится в высказывании Терезы Мэй: Eight days after the Skripals collapsed, Prime Minister Theresa May *identified* the poison as Novichok, developed *in the last years of the Soviet Union* [N.Y.T].

Представление информации о российской природе «Новичка» в модусе знания выполняет функцию когнитивного манипулятивного воздействия на ментальную модель мира адресата, поскольку достоверным является лишь факт наличия этого вещества в период Советского Союза, но именно эта информация подается как аргумент применения Россией отравляющего вещества в ситуации в Солсбери. Конструирование ситуации в модусе знания обусловлено тем, что доминирующие социальные группы и институты «стремятся обеспечить понимание той информации, которая соответствует их интересам, и наоборот – скрыть или распылить информацию, которая их интересам противоречит» [ван Дейк, 2015, с. 263]. Под напором Великобритании международное сообщество приходит к непоколебимому выводу о том, что за отравлением Скрипалей стоит Россия: Led by British Prime Minister Theresa May, the international community has come to the unshakable *conclusion* that Russia was behind the poisoning of Sergei Skripal [N.Y.T]. Языковыми маркерами пропозиций, конструируемых как истинные, достоверные, является эксплицитный модус знания, который вербализован модусными прилагательными *clear, categorical*, глаголом *claim*, глаголом логического вывода *conclude,* модусным существительным *no doubt.*

Важным для исследования взаимодействия модусных смыслов в новостном дискурсе представляется концепция Т. А. ван Дейка о релятивности знания, в соответствии с которой знание имеет прагматическую и дискурсивную основу, нежели семантическую и логическую, поскольку, как отмечет автор, «в рамках эпистемического сообщества некоторые убеждения, соответствующие критериям и получившие определённый статус, могут *считаться знанием* (курсив наш. –*Т. С.*) даже в тех случаях, когда с точки зрения лиц, находящихся за пределами данной группы, подобное знание имеет статус субъективных убеждений, мнений или даже предрассудков» [ван Дейк, 2015, с. 292]. В дискурсивном конструировании ситуации «отравления бывшего шпиона» манипулятивным потенциалом обладают суждения, в которых модусный глагол conclude с семантикой умозаключения вводит пропози-

цию с модальным значением вероятности, а не категорической достоверности, ср.: Mrs. May said in the House of Commons “The government *has concluded* that it is *highly likely* that Russia was responsible for the act against Sergei and Yulia Skripal [N.Y.T]; A public inquiry *concluded* in 2016 that Putin had “*probably* approved” the killing of Alexander Litvinenko [N.Y.T]. Содержание диктальной пропозиции имеет модальность предположения, посредством которой маркируется эпистемическая возможность, обусловленная ограниченностью знаний говорящего субъекта, однако некритически мыслящий адресат принимает предлагаемое суждение как данность и формирует пропозиции в модусе знания «Россия несет ответственность за покушение»; «Путин одобрил убийство Литвиненко». Отсылка к прецедентной ситуации убийства А. Литвиненко (the killing of Alexander Litvinenko) выступает как свернутая аргументация причастности Путина к отравлению в Солсбери.

С точки зрения теории метарепрезентации диктумная пропозиция «профилируется в свете определенного модуса, получает определенную модусную проекцию (перспективизацию)» [Клепикова, 2008, с. 191]. Подчиненная пропозиция, затрагивающая витальные ценности для адресата (безопасность мирных жителей, суверенитет страны), получает модусную проекцию (квалификацию). Модусное профилирование является когнитивным механизмом, с помощью которого можно «привести участника акта общения к ложным выводам, к ошибке или заблуждению, что, в свою очередь, позволяет им манипулировать или иметь над ним власть» [Дённингхаус, 2008, с. 345].

Воздействующим манипулятивным потенциалом в новостном дискурсе обладает и модус мнения/полагания. В сфере действия модуса мнения/полагания оказываются пропозиции, содержание которых представляет вероятностное суждение с модально-прагматическим значением неуверенности в истинности суждения. Оценка события как эпистемически возможного выносится в том случае, когда у говорящего нет точных данных о ситуации, «эпистемическая возможность проистекает из ограниченности знаний говорящего субъекта» [Шатуновский, 1996, с. 174]. Однако на фоне идеологической поляризации мнения могут интерпретироваться адресатом как знания, ср.: The United States *believes* that Russia is responsible for the attack on two people in the United Kingdom using a military-grade nerve agent [N.Y.T]. Получая информацию от структур власти о деле Скрипаля, британский адресат выстраивает в своей модели мира концептуальную оппозицию, в которой «невинные мирные граждане исторического британского городка» innocent civilians of the historical British town противопоставлены «мафиозному государству Россия» (Russian mafia state), которое «представляет угрозу национальной безопасности» (It threatens the security of us all) [N.Y.T]. Апелляция к ценностям мирной жизни, спокойствию

городка со средневековой историей, известному культурным достоянием Стоунхендж (a quiet medieval town in southern England best known for its nearby ruins, Stonehenge) обусловливает формирование социальных репрезентаций, среди которых важнейшими являются знания, установки, идеологии, нормы и ценности, которые подвергаются угрозе со стороны России. В перспективе модуса мнения, субъектом которого выступают авторитетные структуры (правительство, эксперты, важные политические фигуры), суждение вероятности воспринимается адресатом как знание. Управление знанием в новостном дискурсе преследует цель повлиять на структуры ментальных моделей событий, сформировать в модели мира адресата убеждение об ответственности России. Возможность управления знанием в дискурсе Т. А. ван Дейк объясняет релятивностью человеческих знаний, из чего следует, что «принципиально важным является не то, насколько убеждения абстрактно соотносятся с некоторым положением дел, а насколько данные убеждения разделяются среди других членов данного сообщества – сообщества, основанного на знании» [ван Дейк, 2015, с. 292].

Дискурсивное воздействие на модель мира адресата, в которой ответственность за ситуацию с отравлением возлагается на Россию, свидетельствует о том, что манипулятивный эффект достигнут. Опрос общественного мнения подтверждает, что изменение убеждений продуцирует желаемые действия, которые производятся на основе этих убеждений. Рейтинг Терезы Мэй на 2 % опережает рейтинг лидера оппозиции лейбористов Джереми Корбина, чья осторожная позиция по отношению к обвинению России в деле Скрипаля (more cautious response in blaming Moscow directly for the Salisbury nerve agent attack) не нашла отклика в модели мира британцев. Тереза Мэй, по данным опроса, оказалась более решительной в отстаивании национальных интересов (is seen as better equipped to stand up for the national interest, May has the best interests of the country at heart) [Opinium]. Консервативная партия добилась позитивных изменений в отношении к ней избирателей.

Итак, взаимодействие в новостном дискурсе эпистемических модусов знания, мнения и авторизационного модуса подчиняется стратегии формирования идеологизированной ментальной модели события, в которой Россия предстает в образе внешнего врага, агрессора, посягающего на общечеловеческие ценности. Модусная категоризация обеспечивает манипулирование когнитивными состояниями адресата с целью выдать мнения как знания в целях формирования идеологических убеждений.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988. 341 с.

Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка : сб. науч.тр., посвящ. юбилею проф. Н. Н. Болдырева / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 16–39.

Булыгина Т. В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Яз. рус. культуры, 1997. 576 с.

Васильева Л. В. Исследование модусных категорий в эволюции медиадикурса (на материале американской прессы XX в.) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2011. 24 с.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 312 с.

Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ, 2015. 352 с.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. 203 с.

Дённингхаус С. Между ложью и иллюзией: способы дезориентации со стороны лингвистической семантики: Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. Вып. 14. М. : Индрик, 2008. С. 344–360.

Клепикова Т. А. Лингвистические метарепрезентации. СПб. : Астерион,2008. 250 с.

Рябцева Н. К. Субъектные компоненты речи (к постановке проблемы) // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура : сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М. : Яз. Славян. культуры, 2004. С. 451–458.

Семенова Т. И. Лингвистический феномен кажимости. Иркутск : ИГЛУ, 2007. 237 с.

Чепурная А. И. Эпистемическая ответственность в политическом дискурсе (на материале пресс-конференции Д. Трампа) // Науч. диалог. 2017. № 7. С. 35–44.

Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М. : Яз. рус. культуры, 1996. 400 с.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. 2-е изд. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1994. 47 с.

Langacker R. W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin : Mouton de Gruyter, 2002. 395 p.

N.Y.T. – New York Times. Britain Blames Moscow for Poisoning of Former Russian Spy [Electronic resource]. URL: https://www.nytimes.com/2018/03/12/world/europe/uk-russia-spy-poisoning.html (дата обращения 12.03.2018).

Opinium – Opinium Observer polls [Electronic resource]. URL: https://www.theguardian.com/ uk-news/2018/apr/04/russia-looks-to-discredit-uk-with-special-meeting-of-un-security-council (дата обращения 04.04.2018).

УДК 81-114

У. Э. Чекмез

Наложение как фактор, определяющий развитие дискурса

Аннотация. Статья посвящена описанию основных проблем, возникающих при аннотировании устного диалогического дискурса. Работа сделана на материале фрагментов аудиофайлов глубинных интервью, записанных в 2009 – 2013 г. в рамках диалектологической экспедиции, представляющих ситуацию знакомства. При анализе данного материала обнаружено большое количество наложений, влияющих на развитие и структуру устного диалогического дискурса. Фиксация и описание функционирования наложений в дискурсе позволяет интерпретировать такие явления диалогической речи, как переспросы, перебивы, возможность завершения фразы другим участником диалога и т.п. Наложения отражают когнитивные процессы в сознании говорящих, проявляющиеся в ходе общения. Благодаря анализу наложений исследователь может установить степень скоординированности диалога на каждом его этапе, зафиксировать коммуникативное поведение говорящих, интерпретировать смену направления дискурсов одного из участников диалогического взаимодействия. Результатом работы является такой вариант аннотирования устного диалогического дискурса, который позволяет фиксировать наложения, а также видеть развитие диалогического дискурса в целом.

Ключевые слова: диалогический дискурс, аннотирование дискурса, наложения, переспросы, перебивы.

U. E. Chekmez

Overlays as a Determining Factor for the Development of Discourse

Abstract. The article describes the main problems that arise when annotating oral dialogic discourse. The study is based on fragments of the in-depth oral interviews recorded during field research in Barguzin (2009-2013) which represents the situation of acquaintance. The audio files analysis has revealed a large number of overlays that affect the oral dialogue discourse structure and continuation. Recording and description of the overlays discourse functions allows to interpret such dialogic speech phenomena as echo-questions, interruptions, continuating the phrase by another participant of the dialogue etc. Overlays represent the cognitive processes in speakers' minds manifested in the communication course. Due to the overlays analysis the researcher is able to determine the extent of speakers» cooperation at each stage of dialogue, to describe their communicative behavior, to explain the changes in the discourse direction. The work result is such version of oral dialogue discourse annotation that allows to note overlays, as well as to see the mechanisms of dialogue discourse as a whole.

Keywords: oral dialogic discourse, discourse annotation, overlays, echo-questions, interruptions.

Одним из обязательных этапов, предваряющих анализ устного дискурса, является его аннотирование. Перевод устного дискурса в графический вариант обеспечивает возможность детального изучения различных феноменов устной речи. Проблема, которая наиболее остро стоит перед исследователями устного диалогического дискурса, заключается в том, что для него до сих пор не установлен набор релевантных характеристик, которые требуют обязательного отображения в аннотации.

Как известно, диалогический дискурс принципиально отличается от монологического тем, что он предполагает возможность как линейного, так и параллельного функционирования вербальных и просодических единиц на конкретном временном отрезке, что обусловлено неизбежностью мены ролей собеседников. Возможность параллельного функционирования единиц внутри диалогического дискурса обнаруживается в перебивах, переспросах собеседника, в одновременном начинании вокализации новых клауз несколькими собеседниками и т. п. Такие явления в рамках устного диалогического дискурса провоцируют возникновение наложений, которые, с одной стороны, затрудняют анализ и аннотирование устного диалогического дискурса, с другой – будучи неотъемлемой частью его функционирования, отражают его специфику.

Перед тем как перейти непосредственно к анализу примеров, обозначим некоторые исходные позиции исследования, отраженные в статье, и охарактеризуем материал, на котором осуществляется проверка существующих и разработка новых принципов аннотирования устного диалогического дискурса.

Диалогическое взаимодействие понимается в данной статье в широком смысле, а именно как коммуникативное взаимодействие двух и более человек.

В качестве материала использованы фрагменты аудиофайлов глубинных интервью, записанных в 2009–2013 гг. в рамках диалектологи-

ческой экспедиции. Фрагменты аудиофайлов представляют собой записи знакомства интервьюеров с интервьюируемыми. Интервьюеры – филологи в возрасте от 30 до 50 лет, интервьюируемые – диалектоносители старшего возраста (от 60 и выше). Для аннотирования используются программы ELAN и Speech Analyzer. Аудиозаписи представляют собой моносигналы, в них с разной степенью качества зафиксированы не только голоса говорящих, но и различного рода шумы, что оказывает значительное влияние на качество осцилло- и спектрограмм, которые являются одними из наиболее точных инструментов определения границ элементарных дискурсивных единиц[1] (далее ЭДЕ) при аннотировании монологического дискурса. Помимо качества самих аудиозаписей, на аннотирование влияет ситуация знакомства, характеризующаяся отсутствием коммуникативной координации между говорящими, что приводит к большому количеству наложений, анализ которых является отдельной проблемой, так как реплики говорящих записываются с разной степенью громкости, что затрудняет как саму расшифровку, так и аннотирование дискурса.

В данной статье используется минимальная транскрипция фрагментов аудиозаписей, что обусловлено перечисленными выше техническими и экстралингвистическими причинами.

Перед анализом 55-секундного фрагмента диалога необходимо описать пресуппозицию, определяющую данное коммуникативное взаимодействие. Данный отрывок интервью не отражает стандартную ситуацию знакомства. В этом интервью участвуют пять человек, четверо из которых знакомы между собой, однако пятый участник, вступающий в диалог на 23-й секунде, не знаком с другими участниками беседы. Такое положение вещей предполагает наличие в рамках коммуникативной ситуации встречи коммуникативной ситуации знакомства, в которую должен входить коммуникативный акт представления, однако ситуация знакомства не находит отражения в данном отрывке полуструктурированного интервью, что представляет особый интерес для исследователя.

Рассмотрим первый отрывок фрагмента интервью, представляющий собой ситуацию встречи, обращая внимание на повторы и наложения, возникающие при обмене репликами.

[1] **Элементарная дискурсивная единица (ЭДЕ)** – квант устного дискурса, минимальный шаг, при помощи которого говорящий продвигает дискурс вперед [Кибрик, Подлесская].

<table>
<tr><th colspan="2">Первый участник</th><th colspan="2">Второй участник</th><th colspan="2">Третий участник</th><th colspan="2">Четвертый участник</th></tr>
<tr><td>01,05–02,66</td><td>Ой как у вас тепло хорошо…</td><td colspan="2"><u>пауза 1,05 с</u></td><td colspan="2" rowspan="2"><u>пауза 4,49 с</u></td><td colspan="2" rowspan="3"><u>пауза 6,63 с</u></td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="4"><u>пауза 9,04 с</u></td><td>02,65–04,76</td><td>Ой здрав-ствуйте этому дому.</td></tr>
<tr><td colspan="2"><u>пауза 1,79 с</u></td><td>05,54–06,40</td><td>Проходите.</td></tr>
<tr><td>06,55–08,07</td><td>Ой здрав-ствуйте этому дому.</td><td colspan="2"><u>пауза 1,83 с</u></td><td>07,68–08,22</td><td>Здравствуйте.</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="3"><u>пауза 3,63 с</u></td><td>08,23–09,32</td><td>Здравствуйте.</td><td rowspan="2">09,28–10,01</td><td rowspan="2">Здравствуйте.</td></tr>
<tr><td>09,61–10,46</td><td>Раздевайтесь,</td></tr>
<tr><td>10,50–11,70</td><td>чай пить будем.</td><td colspan="2"><u>пауза 1,69 с</u></td></tr>
<tr><td>11,7–12,22</td><td>{laugh}</td><td>11,7–12,22</td><td>{laugh}</td><td colspan="2"><u>пауза 0,71 с</u></td><td>11,7–12,22</td><td>{laugh}</td></tr>
</table>

В предлагаемом 12-секундном отрывке восемь наложений. Первое наложение в 0,01 с не является значимым, так как оно не мешает восприятию ни содержания ЭДЕ, ни грамматической формы словоформ *хорошо* и *ой*. Стоит отметить, что наличие в ЭДЕ второго участника диалога междометия *ой* обусловлено наличием того же междометия в ЭДЕ первого участника.

Второе наложение, длящееся 0,15 с, выпадает на конец ЭДЕ третьего участника *проходите* и способно повлиять на восприятие грамматической формы данной словоформы, однако коммуникативный контекст, предполагающий употребление множественного числа (участие в диалоге четырех человек) и языковое оформление (императив + отсутствие вербализации обращения к кому-то конкретному) обеспечивает правильное понимание данной ЭДЕ слушателями. Начало реплики второго участника – *Ой* – заключает в себе собственно коммуникативное значение (информативная часть находит отражение только в словоформе *здравствуйте*), поэтому не влияет на дальнейшее развертывание дискурса, помимо этого, вторая реплика второго участника представляет собой абсолютный повтор первой реплики, восприятие которой не было затруднено. Стоит отметить, что абсолютный повтор реплики вторым участником вызван отсутствием ответной реплики третьего участника, т. е. второй участник сомневается в том, что третий участник воспринял информативную часть адресованной ему ЭДЕ и считает реакцию на неё обязательным шагом, предваряющим дальнейшее развитие дискурса.

Наложение в 0,39 с, выпадающее на коммуникативную часть ЭДЕ второго участника *этому дому* и на информативную часть ЭДЕ четвертого участника *здравствуйте,* оказывает влияние на дальнейшее разви-

тие дискурса. Ответная ЭДЕ третьего участника коммуникации изначально является реакцией на ЭДЕ второго участника, о чем свидетельствует, с одной стороны, отсутствие наложения, а следовательно, отсутствие затруднения восприятия информативной части ЭДЕ второго участника, с другой – повтор ЭДЕ *здравствуйте* четвертым участником коммуникации.

Наложение в 0,4 с, выпадающее на начало ЭДЕ третьего участника *раздевайтесь* и конец ЭДЕ четвертого участника *здравствуйте*, не влияет на дальнейшее развитие дискурса. Рассмотрим более детально причины отсутствия влияния данного наложения на дальнейшее развитие дискурса. Как говорилось выше, наложение выпадает на грамматическое оформление словоформы *здравствуйте*. Такое грамматическое оформление обусловлено социолингвистическими характеристиками участников (уважительное приветствие, адресованное участнику коммуникации, не являющемуся родственником, чей возраст вдвое больше возраста адресанта), выстраивающих дискурс в рамках одного коммуникативного контекста. Помимо этого, наложение выпадает на приставку и связанный корень словоформы *раздевайтесь*, представляющей информативную часть ЭДЕ. В большинстве случаев выпадение наложения на информативную часть ЭДЕ вызывает появление дополнительных шагов в развитии дискурса, однако в данном случае восприятие словоформы *раздевайтесь* обусловлено следующим: запись диалога происходит зимой, а ЭДЕ *раздевайтесь*, как и ЭДЕ *проходите*, является стандартным для начала диалога-встречи в этот календарный период.

Помимо наложения вербальных реакций, стоит отметить возможность наложения невербальных реакций. В данном случае смех выполняет коммуникативную функцию реплики-одобрения/реплики-согласия, такая трактовка ответной реакции, которая у трех участников коммуникации одинакова и происходит параллельно, обеспечивает плавное развитие дискурса и обусловливает отсутствие необходимости вербализации согласия.

В следующем отрывке диалога встречаются четыре наложения.

<table>
<tr><th colspan="2">Второй участник</th><th colspan="2">Третий участник</th><th colspan="2">Четвертый участник</th></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="3"><u>пауза 5,45 с</u></td><td>12,41–15,43</td><td>Тепло у нас нынче…</td><td colspan="2"><u>пауза 3,09 с</u></td></tr>
<tr><td colspan="2"><u>пауза 1,36 с</u></td><td>15,31–16,68</td><td>А у вас свет тут было?</td></tr>
<tr><td>16,79–17,19</td><td>Аа¿</td><td colspan="2"><u>пауза 0,1 с</u></td></tr>
<tr><td>17,67–19,52</td><td>Мы-то пришли</td><td colspan="2" rowspan="3"><u>пауза 5,32 с</u></td><td>16,78–18,33</td><td>Весь день горит свет у вас?</td></tr>
<tr><td>19,54–20,67</td><td>у нас нету.</td><td>19,0–20,50</td><td>у нас утром потушили</td></tr>
<tr><td colspan="2"><u>пауза 1,29 с</u></td><td>20,59–22,51</td><td>и сказали во всем Баргузине нет света</td></tr>
</table>

Первая ЭДЕ третьего участника информативно сходна с первой ЭДЕ первого участника и – с коммуникативной точки зрения – служит своеобразным сигналом того, что приветственная часть закончена и может быть начата новая тема. Четвертый участник диалога считывает эту коммуникативную информацию раньше, чем третий участник заканчивает свою ЭДЕ и вводит в диалог новую тему, однако на информативную часть его ЭДЕ выпадает наложение (0,12 с), вследствие чего в структуре дискурса возникает дополнительный шаг – переспрос.

Стоит обратить внимание на способ языкового оформления четвертым участником первой и второй ЭДЕ. Первую ЭДЕ четвертый участник начинает с рематической информации, восприятие которой затруднено для третьего участника вследствие наложения. При повторе, который не является абсолютным, информативную часть, которая помещена в центр клаузальной ЭДЕ и оформлена инверсивно (сказуемое, затем подлежащее), предваряет вставка *весь день*, выполняющая, с одной стороны, уточняющую функцию, с другой – функцию продления вербализации, так как начало этой ЭДЕ накладывается на переспрос четвертого участника, следовательно, она может быть воспринята не в полном объеме, а фрагмент ЭДЕ *у вас*, который в первом варианте вербализации находился в начале, перенесен в конец. Разница в языковом оформлении информативно сходных ЭДЕ, направленных на реализацию одного намерения, свидетельствует о том, что четвертый участник меняет упаковку высказывания с целью обеспечения лучшего восприятия третьим участником информативной части второй ЭДЕ.

Реплика второго участника также вызвана переспросом третьего участника, она представляет собой запрос на пояснение информации вопросной ЭДЕ четвертого участника. Стоит отметить, что ЭДЕ второго участника побуждает четвертого участника к развернутому описанию ситуации, которое направлено на формирование общей апперцепционной базы с третьим участником диалога.

Несмотря на то что наложение реплик второго и четвертого участников длится почти 3 с и выпадает на информативные части ЭДЕ, понимание третьим участником информации обеспечивается следующим:

- реплики имеют сходное языковое оформление, направленное на описание одной ситуации – отсутствие света, и произносятся параллельно (ср. ***у нас*** *нету* и ***у нас*** *утром потушили*);
- ЭДЕ двух участников произносятся в очень разном темпе и с разной громкостью (темп и громкость ЭДЕ четвертого участника выше, чем темп и громкость ЭДЕ второго участника);
- как говорилось выше, ЭДЕ второго участника представляет собой запрос на пояснение информации, т. е. выступает в роли регулятора развития дискурса, в то время как ЭДЕ четвертого участника не регу-

лируют развитие дискурса, а выстраивают его, т. е. выступают в качестве основных.

Таким образом, адресат имеет возможность выбора при восприятии ЭДЕ двух участников, при этом ЭДЕ второго участника информативно поддерживают ЭДЕ четвертого участника, поэтому у третьего участника появляется возможность двойного восприятия информации.

В следующем отрывке интервью появляется пятый участник диалога, вследствие чего в дискурсе снова возникает ситуация приветствия. Как говорилось выше, пятый участник не знаком с первым, вторым и четвертым участником диалога.

<table>
<tr><th colspan="2">Второй участник</th><th colspan="2">Третий участник</th><th colspan="2">Четвертый участник</th><th colspan="2">Пятый участник</th></tr>
<tr><td>21,96–22,86</td><td>Здрав-ствуй-те.</td><td colspan="2"><u>пауза 1,1 с</u></td><td>22,84–23,42</td><td>Здрав-ствуйте.</td><td>22,78–23,68</td><td>Здрав-ствуйте.</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="4"><u>пауза 12,67 с</u></td><td>23,61–25,11</td><td>Не, горит.</td><td colspan="2" rowspan="9"><u>пауза 21,84 с</u></td><td colspan="2"><u>пауза 1,62 с</u></td></tr>
<tr><td>25,25–27,15</td><td>Вот давай-те раздевай-тесь.</td><td>25,30–26,05</td><td>Да не.</td></tr>
<tr><td colspan="2"><u>пауза 4,43с</u></td><td>26,85–30,08</td><td>Я вот не знаю НРЗБ.</td></tr>
<tr><td>31,58–35,54</td><td>Давайте будем..</td><td colspan="2" rowspan="3"><u>пауза 9,72 с</u></td></tr>
<tr><td>35,53–37,07</td><td>Раздева-емся.</td><td colspan="2"><u>пауза 1,51 с</u></td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="4"><u>пауза 6,52 с</u></td><td>37,05–38,33</td><td>Но вот здесь.</td></tr>
<tr><td>38,88–40,27</td><td>Где оно место?</td><td>39,80–40,51</td><td>Не знаю.</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="2"><u>пауза 3,32 с</u></td><td>40,51–42,08</td><td>Не долж-ны пога-сить,</td></tr>
<tr><td>42,09–43,62</td><td>тятя вы-ступает…</td></tr>
<tr><td>43,59–44,71</td><td>Ага.</td><td>43,59–44,21</td><td>Ааа (перехо-дит в смех)</td><td colspan="2" rowspan="2"><u>пауза 1,46 с</u></td></tr>
<tr><td>44,21–45,08</td><td>{laugh}</td><td>44,21–46,29</td><td>{laugh}</td></tr>
</table>

В данном отрывке интервью встречается 11 наложений.

Как видим, ЭДЕ-приветствия *здравствуйте* снова накладываются друг на друга. Наложение, так же как и в предыдущем случае, выпадает на грамматическое оформление ЭДЕ второго участника, но в данном случае, помимо этого, оно выпадает на информативную часть ЭДЕ четвертого и пятого участников и длится 0,36 с. Отсутствие влияния дан-

ного наложения на дальнейшее развитие дискурса обусловлено, во-первых, тем, что ЭДЕ-приветствия призваны выразить одно и то же намерение и обусловлены одними и теми же социолингвистическими характеристиками, вследствие чего участниками диалога используется одинаковое языковое оформление, во-вторых, громкостные и темповые характеристики данных ЭДЕ сильно отличаются, что обеспечивает возможность отдельного восприятия каждой из них.

Обратим внимание, что ЭДЕ третьего участника *не, горит* продолжает предыдущий отрывок диалога. Заметим, что на обработку информации с 3-секундным наложением третьему участнику потребовалось 1,1 с, что достаточно продолжительно и свидетельствует о затрудненности восприятия, которая может быть вызвана как наложением, так и экстралингвистическими причинами (появление нового участника диалога).

Реплика пятого участника *да не* направлена на поддержание реплики третьего участника о наличии света, поэтому выпадающее на неё наложение также не влияет на дальнейшее развертывание дискурса.

Оставшиеся наложения выпадают либо на начальные, либо на конечные звуки высказывания и составляют не более 0,1 с, что не влияет на развертывание дискурса.

В последнем отрывке интервью встречается пять наложений, два из которых выпадают на информативную часть.

<table>
<tr><th colspan="2">Первый участник</th><th colspan="2">Второй участник</th><th colspan="2">Третий участник</th><th colspan="2">Четвертый участник</th><th colspan="2">Пятый участник</th></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="5"><u>пауза 38,48 с</u></td><td>46,28–46,93</td><td>Понятно</td><td colspan="2" rowspan="2"><u>пауза 6,52 с</u></td><td colspan="2" rowspan="6"><u>пауза 6,52 с</u></td><td colspan="2" rowspan="3"><u>пауза 6,52 с</u></td></tr>
<tr><td>47,40–48,54</td><td>Так он везде выступает</td></tr>
<tr><td>48,54–49,61</td><td>а у нас погасили</td><td rowspan="2">48,73–50,22</td><td rowspan="2">Вот вешайте там</td></tr>
<tr><td>49,75–50,36</td><td>Ага</td></tr>
<tr><td colspan="2" rowspan="3"></td><td colspan="2" rowspan="2"><u>пауза 1,84 с</u></td><td colspan="2" rowspan="4"><u>пауза 6,52 с</u></td><td>50,36–50,73</td><td>Ооо</td></tr>
<tr><td>50,70–51,92</td><td>Но, мы не смотрим,</td><td colspan="2" rowspan="3"><u>пауза 6,52 с</u></td></tr>
<tr><td>51,92–53,21</td><td>вот и погасили.</td><td>52,20–52,89</td><td>Понятно</td></tr>
<tr><td colspan="2"><u>пауза 1,7 с</u></td><td>53,99–54,91</td><td>Понятно</td></tr>
</table>

На информативную часть ЭДЕ второго участника *а у нас погасили* выпадает наложение, однако информативная часть этой ЭДЕ является тематической информацией, вследствие чего наложение не влияет на дальнейшее развитие дискурса. Стоит отметить, что в языковом оформлении ЭДЕ первого и второго участников снова наблюдается

параллелизм как в использовании лексем, так и в синтаксическом оформлении высказываний.

Наложение в 1,49 с, выпадающее почти на всю ЭДЕ третьего участника, не помешало развитию дискурса, благодаря тому что между третьей и четвёртой ЭДЕ второго участника появилась пауза в 0,14 с, позволившая слушателям воспринять ядро информативной части ЭДЕ третьего участника – корень словоформы *вешайте*. Стоит отметить, что как только второй участник получает сообщение (ядро информативной части высказывания), он сразу порождает ответную ЭДЕ, не дослушивая коммуникативную контекстно обусловленную и, скорее всего, подкрепленную невербально часть ЭДЕ *там*.

Как следует из анализа, наложения и повторы, систематически встречающиеся на разных этапах развития дискурса, свидетельствуют о том, что они составляют специфику диалогического дискурса. Наложения и повторы обеспечивают возможность участникам диалога сигнализировать об успешном приеме информации, о недопонимании/непонимании друг друга, тем самым они открывают исследователю информацию о тех когнитивных процессах, которые протекают в сознании коммуникантов в ходе общения.

Литература

Кибрик А. А., Подлесская В. И. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования [Электронный ресурс] // Диалог. 2009. URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/60.htm (дата обращения: 15.06.2018).

Ценностное измерение языка: онтология, феноменология, моделирование

УДК 81.26

К. В. Кокина

Аксиометрия социально значимых смыслов в текстах валоризирующего дискурса

Аннотация. В настоящее время в современной лингвистике в русле антропоцентрической парадигмы отмечается возрастающий интерес к роли ценностей в формировании социально значимых смыслов в обществе. Усиление роли ценности происходит в условиях интенсивной эволюции общества и, как следствие, трансформации и дрейфа базовых ценностных смыслов, в том числе в персональной сфере бытия человека, что проявляется в дискурсах аттрактивных зон массмедийного коммуникативного пространства: предметных сферах моды, престижности, достижения успешности, самопрезентации и самореализации, современного образа жизни. Такая тенденция характеризуется переосмыслением и столкновением ценностей коллективных и индивидуальных, универсальных и культурно специфичных, традиционных и актуально значимых. Актуальная проблема исследования трансформации ценностных ориентиров в настоящий момент культуры, характеризующийся как «цивилизационный сдвиг», «слом», рассматривается в статье через призму комплексного лингвоаксиологического анализа медиатекстов, репрезентирующих дискурс предметной сферы личностного ценностного пространства с целью выявления наиболее репрезентативных способов изменения социально значимых кодов, а также векторов дискурсивизации, по которым осуществляется конструирование новых ценностных смыслов. Материалом для анализа послужили тексты, топиком которых являются морально-нравственные, эстетические, гедонистические, прагматические социально значимые смыслы. С опорой на методологию аксиологической лингвистики, лингвофилософии, когнитивной лингвистики, теории дискурса и теории речевого воздействия производится аксиометрия медиатекстов валоризирующего дискурса. Уточняется понятие валоризирующего дискурса; устанавливается состав основных топосов валоризирующего дискурса, аксиологические стратегии в виде валоризации и девалоризации целевых смыслов в аргументации; определяются основные способы аргументации ценностных ориентиров, к которым относятся конструирование когнитивных аксиологических оппозиций, экземплификация личного опыта в качестве эталона, аргументов к «сочувствию», введение знаков-имен концептов из глобальной инфосферы. Делается вывод о существовании доминантных векторов эволюции ценностных смыслов в современном постмодернистском обществе гедонистической и прагматической направленности.

Ключевые слова: ценность, валоризирующий дискурс, социально значимые смыслы, дрейф, аксиометрия, траектория дискурсивизации.

K. V. Kokina

Axiometry of Socially Significant Meanings in the Texts of Valorizating Discourse

Abstract. An increasing interest in the role of values in forming of the significant meanings in the society is noted in the modern linguistics within a framework of anthropocentric paradigm. The increase of the values' role is happening in the conditions of intensive society evolution and as a result the transformation and drift of the basic value meanings including the personal existence of people. It is revealing itself in the discourses of attractive spheres of mass-media communicative space: fashion, prestigiousness, success achievement, self-presentation and self-realization, modern lifestyle. Such a tendency is characterized by re-understanding and collision of values: collective and individual, universal and culturally specific, traditional and currently important. An urgent issue of researching the transformation of value orientations at the present moment of culture, that is characterized as civilizational shift, destruction in the culture, is considered from the point of view of complex linguoaxiological analysis of media-texts, representing the discourse of the subject of the personal value space with the aim of ascertainment of the most representative methods of changing the socially significant meanings and vectors of discoursivisation, that determine the construction of new value meanings. The material for analysis is the texts, whose topics are moral and ethical, aesthetic, hedonistic, pragmatic socially significant meanings. The axiometry of the texts of valorizating discourse is produced with the support of axiological linguistics', linguophilosophy', cognitive linguistics', discourse theory' and speech influence theory' studies. There is specification of the concept of valorizating discourse; establishment of the main topics of valorizating discourse, axiological strategies in the form of valorization and devalorization of the special meanings in the argumentation; determination of the main methods of argumentation of value orientations, to which relate the construction of cognitive axiological oppositions, exemplification of the personal experience as a standard model, arguments of sympathy, introduction of concepts from the global infosphere. It is established that there is an existence of dominant vectors of evolution of the value meanings in the post-modern society, such as hedonism and pragmatism.

Keywords: value, valorizating discourse, socially significant meanings, drift, axiometry, trajectory of discoursivization.

Современная антропоцентрическая парадигма знания исследует феномен ценности как мотивирующей и ориентирующей основы структурирования социального в обществе, прежде всего в коммуникации, дискурсе как виде социальной практики. Ценностное измерение составляет глубинный аспект индивидуального и коллективного сознания в концептуальных системах говорящих (аксиосфере), отражает их опыт субъектного освоения мира и репрезентируется в процессах вербализации оценочной концептуализации. Определим ценности в дискурсе как референциальные реперные точки, ориентирующие отношение человека и влияющие на его деятельность в целевом плане, отражающем представление о желаемом, должном, наиболее значимом, сущностном. При этом отмечается, что современный момент в эволюции культуры и общества характеризуется значительными трансформациями в системе ценностей.

По поводу происходящих изменений высказываются различные точки зрения. Трансформация современной аксиосферы как системы базовых ценностей рассматривается как «цивилизационный сдвиг», «ценностный сдвиг» [Иконникова, 2009; Полякова, 1990], описывается через понятие дрейфа [Кузнецов, 2017]. При этом под дрейфом понимается потеря признанными базовыми ценностями в коллективном и индивидуальном сознании качества устойчивой непререкаемой основы для позитивной или негативной оценочной интерпретации в социальной межличностной коммуникации. Данный феномен связывают с

процессами глобализации и техническим прогрессом, радикально меняющими способы бытия человека и способы распространения знания, что обусловливает проблему судьбы базовых, «вечных» ценностей в XXI в., в котором подвергается критике тезис об универсализме и возможности абсолютных идеалов для человечества [Викулова, Серебренникова, Кулагина, 2011]. Учёными отмечается «флуктуация», движение ценностных ориентиров в сторону таких доминант современного постмодернистского общества, как гедонизм, прагматизм, индивидуализм и коммерциализация отношений.

В этой связи дискуссионными становятся вопросы о факторах ценностных изменений, способах их репрезентации в дискурсе, тенденциях и закономерностях их проявления. Одним из важных объектов в этом ракурсе становится анализ типа дискурса, топик (тема, предмет) которого составляет отношение к ценности, а содержанием, соответственно, конструирование ценностных ориентиров в коммуникации. Актуальным в этой связи является анализ текстов с точки зрения аксиометрии субъектной оценочной концептуализации [Болдырев, 2008], которая в них реализуется. Под аксиометрией понимается методика выявления способов конструирования ценностного отношения в дискурсе, формулируемая человеком, участвующим в коммуникации.

Ценностное измерение языка, репрезентируемое в дискурсе, является отражением индивидуального опыта человека. В то же время объективная социальная структура, «данная» человеку при рождении в его жизненном мире, подвергается влиянию значимых «других» в процессе социализации [Бергман, Лукман, 1995, с. 88]. Принимая роли и установки других в процессах социализации, человек принимает их за свои значимые коды, за свои ценности. Набор социально значимых кодов [Лотман, 2000, с. 161] и составляющих их смыслов, постоянно внедряемых в сознание общества, концентрируется в культуре в ее повседневном функционировании и относится к персональной сфере человека, однако комплекс этих смыслов имеет большое влияние на конструирование общественной мысли и общество в целом [Флиер, 2017]. Смысл как структура понимания действительности имеет дело с такими понятиями, как «фрейм» и «концепт». Фрейм является когнитивной структурой знания, создающейся языком, [Филлмор, 1988, с. 58], через которую реализуется концепт и которая вербализуется в дискурсе. Фрейм как структура понимания и размышления имеет аксиологическую составляющую и априори вмещает в себя ценностные установки человека, возводит к ценностям как наиболее значимым целевым, мотивирующим и ориентирующим смыслам человека [Lakoff, 2004, p. 34].

Исходя из того что дискурс имеет когнитивную природу, можно утверждать, что в нем создаются, выражаются, передаются новые знания, оценки и особая идеология [Степанов, 1995, с. 38; Кубрякова,

2005, с. 30], происходит структурирование фреймов, с помощью которых в сознание общества внедряются определенные установки, эксплицирующие некоторый новый взгляд на мир ценностей.

В массмедийном коммуникативном пространстве выделяются предметные области, обращенные к персональной ценностной сфере бытия человека, в которых репрезентируется отношение к целям жизни, проблемам достижения успешности, самопрезентации и самореализации, современного образа жизни. Дискурсивное пространство данной сферы характеризуется нацеленностью, интенциональностью на конструирование ценностного отношения в условиях изменяющейся реальности. Дискурс, содержанием которого является конструирование ценностных ориентиров, определяется вслед за Е. Ф. Серебренниковой как «валоризирующий» дискурс [Серебренникова, 2017, с. 39]. Задачей анализа в методике аксиометрии является определение основных способов конструирования ценностных ориентиров в современной персональной аксиосфере человека.

Анализ осуществляется на материале текстов медиадискурса, дискурсным топиком [Демьянков, 1979, с. 372] которых являются морально-нравственные, эстетические, гедонистические, прагматические социально значимые смыслы, отражающие реальность повседневной жизни, дух времени [Habermas, 1986, p. 107], которые влекут за собой эволюцию ценностных ориентиров и динамическое развитие общественной мысли.

Методологической базой для исследования послужили работы в области аксиологической лингвистики, лингвофилософии, положения когнитивной лингвистики, теории дискурса и теории речевого воздействия. В анализе используется комплексная схема траектории дискурсивизации [Плотникова, Серебренникова, 2013], типология оценок [Арутюнова, 1999], методология лингвоаксиологического анализа [Серебренникова, 2017; Казыдуб, 2009].

Аксиометрия текстов, входящих в наш корпус, осуществляется в следующем алгоритме: 1) устанавливаются топосы – области означивания дискурса; 2) выявляются способы валоризации продвигаемых (конструируемых) ценностных ориентиров в отношении к определенному топику, прежде всего на уровне стратегии как проекции интенциональности говорящего и убеждения адресата в коммуникации; 3) выделяются аргументы в реализации стратегии и дестинации дискурса; 4) определяются доминанты в конструировании ценностных ориентиров.

Итак, анализ корпуса наших текстов показывает, что в состав топосов валоризирующего дискурса входят:

- самоидентификация и самоутверждение в обществе, в том числе в гендерном плане; в частности, данный топос репрезентирован в валоризирующем дискурсе предметной сферы трансгендерного явления в современном мире [DerTagesspiegel; ТВ-центр Москва];

• роль женщины в современном обществе в связи с самоактуализацией в отношениях между мужчиной и женщиной [BodyPositive; WestdeutscheZeitung; Обозреватель.ua];

• смысложизненные, целевые ценности, прежде всего ценность семьи, детей [WestdeutscheZeitung; Обозреватель.ua].

Вышеуказанные топики отражают направленность оценочной концептуализации личностного бытия, ядром которого является самоидентификация «Я», на прагматические и гедонистические ориентиры, выражение индивидуальности человека, его желания быть непохожим на других, а также стремление к жизни «для себя». Основным способом реализации стратегии в текстах является валоризация ценностно значимого смысла дискурса. В качестве основных способов валоризации выделяются:

• конструирование фрейма – структуры понимания нового значимого явления, в данном случае, на основе корпуса наших текстов, фрейма «трансгендеры – это реальность жизни»: *X стал первым мужчиной в Королевстве, который выносил ребенка; трансгендеры попали на разворот ориентированного исключительно на мужчин Playboy* [ТВ-центр Москва];

• экземплификация – доказывание через аргумент личного свидетельства о нормальности явления, его принятия окружающими: *Ich hatte die Chance auf ein neues, normales Sozialleben* [DerTagesspiegel].

При этом фрейм возводит путем инферирования к морально-нравственному «императиву» – требованию справедливости, которая пока отсутствует: *Наблюдается несправедливость по отношению к трансгендерам* [Там же];

• конструирование аксиологической оппозиции «устаревший стереотип /новые возможности для человека»: *трансгендеры могут быть беременными; мужчина – выносил ребенка; стать счастливым отцом – и в то же время матерью; das Problem ist, dass es bisher kaum positive Trans-Vorbilder gibt* [DerTagesspiegel; ТВ-центр Москва];

• повышение эмпатии в описании ситуации с гендерами с опорой на аргумент «к сочувствию»: *Manche machten es mir schwer, andere waren locker, Ich konnte niemanden zu uns einladen* [ТВ-центр Москва].

В рассматриваемых текстах, в которых топиком дискурса является самоидентификация женщины через осмысление значимых смыслов жизни, отношения к семье и детям, можно выявить следующие способы валоризации:

• финализация дискурсивизации путём вывода к ценностному концепту – «счастья без детей», с компонентами: 1) семейной жизни без детей: *жизнь будет насыщенна без малышей,* 2) успешной карьеры без детей*: дети станут помехой* [Обозреватель.ua];

• введение нового знака как имени концепта «жизни без детей»: *чайлдфри*, заимствованного из глобальной инфосферы в форме транскрипции иноязычного слова и несущего коннотативный смысл моды, тенденции, современного ориентира в жизни;

• перевертывание ценности: конвенциональная антиценность репрезентирована в позитивном плане; это относится и к меркантильности и стремлению к финансовой выгоде. Кроме этого, происходит распространение этой «новой» бывшей антиценности, субъектами которой были мужчины, и на современных женщин: *женская меркантильность – обычное человеческое стремление хорошо зарабатывать; жизнь – это не выживание... это возможность извлечь максимальную пользу* [BodyPositive];

• девалоризация ценности любви в отношениях между мужчиной и женщиной посредством замены ее на другую, более актуально значимую; в данном случае заместителем девалоризируемой ценности являются *деньги: ее (любви) резкое отделение от денег – это ужасный инфантилизм человека»; «чтобы с любовью как-то соприкоснуться в физической реальности, вам нужно будет сходить на элементарное свидание, а для этого, как минимум, найти 200 рублей...; отношения – это не любовь в чистом виде* [BodyPositive];

• категорический тон высказывания, демонстрирующий высокую степень уверенности и непререкаемости высказываемого мнения, что имплицирует ожидание эмпатии у адресата и безусловно апеллирует к солидаризации, принятию нового ценностного смысла в семейных отношениях: *хотеть денег и думать о деньгах – это нормально, потому что деньги – единственный способ обустроить нашу жизнь* [BodyPositive].

Аксиометрия текстов валоризирующего дискурса позволяет выявить маркеры происходящих изменений в персональной аксиосфере современного человека, которые свидетельствуют об изменении самого субъекта оценочной концептуализации, усилении его субъектности и интерпретативности в отношении к миру и себе самому в мире, к устойчивым нормам и ценностям.

Таким образом, доминантным в рассматриваемых текстах становится гедонистическая и прагматическая направленность жизни и отношений между мужчиной и женщиной, выражение своей индивидуальности как единственной и неоспоримой ценности в жизни, за счет которой достигается самоактуализация человека. Проведенный анализ доказывает актуальность данного направления исследований и необходимость более глубокого изучения дискурсивных способов валоризации ценностных ориентиров в дискурсе.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.

Бергман П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : МЕДИУМ, 1995. 323 с.

Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания // Исследование типов знаний и проблема их классификации: сб. науч. тр. Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина. 2008. С. 25–37.

Викулова Л. Г. Элементы французской национальной асиосферы по данным ценностных суждений о родной стране // Этносемиометрия ценностных смыслов : коллект. моногр. Иркутск : ИГЛУ, 2008. С. 417–428.

Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Кулагина О. А. Семиометрия рефлексии о ценностях современного общества // Лингвистика и аксиология: этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. М. : ТЕЗАУРУС, 2011. С. 196–231.

Демьянков В. З. Субъект, тема, топик в американской лингвистике последних лет (Обзор 2) // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1979. Т. 38, № 4. С. 368–380.

Иконникова А. А. Цивилизационный сдвиг – действительность или возможность. М. : Форум, 2009. 101 с.

Казыдуб Н. Н. Общие принципы лингвистического описания аксиологических систем // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. Сер. Языкознание. 2009. № 3(7). С. 82–86.

Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / отв. ред. В. Н. Топоров. М., 2005. С. 23–33.

Кузнецов И. М. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социол. исслед. 2017. № 1. С. 47–55.

Лотман Ю. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (о двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. СПб., 2000. С. 165.

Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2013. № 1. С. 183–188.

Полякова Н. Л. От трудового общества к информационному: западная социология об изменении социальной роли труда. М. : Наука, 1990. 132 с.

Серебренникова Е. Ф. Текст и дискурс: на пути к формированию методологии и инструментария лингвоаксиологического анализа // Сб. науч. ст. к юбиле. Л. Г. Викуловой ; под общ. ред. Е. Г. Таревой. М., 2017. С. 34–45.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX в. М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 35–73.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике : сб. науч. тр. М : Прогресс, 1988. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. С. 52–92.

Флиер А. Я. Избранные работы по теории культуры. М. : Litres, 2017. 880 с.

Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманит. акад., 2012. 416 с.

Habermas J. TakingAimattheHeartof the Present // Hoy D. C. Foucault: A Critical Reader. Oxford : Blackwell, 1986. P. 103–109.

Lakoff G. Don't think of an elephant!: know your values and frame the debate: the essential guide for progressives. Chelsey Green Publ., 2004. 124 p.

Body Positive Бодипозитив [Электронный ресурс] : сообщество в социальной сети ВКонтакте. URL: https://vk.com/positivebody (дата обращения: 15.01.2018).

Der Tagesspiegel [Электронный ресурс]. URL: http://www.tagesspiegel.de/ (дата обращения: 20.01.2018)

Westdeutsche Zeitung [Электронный ресурс]. URL: http://www.wz.de/ (дата обращения: 09.03.2018).

Обозреватель.ua [Электронный ресурс]. URL: https://www.obozrevatel.com (дата обращения: 24.11.2017).

Сетевое издание «ТВ-центр Москва» [Электронный ресурс]. URL: http://www.tvc.ru/news/show/id/126179 (дата обращения: 30.10.2017).

УДК 81’42

Д. А. Попова

Ценностное измерение цифровой личности в жанре интернет-комментария

Аннотация. Статья посвящена центральному элементу межперсонального интернет-дискурса – цифровой личности. Цифровая личность рассматривается как дискурсивная личность, функционирование которой определяется конститутивными параметрами интернет-дискурса. Оценочность является базовым лингвокогнитивным процессом ценностно ориентированной самоидентификации цифровой личности, которая позволяет создать определенный, желанный, аксиологически наполненный дискурсивный ассумптивный мир, в котором преобладают значимые для говорящего аксиологемы. Используемая в качестве анализа оценочная семиометрия позволяет выйти на глубинный уровень межперсонального интернет-дискурса, установить базовые аксиологемы цифровой личности, а также выявить типы идентичности цифровой личности.

Ключевые слова: цифровая личность, межперсональный интернет-дискурс, оценка, аксиологема, аппрециация, интернет-комментарий.

D. A. Popova

The Value Dimension of a Digital Personality in the Internet Commenting Genre

Abstract. The article deals with the basic element of interpersonal internet discourse – digital personality. It is considered as an discoursive personality witch the functioning is identified by the constitutive characteristics of the internet-discourse. The evaluativity is a basic linguo-cognitive process of the axiological oriented self-definition of the digital personality, which makes it possible to create a definite, desired, axiologically filled discursive asumptive world in which there are some axiologists important for the speaker. As an analysis the evaluation semiometry allows to reach the deep level of interpersonal internet discourse, to elicit essential axiograms of digital personality as well as to identify the types of identity of the digital personality.

Keywords: digital personality; interpersonal internet discourse; evaluation; axiograms, appreciation; internet comment.

Интернет-комментарий как один из устойчивых жанров интернет-дискурса представляет собой идеологизированный полифонический тип диалога, формирующий ассоциативное и ценностно позиционированное дискурсивное поле, подлежащее визуализации и интерпретации в коммуникативном интернет-пространстве и, шире, социуме.

Цифровая личность является центральным элементом межперсонального интернет-дискурса (далее МИД), ее субъектность инициируется и специфицируется конститутивными факторами интернет-пространства, такими как опосредованность, анонимность, перцептивная скрытость, автономность, свобода входа/выхода и т. д. В интернет-комментарии цифровая личность занимает определенную дискурсивную позицию по отношению к высказываемому и предъявляет её в форме мнения/оценки.

Интернет-комментарий имманентно, по своей природе, связан с оцениванием – высказыванием субъектного отношения говорящего. Во-первых, как формация высказывания субъектности, интернет-комментарий характеризуется синтезом мнения и оценки. Во-вторых, в

коммуникативном интернет-пространстве цифровая личность выступает не в позиции наблюдателя, но в позиции Я-субъекта суждения о мире. В-третьих, комментарий предполагает аргументативную структуру «построения возможного альтернативного мира» [Топоров, 1980], которая априори содержит оценку как способ валоризации своего мнения в диалогической когнитивно-коммуникативной установке убеждения адресата. И наконец, комментируя, субъект выражает интенцию согласия/несогласия с инициирующим постом или другим комментарием, что предполагает конкуренцию мнений и продвижение своего собственного мнения средствами оценки.

Оценка – «эмоционально-интеллектуальное выявления ценностного значения воспринимаемого/переживаемого/осмысляемого в виде суждения вкуса, приговора совести, символа веры, медитативного суждения согласно принципу придания особого значения предмету осмысления на фоне менее значимого в дискурсе» [Серебренникова, 2011, с. 9]. Оценка определяется через ценностное восприятие мира, являясь, таким образом, ориентиром субъекта в пространстве жизненного мира. «Оценочность и ценностные характеристики, таким образом, осознаются в настоящее время как фундаментальные характеристики универсума бытия человека и общества» [Там же, с. 4].

Оценка формируется на основе отношений эвалюации и аппреciации, которые в свою очередь рассматриваются как основные оценочные операции дискурсивизации [Тванба, 2013, с. 33], отражающие процесс субъективации говорящего в высказывании [Kerbrat-Orecchioni, 1980]. Оба термина введены и обоснованы в работах П. Шародо [Charaudeau, 1992]. Эвалюация предполагает вынесение оценки на основе манифистируемых признаков воспринимаемого/осмысляемого по вектору от Мира к Я, тогда как аппреciация исходит из априорного, внутреннего представления, мнения, восприятия субъекта, направленного на данное явление от Я к Миру [Серебренникова, 2008, с. 46]. При аппреciации «субъект оценивает в определенной ситуации предмет или явление, соотнося его не с неким универсальным абсолютным воплощением моральных, социальных или эстетических ценностей, а, прежде всего, со своим собственным, более или менее совпадающим с общим пониманием ценностей, в частности, моральных, социальных, или эстетических или др.» [Викулова, Чернигова 2008, с. 187]. Соответственно, из этих отношений вытекает объективная (эвалюация) и субъективная (аппреciация) оценка.

Как показывает анализ корпуса примеров интернет-комментария, именно дискурсивная операция аппреciации является доминирующей в процессе конструирования и репрезентации оценочного отношения в интернет-комментарии. Данное положение связано, прежде всего, с общей когнитивно-коммуникативной рамкой МИД, определяемой кон-

цептуальной позиций Я… Мир >Другие, которая ориентирует оценивание в векторе от себя к миру, от своей собственной когнитивной системы и аксиосферы по отношению к миру и, в частности, к предмету дискурса. Субъект сориентирован на собственный оценочный опыт базовых коллективных ценностей и тех ценностей, которые присущи ему как языковой личности, обладающей определенной картиной мира, в контексте, который порождает его дискурс. Как следствие, субъект-комментатор, структурируя свой комментарий – истолкование в сетке внутренних представлений, норм, стандартов и требований, высказывая личное мнение о добре и зле, о социальных, прагматических, морально-нравственных, эстетических ценностях справедливости, пользы, блага, достоинств, красоты и т. д., создает свой дискурсивный ассумптивный мир, в котором преобладают значимые для него концепты – аксиологемы. Обратимся к репрезентативным примерам реализации аппрециации.

(1) *Jean-Pierre NICOL 16/07/2014 – 17h47*

Tragique invraisemblance *qui rallume la guerre des propagandes où chacun accuse l'autre de manipuler. A l'égal de ce qu'ils savent mieux le faire:* ***mentir et en appeler au cerveau limbique****. L'humanité est loin d'être guérie de l'horreur guerrière et de* ***son cortège tragique*** *pour les civils, les faibles, les désarmés. Certaines réactions (quelle qu'en soit l'idéologie) tiennent* ***de la farce délirante et cruelle.***

Субъект-комментатор исходит из собственного видения ситуации российско-украинского конфликта. Неправдоподобие несет, по мнению комментатора, трагический эффект (*tragique invraisemblance*), что не является объективным признаком этого концепта, так же как и эпитеты *délirante* и *cruelle* не являются характерными и объективными для существительного *la farce*. Деятельность одной из сторон конфликта характеризуется таким глаголами, как *mentir, en appeler au cerveau limbique*. Словосочетание *cerveau limbique* относится к медицинской области, но в данном контексте оно приобретает метафорическое значение в реализации вторичной номинациии и интерпретируется как *особо восприимчивый ум.* Вторичную, метафорическую же номинацию приобретает словосочетание *son cortège tragique*, используемое в значении *трагические последствия*. Субъект проецирует новый – пессимистический взгляд на мир. Аппрециация данного фрагмента мира выводит на обобщенную негативную оценку мира как человечества в целом, в полном соответствии с концептуальной позицией комментатора в дискурсе (*L'humanité est loin d'être guérie de l'horreur guerrière et de son cortège tragique*). Таким образом, на основе метафоризации как способа апрреciации проецируется целостное видение мира.

Интернет-комментарий отличается распространенностью общеоценочных значений, которые субъект-комментатор приписывает объекту оценки. При общей оценке субъект-комментатор создает ак-

сиологический смысловой фокус в создаваемом дискурсивном возможном мире, расширяет дискуссию именно в этом направлении, изменяет перспективу обсуждения, создает, в конечном счете, новую аксиологическую установку обсуждения темы. Для общей оценки комментатор стягивает ситуацию к оценочному концепту – аксиологеме. Рассмотрим репрезентативный пример.

(2) *Pro38*

Chacun sait en effet que ***le pêche à la ligne est nettement plus efficace*** *que l'utilisation de filets...*

Le 12/12/2015 à 09:55

В примере (2) оценочное прилагательное сопровождается наречиями-интенцификаторами *nettement*, *plus*, усиливающими оценку. Субъект-комментатор стягивает свое суждение к аксиологеме efficacité. Уточним, что под аксиологемой понимается знак-носитель ценностного смысла. Таким образом, выстраивается градационная шкала, общеоценочными промежуточными операторами (модусами) которой являются n'est pas efficace (inefficace), moins efficace, efficace, plus efficace, très efficace.

Одним из наиболее распространенных общеоценочных маркеров является существительное honte, выступающее в качестве аксиологемы морально-нравственного плана, индексом морального осуждения:

(3) *papilach*

cette campagne électorale est nauséabonde*. Le FN est le premier parti de France, mais des alliances hors nature et des commentaires haineux des dirigeants PS et des équipes du PR sont indigne d'une démocratie digne de ce nom .On peut critiquer les dictateurs qui verrouillent les partis d'oposition, mais le PS et PR ne font pas mieux avec leur torrent de boue indigne d'une démocratie !!!* ***C'est une honte !!!***

Le 11/12/2015 à 20:45

(4) *Heliogabale Pentocrator*

La honte, c'est le FN.

Le 11/12/2015 à 21:07

В комментариях (3, 4) субъект-комментатор дает общую оценку происходящему с точки зрения нравственности. Комментарии стягиваются к базовой аксиологемой honte. Несмотря на то что данное общеоценочное существительное направлено на характеристику конкретных лиц, комментатор в некоторой степени также испытывает чувство стыда за них.

В примере (3) присутствует еще одна общая оценка (*cette campagne électorale est nauséabonde*). Оценочный оператор nauséabonde также входит в группу частотных и коррелирует с аксиологемой *honte*.

Наиболее частотными общеоценочными маркерами аппрециации являются существительное *honte*, прилагательные *scandaleux, incompréhensible, honteux, écoeuré, nauséabonde*, используемые в форме

наречия. Данные маркеры, опредмечивающие соответствующие фреймы как когнитивные модели концептуализации и категоризации, имеют общую, ярко выраженную отрицательную семантику, что также подтверждает общую негативную и даже враждебную тональность высказываний и происходящей негативной самоидентификации. Данные аксиологические «индексы» – показатели оценивания возводят к следующим аксиологемам, большая часть которых носит приимущественно отрицательный характер: *honte; incompétence; indignation; populisme; inefficacité*. Установленные аксиологемы выступают как понятия, противоречащие ценностным составляющим концепта *La France,* таким как *la patrie, son people* [Викулова, Чернигова, 2008].

Анализ референциально-денотативного аспекта корпуса примеров показывает, что объектами аппрециации выступает чаще всего деятельность политических институтов, таких как парламент, министерства образования, финансов, а также конкретных политических лиц (Франсуа Олланд; Эммануэль Макрон; Николя Саркози, Марин Ле-Пен). Таким образом, выявляется значимый референциальный мира субъекта-комментатора, который аксиологически параметризован и в котором проявляется его дискурсивная идентичность.

В целом наш корпус примеров позволяет сделать вывод о том, что одной из характерных черт оценивания цифровой личности в интернет-комментарии в виде аппрециации является конструирование обобщенной оценки в виде стягивания высказывания к аксиологеме с выстраиванием градационной шкалы оценивания с опорой на данную аксиологему.

Вопрос о дискурсивной идентичности цифровой личности непосредственно вытекает из оценивания как такового способа познания объекта, который состоит во введении его и, особенно его признаков, в уже существующую сетку личностного опыта говорящего, во внутреннюю личностную шкалу оценивания. В связи с этим необходимым становится установление превалирующих дискурсивных операций оценивания как показателей типов дискурсивной идентичности цифровой личности.

Характерной и наиболее частотной операцией оценивания, используемой цифровой личностью, является общая оценочная квалификация. Как было установлено, реализация данной операции осуществляется посредством стягивания высказывания к оценочному концепту – аксиологеме. В МИД проявляется как позитивная, так и негативная общая оценочная квалификация, при этом последняя носит наиболее частотный характер. Рассмотрим пример негативной общей оценочной квалификации.

(5) *Sérafin*

Diffusion odieuse! Il est aussi odieux *d'entendre depuis un certain temps que le problème de la France est le front national. La progression de ce parti est bien engendrée par la politique de Hollande qui reste droit dans ses bottes qui reste sourd à la désapprobation du peuple, sourd et accusateur!*

Le 17/12/2015 à 18:43

В данном примере комментатор дает общую негативную оценку всей ситуации (*Diffusion odieuse!),* обосновывая ее более частной, персонально ориентированной оценкой (*Hollande qui reste droit dans ses bottes qui reste sourd à la désapprobation du peuple, sourd et accusateur!).* Общая оценочная квалификация опредмечивается посредством следующих грамматических конструкций: C'est + adjectif + nom; voilà + nom + adjective; nom + adjective; c'est + adverbe; il est + adjectif + que.

Следующей операцией, реализуемой в МИД, является частная оценочная квалификация. Частная оценка предполагает выделение и оценивание какого-либо аспекта явления. Рассмотрим следующий пример:

(6) BERNARD BASCOUL 15/12/2015 – 14h27

Je pense que ***la jeunesse ne connait pas l'histoire de France****,* ***une lacune dont leurs parents sont responsables*** *mais eux mêmes la savent-il l'histoire. Aussi* ***une lacune de m'école de la république!***

Пример (6) содержит частнооценочное высказывание (*la jeunesse ne connait pas l'histoire de France*), в котором комментатор дает оценку современной молодежи, выбирая один аспект – знание истории. Данная оценка «вписана» в речевой акт обвинения. Далее по градации субъект обвиняет-оценивает родителей (*une lacune dont leurs parents sont responsables*), а затем и систему образования (*Aussi une lacune de m'école de la république!*). Наиболее характерными грамматическими конструкциями для частнооценочной квалификации являются конструкция nom/pronom + adjectif или синтаксическая конструкция sujet-verbe-complément.

Еще одной характерной операцией оценивания выступает персонально ориентированное оценивание. Если ядром является редакторский пост, то объектом оценки выступает лицо, указанное в нем.

(7) *EasyLee*

Madame La Honte Nationale

Le 17/12/2015 à 17:13

В примере (7) дается оценка лидеру политической партии «Национальный фронт» Марин ЛеПен. Комментатор использует такой стилистический прием, как перифраз, объединяя негативные характеристики личности общим концептом *honte*, а также такой семантический прием, как разлад устойчивых фраз (термин И. Р. Гальперина), основанный на замене слова front на honte (*Madame La Honte Nationale*).

Анализ корпуса примеров показал, что персонально ориентированные оценки носят преимущественно негативный характер, что свидетельствует о критичности как черте негативно проявляющейся дискурсивной идентичности цифровой личности. Об этом также свидетельствует использование такого приема, как уничижение. С точки зрения актуализации в речи данных оценок следует выделить две наиболее частотные оценочные конструкции: nom + adjectif; nom/pronom + être + adjectif.

Эмоциональное оценивание является еще одной операцией, проявляющейся в МИД. Эмоциональная оценка в интернет-комментарии выражается через: междометия, эмотиконы, аффективные прилагательные и существительные, восклицательные фразы, риторические вопросы. Эмоциональная оценка меняет эмоциональное состояние как самого комментатора, так и восприятие комментируемого факта, события, личности. В интернет-комментарии она в основном строится на эмоциональном состоянии негодования, удивления, восторга, которые выступают как первичная реакция, поэтому данный тип комментария не содержит дальнейшего рационального размышления. В связи с этим по структуре фраза, выражающая эмоциональную оценку, очень лаконична и может состоять из одного слова. Типичными конструкциями для эмоциональной оценки являются:

1) quel + nom:

(8) *PAPY45*

Quel avance !!Le 01/09/2015 à 11:28;

2) nom:

(9) *golum*

scandale!

Le 15/09/2015 à 13:38;

3) c'est +adjectif:

(10) *Hapinesse*

C'est Scandaleux, Incompréhensible...! pour les Français qui attendent depuis plusieurs années un logement.<<<!

Le 15/09/2015 à 17:42

Итак, в установленных операциях оценивания четко проявляется сценарий, разворачивающийся по вектору отрицания и одобрения. Таким образом, данные операции являются показателями двух типов дискурсивной идентичности цифровой личности: позитивного и негативного. Негативная/позитивная идентичность раскрывается посредством общей и частной оценочной квалификации, персонально ориентированного, эмоционального оценивания.

Проведенный анализ также позволил установить структуру аксиосферы интернет-комментария. Выделенные аксиологемы относятся к ведущим референциальным темам (внутренняя политика, социальные

проблемы, национальная безопасность, экономика, образование). Выявляется негативная оценка текущего положения дел по отношению к внутренней политике, социальной сфере, экономике, образованию. Проецируемый смысл поляризует мир, создавая его аксиологический рефрейминг, представляя мир «желаемый», должный, через позитивные аксиологемы и показывая мир сущий, мир реальности, через негативные аксиологемы.

Литература

Викулова Л. Г., Чернигова И. В. Аксиологические аспекты авторского и издательского предисловий (семиометрический подход) // Этносемиометрия ценностных смыслов: коллективная монография. Иркутск : ИГЛУ, 2008а. С. 186–232.

Серебренникова Е. Ф. Человек оценивающий: семеометрия оценки на примере разового политического дискурса // Личность и модусы в ее реализации в языке : кол. моногр. М. : ИЯ РАН ; Иркутск : ИГЛУ, 2008. С. 416–428.

Серебренникова Е. Ф. Интернет-дискурс: к проблеме семиометрии значимых параметров лингвистического анализа [Электронный ресурс] // Magister Dixit : науч.-пед. журн. Вост. Сибири. 2011б. № 2. URL: //md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_serebrennikova_ef_0.pdf (дата обращения: 06. 08.2017).

Тванба Т. А. Аксиологические характеристики коенцептуализации предметной сферы здоровья во французском медийном критическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2013. 233 с.

Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира : энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 161–166.

Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris : Hachette, 1992. 927 p.

Kerbrat-Orecchioni C. L'Énonciation de la subjectivité dans le langage. Paris : Editions A. Colin, 1980. 290 p.

УДК 81'26

Е. Ф. Серебренникова

Ценностное измерение языка: проекции на реализацию дискурса в коммуникации

Аннотация. Современное понимание «ценностного» как основы налаживания «социального» и управления обществом актуализирует проблему аксиологической параметризации дискурса. В статье данная проблема рассматривается с точки зрения гипотезы об оценивании как константы дискурса и решается путём моделирования онтологической ситуации когниции, лежащей в основе ценностного измерения языка, с целью уточнения его проекций на динамику реализации дискурса. В модели когниции референциального мира человеком имманентно выделяется телеологический модус освоения по вектору инференции к особо значимому на основе освоенного значимого. Данный модус отражает экзистенцию человека в ситуации между миром реального и миром должного, желаемого, открывает интерпретативную перспективу высказывания в прагматических следствиях для человека в его жизненном мире; обусловливает реагирование в форме самоидентификации. Моделируемая таким образом онтологическая ситуация оценивания рассматривается как эксплицитная или инференциально восстанавливаемая константа аксиологической параметризации на уровне феноменологическом, в ценностном измерении языка, а также на уровне актуальном – в реализации дискурса. Ценностное измерение языка, репрезентируя категоризацию опыта оценивания, представляет собой холистически-модульную синергийную сеть когнитивной системы человека и обеспечивает в

этом качестве целостность картины мира; имеет мотивирующий, ориентирующий и мобилизующий характер; может быть представлено в различных системных моделях. Взаимосвязанными проекциями ценностного измерения языка на реализацию дискурса являются проекции ожидания, событийности и эффективности, прослеживаемые в целом в траектории реализации дискурсивизации. Эффективная аксиологическая параметризация дискурса способствует событийности дискурса, инициируя изменение видения мира по базовым аксиологическим оппозициям и интерпретативным линиям в связи с осмыслением предложенных в дискурсе критериев оценивания. Индикатором эффективности дискурса является его аттрактивность, достигаемая различными способами валоризации дискурса.

Ключевые слова: ценностное измерение языка, дискурс, аксиологическая параметризация, аттрактивность, событийность, валоризация дискурса.

E. F. Serebrennikova

Value Dimension of Language: Projection on the Realization of Discourse in Communication

Abstract. Modern understanding of the “value” as the basis for the building of «social» and the management of society actualizes the problem of axiological parametrization of discourse. In the article, this problem is considered in the context of the hypothesis of estimation as a constant of discourse and is solved by modeling the ontological situation of cognition underlying the value dimension of the language for the purpose of clarifying its projections on the dynamics of discourse realization. In the model of cognition of the referential world, the teleological mode of understanding according to the vector of inference to the most significant on the basis of the learned significant is immanently distinguished by man. This mode reflects the existence of a person in the situation between the real world and the proper, the desired one, it opens the interpretative perspective of the statement in pragmatic consequences for the person in his life world; It causes a reaction in the form of self-identification. The ontological assessment situation thus modeled is viewed as an explicit or inferentially restored constant of axiological parametrization at the phenomenological level, in the value dimension of the language, and also at the actual level in the implementation of the discourse. The value dimension of the language, representing the categorization of the evaluation experience, is a holistic-modular synergistic network of the human cognitive system and provides, in this capacity, the integrity of the world picture; has a motivating, orienting and mobilizing character; can be represented in various system models. Interconnected projections of the value dimension of the language on the implementation of the discourse are the projections of expectation, events and effectiveness, traced as a whole in the trajectory of the realization of discursivization. Effective axiological parameterization of discourse contributes to the eventuality of discourse, initiating a change in the world's vision of basic axiological oppositions and interpretative lines in connection with the comprehension of the evaluation criteria proposed in the discourse. Indicator of discourse effectiveness is its attractiveness, achieved by various ways of valorization of discourse.

Keywords: value dimension of language; discourse, axiological parametrization; attractiveness, eventivity, valorization of discourse.

Безразличен ли смысл к хорошему и плохому, безразличен ли он к «человеческому», субъектному, шире – социальному? С точки зрения лингвистики, на наш взгляд, вопрос следует решать с позиций интерпретативности и интенциональности знакового отношения в семиозисе, принимая во внимание положение и о сложности субъектности человека говорящего (наблюдатель, концептуатор, локутор), и о факторе момента культуры, переживаемого обществом. Действительно, не всякого рода концептуализация, оязыковляемая в дискурсе, содержит прямое выражение оценки. Но всякое высказывание, для его легитимации, апеллирует в восходящем домысливании «мысли мыслящей» к наиболее важному, ценностному, если под ценностным понимать сетку смысложизненных ориентиров внутреннего мира человека: представлений о сущностном, сокровенном и предпочительном – идеях, нормах, принципах, идеалах, освоенных человеком данной культуры, посред-

ством которой он идентифицирует себя в мире. Тому свидетельство ценностное суждение, во внутренней или внешней метаречи человека как квинтэссенция, смысл освоенного, маркер завершения интерпретации *(это правда, несправедливо; справедливо/красиво/абсурдно, это победа и т. д.).* Современный момент культуры, формирующий новые формы бытия и коммуникации, новые основания для оценивания, наследуя состояние палимпсеста от предыдущих этапов эволюции культуры, позволяющего компетентному коммуникатору легко развернуть убедительную аргументацию в позитивном или негативном ключе, легко создать симулятивную ситуацию означивания, оперирует в векторах престижа, моды, мифологизации, тренда, характеризуется интенсивными изменениями в сфере ценностного, коррупмирует веру в слово. Наблюдается дрейф концептов от полюса позитивного к полюсу негативному и наоборот (*скромность: скромный, интеллигентный человек; скромность украшает /скромный, лузер, бедный, нищеброд; амбициозность, карьеризм – целеустремленность, успешность*); ценностная поляризация устойчивых концептов *(научные публикации: вносят новые знания, апробируют ход и результаты научного исследования / засчитываются только публикации в СКОПУС, остальные научные публикации – мусор),* которая может достичь уровня слома ценностных оснований концепта *(демократия);* реактуализация концептов *(олигарх, домогательство – харасмент*), в том числе в координатах коммерциализации отношений, престижности, моды, гедонизма, путём концептуальных заимствований в том числе. Новое и инновационное упаковывается в формы аксиологически насыщенной метафоры или метонимии *(цель – миссия; личность – языковая личность, цифровая личность).* Наблюдается экстенсия ценностного смысла от антропологического к предметному ряду в русле семиотического закона эквивалентности ряда (*убитый человек – убитый вид – убитый костюм*). Происходит образование новых аксиологем на основе контрастного переосмысления и «живой» метафоризации (*информационное общество – дезинформационное общество, фабрика мыслей*), новообразований (зафиксированных словарём – *«придурок»* и не конвенционализированных – *украинизация политики, акционист*); развитие сетевых фрактальных связей знака (*токсичный: ядовитое вещество – токсичная страна, лицо)*; креация «третьего» члена в аксиологической дихотомии (*любовь – нелюбовь – ненависть);* порождение знаков-симулякров в процессах и механизмах метафоризации, мифологизации, всякого рода нарративов; эволюция от знака – носителя значимого перцептивного признака по каузативной цепочке подобия к категориальному концепту (*la valeur*) [Vikulova, Serebrennikova, 2014]. Одним из самых тревожных моментов в современном состоянии «цивилизационного сдвига» в мире является не столько «слом традиционных» ценно-

стей или формирование «антикультуры», а также радикальная валоризация «эго» и культуры самопрезентации в обществе спектакля, сколько закрытие для общающихся самой возможности апеллировать в спорных или конфликтных ситуациях к ценностному измерению дискурса, на котором и возможно достижение общего. Происходит «захват аксиологической высоты» одной из сторон, оппонент оказывается в позиции защищающегося и априори проигрывает говорящему *(Ваша страна – агрессор).* Определение аксиологической параметризации как константы дискурса требует моделирования её онтологических оснований в языке, в котором коренится сущность человека.

Очевидно, что выделение собственно ценностного измерения лежит в трактовке концептуализации как субъектной, обусловленной концептуальными системами говорящих. При этом, как это установлено в познании целостного феномена человека в философии, логике, психологии, исходя из реальности *condition humaine*, выделяется экзистенциальная и трансцедентальная ипостаси, возводящие опыт от низших к высшим формам синергийно, в активизации интеллектуального, аффективного, перцептивно-сенсорного сторон опыта. Данные ипостаси определяют телеологическое видение *homo sapiens = homo loquens* в жизненном мире как Cogito, находящегося в ситуации «между», между миром реального и миром желаемого, должного, необходимого в создающих альтернативу векторах sein/sollen в терминах И. Канта. Единственно человеческий истинный мир есть мир ценностный, кристаллизуемый на стыке – в зазоре оценивания, расщепления бытия на реальное и желаемое, сущее и должное [Ильин, 2005]. Данная телеологическая и холистическая ипостась экзистенции человека, идущей от Я/Ты как точки отсчёта, образует модальности, модусы видения мира, самого себя и Других в мире в сопоставительном векторе от сущего к особо значимому – сущностному, возможному, должному, желаемому, идеальному в процессах когниции, в коммуникации; определяет сущность когниции: 1) не как нейтрального процесса, но как «включенного», собственно человеческого освоения и присвоения мира по линии установок, предпочтений и императивов «антропологической прагматики» [Кант, 1996] и практических следствий для для него (Ч. С. Пирс); способов эвалюации и аппрециации, стратегий адаптации, социального взаимодействия; 2) снятия наиболее значимого в эволюции, в семиотическом континууме, выведения опыта концептуализации самого значимого в «мир вечности»; 3) динамического (герменевтического, фрактального, синергийного) процесса преодоления, упорядочения ситуации «между», ситуации «стыка» – ситуации когнитивной неопределенности, путём дискурсивной самоидентификации с опорой на уже освоенное, интериоризированное значимое. Назначение актуальной субъектно обусловленной концептуализации – устанавливать отношение

между миром внешним и миром внутренним, назначение оценочной концептуализации особо значимого или самого значимого (ценностного) – вводить регламенты конструирования бытия [Ильин, 2005, с. 203], формировать целеполагания, установки и ожидания в моделях базовых оппозиций Когито (Я – Мир > Другие; Я – не Я > Я – Ты > Я – Мы; Я – Он; Я – Они).

Сущность высказывания данного способа реализации когниции состоит в том, что оно открывает интерпретативную перспективу высказывания в ориентации на сущностное, должное, желаемое, имплицирует план понимания в его установках, стратегиях, целях, последствиях и ожидании, в отличие от высказывания утверждения о факте, которое такую перспективу не предусматривает и закрывает (Ср.: *дважды два – четыре / То, что дважды два – четыре, не аксиома: данное равенство релевантно только для эвклидовой математики; Но это же просто, как дважды два-четыре; Дважды два – четыре, а это уже сила и т. д.)*. Дискурс, являясь размышлением, структурированием актуально особо значимого, возводит к идентификации сущностного значения в параметрах «плана», программы, перебора вариантов интерпретации в поиске выхода – конструирования наиболее релевантной структуры размышления – аттрактора в ассоциативных ментальных пространствах веры, верований, убеждений [Fauconnier, Turner, 1998]. Со стороны говорящего дискурс, конструируя некоторый альтернативный возможный мир [Степанов, 1995], конструирует одновременно его поляризованность по высказываемому сущностному основанию. Например, предвыборный плакат одного из кандидатов в президенты РФ *«Молодость. Смелость. Голосуйте за X»* навязывает видение других кандидатов по предложенному основанию как старых, дряхлых, трусливых – недостойных, распространяя данную поляризацию в целом на актуальную картину мира. Моделируемая таким образом онтологическая ситуация оценивания эксплицитно представлена или инференциально восстанавливается в концептуальной системе коммуникантов как на уровне феноменологическом, в ценностном измерении языка, так и на уровне актуальном, в реализации дискурса.

Ценностное измерение представляет собой холистически-модульную интерпретативно-проецирующую сеть когнитивной системы человека и обеспечивает в этом качестве целостность картины мира [Карасик, 2002]. В лингвистике накоплен значительный опыт его моделирования. В рамках данной статьи отметим наиболее значимые из них: модели аксиосферы как глубинного измерения концептосферы, аксиосистем языка с единицей – аксиологемой, включающих тезаурус ценностей и грамматику ценностного отношения, схему, сценарии, инструментарий реализации, типы оценочных значений по сферам их бытования [Арутюнова, 1988; Вольф, 2002]. В этнокогнитивном плане

аксиосистемы моделируются в виде констант словаря культуры [Степанов, 1997], модели кода [Телия, 1996], установок и ментальных программ культуры [Hofstede, 1980] и др. Проективная интерпретация представлена в моделях «открытого произведения» [Эко, 2006]; развиваются модели фрактала, ризомы и базового ресурса воздействия в коммуникации, в частности, в моделях «стратегических коммуникаций» или модели «моральности» коммуникативного действия в межперсональной интеракции [Хабермас, 2000].

Взаимосвязанными проекциями ценностного измерения языка на реализацию дискурса в коммуникации являются проекции ожидания, событийности и эффективности дискурса, прослеживаемые в целом в траектории реализации дискурсивизации [Плотникова, Серебренникова, 2013]. Проекция ожидания от дискурса задаётся проблемно осмысляемой ситуацией коммуникации и усиливается статусом говорящего. В исходной точке дискурсивизации отражается эмпатия говорящего в концептуализации дискурсного топика, определяющая его позицию – точку зрения, имплицирующую аксиологические установки и интенции, проецируемые на стратегии валоризации/девалоризации актуально особо значимого, способы аргументации и финализацию дискурса. Высказываемая дискурсивная позиция определяет её позиционирование в конкурентном коммуникативном пространстве по отношению к другим позициям в отношении согласия, доминации или антагонизма, достигаемых на уровне вывода из интепретативной перспективы высказывания в ожидаемой точке завершения – дестинации дискурса. Эффективная аксиологическая параметризация дискурса способствует событийности дискурса. Индикатором эффективности дискурса является его аттрактивность. Под аттракторами понимаются лингвокогнитивные механизмы и средства их реализации, упорядочивающие ситуацию когнитивной неопределенности в динамике её интерпретативной перспективы. В социальном медиапространстве эффективными можно считать аттракторы, которые синергийно порождают переживание и вызывают направленное реагирование, создают некий «тоннель» для размышления и понимания. К данному ряду отнесём монополизацию (дискурсивный «захват») аксиологемы из сферы «разделенного» знания; стягивание к аксиологеме – аллюзивно насыщенному концепту; конструирование нового целевого концепта, способного упорядочить актуальную ситуацию когнитивной неопределенности с опорой на освоенное коллективное и индивидуальное ценностное. Аттрактивны механизмы, структурирующие слом инерционной семиотизации смысла и необходимость самоопределения: приёмы интенсификации контекста высказывания; сталкивание ценности и антиценности, подмена ценности антиценностью, вопрошание, проблемизация дискурсного топика и введение его в актуально значимые оппозиции; конструирование коорди-

нат «квазидиалога» в публичной коммуникации, персонализация высказывания, валоризирующая личностный статус интерпретаторов, дискурсивизация в координатах контраста, концептуальной метафоризации, парадокса; создание комического или иронического эффектов, эффекта «перформанса», способствующих высвечиванию скрытого «сущностного» в интенсивной интерпретации. Одной их характеристик современного медиадискурса является ориентация не на установление «истинностного» смысла и его валидация в социальной коммуникации, но на конструирование «своего», целевого адресата по линии ценностной оппозиции «Я – Мы / Они», приспособление адресата к смыслу, а не наоборот. К особо актуальным аспектам проблемы аксиологической параметризации дискурса следует отнести проблему ценностных оснований событийности дискурса в социальном мире.

Литература

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М. : Наука, 1988.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Едиториал УРСС, 2002.

Ильин В. В. Аксиология. М. : Изд-во МГУ, 2005.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч.: в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. По изд. 1798 г.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002.

Плотникова С. Н., Серебренникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестн. Иркут. гос. лингв. ун-та. 2013. № 1 (22). С. 183–189.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности. М. : РГГУ, 1995.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Яз. рус. культуры, 1997.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. славян. культуры, 1996.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : пер. с нем. / под ред. Д. В. Скляднева. СПб. : Наука, 2000.

Эко У. Открытое произведение. СПб. : Симпозиум, 2006.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive science. 1998. Vol. 22, N 2. P. 87–94.

Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, London, 1980.

Vikoulova L. Sérebrennikova E. Vers le conceptuel dans l'évolution du mot : lexème *valeur* // Cahiers franco-russes de linguistique et de didactique. Enseignements et apprentissage du français et du russe langues étrangères: parcours linguistiques et didactiques. Albi : Fraction, 2014. P. 83–90

УДК 81`26

И. А. Якоба

Ценностные основания моделирования выступления Ш. де Голля «Воззвание к французам»

Аннотация. Ставится вопрос о моделировании политического дискурса с точки зрения аксиологической настройки дискурса, разрабатываемой в русле проблемы достижения эффективности дискурса в коммуникации. Сконструирована когнитивная модель политического дискурса Шарля де Голля на материале значимого публичного выступления по критерию эффективности. В результате исследования определены основные параметры модели: индивидуальный стиль, придание диалогичности дискурсу, модализация, валоризация, фокусирование, опора на культурный код, персональная ответственность, синергизм, проецирование когнитивного сценария от настоящего к будущему. Определены дискурсивные силы и лингвокогнитивные механизмы настройки эффективного дискурса.

Ключевые слова: аксиологичность дискурса, моделирование дискурса, силы дискурса, лингвокогнитивные механизмы, Ш. де Голль.

I. A. Iakoba

Valuable reasons for Ch. de Golle "Appeal to the French" speech modeling

Abstract. The article raises the question of political discourse modelling according to axiological discourse tuning, that is developed in the course of the problem of achieving the effectiveness in communication. Ch. de Golles political discourse model is constructed on the criterion of effectiveness. Relevant public speech is used as an example. As a result of the study, the research shows the main model parameters: attractive individual style, dialogic discourse, modalization, valorization, focusing, culture code base, personal trust, synergism, "present – future" cognitive scenario mapping. The discourse powers and linguocognitive mechanisms of effective discourse tunning are determined.

Keywords*:* discourse axiologiness, discourse modelling, discourse powers, linguocognitive mechanisms, Ch. de Golle.

Целью статьи является аксиологическое измерение и моделирование политического дискурса Ш. де Голля. Аксиометрия и когнитивное моделирование осуществляются на основе общей методологии дискурс-анализа в динамическом подходе к его реализации, а также с использованием контент-анализа, интерпретативного анализа. Материалом для анализа послужил текст выступления Ш. де Голля «Воззвание генерала де Голля к французам» от 18 июня 1940 г., отобранный по критерию эффективности, взятый в оригинале на французском языке [Les Discours Du Général De Gaulle]. Гипотезой исследования послужило убеждение, что интерпретативная медийная реальность, набрасывая сетку оценивания на концептуализацию в дискурсивных формациях, поляризует данное дискурсивное пространство и регулирует степень его воздействия посредством лингвокогнитивных механизмов и дискурсивных сил. Возникает вопрос, каким образом можно смоделировать эффективный политический дискурс в медийном пространстве, какие ценности лежат в его основе.

Основой для исследования аксиологизации политического дискурса является уже имеющийся опыт разработки в языке проблемы измерения дискурса с позиции ценностных отношений актантов коммуни-

кации к смыслу сообщения. Лингвоаксиологический анализ может как совмещать концептуальный анализ (В. И. Карасик), выявлять этносемиометрию ценностных смыслов (Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова), так и выделять новые термины: аксиологическую систему и ее единицу – аксиологему (Н. Н. Казыдуб), аксиологические стратегии (А. Н. Баранов), разные типы оценок, валоризацию и пр. (см. подробнее [Серебренникова, 2017, с. 36–39]). Важность аксиологического измерения для лингвистических исследований подтверждается принципом значимости как оператором восприятия, концептуализации и легатимации высказывания, обосновывающего каузативную подчиненность означивания и обозначения [Серебренникова, 2015а, с. 84]. Также уже доказано, что имеющиеся у индивида знания и оценки, разделенные в определенной мере с другими индивидами в координатах единого лингвокультурного сообщества, выступают в роли своего рода оценочных «фильтров» семиозиса, интерпретационного фонда импликаций *ad hoc* и порождаемого моделирования реальности [Серебренникова, 2013, с. 13]. Следовательно, аксиометрия может способствовать как интерпретации дискурса, так и его конструированию и моделированию для достижения искомой эффективности.

Проблема достижения эффективности дискурса является одним из интенсивно разрабатываемых направлений теории речевого воздействия и дискурсологии в связи с понятием его «власти» (Т. ван Дейк) и использования различного типа «сил» воздействия (Дж. Най) в коммуникации, что способствует развитию технологизации дискурса [Плотникова, 2011] и актуализирует «энергийную» (в терминах В. фон Гумбольдта) концепцию настройки дискурса в динамическом подходе к его реализации. Концепция «Умной настройки» дискурса, изложенная в работах [Якоба, 2017, 2016], основывается на трактовке когнитивно-коммуникативного пространства как пространства интеллектуального, структурирование смысла в котором имеет синергийный характер, придающий тексту/дискурсу аттрактивность. Аттрактивность дискурса зависит от эффективности сил воздействия, управляющих ситуацией коммуникации. Одним из составляющих объекта анализа в этом плане являются тексты/дискурсы, получившие признание в качестве эффективных. К их числу относятся тексты публичных выступлений Шарля де Голля, выдающегося французского политика, отличающиеся ясной стратегичностью и концептуальной насыщенностью.

Попробуем привести измерение ценностных отношений к критерию «умной» аксиологизации дискурса, что является актуальным, теоретически новым и продуктивным. Проведем когнитивное моделирование первой публичной речи де Голля, прозвучавшей 18 июня 1940 г. на волнах радиостанции «Би-би-си», в которой проявилось его ораторское мастерство, умение не только привлечь внимание, поверить в

успех, но и повести за собой. Сенсационное выступление Шарля де Голля способствовало небывалому росту его авторитета – цели, добиться которой было чрезвычайно важно в условиях сложившейся ситуации. Будущий лидер Сопротивления смог талантливо употребить силу звучащего слова для безошибочного результата [Макарова, 2016]. Шарль де Голль умел воздействовать на массы, хотя он был в первую очередь опытный военный, но прекрасно разбирался в человеческой природе, поэтому его выступления привлекли внимание, стали популярными среди французов, заставили поверить в его предложения бороться и привели к заданному оратором результатату. Последовательно в хронологическом порядке проанализируем высказывания де Голля, чтобы выявить дискурсивные силы и механизмы, способствующие эффективности речи оратора. Обобщим данные, чтобы продемонстрировать, как лингвокогнитивные параметры, которые конструируют дискурс, эффективно его настраивают.

Де Голль начинает свою речь с описания текущего положения дел: (1) *Les chefs qui, depuis de nombreuses années, sont à la tête des armées françaises, ont formé un gouvernement. Ce gouvernement, alléguant la défaite de nos armées, s'est mis en rapport avec l'ennemi pour cesser le combat.* Композиционная стройность, отсутствие обращения и лаконичность выражения темы выступления способствуют акцентированию внимания на главном, что выявляет аттрактивность индивидуального стиля оратора.

Придание диалогичности дискурсу происходит посредством введения приема обобщения, вербализованного местоимениями первого лица множественного числа, общим числом 9. Диалогичность интуитивно сближает оратора с аудиторией и актуализирует лингвокогнитивный механизм позиционирования: единение с целью заручиться поддержкой народа, пробудить национальную гордость: (2) *nous avons été; nous sommes; nous ont vaincus peuvent faire venir un jour la victoire; nous pourrons vaincre dans l'avenir.*

Модализация выступления происходит посредством модальных операторов, передающих чувство уверенности, способности достичь желаемого, всего 10 случаев: (3) *certes; peuvent faire venir un jour la victoire; elle peut faire bloc; nous pourrons vaincre.*

Валоризация создается за счёт эффекта фактографической точности, расширенного перечисления действий, явлений и свойств, что необходимо для того, чтобы внушить слушателям доверие: (4) *Ce sont les chars, les avions, la tactique des Allemands; nous avons été, nous sommes, submergés par la force mécanique, terrestre et aérienne, de l'ennemi.*

Фокусирование внимание на деталях, противопоставление усиливают воздействующий эффект. Де Голль понимал, что слушатель обратит внимание на то, на чем он сделает акцент: (5) *Les mêmes moyens qui*

nous ont vaincus peuvent faire venir un jour la victoire. Ш. де Голль обещает французам победу и заставляет поверить в силу своих слов относительно ближайшего будущего, апеллируя к недавнему прошлому [Макарова, 2016].

Опора на культурный код, гражданственный пафос, который обрамляет весь идейно-тематический пласт обращений, выражены лозунгом, повторяемым трижды: (6) *Car la France n'est pas seule! Elle n'est pas seule! Elle n'est pas seule!* Патриотизм усиливается развитием чувства единения со своим народом; поддержка союзных государств и народов высказывается как сильный аргумент позиции говорящего, что создается посредством активизации механизма позиционирования – объединения: (7) *Elle a un vaste Empire derrière elle. Elle peut faire bloc avec l'Empire britannique qui tient la mer et continue la lutte. Elle peut, comme l'Angleterre, utiliser sans limites l'immense industrie des Etats-Unis*.

Персональная ответственность и личная заинтересованность в свободе и счастье французского народа как отличительная черта военных обращений генерала являются проявлением мягкой силы и обладают выраженным воздействующим эффектом. Обещание от первого лица, характерный «клятвенный» оборот встречается и в других выступлениях оратора: (8) *Moi, Général de Gaulle*. Используя этот прием, де Голль смог обратить в свою пользу французов в тяжелые годы войны и упадка, когда французское общество нуждалось в сильном, решительном лидере.

Призыв как одна из эффективных форм мягкой силы дважды звучит в конце речи: (8) *...j'invite les officiers et les soldats français qui se trouvent en territoire britannique ou qui viendraient à s'y trouver, avec leurs armes ou sans leurs armes, j'invite les ingénieurs et les ouvriers spécialistes des industries d'armement qui se trouvent en territoire britannique ou qui viendraient à s'y trouver...* Приём «обратной связи» подчёркивает постоянный контакт со всеми слушателями вместе и с каждым в отдельности: (9) *j'invite les officiers et les soldats français <...> j'invite les ingénieurs et les ouvriers spécialistes des industries d'armement <...> à se mettre en rapport avec moi.* Наложение призыва и приема «обратной связи» в одном предложении способствует синергизму, что характерно при активации умной силы дискурса.

Проецирование когнитивного сценария от настоящего к будущему происходит посредством активизации лингвокогнитивного механизма имажинеринга, метафоричности и моделирует позитивное будущее: (10) *Quoi qu'il arrive, la flamme de la résistance française ne doit pas s'éteindre et ne s'éteindra pas*. Образ полыхающей, мощной силы, созданный де Голлем, должен был обрести надёжную опору, и генерал получил её незамедлительно. Результатом выступлений де Голля по британскому радио стал подъем национально-освободительного движения во Франции и укрепление личного авторитета генерала [Макаро-

ва, 2016]. Обещание, данное в конце выступления, усиливает чувство надежности и ответственности оратора: (11) *Demain, comme aujourd'hui, je parlerai à la Radio de Londres*.

В результате анализа смоделируем выступление оратора, обобщив когнитивно-дискурсивные средства, определяющие аттрактивность дискурса Шарля де Голля в ситуации войны, характеризующиеся высокой степенью неопределенности, риска и опасности для коллективного сознания французов – публичного массового адресата оратора.

Модель «Умной настройки» дискурса Ш. де Голля

Индивидуальный стиль → придание диалогичности дискурсу → модализация → валоризация → фокусирование → опора на культурный код → персональная ответственность → синергизм → проецирование когнитивного сценария от настоящего к будущему.

Таким образом, потенциал аксиологической настройки дискурса раскрывается в управлении дискурсом при помощи дискурсивных сил, параметров и лингвокогнитивных механизмов для достижения эффективности дискурса, т. е. целенаправленном моделировании процесса коммуникации, его контроле посредством активации определенных механизмов, которые структурируют дискурс. Синергийный эффект использования рассмотренных выше когнитивно-дискурсивных средств позволил прийти к выводу о возможностях использования настройки дискурса как технологичного инструмента конструирования оптимального результата кратчайшим путем. Выявленные характеристики политического дискурса Ш. де Голля и созданная модель его публичного выступления выявляют инструментарий настройки дискурса и способствуют накоплению данных для технологичного конструирования успешных дискурсов в эффективной коммуникации.

Литература

Макарова М. А. Ораторская и публицистическая деятельность Шарля де Голля [Электронный ресурс] : реферат. М., 2016. URL: http://vernsky.ru/pubs/6829/Oratorskaya_i_publitsisticheskaya_deyatelnost_Sharlya_de_Gollya?view_mode=text.

Плотникова С. Н. Технологизация дискурса в современном обществе : кол. моногр. / под ред. С. Н. Плотниковой. Иркутск : ИГЛУ, 2011. 320 с.

Серебренникова Е. Ф. Аксиологическая параметризация социального дискурса // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Иркутск, 2013. № 3(24). С. 13–18.

Серебренникова Е. Ф. Аксиологические аспекты реализации дискурсивной позиции как точки зрения // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 3 (714). С. 84–93.

Серебренникова Е. Ф. Текст и дискурс: на пути к формированию методологии и инструментария лингвоаксиологического анализа // Текст: дискурсивное проявление и коммуникативная практика : сб. науч. ст., посвящ. юбилею Л. Г. Викуловой / под общ. ред. Е. Г. Таревой ; Моск. гор. пед. ун-т. М., 2017. С. 34–45.

Якоба И. А. Власть дискурса: моделирование дискурсивного взаимодействия : монография. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2016. 242 с.

Якоба И. А. Лингвокогнитивные параметры дискурса в технологии «Умная настройка» : монография. Иркутск : Изд-во ИРНИТУ, 2017. 189 с.

Les Discours Du Général De Gaulle [Электронный ресурс]. URL: http://archives.charles-de-gaulle.org/pages/l-homme/accueil/discours/discours-au-monde-1958-1969.php (дата обращения 13.10.17).

Наши авторы

Абдулова Ирина Тагировна, сотрудник Центра независимых социальных исследований, г. Иркутск.

Агеева Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей №2 Иркутского национального исследовательского технического университета.

Амзаракова Ирина Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной лингвистики и теории языка Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова», г. Абакан.

Арская Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, и. о. заведующего кафедрой русского языка как иностранного ИФИЯМ ИГУ.

Белякова Ирина Александровна, старший преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Бессчастная Анастасия Михайловна, ст.преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Богданова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им.М.В. Ломоносова, Москва.

Бугланова Людмила Спиридоновна, учитель русского языка и литературы Новонукутской средней общеобразовательной школы.

Булатова Светлана Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Бухарова Евгения Васильевна, старший научный сотрудник ФГБУ «Объединенная дирекция Баргузинского государственного природного биосферного заповедника и Забайкальского национального парка» («Заповедное Подлеморье»).

Бушев Александр Борисович, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета.

Васильева Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Вебер Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Ведерникова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Галанцова Мария Сергеевна, начальник МКУ Методический центр управления образования Балаганского района Иркутской области.

Гимельштейн Александр Владимирович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Гола Вероника, студент философского факультета Института славистики Университета Кристиана Альбрехта, г. Киль, Германия.

Голышкина Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, декан факультета повышения квалификации Новосибирского государственного технического университета.

Горбунова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Григорьева Марина Борисовна, старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций Института иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Дёмина Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Дмитриева Ольга Александровна, профессор кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного социально-педагогического университета, г. Волгоград.

Загидуллина Марина Викторовна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Иванова Валентина Яковлевна, научный сотрудник Экспозиционного отдела «Музей В.Г.Распутина» Иркутского областного краеведческого музея, кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы ИФИЯМ ИГУ.

Иванова Раиса Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Политехнического института (филиала) Северо-Восточного федерального университета им. М.К.Аммосова» в г. Мирном, Республика Саха (Якутия).

Ивкина Елена Николаевна, доцент кафедры романо-германской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Ильина Мария Владимировна, старший преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Казьмерчак Марта Малгожата, доцент Института прикладной лингвистики Варшавского университета, Польша.

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета, г. Краснодар.

Кокина Ксения Викторовна, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Колокольников Иван Арсеньевич, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Кузнецова Лариса Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Кузьминых Ксения, научный сотрудник Института славянской филологии Университета Георга-Августа, Гёттинген, Германия.

Кузьмищева Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Куклина Светлана Леонидовна, старший преподаватель кафедры почвоведения и оценки земельных ресурсов биолого-почвенного факультета ИГУ.

Куницына Евгения Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и переводоведения факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Куртаева Мария Олеговна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Лац Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ

Лисаускене Мария Вадимовна, кандидат философских наук, доцент кафедры новейшей русской литературы факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Лисицина Яна Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Литвиненко Вера Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков с курсами латинского языка и рус-

ского как иностранного Иркутского государственного медицинского университета.

Литвинцев Вадим Леонидович, старший преподаватель кафедры иностранных языков для неязыковых направлений подготовки ИФИЯМ ИГУ.

Лохов Сергей Николаевич, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Лысцова Юлия Александровна, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ

Малова Наталья Стефановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков для неязыковых направлений подготовки ИФИЯМ ИГУ.

Мамедов Ахмед Алипашевич, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Медведева Елена Анатольевна, ассистент Академического департамента английского языка Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

Минаева Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой международной коммуникации факультета мировой политики МГУ им.М.В.Ломоносова, Москва.

Миронова Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М.В.Ломоносова.

Морева Надежда Семёновна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета, Владивосток.

Огородникова Екатерина Алексеевна, магистрант 1 курса, кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского федерального университета, г. Екатеринбург.

Писанова Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета и кафедры теории регионоведения ИМО и СПН Московского государственного лингвистического университета.

Плотникова Светлана Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Попель-Махницки Вавжинец, доктор филологических наук, профессор университета им. Адама Мицкевича, заведующий кафедрой русской литературы, заместитель директора по науке Института рус-

ской и украинской филологии Университета им. Адама Мицкевича в Познани, Польша.

Попова Дарья Александровна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Попова Тамара Павловна, соискатель степени кандидата филологических наук кафедры истории русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор художественно-публицистического альманаха «Радуга» народного литературного клуба города Лесосибирска Красноярского края, член Союза журналистов России.

Разумовская Вероника Адольфовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры делового иностранного языка Сибирского федерального университета, г. Красноярск.

Рачёва Александра Андреевна, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Романцова Татьяна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Ронина Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Омского государственного университета им. Ф.М.Достоевского.

Ружникова Мария Леонидовна, старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Селютин Андрей Анатольевич, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.

Семёнова Виктория Ильинична, кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятской филологии факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Семёнова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Серебренникова Евгения Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Ситарски Анджей, доктор филологических наук, профессор, директор Института русской и украинской филологии университета им. Адама Мицкевича в Познани, Польша.

Смирнов Сергей Ростиславович, доктор филологических наук, профессор кафедры новейшей русской литературы факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ

Соловьёва Наталья Сергеевна, доцент кафедры английского языка Института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова.

Сологуб Галина Юрьевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного университета путей сообщения, Хабаровск.

Сорокопуд Лариса Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Стрельчук Елена Николаевна, доктор педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва.

Тагарова Татьяна Бороевна, доктор филологических наук, профессор кафедры бурятской филологии факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Ташлыкова Марина Борисовна, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания, директор Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ

Толстова Дарья Андреевна, ассистент кафедры ибероамериканской филологии и коммуникативистики Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.

Топка Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков ИФИЯМ ИГУ.

Урванцев Глеб Васильевич, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета.

Халхарова Лариса Цымжитовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры бурятской и эвенкийской филологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Хусаинова Гульнур Равиловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом фольклористики Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г.Уфа.

Цай Вэй, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Чекмез Ульяна Эдуардовна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Чередниченко Ирина Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Чернобровкина Елена Павловна, кандидат социологических наук, доцент кафедры английского языка и лингводидактики Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Шаракшинова Елена Константиновна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой бурятской филологии факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Шарафутдинова Олеся Ильясовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета.

Шинкарёва Антонина Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Шишпарёнок Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ.

Щурик Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой перевода и переводоведения ИФИЯМ ИГУ.

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа.

Якоба Ирина Александровна, доцент кафедры иностранных языков для технических специальностей №1 Института лингвистики и межкультурной коммуникации Иркутского национального исследовательского технического университета.

Научное издание

Пространства коммуникации: язык, литература, медиа

ISBN 978-5-9624-1640-3

Редакторы: Э. А. Невзорова, В. В. Попова

Темплан 2018. Поз. 110
Подписано в печать 14.11.2018. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. 38,1. Усл.-печ. л. 36,3. Тираж 300 экз. Заказ 144

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124